

Г. Р. ХАГГАРД

Annotation

В десятый том Собрания сочинений известного английского романиста Генри Райдера Хаггарда (1856-1925) входят романы «Она» и «Возвращение Айши», а также рассказ «Черное Сердце и Белое Сердце».

-

-
- [ОНА](#)
- [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
- [Глава I. Ночной посетитель](#)
- [Глава II. По прошествии многих лет](#)
- [Глава III. Черепок вазы](#)
- [Глава IV. Шквал](#)
- [Глава V. Голова эфиопа](#)
- [Глава VI. Раннехристианский обряд](#)
- [Глава VII. Устане поет](#)
- [Глава VIII. Пиршество и наше спасение](#)
- [Глава IX. Маленькая ножка](#)
- [Глава X. Размышления](#)
- [Глава XI. Равнина Кор](#)
- [Глава XII. Она](#)
- [Глава XIII. Айша открывает лицо](#)
- [Глава XIV. Душа в адском пламени](#)
- [Глава XV. Айша выносит приговор](#)
- [Глава XVI. Усыпальница Кора](#)
- [Глава XVII. Чаши весов колеблются](#)
- [Глава XVIII. Уходи, женщина!](#)
- [Глава XIX. Приведите черную козу!](#)
- [Глава XX. Триумф](#)
- [Глава XXI. Живой встречается с мертвым](#)
- [Глава XXII. Предчувствие Джоба](#)
- [Глава XXIII. Святылище Истины](#)
- [Глава XXIV. Над бездной](#)
- [Глава XXV. Дух Жизни](#)
- [Глава XXVI. Что мы увидели](#)
- [Глава XXVII. Мы прыгаем](#)

- [Глава XXVIII. Переход через гору](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ АЙШИ](#)
 - [АЙША](#)
 - [Глава II. Монастырь](#)
 - [Глава III. Путеводный свет](#)
 - [Глава IV. Снежный обвал](#)
 - [Глава V. Ледник](#)
 - [Глава VI. В доме над воротами](#)
 - [Глава VII. Первое испытание](#)
 - [Глава VIII. Псы-палачи](#)
 - [Глава IX. При дворе Калуна](#)
 - [Глава X. В комнате Шамана](#)
 - [Глава XI. Охота и убийство](#)
 - [Глава XII. Посланница](#)
 - [Глава XIII. Под сенью крыл](#)
 - [Глава XIV. Судилище](#)
 - [Глава XV. Второе испытание](#)
 - [Глава XVI. Преображение](#)
 - [Глава XVII. Обручение](#)
 - [Глава XVIII. Третье испытание](#)
 - [Глава XIX. Лео и снежный барс](#)
 - [Глава XX. Алхимическая лаборатория Айши](#)
 - [Глава XXI. Пророчество Атене](#)
 - [Глава XXII. Буйство освобожденных стихий](#)
 - [Глава XXIII. Вынужденное согласие Айши](#)
 - [Глава XXIV. Смерть Айши](#)
 - [ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ СЕРДЦЕ](#)
 - [Глава II. Пчела пророчествует](#)
 - [Глава III. Конец охоты](#)
 - [Глава IV. Нанеа](#)
 - [Глава V. Котловина Смерти](#)
 - [Глава VI. Призрак](#)
-

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1993

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

том

10

Она

Возвращение Айши

Черное Сердце
и
Белое Сердце

МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1993

Она

ОНА

*На земле, в небесах, в океанской бездне
Несчетно чудес, лишь очи отверзни.*

*Двустилище с черепка вазы, принадлежавшей
Аменартас*

ВСТУПЛЕНИЕ

Выпуская в свет это повествование о самых, может быть, поразительных и таинственных приключениях (даже если смотреть на них просто как на приключения), когда-либо пережитых смертными, я считаю своим долгом объяснить, каким образом рукопись очутилась в моем распоряжении.

Несколько лет назад я, издатель, гостил у своего приятеля — «vir doctissimus et amicus meus» — в университете — по некоторым соображениям назову его Кембриджским. Однажды на улице мое внимание привлекли двое джентльменов, которые рука об руку шли нам навстречу. Один из них был молодой человек, совершенно исключительной красоты — очень высокий и широкоплечий, с властным взглядом и естественной, как у дикого оленя, грацией движений. Черты его лица были почти безупречны, к тому же в них чувствовалось врожденное благородство, а когда он поднял шляпу, приветствуя проходящую леди, я увидел, что у него короткие кудрявые волосы ярко-золотого цвета.

— Господи! — воскликнул я, обращаясь к своему другу. — Этот малый похож на ожившую статую Аполлона. Какое великолепное сложение!

— Да, — ответил он, — у нас в университете его считают первым красавцем, даже прозвали Греческим Богом, притом он очень приятен в обращении. Но погляди на его спутника — это опекун Лео Винси (так зовут Греческого Бога), человек очень сведущий и эрудированный. Прозвище его — Харон.

Последовав его совету, я убедился, что второй джентльмен в своем роде ничуть не менее примечателен, чем тот превосходный экземпляр рода человеческого, который шел с ним рядом. Человек уже немолодой, около сорока, он был столь же безобразен, сколь первый красив. Приземистый, кривоногий, с огромной грудью и несоразмерно длинными ручищами. Глаза — маленькие, лоб весь зарос темными волосами, лицо почти скрыто густыми бакенбардами. Не будь у него такого доброго, искреннего взгляда, он, пожалуй, мог бы сойти за гориллу. Помнится, я сказал другу, что хотел бы с ним познакомиться.

— Нет ничего проще, — ответил тот. — Я знаком с Винси, могу тебя представить.

Несколько минут мы оживленно болтали — кажется, о зулусах, потому

что незадолго перед тем я вернулся из Южной Африки. Вскоре, однако, появилась дородная дама — ее имя выскользнуло у меня из памяти — вместе с хорошенькой блондиночкой. Обе они принадлежали к кругу знакомых мистера Винси, и он тут же примкнул к их обществу. Забавно было наблюдать, как перекосилось лицо пожилого джентльмена — его звали Холли — при появлении женщин. Он резко оборвал разговор, укоризненно посмотрел на своего спутника, кивнул мне головой в знак прощания и ушел. Позднее мне довелось слышать, что он питает такой же непреодолимый страх перед женщинами, как большинство людей перед бешеными собаками, чем и объяснялась его поспешная ретирада. Не могу, правда, сказать, чтобы молодой Винси разделял подобное отвращение к женскому полу. Я со смехом заметил приятелю, что этот молодой человек не из тех, с кем следует знакомить свою невесту: слишком уж он привлекателен, тем более что в нем нет и следа чувства превосходства, тщеславия, свойственного обычно людям красивым, которое отталкивает от них окружающих.

В тот же вечер я уехал и долгое время не слышал ничего ни о Хароне, ни о Греческом Боге. И не только ничего не слышал, но и по сей день не видел их самих, да и вряд ли увижу. Но месяц назад я получил письмо и две бандероли, в одной из которых оказалась какая-то рукопись. Письмо, подписанное еще незнакомым мне тогда полным именем — Хорейс Холли, гласило:

...колледж, Кембридж, 1 мая 18... г.

Дорогой сэр,

Вы, видимо, будете удивлены, получив от меня письмо, ведь Вы, конечно, обо мне забыли. Разрешите напомнить Вам, что мы встречались пять лет назад в Кембридже. Вам представляли меня вместе с моим подопечным Лео Винси. Перехожу сразу к делу. Недавно я с большим интересом прочитал Вашу книгу, описывающую приключения, происходящие в Центральной Африке. В этой книге, насколько я могу судить, реальные события переплетаются с вымышленными. Как бы там ни было, ее чтение натолкнуло меня на одну мысль. Как Вы узнаете из прилагаемой рукописи (я отправляю ее вместе со скарабеем — «Царственным сыном Солнца» — и черепком древней вазы), мы вместе с моим подопечным, вернее, приемным сыном, Лео Винси пережили недавно в Африке приключения, столь удивительные по сравнению с Вашими, что я даже опасаюсь, как бы вы не усомнились в правдивости моего

повествования. Как Вы заметите, мы с Лео не хотели при жизни предавать гласности историю наших приключений. И если бы не одно недавно возникшее обстоятельство, наше общее решение осталось бы неизменным. Побуждаемые причинами, которые Вы сможете угадать по прочтении рукописи, мы отправляемся в Центральную Азию; если и есть на земле место, где можно обрести высшую мудрость, то оно там. Мы предполагаем, что путешествие окажете я очень длительным. Сомнительно, что мы вообще вернемся. При таких условиях мы снова вынуждены задаться вопросом: правильно ли поступаем, скрывая от мира феномен, представляющий поистине беспрецедентный интерес, только потому, что не хотим выставлять напоказ свою частную жизнь, а также и потому, что опасаемся встретить насмешки и недоверие? Тут наши с Лео взгляды разошлись, и после долгих споров мы пришли к компромиссному решению, а именно, послать повествование вам, предоставив полное право опубликовать его в случае, если Вы сочтете это целесообразным. Единственное условие, которое мы ставим, — скрыть наши подлинные имена и опустить все, что может на нас указать, конечно, не во вред убедительности нашего повествования.

Что еще добавить к уже сказанному? Честно говоря, не знаю, могу только повторить, что все события описаны в рукописи с неукоснительной точностью. Не могу я раскрыть полнее и образ главной героини — Ее. С каждым днем мы все сильнее сожалеем, что не воспользовались обществом этой замечательной женщины, чтобы получить от нее поистине бесценные сведения. Кто она? Каким образом очутилась в пещерах Кора и какова ее истинная религия? Мы никогда не пытались выяснить это, и вряд ли нам предоставится другая такая возможность. Мой ум осаждают множество подобных вопросов, слишком, к сожалению, запоздалых.

Возьметесь ли Вы за опубликование рукописи? Мы предоставляем Вам полнейшую свободу; наградой Вам послужит уникальная возможность познакомить мир с удивительной историей, которая, как Вы убедитесь, не имеет ничего общего с приключенческими романами, основанными исключительно на вымысле. Прочитайте же рукопись (я перебелил ее для Вас) и сообщите мне о своем решении.

С искренней симпатией

Л. Хорейс Холли

P.S. Если это издание принесет какую-нибудь прибыль, Вы можете располагать ею по своему усмотрению; в случае же, если оно окажется убыточным, Вы можете обратиться к моим нотариусам, господам Джеффри

и Джордану, которые возместят все понесенные Вами расходы. Оставляем также черепок вазы, скарабея и пергаменты, с тем чтобы Вы хранили их до нашего возвращения. — Л. Х. Х.

Это письмо, как легко можно себе представить, сильно меня удивило. В течение двух недель я был слишком занят, чтобы взяться за чтение рукописи. Когда же наконец я принялся за нее, изумлению моему не было пределов. Уверен, что и читатели испытают то же чувство, поэтому я решил поторопиться с опубликованием рукописи. Я тотчас же направил ответ мистеру Холли, но через неделю письмо было возвращено его нотариусами с припиской, что их клиент и мистер Лео Винси отбыли в Тибет и где они сейчас находятся — неизвестно.

Вот и все, что я хотел бы сказать. Само повествование я отдаю на суд читателей. Целиком, как оно есть, за исключением немногочисленных купюр, сделанных с единственной целью, чтобы широкая публика не могла опознать главных действующих лиц. Воздерживаюсь от каких бы то ни было комментариев. Сначала я склонялся к мысли, что все это повествование о женщине, облаченной величием бесчисленных прожитых лет и осененной темным, как ночь, крылом Вечности, не что иное, как развернутая аллегория с ускользающим от меня смыслом. Затем я пришел к выводу, что это — смелая попытка изобразить возможные плоды жизни столь долгой, что ее можно приравнять к бессмертию, жизни женщины, которая черпала свою силу в Земле и в чьей груди бурлили человеческие страсти, как в этом вечном мире бушуют морские волны и ветры, если и затихающие, то лишь для того, чтобы обрести новую силу. Но, продолжая чтение, я отбросил и эту мысль. Я убежден, что повествование отмечено печатью полной достоверности. Поиски же объяснений я оставляю другим. Закончив это небольшое вступление, которого потребовали обстоятельства, я отсылаю читателей к истории Айши, царственной обительницы пещер Кора.

P.S. Когда я перечитывал рукопись, мне пришло в голову одно важное соображение, на которое я не могу не обратить внимания читателей. В характере Лео Винси — думаю, тут со мной согласится большинство читателей — нет ничего, что могло бы привлечь женщину столь мудрую, как Айша. Лично я не вижу в нем ничего особенно интересного. Можно даже себе представить, что при обычных обстоятельствах мистер Холли скорее мог бы добиться ее благосклонности. Сказывалось ли здесь взаимное тяготение противоположностей, или, может быть, превосходство

и великолепии ее рассудка, по какой-то своей извращенной логике, увлекали ее на путь поклонения материальному, плотскому? Этот древний Калликрат, в сущности, лишь великолепное животное, блистающее потомственной греческой красотой. Есть и еще одно, самое правдоподобное объяснение: Айша видела раньше, чем мы все; в душе своего возлюбленного она прозревала тлеющую искру, росток его грядущего величия. Она уповала, что с помощью дара вечной жизни, с помощью мудрости и солнечного света самого своего присутствия сможет взрастить цветок, который наполнит благоуханием весь мир, озарит его звездным сиянием.

И здесь тоже у меня нет готового ответа — пусть читатель ознакомится с событиями, описанными мистером Холли, и сам вынесет свое решение.

Глава I. Ночной посетитель

Бывают в жизни события, каждым своим обстоятельством, каждой сопутствующей подробностью неизгладимо врезающиеся в память. Сцена, которую я собираюсь сейчас описать, может быть неплохой иллюстрацией к этой мысли. Она стоит у меня перед глазами с такой необычной ясностью, как будто произошла лишь накануне.

Двадцать лет назад, в этом же самом месяце, я, Людвиг Хорейс Холли, сидя у себя дома в Кембридже, корпел над — не помню какой — математической задачей. Через неделю я должен был держать экзамен, с тем чтобы занять место в учебном совете, и мой руководитель, как и весь колледж, ждал от меня блистательных результатов. Наконец, в полном изнеможении, я отшвырнул книгу, взял трубку с каминной доски и принялся набивать ее табаком. Тут же на камине стояло длинное узкое зеркало, и при свете свечи я увидел в нем свое отражение — и задумался. Спичка, догорая, обожгла мне пальцы, я выронил ее, но продолжал смотреть в зеркало, все еще в глубокой задумчивости.

— Ну что ж, — произнес я наконец вслух, — я никогда ничего не добьюсь с помощью своей внешности, остается только надеяться на голову.

Может быть, кому-то это замечание покажется не совсем понятным, но я имел в виду вполне определенные недостатки своей наружности. Большинство двадцатидвухлетних мужчин привлекательны хотя бы молодостью, но судьба не послала мне и этого утешения. Представьте себе низкорослого, коренастого мужчину с непомерно широкой грудью, длинными жилистыми руками, глубоко посаженными серыми глазами, низким лбом в густых черных волосах — этот лоб напоминает полузаглохшую лесную делянку, — такова была моя внешность около четверти века назад, такова она, с небольшими изменениями, и поныне. Природа отметила меня каиновой печатью невероятного уродства, и в то же время наградила меня невероятной физической силой и незаурядным умом. Я так чудовищно некрасив, что франтоватые молодые люди из колледжа, хотя и гордятся моей силой и выносливостью, избегают появляться в моем обществе. Удивительно ли, что я рос мрачным мизантропом? Удивительно ли, что я предавался размышлениям и работал в одиночестве, что у меня был один-единственный друг? Сама Природа осудила меня на одиночество, я обретаю утешение лишь на ее — ни на чьей больше — груди. Женщины сторонятся меня. Всего неделю назад одна из них, думая, что я ее не слышу,

назвала меня «чудовищем» и добавила, что я убедил ее в верности теории о происхождении человека от обезьяны. Однажды я встретил женщину, которая притворилась, будто любит меня, я излил на нее свой неизрасходованный запас чувств. И что же? Когда я не получил значительной суммы денег, на которую рассчитывал, она дала мне отставку. Я умолял ее не покидать меня, как никогда не умолял ни одно живое существо, ибо очень дорожил ею, но она подвела меня к зеркалу.

— Меня можно назвать красавицей, — сказала она. — А вот как назвать тебя?

Мне было тогда двадцать лет.

Итак, я стоял и смотрел в зеркало, испытывая мрачное удовлетворение от своего одиночества, — ведь у меня не было ни отца, ни матери, ни брата, — когда кто-то постучал в дверь.

Я не спешил открывать дверь, ибо было уже около двенадцати часов ночи, и я не чувствовал никакого желания разговаривать с каким-либо незнакомцем. В колледже, да и во всем мире у меня был лишь один друг — возможно, это он?

За дверью кашлянули, я сразу же узнал этот кашель и отпер замок.

В комнату торопливо вошел человек лет тридцати с очень красивым, хотя и довольно изможденным лицом. В правой руке он с трудом тащил массивный железный сундучок. Взгромоздив сундучок на стол, он сильно закашлялся. Кашлял долго-долго, пока весь не побагровел. Не в силах стоять, он повалился в кресло и начал харкать кровью. Я плеснул в бокал немного виски и протянул ему. Он выпил, и ему как будто бы полегчало, но не намного.

— Почему ты так долго меня не впускал? — проворчал он. — Эти сквозняки для меня просто смерть!

— Я не знал, что это ты, — объяснил я. — Время-то уже позднее.

— Я думаю, это мое последнее посещение, — ответил он с жуткой гримасой, долженствующей изображать улыбку. — Плохи мои дела, Холли. Очень плохи. Вряд ли я дотяну до завтрашнего утра.

— Глупости! — сказал я. — Сейчас я сбегая за доктором. Повелительным взмахом руки он отклонил мое предложение.

— Я рассуждаю вполне здраво, не надо никаких докторов. Я ведь изучал медицину и знаю о своей болезни все, что следует знать. Ни один доктор не может мне уже помочь. Настал мой последний час! Целый год я живу только чудом... А теперь послушай меня, и как можно внимательнее, потому что у меня не будет возможности повторить то, что я тебе скажу.

Мы дружим уже два года — и что ты обо мне знаешь?

— Я знаю, что ты богат и по какой-то своей причуде поступил в наш колледж в том возрасте, когда почти все другие его заканчивают. Я знаю, что ты был женат, но твоя жена умерла при родах, и что ты мой лучший, можно сказать, единственный друг.

— А знаешь ли ты, что у меня есть сын?

— Нет.

— У меня есть пятилетний мальчик. Он достался мне слишком дорогой ценой, ценой жизни его матери, поэтому я даже не хотел его видеть. Холли! С твоего, разумеется, согласия, я хочу назначить тебя опекуном моего сына.

Я едва не выпрыгнул из кресла.

— Меня?

— Да. Я хорошо изучил тебя за эти два года. С тех пор как я понял, что обречен, я неустанно ищу человека, которому мог бы доверить и мальчика, и вот это... — Он постучал по сундучку. — Никого более подходящего, чем ты, Холли, мне не найти; ты похож на дерево с грубой, шершавой корой, но прочной и здоровой сердцевинкой... Послушай: мой мальчик — единственный потомок одного из самых древних, насколько позволяет проследить генеалогия, родов мира. Рискую вызвать у тебя на губах недоверчивую улыбку, я все же скажу, что моим шестьдесят пятым или шестьдесят шестым предком был египетский жрец Исиды — Калликрат. Его отец — один из наемных греческих воинов Хак-Хора, мендесийского фараона двадцать девятой династии, а его дед, по-видимому, тот самый Калликрат, которого упоминает Геродот. Примерно в триста тридцать девятом году до Рождества Христова, когда пал последний фараон, этот Калликрат (жрец), нарушив обет безбрачия, бежал из Египта с влюбившейся в него принцессой Аменартас; их корабль потерпел крушение у берегов Африки, недалеко от залива Делагоа, точнее, севернее его. Весь экипаж погиб, спаслись только он сам и его жена. Им пришлось претерпеть тяжкие испытания, но в конце концов они нашли приют у могущественной царицы дикого народа, белой женщины необыкновенной красоты; при обстоятельствах, в которые я не хотел бы вдаваться, ибо ты узнаешь их, вскрыв сундучок, эта царица убила нашего предка Калликрата. Его жене, однако, каким-то образом удалось бежать. В конце концов она добралась до Афин и там родила сына, названного ею Тисисфеном, то бишь Мстителем. Через пять с лишним веков ее потомки переехали в Рим. Об этом переезде не сохранилось никаких сведений. Возможно, они все еще не отказались от мысли о мести, воплощенной в самом имени Тисисфен. К

тому времени они, правда, изменили фамилию на Виндекс, с тем же значением — Мститель. В Риме они также прожили около пяти веков. Когда в семьсот семьдесят четвертом году Шарлемань вторгся в Ломбардию, где они тогда обосновались, глава рода примкнул к великому императору, перешел с ним через Альпы и поселился после ряда переездов в Бретани. Через восемь поколений очередной глава рода переехал в Англию, где тогда царствовал Эдуард Исповедник, и во времена Вильгельма Завоевателя сумел достичь высокого положения и власти. С тех пор и вплоть до нынешнего дня наша генеалогия прослеживается без каких бы то ни было перерывов. Нельзя сказать, чтобы фамилия Винси — так она была переделана в Англии — особенно славилась: наши английские предки никогда не достигали самых вершин. Кое-кто служил в войсках, кое-кто занимался торговлей, но они всегда сохраняли достаточный уровень респектабельности, хотя и оставались в строгих рамках посредственности. Со времен Карла Второго и по начало нынешнего столетия они подвизались на поприще торговли и промышленности. Мой дед-пивовар сколотил довольно приличное состояние и в 1790 году отошел от дел. В 1821 году он умер, оставив все свое состояние моему отцу, который промотал значительную его часть. Через десять лет скончался и он, завещав мне пожизненную ренту в две тысячи фунтов ежегодно. Тогда-то, изучив содержимое *вот этого*, — он показал на железный сундучок — я предпринял экспедицию, которая окончилась довольно плачевно. На обратном пути, путешествуя по югу Европы, я остановился в Афинах. Там я встретился со своей будущей женой, которая, как и наш древний предок Калликрат, вполне заслуживала эпитета «Прекрасная». Мы поженились, а через год во время родов она умерла.

Несколько мгновений он сидел молча, подпирая подбородок ладонью, потом продолжал:

— Женитьба помешала мне осуществить до конца свой замысел, а теперь уже слишком поздно. У меня не остается ни дня, Холли, ни дня. Если ты согласишься принять опекунство, ты узнаешь все, до подробностей. После смерти жены я начал готовиться к новой экспедиции. Начать, на мой взгляд, следовало с изучения восточных языков, прежде всего арабского. С этой целью я и поступил в колледж. В скором времени, однако, у меня развилась тяжелая болезнь, и вот я при смерти. — И как бы в подтверждение своих слов он разразился новым приступом кашля.

Я подлил ему виски, и, передохнув, он продолжил:

— Я никогда не видел своего сына Лео со времени его рождения. Это было свыше моих сил. Но говорят, что мальчик он смысленный и красивый.

В этом конверте, — он достал адресованное мне письмо, — хранится план его образования. План этот довольно необычный, и я не могу доверить его осуществление человеку незнакомому. Итак, снова: принимаешь ли ты мое предложение?

— Сперва я должен знать, в чем это предложение состоит, — ответил я.

— Ты должен будешь жить вместе с Лео, пока ему не минет двадцать пять. Запомни: я не хочу, чтобы он ходил в школу, как все прочие дети. В двадцать пятый год его рождения твое опекунство заканчивается; этими вот ключами, — он положил их на стол, — ты откроешь железный сундучок, пусть Лео хорошенько ознакомится со всем, что в нем хранится, и скажет, готов ли он отправиться на поиски. Ничто его, во всяком случае, к этому не обязывает. Теперь об условиях. Мой нынешний доход — две тысячи двести фунтов ежегодно. Половина этого дохода будет выплачиваться тебе пожизненно — если, конечно, ты примешь опекунство, — соответственно твое вознаграждение составит тысячу фунтов, ибо тебе придется посвятить своим обязанностям все силы и время. Сто фунтов пойдет на содержание мальчика. Всю остальную сумму ты будешь откладывать до достижения им двадцати пяти лет, так что если он решит отправиться на поиски, у него будет вполне достаточно для этого.

— А если я умру? — спросил я.

— Тогда обязанности опекуна примет на себя Высокий Суд, а там уж все зависит от самого мальчика. Не забудь только в своем завещании отписать ему сундучок. Не отказывайся, Холли. Поверь мне, ты не будешь внакладе. Ты ведь не рожден, чтобы вращаться в обществе — это только ожесточит твое сердце. Через несколько недель ты станешь членом ученого совета, и твоего жалованья вместе с денежной рентой, которую я тебе оставляю, вполне достаточно, чтобы, по мере желания, заниматься научной работой, посвящая свой досуг спорту, который ты так любишь.

Он смотрел на меня с глубоким беспокойством, но я все еще колебался, не решаясь взвалить на себя такое необычное бремя.

— Умоляю тебя, Холли. Мы были с тобой добрыми друзьями, и у меня уже не остается времени перепоручить мальчика кому-нибудь другому.

— Хорошо, я согласен, — сказал я. — При условии, конечно, что в этом письме не окажется ничего, что могло бы принудить меня переменить свое решение. — И я притронулся к конверту, который он положил на стол рядом с ключами.

— Спасибо тебе, Холли, спасибо. Там нет ничего подобного. Поклянись именем Бога, что заменишь мальчику отца и точно выполнишь

все мои наставления.

— Клянусь! — торжественно провозгласил я.

— Прекрасно. Помни только, что в один прекрасный день я спрошу с тебя за все отчет. Даже умерев, всеми забытый, я буду продолжать жить. Смерти нет, есть только переход, Холли, — в свое время ты в этом убедишься. И я верю, что даже этот переход можно отсрочить — при определенных, конечно, условиях. — Тут его схватил ужасающий приступ кашля.

— Все, — сказал он, — пора уходить. Сундучок у тебя. Завещание, в котором я назначаю тебя опекуном сына, — среди моих бумаг. Ты будешь щедро вознагражден, Холли. Я знаю, ты человек честный, но если ты не оправдаешь моего доверия, клянусь Небом, я не прощу тебе этого! Берегись!

Я был слишком ошеломлен, чтобы хоть что-нибудь ответить. Он поднял свечу и посмотрел в зеркало. Болезнь неузнаваемо изменила его некогда прекрасное лицо.

— Добыча для червей, — произнес он. — Странно подумать, что через несколько часов я обращусь в холодное неподвижное тело — путешествие подошло к концу, игра сыграна. Послушай, Холли, если и стоит жить, то только ради любви. В этом я убедился по опыту собственной жизни. Но мой сын Лео, если у него достанет смелости и веры, должен быть счастлив. Прощай, мой друг! — И с неожиданным приливом нежности он обнял меня одной рукой и поцеловал в лоб.

— Погоди, Винси, — сказал я, — если ты и в самом деле так плохо себя чувствуешь, я схожу за врачом.

— Нет-нет, — запротестовал он. — Обещай, что не сделаешь этого. Смерть уже пришла за мной, и я хотел бы умереть в одиночестве, как отравленная крыса.

— Ничего с тобой не случится, ты будешь жить, — сказал я.

Он улыбнулся, прошептал одними губами: «Помни же!» — и вышел.

Я сел и принялся протирать глаза, чтобы убедиться, что все это происходило наяву. Никаких сомнений не могло быть. Тогда я предположил, что Винси был пьян. Я знал, что он давно уже тяжело болен, но какой человек может предугадать день и час своей смерти с абсолютной точностью? Будь он при смерти, откуда взялись бы у него силы тащить тяжелый железный сундучок. Чем больше я размышлял, тем неправдоподобнее казалась мне вся эта история, ибо я был тогда еще недостаточно умудрен, чтобы знать, какие удивительные, даже непостижимые для здравого рассудка чудеса случаются на белом свете. Но

я уже получил убедительный урок. Правдоподобно ли, чтобы отец не видел своего пятилетнего сына с самого его младенчества? Нет. Правдоподобно ли, чтобы он мог точно определить день своей смерти? Нет. Правдоподобно ли, чтобы он мог проследить свою родословную более чем на три столетия до Рождества Христова? Правдоподобно ли, чтобы разумный вроде бы человек доверил опеку над сыном приятелю по колледжу, да еще и завещал ему половину состояния? Нет, конечно! Ясно, Винси был пьян или не в своем уме. Что же это все означает тогда? И что хранится в запечатанном железном сундучке?

В полном смятении и замешательстве я решил лечь спать: утро вечера мудренее. Я убрал оставленные Винси ключи и письмо в портфель, а железный сундучок спрятал в большую дорожную сумку, после чего улегся и забылся крепким сном.

Мне показалось, будто я проспал всего несколько минут, когда меня разбудил чей-то голос. Я сел на кровати и огляделся. Было уже совсем светло — пробило восемь.

— В чем дело, Джон? — спросил я у слуги, который был у нас с Винси один на двоих. — У тебя такой вид, как будто бы ты только что видел призрака.

— Я и видел, сэр, — ответил он, — только не призрака, а мертвеца, а это еще похуже. Я заходил, как обычно, к мистеру Винси, чтобы разбудить его, а он лежит весь закованный, помер, стало быть.

Глава II. По прошествии многих лет

Разумеется, скоропостижная кончина мистера Винси сильно взбудоражила колледж, но все знали, как тяжело он болел, и по предоставлении доктором соответствующей справки решили не проводить расследование. В те годы расследование не являлось обязательным, и его старались избегать, так как нередко оно приводило к скандальным разоблачениям. При таких обстоятельствах меня не допрашивали, а сам я никому не рассказывал о нашей последней встрече, упомянул только, что он заходил ко мне, как это часто бывало. В день похорон из Лондона прибыл адвокат, он проводил моего бедного друга в последний путь и тут же уехал со всеми бумагами и документами. Разумеется, я ничего не сказал ему о железном сундучке, оставленном мне на хранение. В течение последующей недели не произошло ничего, заслуживающего внимания. Я с головой ушел в подготовку к экзамену, поэтому даже не присутствовал на похоронах и не говорил с адвокатом. Наконец я сдал экзамен, вернулся домой и плюхнулся в кресло, довольный своим успехом, а это действительно был успех, и блистательный.

Вот тогда-то, освобождаясь наконец от заботы, которая много дней поглощала все мои мысли, я вспомнил о событиях ночи накануне смерти бедного Винси. Что же все это означает? — вновь спросил я себя. Услышу ли я еще об этом деле, а если нет, то как следует поступить с загадочным сундучком? Я сидел и размышлял, и чем больше я размышлял, тем тревожнее становилось на душе: таинственное ночное посещение, предчувствие неминуемой смерти, моя торжественная клятва, в случае нарушения которой Винси грозился призвать меня к ответу даже с того света, — все это требовало объяснения. Уж не совершил ли мой друг самоубийства? Похоже было, что так. И что это за поиски, о которых он говорил так невнятно? Во всем этом было что-то сверхъестественно-странное, и, хотя я человек отнюдь не нервный и не склонен тревожиться по поводу событий или явлений, которые выходят за рамки реальности, в мое сердце закрадывался страх, я уже начинал жалеть, что впутался во всю эту историю. Это раскаяние преследует меня вот уже двадцать лет.

Неожиданно послышался стук в дверь, мне принесли большой голубой конверт. С первого же взгляда я понял, что это официальное послание от нотариуса, скорее всего относительно моего опекунства. Это письмо — я все еще продолжаю его хранить — гласило:

Сэр,

наш клиент, покойный М. Л. Винси, эсквайр, скончавшийся 9-го числа сего месяца в Кембриджском колледже, оставил завещание (копия прилагается), в котором назначает нас исполнителями своей последней воли. Из завещания следует, что в случае Вашего согласия принять опеку над Лео Винси, единственным сыном покойного мистера Винси, ребенком пяти лет от роду, Вам будет выплачиваться пожизненная рента с капитала, вложенного в консоли. Если бы мы сами лично, во исполнение точных и недвусмысленных распоряжений мистера Винси, как устных, так и письменных, не составили означенный документ и если бы он не заверил нас, что руководствуется чрезвычайно вескими соображениями, мы вынуждены были бы — столь необычны предусматриваемые в нем условия — ходатайствовать, чтобы Высокий Суд, в целях защиты интересов ребенка, признал завещателя недееспособным. Будучи, однако, хорошо осведомлены, что завещатель являлся джентльменом глубокого ума и проницательности и что у него нет никаких родственников, которым он мог бы доверить опеку, мы воздерживаемся от опротестования последней воли покойного.

Мы ждем Ваших распоряжений о ребенке и о выплате причитающейся Вам части ренты.

Искренне преданные Вам, сэр,
Джеффри и Джордан.

Отложив письмо, я пробежал глазами завещание, которое, судя по его непонятности, было составлено с соблюдением строжайших юридических принципов. Насколько я мог уяснить, в нем повторялось все сказанное мне другом накануне смерти. Стало быть, все это верно. Отныне я опекун мальчика. Тут я вспомнил о письме, оставленном вместе с сундучком, принес и вскрыл его. В письме, как и следовало ожидать, говорилось, что я должен распечатать сундучок в тот день, когда Лео исполнится двадцать пять, и что его образование должно включать в себя изучение греческого и арабского языков и высшей математики. В постскрипте указывалось, что в случае, если Лео умрет, не достигнув двадцати пяти лет, хотя такая возможность и маловероятна, я могу открыть сундучок сам и, ознакомившись с его содержанием, действовать по своему усмотрению. Если же я не захочу что-либо предпринять, я должен уничтожить сундучок со всем его содержимым. Ни при каких обстоятельствах я не должен передавать сундучок кому-нибудь другому.

Письмо не добавляло ничего существенно нового к тому, что я уже знал, и, конечно, никоим образом не препятствовало мне выполнить свое обещание покойному другу, поэтому оставалось лишь сообщить господам Джеффри и Джордану, что по истечении десяти дней я буду готов возложить на себя обязанности опекуна. Затем я обратился к начальству колледжа и рассказал им все, что считал целесообразным, а это было не так уж много; хотя и со значительным трудом, мне все же удалось убедить их, чтобы в случае, если я буду утвержден членом ученого совета, а в этом не было никаких сомнений, мне позволили жить вместе с ребенком. Их согласие, однако, было оговорено условием, что я освобожу квартиру, занимаемую мною в колледже. После недолгих поисков мне удалось снять прекрасную квартиру рядом с воротами колледжа. Далее мне предстояло найти няню. По зрелым размышлениям я пришел к выводу, что не могу допустить, чтобы воспитанием ребенка руководила какая-нибудь женщина, которая к тому же могла похитить у меня его привязанность. Мальчик уже в том возрасте, когда вполне может обойтись без женской помощи, поэтому я принялся искать подходящего слугу-мужчину. Мне удалось подыскать очень на вид благопристойного, круглолицего молодого парня; он работал в конюшне, предназначенной для охотничьих лошадей, но сказал, что вырос в семье из семнадцати душ, с детства привык к заботе о своих многочисленных братишках и сестричках и охотно возьмет на себя попечение о мастере Лео, когда тот прибудет. Я отвез сундучок в город и оставил на хранение своему банкиру. Затем купил несколько пособий по уходу за детьми и их воспитанию, проштудировал их сам и прочитал вслух Джобу — так звали молодого слугу. Оставалось только ждать.

Мальчика доставила пожилая особа, она горько плакала, расставаясь с ним. Малыш оказался прехорошеньким — никогда не видел более прелестного. У него были серые глаза, широкий лобик, четко, точно на камее, вырезанное лицо, отнюдь не худое или истощенное. Особенно хороши были короткие золотистые кудряшки. Когда няня наконец нашла в себе силы проститься и уйти, он немного похныкал, но скоро успокоился. Никогда не забуду этой сценки. Вот он стоит, очаровательный малыш, трет кулачком один глаз, а другим посматривает на нас с Джобом. В золотых завитках его волос играет солнечный свет, льющийся из окна. Я сижу в кресле и маню его рукой, а Джоб, стоя в углу, издает какое-то странное кудахтанье, которое, по его мнению, подкрепленному предыдущим опытом, должно успокаивать детей, внушать им доверие, одновременно он катает взад и вперед преуродливую деревянную лошадку; делает он это с таким остервенением, что возникает невольное сомнение, в своем ли он уме. Так

продолжается несколько минут. Затем малыш вытягивает ручонки и бросается ко мне.

— Ты хороший дядя, — говорит он. — Страшный, но хороший.

Через десять минут он поедает уже большой бутерброд с маслом, со всеми признаками довольства на лице. Джоб хотел было намазать джем поверх масла, но я решительно воспротивился, напомнив о тех авторитетных наставлениях, которые я ему читал.

В скором времени (я только-только успел стать членом ученого совета) мальчик сделался любимцем всего колледжа, куда, несмотря на все запреты, прибегал по сто раз на дню — есть такие баловни судьбы, ради которых смягчаются и самые строгие правила. На алтарь этого маленького божества возлагались бессчетные приношения, и у меня возникла даже серьезная размолвка с одним старым членом ученого совета, давно уже покойным, который считался черствейшим человеком во всем университете и терпеть не мог детишек. Какое-то время нашего малыша поташнивало. Джоб стал внимательно за ним приглядывать — и что же обнаружилось? Бессовестный старикан заманивал Лео к себе и скармливал ему несчетное множество конфет с ликером. «Как ему не стыдно! — возмущался Джоб. — А ведь он был бы уже дедом, если бы поступил как все люди». Эти слова означали, что ему следовало давно жениться, тогда бы он не приставал к чужим детям.

К сожалению, я не могу отвлекаться на описание тех чудесных лет, которые я все еще вспоминаю с глубокой нежностью. Время шло, и с каждым годом наша с Лео взаимная привязанность росла и росла. Мало кто так любит своих сыновей, как я — Лео, и мало кто из сыновей питает такую глубокую и прочную любовь, как Лео ко мне.

Мальчик превратился в подростка, подросток — в молодого человека, и все это время он становился красивее и красивее как телом, так и духом. В пятнадцать лет за ним укрепилось прозвище Прекрасный Принц, а за мной — Чудище. Каждый день, выходя на прогулку, мы слышали за спиной: «Прекрасный Принц» и «Чудище». Однажды, обиженный за меня, Лео набросился на здоровенного, вдвое больше его, мясника и задал ему хорошую взбучку. Я прошел мимо, сделав вид, будто ничего не заметил, но видя, что драка затянулась, вернулся и стал подбадривать Лео громкими криками. Шуткам поэтому поводу не было конца, и тут уж я ничего не мог поделать. Когда Лео стал постарше, студенты последнего курса придумали для нас новые прозвища. Меня они окрестили Хароном, а Лео стали называть Греческим Богом. Не буду распространяться о своем собственном прозвище, скромно замечу лишь, что я никогда не был красив и с годами

моя внешность не изменилась к лучшему. Что до Лео, то он вполне заслуживал такого прозвища. В двадцать один год он мог служить натурой для статуи молодого Апполона. Никогда не встречал никого более красивого и в то же время совершенно равнодушного к своей красоте. К тому же он очень умен, схватывает все на лету, хотя и лишен задатков истинного ученого. Не хватает целеустремленности, качества, может быть, и скучного, но необходимого. В его образовании мы строго следовали отцовской воле, и общие результаты — особенно что касается греческого и арабского — можно считать удовлетворительными. Я и сам выучил арабский, чтобы оказывать ему помощь, но через пять лет он знал язык не хуже меня, почти так же основательно, как наш общий учитель-профессор. Я всегда увлекался спортом, это единственная моя страсть, и каждую осень мы отправлялись охотиться либо ловить рыбу в Шотландию, Норвегию, а как-то раз даже в Россию. Стрелок я меткий, но даже и в этом он превзошел меня.

Когда Лео минуло восемнадцать, я вернулся в прежнюю квартиру и определил Лео в свой колледж. В двадцать один он уже получил степень, не очень, может быть, высокую, но удовлетворительную. Тогда-то я и рассказал ему кое-что о его происхождении и о той тайне, которая маячила впереди. Само собой, он был очень заинтригован, и, само собой, я объяснил, что его любопытство не может быть пока удовлетворено. Я предложил, чтобы Лео подготовился к получению права на адвокатскую практику, надо же ему чем-то заняться в ожидании двадцатипятилетия, и он согласился. Учился он по-прежнему в Кембридже и только по вечерам уезжал иногда в Лондон, чтобы поужинать.

У меня была с ним лишь одна трудность: каждая или почти каждая молодая девушка, с ним знакомившаяся, непременно в него влюблялась. Отсюда плодились всякие осложнения; описывать их здесь нет нужды, но неприятностей они доставляли немало. В общем, однако, он вел себя как человек порядочный, большего я не могу сказать.

И вот наконец наступил двадцать пятый день его рождения, день, когда начинается эта странная и в некоторых отношениях ужасная история.

Глава III. Черепок вазы

Накануне дня рождения мы с Лео съездили в Лондон и получили там в банке таинственный сундучок, оставленный на хранение еще двадцать лет назад. Его принес тот же самый клерк, что и принял. Он хорошо помнил, куда убрал сундучок; в противном случае, по его собственному признанию, найти сундучок было бы очень трудно, потому что его сплошь затянуло паутиной.

Вечером мы возвращались с нашей драгоценной ношей в Кембридж; в ту ночь мы спали так мало, если вообще спали, что могли бы пожертвовать сном, не став от этого ничуть беднее. Рано утром, еще в сумерках, Лео явился ко мне в халате с предложением немедленно приступить к делу. Я ответил, что нам не пристало пороть горячку: ждали двадцать лет, подождем и до завтрака. Ровно в девять — с необычайной точностью — мы уселись завтракать; я был так поглощен своими мыслями, что вместо сахара положил в чай Лео кусок бекона. Мое возбуждение, естественно, передалось и Джобу: он умудрился отломать ручку у дорогой севрской чашки, точно такой же, по моим предположениям, как та, из которой Марат пил чай в ванне, когда его убили.

Наконец Джоб убрал посуду и по моей просьбе принес сундучок, водрузив его на стол с такой опаской, как будто он был начинен взрывчаткой. Он уже собирался уйти, но я остановил его:

— погоди, Джоб. Если мистер Лео не возражает, я предпочел бы, чтобы при вскрытии сундучка присутствовал беспристрастный свидетель, способный держать язык за зубами.

— Хорошо, дядя Хорейс, — сказал Лео (я приучил его называть меня «дядей», хотя иногда он и прибегал к довольно непочтительному обращению «старина» или «дядюшка»).

Джоб притронулся к голове таким жестом, как если бы притрагивался к шляпе.

— Запри дверь, Джоб, — распорядился я, — и принеси мне портфель.

Джоб принес портфель, и я достал из него ключи, которые бедный Винси, отец Лео, вручил мне накануне смерти. Ключей было три: самый большой — почти современного вида; второй — поменьше, явно старинный; что же касается третьего, то никто из нас не видел ничего подобного: это была полоска из чистого серебра с несколькими прорезями и поперечиной вместо ручки. Походил он разве что на какой-то допотопный

железнодорожный ключ.

— Вы оба готовы? — спросил я, как сапер перед взрывом мины. Не дожидаясь ответа, я взял большой ключ, смазал его салатным маслом и после нескольких неудачных — из-за дрожи в руках — попыток изловчился вставить в замок и повернуть. Лео нагнулся, схватил обеими руками массивную крышку и поднял ее, преодолевая сопротивление ржавых петель. Внутри оказался большой ларец, весь запорошенный пылью. Мы легко извлекли его и счистили скопившуюся грязь одежной щеткой.

Ларец был то ли из черного дерева, то ли из какой-то другой прочной древесины и окован железными лентами. Судя по тому, что тяжелое плотное дерево местами стало уже превращаться в труху, изготовили его еще в глубокой древности.

— Ну, что ж, попробуем его открыть, — сказал я, вставляя в скважину второй ключ.

Джоб и Лео нагнулись, затаив дыхание. Когда я повернул ключ и откинул крышку, мы вскрикнули разом все трое — не удивительно: в эбеновом ларце хранилась великолепная серебряная корзинка, дюймов двенадцати в ширину и длину и восьми высотой, по всей вероятности, древнеегипетской работы, ибо черные ее ножки были сделаны в форме сфинкса и на выпуклой крышке тоже возлежал сфинкс. Корзинка прекрасно сохранилась, хотя, естественно, и потускнела от времени.

Я выложил ее на стол, затем, при всеобщем глубоком молчании, вставил серебряный ключ и стал поворачивать то в одну, то в другую сторону, пока замок наконец не поддался. Корзинка оказалась заполненной по самые края полуистлевшей коричневой массой, похожей скорее на волокно, чем на бумагу, я так никогда и не смог выяснить ее состав. Выбрав коричневую массу дюйма на три, я увидел письмо в обычном современном конверте с надписью, сделанной рукой моего покойного друга Винси: *«Моему сыну Лео, если он жив к этому времени»*. Я отдал письмо Лео, он скользнул по нему беглым взглядом и, положив на стол, сделал знак, чтобы я продолжал исследовать содержимое корзинки.

Чуть ниже я обнаружил аккуратно скатанный пергамент. Развернув его, я увидел текст, тоже написанный рукой Винси и озаглавленный: *«Перевод унциальной греческой надписи на черепке вазы»*. Я положил свиток рядом с письмом. Ниже оказался еще один пергаментный свиток, пожелтевший и сморщившийся от древности. И это был перевод с греческого, выведенный, однако, готическим английским шрифтом, по стилю и написанию я датировал текст началом шестнадцатого столетия. Сразу же под свитком на очередном слое волокнистой массы покоилось

что-то твердое и тяжелое, завернутое в желтоватое льняное полотно. Медленно и осторожно размотав обертку, мы увидели очень большой и, несомненно, древний черепок грязно-желтого цвета. Насколько я могу судить, это был обломок обычной, средних размеров амфоры. Черепок был в десять с половиной дюймов длины, семь дюймов в ширину и в четверть дюйма толщиной; выпуклую его сторону, обращенную ко дну корзинки, густо испещряли позднегреческие письмена, кое-где уже поблекшие, но по большей своей части вполне отчетливые, выведенные с величайшей аккуратностью тростниковым пером, которым часто пользовались в древности. Следует добавить, что некогда этот удивительный обломок был расколот надвое и соединен каким-то цементирующим составом и восемью длинными скрепками. На вогнутой стороне также имелись многочисленные надписи, разбросанные в хаотическом беспорядке и, очевидно, сделанные разными почерками в разные века; обо всех этих надписях, в том числе и о тех, что на пергаментях, мне придется еще поговорить.

— Нет ли там еще чего-нибудь? — взволнованно прошептал Лео.

Я порылся на дне и нашел маленький полотняный мешочек с чем-то твердым. Мы извлекли оттуда чудесную миниатюрку, выполненную по слоновой кости, и небольшого, шоколадного цвета скарабея с загадочными знаками.

Эти символы, как мы впоследствии узнали, означают «Сутен се Ра», что переводится как «Царственный сын Ра, или Солнца». Миниатюрка изображала прелестную темноглазую женщину — гречанку, мать Лео. На обратной стороне рукой бедного Винси было выведено: «Моя любимая жена».

— Это все, — сказал я.

— Ну что ж, хорошо, — ответил Лео и, посмотрев долгим нежным взглядом на портрет своей матери, положил его на стол. — А теперь прочитаем письмо. — И недолго думая он сломал печать и принялся читать вслух:

— Мой сын Лео!

Когда ты вскрыешь письмо, — я уверен, что ты непременно доживешь до этого времени, — ты будешь уже совсем взрослым. Почти все, кто меня знал, забудут даже мое имя. Но ты должен помнить обо мне, помнить, что я был и, возможно, еще есть; это письмо — связующее звено между нами; я протягиваю тебе руку через разделяющую нас пропасть Смерти, взываю к тебе из несказанного безмолвия могилы. Да, я мертв, в твоей памяти не сохранилось обо мне никаких воспоминаний, но в эту минуту, когда ты читаешь письмо, я с тобой. Я не видел тебя с самого твоего рождения. Прости меня. Твое появление на свет стоило жизни той, кого я любил сильнее, чем обычно любят женщин, — и я все еще ощущаю горечь этой утраты. Если бы я остался жить, я бы, конечно, сумел справиться с собой, но я должен умереть. Мои физические и духовные страдания нестерпимы, и, как только я сделаю то небольшое, что необходимо для обеспечения твоего будущего, я намерен положить им конец. Да простит мне Господь этот смертный грех! Все равно мне не протянуть и года.

— Значит, он покончил с собой! — воскликнул я. — Так я и подозревал.

— Но хватит о себе, — продолжал читать Лео. — То, что следует сказать, принадлежит вам, живущим, а не мне, давно мертвому и всеми забытому, как будто меня никогда и не существовало. Мой друг Холли (если на то будет его согласие, он станет твоим опекуном), вероятно, уже рассказал тебе о необыкновенной древности нашего рода. В корзинке ты найдешь веские тому доказательства. Осколок вазы со странной легендой, изложенной твоей дальней прародительницей, был передан мне отцом, эта легенда всецело завладела моим воображением. Девятнадцати лет от роду, на свою беду, я, как один из наших предков елизаветинских времен, решил проверить ее достоверность. Не хочу здесь описывать все, со мной происшедшее. Но вот что я видел своими глазами. На берегу Африки, в еще не исследованных местах, севернее устья Замбези, есть мыс, на самой оконечности которого высится скала с вершиной, похожей по форме на голову негра, о ней-то, видимо, и говорится в надписи на черепке. Высадясь на берег, я узнал от бродячего туземца, за какое-то преступление изгнанного из своего племени, что в глубине материка находятся окруженные бесчисленными болотами громадные чашеобразные горы и пещеры. Тамошний народ говорит на диалекте арабского языка, и правит им прекрасная белая женщина, которая редко снисходит до появления перед своими подданными и, по слухам, обладает властью не только над

живыми, но и над мертвыми. Через два дня туземец умер от лихорадки, схваченной им в болотах; недостаток провианта и первые симптомы болезни, которая так сильно прогрессировала впоследствии, вынудили меня вернуться на нашу дау.

Думаю, незачем вспоминать о пережитых мною приключениях. Судно потерпело крушение у берегов Мадагаскара, лишь через несколько месяцев меня подобрал английский корабль и отвез в Аден; оттуда я отправился в Англию, намериваясь возобновить поиски, как только сумею достаточно подготовиться. По пути я остановился в Греции, и там — *Omnia vincit amor* — я встретил твою будущую мать, полюбил ее и женился, но, к великому моему горю, она умерла при родах. Моя болезнь резко обострилась, и я вернулся в Англию, чтобы умереть здесь. Но надежда все еще не покидала меня, и я взялся за изучение арабского языка, с твердым намерением возвратиться (если мне вдруг станет лучше) к берегам Африки и разрешить наконец тайну, которая вот уже много веков висит над нашим родом. Но мне не суждено было поправиться, жизнь моя завершена.

Но для тебя, мой сын, жизнь только еще начинается, поэтому я передаю тебе все раздобытые мною сведения вместе с доказательствами древности нашего рода. Все это, по моему замыслу, должно попасть тебе в руки в том возрасте, когда ты сможешь самостоятельно решать, хочешь ты или нет попробовать проникнуть в величайшую тайну, какая есть на свете, или ты сочтешь все это вымыслом безумной женщины.

Я лично убежден, что это не вымысел. Есть на земле место, где открыто проявляются жизненные силы природы, его только надо отыскать. Жизнь существует, почему бы не существовать способам продлить ее надолго, если не навечно? Но я не хочу влиять на твое окончательное решение. Прими его сам. На случай, если ты продолжишь начатые мною поиски, я позаботился, чтобы у тебя были все необходимые средства. Если же ты придешь к убеждению, что все это — химера, уничтожь черепок и свитки, навсегда освободив наш род от причины вечного беспокойства. Может быть, это самое разумное решение. Неведомое обычно внушает нам страх — не потому, что, как принято считать, мы суеверны, а потому, что оно и в самом деле нередко содержит в себе грозную опасность. Человек, вмешивающийся в действие могучих тайных сил, питающих жизнь на земле, может легко оказаться их жертвой. А если ты все же достигнешь цели, обрешь вечную молодость и красоту, восторжествовав над временем и злом, вознесясь над естественным тленом, распадом души и тела, кто может поручиться, что эта поразительная перемена принесет счастье? Выбирай, мой сын, и пусть Великая Сила, которая правит всем

сущим, предопределяя, насколько далеко мы пойдем, как многое сможем постичь, способствует и твоему счастью, и счастьем всего мира, владыкой которого, в случае успеха, ты неминуемо окажешься, ибо могущество накопленного опыта безгранично. Прощай...

Так резко обрывалось это неподписанное, без даты письмо.

— Что ты обо всем этом думаешь, дядя Холли? — переведя дух, спросил Лео и, положив письмо на стол, добавил: — Мы предполагали, что столкнемся с тайной, — и вот она, тайна!

— Что я думаю? Что твой бедный отец лишился рассудка перед смертью, — пробурчал я. — Я понял это еще в ту ночь, когда он пришел ко мне в последний раз, двадцать лет назад. Несчастный покончил с собой... Конечно же все это вздор!

— Вы правы, сэр, — торжественно произнес Джоб, типичный образчик человека сухого, без всякой фантазии.

— Ну, а теперь почитаем, что написано на черепке, — сказал Лео, взяв в руки отцовский перевод.

Я, Аменартас, принцесса из царского дома Египта, жена Калликрата (Прекрасного в силе), жреца Исиды, возлюбленной богами и повелевающей демонами, пишу это перед смертью для своего маленького сына Тисисфена (Мстителя).

Мой дорогой сын! Я бежала с твоим отцом из Египта во времена правления Нектанеба, силой своей любви принудив его нарушить священный обет. Мы долго плыли по морю и дважды по двенадцать лет блуждали по берегам Ливии (Африка), обращенным к восходящему солнцу; недалеко от устья реки там есть скала с вершиной, имеющей форму головы эфиопа. Четыре дня мы плыли вверх по реке, затем потерпели крушение; многие утонули, многие погибли от огневицы. Десять дней дикари вели нас, уцелевших, по болотам, где водится столько птиц, что, взмывая разом, они застилают все небо. Наконец мы добрались до похожей на опрокинутую чашу горы; там, в долине, некогда был великий город, но ныне от него сохранились лишь развалины; в склонах же горы — бесчисленное множество пещер. Мы предстали перед царицей народа, в чьих обычаях — казнить чужеземцев, надевая на них раскаленные горшки; царица эта — волшебница, постигшая все тайны природы, наделенная вечной молодостью и неувядаемой красотой. И она воспылала любовью к отцу твоему Калликрату и задумала убить меня, с тем чтобы взять его в

мужья, но он любил меня и боялся ее, и поэтому не хотел на ней жениться. Тогда эта волшебница, владеющая черной магией, отвела нас в пещеру, перед которой лежал мертвый старый мудрец, и показала кружащийся Огненный Столп Вечной Жизни, чей голос — как раскаты грома, и царица вошла в пламя и появилась оттуда необожженная и даже еще более прекрасная. И тогда она обещала даровать бессмертие твоему отцу, если он убьет меня, ибо сама она была бессильна против волшебства моего народа, которым я обладала; и еще она пообещала, что станет его женой. Но он закрыл рукой глаза, чтобы не видеть ее красоты, и не захотел отречься от меня. И тогда, в дикой ярости, она сокрушила его силой своего колдовства, и он умер, а она горько над ним рыдала и причитала, а потом велела унести его оттуда; меня же, опасаясь возмездия, она приказала отправить в устье большой реки, где причаливают морские суда. Во время долгого обратного путешествия я и родила тебя, но мне пришлось немало поскитаться, прежде чем я добралась наконец до Афин. А теперь послушай меня, мой сын Тисисфен: отыщи эту женщину, выведай у нее тайну вечной жизни и, если сможешь ее убить, отомсти за отца своего Калликрата; но если тебе это не удастся, я взываю ко всем будущим потомкам: надеюсь, среди них сыщется отважный человек, который совершит омовение в пламени и воссядет на трон фараонов. Может быть, все это покажется тебе невероятным, но я говорю сущую правду — ни слова лжи!

— Да простит ее Господь! — простонал Джоб, который с открытым ртом слушал это удивительное послание.

Я молчал, сначала я предположил было, что мой бедный друг в припадке безумия сочинил все сам, но, поразмыслив, я отмел это предположение: выдумать такое просто невозможно! Слишком уж необычна надпись! Чтобы разрешить свои сомнения, я взял в руки черепок и начал читать греческий оригинал, написанный убористым унциальным шрифтом. Хотя и писала египтянка, ее послание — великолепный образец греческого языка того периода.

Переписываю его, как оно есть.

ΑΜΕΝ ΑΡΤΑΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΙΚΟΥ ΕΝΟΥΣ ΤΟΥ Α
ΙΓΥΓΤΙΟΥ Η ΤΟΥ ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΟΥ ΣΙΣΙΔΟΣΙΕΡ
ΕΩΣ ΗΝ ΟΙ ΜΕΝ ΘΕΟΙ ΤΡΕΦΟΥΣΙ ΤΑ ΔΕ ΔΑΙΜΟ
ΝΙΑ ΥΓΟΤΑΣΣΕΤΑΙ Η ΔΗ ΤΕ ΛΕΥΤΩΣ ΑΤΙΣΙΣ
ΘΕΝΕΙ ΤΩ ΓΑΙΔΙΕ ΓΙΣΤΕΛΛΕΙ ΤΑ ΔΕ ΣΥΝΕΦΥΤΟ
ΓΑΡ ΓΟΤΕ ΕΚ ΤΗΣ ΑΙΓΥΓΤΙΑΣ ΕΓΙΝΕΚΤΑΝ ΕΒ
ΟΥ ΜΕΤΑ ΤΟΥ ΣΟΥΓΑΤΡΟΣ ΔΙΑ ΤΟ ΝΕΡΩΤΑΤΟ
Ν ΕΜΟΝ ΕΓΙΟΡΚΗΣΑΝΤΟΣ ΦΥΓΟΝΤΕΣ ΔΕ ΓΡΟ
ΣΝΟΤΟΝ ΔΙΑΓΟΝΤΙ ΟΙΚΑΙ ΚΑΜΗΝΑΣ ΚΑΤΑ ΤΑ
ΓΑΡ ΑΘΑΛΑΣΣΙΑ ΤΗΣ ΛΙΒΥΗΣ ΤΑ ΓΡΟΣΗΛΙΟΥ
ΑΝΑΤΟΛΑΣ ΓΛΑΝΗΘΕΝΤΕΣ ΕΝΘΑ ΓΕΡΓΕΤΡΑ
ΤΙΣ ΜΕΓΑΛΗ ΓΛΥΓΤΟΝΟΜΟΙ ΩΜΑΙ ΘΙΟΓΟΣ
ΚΕΦΑΛΗΣ ΕΙΤΑΝ ΜΕΡΑΣ ΔΑΓΟΣ ΤΟΜΑΤΟΣ ΓΟ
ΤΑΜΟΥ ΜΕΓΑΛΟΥ ΕΚΓΕΣΟΝΤΕΣ ΟΙ ΜΕΝ ΚΑΤΕ
ΓΟΝΤΙ ΣΘΗΜΕΝΟΙ ΔΕ ΝΟΣΩ ΙΑΓΕΘΑΝΟΜΕΝΤ

ΕΛΟΣ ΔΕΥΓΑΓΡΙΩΝΑΝΘΡΩΓΩΝ ΕΦΕΡΟΜΕΘΑ
ΔΙΑ ΕΛΕΩΝΤΕ ΚΑΙ ΤΕΝΑΓΕΩΝ ΝΕΘΑΓΕΡΓΤΗΝ
ΩΝ ΓΛΗΘΟΣ ΑΓΟΚΡΥΓΤΕΙ ΤΟΝ ΟΥΡΑΝΟΝ ΗΜ
ΕΡΑΣΙΕΩΣ ΗΛΘΟΜΕΝ ΕΙΣ ΚΟΙΛΟΝ ΤΙΟΡΟΣ ΕΝ
ΘΑΓΟΤΕ ΜΕΓΑΛΗ ΜΕΝ ΓΟΛΙΣ ΗΝΑΝ ΤΡΑΔΕΑΓ
ΕΙΡΟΝΑ ΗΓΑΓΟΝ ΔΕ ΩΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑΝ ΤΗΝ ΤΩΝ Ε
ΕΝ ΟΥΣ ΧΥΤΡΑΙΣ ΣΤΕΦΑΝΟΥΝ ΤΩΝ ΗΤΙΣΜΑΓΕ
ΙΑ ΜΕΝ ΕΧΡΗΤΟ ΕΓΙΣΤΗΜΗ ΔΕ ΓΑΝΤΩΝ ΚΑΙ Δ
ΗΚΑΙ ΚΑΛΛΟΣ ΚΑΙ ΡΩΜΗΝΑ ΓΗΡΩΣΗΝ Η ΔΕ ΚΑ
ΛΛΙΚΡΑΤΟΥΣ ΤΟΥ ΣΟΥΓΑΤΡΟΣ ΕΡΑΣΘΕΙΣ ΑΤ
ΟΜΕΝ ΓΡΩΤΟΝ ΣΥΝΟΙΚΕΙΝ ΕΒΟΥΛΕΤΟ ΕΜΕΔ
ΕΑΝ ΕΛΕΙΝ ΕΓΕΙΤΑΩΣ ΟΥΚΑΝ ΕΓΕΙΘΕΝ ΕΜΕΓΑ
ΡΙ ΓΕΡΕΦΙΛΕΙ ΚΑΙ ΤΗΝ ΞΕΝΗΝ ΕΦΟΒΕΙΤΟ ΑΓΝ
ΓΑΓΕΝ ΗΜΑΣ ΥΓΟΜΑΓΕΙΑΣ ΚΑΘΟΔΟΥ ΣΣΦΑΛ
ΕΡΑΣ ΕΝΘΑΤΟ ΒΑΡΑΘΡΟΝ ΤΟ ΜΕΓΑ ΟΥΚΑΤΑΣ
ΤΟ ΜΑΕΚΕΙΤΟ ΟΓΕΡΩΝΟΦΙΛΟΣ ΟΦΟΣΤΕΙΘΕΝ
ΩΣ ΑΦΙΚΟΜΕΝΟΙΣ ΔΕ ΔΕΙΞΕΦΩΣ ΤΟΥ ΒΙΟΥ ΕΥ
ΘΥΟΙΟΝ ΚΙΟΝΑ ΕΛΙΣΣΟΜΕΝΟΝ ΦΩΝΗΝ ΙΕΝΤ
ΑΚΑΘΑΓΕΡ ΒΡΟΝΤΗΣ ΕΙΤΑ ΔΙΑΓΥΡΟΣ ΒΕΒΗΚ
ΥΙΑ ΒΛΑΒΗΣ ΚΑΙ ΕΤΙΚΑΛΛΙΩΝΑΥΤΗ ΕΑΥΤΗΣ
ΕΞΕΦΑΝ Η ΕΚΔΕΤΟΥ ΤΩΝ ΩΜΟΣ ΕΚΑΙ ΤΟΝ ΣΟ
ΝΓΑΤΕΡΑ ΑΘΑΝΑΤΟΝ ΑΓΟΔΕΙΞΕΙΝ ΕΙΣΥΝΟΙΚ
ΕΙΝΟΙ ΒΟΥΛΟΙΤΟ ΕΜΕΔ ΕΑΝ ΕΛΕΙΝ ΟΥΓΑΡΟΥ
ΝΑΥΤΗ ΑΝΕΛΕΙΝΙΣΧΥΕΝ ΥΓΟΤΩΝ ΗΜΕΔΑΓΩ
ΝΗΝ ΚΑΙ ΑΥΤΗ ΕΧΩΜΑΓΕΙΑΣ ΟΔΟΥ ΔΕΝΤΙΜΑ
ΛΛΟΝ ΗΘΕΛΕΤΩ ΧΕΙΡΕΤΩΝ ΟΜΜΑΤΩΝ ΓΡΟΙ
ΣΧΩΝΙΝΑ ΔΗΤΟ ΤΗΣ ΓΥΝΑΙΚΟΣ ΚΑΛΛΟΣ ΜΗ
ΟΡΩΗ ΕΓΕΙΤΑ ΟΡΓΙΣΘΕΙΣ ΑΚΑΤΕΓΟΗΤΕΥΣ ΕΜ
ΕΝΑΥΤΟΝ ΑΓΟΛΟΜΕΝΟΝ ΜΕΝΤΟΙΚΛΑΟΥΣΑ
ΚΑΙ ΟΔΥΡΟΜΕΝΗ ΕΚΕΙΘΕΝΑΓΗΝΕΤΚΕΝ ΕΜΕΔ
ΕΦΟΒΩΑΦΗΚΕΝ ΕΙΣΣΤΟΜΑΤΟΥ ΜΕΓΑΛΟΥΤ
ΟΤΑΜΟΥ ΤΟΥΝΑΨΣΙΓΟΡΟΥΓΟΡΡΩΔΕΝΑΥΣΙ
ΝΕΦΩΝ ΓΕΡΓΛΕΟΥΣΑ ΕΤΕΚΟΝΣΕ ΑΓΟΓΛΕΥΣ
ΑΣΑΜΟΛΙΣΓΟΤΕ ΔΕ ΥΡΟΑΘΗΝΑ ΖΕΚΑΤΗΓΑΓ
ΟΜΗΝ ΣΥΔΕΩΤΙΣΙΣΩΝΕΣΩΝ ΕΓΙΣΤΕΛΛΩΜ
ΗΟΛΙΓΩΡΕΙΔΕΙΓΑΡ ΤΗΝ ΓΥΝΑΙΚΑ ΑΝΑΖΗΤΕΙ
ΝΗΝ ΓΩΣΤΟΤΟΥ ΒΙΟΥ ΜΥΣΤΗΡΙΟΝ ΑΝΕΥΡΗ
ΣΚΑΙ ΑΝΑΙΡΕΙΝ ΗΝΤΟΥΓΑΡΑΣΧΗΔΙΑΤΟΝ ΣΟ
ΝΓΑΤΕΡΑ ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΗΝ ΕΙΔΕΦΟΒΟΥΜΕΝΟ
ΣΗΔΙΑ ΑΛΛΟΤΙΑΥΤΟΣ ΛΕΙΓΕΙΤΟΥ ΕΡΓΟΥΓΑ
ΣΙΤΟΙΣ ΥΣΤΕΡΟΝ ΑΥΤΟΤΟΥΤΟ ΕΓΙΣΤΕΛΛΩΕ

ΩΣΓΟΤΕΑΓΑΘΟΣΤΙΣΓΕΝΟΜΕΝΟΣΤΩΓΥΡΙΑ
ΟΥΣΑΣΘΑΙΤΟΛΜΗΣΕΙΚΑΙΤΑΑΡΙΣΤΕΙΑΕΧΩΝ
ΒΑΣΙΛΕΥΣΑΙΤΩΝΑΝΘΡΩΓΩΝΑΓΙΣΤΑΜΕΝΑ
ΗΤΑΤΟΙΑΥΤΑΛΕΓΩΜΩΣΔΕΑΑΥΤΗΕΓΝΩΚ
ΑΟΥΚΕΨΕΥΣΑΜΗΝ

Для удобства чтения я переписал весь текст более привычным
рукописным шрифтом.

Αμενάρτας, τοῦ βασιλικοῦ γένους τοῦ Αἰγυπτίου, ἡ τοῦ
Καλλικράτους Ἰσιδος ἱερέως, ἣν οἱ μὲν θεοὶ τρέφουσι τὰ δὲ
δαιμονία ποτᾶσsetαι, ἥδη τελευτῶσα Τισισθένει τῷ παιδὶ
ἐπιστέλλει τὰδε· συνέφυγον γὰρ ποτε ἐκ τῆς Αἰγυπτίας
ἐπὶ Νεκτανέβου μετὰ τοῦ σοῦ πατρὸς, διὰ τὸν ἔρωτα τὸν
ἐμὸν ἐπιορκήσαντος. φυγόντες δὲ πρὸς νῶτον διαπόντιοι
καὶ κ' ὄμῃνας κατὰ τὰ παραθαλάσσια τῆς Λιβύης τὰ πρὸς
ἡλίου ἀνατολὰς πλανηθέντες, ἔνθα περ πέτρα τις μεγάλη,
γλυπτὸν ὁμοῖωμα Αἰθίοπος κεφαλῆς, εἴτα ἡμέρας δ' ἀπὸ
σιτοῦματος ποταμοῦ μεγάλου ἐκπεσόντες, οἱ μὲν
κατεποντίσθημεν, οἱ δὲ νῶσω ἀπεθάνομεν· τέλος δὲ ὑπ'
ἀπγρίων ἀνθρώπων ἐφερόμεθα διὰ ἐλέων τε καὶ τεναγέων
ἐνθα περ πτηνῶν πλῆθος ἀποκρύπτει τὸν οὐρανὸν, ἡμέρας ἰ,
ἕως ἡλθομεν εἰς κοῖλὸν τι ὄρος, ἔνθα ποτὲ μεγάλη μὲν
πόλις ἦν, ἀντρα δὲ ἀπειρονα· ἤγαγον δὲ ὡς βασιλείαν
τῇ τῶν ξένους χύτραις στεφανούντων, ἥτις μαγεία μὲν
ἐχρήτο ἐπιστήμη δὲ πάντων καὶ δὴ καὶ κάλλος καὶ ῥώμην
ἀγῆρως ἦν· ἡ δὲ Καλλικράτους τοῦ σοῦ πατρὸς
ἐρασθεῖσα τὸ μὲν πρῶτον συνοικεῖν ἐβούλετο ἐμὲ δὲ
ἀνελεῖν· ἔπειτα, ὥς οὐκ ἀνέπειθεν, ἐμὲ γὰρ ὑπερεφίλει
καὶ τὴν ξένην ἐφοβεῖτο, ἀπήγαγεν ἡμᾶς ὑπὸ μαγείας
καθ' ὁδοὺς σφαλερὰς ἔνθα τὸ βάραθρον τὸ μέγα, οὐ κατὰ
σιτόμα ἔκειτο ὁ γέρων ὁ φιλόσοφος τεθνεὺς, ἀφικομένοις δ'
ἔδειξε φῶς τοῦ βίου εὐθύ, οἷον κίονα ἐλίσσόμενον φάνην
ἰέντα· καθὰ περ βροντῆς, εἴτα διὰ πυρὸς βεβηκυῖα
ἀβλαβῆς καὶ ἔτι καλλίων αὐτῇ ἐαυτῆς ἐξεφάνη. ἐκ δὲ
τούτων ὤμοσε καὶ τὸν σὸν πατέρα ἀθάνατον ἀποδείξειν,
εἰ συνοικεῖν οἱ βούλοιο ἐμὲ δὲ ἀνελεῖν, οὐ γὰρ οὖν αὐτῇ
ἀνελεῖν ἰσχυεν ὑπὸ τῶν ἡμεδαπῶν ἦν καὶ αὐτῇ ἔχω
μαγείας. ὁ δ' οὐδέν τι μᾶλλον ἤθελε, πῶ χεῖρε τῶν ὀμμάτων
προΐσχαν ἵνα δὴ τὸ τῆς γυναικὸς κάλλος μὴ ὀρῶ· ἔπειτα
ὀργισθεῖσα κατεγοήτευσε μὲν αὐτὸν, ἀπολόμενον μέντοι
κλάουσα καὶ ὀδυρομένη ἐκείθεν ἀπήνεγκεν, ἐμὲ δὲ φόβῳ

ἀφῆκεν εἰς στόμα τοῦ μεγάλου ποταμοῦ τοῦ ναυσιπόρου,
πόρρω δὲ ναυσὶν, ἐφ' ὧν περ πλέουσα ἔτεκόν σέ,
ἀποπλεύσασα μόλις ποτὲ δεῦρο ' Ἀθηνᾶζε κατηγαγόμεν.
σύ δέ, ὦ Τισίωθες, ὧν ἐπιστέλλω μὴ ὀλιγώρει· δεῖ γάρ
τὴν γυναῖκα ἀναζητεῖν ἣν πως τὸ τοῦ βίου μυστήριον
ἀνεύρης, καὶ ἀναιρεῖν, ἣν που παρασχῇ, διὰ τὸν σὸν
πατέρα Καλλικράτην. εἰ δὲ φοβούμενος ἢ διὰ ἄλλο τι
αὐτὸς λείπει τοῦ ἔργου, πᾶσι τοῖς ὑστερον αὐτο τοῦτο
ἐπιστέλλω, ἕως ποτὲ ἀγαθὸς τις γενόμενος τῷ πυρὶ
λούσασθαι τολμήσει καὶ τὰ ἀριστεῖα ἔχων βασιλεῦσαι
τῶν ἀνθρώπων· ἄπιστα μὲν δὴ τὰ τοιαῦτα λέγω, ὅμως
δὲ ἂν αὐτὴ ἔγνωκα οὐκ ἐψευσάμην.

Внимательное изучение показывает, что перевод сочетает точность с изяществом, в чем легко можно убедиться, сопоставив его с оригиналом.

Помимо унциальной надписи на выпуклой стороне черепка, в самом его верху, где находилось горлышко амфоры, тусклой красной краской был изображен тот же картуш, что и на скарабее, найденном в серебряной корзинке. Иероглифы, или символы, были, однако, перевернуты, словно оттиснуты на воске. Принадлежал ли картуш Калликрату, какому-нибудь принцу либо фараону, чья кровь текла в жилах принцессы Аменартас, — не знаю; не могу я с уверенностью сказать, и был ли он нанесен на черепок в одно время с унциальной надписью или же скопирован позднее со скарабея кем-нибудь из ее многочисленных потомков. И это еще не все. Под надписью той же краской был сделан набросок головы и плеч сфинкса, увенчанного двумя перьями, символами величия; перья довольно часто встречаются на изваяниях священных быков, но я никогда не видел их на сфинксах.

На правой стороне черепка, рядом с унциальной надписью, красной краской, наискось, было выведено следующее любопытное двустигийе, подписанное голубой краской:

На земле, в небесах, в океанской бездне
Несчетно чудес, лишь очи отверзни.
Noc fecit

Доротея Винси.

Глубоко озадаченный, я перевернул реликвию. Она была вся, сверху донизу, испещрена пометками и подписями на греческом, латинском и английском языках. Первая пометка, сделанная унциальным греческим шрифтом, принадлежала Тисисфену. «Я не смог поехать. Тисисфен своему сыну Калликрату», — гласила она. Вот ее факсимиле с рукописным эквивалентом:

ΟΥΚΑΝΔΥΝΑΜΗΝΓΟΡΕΥΕΣΘΑΙΤΙΣΙΣΘΕΝΗΣ
ΚΑΛΙΚΡΑΤΕΙΤΩΙΓΑΙΔΙ

*οὐκ ἂν δυναίμην γορεύεσθαι.
Τισισθένης Καλλικράτει τῷ παιδί.*

Этот Калликрат (названный так, видимо, по греческому обычаю, в честь деда), очевидно, пытался начать поиски, ибо написал еле заметным, неразборчивым унциальным шрифтом: «Я хотел уже отправиться в путь, но боги ополчились против меня, и я вынужден отказаться от своего намерения. Калликрат своему сыну». Вот эта надпись:

ΤΩΝΘΕΩΝΑΝΤΙΣΤΑΝΤΩΝΕΓΑΥΣΑΜΗΝΤΗΣ
ΓΟΡΕΙΑΣΚΑΛΙΚΡΑΤΗΣΤΩΙΓΑΙΔΙ

*τῶν θεῶν ἀντιζῶντων ἐπαυσάμην τῆς πορείας.
Καλλικράτης τῷ παιδί*

Между двумя этими древними надписями — вторая, кстати сказать, написана прыгающими буквами и так сильно стерлась от прикосновения рук, что — не приложи Винси свою транскрипцию — я вряд ли смог бы ее разобрать, — выделялась четкая, сделанная, по всей видимости, сравнительно недавно подпись некоего Лайонела Винси. Чуть ниже чья-то рука, очевидно рука деда Винси, начертала: «Aetate sua 17». Справа были инициалы «Дж. Б. Ви.», внизу — множество греческих подписей на

унциальном и рукописном шрифтах: часто повторялись написанные, как правило, небрежно слова «» (моему сыну): это свидетельствовало, что реликвия благоговейно передавалась из поколения в поколение.

За греческими подписями следовала короткая пометка: «Romas A.U.C.», из чего можно было заключить, что семья переселилась в Рим. Затем, где только можно, вписаны были двенадцать латинских подписей. За тремя исключениями, они оканчивались фамилией Виндекс, или Мститель, латинским эквивалентом фамилии Тисисфен. Впоследствии, как и следовало ожидать, латинская фамилия трансформировалась сначала в де Винси, а затем в простую современную Винси. Любопытно отметить, как идея мести, к которой египтянка взывала еще до Рождества Христова, сохранилась в типично, казалось бы, английской фамилии.

Лишь немногие из римских имен, написанных на черепке, упоминаются в исторических летописях или хрониках. Если не ошибаюсь, это нижеследующие:

MVSSIIVS. VINDEX

SEX. VARIVS. MARVLLVS

G. FVFIDIVS. G. F. VINDEX

и

LABERIA. POMPEIANA. CONIVX. MACRINI. VINDICIS

Последнее, разумеется, имя римлянки.

Воспроизвожу список, охватывающий все римские фамилии на черепке:

G. CAECILIVS. VINDEX

M. AIMILIVS. VINDEX

SEX. VARIVS. MARVLLVS

Q. SOSIVS. PRISCVS. SENECIO. VINDEX

L. VALERIVS. COMINIVS. VINDEX

SEX. OTACILIVS. M. F.

L. ATTIVS. VINDEX

MVSSIVS. VINDEX

G. FVFIDIVS. G. F. VINDEX

LICINIVS. FAVSTVS

LABERIA. POMPEIANA. CONIVX. MACRINI. VINDICIS

MANILIA. LVCILLA. CONIVX. MARVLLI. VINDICIS

В течение нескольких веков судьба рода неизвестна. Никто никогда не узнает, что происходило в это время с реликвией и каким образом она сохранилась в роду. Мой бедный друг Винси, помнится, упоминал, что его римские предки в конце концов поселились в Ломбардии, а после завоевания ее Шарлеманем перешли с ним через Альпы и осели в Бретани, а оттуда уже — в царствование Эдуарда Исповедника — переехали в Англию. Не знаю, где почерпнул он эти сведения, на черепке не упоминаются ни Ломбардия, ни Шарлемань, хотя и имеется упоминание о Бретани. Продолжаю. Под фамилиями — продолговатое пятно то ли крови, то ли красного пигмента, два красных креста — возможно, схематичное изображение мечей крестоносцев — довольно аккуратная монограмма («Д. В.»); начертана она алой и голубой красками, по-видимому, той самой Доротеей Винси, что написала, вернее — нарисовала, уже цитировавшееся двустиише. Слева — бледно-голубые инициалы «А. В.» и дата: 1880 год.

Далее следует одна из самых любопытных надписей на этой необыкновенной реликвии. Сделана она готическим шрифтом, прямо поверх крестов (или мечей крестоносцев), и датирована 1445 годом. Полагаю, что эта надпись не нуждается в толковании, поэтому публикую ее в латинском оригинале без каких бы то ни было сокращений; то, что автор — превосходный средневековый латинист, не вызывает никаких сомнений.

Что, может быть, еще более удивительно — тут же и английский перевод. Этот перевод, также написанный готикой, мы нашли на втором пергаменте, который хранился в сундучке. Он, очевидно, более старинного происхождения, чем средневековый латинский перевод унциальной греческой надписи. Привожу его целиком.

Факсимиле готической надписи на черепке вазы принцессы Аменартас.

Ista reliq̃ia est valde mysticū et myrificū op̃s,
q̃d maiores mei ex Armorica s̃ Britannia
miore, secū cōvehēbāt et q̃idm sc̃s cleric̃s
sēper p̃ri meo in manu ferebat q̃d p̃itus illud
destrueret, affirmās q̃d esset ab ipso sathana
cōflatō prestigiola et dyabolica arte q̃re p̃ter
meus cōfregit illud ī duas p̃tes, q̃s q̃dm ego
Joh̃s de Biceto salvas servavi et adaptavi sicut
apparet die lūe p̃r post fest̃ beate Marie virg̃
annigr̃emccccxlv.

Факсимиле староанглийского перевода предыдущей латинской надписи на черепке. Надпись сделана готическим шрифтом на пергаменте.

This rellike ys a ryghte mysticall worke &
a maruolous y^e whiche myne aunceteres
afore tyme dyd conueighe hider to y^m ffrom
Armorike wh^{er} ys to seien Britayne y^e Vesse
& a certayne holue clerke shoulde allweyes beare
my ffadir on honde y^e he ougthte vtterly ffor
to ffrusthe y^e same affyrmynges y^e yt was ffour=
myd & confflathd off sathanas hym selffe by
arte magike & dyvelyshe wherfore my ffadir
dyd take y^e same & to brast yt yn twayne
but I John de Vynces dyd save whool y^e twayne
ptes therof & topeechd y^m toghdder agayne soe
as yee se on lst daie mondaie next ffollowynge
after y^e ffeeste of seynthe Marthe ye blessedvirgyne
yn ye yeere of salvacioun ffowertene hundreth
& ffyve & ffoweti.

Была там и более современная версия перевода, сделанного готическим шрифтом:

«Ista reliquia est valde mysticum et myrificum opus, quod majores mei ex Armorica, scilicet Brittaniam Minorem, secum convehabant; et quidam sanctus clericus semper patri meo in manu ferebat quod penitus illud destrueret, affirmans quod esset ab ipso Sathana conflatum prestigiosa et dyabolica arte, quare pater meus confregit illud in duas partes, quas quidem ego Johannes de Vinceto salvas servavi et adaptavi sicut apparet die lune proximo post festum beate Marie Virginis anni gratie MCCCCXLV.»

«Сия реликвия — вещь преудивительная, таинственного происхождения. Мои предки привезли ее из Арморики, что ныне прозывается Бретанью. Слуги Божьи увещевали отца, дабы уничтожил он сию реликвию, творение сатанинское, черной магией созданное, и отец разломал ее на две части, но я, Джон де Винси, снова соединил эти части. Пишу сие в понедельник после празднества Святой Марии, Девы Благословенной, в год от Рождества Христова одна тысяча четыреста сорок пятый».

Следующая, предпоследняя надпись принадлежит к елизаветинской эпохе и датирована 1564 годом: «Случилась чрезвычайно странная история, которая стоила моему отцу жизни: в то время, когда он искал подходящее место для высадки на восточном побережье Африки, его полубаркас был потоплен португальским галеоном под командованием Лоренцо Маркеша, а сам он погиб. Джон Винси».

Последняя, судя по некоторым особенностям, надпись сделана в середине восемнадцатого столетия. Это неточная цитата из «Гамлета»:

Есть многое на свете, что не снилось,
О друг Горацио, нашим мудрецам.

Оставался лишь один непрочитанный пергамент — старый, сделанный готическим шрифтом перевод унциальной латинской надписи на черепке. Перевод датирован 1495 годом и принадлежит перу некоего «мужа ученого» — Эдмунда де Прато (Эдмунда Пратта), лиценциата, знатока канонического права (Эксетерский колледж, Оксфорд), ученика Гросина, первого преподавателя греческого языка в Англии. Нет сомнений, что, заслышав о человеке столь высокой учености, тогдашний Винси, вероятно, тот самый Джон Винси, что спас реликвию от гибели и сделал в 1445 году надпись готическим шрифтом, обратился в Оксфорд за помощью в расшифровке таинственного послания. Ученый Эдмунду с не посрамил своего имени. Его перевод — великолепный образец средневековой учености и знания латинского языка. Я не могу останавливаться здесь на некоторых особенностях перевода, все же хотел бы привлечь внимание к отрывку: «*duxerunt autem nos ad reginam advenaslasaniscoronantium*». На мой взгляд здесь восхитительно передан греческий оригинал:

Amenartases gen. reg. Egypti uxor Callicratis
sacerdotis Isis quā dei fovēt demonia attēdūt
filiol' suo Eristheni tā moribūda ita mādat:
Effugi quōdā ex Egypto regnāte Nectanebo cū
patre tuo, p̄pter mei amorē pejerato. Fugiētes
autē v'sus Notū trans mare et xxiiij mēses
p'r litora Libye v'sus Oriētē errant ubi est
petra quedā īigna sculpta instar Ethiop' capīt,
deinde dies iiij ab ost' flūm īigni eiecti p'tim
submersi sumus p'tim morbo mortui suū: in fine
autē a serp' hōbs portabamur p'r palud' et
bada. ubi aviū m'titudo celū obūbrat dies x.
donec advenim' ad cavū quedā montē, ubi olim
īigna urbs erat, cauerne quoq' tūēse: doxerūt
autē nos ad reginā Alduenassalaniscoronātiū que
magiē utebāt' et peritia omniū rer' et saltē
pulerit et vigore sēscibil' erat. Nec īguo patrē
tui amore p̄vssa p'mū q'idē ei conūbiū michi
mortē parabat. postea v'ro reculāte Callicrate
amore mei et timore regine affecto nos p'r
magicā abduxit p'r vias horribil' ubi est puteus
ille p̄fūdus, cuius iuxta aditū iacebat senior
philosophi cadauer, et advēiētib' mōstravit flāmā
Vite erectā, star columnę volutātis, voces

emittētē q̄si tonitrūs: tūc p̄r ignē petu nociuo
expers trāssit et iā ipsa sese formosior visa est.

Quib̄ fact̄ iuravit se patrē tuū quoq̄
imortalē ostēsūrā esse, si me prius occisa regine
cōtuberniū mallet; neq̄ en ipsa me occidere
valuit, p̄pter nostratū m̄gicā cuius egomet p̄tem
habeo. Ille vero nichil huius gen̄ maluit, manib̄
ante ocul̄ passis ne mulierē formositatē adpiceret:
pōtea eū m̄gica p̄cussit arte, at mortuū efferebat
de cū fletib̄ et vagitib̄, me p̄r timorē expulit
ad ostiū m̄gni fluminis velinoli porro in nave in
qua te peperī, uix post dies huc Athenas invec-
tū. At tu, O Erisistheū, ne q'd quorū mādō
nauci fac: necesse en est mulierē 'exquirere si
q̄da Bīte mysteriū petres et vdicare, quātū in
te est, patrē tuū Gallierat̄ in regine morte.
Sin timore seu aliq̄ causa rē relquis fectā,
hoc ipsū ōb poster̄ mādō dū bonvs q̄s inveniatur
qui ignis lanacrū nō p̄rhorrescet et p̄tentia
dignū dōabit̄ hōū.

Talia dico incredibilia q̄dē at m̄ne n̄cta de
rebus nichicognitis.

Hec Grece scripta Latine reddidit vir doctus
Edmōs de Prato, in Decretis Licenciatus e Coll.
pupillis, Id. Apr. M. Dñt. MCCCCLXXXV.

Далее следует расширенный вариант средневекового латинского перевода:

Amenartas, e genere regio Egypti, uxor Callicratis, sacerdotis Isidis, quam dei foveant demonia attendunt, filiolo suo Tisistheni jam moribunda ita mandat: Effugi quondam ex Egypto, regnante Nectanebo, cum patre tuo, propter mei amorem pejerato. Fugientes autem versus Notum trans mare, et viginti quatuor menses per litora Libye versus Orientem errantes, ubi est petra quedam magna sculpta instar Ethiopis capitis, deinde dies quatuor ab ostio fluminis magni ejecti partim submersi sumus partim morbo mortui sumus: in fine autem a feris hominibus portabamur per paludes et vada, ubi avium multitudo celum obumbrat, dies decem, donec advenimus ad cavum quendam montem, ubi olim magna urbs erat, caverne quoque immense; duxerunt autem nos ad reginam Advenaslasaniscoronantium, que magica utebatur et peritia omnium rerum, et saltern pulcritudine et vigore insensibilis erat. Hec magno patris tui amore perculsa, primum quidem ei connubium michi mortem parabat; postea vero, recusante Callicrate, amore mei et timore regine affecto, nos per magicam abduxit per vias horribiles ubi est puteus ille profundus, cujus juxta aditum jacebat senioris philosophi cadaver, et advenientibus monstravit flammam Vite erectam, instar columnae volutantis, voces emittentem quasi tonitrus: tunc per ignem impetu nocivo expers transiit et jam ipsa sese formosior visa est.

Quibus factis juravit se patrem tuum quoque immortalem ostensuram esse, si me prius occisa regine contubernium mallet; neque enim ipsa me occidere valuit, propter nostratum magicam cujus egomet partem habeo. Ille vero nichil hujus generis malebat, manibus ante oculos passis, ne muliers formositatem adspiceret: postea ilium magica percussit arte, at mortuum efferebat inde cum fletibus et vagitibus, et me per timorem expulit ad ostium magni fluminis, velivoli, porro in nave, in qua te peperisti, vix post dies huc Athenas vecta sum. At tu, O Tisisthenis, ne quid quorum mando nauci fac: necesse enim est mulierem exquirere si qua Vite mysterium impetres et vindicare, quantam in te est, patrem tuum Callicratem in regine morte. Sin timore seu aliqua causa rem relinquis infectam, hoc ipsum omnibus posteris mando, dum bonus quis inveniatur qui ignis lavacrum non perhorrescet, et potentia dignus dominabitur hominum.

Talia dico incredibilia quidem at minime ficta de rebus michi cognitis.

Hec Grece scripta Latine reddidit vir doctus Edmundus de Prato, in Decretis Licenciatus, e Collegio Exoniensi Oxoniensi doctissimi Grocyni quondam e pupillis, Idibus Aprilis Anno Domini MCCCCLXXXV°.

— Ну что же, — сказал я, когда наконец прочитал и тщательно изучил все надписи и пометки — по крайней мере те из них, что еще можно было разобрать. — Теперь ты знаешь все, Лео, и можешь составить свое собственное мнение. Мое уже сложилось.

— И каково же оно? — быстро спросил он.

— Вот оно. Я верю, что черепок подлинный и что он действительно хранится в вашем роду с четвертого столетия до Рождества Христова. Достоверность этого — поистине удивительного — факта подтверждается всеми надписями. Остальное, однако, вызывает большие сомнения. Допустим, одна из надписей в самом деле написана твоей отдаленной прародительницей, египетской принцессой или каким-нибудь писцом под ее диктовку; совершенно очевидно, что перенесенные муки и смерть мужа лишили ее разума, ее пером водило чистейшее безумие.

— А как вы объясните то, что видел и слышал мой отец?

— Простое совпадение. Конечно же, на берегах Африки есть немало скал, напоминающих по форме человеческую голову, и многие там говорят на исковерканном арабском языке. Достаточно в тех местах и болот. И еще одно соображение, Лео; ты уж извини меня, но я полагаю, что твой бедный отец был не в своем рассудке, когда писал все это. Он столкнулся с большими трудностями, а человек он был очень впечатлительный, и вся эта история сильно подействовала на его воображение. Как бы там ни было, я считаю, что это полнейший вздор. В природе, хотя и нечасто, встречаются любопытные явления и феномены, которые ставят нас в тупик. Но пока я сам не буду убежден в обратном, а это маловероятно, никогда не поверю, что можно отсрочить собственную смерть, пусть даже на некоторое время; не внушают мне доверия и рассказы о белой колдунье, которая жила или живет среди африканских топей. Это просто бред, мой мальчик, суший бред! А что скажешь ты, Джоб?

— По-моему, сэр, это все напридумано; а если и не напридумано, надеюсь, мистер Лео не станет вступать в такие дела, ничего хорошего из этого не получится.

— Может быть, вы оба и правы, — очень спокойно произнес Лео. — Я оставлю при себе свое мнение. Скажу лишь одно: я намерен до конца раскрыть эту тайну; и если вы не захотите меня сопровождать, я поеду один.

Посмотрев на молодого человека, я понял, что он не отступит от своего слова. Когда Лео что-нибудь твердо решит, он чуть заметно поджимает губы. Так было с самого детства. Признаюсь откровенно, я никуда не отпускаю Лео одного, если не ради него самого, то хотя бы ради

собственного спокойствия. Слишком сильна моя привязанность к нему. Нет у меня, кроме него, ни одного близкого человека. Обстоятельства против меня, моего общества чужаются не только женщины, но и мужчины, так мне, по крайней мере, кажется, а уж как это на самом деле — не имеет значения. Все они, видимо, судят о моих душевных качествах по достаточно непривлекательной наружности. Чтобы не сталкиваться с проявлениями неприязни, я отгородился от внешнего мира, исключив все возможности установления сколько-нибудь близких отношений с другими людьми. Лео для меня все: и брат, и сын, и друг, и пока он не скажет, что тяготится моим присутствием, я готов сопровождать его хоть на край света. Но само собой, он не должен знать, как велика его власть надо мной; необходимо найти какой-нибудь благовидный предлог для капитуляции.

— Да, я поеду, дядя. Если я и не найду этот «Вращающийся Огненный Столп Жизни», то хотя бы вволю поохочусь: охота там первоклассная.

Случай был благоприятный, и я не преминул им воспользоваться.

— Охота? Об этом я и не подумал. В тех диких краях, должно быть, водится много крупной дичи. Мне всегда хотелось поохотиться на буйволов. Знаешь, мой мальчик, я не верю, что наши поиски увенчаются успехом, но я верю в свою охотничью удачу, поэтому, если ты и в самом деле поедешь, я возьму отпуск и составлю тебе компанию.

— Я был уверен, что вы не упустите такой возможности. А как насчет денег? Их понадобится целая куча.

— Об этом можешь не беспокоиться. Все эти годы я откладывал ренту, которая выплачивалась тебе по отцовскому завещанию, и сэкономил две трети того, что твой отец завещал мне как твоему опекуну. Так что тут нет никаких препятствий.

— Ну что ж, тогда уберем сундучок со всем, что в нем есть, поедem в город и купим себе ружья... А ты, Джоб, поедешь с нами? Пора тебе повидать мир.

— Может, и так, сэр, — флегматично ответил Джоб. — Я, конечно дело, не любитель таскаться по всяким там заграницам, но уж если вы, джентльмены, оба едете, вам нужен слуга, а я ведь двадцать лет прослужил у вас, неужто же отпущу вас одних? Не таковский я человек.

— Хорошо, Джоб, — сказал я. — Никаких чудес ты там не увидишь, но поохотимся мы на славу... А теперь и ты, и Лео послушайте меня. Я не хочу, чтобы хоть одна живая душа знала об этой чепуховине, — я показал на черепок. — Только просочись слухок, весь Кембридж будет хохотать, а уж если со мной что случится, мой ближайший родственник сможет оспорить мое завещание на том основании, что я, мол, был не в своем уме.

Через три месяца мы уже плыли на корабле в Занзибар.

Глава IV. Шквал

Как разительно отличается сцена, к описанию которой я сейчас приступаю, от ранее описанной! Далеко позади — уютная квартирка в колледже, знакомые тома на полках; далеко позади — раскачивающиеся на ветру вязы и крикливые грачи. Кругом, куда ни глянь, под лучами полной африканской луны мерцает и переливается притененными серебряными огоньками спокойная ширь океана. Ветер вздувает огромный парус нашей дау, мелодично журчит вдоль бортов вода. Время полуночное, и почти все матросы спят на баке; только смуглый кряжистый араб Мухаммед стоит у руля, определяя наш курс по звездам; у него неторопливые, с ленцой движения. В трех милях по правому борту смутно темнеет узкая полоска — восточный берег Центральной Африки. Наша дау под северо-западным муссоном направляется на юг. Материк на добрых сотни миль окаймлен опасными рифами. Ночь так тиха, так необыкновенно тиха, что даже произнесенные шепотом слова можно расслышать по всему нашему суденышку, от носа до кормы; с отдаленной земли доносится слабый рокочущий звук.

Араб за рулем поднимает руку и говорит одно-единственное слово:
— Симба (лев).

Мы все садимся на палубе и вслушиваемся. Вот он, этот звук, раскатистый, величественный, наполняющий наши сердца трепетом,

— Завтра в десять часов, — сказал я, — если капитан не ошибся в своих расчетах, что более чем вероятно, мы увидим таинственную скалу, похожую на голову негра, высадимся и начнем свою охоту.

— И начнем поиски развалин великого города и Огненного Столпа Жизни, — с легкой усмешкой поправил меня Лео, вынув изо рта трубку.

— Пустое! — ответил я. — Днем ты разговаривал с нашим рулевым, практиковался в арабском. И что же он тебе сказал? Добрую половину своей не очень праведной жизни он занимался торговлей (или работорговлей) в этих широтах, однажды даже высаживался у подножия Скалы-Человека. Слышал ли он о развалинах города или пещерах?

— Нет, — признался Лео. — Он говорит, что от самого берега начинаются сплошные болота, кишашие змеями, особенно питонами; водится там и всевозможная дичь, но людей нет. Пояс болот тянется вдоль всего восточно-африканского побережья, но это не имеет никакого значения.

— Нет, имеет, — возразил я. — Где болота — там и лихорадка. Сам видишь, какого мнения все эти господа о здешних местах. Никто не хочет сопровождать нас. Они считают нас полоумными, и, честное слово, я готов с ними согласиться. Буду очень удивлен, если мы снова увидим добрую старую Англию. Мне, в мои годы, терять уже нечего, а вот за тебя, мой мальчик, и за Джоба я беспокоюсь. Все это дурацкая затея.

— Ничего, ничего, дядя Хорейс. Почему бы мне не попытать счастья? Но поглядите, что это за туча? — он показал на темное пятно, которое появилось в звездном небе в нескольких милях от нас, за кормой.

— Спроси рулевого, — посоветовал я.

Лео встал, потянулся и пошел на корму. Через несколько минут он вернулся.

— Он говорит, надвигается шквал, но надеется, что шквал пройдет стороной, далеко от нас.

Тут подошел Джоб, он выглядел типичным англичанином в своем коричневом фланелевом охотничьем костюме, который сильно его толстит. С тех пор как мы очутились в этих незнакомых водах, с его честного круглого лица почти не сходило озадаченное выражение.

— Пожалуйста, сэр, — сказал он, притрагиваясь к широкополой шляпе, смешно нахлобученной на затылок, — послушайте меня. Все наши ружья и вещи в вельботе, за кормой. Там же и провизия. На ночь я переберусь туда. Уж больно у всех этих черных джентльменов, — тут он понизил голос до зловещего шепота, — воровской вид. А что, если кто-нибудь из них заберется ночью в наш бот? Хватил ножом по канату — и поминай как звали. Что нам тогда делать? Беда.

Здесь я должен пояснить, что этот вельбот построили по особому заказу в Данди, в Шотландии. Мы взяли его с собой, так как знали, что берег изрезан сетью небольших речушек, и нам может понадобится шлюпка, чтобы подняться по одной из них. Бот был превосходный, в тридцать футов длиной, с килем, обшитым медным листом — чтобы не источили жучки — днищем и с множеством водонепроницаемых ящиков-отсеков. Капитан дау предупредил нас, что из-за подводных рифов и отмелей мы вряд ли сможем подойти вплотную к хорошо ему знакомой, похожей на голову негра скале, по всем признакам той самой, о которой упоминается в надписи на черепке и о которой говорил отец Лео. В то утро ветер прекратился с восходом солнца, и, пользуясь затишьем, мы за три часа перенесли все наше имущество в вельбот, уложив ружья, амуницию и провизию в специально для них приготовленные ящички-отсеки, с тем чтобы, когда мы подойдем к таинственной скале поближе, осталось только

перебраться в бот и доплыть на нем до берега. К тому же капитаны-арабы по ошибке или беспечности нередко проскакивают назначенное место. А как хорошо знают все матросы, осадка дау не позволяет ей идти против ветра. Поэтому мы спустили бот на воду, чтобы в случае необходимости подойти к берегу на веслах.

— Хорошо, Джоб, — сказал я, — пожалуй, это дельная мысль. Одеяд там полно, только не ложись лицом к луне — можешь ослепнуть или одуреть.

— Господи, сэр! Я и так уже одурел от одного вида этих грязных арабов, которые тащат все, что ни попадет под руку. Сущее дерьмо, а не люди. И воняют так же противно.

Джоб, как явствует из его слов, отнюдь не был поклонником нравов и обычаев наших темнокожих собратьев.

Мы подтянули бот канатом к самой корме дау, и Джоб плюхнулся в него, как мешок с картофелем. Затем мы с Лео вернулись и сели на прежнее место; покуривая, мы перебрасывались отрывочными репликами. Ночь была несказанно прекрасна, мы испытывали вполне понятное сильное возбуждение и не хотели расходиться по каютам. Через час или около того мы оба задремали. Помню только, как Лео сонно рассуждал о том, куда следует стрелять, охотясь на буйвола: неплохо всадить пулю ему в голову, между рогов, или в горло, что-то в этом роде. Затем в моей памяти — провал.

Проснулся я от ужасающего рева ветра. Испуганно кричат матросы; вода, как хлыстом, стегает по лицам. Кое-кто из команды пробует убрать парус, но фал защемило в бейфуте, рей никак не опускается. Я вскочил и схватился за какую-то снасть. Небо за кормой было черным-черно, но впереди, разгоняя тьму, все еще ярко сверкала луна. При ее свете я увидел, как на нас стремительно надвигается огромный, футов в двадцать или даже выше, вал, увенчанный пенистым гребнем, который насквозь пронизывали серебристые лучи. Гонимый грозным шквалом, этот — уже на изломе — вал мчался вперед под чернильно-темным небом. В следующий миг черный силуэт нашего вельбота взметнулся ввысь, и на дау обрушилась гигантская масса пенящейся воды; я изо всех сил держался за канат, раскачиваясь, как флаг на ветру.

Огромный вал схлынул. Мне казалось, будто я пробыл под водой долгие минуты, на самом же деле прошло всего несколько секунд. Я посмотрел вперед. Большой парус, сорванный шквалом, трепетал в вышине, словно громадная раненая птица. На мгновение шум притих, и я услышал отчаянный вопль Джоба:

— Ко мне, в бот!

Я успел нахлебаться воды, с трудом соображал, но все же, собравшись с духом, бросился на корму. Дау быстро погружалась в воду. Вельбот яростно крутился под кормовым подзором; я увидел, как в него спрыгнул араб Мухаммед, наш рулевой. Схватив буксирный канат, я отчаянным рывком потянул бот и прыгнул вслед за ним. Джоб поймал меня за руку, и я повалился на днище. Чтобы дау не утянула нас за собой, Мухаммед выхватил свой кривой нож и перерезал канат — в следующее мгновение мы уже плыли по тому самому месту, где только что находилась дау.

— Боже! — закричал я. — Где же Лео?... Лео! Лео!

— Его снесло, сэр, да спасет его Господь! — проревел Джоб в мое ухо, но в неистовом вое ветра его голос прозвучал тихим шепотом.

В полном отчаянии я ломал руки. Лео погиб, а я остался в живых, чтобы оплакивать его.

— Осторожно, сэр! — возопил Джоб. — Еще одна волна!

Я обернулся и увидел, что нас нагоняет второй гигантский вал. «Хоть бы он утопил меня!» — горестно подумал я. Странно зачарованный, наблюдал я за его продвижением. К этому времени луна была уже полускрыта клочьями туч, но я все же различил на гребне всесокрушающей водяной горы что-то темное — должно быть, обломок кораблекрушения. Волна затопила вельбот чуть ли не по самые края. Но он недаром был построен с водонепроницаемыми отсеками — да благословит Небо их изобретателя! — и продолжал плыть, как лебедь. В пенной кипени я снова увидел какой-то темный предмет — он мчался прямо на меня. Я протянул правую руку, чтобы защититься от него, — и как тисками сжал запястье чьей-то руки. Человек я очень сильный и крепко держался за борт, но под тяжестью плавающего тела мою руку едва не вырвало из плечевого сустава. Еще пара секунд — и я либо разжал бы пальцы, либо меня утянуло бы за борт, но и этот второй вал схлынул, оставив нас по колено в воде.

— Вычерпывайте воду! Вычерпывайте воду! — прокричал Джоб, подкрепляя этот призыв собственным примером.

Но я не мог в тот миг присоединиться к нему: случайный луч света озарил лицо человека, которого я спас из морской пучины. Он то ли лежал на днище, то ли плавал в воде.

Это был Лео. Лео, живой или мертвый, возвращенный волной из самой пасти смерти.

— Вычерпывайте воду! Вычерпывайте воду! — вопил Джоб. — Или мы сейчас пойдем ко дну!

Я вытащил из-под банки прикрепленный там большой жестяной

черпак, и мы все втроем энергично принялись за работу: речь шла о спасении нашей жизни. Яростный ураган швырял бот, как щепку; клочья пены и брызги воды ослепляли нас, но мы работали как одержимые, подбадриваемые отчаянием, ибо и отчаяние может подбадривать. Минута! Три минуты! Шесть минут! Бот понемногу облегчался, и, на наше счастье, больше таких огромных валов не было. И вдруг сквозь ужасающие взвизгивания урагана стал пробиваться однообразный глухой рев. О силы небесные! Буруны!

В этот миг снова заблистала луна — на этот раз позади оставленной шквалом тропы. Над израненной грудью океана неслись ее зазубренные дротики, и в полумиле по направлению к берегу мы увидели белую полосу пены, за ней — неширокое пространство зияющей черноты, а дальше — еще одна полоса пены. Это были буруны; все явственнее и явственнее слышался рев; вот они уже перед нами — белокипенные, грозные, как оскаленные челюсти самого сатаны.

— Правь рулем, Мухаммед! — заревел я по-арабски. — Мы должны попробовать пройти.

Я вырвал весло из уключины и жестом показал Джобу, чтобы он сделал то же самое. Мухаммед переполз на корму и схватился за румпель. Джоб иногда развлекался греблей на реке Кеме; хотя и не без труда, но весло он все же вытащил. Бот повернулся носом к приближающейся пенной полосе; то зарываясь в воду, то выныривая, он несясь вперед стремительно, с быстротой скакуна. Прямо перед нами первый ряд бурунов казался чуточку поуже, чем справа или слева, — здесь, видимо, глубина была больше. Я повернулся и показал на этот просвет.

— Правь туда, Мухаммед! — выкрикнул я. Рулевой он был очень искусный, хорошо знакомый с многочисленными опасностями этого коварного побережья. Он навалился на румпель всем своим тяжелым телом и устоял на пенящийся ужас: глаза его, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. Тем временем лодку разворачивало направо. Достаточно было отклониться в ту сторону ярдов на пятьдесят, как вздыбленные бурлящие волны неминуемо поглотили бы бот. Мухаммед уперся ногой в банку с такой силой, что пальцы его ноги расплющились. Бот изменил направление, но недостаточно. Я крикнул Джобу, чтобы он табанил, и сам начал изо всех сил грести веслом. Бот наконец отозвался на наши усилия, и как раз вовремя!

Господи помилуй, мы уже среди бурунов! Несколько минут невыразимого страха и волнения. Со всех сторон могучие пенные волны — кажется, это злые духи восстали со дна своей океанской могилы, чтобы

покачать незваных пришельцев. Помню, один раз бот даже закрутило, уж не знаю, что нас спасло: чистая случайность или искусство Мухаммеда, но только бот успел выправиться, прежде чем нас накрыл бурун. И еще один — сущее чудовище! Мы буквально пронырнули сквозь него. Дикий радостный вопль араба — и мы уже в относительно спокойных водах, между двумя рядами оскаленных зубов моря!

Бот, однако, вновь полузатоplen, а не более чем в полумиле от нас — вторая бурунная полоса. Мы принялись ожесточенно работать черпаками. К счастью, буря уже совсем утихла, и при ярком свете луны мы увидели скалистый мыс, который вдавался в море на полмили или больше, так что эта вторая полоса бурунов казалась его продолжением. Во всяком случае, они кипели у самого его подножия. По-видимому, мыс, постепенно спускаясь в океан, образовывал целую цепь подводных рифов. Над оконечностью мыса, не далее мили от нас, высилась какая-то странная скала. Мы уже успели вычерпать всю воду, когда, к моей величайшей радости, Лео открыл глаза и сказал, что его одежда свалилась с кровати, а ведь пора вставать и идти в часовню. Я велел ему закрыть глаза и лежать спокойно, что он и сделал, не имея ни малейшего понятия о происходящем. Это неожиданное упоминание о часовне растравило в моем сердце сильную тоску по уютной кембриджской квартирке. Какого же дурака я сваял, покинув ее! Эта тоска возвращалась потом еще несколько раз, со все возрастающей силой.

И вот мы снова направляемся к бурунам, хотя и не так быстро, так как ветер совсем прекратился и нас несет то ли течение, то ли прилив (позднее стало ясно, что прилив).

Араб жалобно воззвал к Аллаху, я вознес несколько слов молитвы, а Джоб издал восклицание отнюдь не столь благочестивого свойства. Мы среди бурунов. И все, вплоть до нашего окончательного спасения, повторяется, только не с таким ужасающим неистовством. Мастерство рулевого и водонепроницаемые отсеки вторично спасают нам жизнь.

Через пять минут буруны остались позади, и нас понесло к мысу. Мы были слишком измучены, чтобы делать хоть что-нибудь, кроме как рулить прямо вперед.

Вместе с течением мы огибали мыс, пока не оказались под его прикрытием. Бот плыл все медленнее и медленнее и наконец остановился в неподвижной воде. Бури как будто и не бывало; небо блистало первозданной чистотой; мыс надежно защищал нас от еще не спокойного моря; прилив, который продолжал подниматься вверх по реке (мы находились уже в ее устье), вскоре должен был смениться отливом; бот

стоял спокойно; еще до захода луны мы вычерпали всю воду, так что он обрел прежнюю плавучесть. Лео все еще крепко спал, и я решил, что лучше его не будить. Плохо, конечно, что он спит в мокрой одежде, но ночь очень теплая, и я подумал (Джоб меня поддержал), что опасность простыть не столь уж и велика для человека такого могучего сложения, как Лео. К тому же под рукой у нас не было сухой одежды.

Луна скрылась за окоемом; вода лишь слегка покачивала нашу лодку, вздымаясь, точно грудь взволнованной женщины; и мы могли спокойно размышлять обо всем только что пережитом и о нашем спасении. Джоб примостился на носу, Мухаммед занимал свое привычное место за рулем, а я сидел на банке в самой середине бота, рядом с лежащим Лео.

После ухода луны, а она удалилась, как прекрасная невеста, скрывающаяся в спальню, небо занавесили длинные тени, сквозь которые робко проглядывали последние звезды. Скоро, однако, и они померкли перед великолепным сиянием востока; по новорожденной голубизне, стряхивая еще не потухшие планеты, торопливо зашагала трепещущая заря. Море становилось все тише и тише: клубы мягкого тумана окутывали его чуть вздымающуюся грудь — не так ли, неся желанное забвение, покрывала сна обволакивают смятенную душу? Щедро разбрасывая пригоршни света, ангелы утренней зари стремительно летели с востока на запад, над морями, над горными вершинами. Вынырнув из темноты, они мчались все вперед и вперед в ореоле совершенства и славы, духи высшей справедливости, восставшие из могил; вперед и вперед стремились они — над спокойным морем, над низкой береговой линией, над болотами и горами; над мирно почивающими и над пробуждающимися в печали; над добром и злом; над живыми и мертвыми; над беспредельным миром, над всем, что в нем дышит или навсегда отдышалось.

Зрелище изумительно прекрасное, хотя и печальное. Может быть, именно переизбыток красоты и наводит печаль? Солнце встающее, солнце заходящее. Не символ ли это, не образ ли судьбы человечества и всего, с чем оно сталкивается? Да, символ и образ начала земного существования — его конца. В то утро я осознал это с особенной ясностью. Солнце, взошедшее сегодня для нас, вчера закатилось для восемнадцати наших спутников, для восемнадцати людей, которых мы знали!

Дау ушла на дно вместе со всем своим экипажем, и сейчас тела утопленников плавают между подводных рифов и водорослей, человеческие останки в море смерти. А мы четверо спасены! Но однажды взойдет солнце, и нас уже не станет на свете; другие будут любоваться его ослепительными лучами, тосковать среди переизбытка красоты и мечтать о

смерти в ярком сиянии нарождающейся жизни.
Таков жребий человеческий.

Глава V. Голова эфиопа

Наконец явились глашатаи и провозвестники царственного солнца, и, теснимые ими, тени обратились в бегство. А вот и само светило восстало со своего океанского ложа и затопило мир теплом и светом. Я сидел в вельботе, прислушиваясь к тихому плеску и глядя на небо; тем временем бот потихоньку плыл и плыл, пока наконец величественную картину восходящего солнца не заслонила странного вида скала, возвышающаяся над оконечностью мыса, которого мы достигли с такой опасностью для жизни. Я продолжал рассеянно взирать на скалу в ореоле все более и более яркого света — и вдруг остолбенел, заметив, что вершина скалы — она была около восьмидесяти футов в высоту и ста пятидесяти футов шириной в основании — напоминает голову негра; более того, можно было разглядеть и лицо с запечатленным на нем дьявольским выражением. Сомнений не могло быть: толстые губы, округлые щеки и приплюснутый нос с необыкновенной отчетливостью выделялись на фоне пылающего неба. Возможно, голова обрела свою форму под воздействием ветра и перемен погоды. Как бы то ни было, сходство довершали поросли трав или лишайника: подсвечиваемые сзади, они выглядели наподобие шерстистых волос. Странное это было зрелище, настолько странное, что, как я теперь думаю, это отнюдь не причуда стихийных сил природы, а гигантский монумент, высеченный, как всем известный египетский сфинкс, давно уже забытым народом из скалы, — возможно, предостережение и вызов врагам, которые дерзнули бы приблизиться к гавани. К сожалению, нам не удалось окончательно удостовериться, так ли это на самом деле, ибо и со стороны моря, и со стороны суши взобраться на эту скалу — дело невероятной трудности, а у нас хватало и других забот. В свете всего, что мы видели впоследствии, я убежден, что это творение рук человеческих; так это или нет, но из века в век гигантская голова угрюмо всматривается в вечно переменчивое небо: так было две тысячи лет назад, когда на это дьявольское лицо глядела Аменартас, египетская принцесса и жена отдаленного предка Лео — Калликрата, так будет по меньшей мере столько же столетий с того времени, которое принесет нам всем вечное упокоение.

— Что ты об этом думаешь, Джоб? — спросил я нашего слугу; греясь на солнце, он с глубоко несчастным видом сидел на борту. И я показал на демоническую голову в полыхании солнечного огня.

— О Господи, сэр! — отозвался Джоб; он только теперь разглядел

голову. — Это, видно, портрет того самого Старого Джентльмена, который поджаривает грешников в аду.

Я засмеялся, и мой смех разбудил Лео.

— Привет, — сказал он. — Что это со мной? Я весь закоченел. А где наша дау? Дайте мне, пожалуйста, глоток бренди.

— Скажи спасибо, мой мальчик, что ты не окоченел навсегда, — ответил я. — Дау пошла ко дну вместе со всей командой, спаслись лишь мы четверо; это просто чудо, что и ты не утонул.

К этому времени уже совсем рассвело; и пока Джоб искал бренди, я рассказал Лео обо всем, происшедшем накануне.

— Какой ужас! — воскликнул он. — Подумать только, судьба пощадила именно нас, и никого больше!

Джоб принес бренди, и мы все по очереди с удовольствием приложились к бутылке. Мы провели в мокрой одежде более пяти часов, продрогли до мозга костей и теперь отогревались на солнце, которое становилось все жарче и жарче.

— Ну что ж, — произнес Лео, со вздохом отставляя бутылку, — вот та самая голова, о которой говорится в надписи на черепке: «скала с вершиной, высеченной в виде головы эфиопа».

— Да, — подтвердил я, — такая скала есть.

— Значит, — продолжал он, — достоверно и все остальное.

— Отнюдь не уверен, что одно неизбежно следует из другого, — возразил я. — Мы же знали об этой скале, ее видел твой отец. Но еще большой вопрос, та ли это самая голова, о которой упоминается в надписи, а если и та самая, это еще ничего не доказывает.

Лео снисходительно улыбнулся:

— Вы, дядя Хорейс, неисправимый скептик. Поживем — увидим.

— Верно, поживем — увидим... Но обрати внимание, что течение несет нас через песчаную отмель в устье реки. Не пора ли нам взяться за весла, Джоб? Надо присмотреть какое-нибудь местечко, где мы могли бы причалить.

Устье казалось не очень широким, но какова именно его ширина, определить было трудно; вдоль берегов висели густые клубы тумана. Вход в него — обычная история со всеми африканскими реками — перегораживала песчаная отмель, вероятно совершенно непроходимая даже для лодчонок с осадкой в несколько дюймов, если начинался отлив и ветер дул в сторону моря. Но обстоятельства сложились для нас благоприятно, и мы спокойно переплыли через отмель. На это ушло минут двадцать, не более, так как нас подгонял сильный, хоть и неровный ветер; нам почти не

пришлось грести, чтобы войти в гавань. К тому времени жаркое солнце уже рассеяло туман, и мы увидели, что устье — шириной в полмили, берега его заболочены и на них, как бревна, валяются многочисленные крокодилы. Выше по течению, на расстоянии мили, можно было рассмотреть полосу твердой суши, туда мы и направились. Через четверть часа, привязав бот к красивому дереву с широкими сверкающими листьями и цветами, схожими с цветами магнолии, только не белыми, а розовыми, которые висели над самой водой, мы высадились на берег. Разделись догола, искупались и разложили наши одежды и вещи на солнце, таком жарком, что они мгновенно высохли. Затем, сидя в тени деревьев, плотно позавтракали консервированными языками уругвайской фирмы «Пайсанду»; этих консервов мы накупили в Лондонском универсальном магазине для военных. За едой мы громко радовались, что так предусмотрительно успели спустить бот на воду и загрузить его провизией и вещами накануне бури, которая потопила дау. К концу завтрака наши одежды были уже совершенно сухими, и мы поспешили надеть их, чувствуя себя много бодрее. Ужасное приключение, оказавшееся роковым для всех наших спутников, не причинило нам почти никакого вреда; мы отделались лишь несколькими царапинами да еще очень устали, вот и все. Лео, правда, нахлебался воды, но для энергичного молодого атлета двадцати пяти лет это, в сущности, не такое уж тяжелое испытание.

После завтрака мы стали осматриваться. Мы находились на полоске твердой земли футов двести шириной и около пятисот футов в длину, окаймленной с одной стороны рекой, а с трех остальных — бескрайними, удручающе унылыми болотами, которые простирались, насколько хватало взгляда. Эта полоска земли возвышалась над окружающими болотами и рекой футов на двадцать пять; все говорило за то, что это насыпь, возведенная человеческими руками.

— Здесь был причал, — не допускающим возражений тоном произнес Лео.

— Вздор! — ответил я. — Какому глупцу взбрело бы в голову построить причал среди этих ужасных болот, в стране, которая если и населена, то какими-нибудь дикими племенами.

— Возможно, здесь не всегда были болота и не всегда жили дикари, — сухо обронил Лео, глядя вниз с отвесного берега, ибо мы стояли возле самой реки. — Посмотрите, — продолжал он, указывая на место, где накануне ураган вырвал с корнями магнолиевое дерево. — Что это, как не каменная кладка?

— Вздор! — повторил я; мы спустились вниз, к вывороченным корням

дерева, и внимательно осмотрели образовавшуюся яму.

— Ну? — сказал он.

Я ничего не ответил, только присвистнул. Перед нами лежал, очевидно, кусок причальной стенки из крупных каменных блоков, скрепленных цементом, настолько прочным, что напильник моего складного ножа не оставлял на нем никаких царапин. И это еще не все: разрыв землю руками, я обнаружил в самом низу большое каменное кольцо около одного фута в поперечнике и в три дюйма толщиной. Это сильно поколебало мою прежнюю уверенность.

— Похоже на причал для довольно крупных судов, дядя Хорейс? — проговорил Лео с взволнованной усмешкой.

Я хотел было снова отрезать: «Вздор!» — но осекся: каменное кольцо неопровержимо свидетельствовало о правоте Лео. Во времена давно минувшие здесь, несомненно, швартовались корабли, и вполне возможно, что этот причал принадлежал городу, затерянному где-то за болотами.

— Складывается впечатление, что вся эта история — отнюдь не легенда, дядя Хорейс, — ликующим тоном воскликнул Лео, и, размышляя о загадочной голове негра и не менее загадочной каменной кладке» я уклонился от прямого ответа.

— На таком материке, как Африка, — сказал я, — конечно же, сохранилось немало памятников давно исчезнувших и забытых цивилизаций. Никто не знает, как стара египетская цивилизация, вполне вероятно, у нее были свои ответвления. Были еще вавилонцы, финикийцы, персы и всевозможные другие, более или менее цивилизованные народы, не говоря уже об иудеях, на которых сейчас все притязают. Можно предположить, что у кое-каких из этих народов были свои колонии или торговые фактории. Помнишь погребенные персидские города, которые консул показывал нам в Кильве.

— Да, конечно, — сказал Лео, — но раньше вы говорили совсем другое.

— Что же нам делать? — спросил я, чтобы переменить разговор.

Лео ничего не ответил.

Мы подошли к болоту с противоположной стороны, казалось, ему нет ни конца ни края, и, куда ни глянь, над ним реяли большие стаи разных птиц, которые иногда сплошь застилали небо. А солнце пекло все жарче, и под его лучами над трясинной и мутно-пенными стоячими лужами поднимались тонкие облачка ядовитых испарений.

— Мы в трудном положении, — обратился я к своим спутникам. — Перебраться через болото мы не можем, а если мы останемся здесь, то

погибнем от лихорадки.

— Гиблое место, — сказал Джоб.

— Выбору нас только такой: либо попробовать добраться до ближнего порта на вельботе, а дело это очень рискованное, либо пойти под парусом или на веслах вверх по реке, куда-нибудь да приплывем.

— Не знаю, что собираетесь делать вы, — поджав губы, сказал Лео, — а я твердо намерен подняться вверх по реке.

Джоб возвел к небу глаза и застонал, араб прошептал: «Аллах», — и тоже застонал. Я же спокойно заметил, что выбирать приходится между дьяволом и морской пучиной, неизвестно, что лучше. На самом же деле я, как и Лео, горел желанием продолжать путь. Стыдно признаться, но колоссальная голова негра и каменная причальная стенка возбудили во мне такое сильное любопытство, что я готов был на все ради его удовлетворения. Мы установили мачту, достали наши ружья и погрузили обратно провизию и подсохшие вещи. На наше счастье, ветер дул со стороны океана, и мы смогли сразу же поднять парус. Последующий опыт показал, что каждый день, после рассвета, в течение нескольких часов ветер обычно дует в сторону суши, а на закате — в сторону моря; видимо, за ночь земля охлаждается росой, воздух остывает, и ветер дует с теплого моря, пока он снова не прогреется. В этих краях, во всяком случае, дело обстоит именно так.

Пользуясь попутным ветром, мы три-четыре часа довольно быстро поднимались вверх по реке. В одном месте мы наткнулись на целое семейство гиппопотамов: они всплыли на поверхность в десяти-двенадцати морских саженях от бота и, к ужасу Джоба, да и к моему собственному, угрожающе заревели. Это были первые гиппопотамы, которых мы видели, и, если судить по их ненасытному любопытству, им тоже никогда не доводилось видеть белых людей. Честно сказать, я даже побаивался, как бы они не полезли в бот, чтобы удовлетворить это любопытство. Лео хотел выстрелить, но я отговорил его, опасаясь губительных для нас последствий. На топких берегах грелись на солнце сотни крокодилов и тысячи тысяч водоплавающих птиц. Нескольких мы подстрелили, среди них оказался дикий гусь с острыми отростками на крыльях, такой же отросток, в три четверти дюйма, был у него между глазами. Второго такого нам не попало, и я до сих пор не знаю, особая ли это разновидность или просто мутант. В первом случае это может представлять интерес для ученых-натуралистов. Джоб окрестил этого гуся Единорогом.

К полудню солнце раскалилось: над болотами поднялось жуткое зловоние; и мы тотчас же приняли профилактические дозы хинина. Вскоре

ветер совершенно прекратился, а бот был слишком тяжел, чтобы идти на веслах — да еще в такое пекло — против течения; мы были довольны уже и тем, что можем укрыться под похожими на ивы деревьями, что росли у самой реки. Весь день мы задыхались от жары, и только закат положил конец нашим мучениям. Увидев впереди большую заводь, мы решили дойти до нее, а уж тогда решить, где заночевать. Мы уже собирались отчалить, когда к водопою спустился красивый водяной козел с витыми рогами и белой полосой поперек крестца; мы находились всего в пятидесяти ярдах от него, но нас скрывала листва, и он нас не заметил. Первым увидел его Лео; заядлый охотник, он уже долгие месяцы мечтал о какой-нибудь крупной добыче; поэтому при виде козла он весь напрягся и сделал стойку, точно сеттер. Поняв, в чем дело, я сунул ему его ружье, а сам схватил свое собственное.

— Ну, — шепнул я, — смотри не промахнись!

— При всем желании, — ответил он высокомерным шепотом, — я бы не мог промахнуться.

Он прицелился, и как раз в этот миг чалый козел поднял голову и посмотрел через реку. Отчетливо выделяясь на фоне закатного неба, он стоял на узкой полоске твердой земли, которая подходила к реке со стороны болота; очевидно, это была излюбленная тропа всех животных: по ней они ходили на водопой. Мы невольно залюбовались козлом. Даже если доживу до ста лет, вряд ли я забуду это завораживающее зрелище: так прочно впечаталось оно в мою память. Направо и налево широко раскинулись губительные болота, пустынные и однообразные, лишь кое-где в лучах заходящего светила полыхают черные от торфа озерки. Позади и впереди — медлительный речной поток; к нему примыкает окаймленная тростником лагуна; на ее поверхности попеременно с тенями, которые шевелятся при слабом дуновении ветерка, играют длинные отблески вечерней зари. На западе — огромный пламенеющий шар: он уже исчезает за мгlistым окомом, заполняя своим огнем необъятный купол небес и превращая станицы журавлей и других птиц в золотые вспышки. И еще мы — три современных англичанина в современном английском вельботе, в вопиющей дисгармонии с окружающей нас безрадостной природой, а перед нами — благородное животное, как бы нарисованное кистью живописца на багряном полотне.

Бах! Козел убегает могучими прыжками. Лео промахнулся. Бах! Пуля прошла ниже, над самой землей. Теперь мой черед. Козел мчится как стрела, он уже в ста ярдах от нас, и все же я должен попытаться. Клянусь Юпитером, я попал в цель: козел катится кубарем!

— Так-то вот, мастер Лео, моя взяла, — воскликнул я, тщетно борясь с неблагородным чувством торжества, которое охватывает в таких случаях даже самых воспитанных людей.

— Да, черт подери! — пробурчал Лео и тут же с одной из быстрых обаятельных улыбок, озаряющих его лицо, как луч света, поспешил добавить: — Извините, старина. Поздравляю вас с прекрасным выстрелом; а я, к стыду своему, дважды промазал!

Мы выбрались на берег и побежали к козлу, который был уже мертв: пуля перебила ему хребет. Понадобилось около четверти часа, чтобы освежевать его, отрезать самые лучшие куски и погрузить их в бот; к тому времени уже смеркалось, и мы еле успели доплыть до лагуны. Еще до наступления полной темноты мы бросили якорь в тридцати морских саженях от ее края. Сойти на берег, однако, мы так и не решились, не зная, найдется ли там клочок твердой земли, достаточный, чтобы разбить лагерь, и опасаясь болотных испарений, которые, по нашим предположениям, были там гуще, чем на воде. Мы зажгли фонарь, поужинали консервированными языками и собрались было спать, но уснуть мы так и не смогли: на нас напали несметные полчища самых кровожадных, назойливых и больших moskitov, каких мне когда-либо доводилось видеть. Не знаю, что их так привлекало: свет фонаря или необычный запах белых людей, чьего появления они, казалось, ждали целую тысячу лет. Они так яростно впивались в тело, так неистово жужжали, что мы просто обезумели. Мы попробовали закурить, но табачный дым не только их не утомил, но привел в еще большее остервенение; и в конце концов нам пришлось укрыться с головой одеялами. Изжариваясь, как в духовке, мы изо всех сил чесались и проклинали наших мучителей. И вдруг, в шестидесяти ярдах от себя, среди зарослей тростника, мы услышали могучий, похожий на раскаты грома рык одного льва, а затем и другого.

— Какое счастье, — сказал Лео, высунув голову из-под одеяла, — какое счастье, что мы не расположились на берегу. Верно, дядюшка? (Так фамильярно он иногда обращается ко мне.) Проклятье! Moskit цапнул меня за нос! — И он снова нырнул под одеяло.

Взошла луна, и хотя львы на берегу продолжали грозно реветь, мы снова задремали, уверенные в своей полной безопасности.

Сам не знаю, что побудило меня выглянуть из-под одеяла, может быть, то, что оно оказалось не такой уж и надежной защитой, moskity прокусывали и его своими острыми жалами.

— Боже мой, смотрите! — услышал я испуганный шепот Джоба.

Мы все вылезли из-под одеял, и при лунном свете увидели на воде два

концентрических круга, которые становились все шире и шире. В самом центре их были два больших темных движущихся пятна.

— Что это? — спросил я.

— Все эти проклятущие львы, сэр, — ответил Джоб; в его голосе странное чувство обиды, обычное уважение причудливо смешивались с неприкрытым ужасом. — Плывут сюда! Чтобы сожрать нас!

Присмотревшись, я понял, что он прав. Уже можно было различить блеск яростных глаз. Не берусь сказать, что их привлекало: запах убитого козла или же мы сами, но голодные звериплыли прямо к боту.

Лео уже схватил ружье. Я крикнул, чтобы он подождал, пока животные подплывут поближе, и тоже взялся за оружие. В пятнадцати футах от нас начиналась отмель; один из львов — оказалось, что это львица, — влез на нее, отряхнулся и заревел. В этот момент Лео выстрелил; пуля попала в открытую пасть и вышла на загривке, львица с плеском повалилась в воду, уже бездыханная, другой лев — рослый самец — находился в двух шагах позади нее. Он уже оперся передними лапами об отмель, когда случилось нечто непонятное. Вода заплескала и забурлила, как бывает в пруду, когда щука хватает мелкую рыбешку, только в тысячу раз более сильно и яростно; лев с ужасающим ревом вспрыгнул на отмель, волоча за собой что-то черное.

— Аллах! — вскричал Мухаммед. — Крокодил схватил его за заднюю лапу!

Так оно и было на самом деле. Мы видели длинную пасть со сверкающими рядами зубов и туловище пресмыкающегося.

Последовала удивительная сцена. Лев все же сумел выбраться на отмель; но крокодил — он то ли стоял, то ли плавал в воде — так и не выпустил его лапы. Лев заревел — от его рева, казалось, содрогается воздух; затем с диким пронзительным рычанием обернулся и впился когтями в голову крокодила. Крокодил перехватил его лапу (потом мы обнаружили, что у него был вырван один глаз) и немного повернулся, в тот же миг лев мертвой хваткой вцепился ему в горло; сцепившись, они покатались по отмели. Уследить за их движениями было невозможно, и когда мы наконец разглядели, что происходит, оказалось, что удача изменила льву: крокодил, чья голова была сплошь залита кровью, зажал туловище льва, как раз над бедрами, своими железными челюстями и стискивал все плотнее и плотнее. Израненный зверь с отчаянным ревом рвал клыками и когтями прочную чешую на голове своего врага; могучими задними лапами он — с той же легкостью, с какой вспарывают перчатку, — одновременно раздирал сравнительно мягкое горло крокодила.

И вдруг наступила развязка. Голова льва упала на спину крокодила, и с ужасным стоном он умер; крокодил медленно перекатился на бок, его челюсти все еще стискивали туловище льва, которого, как оказалось, он почти перекусил надвое.

Это был удивительный, потрясающий поединок, какой мало кому доводилось видеть, — и так он закончился.

Поручив Мухаммеду сторожить нас, остаток ночи мы провели более или менее спокойно — насколько позволяли москиты.

Глава VI. Раннехристианский обряд

Наутро, едва зарделась заря, мы встали, кое-как умылись и приготовились продолжать путь. Должен сказать, что когда наконец достаточно рассвело, чтобы я мог разглядеть лица своих спутников, я разразился оглушительным хохотом. Толстая, благодушная физиономия Джоба распухла так сильно, что стала чуть не вдвое больше, да и Лео выглядел не намного лучше. Из нас троих меньше всего пострадал я; меня, вероятно, спасала толстая, словно дубленая кожа и густые волосы: с тех пор как мы отплыли из Англии, я предоставлял полную волю своей и без того роскошной бороде. Но Лео и Джоб были более или менее чисто выбриты; и на открытой местности москиты, конечно, могли вести свои военные операции куда более успешно; что до Мухаммеда, то москиты его не трогали: правоверные, очевидно, были им не по вкусу. Всю последующую неделю мы сожалели, что у нас нет такого же отпугивающего запаха, как у арабов!

Когда, кривя опухшие губы, мы вдоволь насмеялись, стало уже совсем светло; морской ветер просекал узкие улочки в густом болотном тумане, а кое-где скатывал туман в большие лохматые шары и катил их перед собой. Мы подняли парус, посмотрели в последний раз на мертвых львов и крокодила — само собой, у нас не было возможности снять с них шкуры, пересекли лагуну и снова поплыли вверх по течению. К полудню, когда бриз утих, нам удалось найти подходящий клочок суши, мы разожгли костер и пожарили двух диких уток и немного мяса водяного козла — получилось, может быть, и не очень аппетитно, но вполне съедобно. Остаток мяса мы нарезали на полоски и повесили вялиться на солнце, чтобы приготовить билтонг — так, кажется, называют его буры. На этом благословенном острове мы пробыли до рассвета; ночь, как и предыдущая, прошла в ожесточенной битве с москитами, но без каких-либо других неприятностей. Так же благополучно, без особых приключений прошли и два последующих дня; упомяну лишь, что мы подстрелили очень грациозную безрогую антилопу и видели много разновидностей водяных лилий, среди них встречались и голубые, необыкновенно прекрасные, хотя почти все цветы были источены белыми с зеленой головкой водяными личинками, которым служили пищей.

Первое важное событие случилось на пятый день путешествия, когда, по нашим расчетам, мы успели пройти от ста тридцати пяти до ста сорока

миль к западу. В то утро ветер прекратился около одиннадцати, мы прошли небольшое расстояние на веслах и, выбившись из сил, остановились в месте слияния реки с другою рекой, примерно в пятьдесят футов шириной. Недалеко стояло несколько деревьев — все деревья в этих краях растут по берегам рек, — под ними мы и остановились. Почва здесь оказалась достаточно твердая; и мы пошли вдоль реки, чтобы убедиться, насколько она пригодна для дальнейшего плавания, и подстрелить несколько птиц. Не успели мы пройти и пятидесяти ярдов, как поняли, что не сможем продолжать путь в вельботе, ибо в двухстах ярдах выше того места, где мы причалили, начинались отмели; вода здесь была глубиной не более шести дюймов. Это был водяной тупик.

Вернувшись, мы попробовали пройти вверх по другой реке, но вскоре по различным признакам поняли, что это даже и не река, а древний канал, наподобие того, что находится выше Момбасы, на берегу Занзибара, и соединяет реку Тана с Ози; этот канал позволяет судам перейти из Таны в Ози, а оттуда — в море, избежав таким образом очень опасной отмели, которая перекрывает устье Таны. Канал, который мы осматривали, очевидно, был сооружен людскими руками в какой-то далекий период мировой истории; его приподнятые берега явно служили бечевниками. Лишь кое-где эти насыпи, сделанные из прочной вязкой глины, осыпались или обвалились, но они шли строго параллельно, и глубина воды везде была одинаковой. Течение здесь если и было, то очень слабое, поэтому канал сплошь зарос водяными травами, редкие полосы чистой воды, очевидно, служили тропками для водоплавающих птиц, игуан и других животных. Стало совершенно ясно, что мы не сможем подняться вверх по реке и должны либо плыть по каналу, либо вернуться к морю. Если бы мы остались там, где находились, нас допекла бы жара, закусали москиты и в конце концов мы все погибли бы от болотной лихорадки.

— Я думаю, нам следует направиться вверх по каналу, — подытожил я вслух свои размышления. Остальные не возражали. Лео воспринял мое предложение как очень остроумную шутку, Джоб выслушал меня уважительно, но с явным недовольством, Мухаммед же воззвал к Пророку и обрушил проклятия на головы всех неверных, резко осуждая и образ их мыслей, и способы путешествовать.

На закате, не надеясь уже на попутный ветер, мы уселись на весла. Мы проплыли, хоть и с большим трудом, не более часа, но затем водоросли на поверхности канала стали такими густыми, что нам пришлось прибегнуть к древнему, крайне утомительному способу: тащить бот с помощью бечевы. Два часа Мухаммед, Джоб и я — предполагалось, что моей силы хватит на

двоих, — шли по бечевнику, в то время как Лео, сидя на носу бота, тесаком Мухаммеда счищал облепляющие водорез травы. Уже в темноте мы остановились на несколько часов, чтобы передохнуть и насладиться близким общением с москитами, но в полночь, пользуясь прохладой, продолжили путь. Утром мы отдохнули часа три, затем трудились до десяти, когда разразилась гроза, хлынул потопный ливень, и следующие шесть часов мы провели буквально под водой.

Вряд ли есть необходимость подробно описывать следующие четыре дня, могу лишь сказать, что это едва ли не самые трудные дни в моей жизни: ничего, кроме изнурительной работы, жары, нестерпимых мук и москитов — нудная однообразная повесть. Наш путь лежал через бескрайние болота, и если мы все не умерли от лихорадки, то лишь благодаря хинину, очистительным и непрерывному труду. На третий день плавания по каналу за пеленой густых испарений, поднимавшихся над болотами, мы завидели круглый холм. Вечером четвертого дня, когда мы разбили лагерь, этот холм отстоял от нас миль на двадцать пять-тридцать. К этому времени мы совершенно выбились из сил, ладони у всех покрылись волдырями, казалось, нам не продвинуться ни на ярд, самое разумное — лечь и умереть в этой бескрайней трясине. Положение представлялось безвыходным; думаю, ни один белый человек никогда не очутится в подобном; и когда я в полном изнеможении повалился на днище, чтобы поспать, я горько клял свою глупость: ну зачем я ввязался в эту безумную затею, которая может кончиться только нашей гибелью в этих ужасных краях! Медленно погружаясь в дремоту, я представлял себе, как будет выглядеть вельбот и его злосчастный экипаж через два-три месяца. Тут где-нибудь он и останется, наш бот, весь в щелях, затопленный зловонной водой, которая при каждом дуновении влажного ветра будет колыхаться над нашими костями: такой конец ожидает и сам вельбот, и тех, кто, поверив мифам, вознамерился раскрыть сокровенные тайны природы.

Я словно бы слышал, как плещется вода, перекатывая наши кости; мой череп стучается о череп Мухаммеда, а его — о мой. И мне вдруг показалось, будто череп Мухаммеда поднялся на своих позвонках, уставился на меня пустыми глазницами и стал проклинать, разевая оскаленные челюсти: как смею я, собака-христианин, тревожить последний сон правоверного! Я открыл глаза, все еще дрожа от приснившегося мне кошмара, и в тот же миг понял, что это не сон, а явь: сквозь туманные сумерки на меня смотрели два больших сверкающих глаза. Я вскочил и закричал в смятении и ужасе; разбуженные криком, поднялись и мои спутники, они стояли, сонно пошатываясь, в таком же, как и я, сильном

страхе. Сверкнула холодная сталь, и в мое горло уперся наконецник большого копья; чуть позади поблескивало еще множество копий.

— Молчи! — произнес голос на арабском — или другом родственном — языке. — Кто вы такие и зачем приплыли сюда? Отвечай, или ты умрешь! — Острая сталь вдавилась мне в горло, и по спине у меня пробежали мурашки.

— Мы путешественники и оказались здесь случайно, — ответил я, призвав на помощь все мое знание арабского языка; меня, очевидно, поняли, человек с копьем повернулся назад и спросил у высокой фигуры, которая виднелась на заднем плане:

— Убить их, отец?

— Какого цвета у них кожа? — спросил низкий голос.

— Белого цвета.

— Тогда не убивай. Четыре солнца тому назад я получил повеление от *Той-чье-слово-закон*. «Придут белые люди, — приказала она передать. — Не убивай их. Приведи ко мне». Мы должны отвести их к *Той-чье-слово-закон*. Захватите с собой и все, что у них есть.

— Иди! — сказал человек с копьем; он схватил меня за руку и потащил за собой; другие оказали подобную же добрую услугу моим спутникам.

На берегу собралось около пятидесяти человек. В сумерках я мог различить только, что они вооружены огромными копьями, все высокого роста, крепкого телосложения, сравнительно светлого цвета кожи и на них нет иной одежды, кроме леопардовых шкур на бедрах.

Ко мне подвели Лео и Джоба.

— Что происходит? — спросил Лео, протирая глаза.

— Ничего хорошего, сэр. Мы попали в заварушку, — воскликнул Джоб.

В тумане началась какая-то суматоха, и к нам подскочил Мухаммед, преследуемый высокой тенью с поднятым копьем.

— Аллах! Аллах! — вопил араб, чувствуя, что ему трудно надеяться на пощаду. — Спасите меня! Спасите!

— Отец, это черный, — сказал его преследователь. — Упоминала ли *Та-чье-слово-закон* о черном?

— Нет, но не убивай его. Подойди ко мне, мой сын.

Человек, который гнался за Мухаммедом, подошел к высокой призрачной фигуре, которая стояла чуть поодаль. Нагнувшись, она что-то шепнула ему.

— Да, да, — произнес он с таким зловещим смешком, что у меня

кровь застыла в жилах.

— А трое белых? — спросила высокая фигура.

— Они здесь.

— Тогда принесите то, что мы для них приготовили, и заберите все из этой штуки, которая плавает на воде.

Подбежало множество людей с носилками или, вернее сказать, паланкинами, каждый из которых несли по четыре носильщика, не считая двоих запасных. Нам показали жестами, чтобы мы уселись в паланкины.

— Вот и хорошо, — сказал Лео. — Какое счастье, что нашлись люди, готовые тащить нас на себе, после того как мы столько дней тащились сами.

Лео всегда придерживается оптимистической точки зрения.

Всякое неповиновение, естественно, исключалось, и вслед за другими я тоже уселся в паланкин, который оказался очень удобным. В качестве сидения использовалась упругая волокнистая ткань, прикрепленная к шестам, для головы и шеи была хорошая опора.

Едва я расположился в паланкине, как носильщики завели какую-то тягучую песню и покачивающейся, пружинящей походкой отправились в путь. С полчаса я лежал неподвижно, размышляя об удивительных перипетиях нашего путешествия; любопытно, поверили бы мне мои в высшей степени респектабельные друзья, эти ископаемые окаменелости, если бы я каким-нибудь чудом очутился за общим столом с ними и рассказал о наших приключениях. Я ничуть не хочу обидеть этих добрых ученых людей, называя их не очень, может быть, лестным словом, но мой опыт говорит, что даже в университете можно превратиться в окаменелость, если следовать одним и тем же путем. Я и сам бы стал окаменелостью, если бы запас моих идей так не обогатился в последнее время. Итак, я лежал и раздумывал, чем все это кончится, пока меня не сморил сон.

Проспал я часов семь-восемь, это был первый настоящий отдых после того, как дау пошла ко дну, ибо когда я проснулся, солнце стояло уже высоко в небе. Носильщики шагали быстро, проходя в час мили четыре. Сквозь полупрозрачные занавески, искусно прикрепленные к шестам, я, к своей бесконечной радости, увидел, что край вечных болот — позади, наш путь лежит через поросшую травой равнину к большому холму в виде чаши. Тот ли это самый холм, который мы видели с канала, я так до сих пор и не знаю, ибо получить такие сведения у здешних людей невозможно. Я посмотрел на носильщиков. Все они были великолепно сложены, высокого, не менее шести футов, роста, с желтоватой кожей. Вообще говоря, они

сильно походили на восточно-африканских сомалийцев, только волосы у них спадали густыми черными прядями на плечи, а не курчавились, как у тех. У них были красивые гордые лица с ровными сверкающими зубами. Но я никогда не видел лиц, отмеченных такой холодной, угрюмой жестокостью, почти сверхъестественной в своей интенсивности, лиц, которые казались бы мне такими отталкивающими.

Поразила меня и их не улыбочивость. По временам они затягивали все ту же монотонную песню, но остальное время молчали, их мрачные, злобные физиономии ни разу не озарились светом улыбки. К какой расе принадлежат эти люди? — размышлял я. Говорят они на исковерканном арабском языке, и все же не арабы, тут нет ни малейшего сомнения. Слишком уж темна их кожа, к тому же с желтоватым оттенком. Не знаю почему, но, глядя на них, я испытывал постыдный тошнотворный страх. Пока я предавался своим размышлениям, со мной поравнялся другой паланкин. В нем сидел старик в свободно ниспадающем беловатом одеянии из грубого льняного полотна: видимо, тот самый, кого называли «отцом». Это был удивительного вида старик с белоснежной бородой, такой длинной, что она чуть не доставала до земли, с крючковатым носом и острым и немигающим, как у змеи, взглядом. Я даже не берусь описать сардонически-насмешливое, мудрое выражение его лица.

— Ты не спишь, чужеземец? — спросил он тихим, низким голосом.

— Нет, отец, не сплю, — ответил я учтиво, стараясь не раздражать это древнее Исчадье Зла.

Он слегка улыбнулся, поглаживая свою прекрасную белую бороду.

— Из какой бы страны ты не прибыл, мой чужеземный сын, — сказал он, — в этой стране, я вижу, не только знают наш язык, но и с детства обучаются вежливости. А теперь поведай мне, каким образом очутился ты в этом краю, куда с незапамятных времен не ступала нога чужака. Неужто вам всем опостылела жизнь?

— Мы ищем новое, — смело ответил я. — Старое нам наскучило, и мы вышли из глубин моря, чтобы познать непознанное. Мы принадлежим к отважной расе, которая — о, мой досточтимый отец — готова жертвовать жизнью, если этой ценой может раздобыть хоть несколько свежих сведений.

Старый джентльмен хмыкнул:

— Возможно, это и правда, у меня нет оснований сомневаться в твоей искренности, иначе я сказал бы, что ты лжешь, сын мой. Во всяком случае, *Та-чье-слово-закон* сможет удовлетворить твое любопытство.

— Кто она — *Та-чье-слово-закон*? — поспешил я спросить. Старик

посмотрел на носильщиков и с легким смешком, от которого мою грудь обдало холодком, ответил:

— Скоро узнаешь, мой чужеземный сын; если, конечно, она пожелает видеть тебя во плоти.

— Во плоти? — переспросил я. — Что ты хочешь сказать, отец? Старик промолчал, только зловеще усмехнулся.

— Как называется твой народ?

— Амахаггеры (обитатели скал).

— Можно ли спросить, как зовут отца?

— Биллали.

— А куда мы направляемся, отец?

— Увидишь. — По знаку старика носильщики перешли на бег и нагнали паланкин, где сидел Джоб (одна его нога свисала сбоку). Разговор с Джобом, очевидно, не состоялся, потому что носильщики побежали дальше, к паланкину Лео.

Убаюканный приятным покачиванием, я опять заснул: чувство смертельной усталости все еще оставалось. Когда я проснулся, мы проходили через скалистое базальтовое ущелье; здесь росло много прекрасных деревьев и цветущих кустов.

Внезапно, за поворотом, перед нами открылось дивное зрелище, Мы увидели зеленую долину от четырех до шести миль в поперечнике, в форме римского амфитеатра. Скалистые стены этой огромной чаши были покрыты кустарником; в центре лежала плодородная, орошаемая ручьями земля, где росли могучие одиночные деревья. По этому прекрасному пастбищу бродили стада коз и крупного рогатого скота, но овец я не увидел. Сперва я не понял, что представляет собой это странное место, но потом догадался, что это кратер давно погасшего вулкана: когда-то здесь было озеро, но каким-то непонятным мне способом воду спустили. Замечу попутно, что и эта, и еще большая долина, которую я опишу в свое время, подтверждают верность моей догадки. Озадачивало другое: хотя вокруг коз и рогатого скота сновали люди, нигде не было видно признаков человеческого жилья. Где же они все живут? — ломал я голову. Мое любопытство было скоро удовлетворено. Носильщики повернули налево, прошли около полумили вверх по скалистому склону и остановились. Видя, что старый джентльмен, мой приемный «отец» Биллали слезает с паланкина, я, а также Лео и Джоб последовали его примеру. И тут я увидел нашего несчастного спутника араба Мухаммеда: он лежал на земле в полном изнеможении. Оказалось, что паланкина для него не нашлось, и его принудили бежать всю дорогу, а так как он был сильно утомлен еще до

этого, можно представить себе его состояние.

Оглядевшись, мы увидели, что находимся на каменном возвышении перед входом в большую пещеру: здесь же было свалено в груды все, что оставалось в вельботе, включая весла и парус. Вокруг пещеры группами стояли наши носильщики и другие их соплеменники: все рослые и красивые, хотя и различного цвета кожи, одни — темно-коричневые, как Мухаммед, другие — желтые, как китайцы. Одеты они были в леопардовые шкуры, вооружены большими копьями.

Среди них оказалось несколько женщин — вместо леопардовых шкур они носили дубленые шкуры маленьких красных антилоп вроде ориби, только потемнее. Почти все они были очень хороши собой: большие черные глаза, точеные черты лица, густые вьющиеся, но не курчавые, как у негритянок, волосы со всеми промежуточными оттенками от каштанового до черного цвета. Некоторые, очень немногие, ходили, как Биллали, в желтовато-белых одеяниях — позднее я узнал, что это атрибут высокого положения. Вид у них был не такой устрашающий, как у мужчин, они даже изредка улыбались. При нашем появлении они окружили нас со всех сторон и осмотрели с любопытством, хотя и без особого волнения. Конечно же, их внимание привлек прежде всего Лео с его высокой атлетической фигурой и словно изваянным греческим лицом, и когда он вежливо приподнял шляпу, открыв свои золотистые кудри, по толпе пробежал шепоток восхищения. Дело этим не ограничилось: внимательно осмотрев его с головы до ног, самая красивая из девушек, в полотняной одежде и с волосами темно-каштанового цвета, смело подошла к нему, спокойно обвила одной рукой его шею и поцеловала в губы. Ею можно было бы только любоваться, если бы не подчеркнутая решительность, с которой она проделала все это.

Я затаил дыхание, ожидая, что Лео тут же заколют копьями, а Джоб громко воскликнул: «Ну и бесстыжая девка! Вот уж никогда не думал...» Лео был слегка удивлен, но сказал, что в этой стране, видимо, соблюдают обычаи первохристиан, и недолго думая обнял и чмокнул юную красавицу.

Я вновь затаил дыхание, опасаясь, что произойдет что-нибудь страшное, но, к моему изумлению, опасения не оправдались; хотя кое-кто из девушек и выказывал признаки досады, женщины постарше и мужчины лишь слегка улыбнулись. Тайна разъяснилась впоследствии, когда мы ближе познакомились с обычаями этого удивительного народа. Оказалось, что женщины у амахаггеров, вопреки обычаям, бытующим почти среди всех диких народов, не только пользуются равными правами с мужчинами, но и не сочетаются с ними сколько-нибудь прочными брачными узами.

Происхождение определяется лишь по материнской линии, и кое-кто гордится длинным рядом своих славных прародительниц, как наши аристократы своим генеалогическим древом; отцовство здесь не признается даже в тех случаях, когда не вызывает сомнения. У каждого племени, или, как они говорят, «семейства», есть выборный вождь — «отец». Биллали, к слову сказать, был отцом «семейства», которое насчитывало семь тысяч человек, но так величали только его одного. Если женщине приглянулся какой-нибудь мужчина, она, чтобы выразить свое предпочтение, при всех обнимает и целует его, точно так же, как сделала эта красивая и чрезвычайно порывистая молодая особа, которую звали Устане. Ответный поцелуй означает согласие на союз, и этот союз длится до тех пор, пока не надоеет одной из сторон. Должен, впрочем, заметить, что здешние женщины отнюдь не так часто меняют своих избранников, как можно было бы ожидать. Не бывает и ссор на этой почве, по крайней мере среди мужчин; к тому, что их покидают ради других, они относятся примерно так же, как мы к подоходному налогу или нашим брачным законам — эти установления служат благу всего общества, и, хотя могут быть крайне неприятны для отдельных его членов, оспаривать их бесполезно.

Любопытно, как сильно различается институт брака в разных странах: мораль изменяется в зависимости от географической широты; что считается нравственным и пристойным в одном месте, в другом — вызывает прямо противоположное отношение. Следует, однако, учитывать, что все цивилизованные народы принимают за аксиому, что обряд является пробным камнем нравственности, но даже и по нашим канонам нет ничего аморального в этом обычае амахаггеров: объятия и обмен поцелуями перекликаются с нашей церемонией бракосочетания, а это оправдывает многое.

Глава VII. Устане поет

После того как Устане и Лео поцеловались, — ни одна из девушек, кстати, не вызвалась осчастливить меня своим выбором, хотя одна женщина и увивалась вокруг Джоба, к явной тревоге этого почтенного человека, — подошел Биллали и радушно пригласил нас войти в пещеру, что мы и сделали, сопровождаемые Устане, которая пропускала мимо ушей все мои намеки на нашу любовь к уединению.

Мы не успели пройти и пяти шагов, как я понял, что пещера создана отнюдь не игрой стихийных сил, а человеческими руками. Насколько мы могли судить, ее длина составляла около ста футов, ширина — пятьдесят, вышиной же она вполне могла соперничать с приделом большого храма. Через каждые двенадцать-пятнадцать футов от пещеры отходили коридоры или тоннели, которые, по моим предположениям, вели в меньшие помещения. Футах в пятидесяти от входа — здесь было уже не так светло — горел костер; его пламя отбрасывало огромные тени на мрачные стены. Биллали остановился и предложил нам сесть, добавив, что сейчас принесут еду; мы сели на разостланные для нас шкуры и стали ждать. Вскоре молодые девушки подали нам отварную козлятину, свежее молоко в глиняных кувшинах и вареные маисовые початки. Мы буквально умирали от голода, и признаюсь, никогда в жизни не ел я с подобным аппетитом. Мы съели все подчистую.

Когда мы покончили с едой, наш угрюмый хозяин Биллали — все это время он наблюдал за нами в полном безмолвии — встал и произнес нечто вроде застольного спича. Прежде всего он выразил свое удивление по поводу случившегося. Еще никогда в страну Обитателей Скал не прибывали белые чужеземцы, это невиданное и неслыханное дело. Изредка, правда, забредают черные: от них-то и стало известно о существовании белых людей, которые плавают на кораблях по морю, но они никогда еще здесь не появлялись. Нас и наш бот заметили в канале; Биллали честно признался, что велел нас убить, потому что существует строжайший запрет на пребывание в их стране иноземцев, но *Та-чье-слово-закон* повелела, чтобы нас пощадили и привели сюда.

— Прости, отец, — перебил я, — но ведь *Та-чье-слово-закон* живет далеко отсюда, как она могла узнать о нашем появлении?

Биллали огляделся и, видя, что мы остались одни — Устане отошла, как только он начал говорить, — с каким-то странным смешком заметил:

— Неужто у вас в стране нет никого, кто мог бы видеть без глаз и слышать без ушей? Не спрашивай, как, но *Она* знала.

Я недоуменно пожал плечами, а он добавил, что никаких дальнейших распоряжений о нас он не получал, поэтому он отправится сам к *Той-чье-слово-закон*, которую для краткости называют просто Хийя, или *Она*, и которая является владычицей амахаггеров, чтобы узнать ее волю.

Я любопытствовал, сколько времени он будет отсутствовать, и он ответил, что, если очень поторопиться, он сможет прибыть обратно на пятый день; но это будет нелегко, потому что на пути множество болот. Он сказал, что о нас хорошо позаботятся, что он чувствует к нам личное расположение и надеется, что Хийя сохранит нам жизнь, однако у него есть кое-какие сомнения по этому поводу, ибо всех иноземцев, которые попадали в страну при жизни его бабушки, его матери и его собственной жизни, беспощадно казнили; каким именно образом, он, щадя наши чувства, не хочет уточнять, но делалось это всякий раз по велению Хийи — так он полагает. Во всяком случае, она никогда ни за кого не вступалась.

— Как это может быть? — удивился я. — Ты старый человек, и с того времени, о котором ты говоришь, сменилось уже три поколения. Как могла *Она* отдать повеление о чьей-либо казни в начале жизни твоей бабушки, ведь ее, вашей царицы, еще не было на свете?!

Он вновь улыбнулся — все той же характерной полуулыбкой — и, так ничего не ответив, покинул нас с низким поклоном, и в течение пяти дней мы его не видели.

Сразу же после его ухода мы стали обсуждать наше положение, которое внушало мне сильную тревогу. То, что я узнал о таинственной правительнице, именуемой *Та-чье-слово-закон* или просто *Она*, отнюдь не обнадеживало, пощады от нее ждать не приходилось. Лео был тоже обеспокоен, но подбадривал себя, утверждая, что *Она* — та самая женщина, о которой говорится и в надписи на черепке, и в отцовском письме; в подтверждение он ссылался на слова Биллали о ее возрасте и могуществе. К тому времени я был так озадачен всем ходом событий, что не стал оспаривать это абсурдное предположение, только сказал, что нам надо выкупаться, иначе мы совсем зарастем грязью.

Это свое желание мы изложили пожилому человеку (даже среди амахаггеров он выделялся исключительно мрачным видом), чьей обязанностью было присматривать за нами в отсутствие «отца»; получив его согласие, мы раскурили трубки и направились к выходу. Там нас уже ждала большая толпа, но, увидев, что изо рта у нас валит дым, все сразу разбежались, крича, что мы великие волшебники. Ничто, даже наши ружья,

не производило такого сильного впечатления, как табачный дым. После этого мы спокойно дошли до реки, которая брала начало из бурного родника, и погрузились в ее воды. Несколько женщин, среди них и Устане, хотели было последовать за нами и туда, но мы решительно воспротивились.

К тому времени, когда, освеженные купанием, мы вылезли на берег, солнце уже клонилось к закату, и мы добрались до большой пещеры уже в сумерках. Вокруг костров — а их развели еще несколько — сидело множество людей, озаренных пламенем этих костров и мерцанием многочисленных светильников, расставленных кругом на полу и повешенных на стенах: все они ужинали. Здесь я должен рассказать об этих светильниках, изготовленных из обожженной глины и самой разнообразной формы, часто довольно изысканной. Те, что побольше, представляли собой красные глиняные горшки с очищенным растопленным жиром, с тростниковыми фитилями, пропущенными сквозь круглые деревянные крышки; такие светильники требовали неослабного внимания, так как у них не было никакого приспособления для поднятия фитиля, когда он догорал вплоть до самой крышки. Однако светильники помельче, также изготовленные из обожженной глины, были снабжены фитилями из пальмовых волокон, а иногда из стеблей очень красивой разновидности папоротника. Эти фитили вставлялись в небольшие отверстия в верхней части светильника; тут же прикреплялась заостренная щепочка из твердого дерева: ею можно было проткнуть фитиль и поднять его.

Мы сели и несколько минут наблюдали, как эти угрюмые люди поедают свой ужин в таком же угрюмом, как они сами, молчании, но затем нам надоело рассматривать их и огромные ползучие тени на стенах, и я попросил нашего нового стража, чтобы нас отвели куда-нибудь, где мы сможем поспать.

Не произнося ни слова, он встал, взял небольшой светильник и подвел нас к одному из коридоров-тоннелей, которые отходили от большой пещеры. Через пять шагов коридор закончился небольшой камеркой, выдолбленной в каменной породе. С одной ее стороны во всю длину, словно койка в каюте, тянулась каменная плита высотой около трех футов, и наш страж показал знаком, чтобы на ней я и расположился. В камерке не было ни окна, ни вентиляционного отверстия, ни какой бы то ни было мебели; и после тщательного осмотра я пришел к неутешительному выводу (совершенно, как я потом убедился, правильному), что эта камерка служила склепом, а не жилой комнатой, и что каменная плита предназначалась для тел усопших. Меня пробрала невольная дрожь, но так как никакого другого

места для сна мне не предлагали, я кое-как преодолел отвращение и вернулся в пещеру за одеялом, которое лежало в общей груде наших вещей, принесенных туземцами. Тут я встретился с Джобом. И его тоже отвели в каморку, очень схожую с моей, но он наотрез отказался там остаться: лучше уж умереть и покоем рядом с дедом, в его кирпичной могиле, — заявил он, — чем ночевать в этом страшном месте; он попросил разрешения поселиться вместе со мной, и я охотно согласился.

Ночь прошла относительно спокойно, я говорю «относительно», потому что мне привиделось, будто меня погребли заживо: этот жуткий кошмар, несомненно, был вызван мрачностью пещеры-усыпальницы. На рассвете мы проснулись от пронзительных звуков трубы, сделанной, как мы увидели позднее, из полого, со множеством отверстий слоновьего бивня; трубачом был молодой амахаггер.

Мы тут же встали, спустились к ручью и умылись, затем, как только вернулись, сели завтракать. За завтраком одна из женщин — не самая молодая — на глазах у всех поцеловала Джоба. Этот местный обычай показался мне (если не задумываться над его моральной стороной) совершенно восхитительным. Но никогда не забуду, какой жалкий страх и отвращение отразились на лице нашего почтенного слуги. Джоб, как и я, женоненавистник; это скорее всего, объясняется тем, что он вырос в семье, где было семнадцать душ детей. Невозможно даже описать, какие мучительно-противоречивые чувства исказили его физиономию, когда его так бесцеремонно, без всякого с его стороны повода, да еще в присутствии хозяев, поцеловала незнакомка. Он вскочил и решительно оттолкнул пышногрудую особу лет тридцати, которая пожелала осчастливить его своим выбором.

— Ну и ну! Сроду не видывал ничего подобного! — выдохнул он.

Женщина, вероятно, подумала, что его смятение — проявление природной застенчивости, и обняла его вновь.

— Прочь! Проваливай, тварь бесстыжая! — закричал он, размахивая деревянной ложкой перед лицом женщины. — Извините, джентльмены, я же не давал ей никакого повода... О Боже! Она опять хочет кинуться на меня! Умоляю вас, мистер Холли, держите ее, держите! Я не могу этого вынести, право слово, не могу! Такого со мной отродясь не случалось, джентльмены. У меня всегда была незапятнанная репутация. — И он пустился бежать в глубь пещеры; тогда-то я и увидел впервые, как смеются амахаггеры. Но сама женщина отнюдь не смеялась. Напротив, она как будто вся оцетинилась от ярости, которую еще разжигали насмешки ее товарок. Она рычала, как лвица, и, глядя на ее неистовство, я, сознаюсь,

пожалел, что Джоб так упорно оберегает свое целомудрие: как бы столь добродетельное по ведение не поставило под угрозу наши жизни. Последующие события подтвердили верность этой догадки.

Джоб вернулся лишь после того, как пышногрудая особа удалилась; он был очень взбудоражен и с величайшей опаской поглядывал на каждую приближающуюся женщину. При первой же возможности я объяснил нашим хозяевам, что Джоб — человек женатый, но очень несчастлив в семейной жизни и поэтому боится всех женщин; мои объяснения были встречены мрачным молчанием: поведение нашего слуги явно расценивалось как оскорбление всего «семейства», хотя женщины, как их более цивилизованные сестры, весело посмеялись над всей этой сценой.

После завтрака мы прогуливались, осматривали стада домашних животных и возделанные земли. У амахаггеров — две породы скота: одна — большая, костлявая, без рогов — дает превосходное молоко; другая — рыжая, очень маленькая и жирная — идет на мясо, мясо тоже превосходное, но для дойки она не годится. Эта вторая порода очень походит на норфолькский красный комоловый скот, только рога загибаются вперед, иногда так сильно, что их приходится спиливать, чтобы не вросли в череп. Козы здесь длинношерстные, используется лишь их мясо, я, во всяком случае, ни разу не видел, чтобы их доили. Обработка земли чрезвычайно примитивна и производится железной лопатой: амахаггеры умеют плавить и отковывать железо. Сама лопата, без черенка, напоминает по форме наконечник большого копья, у нее нет выступов, куда можно было бы поставить ногу. Поэтому вскапывание земли — работа очень тяжелая. Производится она мужчинами, женщины же, вопреки обычаям самых диких рас, полностью освобождены от ручного труда. Как я уже, кажется, упоминал, слабый пол пользуется большими правами среди амахаггеров.

Сначала мы ничего не знали о происхождении и составе этого удивительного народа: амахаггеры, и вообще-то несловоохотливые, упорно игнорировали наш интерес. Дня через четыре, однако, — за это время не случилось ничего примечательного, — нам удалось кое-что выведать от Устане, подруги Лео, которая следовала за молодым джентльменом как тень. О происхождении их народа она не могла сказать ничего. Зато сообщила нам, что около того места, где живет *Та-чье-слово-закон*, — называется оно Кор, — есть большие груды развалин и многочисленные колонны; мудрые утверждают, что некогда там стояли дома, где жили люди; предполагается, что от них-то и ведут свое происхождение амахаггеры. Никто не смеет приближаться к этим великим развалинам, где обитают

злые духи: на них можно только смотреть издали. Подобные же развалины, как она слышала, есть и в других частях страны, более возвышенных и сухих. Пещеры, где живут амахаггеры, по всей вероятности, выдолблены теми же самыми людьми, что построили города. Письменных законов у амахаггеров нет, есть лишь обычаи, не менее, впрочем, обязательные для исполнения, чем законы. Нарушителей казнят по приказанию «отца семейства». Когда я полюбопытствовал, какой род казни у них применяется, Устане усмехнулась и сказала, что я скоро, может быть, увижу это сам.

Есть у них и своя владычица — *Она*, которая показывается на людях очень редко, раз в два-три года, когда судит преступников, но и тогда она закутана в большую мантию так, чтобы никто не видел ее лица. Все ее прислужники глухонемые, узнать от них что-нибудь невозможно, и все же говорят, она прекрасна, как ни одна смертная женщина. Если верить молве, *Она* бессмертна и обладает властью над всем сущим, но тут она, Устане, ничего не может сказать. Только полагает, что их повелительницы сменяются: каждая берет себе мужа и, как только рождается дочь, убивает его. После смерти мать погребают в большой пещере, а на престол восходит дочь. Но точно не знает никто. Все живущие в этой стране безропотно повинуются ее воле, малейшее ослушание карается смертью. У нее есть своя охрана, но постоянной армии она не держит.

Я спросил, как велика страна и ее население. У стане ответила, что все население состоит из десяти «семейств», включая и большое «семейство», куда входит сама царица, живут они в пещерах в горах, окруженных болотами, через которые можно пройти только по тайным тропам. Случается, что «семейства» воюют друг с другом, но, как только *Она* повелевает прекратить войну, все тотчас же складывают оружие. Эти войны, а также лихорадка, которую амахаггеры часто подхватывают в болотах, не позволяют расти их численности. Никаких связей с другими народами у них нет; никто не живет поблизости, а если бы и жил, не смог бы перейти через обширные болота. Однажды со стороны Великой Реки (очевидно, Замбези) на них хотело было напасть вражеское войско, но воины заблудились в болотах; как-то ночью они приняли огромные движущиеся огненные шары за факелы в руках врагов, бросились за ними вслед и многие потонули. Остальные же умерли от лихорадки и голода, так ни разу и не сразившись с амахаггерами. Только те, кто знает тайные тропы, могут перейти через болота, сказала она, добавив, что мы никогда не смогли бы добраться сюда, если бы нас не принесли в паланкинах, — тут, она, конечно, права.

Все это и еще многое другое мы узнали от Устане за те четыре дня, что предшествовали началу важных событий: таким образом, пищи для размышлений было вполне достаточно. Происходящее казалось удивительным, даже невероятным, и все же самое странное заключалось в том, что надпись на черепке подтверждалась во многих своих подробностях. Здесь обитает таинственная царица, наделенная поразительными, даже сверхъестественными способностями, зовут ее просто *Она*, и в этой безымянности есть нечто, внушающее трепет. Все это не укладывалось у меня в голове; озадачен был и Лео, но он, разумеется, торжествовал, вспоминая мои насмешки над всей этой историей. Что касается Джоба, то он давно уже перестал понимать, что происходит, и только повиновался обстоятельствам, плыл, можно сказать, по течению. К арабу Мухаммеду амахаггеры относились достаточно вежливо, но с убийственным презрением; он был в постоянном страхе, хотя я и не мог понять, чего он, собственно, опасается. Целыми днями он сидел, съезжившись, в углу пещеры, непрерывно моля Аллаха и Пророка о заступничестве. Когда я стал расспрашивать его о причинах такой подавленности, он сказал, что все эти люди не смертные мужчины и женщины, а злые духи, да и страна эта заколдованная, и, честно сказать, однажды или дважды я готов был с ним согласиться. На исходе был уже четвертый, после отправления Биллали, день, когда случилось нечто непредвиденное.

Мы трое и Устане сидели вокруг костра в большой пещере, собираясь уже разойтись по своим каморкам; девушка была в глубокой задумчивости, и вдруг она встала и положила руку на золотистые кудри Лео. Даже и сейчас, закрывая глаза, я как будто вижу воочию ее гордую статную фигуру то в густой тени, то в багровых отсветах огня: сцена непостижимо-загадочная, и в самом ее центре — Устане; все свои размышления и предчувствия она изливает в своеобразной песне, звучащей почти речитативом:

Ты мой избранник — я ждала тебя с самого начала.
Ты очень красив — у кого еще такие волосы, белая
кожа?
У кого еще такие сильные руки, такая мужская
стать?
У кого еще глаза, как лучистые звезды небес?
Ты само совершенство, ты облик счастья, к тебе
стремится сердце мое.

С первого взгляда я пожелала тебя.
Тебе предалась я, о мой возлюбленный.
Крепко тебя я держу, охраняя от бед.
Голову твою я прикрыла своими волосами, чтобы
не припекало солнце.
Вся я была твоею, как и ты был моим.
Но счастье наше продлится недолго: в утробе у Времени
уже роковой вызывает день.
Какую беду принесет с собой этот день? Увы, мой любимый,
не знаю.
Я погружусь на дно темноты, и тебя никогда не увижу
больше.
Тобой завладеет та, что сильнее, прекрасней Устане.
Ты обернешься, поищешь глазами, окликнешь меня
на прощанье.
Но волшебством своей Красоты она очарует тебя
и уведет далеко, в ужасное место.
И тогда ты, любимый...

Тут эта необыкновенная девушка прервала свою песню; честно сказать, песня показалась нам маловразумительной, хотя мы и уловили общий ее смысл. Она устремила глаза на какую-то темную тень, и вдруг ее лицо приняло отсутствующее и в то же время испуганное выражение, как будто она силилась проникнуть в неведомую страшную тайну. Она сняла руку с головы Лео и указала куда-то в темноту. Мы все посмотрели в ту сторону, но ничего необычного не заметили. Устане, однако, видела, или ей показалось, что она видела, нечто такое, чего не выдержали даже ее железные нервы: она, без единого звука, рухнула в беспамятстве. Лео, который успел уже привязаться к Устане, был в сильной тревоге и смятении; я же должен, положив руку на сердце, признаться, что испытал что-то вроде суеверного ужаса. Такой сверхъестественно жуткой была вся эта сцена.

Девушка скоро очнулась и села на полу, все еще дрожа после испытанного потрясения.

— Что ты хотела сказать в своей песне? — спросил ее Лео, который благодаря долгой учебе говорил по-арабски довольно бегло.

— Ничего, мой единственный, — ответила она с вымученной улыбкой.
— Я просто пела по обычаю своего народа. Нет-нет, я ничего не хотела сказать. Как можно говорить о том, что еще не свершилось?

— Что же ты видела, Устане? — спросил я, пристально вглядываясь ей в лицо.

— Ничего, — повторила она, — ничего не видела. Не расспрашивай меня. Зачем тебя тревожить? — Она повернулась к Лео, взяла его голову в свои руки и ласково, по-матерински поцеловала в лоб. Ни когда еще на лице ни одной женщины, цивилизованной или дикой, не видел я такой беспредельной нежности. — Когда я покину тебя, о мой единственный, когда ночью, протянув руку, ты не найдешь меня рядом, вспоминай обо мне: может быть, я недостойна омыwać тебе ноги, но я очень люблю тебя. А теперь будем любить друг друга, будем наслаждаться отпущенным нам счастьем, ибо в могиле нет ни любви, ни тепла, ни ласкового слияния губ. Если там что-нибудь и есть, то только горькое сожаление о том, что могло бы быть. Эта ночь — наша, но откуда нам знать, кому принадлежит завтрашняя.

Глава VIII. Пиршество и наше спасение

На другой день после этой примечательной сцены — она запечатлелась в нашей памяти не столько сама по себе, сколько тем, что она предвещала и предвосхищала, — нам объявили, что вечером в нашу честь будет устроено пиршество. Я пробовал уклониться под тем предлогом, что мы, мол, люди скромные, не любим пиров, но мою отговорку встретили таким недовольным молчанием, что я больше не возражал.

Перед самым закатом мне сообщили, что все уже готово, и вместе с Джобом мы вышли в большую пещеру, где встретились с Лео и его неразлучной спутницей — Устане. Они где-то бродили и ничего еще не знали о предстоящем пиршестве. Когда Устане услышала о нем, она сильно изменилась в лице. Повернувшись, она схватила за руку проходившего мимо человека и что-то спросила у него повелительным тоном. Его ответ как будто бы успокоил ее, но не полностью. Она попыталась возразить, однако этот человек — судя по его осанке, важная персона — произнес что-то сердитым тоном и оттолкнул ее, затем, смягчившись, отвел ее к костру, вокруг которого уже собралось много людей, и усадил рядом с собой; по каким-то неведомым соображениям, Устане покорно подчинилась.

Костер в этот вечер был разожжен необычайно большой, вокруг него собралось три с половиной десятка мужчин и две женщины: Устане и та самая пышногрудая особа, спасаясь от которой Джоб следовал примеру своего библейского двойника. Амахаггеры, как обычно, сидели в полном молчании; за спиной каждого из них торчало древко копья, воткнутое в особое отверстие в полу. Лишь двое из них были в желтоватых полотняных одеждах, остальные — в леопардовых шкурах.

— Что они затевают, сэр? — насторожился Джоб. — Опять тут эта женщина, — Господи, спаси меня от ее козней! Надеюсь, она не будет ко мне приставать, ведь я же не давал ей никакого повода. До чего они все страшные, эти дикари, у меня просто поджилки трясутся. Смотрите, оказывается, они пригласили и Мухаммеда. Эта бесстыжая разговаривает с ним очень даже вежливо и ласково. Слава Богу, хоть от меня отвязалась!

Пока он говорил, женщина подошла к несчастному Мухаммеду, который сидел в углу и, весь дрожа, снедаемый недобрыми предчувствиями, по своему обыкновению, взывал к Аллаху, и повела его к костру. Араб шел с большой неохотой, упираясь: до сих пор его кормили

отдельно и такая необычная честь, по-видимому, внушала ему сильную тревогу, даже ужас. Ноги его с трудом поддерживали объемистое, плотное туловище, и я думаю, что его вынуждали идти не столько упрасивания женщины, которая вела его за руку, сколько неумолимая жестокость, воплощенная в образе огромного амахаггера с соразмерно огромным копьем.

— Все это мне очень не по нутру, — сказал я своим спутникам. — Но что мы можем поделать? Остается только быть начеку. Революеры у вас с собой? Надеюсь, они заряжены? Если нет, зарядите.

— У меня с собой, — сказал Джоб, похлопывая по своему кольту. — Но мистер Лео вооружен только охотничьим ножом, хотя нож у него здоровенный.

Идти за недостающим револьвером было поздно, мы смело пошли вперед и уселись в общем кругу, спиной к стене.

Как только мы сели, из рук в руки стали передавать глиняный кувшин с довольно приятным на вкус хмельным напитком, который, попадая в желудок, вызывал, однако, легкое чувство тошноты; приготовлен он был из зерен грубого помола — не маисового, а маленького коричневого зерна, которое вызревает в метелках и походит на то, что в Южной Африке называют «кафрским зерном». Особого внимания заслуживал сам кувшин, один из многих сотен, которыми пользуются амахаггеры, и я хочу его описать. Эти кувшины — или вазы — все старинной выделки и разнообразной величины. Вот уже многие сотни или тысячи лет их не изготавливают в стране, а находят в горных усыпальницах, о которых я расскажу в свое время подробнее, и лично я полагаю, что они предназначались для хранения внутренностей умерших, как это делалось у египтян, с которыми прежние обитатели страны, возможно, поддерживали какие-то отношения, Лео же считал, что, как и этрусские амфоры, они являются ритуальными атрибутами. Почти все они с двумя ручками и, как я уже говорил, самой разнообразной величины — от трех футов до трех дюймов. При всем различии форм они неизменно красивы и изящны; на их изготовление использовался какой-то великолепный черный материал, неблестящий и шероховатый. В него инкрустировали стройные, очень правдиво изображенные фигурки — ничего подобного мне не приходилось видеть на древних вазах. На одних кувшинах с детской простотой и свободой были запечатлены любовные сцены, которые вряд ли одобрил бы строгий современный вкус, на других — сцены охот, на третьих — сцены увеселений, с танцующими девушками. К примеру, кувшин, из которого мы пили, был с одной стороны украшен изображениями белых охотников с

копьями, преследующих слона, с другой стороны — менее искусным изображением одиночного охотника, стреляющего из лука в антилопу, то ли канна, то ли куду. Надеюсь, что отступление, сделанное в критический момент, оказалось не слишком долгим: само пиршество тянулось куда дольше. Кувшин обходил круг за кругом, в костер вновь и вновь подбрасывали хворост, но в течение часа почти ничего больше не происходило. Никто не произносил ни слова. Все сидели молча, глядя на полыхание огня и тени, отбрасываемые мерцающими светильниками (отнюдь, кстати сказать, не древними). На полу между нами и костром лежал большой деревянный поднос с четырьмя ручками, точно такой же, каким у нас пользуются мясники, только не выдолбленный. Рядом с подносом — большие щипцы с длинными ручками, и такие же щипцы — по ту сторону костра. При виде этого подноса и щипцов я сильно встревожился. Так я и сидел, уставясь на них и на широкое кольцо суровых, дышащих злобой лиц, и размышлял о том, как все это ужасно и что мы в полной власти у этих людей, которые внушали тем больший страх, что их истинный характер оставался загадкой. Они могли оказаться лучше, чем я предполагал, а могли и хуже. Я опасался, что они окажутся хуже, и тут я не ошибся. Странное это было пиршество, похожее на Бармекидово угощение, ибо еды никакой не подавалось.

У меня было такое чувство, будто меня гипнотизируют. Тут-то все и началось. Без всякого предупреждения человек, который сидел напротив нас, громко провозгласил:

— Где наше мясо?

Присутствующие протянули правые руки к костру и негромко, низкими голосами ответили:

— Сейчас будет подано.

— Это коза?

— Это безрогая коза, и больше, чем коза, сейчас мы ее уьем, — дружно отозвались все и, полуобернувшись, прикоснулись к древкам своих копий.

— Это бык? — продолжал тот же человек.

— Это безрогий бык, и больше, чем бык, сейчас мы его уьем, — был ответ. И снова все притронулись к копьям.

Наступило молчание, и я с ужасом заметил, как соседка Мухаммеда стала его ласкать, похлопывая по щекам, называть ласковыми именами, тогда как ее яростные глаза так и пожирали его дрожащее тело. Не знаю, почему меня так сильно испугало это зрелище, но оно испугало нас всех, особенно Лео. В движениях рук женщины было что-то змеиное; она явно

исполняла какой-то страшный обряд. Смуглый Мухаммед весь побледнел от страха.

— Готово ли мясо для жарки? — быстро произнес все тот же голос.

— Готово, готово!

— Достаточно ли раскалился горшок? — взвизгнул голос, и этот визг пронзительным эхом заметался по пещере.

— Раскалился, раскалился!

— О Небеса! — проревел Лео. — Помните, что сказано в надписи? «Народ, в чьих обычаях — казнить чужеземцев, надевая на них раскаленные горшки».

Не успели мы пошевелиться или хотя бы понять, что происходит, как два здоровенных амахаггера вскочили и, схватив длинные щипцы, погрузили их в самое сердце пламени, одновременно женщина, что ласкала Мухаммеда, вытащила из-за пояса или муччи большую веревочную петлю, набросила ее на его плечи и туго затянула, и окружающие тут же схватили его за ноги. Двое со щипцами напряжились и, разметав по каменному полу головешки, подняли с двух сторон большой раскаленный добела горшок.

Через миг, едва ли не в один прыжок, они оказались возле Мухаммеда. С отчаянными воплями он боролся за свою жизнь, и хотя руки у него были связаны, а ноги пригвождены к полу, двое со щипцами никак не могли осуществить свое намерение; может быть, это покажется диким, даже невероятным, но их намерение заключалось в том, чтобы *надеть раскаленный горшок на голову своей жертвы*.

Я вскочил с криком ужаса и, вытащив револьвер, не раздумывая выстрелил в дьяволицу, которая только что ласкала Мухаммеда, а теперь крепко держала его. Пуля попала в спину и убила ее наповал; я и по сей день не сожалею об этом, ибо именно она, как потом выяснилось, сыграв на каннибальских наклонностях амахаггеров, устроила этот заговор, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное ей Джобом. Женщина рухнула как подкошенная, и в тот же миг Мухаммед сверхчеловеческим усилием вырвался из рук своих мучителей и, подпрыгнув высоко в воздух, повалился на мертвое тело. Велико было мое замешательство, когда я понял, что одним выстрелом прикончил и убийцу, и жертву, которую я спас от смерти, в тысячу раз более мучительной. Судьба оказалась и жестокой, и милосердной к Мухаммеду.

Амахаггеры стояли в молчаливом изумлении: они никогда еще не слышали выстрелов и не видели их последствий. Но человек рядом со мной мгновенно оправился от замешательства и схватил копье, готовясь поразить Лео.

— За мной! — крикнул я и, показывая пример своим спутникам, кинулся в глубь пещеры. Конечно, лучше было бы направиться к выходу, но там собралось множество людей, не говоря уже о большой толпе снаружи, которая четко выделялась на фоне неба. Итак, я мчался в глубь пещеры, мои спутники не отставали от меня, а по пятам за нами гнались каннибалы, разъяренные убийством своей соплеменницы. Одним прыжком я перемахнул через распростертое тело Мухаммеда. Ноги мои обдало жаром, исходившим от раскаленного горшка, который валялся тут же, рядом; я успел заметить, что руки его слабо шевелятся, стало быть, он еще жив. В дальней части пещеры находился каменный помост фута в три высотой и в ширину футов в восемь; по вечерам там ставили два светильника. Трудно сказать, предназначался ли этот помост для сидения, или его просто оставили, чтобы легче было вести последующие работы, а когда надобность в нем отпадет, стесать его, — тогда, во всяком случае, я этого не знал. Вспрыгнув на это возвышение, мы все трое приготовились продать наши жизни как можно дороже. Когда мы повернулись к нашим преследователям лицом, они остановились и попятились. Джоб стоял слева, Лео — посредине, я — справа. Между нами горели светильники. Лео нагнулся и посмотрел на затененный проход, который тянулся вплоть до костра и светильников у выхода. По этому проходу, как по улочке, сновали наши смертельные враги, в полутьме тускло поблескивали наконечники их копий. Даже в ярости эти люди были безмолвны, как бульдоги. И еще ярко светился раскаленный горшок. Глаза Лео горели странным огнем; его красивое лицо точно окаменело. В правой руке он сжимал тяжелый охотничий нож. Подняв повыше ремешок, которым нож крепился к руке, Лео крепко обнял меня.

— Прощайте, старина, — сказал он, — прощайте, мой дорогой друг, отец, — нет, больше, чем отец. Нам не устоять против этих негодяев, ни малейшего шанса; через несколько минут они нас убьют и, вероятнее всего, съедят. Простите, что я втянул вас в эту авантюру. Прощай, Джоб!

— Да свершится воля Господня! — пробормотал я сквозь сжатые зубы, готовясь к смерти. Джоб с громким восклицанием поднял револьвер и выстрелил; один из нападавших — конечно, не тот, в кого он целился, — упал. Всякий, кто на прицеле у Джоба, — в полной безопасности.

Амахаггеры бросились вперед, я тоже открыл огонь и остановил их натиск: вместе с Джобом мы убили или смертельно ранили пятерых, не считая женщины. Но у нас не было времени на перезарядку оружия, амахаггеры же снова начали атаку, и я не мог не оценить великолепие их безрассудной отваги: они ведь не знали, что наши револьверы разряжены.

На помост вспрыгнул высокий амахаггер, но Лео одним ударом кинжала пропорол его насквозь. Я убил своим ножом другого, но Джоб промахнулся, мускулистый амахаггер схватил его за поясницу и рванул на себя. Не прикрепленный ремешком нож выпал у Джоба из руки и, по счастливой случайности, упал рукояткой на пол, так что амахаггер повалился спиной на острие. Не знаю, что было дальше с Джобом: видимо, он продолжал лежать на теле мертвого врага, «прикидываясьдохлым опоссумом», как говорят американцы. Я вступил в отчаянную схватку с двумя злодеями: к счастью для меня, они оставили свои копья у костра; и впервые в жизни мне так пригодилась большая физическая сила, которой наделила меня природа. Я рубанул по голове одного из нападающих своим тяжелым, как тесак, ножом; мощь удара была такова, что его череп раскололся до самых глазниц; и когда он грохнулся на бок, нож вырвало у меня из рук: так крепко зажато было лезвие в щели.

Тут на меня навалились двое других, но я успел обхватить их за поясницы, и мы покатались по полу все вместе. Люди они были сильные, но мною уже овладела та ужасная жажда убийства, которая наполняет сердца и самых цивилизованных из нас, когда сыплются удары и жизнь висит на волоске. Мои руки все туже и туже стискивали двоих смуглых демонов, я слышал, как трещат их ребра, прогибаясь в моих железных объятиях. Они корчились и извивались, как змеи, изо всех сил били меня кулаками, царапали, но я не ослаблял хватки. Лежа на спине, прикрываясь их телами от возможных ударов копьем, я медленно выжимал из них жизнь; при этом, как ни странно, я думал о том, что сказали бы и ректор моего Кембриджского колледжа, человек по натуре дружелюбный, член пацифистского общества, и мои коллеги по ученому совету, если бы с помощью какой-нибудь волшебной силы могли видеть, с каким азартом я играю в эту кровавую игру. Оба моих врага скоро ослабели, почти перестали оказывать сопротивление, по их прерывистому дыханию ясно было, что они умирают, а я все не отпускал их, так как умирали они очень медленно. Я знал: стоит мне ослабить хватку, и они тотчас оживут. Мы все трое лежали в тени каменного уступа, и другие злодеи, вероятно, полагали, что мы мертвы, — во всяком случае, они не вмешивались; маленькая трагедия продолжалась.

Повернув голову, я увидел, что Лео стащили с каменного помоста, но он все еще на ногах, в самой гуще колышущейся толпы амахаггеров: они старались повалить его, как волки — оленя. Его прекрасное бледное лицо в золотой короне волос возвышалось над головами нападающих (ибо Лео ростом в шесть футов и два дюйма); боролся он с отчаянным

самозабвением и энергией, которая была бы поистине великолепна, будь она употреблена на какую-нибудь благородную цель. Вот он всадил нож в одного из амахаггеров: они облепили его так тесно, что не могли пустить в ход свои большие копья, а дубин и ножей у них не было. Амахаггер упал убитый, но в следующий миг у Лео вырвали нож, оставив его без защиты. Я уже думал, что это конец, но нет, сверхчеловеческим усилием он стряхнул с себя всех, схватил тело только что сраженного им врага и, подняв на руках, швырнул в толпу нападающих, и так поразительна была сила броска, что пятеро или шестеро из них повалились на пол. Но через минуту они снова поднялись — все, кроме одного: у него был разmozжен череп — и всем скопом напали на Лео. Хотя и не сразу, с величайшим трудом, им все же удалось осилить льва. На какой-то момент он вырвался и ударом кулака опрокинул одного из амахаггеров, но противостоять такой многочисленной толпе было свыше сил человеческих, и наконец он рухнул, как подрубленный дуб, увлекая за собой всех, кто его держал, на пол. Они схватили его за ноги и за руки, оставив туловище открытым.

— Копье! — прокричал чей-то голос. — Принесите копье, чтобы распороть ему горло, и чашу для крови!

Увидев приближающегося человека с копьем, я закрыл глаза. Я постепенно слабел, а двое врагов, которых я стискивал в объятиях, все не умирали, поэтому я никак не мог прийти Лео на помощь. Меня пронизывало какое-то тошнотворное чувство.

Заслышав непонятный шум, я невольно открыл глаза, готовый к самому худшему. И увидел Устане: она легла на Лео и крепко обвила руками его шею. Амахаггеры попытались оттащить ее прочь, но она оплела его ноги своими ногами и держалась за него, как лиана за дерево. Тогда они попытались ударить его копьем в бок, так чтобы не поранить девушку; это долго им не удавалось, но они все же достали Лео.

Наконец их терпение иссякло.

— Пронзите копьем их обоих — и мужчину, и женщину, — распорядился голос — тот самый голос, что задавал вопросы на ужасном пиршестве. — Так мы их и поженим.

Человек с копьем выпрямился, намереваясь нанести окончательный удар. Блеснула холодная сталь, и я опять закрыл глаза.

И тут я услышал повелительный возглас, который громким эхом загремел по всей пещере:

— Прекратите!

В этот миг я потерял сознание. Последней моей мыслью было, что я проваливаюсь в бездну Смерти.

Глава IX. Маленькая ножка

Очнулся я на шкуре, недалеко от костра, куда нас позвали для этого ужасного пиршества. Рядом лежал Лео, все еще в беспамятстве; над ним склонялась высокая фигура Устане: она промывала холодной водой глубокую рану в его боку, прежде чем наложить полотняную повязку. Прислонясь спиной к стене пещеры, за ней стоял Джоб, не раненый, но зверски избитый и весь дрожащий. По ту сторону костра валялись тела тех, кого, защищая свою жизнь, мы вынуждены были убить в этой жестокой схватке: казалось, простершись на полу, они спят в полном изнеможении. Убитых я насчитал двенадцать — помимо женщины и бедного Мухаммеда, который пал от моей руки; его положили рядом с остальными, тут же находился и закопченный горшок. Слева от меня отряд воинов связывал попарно уцелевших каннибалов. Они подчинялись с мрачным безразличием, которое плохо вязалось со сдерживаемой яростью, тлеющей в их угрюмых глазах. Впереди стоял не кто иной, как наш друг Биллали: он-то и руководил всей операцией. Вид у него был довольно измученный, но величественный: почтенный патриарх с развевающейся бородой, холодный и невозмутимый, будто присутствует при забое скота.

Заметив, что я присел, он подошел ко мне и учтиво осведомился, как я себя чувствую, не лучше ли? На этот вопрос было затруднительно ответить, ибо у меня болело все тело, — так я ему и объяснил. Затем Биллали нагнулся осмотреть Лео.

— Рана довольно глубокая, — произнес он. — Но нутро не задето. Он выздоровеет.

— Если он и будет спасен, то лишь благодаря тебе, отец, — ответил я. — Вернись ты хоть чуть-чуть позже, твои дьяволы прикончили бы нас, как нашего слугу. — Я показал на Мухаммеда.

Старик заскрипел зубами, его глаза зажглись необычайно злым блеском.

— Не бойся, сын мой, — сказал он. — Их ожидает такое возмездие, что при одной мысли о нем они будут корчиться в нестерпимых муках. Всех их отведут к *Той-чье-слово-закон*, а ее возмездие будет достойно ее величия. Эти гиены еще позавидуют твоему слуге. — И он показал на Мухаммеда. — Их смерть будет в тысячу раз ужаснее. Расскажи мне, как все это случилось.

Я в нескольких словах описал происшедшее.

— Вот оно как, — сказал он. — Видишь ли, сын мой, по обычаю этой страны, на чужеземцев, которые забредают сюда, надевают раскаленные горшки, а потом их съедают.

— У вас, оказывается, все наоборот, — несмело произнес я. — В нашей стране чужеземцев принимают очень радушно, угощают их. А вы угощаетесь ими сами.

Биллали пожал плечами.

— Мы следуем обычаю. Лично я не одобряю этот обычай. — Подумав, он добавил: — Мне не нравится мясо чужеземцев — особенно если они долго бродили по болотам и ели водяных птиц. *Та-чье-слово-закон* повелела, чтобы вас пощадили, но она не упомянула о вашем черном слуге; эти гиены мечтали его сожрать, а тут еще женщина, которую ты убил, и правильно сделал, что убил, стала их подговаривать: наденьте, мол, на него раскаленный горшок. Ну что ж, они поплатятся за все. Когда эти люди предстанут перед нашей повелительницей, объятой великим гневом, они горько пожалеют, что родились на свет. Счастливы те из них, кто погиб от ваших рук... Я слышал, вы сражались отважно, — продолжал он. — Знаешь ли ты, длиннорукий старый Бабуин, что ты сломал ребра двоим из тех, что здесь лежат? С такой легкостью, точно это яичная скорлупа. И молодой Лев отличился, сражаясь один против многих: троих он убил на месте, четвертый, — он кивнул в сторону еще шевелящегося тела, — вот-вот умрет, у него рассечена голова. Ранены многие из тех, кого сейчас связывают. Это была доблестная схватка, вы оба покорили мое сердце, ибо я люблю смельчаков. Отныне я ваш друг. Но объясни мне, мой Бабуин — у тебя такое волосатое лицо, что ты и впрямь смахиваешь на бабуина, — как вы сумели убить этих людей? Говорят, вы убивали их шумом, они падали как подкошенные, и в телах у них были дырки.

Я очень коротко — на более подробное объяснение у меня не хватало сил — рассказал ему, как действует огнестрельное оружие. Зная, что мы всецело в его власти, отказать ему я не мог. Он тотчас предложил для наглядности убить одного из пленников. Одним больше, одним меньше, какая, в конце концов, разница? Ему будет интересно посмотреть, а я смогу отомстить своему врагу. Он был ошеломлен, когда я объяснил ему, что не в наших обычаях хладнокровно приканчивать людей: осуществление мести возлагается на закон и на Высшую Силу, о которой он ничего, видимо, не знает. Чтобы подсластить пилюлю, я добавил, что, когда хорошенько отдохну и поправлюсь, возьму его с собой на охоту, и он сам сможет подстрелить какое-нибудь животное. Биллали был доволен, словно ребенок, которому обещали новую игрушку.

Джоб влил в рот Лео немного еще оставшегося у нас бренди, и тот открыл глаза. На том наша беседа с «отцом» и закончилась.

Лео чувствовал себя очень плохо, был в полубеспамятстве, и нам с большим трудом удалось оттащить его в каморку с каменным ложем. Говоря «нам», я имею в виду себя, Джоба и отважную Устане, которую я непременно расцеловал бы за то, что, рискуя своей жизнью, она спасла моего дорогого мальчика. Но Устане была не из тех молодых девушек, с какими можно позволить себе малейшую вольность, если, конечно, не будешь уверен, что она правильно тебя поймет, поэтому я подавил свой порыв. Затем, весь в синяках и ушибах, но впервые за несколько дней ощущая себя в безопасности, я побрел в свой маленький склеп и лег, не забыв перед сном от всей души возблагодарить Провидение за то, что этот склеп не стал моим последним приютом, ибо столь счастливое стечение обстоятельств я могу приписать лишь его вмешательству. Мало кому из людей доводилось быть так близко от смерти, как нам в тот злополучный день.

Я и в лучшие-то времена редко спал безмятежным сном, а в ту ночь, когда я наконец задремал, меня одолевали кошмарные видения. Снова и снова я видел, как бедный Мухаммед вырывается из рук амахаггеров, пытающихся надеть на него раскаленный горшок, и все время на заднем плане маячила женская фигура, закутанная с лицом в покрывала: иногда она их сбрасывала и представала передо мной то в образе прекрасной, цветущей женщины, то в образе ухмыляющегося скелета, и всякий раз я слышал загадочную, по всей видимости, бессмысленную фразу: *«Все, что живет, уже знало смерть, и все, что мертво, не может умереть, ибо в извечном Круговороте Духа и жизнь — ничто, и сама смерть — ничто. Все сущее живет вечно, хотя и погружается временами в сон и забвение...»*

Наступило утро, но все мое тело пронизывала боль, ломота, и я так и не смог встать. Часов около семи пришел Джоб, он сильно хромал, а его лицо было цвета гнилого яблока. От него я узнал, что Лео спал крепким сном, но очень слаб. Еще через два часа, со светильником в руке, пожаловал Биллали (Джоб называл длиннобородого старика Козлом — он и правда смахивал на это животное — или Билли); при своем высоком росте он едва не упирался головой в потолок каморки. Я притворился спящим, но тайком, размыкая веки, поглядывал на его сардонически-насмешливое, красивое старое лицо. Впиваясь в меня ястребиными глазами, он гладил свою великолепную седую бороду; эта борода, кстати сказать, приносила бы ежегодно добрую сотню фунтов любому

лондонскому парикмахеру, который использовал бы ее для рекламы.

— Да, — пробормотал Биллали (у него есть привычка разговаривать с собой), — он очень безобразен, так же безобразен, как тот, другой, хорош собой! Бабуин — самое подходящее для него прозвище. Но он мне нравится. Странно, что в мои годы мне может еще нравиться какой-нибудь человек. А ведь пословица говорит: «Не верь ни одному из мужчин и убивай тех, к кому испытываешь наибольшее недоверие; всех женщин избегай, ибо они порочны по самой своей природе и в конце концов непременно погубят тебя». Мудрая пословица, особенно в последней своей части, вероятно, ее сочинили еще наши далекие предки. И все же мне нравится Бабуин. Любопытно было бы знать, где он научился всем этим штукам. Надеюсь, Она не околдует его. Бедный Бабуин! Эта схватка измотала его. Не буду его будить, пойду.

Он повернулся и медленно на цыпочках направился к выходу, только тогда наконец я окликнул его:

— Это ты, отец?

— Да, сын мой, это я, но я не хочу тебя беспокоить. Пришел только взглянуть, как ты себя чувствуешь, и сказать, что те, кто посягал на твою жизнь, мой Бабуин, уже на пути к нашей владычице. Она велела, чтобы привели и вас, но боюсь, вы еще слишком слабы для путешествия.

— Да, — ответил я, — придется подождать, пока мы немного окрепнем; прошу тебя, отец, прикажи, чтобы меня вынесли на свежий воздух. Здесь такая духота.

— Да, дышать здесь трудно, — согласился он. — Да и место это очень печальное. Я помню, как в детстве нашел тело прелестной женщины на том самом ложе, где ты сейчас возлежишь. Она была очень красива, и я часто тайком приходил сюда со светильником в руке — полюбоваться ею. Не будь ее руки холодны, можно было бы подумать, что она спит и вот-вот проснется: так мирно она почивала, так прекрасна была в своем белом одеянии. У нее была белая кожа и длинные, до самых пят, желтые волосы. Там, где обитает Она, есть много подобных усыпальниц; те, кто возложил усопших женщин на каменные скамьи, знали некий, неведомый мне способ, как спасти своих возлюбленных от всепоглощающей десницы Тлена, даже и в смерти. День за днем я приходил сюда и не отрываясь смотрел на нее, пока, — не смейся надо мной, о чужеземец, ведь я был еще несмышленищем, — пока не полюбил этот мертвый лик, эту скорлупку, где некогда заключалась жизнь. Ползая на коленях, я целовал ее холодное лицо и каждый раз думал, сколько мужчин любили и обнимали ее в те давно минувшие времена: все они ушли навсегда. О мой Бабуин, благодаря этой

женщине я обрел мудрость, осознал быстротечность нашей жизни и бессмертие самой Смерти, постиг, что все сущее в мире уходит одним путем и навсегда забывается. Так я размышлял, убежденный, что приобщаюсь к истинной мудрости, но в один прекрасный день моя мать — женщина очень наблюдательная и горячая — заметила, что я сильно переменялся, и стала следить за мной; увидев, что я часто хожу к этой прекрасной белой женщине, она решила, что я околдован — впрочем, так оно и было. В страхе и гневe она схватила светильник, поставила женщину к стене и подпалила ее волосы. Женщина сгорела до самых ступней, ибо эти мертвые тела пропитаны каким-то горючим веществом и мгновенно сгорают.

— Посмотри, сын мой, на потолок, там еще сохранились следы копоти.

Я недоверчиво поднял глаза; по потолку и в самом деле расползлось маслянистое черное пятно, фута в три величиной. За долгие прошедшие годы копоть со всех стен стерли, но вверху она еще оставалась, и в ее происхождении не могло быть никаких сомнений.

— Она сгорела, — раздумчиво продолжал он, — вплоть до ступней; впоследствии я вернулся и отрезал от них обгоревшие кости, затем обернул в полотно и спрятал под каменной скамьей. Я помню все так отчетливо, точно это случилось лишь вчера. Может быть, они все еще там? Признаюсь, с того дня я ни разу не заходил в эту пещеру. — Он встал на колени и пошарил длинной рукой под моим ложем. Его лицо просияло, с обрадованным восклицанием он вытащил оттуда какой-то запыленный сверток. Когда он развернул рваный лоскут, моим изумленным глазам предстала очень красивая ступня почти белой женщины; вид у ступни был такой, как будто ее только что туда положили.

— Видишь, мой Бабуин, — печально произнес он. — Я сказал тебе чистую правду. А вот и еще одна ступня; возьми ее и посмотри.

Я взял этот холодный остаток брeнного тела и осмотрел его при бледном мерцании светильника. Не берусь даже описывать чувства, которые я при этом испытывал: тут смешивались удивление, страх и восторг. Ступня была легкая, куда легче, вероятно, чем при жизни ее обладательницы; ее плоть — почти неотличимая от живой плоти, разве что от нее исходил слабый ароматический запах. Ничего похожего на сморщенные, почерневшие и очень непривлекательные на вид египетские мумии; пухлая, прелестная, хоть и слегка обгоревшая, ступня, точно такая же, как в день смерти — подлинный шедевр искусства бальзамирования!

Бедная маленькая ступня! Я положил ее на каменную скамью, где она

пролежала долгие тысячелетия. Кто же была эта женщина, в чьей красоте сохранился отблеск некогда славной и гордой, а ныне забытой цивилизации? Веселая девочка, застенчивая девушка и наконец зрелая женщина — само совершенство! В каких залах Жизни шелестели ее мягкие шаги и с какой отвагой прошла она по пыльной тропе Смерти? К какому счастливцу прокрадывалась она в ночной тишине, мимо спящего на полу черного раба, и кто с жгучим нетерпением дожидался ее прихода? Прелестная маленькая ступня! Уж не попирала ли она гордую выю какого-нибудь завоевателя, который склонялся перед подобной красотой, не прижимались ли к ее жемчужной белизне губы знатных вельмож и царей?

Я завернул реликвию в старый лоскут, остаток обгорелого савана, и убрал в свой кожаный саквояж, купленный в лондонском универсальном магазине для военных. «Какое странное сочетание!» — подумал я. Затем, поддерживаемый Биллали, я побрел в каморку Лео. Он был избит сильнее меня, или, может быть, синяки и кровоподтеки резче выделялись на ослепительной белизне его кожи; к тому же он очень ослабел от потери крови; при всем при том он был весел и бодр и попросил принести ему завтрак. Джоб и Устане погрузили его на сидение из волокнистой ткани, отвязанное от шестов паланкина, отнесли его к выходу из пещеры и уложили в тени. Все следы вчерашнего побоища были уже стерты. Мы позавтракали и провели там весь день, а также и два последующих.

На третье утро Джоб и я были практически здоровы. И Лео чувствовал себя много лучше, поэтому, уступая неоднократным настояниям Биллали, я выразил согласие тотчас же отправиться в Кор — так называлось место, где обитала таинственная *Она*; однако я боялся, как бы едва затянувшаяся рана Лео не открылась в пути вновь. И если бы Биллали не выказал такого явного нетерпения, которое невольно наводило на мысль, что дальнейшая оттяжка угрожает нам большими неприятностями, может быть, даже чревата опасностью, я бы, конечно, не дал своего согласия.

Глава X. Размышления

Через час после моего разговора с Биллали нам подали пять паланкинов, при каждом из которых было четыре носильщика и двое запасных. Нас сопровождали пятьдесят вооруженных амахаггеров; они же должны были нести наши вещи. Три паланкина, очевидно, предназначались для нас и один — для Биллали, я был очень рад узнать, что он отправляется вместе с нами; пятый паланкин, как я предположил, приготовили для Устане.

— Ты берешь с собой и девушку, отец? — спросил я Биллали, который отдавал необходимые распоряжения.

Он пожал плечами.

— Спроси у нее. В этой стране женщины вольны поступать как им заблагорассудится. Мы чтим их, потому что мир не может без них существовать: они — источник жизни.

— Да? — пробормотал я, ибо никогда еще не смотрел на женщин в таком свете.

— Мы чтим их, — продолжал он, — до тех пор, пока они не садятся нам на голову, а это, — добавил он, — случается через поколение.

— И что же вы тогда делаете? — любопытствовал я.

— Тогда, — ответил он с легкой усмешкой, — мы беремся за оружие и убиваем старух, чтобы припугнуть молодых, для острастки, и чтобы показать им, кто сильнее. Три года назад убили и мою бедную жену. Печально, конечно, но, сказать тебе правду, сын мой, моя жизнь стала куда покойнее, ибо возраст защищает меня от молодых девушек.

— Короче говоря, — тут я процитировал речение великого человека, который не успел еще озарить светом своей мудрости невежественных амахаггеров, — ты обрел большую свободу, а бремя ответственности стало легче.

Эта фраза слегка озадачила его своей недоговоренностью, хотя я и надеюсь, что мой перевод точно передал самую суть, но в конце концов он понял и оценил ее.

— Ну что ж, верно, — согласился он. — Почти все, кого ты имеешь в виду, говоря о «бремени ответственности», убиты, вот почему в стране осталось так мало старух. Что поделаешь, они сами же и виноваты. Что до этой девушки, — продолжал он более серьезным тоном, — даже не знаю, что и сказать. Она отважная девушка и любит Льва, ты сам видел, как она

спасла ему жизнь. По нашим обычаям, она считается его женой и имеет право сопровождать его повсюду, если только, — многозначительно добавил он, — если только не воспротивится та, чье слово превыше всех прав.

— Что будет, если *Она* повелит Устане оставить его, а девушка откажется?

— Что будет, — сказал он, пожав плечами, — если ураган захочет согнуть дерево, а оно не подчинится?

Не ожидая ответа, он повернулся и пошел к своему паланкину; через пять минут мы были уже в пути.

На то, чтобы пересечь дно вулканического кратера, понадобилось немногим более часа, и еще полчаса — на то, чтобы подняться на склон по другую сторону. Оттуда открывался поистине чудесный вид. Под нами лежал крутой спуск, который постепенно переходил в травянистую равнину с разбросанными по ней кое-где купами деревьев, большей частью из породы терновых. Милях в девяти-десяти от подножия смутно темнело море болот, окутанных гнилостными испарениями, как город — дымом. Носильщики быстро спустились вниз, и к полудню мы уже достигли края мрачных болот. Здесь мы сделали привал, пообедали и узкой, извилистой тропой двинулись через топь. В скором времени тропа — по крайней мере для наших неопытных глаз — стала почти неотличимой от тех дорожек, которыми ходят водоплавающие птицы и животные; для меня до сих пор тайна, каким образом наши носильщики умудрялись ее находить. Наше шествие возглавляли два человека с длинными баграми, они то и дело погружали багры в полужидкое месиво, ибо по необъяснимым причинам почва здесь претерпевала частые изменения, так что можно было утонуть в том месте, где еще месяц назад путники проходили совершенно спокойно. Никогда не видел более тоскливого, угнетающего зрелища. Трясина тянулась миля за милей, и лишь кое-где ее разнообразили ярко-зеленые полосы сравнительно твердой земли и глубокие мрачные заводи, окаймленные тростником, где кричали выпи и неумолчно квакали лягушки; и так миля за милей, — ничего, что останавливало бы на себе взор, кроме, может быть, испарений, таящих в себе яд лихорадки. Из живых существ — только водоплавающие птицы и животные, которые ими питаются, и те и другие, правда, в большом количестве. Среди птиц — гуси, журавли, утки, чирки, лысухи, бекасы, ржанки и другие, не известные мне породы; и все непуганая дичь — хоть сбивай палкой. Особое мое внимание привлекла очень красивая разновидность пестрого бекаса, размером почти с вальдшнепа: в полете он напоминал скорее эту птицу, чем английского

бекаса. Водились тут маленькие крокодилы или гигантские игуаны, я так и не знаю, что это за пресмыкающиеся. Биллали сказал, что они питаются птицами. Множество страшных черных змей, очень опасных, хотя, как я понял, менее ядовитых, чем кобра или здешняя гадюка. Большие, громкоголосые быки-лягушки. И конечно, полчища москитов («мушкетеров», как называл их Джоб); эти были еще злее, чем их речные собратья: не передать, что мы от них терпели. Но хуже всего — омерзительный запах гниения, временами совершенно непереносимый, да еще тлетворные испарения, которыми нам приходилось дышать. Мы продолжали путь, пока солнце наконец не закатилось в своем мрачном великолепии; к этому времени мы успели достичь клочка земли размером в два акра — небольшой оазис суши среди пустыни болот; в этом месте Биллали приказал разбить лагерь. «Разбивка» оказалась делом очень нехитрым; мы расселись вокруг небольшого костра, сложенного из сухого тростника и прихваченного с собой хвороста. Однако это было лучше, чем ничего, мы покурили и поели, хотя сырость и удушливая жара, естественно, не способствуют аппетиту, а здесь бывает очень жарко — иногда, правда, и холодно. Увидев, что дым отпугивает москитов, мы подошли ближе к огню. Затем завернулись в одеяла и попробовали уснуть, но все так же громко кричали лягушки, все так же, вселяя смутную тревогу, оглушительно хлопали крыльями сотни бекасов, хватало и других помех, поэтому сон так и не шел ко мне. Я повернулся и взглянул на Лео, который лежал рядом, его покрасневшее лицо внушало мне сильное беспокойство. Тут же, возле него, примостилась и Устане, она то и дело приподнималась на локте и при неярком свете костра встревоженно поглядывала на его лицо.

Но я не мог оказать никакой помощи Лео, ибо мы все уже наглотались больших доз хинина, а никакими иными лекарствами мы не запаслись; оставалось только лежать на спине и смотреть, как на необъятном своде небес проступают тысячи и тысячи звезд — до тех пор, пока все небо не испещрили бесчисленные сверкающие точки, каждая — целый мир. Глядя на это величественное зрелище, остро ощущаешь собственную ничтожность. Но думал я об этом недолго: человеческий ум легко устает, когда пытается объять Беспредельное, проследить — шаг за шагом — путь Всемогущего, обходящего небесные сферы, или постичь сокровенную цель Его Творения. Всего этого нам не дано знать, Познание — только для сильных, а мы слабы. Чрезмерная мудрость могла бы помрачить наше несовершенное зрение, опьянила бы нас, легла бы слишком тяжким бременем на наш рассудок, и мы захлебнулись бы в собственном

тщеславии. Что принесло с собой знание, почерпнутое людьми из Книги Природы с помощью простого наблюдения? Прежде всего сомнение в существовании Творца и какой-нибудь разумной цели, кроме их собственной. Истина сокрыта от нас, мы не можем смотреть на ее ослепительное величие, как не можем смотреть на солнце. Более того, она губительна для нас. Абсолютное знание не для людей — таких, какие они есть, ибо их способности, которыми они склонны гордиться, в сущности, невелики. Их разум — быстро переполняющийся сосуд; если влить в него хотя бы одну тысячную той несказанной безмолвной мудрости, которая направляет вращение этих сверкающих сфер, и той силы, что приводит их в движение, этот сосуд не выдержал бы, рассыпался на куски. Может быть, в другом мире, в другом временном измерении это и не так. Но здесь, на земле, участь смертных — переносить тяготы труда и муки, ловить вздуваемые судьбой пузыри, которые они называют наслаждениями, радуясь, если им удастся поддержать эти пузыри хоть короткий миг, прежде чем они лопнут, а когда трагедия сыграна, настал последний час, безропотно уходить в неведомое — да, такова их участь.

Надо мной в вышине сверкали вечные звезды, у моих ног играли проказливые болотные огоньки, они носились в тумане, чтобы в конце концов пасть на землю, — и я подумал, что и эти звезды, и эти огоньки — образ и подобие людей, какие они есть и какими, может быть, станут, покорные воле Живой Силы, которая определяет их общую судьбу. О, если бы мы могли годами держаться на той высоте, которой лишь редкими взлетами достигает наше сердце! О, если бы мы могли высвободить пленные крылья и воспарить на вершину, откуда, подобно путнику, озирающему мир с высочайшей горы, исполненные благородных мыслей, мы проникли бы духовными взорами в Беспредельность!

О, если бы скинуть с себя этот земной покров, навсегда покончить с суетными мыслишками и жалкими желаниями, свергнуть власть сил, стоящих над нами, сил, которые носят нас, как пылающие факелы; наши потребности принуждают нас повиноваться, хотя теоретически мы могли бы подчинить их себе.

Да, свершить все это, взлететь над зловонными топями и терновниками этого мира, парить на недостигаемой высоте в озарении нашего лучшего «я», светящегося в нас, как бледное сияние болотных огоньков, наконец, растворить нашу ничтожность в ярком великолепии мечты, незримого, но всеобъемлющего добра, источника всей красоты и правды!

Таковы были мои мысли в ту ночь. Они приходят терзать нас в любое

время. Я говорю «терзать», потому что, мысля, мы лишь сильнее сознаем бессилие нашей мысли. Кто услышит наши слабые крики в ужасающем безмолвии мирового простора? Может ли наш тусклый разум раскрыть тайны усыпанного звездами неба? Получим ли мы ответ на свои вопросы? Нет, никогда; ничего, кроме глухих отголосков и фантастических видений. И все же мы надеемся на ответ, надеемся, что новая Заря рассеет тьму вековой ночи. Мы верим в это, ибо из могильного мрака нам брезжит ее отраженное сияние, которое мы называем Надеждой. Лишенные Надежды, мы были бы обречены на неминуемую нравственную гибель, с ее помощью, однако, мы еще можем взобраться на небо; если же, в самом худшем случае, и она окажется всего лишь доброй усмешкой, оберегающей нас от полного отчаяния, нам остается возможность погрузиться в бездну вечного сна.

Тут я задумался о предпринятом нами путешествии, какой безрассудной затеей кажется оно, и все же не странно ли, что все нами виденное и слышанное подтверждает надпись, сделанную столько веков назад на черепке? Кто эта необычайная женщина, властвующая народом столь же необычайным, как она сама, здесь, среди остатков утерянной цивилизации? И что это за легенда об Огненном Столпе, источнике бессмертия? Неужели на свете и впрямь существует некая жидкая или твердая субстанция, могущая укрепить эти плотские стены так, чтобы они веками противостояли натиску Тлена? Возможно, хотя и маловероятно. Бесконечное продление жизни, сказал бедный Винси, отнюдь не более поразительно, чем ее зарождение и — пусть кратковременное — существование. Если это так, то что отсюда следует? Тот, кто разгадает эту тайну, несомненно, сможет подчинить себе весь мир. Он сосредоточит в своих руках все богатство мира, всю власть и всю мудрость, которая тоже есть власть. Всю свою жизнь, как бы длительна она ни была, он посвятит изучению искусств и наук. Если *Она* практически бессмертна, чему, честно сказать, я не верил, то почему же, располагая такими возможностями, она предпочитает веками жить в пещере, среди каннибалов? В самом этом вопросе заключается и ответ. Все это чудовищный вымысел, объяснимый разве что суеверием, свойственным тем далеким дням. У меня, во всяком случае, не было ни малейшего желания продлить свою жизнь. Слишком много неприятностей, разочарований и горьких обид пережил я за сорок с лишним лет своей жизни, чтобы стремиться к бесконечному ее продолжению. А ведь, в сущности, моя жизнь не такая уж и несчастливая.

Вспомнив, что у нас куда больше шансов преждевременно закончить свое бременное существование, чем продлить его хоть на какое-то время, я

наконец усилием воли заставил себя уснуть, за что, надеюсь, мои читатели, если таковые имеются, будут мне благодарны.

Когда я проснулся, уже светало; собираясь в путь, наши стражи и носильщики призрачными тенями сновали в густом утреннем тумане. От костра осталось лишь кострище; я встал и потянулся, весь дрожа от сырости и холода. Затем я посмотрел на Лео. Он сидел, обхватив голову руками, лицо у него пылало, глаза ярко блестели, вокруг зрачков виднелись желтые обводы.

— Как ты себя чувствуешь, Лео? — спросил я.

— Препаскудно, — ответил он. — Голова раскалывается, во всем теле озноб, я как будто умираю.

Я присвистнул — если не вслух, то мысленно: не приходилось сомневаться, что это приступ лихорадки. Я попросил у Джоба хинина, благодарение Богу, у нас оставался еще изрядный запас этого лекарства; оказалось, что и Джоб нездоров. Он жаловался на боли в спине и головокружение и был совершенно беспомощен. Я сделал единственно тогда возможное: дал им обоим по десяти зернышек хинина и сам принял дозу чуть поменьше, для профилактики. Затем я подошел к Биллали, изложил ему все обстоятельства и попросил его совета. Он осмотрел Лео и Джоба (прозванного им Свиньей за брюшко, круглое лицо и маленькие глазки).

— Так я и думал, — сказал он, когда мы отошли от больных, — лихорадка. Лео болен тяжело, но он молод и, надо надеяться, выживет. У Свиньи же не такая сильная болезнь: если лихорадка начинается с болей в спине, она быстро проходит.

— Можем ли мы продолжать путь?

— Нам не остается ничего другого. Если задержаться здесь, они оба умрут; к тому же им нельзя лежать на земле, лучше уж в паланкинах. Если не случится ничего непредвиденного, к ночи мы должны миновать болота и достичь более здоровых мест. Посадим их в паланкины — и в путь; торчать здесь, в этом утреннем тумане, очень опасно. Поедим на ходу.

С тяжелым сердцем продолжал я это необычное путешествие. Первые три часа все шло как нельзя более хорошо, но затем случилась беда; мы едва не лишились приятного общества нашего почтенного друга Биллали, чей паланкин возглавлял нашу процессию. Мы шли как раз через наиболее опасное место, где ноги носильщиков увязали по самое колено. Для меня сущая тайна, как им вообще удавалось нести тяжелые паланкины по зыбкой почве, при том что к этой работе подключились и запасные носильщики.

Мы тащились все вперед и вперед, как вдруг послышался пронзительный крик, за ним последовали причитания, а затем и громкий всплеск. Караван остановился.

Я спрыгнул со своего паланкина и побежал вперед. В двадцати шагах от меня находилась одна из тех мрачных торфянистых заводей, о которых я уже говорил; тропа проходила по ее довольно крутому берегу. К своему ужасу, я увидел, что в воде плавает паланкин Биллали, самого же его не видно. Забегая вперед, объясню, что случилось. Один из носильщиков Биллали наступил на греющуюся на солнце змею, она ужалила его в ногу, после чего он, вполне естественно, выпустил ручку и, чтобы не скатиться в заводь, вцепился в паланкин. Случилось то, чего и следовало ожидать. Паланкин завалился набок, носильщики выпустили ручки, и паланкин, и Биллали, и укушенный змеей человек упали в мутную заводь. Когда я подбежал, оба они скрылись под водой, несчастный носильщик так больше и не вынырнул. То ли размозжил голову о корягу или камень, то ли застрял в вязком дне, то ли его парализовал змеиный яд — трудно сказать. Но хотя сам Биллали исчез, по ряби на воде можно было догадаться, что он запутался в волокнистом полотнище, которое служило сидением, и в занавесках.

— Он там! Наш отец там! — сказал один из носильщиков, но и пальцем не шевельнул, чтобы помочь утопающему, то же самое и все другие. Они только стояли и глазели на воду.

— Прочь с дороги, скоты! — выкрикнул я по-английски, скинул шляпу и нырнул в эту мерзкую илистую заводь. Несколько энергичных гребков руками — и я уже на том самом месте, где под водой барахтался Биллали.

Каким-то образом, сам не знаю как, мне удалось выпутать его, и на поверхности наконец показалась его почтенная голова; вся в зеленом иле, она походила на увитую плющом голову Вакха. Остальное не представляло трудности, ибо Биллали — человек неглупый и многоопытный и, конечно же, не цеплялся за меня, как это бывает с тонущими; я схватил его за руку и отбуксировал к берегу, а там уж нам помогли взобраться по скользкому откосу. Вид у нас был невообразимо грязный, и чтобы дать понятие, каким сверхъестественным чувством достоинства обладал Биллали, скажу одно: старик сильно задыхался, кашлял, он был весь облеплен темной болотной жижей и зеленым илом, борода его слиплась в узкую косичку, наподобие тех, что носят китайцы, обильно смазывая их маслом, — и все же он продолжал внушать глубокое почтение.

— Собаки! — обрушился он на своих носильщиков, едва обрел дар речи. — Вы бросили меня, отца вашего, на произвол судьбы. Если бы не

этот иноземец, мой сын Бабуин, я бы, конечно, утонул. Ну что ж, я вам это припомню! — Он уставился на них своими поблескивающими водянистыми глазами и, хотя они стояли с мрачно-равнодушным видом, от меня не укрылось, что им не по себе.

— Что до тебя, сын мой, — добавил Биллали, поворачиваясь и пожимая мне руку, — отныне я твой верный друг и в беде, и в радости. Ты спас мне жизнь: возможно, когда-нибудь я тебя отблагодарю.

Мы кое-как отчистились, совместными усилиями вытащили паланкин и продолжали путь — все, кроме одного, утонувшего. То ли его не слишком любили, то ли сказывалось присущее туземцам безразличие и эгоизм, но никто даже не сожалел о его внезапной кончине, кроме, может быть, тех, кому пришлось взять на себя его часть работы.

Глава XI. Равнина Кор

За час до заката мы, к моей безграничной радости, преодолели наконец пояс болот и выбрались на твердую сушу, которая большими волнами уходила вверх. Перевалив через первый же такой холм, мы остановились на ночлег. Первым делом я осмотрел Лео. Его состояние было, пожалуй, еще хуже, чем утром; появился новый тревожный симптом — рвота, она продолжалась вплоть до утренней зари. Всю ночь, не смыкая глаз, я помогал Устане — она оказалась одной из самых заботливых и неутомимых нянь, каких мне доводилось видеть. Воздух здесь был мягкий и теплый, отнюдь не такой удушливо-жаркий, как над болотами, исчезли и полчища moskitov. Мы были уже выше уровня туманов, которые стлались внизу над болотами, как клубы дыма — над городом, лишь кое-где пронизанные светом блуждающих огоньков. Все это внушало надежду, что худшее осталось позади.

С рассветом у Лео начался бред, ему мерещилось, будто его расщепили на две половины. Я был просто убит и с мучительным страхом ожидал окончания приступа. Я уже слышал о том, как опасны подобные приступы. Биллали сказал, что мы должны продолжать путь: если мы не достигнем какого-нибудь места, где Лео мог бы спокойно вылежаться и где ему был бы обеспечен надлежащий уход, он не протянет и двух дней. Я не мог с ним не согласиться, мы посадили Лео в паланкин и двинулись дальше; Устане шла рядом с Лео, отгоняя мух и следя, чтобы он не выпал из паланкина в бреду.

Через полчаса после восхода солнца мы уже были на перевале, откуда открывалось необыкновенно прекрасное зрелище. Под нами простиралась зеленая равнина, оживляемая пестрыми цветами и листьями деревьев. На заднем плане, милях в восемнадцати от нас, круто вздымалась огромная, очень необычная на вид гора. У самого ее подножия равнина плавно уходила вверх, тут все еще росла трава, но на высоте примерно пятисот футов начиналась отвесная каменная стена двенадцати-пятнадцати тысяч футов высотой. Гора была круглая, несомненно, вулканического происхождения, а так как мы видели только сегмент круга, определить точные ее размеры было затруднительно. Потом уже я подсчитал, что она занимает площадь не менее пятидесяти миль. Никогда в жизни не видел я и, думаю, не увижу ничего более величественного и грандиозного, чем этот огромный замок, возведенный самой природой, одиноко возвышающийся

над равниной. Отсутствие рядом других гор придавало ему еще большую величавость; бастионы его утесов, казалось, пронзали небо. На их широких ровных зубцах пушистыми массами лежали облачка.

Приподнявшись в своем паланкине, я любовался поразительной, незабываемой картиной; Биллали, видимо, заметил это, потому что его паланкин приблизился ко мне.

— Вот обиталище *Той-чье-слово-закон*, — сказал старик. — Был ли когда-нибудь подобный престол у другой повелительницы?!

— Обиталище у нее, конечно, удивительное, — отозвался я, — но как мы туда попадем? Не представляю себе, как можно взобраться на такую крутую гору?

— Сейчас увидишь, мой Бабуин. Но посмотри на равнину под нами. И скажи, что ты об этом думаешь. Ты ведь человек мудрый. Отвечай же!

Переведя взгляд на равнину, я увидел прямую черную полосу, убегающую к основанию горы. С первого взгляда я решил, что это устланная торфом дорога. Но если это дорога, то почему ее окаймляют кое-где развалившиеся, но еще остающиеся в достаточной сохранности насыпи? Странно!

— Наверное, это дорога, отец, — сказал я. — Но можно предположить, что это ложе реки или же... — добавил я, озадаченный необычной прямизной русла, — или же канала.

Биллали — должен сказать, что происшедшее накануне ничуть не сказалось на его бодрости, — с мудрым видом кивнул головой.

— Ты прав, сын мой. Это отводной канал, сооруженный теми, кто задолго до нас. Я убежден, что внутри этой кольцевидной горы, куда мы направляемся, некогда находилось большое озеро. Но те, кто был задолго до нас, каким-то удивительным способом, о котором я не имею ни малейшего понятия, сумели прорубить в горе канал до самого дна этого озера. Но сперва они построили канал на равнине. Вода пошла через равнину прямо к низменности, где теперь простираются болота. А на месте осушенного озера строители возвели великий город, от которого не сохранилось ничего, кроме развалин и самого названия Кор; они же долгими веками прорубали в горе пещеры и тоннели, ты скоро увидишь плоды их труда.

— Возможно, так оно и было, — ответил я, — но почему родниковая вода и дожди не заполнили озеро снова?

— Но, сын мой, они же были мудрыми людьми и оставили сливной тоннель. Видишь эту реку справа? — И он показал на довольно широкую реку, которая вилась на равнине милях в четырех от нас. — Туда и попадает

вода из сливного тоннеля. Вначале она, вероятно, шла по каналу, но потом ее отвели в сторону, а канал использовали под дорогу.

— И нет никакого другого пути, чтобы проникнуть в глубь горы, кроме как через тоннель?

— Есть еще одна тайная тропа, по ней, хотя и с большим трудом, могут пройти люди и скот. Но ее можно проискать год и не найти. Пользуются ею лишь раз в году, для перегона стад, которые откармливаются на склонах горы и на равнине.

— Она всегда живет внутри горы, никогда не выходит?

— Нет, сын мой. Она там, где она есть.

К этому времени мы уже спустились на равнину, и я с восхищением любовался разнообразием и красотой субтропических цветов и деревьев; последние росли поодиночке или большей частью по три-четыре, среди них преобладали высокие, похожие на вечнозеленый дуб. Встречалось там и много пальм, некоторые — выше ста футов, и самые большие и красивые древовидные папоротники, какие мне приходилось видеть; вокруг них висели тучи медоуказчиков и огромных бабочек. Множество было и всевозможных животных, включая носорогов: одни бродили среди деревьев, другие прятались в высокой перистой траве. Кроме носорогов, которых я уже упоминал, я видел тут целые стада буйволов, антилоп канна, квагга, черных лошадиных антилоп, самых прекрасных из всего этого семейства, не говоря уже о более мелкой дичи. Попались и три страуса, при нашем приближении они умчались, как снежинки, подхваченные сильным ветром. При виде такого изобилия дичи я не мог устоять, у меня был с собой легкий одноствольный «мартини», — более тяжелое ружье пришлось оставить вместе с другими вещами, — и, увидев откормленную антилопу канна, которая терлась боком о дерево, я выпрыгнул из паланкина и постарался подползти к ней ближе. Она подпустила меня ярдов на восемьдесят, повернула голову и, глядя на меня, приготовилась к бегству. Я поднял ружье, прицелился над лопаткой — антилопа стояла ко мне боком — и выстрелил. Охотничий опыт у меня небольшой, но я никогда еще не стрелял с такой точностью и не убивал более великолепной добычи; большая антилопа взметнулась в воздух и упала замертво. Все носильщики остановились и наблюдали за мной; увидев, что я свалил антилопу, они все дружно ахнули: неожиданный комплимент со стороны этих угрюмцев, которые, казалось, никогда ничему не удивляются. Группа наших сопровождающих кинулась разделять тушу. Мне очень хотелось полюбоваться своей добычей, но, сдержав себя, с мнимо равнодушным видом, как будто я всю жизнь только и убивал антилоп, я возвратился к

паланкину, чувствуя, что поднялся на несколько ступеней в оценке амахаггеров, представ перед ними в роли необыкновенно могущественного волшебника. На самом же деле я никогда еще не видел канна на воле. Биллали был в восторге.

— Это поистине чудо, мой Бабуин, — восклицал он. — Поистине чудо! Ты великий человек, хотя и такой урод. Никогда не поверил бы, если бы не видел своими глазами. И ты говоришь, что научишь меня убивать так же, как ты?!

— Конечно, отец, — легкомысленно пообещал я. — Это пустяки.

Но я тут же твердо решил про себя, что если «отец» Биллали будет когда-нибудь учиться стрелять, я лягу ничком на землю или спрячусь за ближайшее дерево.

После этого не произошло ничего достойного упоминания. За полтора часа до заката мы уже находились в тени вулканической громады, которую я описывал. Пока наши дюжие носильщики шли по руслу древнего канала, приближаясь к тому месту, откуда громадная бурая гора поднималась отвесными стенами вверх — так высоко, что ее вершина терялась в облаках, — я не отрывал от нее глаз. Она просто подавляла меня своим гордым одиночеством, торжественным величием. Мы поднимались по откосу, залитому ярким солнцем, но вечерние тени уже ползли сверху и постепенно погасили это сияние. В скором времени мы углубились в тоннель, прорубленный в каменной толще. Труд его строителей заслуживал всяческого восхищения; их, вероятно, были многие тысячи, и работать им пришлось долгие годы, если не века. До сих пор не представляю себе, как можно было осуществить подобную работу без какого-либо взрывчатого вещества, например, динамита. У этой дикой страны есть свои неразрешимые тайны. Я же могу лишь предположить, что все эти тоннели и пещеры были высечены народом государства Кор, который обитал здесь в далекие, незапамятные времена. При их постройке, как и для сооружения египетских пирамид, по-видимому, применялся подневольный труд десятков тысяч пленников, и длился этот труд не одно столетие. Что же это за народ?

Наконец мы поднялись до отвесной стены и увидели перед собой устье темного тоннеля, очень похожего на железнодорожные тоннели, построенные нашими инженерами в девятнадцатом столетии: оттуда бежал поток воды. Тут я должен заметить, что все это время мы шли вдоль потока — постепенно он превращался в реку, которая отклонялась от тоннеля направо. Половина тоннеля отводилась под русло потока, другая половина — футов на восемь повыше — служила дорогой. В самом конце канала

поток уходил в сторону и дальше уже следовал по своему собственному руслу. У входа в пещеру наша процессия остановилась; пока наши сопровождающие зажигали прихваченные с собой глиняные светильники, Биллали сошел с паланкина и вежливо, но твердо сообщил мне, что *Та-чье-слово-закон* повелела завязать нам глаза, чтобы мы не могли запомнить тайных троп, ведущих через чрево горы. Я охотно согласился, но Джоб, который чувствовал себя много лучше, несмотря на переход, был в сильной тревоге: он опасался; что нам уготована та же участь, что и бедному Мухаммеду. Я постарался успокоить его, сказав, что раскаленных горшков под рукой у них нет, а чтобы их раскалить, надо еще зажечь костер. Лео много часов беспокойно ворочался в своем паланкине; наконец, к глубокой моей радости, он погрузился в сон или забытие, поэтому не было никакой необходимости завязывать ему глаза. Повязки были из того же самого желтоватого полотна, которые амахаггеры использовали для своих одежд, если снисходили до ношения таковых. Первоначально я предполагал, что они изготавливают ткань сами, но позднее обнаружилось, что они берут ее из пещер, служащих склепами или усыпальницами. Повязка скреплялась узлом на затылке, затем, чтобы она не соскользнула, ее концы завязывались на подбородке. Надели повязку и Устане; для чего — я так и не знаю, может быть, опасались, что она выдаст нам тайные тропы.

Затем мы тронулись в путь; эхо шагов наших носильщиков раздавалось более гулко, плеск воды звучал с удвоенной силой, и я понял, что мы углубляемся в каменное чрево горы. Странно было чувствовать, что тебя несут неведомо куда, но я уже привык к странным ощущениям и был готов к любым неожиданностям. Поэтому я лежал спокойно, прислушиваясь к мерному топоту носильщиков и плеску воды и стараясь убедить себя, что все это доставляет мне удовольствие. Вскоре воины и носильщики завели ту самую тягучую песню, которую пели в первую ночь нашего пленения; впечатление было очень любопытное, но, к сожалению, не поддающееся описанию на бумаге. Воздух становился все более душным и спертым, я задыхался. Крутой поворот, еще один, третий, и вот уже не слышно плеска воды. Воздух посвежел, но повороты следовали один за другим, и это сбивало меня с толку. Все это время я пытался запомнить дорогу, мысленно составляя что-то вроде карты, на случай, если нам придется бежать; излишне говорить, все это оказалось пустой затеей. Еще полчаса — и я вдруг почувствовал, что мы на свежем воздухе. Сквозь повязку пробивался свет, дуновение пролады овеивало мои щеки. Через несколько секунд наш караван остановился, и я услышал голос Биллали: он приказал Устане снять свою повязку и развязать наши. Не дожидаясь, пока

черед дойдет до меня, я сам распутал узел.

Как я и предполагал, мы оказались с другой стороны горы, под нависающей стеной. Вершина казалась отсюда ниже на добрых пятьсот футов, из чего можно было сделать вывод, что дно озера, а вернее, обширного древнего кратера, где мы очутились, лежит высоко над уровнем окружающей гору равнины. Итак, мы находились в огромной каменной чаше, схожей с той, что мы уже видели, только раз в десять больше. Я различал лишь угрюмые очертания утесов с противоположной стороны. Большая часть равнины была возделана; для предохранения от набегов стад крупного скота и коз огороды и поля были обнесены каменными заборами. Кое-где вздымались большие травянистые холмы, а в нескольких милях по направлению к центру я увидел силуэты колоссальных развалин. Ничего больше я не успел рассмотреть: нас окружили толпы амахаггеров, которые ничем не отличались от уже нам знакомых; молча они обступили нас так тесно, что мы ничего не видели из своих паланкинов. Вдруг из отверстий в отвесной каменной стене, как муравьи из муравейника, высыпали отряды воинов, возглавляемые начальниками с жезлами из слоновой кости. Поверх обычных леопардовых шкур все они носили полотняные одежды; как я понял, это была Ее личная стража.

Старший начальник подошел к Биллали, в знак приветствия приложил свой жезл наискось ко лбу и о чем-то несколько раз его спросил, о чем именно — я не расслышал, и, после того как Биллали ответил, все отряды в объединенном строю повернулись и прошествовали вдоль каменной стены; наша процессия последовала за ними. Пройдя около полумили, мы остановились перед входом в большую пещеру футов в шестьдесят высотой и восемьдесят в ширину, здесь Биллали сошел с паланкина и предложил нам с Джобом сделать то же самое. Лео, разумеется, был слишком болен, чтобы идти самому. Мы вошли в пещеру, освещенную косыми лучами заходящего солнца; лучи, однако, проникали не очень глубоко, дальше неярко мерцали светильники, их ряды тянулись, словно газовые фонари на пустынной лондонской улице. С первого же взгляда я увидел, что все стены покрыты барельефами, по своим темам сходными с инкрустациями на вазах: преимущественно любовные сцены, а также сцены охоты, картины пыток и казней с применением раскаленного горшка; они наглядно показывали, откуда наши хозяева заимствовали этот милейший обычай. Любопытно, что батальных сцен почти не было, зато много изображений поединков и состязаний по бегу и борьбе — доказательство того, что амахаггеры, то ли благодаря изоляции от внешнего мира, то ли благодаря своему могуществу, почти не подвергались

нападениям врагов. Между барельефами стояли каменные колонны, испещренные совершенно неизвестными мне письменами — во всяком случае, я уверен, что это не греческие, египетские, древнееврейские или ассирийские письмены. Более всего они походили на китайские иероглифы. Барельефы и надписи, которые находились у входа в пещеру, относительно сильно пострадали от времени, но в глубине почти все они выглядели точно так же, как в тот день, когда резчики завершили свой труд.

Объединенный отряд телохранителей выстроился в две шеренги, пропуская нас внутрь. Навстречу нам вышел человек в полотняном одеянии, он почтительно склонился, приветствуя нас, но не произнес ни слова, что и не удивительно, так как впоследствии мы узнали, что он глухонемой. На расстоянии двадцати футов от входа с обеих сторон под прямым углом ответвлялись широкие галереи. Левую галерею охраняли два стражника, из чего я заключил, что там находятся покои самой владычицы. Правая галерея никем не охранялась, и глухонемой показал жестом, что туда нам и следует направиться. Сделав несколько шагов по освещенной галерее, мы остановились у дверного проема, занавешенного травяной шторой, похожей на занзибарскую циновку. Наш проводник с глубоким поклоном отодвинул штору и ввел нас в довольно просторное помещение, высеченное в каменной породе и, к моей великой радости, освещенное естественным светом, который лился из окошка, выходившего, очевидно, на равнину. В комнате стояло каменное ложе, застланное леопардовыми шкурами, рядом с ним — кувшины с водой для умывания.

Здесь мы оставили Лео — он все еще спал тяжелым сном — и Устане. Я заметил, что наш проводник окинул ее проницательным взглядом, как бы вопрошая: «Кто ты такая и по чьему повелению здесь находишься?» Затем он развел по таким же комнатам нас троих: Джоба, Биллали и меня.

Глава XII. Она

Позаботясь о Лео, мы с Джобом решили немедленно умыться и переодеться во все чистое, так как с тех пор, как пошла ко дну наша дау, мы ни разу не меняли одежды. К счастью, все наши вещи были сложены в вельботе, их доставили в целости и сохранности — утерялись только товары, которые предназначались для меновой торговли и подарков туземцам. Почти вся наша одежда была пошита из плотной и прочной серой фланели и оказалась очень удобной: куртка с поясом, рубашка и брюки из этой материи весили всего лишь четыре фунта, а это важное преимущество в тропиках, где обременительна каждая лишняя унция, к тому же фланель надежно защищала как от жары, так и от неожиданных похолоданий.

До самой смерти не забуду, какую радость мы испытали, когда вымылись, почистились и облачились в чистые фланелевые одежды. Единственное, чего нам не хватало для полного блаженства, — это куска мыла.

Позднее я узнал, что амахаггеры — нечистоплотность отнюдь не входит в число их недостатков — вместо мыла пользуются прокаленной землей, может быть и не очень приятной на ощупь, но неплохо отмывающей грязь, надо только к этому попривыкнуть.

К тому времени, когда я оделся, причесался и привел в порядок свою бороду, за неряшливый вид которой Биллали и прозвал меня Бабуином, у меня разыгрался сильный аппетит. Поэтому я очень обрадовался, когда глухонемая девушка бесшумно откинула штору и красноречивым знаком, а именно открывая свой рот и показывая на него пальцем, объяснила мне, что завтрак уже готов. Она провела меня в соседнюю комнату, куда мы еще не заходили; там уже сидел Джоб, к большому его смущению, также приведенный прелестной глухонемой девушкой. Помня о том, что он претерпел от некой пышногрудой особы, Джоб с подозрением относился к любой приближавшейся к нему девушке.

— Эти молодые девицы так осматривают мужчин, сэр, что просто за них стыдно, — оправдывался он. — Сущее неприличие.

Комната была вдвое больше наших спален и, по-видимому, с самого начала предназначалась под трапезную, хотя не исключено, что жрецы и здесь занимались бальзамированием; должен сразу сказать, что все эти обширные катакомбы тысячелетиями служили для сохранения бранных

останков великого вымершего народа, который создал все памятники искусства и который достиг непревзойденного совершенства в бальзамировании. По обеим сторонам комнаты тянулись каменные столы шириной примерно в три фута и высотой в три фута шесть дюймов. Они были высечены вместе с комнатой и составляли одно целое с полом. По бокам столы были стесаны наискось, так чтобы там могли поместиться колени сидящих на каменных скамьях, которые близко примыкали к столам. Оба стола кончались прямо под окошками, откуда струился и свет, и свежий воздух. Тщательно осмотрев оба стола, я обнаружил между ними разницу, которая сначала ускользнула от моего внимания, а именно: один из них, тот, что налево, явно употреблялся не для еды, а для бальзамирования: в его каменной столешнице было пять длинных и широких, хотя и мелких углублений, соответствующих форме человеческого тела, со специальной выемкой для головы и мостиком для шеи; эти углубления отличались размерами: в них можно было положить и рослого мужчину, и малого ребенка; для стекания жидкости по всей поверхности были проделаны сквозные отверстия. А если требовалось и еще какое-либо подтверждение, достаточно было посмотреть на прекрасно сохранившиеся рельефы, где последовательно изображалась смерть, бальзамирование и погребение длиннобородого старика — древнего монарха или важного вельможи.

Первый рельеф воспроизводил сцену его смерти. Старик покоился на ложе с четырьмя изогнутыми ножками, которые заканчивались круглыми утолщениями и напоминали нотные знаки. Ложе окружали плачущие женщины с распущенными волосами и дети. Далее следовала сцена бальзамирования: нагое тело лежало на столе с точно такими же углублениями, как и на том, что стоял в комнате, — возможно, это был тот же самый стол. Бальзамировщиков было трое: один руководил всей работой, второй держал воронку, похожую на фильтр для процеживания портвейна, ее узкий конец был вставлен в разрез на груди, сделанный, несомненно, для вливания в аорту, в то время как третий, широко расставив ноги, склонялся над телом, аккуратно наливая в воронку какую-то кипящую жидкость из большого кувшина. Любопытно было, что и человек с воронкой, и человек с кувшином свободной рукой зажимали нос, то ли спасаясь от зловония, то ли оберегая себя от, возможно, вредных ароматических испарений, последнее представляется мне более вероятным. Не менее любопытно, что у всех троих на лице были повязки с прорезами для глаз, — для чего они — я не могу объяснить.

Третий рельеф изображал расставание с покойным. Он возлежал в своем полотняном одеянии на таком же каменном ложе, что было и в

первой пещере, где я останавливался. В его изголовье и изножье горели светильники, рядом стояли несколько красивых инкрустированных ваз: очевидно, они были наполнены провизией. В комнате теснились плакальщицы и музыканты — они играли на каком-то инструменте, с виду похожем на лиру; в ногах у покойного стоял человек с саваном, которым он готовился прикрыть тело.

Эти барельефы, даже если смотреть на них просто как на произведение искусства, были настолько замечательны, что уже одно это оправдывает мое затянутое описание. Однако не меньший, может быть, интерес они представляли как точные, достоверные во всех подробностях картины погребальных обрядов, которые совершались давно уже вымершим народом; я даже поймал себя на мысли, как позавидовали бы мне мои кембриджские друзья-археологи, если бы я описал им эти удивительные шедевры. Возможно, они сказали бы, что это плод моей фантазии, хотя каждая страница этой повести свидетельствует, что я ни на йоту не отклоняюсь от правды: вымыслить подобное было бы просто невозможно.

Но возвращаюсь к повествованию. После беглого знакомства с барельефами я, вместе с Джобом и Биллали, уселся поесть; еда была превосходная: вареная козлятина, свежее молоко и лепешки из муки грубого помола, — все это подавали на чистых деревянных подносах.

Подкрепив силы, мы с Джобом отправились проведать больного, а Биллали поспешил к их повелительнице, чтобы выслушать ее приказания. Бедный Лео был в тяжелейшем состоянии. Полная апатия сменилась горячечным бредом: он нес что-то несвязное о лодочных гонках на Кеме и порывался вскочить с ложа. Когда мы вошли, Устане удерживала его силой. Я заговорил с ним, мой голос как будто успокоил его, он перестал метаться, и нам даже удалось уговорить его принять хинин.

Я просидел с ним около часа; за это время в комнате стало так темно, что я различал только блеск волос Лео, голова которого покоилась на подушке, сделанной нами из мешка, прикрытого одеялом; тут вдруг прибыл Биллали, исполненный сознания собственной важности: он сообщил, что Она выразила желание видеть меня, подобная честь, добавил он, оказывается очень немногим. Он был, по-видимому, неприятно поражен хладнокровием, с которым я принял эту монаршую милость, но, откровенно сказать, я не чувствовал ни малейшего воодушевления при мысли, что увижу дикую темнокожую царицу, пусть даже обладающую неограниченной властью, непостижимо загадочную; к тому же я сильно беспокоился за жизнь моего дорогого Лео; это чувство вытеснило все

другие. Тем не менее я встал, намереваясь последовать за Биллали, и в этот миг увидел на полу что-то поблескивающее, нагнулся и подобрал свою находку. Читатель, надеюсь, помнит, что вместе с черепком вазы в серебряной корзинке мы нашли сплавного скарабея с круглым О, изображением гуся и любопытными иероглифическими знаками, означающими: «Царственный сын Солнца». Так как скарабей был очень мал, Лео настоял, чтобы его вделали в массивный золотой перстень в виде печати; этот-то перстень я и нашел. Лео, видимо, сорвал его в бреду и швырнул на каменный пол. Опасаясь, как бы перстень не потерялся, я надел его на свой мизинец и поспешил за Биллали, оставив Лео на попечение Джоба и Устане.

Мы миновали коридор, пересекли большую, как неф храма, пещеру и подошли к такому же коридору с противоположной стороны; у входа в него стояли неподвижно, словно изваяния, два стражника. При нашем приближении они склонили головы в знак приветствия, приложили длинные копья наискось ко лбам, точно так же как начальники охраны, посланные нам навстречу, прижимали свои жезлы из слоновой кости. Пройдя между ними, мы оказались в такой же галерее, как та, что вела к нашим комнатам, только эта была освещена куда ярче. Здесь нас встретили четыре глухонемых прислужника — двое мужчин и две женщины; женщины возглавили нашу процессию, мужчины замкнули ее, и мы двинулись дальше; прошли несколько дверных проемов, занавешенных, как и с нашей стороны, шторами, — впоследствии я узнал, что там жили глухонемые прислужники, — и еще через несколько шагов оказались у проема, охраняемого двумя телохранителями в белых, вернее, желтоватых, одеяниях; здесь коридор заканчивался. Стражники поклонились, приветствовали нас и, раздвинув тяжелые шторы, пропустили в большой, футов в сорок, зал, где на подушках сидели восемь-десять красивых молодых женщин с тускло-золотистыми волосами; ловко орудуя иглами из слоновой кости, они что-то вышивали на пальцах. Все они тоже были глухонемыми. В конце этого хорошо освещенного зала виднелся еще один дверной проем, закрытый тяжелыми, восточного вида полотнищами; возле него с низко опущенными головами и скрещенными — в знак смирения и послушания — руками стояли две особенно красивые девушки. Когда мы подошли ближе, они протянули руки и отодвинули шторы. И тут Биллали совершил нечто, сильно меня удивившее. Почтенный старый джентльмен — ибо в глубине души он истинный джентльмен — поспешно опустил на четвереньки и пополз в такой, прямо сказать, малопристойной позе, подметая пол своей длинной белой бородой. Я пошел за ним стоя.

Обернувшись, он крикнул мне через плечо:

— На четвереньки, мой сын! На четвереньки, мой Бабуин! Сейчас мы предстанем перед нашей повелительницей, и, если ты не выразишь должного почтения, она поразит тебя на месте!

Я в страхе остановился. Колени мои подгибались, но я все же остался на ногах. Ведь я британец, пристало ли мне подползать к какой-то дикарке, как будто я обезьяна не только по прозвищу, но и всамделишная. «Нет, ни за что! — подумал я. — Разве что ради спасения собственной жизни!» Только опустись на колени, и ты уже будешь всегда пресмыкаться, ведь это равносильно открытому признанию своей неполноценности. У нас, британцев, врожденное отвращение к раболепию, может быть, это предрассудок, но многие так называемые предрассудки зиждятся на здравом смысле; с этой мыслью я смело последовал за Биллали. Мы оказались в комнате значительно меньшей, чем зал, через который только что прошли; стены здесь были сплошь увешаны расшитыми полотнищами, очень похожими на дверные шторы, — позже я узнал, что их-то вышивкой и занимались глухонемые девушки в зале; отдельные полосы ткани затем соединялись вместе. В комнате стояло несколько диванов из прекрасного черного дерева, инкрустированного слоновой костью; весь пол был устлан паласами или коврами. В дальнем конце располагался, видимо, то ли большой альков, то ли еще одна комнатка, задрапированная шторами, сквозь которые изнутри пробивался свет. Никого, кроме нас, здесь не было.

Старый Биллали продолжал медленно, с большим трудом ползти, а я следовал за ним, изо всех сил стараясь сохранять достоинство. Но признаюсь, мне это не удавалось. Не так-то легко сохранять достоинство, если перед тобой ползет, как змея, старый человек да еще приходится на каждом шагу задерживать ногу в воздухе или останавливаться после каждого шага, подобно Марии Стюарт, шествующей на плаху, в шиллеровской трагедии. Полз Биллали очень неуклюже, да и годы, вероятно, сказывались, поэтому двигались мы очень долго. Я шел по пятам за стариком, и меня сильно подмывало дать ему хорошего пинка в зад. Со стороны я походил, вероятно, на ирландца, гонящего свинью на базар, а ведь я должен был предстать перед ее величеством, царицей дикарей; при этой мысли я едва не разразился громким хохотом. Стараясь подавить эту неуместную веселость, я высморкался, чем привел старого Биллали в полнейший ужас: он обернулся, скорчил жуткую гримасу и пробормотал:

— О мой бедный Бабуин!

Когда мы наконец добрались до штор, Биллали простерся ничком, вытянув перед собой руки, — впечатление было такое, будто он умер, — и

я стоял, оглядываясь, не зная, что делать. Неожиданно я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд: кто-то смотрел на меня из-за штор. Того, кто смотрел, я не видел, но очень хорошо чувствовал его — или ее — взгляд, и это приводило меня в необычно нервное, даже испуганное состояние, почему — я и сам не знаю. Что-то странное было в самой обстановке этой комнаты, которая казалась совершенно пустынной, несмотря на великолепные вышивки и мягкое мерцание светильников: более того, они как будто бы даже усиливали это ощущение, ведь освещенная улица выглядит ночью пустычнее, чем темная. Ничто здесь не нарушало тишину; Биллали продолжал лежать, как мертвый, перед тяжелыми шторами; из-за них струился густой аромат благовоний, который восходил к сумраку сводчатого потолка. Минута шла за минутой, все еще не было никаких признаков жизни, шторы не шевелились, но я продолжал чувствовать взгляд неведомого существа: этот взгляд пронизывал меня насквозь, вселяя необъяснимый ужас, на лбу у меня выступили капли пота.

Наконец шторы всколыхнулись. Кто же скрывается за ними? Нагая дикарка-царица, томная восточная красавица или современная молодая дама, пьющая свой вечерний чай? Появление любой из этих трех не удивило бы меня, я уже потерял способность удивляться. Шторы всколыхнулись снова, и в просвете между ними появилась необыкновенно прекрасная, белая (да, белая как снег) рука с длинными сужающимися пальцами, заканчивающимися розовыми ногтями. Рука отодвинула штору, и я услышал очень мягкий, похожий на серебристое журчание ручья голос.

— О иноземец, — произнес голос на чистом классическом арабском языке, который сильно отличался от варварского наречия амахаггеров. — О иноземец, что внушает тебе такой страх?

Я и в самом деле испытывал сильный страх, но лстыл себя надеждой, что это никак не отражается на моем лице, ибо я хорошо владею собой, поэтому я был несколько удивлен. Прежде чем я нашелся, что ответить, передо мной появилась высокая женская фигура. Я говорю: фигура, потому что вся она с головы до пят была закутана в мягкую, полупрозрачную белую ткань, которая очень походила на саван: казалось, я вижу перед собою покойницу. И все же такое впечатление было явно обманчивым, ибо сквозь тонкие покрывала отчетливо просвечивала розовая плоть. Дело, очевидно, заключалось в самой драпировке, случайной или, что более вероятно, намеренной, этих покрывал. Как бы там ни было, при появлении этого призрака мой страх стал еще сильнее, волосы поднялись дыбом, ибо я явственно ощущал присутствие какой-то сверхъестественной силы. И в то же время было совершенно очевидно, что передо мной не запеленатая

мумия, а высокая, необыкновенно гармонично сложенная и прекрасная женщина с неповторимой змеиной грацией. При каждом движении ее руки или ноги плавно колыхалось все тело, что-то неотразимое было в изгибе ее шеи.

— Что внушает тебе такой страх, о иноземец? — повторил голос, сладостная мелодия которого проникала в самую глубь моего сердца. — Неужто во мне есть что-либо, способное напугать мужчину? Если так, то мужчины сильно изменились за то время, что я их знаю. — Она с кокетливым видом повернулась и подняла руку, чтобы я мог полюбоваться красотой ее руки и пышных, цвета воронова крыла волос, которые мягкими волнами спадали по белоснежным одеждам почти вплоть до сандалий.

— Если мне что-нибудь и внушает страх, то это твоя дивная красота, о царица, — скромно отозвался я, не найдя более подходящего ответа, и мне послышалось, будто все еще простертый на полу Биллали тихо шепнул:

— Неплохо сказано, мой Бабуин! Совсем неплохо!

— Я вижу, что мужчины еще не разучились улещать нас, женщин, лживыми словами, — ответила она с легким смехом, похожим на отдаленный звон серебряных колокольчиков. — А испугался ты, иноземец, потому, что мои глаза читали твои тайные мысли. Но, будучи лишь слабой женщиной, я прощаю тебе ложь, сказанную столь учтиво. А теперь поведай мне, зачем вы прибыли в страну обитателей пещер, в страну, где изобилуют болота, где водятся злые духи и витают тени далекого прошлого? Что вы хотите видеть? Неужто вы так дешево цените свои жизни, что бросаете их на ладонь Хийи, *Той-чье-слово-закон!* Откуда ты знаешь язык, на котором я говорю? Ведь это древний язык, прелестный отпрыск старосирийского. Неужто еще люди на нем разговаривают? Ты видишь, я обитаю в пещерах, среди мертвецов, и ничего не ведаю, да и не хочу ведать о делах людских. И живу я, о иноземец, воспоминаниями, а мои воспоминания покоятся в усыпальнице, высеченной моими же собственными руками; истинно сказано, что дитя человеческое творит зло на пути своем. — Тут ее чудесный голос дрогнул; у нее вырвался какой-то нежный звук, подобный щебету лесной птицы. Но, заметив валяющегося на полу Биллали, она сразу же опомнилась.

— И ты здесь, старик? Расскажи мне, почему такой беспорядок в твоём семействе. Мои гости, я слышала, подверглись нападению. Эти скоты, твои сыновья, хотели надеть раскаленный горшок на одного из них и съесть, и если бы они не получили мужественного отпора, то перебили бы всех моих гостей, а даже я не могу возвратить жизнь в тело, уже ею покинутое. Что это значит, старик? Что ты можешь сказать в свое оправдание? Говори, не

то я передам тебя вершителям моего возмездия. — Ее голос высоко поднялся в гневе, зазвенел, отдаваясь от каменных стен, с холодной отчетливостью. Сквозь полупрозрачное головное покрывало ярко сверкнули глаза. Бедный Биллали, а я был убежден, что он человек бесстрашный, буквально затрясся от ужаса.

— О Хийя! О владычица! — взмолился он, не отрывая седой головы от пола. — Я знаю, что ты столь же милосердна, сколь и велика, я же твой послушный раб. Тут нет моей вины. Все это затеяли плохие сыновья в мое отсутствие. Они поддались на подговоры женщины, отвергнутой одним из твоих гостей — Свиньей, и в соответствии с древним обычаем этой страны хотели съесть жирного черного чужеземца, который прибыл вместе с твоими гостями — Бабуином и Львом, что сейчас болен, так как относительно этого черного ты не дала никаких повелений. Но когда Бабуин и Лев поняли, что замышляют мои плохие сыновья, они убили женщину, а заодно и своего слугу, чтобы спасти его от раскаленного горшка. Тогда эти исчадья зла, отродья Злого Духа, обитающего в глубокой пещере, жаждая крови, бросились на Льва, Бабуина и Свинью. Схватка была доблестная. Твои гости, о Хийя, сражались как настоящие мужчины, многих убили; они продержались, пока не пришел я и не спас их. Тех же, кто дерзнул нарушить твою волю, я приведу сюда, в Кор, на суд твоего величества. Они уже здесь!

— Я знаю, старик. Завтра в большом зале я свершу правосудие. Тебя я, хотя и очень неохотно, прощаю. Следи за своим семейством лучше. Иди!

Биллали с поразительным проворством поднялся на колени, трижды наклонил голову и пополз прочь, по-прежнему метя белой бородой пол; наконец он исчез за шторами, и я остался наедине с этой ужасной и такой неотразимо пленительной женщиной. Мое сердце было в сильной тревоге.

Глава XIII. Айша открывает лицо

— Итак, — заговорила *Она*, — этот седобородый старый глупец ушел. Как мало мудрости обретает человек в этой жизни! Он зачерпывает ее пригоршнями, но она, как вода, уходит у него меж пальцев; и если на ладонях остается хоть несколько капель, целый сонм глупцов громко изъявляют свой восторг: «Смотрите! Вот истинный мудрец!» Разве это не так? Но как тебя зовут, о иноземец? Старик окрестил тебя Бабуином, — засмеялась *Она*. — Таков уж обычай у этих дикарей, обделенных даром воображения: в поисках подходящих прозвищ они обращаются к названиям животных. Как зовут тебя в твоей собственной стране, о иноземец?

— Холл и, о царица! — ответил я.

— Холли? — Она с трудом выговорила мое имя, но в ее устах оно звучало восхитительно. — А что это значит?

— Остролист, дерево с колючими листьями.

— Что ж, ты и впрямь подобен колючему дереву. Ты силен и уродлив на вид, но, если моя мудрость не обманывает меня, в глубине души честен и верен, из тех, на кого можно положиться. К тому же ты человек размышляющий. Не стой там, Холли, зайди в комнату и сядь подле меня. Я не хотела бы, чтобы ты пресмыкался передо мной, как все эти рабы. Я утомилась от их поклонения и страха, по временам они мне так надоедают, что я готова убить их на месте, лишь бы только увидеть, как их лица побелеют от ужаса; может быть, это развлекло бы меня.

И своей белоснежной рукой она отдернула штору, пропуская меня.

Я внутренне содрогнулся. Эта женщина была поистине ужасна. За шторами находился большой, около двенадцати футов на десять, альков, где стоял диван и стол с фруктами и поблескивающей водой. К столу, с дальнего конца, примыкал каменный фонтанчик, тоже наполненный чистой водой. Уютно мерцали светильники-вазы, воздух и драпировки были напитаны тонким ароматом. Аромат исходил и от пышных волос, и от белых облегающих одеяний самой царицы. Я вошел в альков и остановился в нерешительности.

— Садись, — пригласила *Она*, показывая на диван. — Пока еще у тебя нет никаких причин опасаться меня. А если они и будут, опасения твои продлятся недолго, потому что я убью тебя. Так что успокойся.

Я сел на край дивана около фонтанчика, она медленно опустилась на другой край.

— Ну, а теперь, Холли, — продолжала она, — поведай мне, откуда ты знаешь арабский язык. Я очень люблю этот язык, ибо он мой родной, по происхождению я чистокровная аравитянка — «аль-араб аль-ариба». Наш праотец — Яруб, сын Кахтана, родился в древнем прекрасном городе Озал, в провинции Йемен — «Счастливая». Но ты говоришь с непривычным для меня выговором. В твоей речи нет сладостной музыки, присущей языку племен химьяр, который я слышала в детстве. Не узнаю я и некоторых слов; такова и речь амахаггеров, которые так осквернили чистый арабский язык, что, обращаясь к ним, я должна говорить как будто на другом языке.

— Я изучал арабский язык в течение многих лет, — ответил я. — На нем и поныне еще говорят в Египте и других странах.

— Стало быть, на нем еще говорят и Египет еще существует? И какой же фараон восседает сейчас на престоле? Потомок перса Оха или Ахемениды уже не царствуют, времена их безвозвратно канули в забвение?

— Персы покинули Египет две тысячи лет назад, их место заняли Птолемеи, римляне и многие другие; династии расцветали, правили Нильской Землей, а затем, когда наступало урочное время, свершалось их падение, — ответил я, озадаченный. — Знаешь ли ты что-нибудь о персе Артаксерксе?

Она промолчала, только улыбнулась, и меня вновь окатило холодком.

— А Греция? — спросила она. — Существует ли еще Греция? Я так любила греков. Они прекрасны, как день, и умны, но нрава необузданного и ветреного.

— Да, — сказал я, — Греция все еще существует. Но нынешние греки не те, что прежние, а сама Греция — жалкое подобие той, что была некогда.

— Так. А иудеи — они все еще в Иерусалиме? Стоит ли еще храм, возведенный великомудрым царем и какому богу в нем поклоняются? И явился ли в мир их Мессия, чей приход они предвозвещали так громогласно? Владычествует ли он миром?

— Иудеи рассеялись по всему миру, Иерусалима, такого, каким он был, больше нет. Что до того капища, который построил Ирод...

— Ирод? — повторила она. — Я не слышала этого имени. Но продолжай.

— Римляне предали его огню, и над пожарищем взвились римские орлы. Иудея отныне пустыня.

— Вот как! Они были великим народом, эти римляне, устремлялись прямо к своей цели и добивались ее, как их орлы настигали свою добычу. Они были как сама Судьба, и там, где они проходили, воцарялся мир.

— *Solitudinem faciunt, pacem appellant*, — сказал я.

— Так ты знаешь и латинский? — удивилась она. — Каким странным звоном по прошествии стольких веков отдается он у меня в ушах! Но твой выговор сильно отличается от того, что я слышала. Кто написал это изречение? Я его не знаю, но оно верно и достойно великого народа, каким были римляне. Наконец я встретила человека ученого, сохраняющего в своих ладонях влагу знания. И знаешь ли ты и греческий?

— Да, о царица, и немного древнееврейский, но говорю я на этих языках не очень хорошо. Теперь они мертвые языки.

С детской радостью она захлопала в ладоши.

— Я вижу, что и на уродливом дереве могут произрастать плоды мудрости. О Холли! Ты так и не рассказал мне об этих иудеях, которых я ненавидела, ибо они называли меня «язычницей», когда я проповедовала им свою философию. Явился ли их Мессия и правит ли он ныне миром?

— Да, Он явился, — почтительно ответил я. — Но явился Он бедный и униженный, и иудеи не признали Его. Они избили Его и распяли, но Его слова и деяния продолжают жить, ибо Он — Сын Божий, воистину Он правит полмиром, хотя и не всей землей.

— Ах, яростные волки, — сказала она, — приверженцы Здравого Смысла и многобожцы — златолюбивые и раздробленные на секты. Я будто воочию вижу их темные лица. Так, значит, они распяли своего Мессию? Верю, верю. Что им до того, что Он — Сын Святого Духа, если это, конечно, так, но об этом мы поговорим потом. Они отринули бы любого бога, который явился бы к ним без подобающего великолепия, я не во всем блеске могущества. Этот избранный народ, сосуд Бога, которого называют они Иеговой, сосуд Ваала, и сосуд Асторет, и сосуд египетских богов — спесив и высокомерен, он жаждет всего, что сулит богатство и власть. Так, значит, они распяли своего Мессию, ибо Он явился в скромном обликий, и ныне они рассеяны по всей земле. Но ведь один из их пророков предсказал, что так оно и будет, я помню. Ну что ж, поделом им: они разбили мое сердце, эти иудеи, — они причина моего ожесточения, причина того, что я укрылась в этой пустыне, некогда обиталище великого народа. Когда я проповедовала свою мудрость в Иерусалиме, по наущению седобородых ханжей и раввинов они забрасывали меня камнями у ворот храма. Смотри, вот след! — Резким движением она обнажила округлую руку и показала на небольшой красноватый шрам, который резко выделялся на молочно-белой коже.

Я испуганно отшатнулся.

— Прости меня, о царица, — сказал я. — Мои мысли в полном смятении. Почти два тысячелетия миновало с тех пор, как иудейского

Мессию распяли на Голгофе. Как же ты могла проповедовать свою философию еще до Его прихода? Ты ведь женщина, не бесплотный дух. Может ли бранный человек жить две тысячи лет? Не подшучиваешь ли ты надо мной, о царица?

Она откинулась на спинку дивана и сквозь свою белую вуаль устремила на меня пристальный взгляд, который, казалось, проникал в самую глубь моего сердца.

— О человек! — заговорила она медленно, обдумывая каждое слово, которое произносила. — Я вижу, в мире остается еще много тебе неизвестного. Неужто и ты, подобно иудеям, считаешь, будто все сущее обречено на смерть? А я говорю тебе: ничто не умирает. Нет Смерти, есть Превращение, Переход. Смотри! — Она показала на барельефы. — Трижды по две тысячи лет минули с тех пор, как зловещее дыхание чумы погубило великий народ, который высек эти изваяния. Но этот народ жив: может быть, в этот самый час над нами витают души усопших. — Она оглянулась кругом. — Иногда мне даже кажется, будто я вижу их воочию.

— Да, но для всего мира они мертвы.

— Только на время, даже и для мира они возрождаются снова и снова. Я, да, я, Айша, — так меня зовут, о иноземец, — говорю тебе, что жду возрождения своего умершего возлюбленного; я живу здесь в ожидании, когда он отыщет меня, ибо здесь, и только здесь, нам суждено встретиться. Мое могущество поистине беспредельно, моя красота превосходит красоту греческой Елены, которую воспевали певцы, моя мудрость обширней — да, много обширней и глубже, чем мудрость Соломона, я познала тайны земли и ее сокровищ и могу пользоваться ими в своих целях; мне удалось, пусть на время, отсрочить то, что вы называете смертью, а в сущности является лишь переходом, но я заточила себя в этой стране среди варваров, которые хуже скотов; как ты думаешь, почему, о иноземец?

— Не знаю, — смиренно ответил я.

— Потому что я жду возвращения своего возлюбленного. Возможно, моя жизнь и была порочна — не знаю, ибо кто может определить, что есть порок и что есть добро? — поэтому я боюсь умереть, даже если бы и могла, но я не могу — пока не придет мой час. Не могу я и отправиться на поиски возлюбленного, ибо меж нами может встать непреодолимая стена. Да и так легко заблудиться в тех бесконечных пространствах, где извечно скитаются планеты, но даже если пять тысячелетий бесследно растают под куполом Времени, как тают облачка во мраке ночи, мой любимый непременно возродится и, повинувшись закону более могущественному, чем человеческая воля, найдет меня здесь, где знавал прежде, и нет сомнения, что его сердце

смягчится и он отпустит мою вину, ибо виновата я перед ним, но даже если он не узнает меня, то все равно полюбит: не устоять ему перед моей красотой. Вот только не дано мне знать, когда это произойдет: через пять тысяч лет или завтра.

Я был до того ошеломлен, что не мог ничего ответить. Рассудок мой отказывался допустить возможность подобного.

— И все же, о царица, — наконец заговорил я, — пусть даже люди возрождаются снова и снова, у тебя совсем другая судьба, если, конечно, ты говоришь правду. — Она вскинула голову, и, заметив, как сверкнули глаза под покрывалом, я поспешил добавить: — Ты же никогда еще не умирала.

— Да, — ответила она, — благодаря случаю и благодаря своей мудрости я сумела разрешить одну из величайших тайн этого мира. Если существует жизнь, о иноземец, то почему же нельзя ее продлить? Что такое десять, двадцать или пятьдесят тысяч лет в истории жизни. За десять тысяч лет дожди и бури стачивают горную вершину всего на какую-нибудь пядь. За две тысячи лет эти пещеры не переменились, ничто не переменилось, кроме животных и людей, которые мало чем отличаются от животных. Пойми: тут нет ничего удивительного. Да, сама по себе жизнь удивительна, нов ее продлении нет ничего удивительного. Природа, как и ее дитя Человек, имеет живую душу, и тот, кто сможет уловить ее эманацию, будет жить вместе с ней. Не вечно, разумеется, потому что и Природа не вечна, и она умрет, как луна. И самой Природе суждено умереть, говорю я, вернее, перейти в другое обличие и погрузиться в сон, который будет длиться до ее возрождения. И как же она умрет? Я думаю, что это время еще не наступило, и покуда она живет, будет жить и тот, кто проник в ее сокровенные тайны. Я смогла проникнуть не во все, а лишь в некоторые ее тайны, но я знаю больше, чем кто-либо иной до меня. Я не сомневаюсь, что и для меня это великое таинство, и не хочу сейчас озадачивать им твой разум. В другой раз, если у меня будет желание, я открою тебе больше, но может случиться и так, что я никогда больше не заговорю об этом. А тебе не хочется знать, как я узнала о вашем прибытии и как спасла ваши головы от раскаленных горшков?

— Да, о царица, — тихо произнес я.

— Тогда посмотри на воду. — И она показала на фонтанчик, затем нагнулась и простерла над ним руку.

Я встал. Вода тут же, у меня на глазах, потемнела. В следующий миг она просветлела, и я с необыкновенной отчетливостью увидел наш бот, стоящий в заглухом канале. На днище его, укрывшись с головой курткой, чтобы не кусали москиты, спал Лео. Я, Джоб и Мухаммед, идя по берегу,

тянули бечеву.

Откинув голову, я закричал, что это колдовство, ибо вся сцена хорошо запечатлелась в моей памяти.

— Нет, нет, о Холли, — ответила она, — считать, что это волшебство, невежественно. Волшебства нет — есть только знание тайн Природы. Эта вода — мое зеркало, в нем я — если у меня появится такое желание, а это бывает не часто — могу видеть картины происходящего. И показать тебе прошлое, если оно имеет какую-то связь с этой страной, с тем, что помню я или ты, смотрящий. Если хочешь, припомни какое-нибудь лицо — и оно сразу изобразится на воде. Правда, я еще не постигла всей тайны — будущее от меня скрыто. Но, должна тебе признаться, это старый секрет: его знали еще много веков назад арабские и египетские колдуны. Так вот, как-то раз я вспомнила об этом старом канале, — прошло уже двести веков с тех пор, как я плыла по нему, — и мне захотелось, взглянуть на него. Я увидела лодку, троих людей, идущих по берегу, и еще одного, спящего в лодке: его лица я не могла разглядеть, но это был молодой человек благородного вида; я послала своих людей и спасла вас. А теперь ступай. Нет, погоди, расскажи мне об этом молодом человеке, которого старик называет Львом. Я хотела бы взглянуть на него, но ты говоришь: он болен лихорадкой, к тому же ранен.

— Он очень болен, — печально проговорил я. — Помоги ему, царица, ведь ты, конечно, знаешь искусство врачевания.

— Конечно, я могу исцелить его, но почему ты говоришь с таким беспокойством? Ты любишь этого юношу? Уж не твой ли он сын?

— Мой приемный сын, о царица. Повели принести его сюда.

— Нет. Давно ли началась лихорадка?

— Сегодня третий день.

— Подождем еще день. Может быть, его организм справится сам, лучше бы обойтись без моего вмешательства, ибо применяемые мною лекарства сотрясают самые основы жизни. Но если завтра вечером, к тому часу, когда началась болезнь, ему не полегчает, я приду и исцелю его. Кто за ним ухаживает?

— Наш белый слуга — тот, кого Биллали называет Свиньей, — и еще... — тут я запнулся, — и еще девушка по имени Устане, очень красивая девушка из этой страны; увидев Лео впервые, она подошла и обняла его, с тех пор она не отходит от него ни на шаг; таков, я понимаю, обычай твоего народа, о царица.

— Моего народа? Не говори мне о моем народе! — запальчиво возразила она. — Эти рабы не мой народ; они только псы, исполняющие

мои повеления; что до их обычаев, то я не желаю их и знать. И не называй меня «царицей» — мне надоело все это раболепие, все эти пышные титулы, — зови меня просто Айша: это имя сладостно для моего слуха, оно — эхо минувшего. Так ты сказал: Устане? Уж не та ли она, против которой меня предостерегали и которую я сама предостерегала? Уж не она ли... погоди, я посмотрю. — Она нагнулась, сделала пасс над водой и пристально в нее вгляделась.

На глади воды, как в зеркале, отразились благородные черты лица Устане. Склонив голову, девушка с бесконечной нежностью смотрела вниз, и на ее правое плечо свешивались длинные каштановые локоны.

— Да, — тихо подтвердил я, в еще большем смятении при виде этого чуда. — Смотрит на спящего Лео.

— Лео, — раздумчиво повторила Айша. — Но ведь по латыни это означает Лев. На этот раз старик подобрал удачное прозвище... Странно, очень странно, — продолжала она как бы про себя. — Он так похож... нет, это невозможно. — Она нетерпеливо провела рукой над фонтанчиком. Вода потемнела, изображение исчезло не менее безмолвно и таинственно, чем появилось; только светильник отражался теперь в живом зеркале.

— Нет ли у тебя каких-нибудь просьб ко мне, о Холли, — спросила она после короткого молчания. — Вам придется тут нелегко, ибо эти люди — дикари и не знают обычаев людей утонченных. Сама я живу просто, вот моя еда. — Она показала на фрукты, лежащие на маленьком столике. — Я не ем ничего, кроме фруктов, — фрукты, лепешки, немного воды. Я велела своим девушкам прислуживать тебе. Все они, ты знаешь, глухонемые, поэтому на них вполне можно положиться: надо только уметь читать по их лицам и понимать их знаки. Понадобилось много веков и немало труда, чтобы вывести особую породу слуг — глухонемых, но в конце концов мне это удалось. Хотя и не с первого раза. Выведенная мною вначале порода слуг оказалась безобразной, и я постаралась, чтобы она прекратилась; эти же девушки, как видишь, очень красивы. Однажды я даже вывела породу людей-великанов, но тут против меня ополчились законы природы, — великаны вымерли. Какие же у тебя просьбы?

— Только одна, — ответил я с наигранной смелостью. — Я хотел бы увидеть твоё лицо.

Весело зазвенели колокольчики ее смеха.

— Подумай, Холли, — ответила она. — Хорошенько подумай. Ты знаешь древние греческие сказания о богах? Некий Актеон, как ты помнишь, погиб жалкой смертью из-за того, что загляделся на богиню Артемиду. Если я открою своё лицо, та же участь может постигнуть и тебя, ты

падешь жертвой бесплодных желаний, ибо знай, что я не для тебя и не для кого-либо другого, кроме одного человека: он ушел, но должен возвратиться.

— Воля твоя, Айша, — сказал я, — я не боюсь твоей красоты. Мое сердце давно уже отвратилось от таких соблазнов, как женская красота, недолговечный цветок.

— Здесь ты ошибаешься, — сказала она, — моя красота не отцветает. Она будет жить, покуда живу я сама; все же если ты — о, безрассудный человек — настаиваешь, я исполню твое желание; но не упрекай меня, если страсть обуздает тебя, как египетские наездники обуздывали диких коней. Никто из тех, кто видел мою красоту, никогда не сможет забыть ее, вот почему я вынуждена закрываться даже среди этих дикарей, чтобы они не досаждали мне и не пришлось бы их убивать. Так ты настаиваешь?

— Да, — ответил я, не в силах противиться любопытству.

Она подняла белые округлые руки — никогда в жизни не видел я более красивых рук — и медленно, очень медленно вытащила какую-то заколку под волосами. И вдруг все ее покрывала, которые чем-то напоминали саван, упали на пол; осталось лишь облегающее белое платье, которое, казалось, только подчеркивало совершенство ее необыкновенно стройной и статной фигуры, полной сверхъестественной жизни и такой же сверхъестественной грации. На ногах у нее были сандалии с золотыми пряжками. Ни один ваятель не создавал таких дивных лодыжек. Платье перехватывал массивный золотой пояс в виде двуглавой змеи; меня поразила гармоничность и чистота линий ее стана. Переведя взгляд еще выше, я увидел под скрещенными руками светлое серебро ее груди. Когда я наконец посмотрел на ее лицо, то — поверьте, я ничуть не преувеличиваю — буквально отшатнулся, ослепленный ее поразительной красотой. Мне приходилось слышать о красоте небожительниц, теперь я увидел ее воочию, и все же в ее облике, при всей неотразимости и чистоте, было что-то недоброе, так мне, во всяком случае, показалось. Как же мне описать ее лицо? Это свыше моих сил. Не только я — ни один из ныне живущих писателей не сумел бы передать впечатление от него. Конечно, я мог бы рассказать о ее больших, невероятно живых глазах мягчайшего черного цвета, о широком благородном лбе, полуприкрытом пышными волосами, о прямых, очень тонких чертах. Все это было прекрасно, и все же сила ее обаяния заключалась не в них, а скорее, если уж стремиться к точности, в величавой осанке, царственной стати, в смягченном божественном сиянии могущества, которое исходило от нее подобно ауре. Никогда ранее не предполагал я, что красота может быть столь неотразима, и все же эта

красота была не от Бога, что, однако, не лишало ее ослепительности. Передо мной было лицо молодой женщины, не старше тридцати, во всем блеске здоровья и цветущей зрелости, хотя и отмеченное печатью невыразимо глубоких переживаний, близкого знакомства с горем и страстью. Даже прелестная улыбка, которая пряталась в уголках рта и в ямочках на щеках, не могла затмить тень греха и печали. Эта тень лежала даже в глубине сияющих глаз; даже в величественной осанке угадывались затаенные муки. «Взгляни на меня, — казалось, взывало ее лицо, — прекраснее нет и не было никого на свете; я бессмертная, полубожественная женщина; но из века в век меня преследуют нестерпимо горькие воспоминания, меня душит страсть; долгим раскаянием расплачиваюсь я за сотворенное зло, и все же я по-прежнему буду творить зло и по-прежнему буду терзаться раскаянием, покуда не наступит день моего избавления!»

Притягиваемый непреодолимой магнетической силой, я посмотрел прямо в ее сияющие глаза — и вдруг из них заструился какой-то могучий ток, зачаровывая и полуослепляя меня.

Она рассмеялась — о, как музыкально звучал ее смех! — и кивнула мне головой с таким изысканным лукавством, которое сделало бы честь самой Венере.

— О безрассудный человек, — сказала она, — ты, как и Актеон, исполнил свое желание, смотри же, чтоб ты тоже не погиб жалкой смертью, разорванный на куски псами твоей страсти. О Холли, я девственная богиня, безразличная ко всем смертным, за исключением одного, но это не ты. Ты видел достаточно?

— Да, я ослеплен твоей красотой, — хрипло ответил я, прикрывая рукой глаза.

— Что я тебе говорила? Красота — как молния: прекрасна, но губительна, особенно для деревьев, о Холли. — Она снова кивнула и засмеялась.

И вдруг она оборвала смех; сквозь щели между пальцами я увидел, как ее облик резко изменился. Выражение ужаса в ее глазах, казалось, боролось с какой-то тайной надеждой, выплеснувшейся из темных глубин ее души. Прекрасное лицо как бы окаменело, гибкая, словно ива, фигура выпрямилась и застыла.

— Человек, — то ли прошептала, то ли прошипела она, откинув голову, как змея перед броском, — человек, откуда у тебя этот скарабей на пальце? Говори — либо, клянусь Духом Жизни, я разражу тебя на месте! — Она сделала небольшой шаг вперед, ее глаза полыхнули таким ярким

светом — мне показалось, будто они изрыгнули пламя, — что я в ужасе повалился на пол, лепеча что-то бессвязное.

— Успокойся, — заговорила она прежним ласковым голосом, словно и не было этой внезапной вспышки. — Прости, что я так испугала тебя. Но иногда тех, кто обладает почти беспредельной силой рассудка, раздражает медлительность обычных людей-тугодумов; вот почему я чуть было не дала волю своей досаде; еще миг — и ты был бы мертв; к счастью, я опомнилась... Но скарабей... расскажи мне о скарабее...

— Я нашел его, — тихо пробормотал я, вставая на ноги; в тот момент я помнил лишь одно: что подобрал его в пещере Лео, — может ли быть более неоспоримое доказательство моего смятения?

— Очень странно, — повторила она с внезапным робким трепетом и волнением, совершенно не свойственным этой суровой женщине. — Точно такой же скарабей... висел на шее... человека, которого я любила. — Она всхлипнула, и я понял, что за эти две тысячи лет она отнюдь не утратила типично женских черт.

— Этот скарабей очень похож на тот, — продолжала она, — но я никогда еще не видела похожих. Человек, который написал о нем целую историю, очень высоко его ценил. Но тот скарабей не был вделан в перстень. А теперь ступай, Холли, и, если сможешь, постарайся забыть, что ты видел красоту Айши. — Она отвернулась, легла на диван и зарылась лицом в подушки.

Я вышел, спотыкаясь, и даже не помню, как мне удалось добраться до своей пещеры.

Глава XIV. Душа в адском пламени

Было уже около десяти часов, когда я наконец бросился на свое ложе и попробовал привести мысли в порядок. Но чем более я раздумывал обо всем виденном и слышанном, тем менее я понимал. Что это было — безумие, опьянение, или, может быть, я жертва необыкновенно искусного розыгрыша? Каким образом я, рационалист, неплохо знакомый с важнейшими научными фактами нашей истории, решительно отметающий все эти дешевые фокусы, которые кое-кто в Европе выдает за сверхъестественные феномены, мог поверить, будто беседовал с женщиной, чей возраст превышает два тысячелетия? Весь мой жизненный опыт начисто исключал такую возможность. Значит, это розыгрыш, а если это и в самом деле розыгрыш, то как его понимать? И что можно сказать о фигурах на воде, о необычайном знакомстве этой женщины с далеким прошлым и о незнании или видимом незнании последующей истории? И что сказать о ее поразительном и ужасном обаянии? Это-то несомненная, хотя и трудно постижимая реальность. Ни одна смертная женщина не блистает такой сверхъестественной красотой. Тут она, во всяком случае, права — смотреть на нее небезопасно для любого мужчины. Уж на что, казалось бы, я закоренелый женоненавистник, который, за исключением печального опыта моей незрелой зеленой юности, всегда чурался слабого, как его неудачно называют, пола, — и вот на тебе! К своему глубокому ужасу, я сознавал, что никогда не смогу забыть эти сверкающие глаза, и сама *diablerie* этой женщины не только внушала ужас, отталкивала, но и неудержимо к себе притягивала. Если хоть какая-нибудь женщина на свете достойна любви, то почему не эта — с ее двухтысячелетним опытом и властью над могущественными силами, со знанием тайны Смерти? Но суть заключалась, увы, не в том, достойна она любви или нет, а, насколько я мог при своей неопытности судить, в том, что я, член ученого совета, известный среди знакомых как отъявленный женоненавистник, человек пожилой, респектабельный, влюбился с такой пылкостью и совершенно безнадежно в белую колдунью. Чепуха, суцкая чепуха! И все же она честно предостерегала меня, но я не внял ее предупреждению. Будь проклято пагубное любопытство, вечно побуждающее мужчину сбрасывать покрывало с женщины, будь проклят и тот естественный импульс, которым это любопытство порождается! Именно оно причина половины — нет, более чем половины — всех наших бед. Почему мужчина не может быть

счастлив в одиночестве, почему не оставит в покое женщин, чтобы и те могли обрести счастье в одиночестве? Но возможно ли счастье в одиночестве? Боюсь, что нет: ни для нас, ни для них. Хорошенькая история — в такие годы пасть жертвой современной Цирцеи! Но ведь она отрицает, что принадлежит нашему времени. Послушать ее, она такая же древняя, как и та, мифическая Цирцея!

Я запустил руки в волосы, рванул их и соскочил со своего ложа: у меня было такое ощущение, что я сойду с ума, если не сделаю хоть чего-нибудь. Что она имела в виду, говоря о скарабее? Этот скарабей принадлежит Лео, найден он в старом сундучке, который двадцать один год назад оставил в моей квартире Винси. Неужели вся эта история достоверна, и надпись на черепке вазы не подделка, не мистификация какого-нибудь давно забытого безумца? В таком случае Лео и есть тот самый человек, которого она ждет, — давно уже умерший, но возродившийся? Нет, нет, не может быть! Все это вздор, галиматья! Ну кто слышал о чем-либо возрождении?

Но если женщина может прожить две тысячи лет, значит, и это возможно — все возможно. Может быть, и сам я воплощение давно забытого «я», последний в длинном ряду «я» моих предков? Ну что ж, *vive la guerre!* Почему бы и нет? К сожалению, я ничего не помню о своих прежних существованиях. Эта мысль показалась мне настолько абсурдной, что я разразился громким смехом и, обращаясь к скульптурному изображению воина на стене, громко крикнул: «Кто знает, старина, может быть, я был твоим современником? Что, если я был тобой, а ты — мною?» Я вновь засмеялся над своей глупостью, и под сводом потолка заметались мрачные отголоски моего смеха, казалось, это призрачный смех призрака воина.

Тут наконец я вспомнил, что еще не навещал Лео, и, прихватив с собой один из светильников, что стояли у моего ложа, босиком, на цыпочках, отправился к нему в пещеру. Струя ночного воздуха, как рука незримого духа, колыхала штору, которая закрывала вход. Я проскользнул внутрь, в сводчатую комнату, и огляделся. Лео беспокойно ворочался на своем ложе, но глаза его были закрыты, он спал. Рядом с ним на полу сидела Устане. Держа Лео за руку, она тоже дремала, — красивая, даже трогательная картина. Бедняга Лео! Его щеки пылали нездоровым румянцем, около глаз темнели обводки, дышал он тяжело и прерывисто. Сразу было видно, что он очень плох, и при одной мысли, что он может умереть и я останусь один в целом свете, меня охватил жуткий страх. Но если он выживет, то вполне может оказаться моим соперником в борьбе за любовь Айши, пусть даже он не тот, кого она ожидает; какие шансы у меня, человека немолодого,

безобразной наружности, одержать верх над юностью и красотой?! Но хвала Небу, *Ей* еще не удалось убить во мне чувство Добра и Справедливости: и, стоя там, в пещере, я вознес мольбу Всевышнему о том, чтобы мой мальчик, мой сын, больше чем сын, выжил, даже если он и есть тот самый, кого дожидается Айша.

Затем я крадучись вернулся к себе в пещеру и лег, но сон никак не шел ко мне: перед моими глазами маячил больной Лео, и это все подливало и подливало масла в огонь моей тревоги. Сильная физическая усталость и перенапряжение ума способствовали неестественной активности моего воображения. Видения, догадки, вдохновенные вымыслы — все это рождалось в нем с необыкновенной яркостью. Кое-какие из этих плодов фантазии казались гротескно-странными, другие вселяли ужас, третьи воскрешали мысли и чувства, долгие годы погребенные под развалинами прошлого. Но за всем этим и над всем этим витала тень поистине необыкновенной женщины, меня переполняло воспоминание о ее красоте и обаянии. Я большими шагами ходил по пещере — взад и вперед, взад и вперед.

И вдруг я заметил довольно широкую щель в каменной стене. Я взял светильник и заглянул в эту щель; оказалось, что к ней примыкает какой-то проход. А во мне сохранилось достаточно здравого смысла, чтобы понимать, что это чревато опасностью. Оттуда могут появиться люди и застать тебя врасплох — особенно, когда ты спишь. В непреодолимом желании сделать хоть что-нибудь, я решил проверить, куда ведет этот коридор. Дойдя до каменной лестницы, я спустился по ней; от самого ее подножия начинался другой коридор, или тоннель, высеченный в каменной породе; насколько я мог судить, он пролегал как раз под галереей, которая шла от большой центральной пещеры к нашим комнатам. Тишина здесь стояла могильная; подталкиваемый каким-то странным, непонятным мне самому чувством или влечением, я направился вдоль по этому тоннелю, бесшумно ступая ногами в мягких носках по гладкому полу. Ярдов через пятьдесят я подошел к другому, поперечному тоннелю; здесь со мной случилась большая неприятность: порыв сквозняка загасил мой светильник, и я остался в полной темноте в недрах этого таинственного места. Я сделал пару шагов вперед и остановился, смертельно боясь заблудиться. Что было делать? Спичек я с собой не захватил, а проделать в кромешной тьме долгий обратный путь было делом очень рискованным, но не мог же я торчать там всю ночь, к тому же утренний свет навряд ли мог бы проникнуть сюда, в самую глубь горы. Я оглянулся через плечо назад, — ни проблеска, ни шороха. Внимательно посмотрел прямо перед собой:

впереди виднелось какое-то слабое мерцание. Возможно, я смогу раздобыть там огонька — во всяком случае, стоило попытаться. С мучительной медленностью я побрел по тоннелю, ощупывая рукой стену и на каждом шагу проверяя ногой пол: нет ли впереди какой-нибудь ямы или провала. Тридцать шагов — и я ясно увидел перед собой шторы, пронизанные изнутри ярким светом. Пятьдесят шагов — шторы совсем рядом. Шестьдесят — о, силы небесные!

Между шторами оставалась небольшая щель, через которую я хорошо видел небольшую пещеру, видимо склеп. В самом его центре горело белесое пламя, без всякого дыма. Слева находилось каменное ложе, а рядом — каменная скамья около трех футов вышиной; на ложе, очевидно, покоилось прикрытое белым саваном тело. Такое же ложе, застланное вышитым покрывалом, было и справа. Над огнем склонялась высокая женщина: она стояла боком ко мне и лицом к мертвому телу, на ней была темная мантия, похожая на одеяние монахини. Женщина, не отрываясь, смотрела на мигающее пламя. Пока я раздумывал, что мне делать, резким судорожным движением, в котором чувствовалась энергия отчаяния, она поднялась на ноги и сбросила темную мантию.

Это была *Она*!

Одета она была в уже знакомое мне облегающее белое платье с низким вырезом на груди и перехваченное варварской двуглавой змеей, и, как тогда, ее волнистые черные волосы тяжелыми локонами ниспадали ей на спину. Но как только я взглянул на ее лицо, я уже не мог оторвать от него глаз, охваченный не столько восхищением, сколько мистическим ужасом. Конечно же, оно было неотразимо красиво, но не в моих силах описать, какое отчаяние, какая слепая страсть и мстительная злоба таились в ее трепещущих чертах и какая страшная мука выражалась во взгляде поднятых глаз.

Мгновение она стояла неподвижно, затем воздела руки высоко над головой, и белое платье соскользнуло с ее плеч, обнажив всю верхнюю часть ее ослепительно прекрасного тела, вплоть до золотого пояса. Пальцы ее вдруг сжались в кулаки, лицо затопила ужасающая злость.

Что будет, если она заметит меня? При этой мысли я почувствовал тошнотворный страх, обмирание. Но даже если бы мне угрожала неминуемая смерть, я бы не ушел оттуда: так сильно я был зачарован. Опасность тем не менее была велика. Стоит ей заметить меня между шторами, услышать какой-нибудь шорох, чихание, я уже не говорю о том, что о моем присутствии ей может подсказать некое волшебное наитие, — и последует мгновенное возмездие.

Она опустила сжатые кулачки, прижала их к бокам, затем вновь подняла над головой, и, клянусь честью, белесое пламя взвилось чуть не до потолка, озарив своим яростным призрачным отблеском и самое *Ее*, и неподвижное тело под саваном, и мельчайшие детали рельефов на стенах.

Она опять опустила белые, цвета слоновой кости, руки и произнесла, вернее прошипела, по-арабски:

— Будь она проклята! На веки веков!

В ее голосе звучала такая лютая ненависть, что кровь, казалось, свернулась в моих жилах, сердце замерло.

Руки опустились — и пламя мгновенно поникло. Поднялись — и к потолку протянулся широкий язык огня. Руки снова упали.

— Будь проклята память о ней, будь проклята память о египтянке.

Опять поднялись — и опять опустились.

— Будь проклята дочь Нила за красоту ее совратительную! Будь проклята за то, что ее волшба восторжествовала надо мной!

Будь проклята за то, что встала между мной и возлюбленным моим!

И вновь пламя съежилось и поникло.

Она закрыла глаза руками и заговорила уже не шепотом, а громко, во весь голос:

— Но что проку в этих запоздалых проклятьях? Она победила меня — и ушла навсегда!

И тут же, с еще большим неистовством, она возобновила проклятья:

— Будь она проклята, где бы ни была! Пусть мои проклятья настигнут ее, где бы она ни была, пусть нарушат ее загробный покой!

Пусть мои проклятья вознесутся до звездных сфер! Да будет проклята ее тень!

Пусть даже там изведает она мое могущество!

Пусть даже там услышит меня! Пусть спрячется в черноте беспросветной!

Пусть погрузится в бездну отчаяния, рано или поздно я все равно сыщу ее!

Вновь пламя понизилось — и вновь она прикрыла лицо руками.

— Но что проку в моих проклятьях, что проку? — застонала она. — Чей голос может достичь спящих вечным сном? Даже мой не может!

Нечестивый обряд продолжался.

— Да поразит ее мое проклятье, когда она возродится. Да родится она на свет проклятой!

Да преследует ее мое проклятье всю жизнь — с первого дня возрождения и до последнего дня!

Да будет она проклята! Мое возмездие настигнет и уничтожит ее и в новом существовании!

Пламя все вздымалось и опадало, отражаясь в ее полных боли глазах; чудовищные, произнесенные свистящим шепотом проклятья — не могу даже передать, особенно на бумаге, как жутко они звучали, — ударяясь о стены, рассыпались на множество отголосков и затихали; на неподвижное тело под саваном попеременно падали то яростный блеск огня, то глубокая тень.

Наконец, — видимо, в полном изнеможении, — она смолкла, уселась на каменный пол, тряхнула головой так, что ее прекрасные волосы плотной завесой легли на лицо и грудь, и зарыдала в беспредельном отчаянии.

— Две тысячи лет, — стонала она, — две тысячи лет я терпеливо ожидаю его прихода; век проползает за веком, но боль воспоминаний все так же сильна, все так же слаб луч надежды. Две тысячи лет — все это время, изо дня в день, страсть сжигает мое сердце; ни на миг не забываю я о совершенном мною грехе! Забвение — не для меня. О, как мучительно долго тянулись годы и как мучительно долго будут еще тянуться, кажется им никогда не будет конца!

О мой любимый! Мой любимый! Мой любимый! Этот иноземец разбередил всю мою душу! Целых пятьсот лет не страдала я так невыносимо... Если и виновна перед тобой, неужто же не искупила я свой грех? Когда же ты возвратишься ко мне? Я обладаю всем, чего можно пожелать, но без тебя все это — ничто! Что же мне делать? Что? Что? Что? Кто знает, может быть... может быть, эта египтянка сейчас находится там же, где и ты, и потешается над моими мучениями. Почему я не умерла вместе с тобой, я, твоя убийца? Но ведь я, увы, бессмертна, не могу умереть, даже если бы захотела. — Она распростерлась на полу и рыдала в таком безудержном горе, какого не выдержало бы сердце ни одного смертного.

Вдруг она прекратила рыдать, встала, поправила платье и, нетерпеливым движением закинув длинные локоны за спину, быстро подошла к прикрытому саваном телу.

— О Калликрат! — воззвала она, и я вздрогнул, услышав это имя. — Я хочу вновь взглянуть на твое лицо, каких мук это мне ни стоило бы. Прошло уже около полувека с тех пор, как я в последний раз смотрела на тебя, — тебя, убитого моей собственной рукой. — Дрожащими пальцами она схватила угол савана и замолчала. Видимо, ей пришла в голову мысль, которая ужаснула ее самое, потому что она заговорила странно испуганным шепотом.

— Что, если я подниму тебя? — Очевидно, она обращалась к мертвецу. — Так, чтобы ты стоял передо мной, как встарь. Я могу это сделать. — Она вытянула руки, все ее тело напряглось так, что страшно было смотреть, глаза застыли и потускнели. Я в ужасе отпрянул за шторами, волосы у меня встали дыбом; я увидел — а может быть, это была лишь игра моей фантазии, — как мерно заколыхался саван, словно он лежал на груди спящего. Она отдернула руки, и колыхание сразу же прекратилось.

— Для чего, — сказала она, — для чего возвращать видимость жизни, если я не могу вернуть дух? Даже если бы ты стоял передо мной, ты не узнал бы меня и делал бы только то, что я повелю. Ты жил бы *моей* жизнью, а не своей собственной, Калликрат.

Она стояла, размышляя, затем пала перед мертвецом на колени, прижала губы к савану и зарыдала. Смотреть, как эта женщина изливает свою страсть на мертвеца было поистине ужасно — куда ужаснее, чем все до тех пор происходившее; я повернулся и, весь дрожа, крадучись направился обратно по темному коридору; у меня было такое впечатление, будто я видел душу, горящую в адском пламени.

Я шел, спотыкаясь на каждом шагу. Дважды упал, однажды свернул по ошибке в поперечный проход, но вовремя спохватился. Минут двадцать я тихо брел по коридору и только тогда понял, что, должно быть, уже миновал небольшую лестницу, по которой спускался. Все еще смертельно усталый, так и не оправясь от пережитого страха, я распростерся на каменном полу и тут же погрузился в забытие.

Когда я наконец очнулся, то заметил позади себя слабый луч света. Вернувшись, я нашел ту самую лестницу, освещенную слабым сиянием зари. Я поднялся по ней, благополучно достиг своей каморки, бросился на каменное ложе и сразу же провалился в сон, который правильнее было бы назвать мертвым оцепенением.

Глава XV. Айша выносит приговор

Когда наконец я очнулся и открыл глаза, я увидел Джоба, который успел уже оправиться от лихорадки. В слабом дневном свете, который просачивался через окошко вверху, он, за неимением щетки, вытряхивал мои одежды, аккуратно их сворачивал и складывал у меня в изножье. Покончив с этой работой, он достал из моей сумки дорожный несессер, открыл его и положил рядом с одеждой. Затем, опасаясь, по всей видимости, как бы я не спихнул его случайно, переложил несессер на леопардовую шкуру, расстеленную на полу, отошел шага на два и обозрел плоды собственного труда. Они, эти плоды, показались ему, вероятно, неудовлетворительными, он закрыл сумку, прислонил ее стоймя к задней ножке каменного ложа и водрузил несессер сверху. Посмотрев на кувшины с водой для умывания, он внятно пробормотал: «В этой поганой дыре нет даже горячей воды; бедные дикари пользуются ею лишь для того, чтобы варить друг друга», — и глубоко вздохнул.

— В чем дело, Джоб? — спросил я.

— Извините, сэр. — Он притронулся к волосам. — Я думал, вы спите, сэр. Вид у вас такой усталый, будто вы всю ночь не спали.

Я ничего не ответил, лишь застонал. Да уж, ночь я провел такую, что не приведи Господь!

— Как мистер Лео, Джоб?

— Все так же, сэр. Ежели он не пойдет скоро на поправку, дело — швах, сэр. Должен вам доложить, эта дикарка Устане ходит за ним не хуже христианки. Все время рядом с ним, а меня и близко не подпускает. А ежели я и сунусь, смотреть страшно: волосы — торчком, да так и сыпет ругательными словами. Конечно, я ихнего дикарского языка не знаю, но ясное дело, что это ругательства — уж больно вид у нее злющий.

— И как же ты поступаешь?

— Этак учтиво кланяюсь и говорю: «Сударыня! Я не знаю, да и не хочу знать, каково твое положение, должен, однако, тебе сказать, что, пока сам на ногах, буду исполнять свой долг перед больным хозяином». А она и слушать ничего не желает, все сыплет ругательными словами. Прошлой ночью и того хуже: сунула руку под этот балахон, что она носит, и вытащила кривой нож; пришлось и мне достать свой револьвер. Ходили мы, ходили кругами, да вдруг она возьми и расхохочись. Статочное ли это дело, чтобы христианин терпел такое поругание от дикарки, будь она самая

что ни на есть раскрасавица! Но ежели уж мы такие *олухи* — на этом слове Джоб сделал сильное ударение, — что забрались в невесть какую глушь, то пенять, кроме как на себя, не на кого. Это нам Божья кара, сэр, право слово, Божья кара, только она еще вся до конца не исполнилась, а когда исполнится, нам уже никогда не выбраться отсюда: так и будем торчать всю жизнь в этих чертовых пещерах, где полным-полно покойников, да и всякой нечисти. А теперь, сэр, с вашего разрешения я пойду проверю, не сварился ли бульон для мистера Лео, ежели, конечно, эта дикая кошка меня подпустит. Не пора ли вам вставать, сэр, уже десятый час.

После бессонной ночи я был в довольно угнетенном состоянии духа, и слова Джоба отнюдь не прибавили мне бодрости, тем более что звучали они с достаточной убедительностью. Учитывая все обстоятельства, вряд ли нам удастся хоть когда-нибудь выбраться отсюда. Даже если Лео выздоровеет, даже если Она согласится нас отпустить, а это очень и очень сомнительно, даже если она не «разразит» нас в приступе ярости, даже если мы избежим раскаленных горшков, мы все равно не сможем отыскать обратный путь через обширнейшие, простирающиеся на десятки и десятки миль болота — более непроходимое препятствие, чем любое, воздвигнутое фортификационным гением человека. Оставалось одно — подчиниться воле судьбы; сам я, во всяком случае, был очень заинтригован всей этой таинственной историей и, несмотря на расшатанные нервы, только и мечтал об удовлетворении своего любопытства, даже ценою собственной жизни. Да и какой человек, испытывающий склонность к психологическому анализу, не захотел бы — при благоприятных обстоятельствах — глубже изучить характер женщины, столь необыкновенной, как Айша? Страх, который неизбежно сопутствует подобному желанию, только придавал ему остроту; я должен был признаться самому себе, что даже сейчас, в отрезвляющем свете дня, она сохраняла для меня незабываемое очарование. Та ужасная сцена, которую я наблюдал ночью, не могла исцелить меня от безумия, — если уж говорить правду, я и по сей день не исцелился.

Одевшись, я отправился в комнату, которая служила нам трапезной. Глухонемые девушки подали мне завтрак. Подкрепившись, я зашел к бедному Лео: он был все еще в бреду и не узнал меня. Когда я спросил Устане о его состоянии, она только покачала головой и расплакалась. Видно было, что у нее не остается почти никакой надежды, и вот тогда я решил во что бы то ни стало добиться, чтобы его осмотрела Она. Конечно же, она может вылечить его, если захочет, — так по крайней мере она сказала. Вошел Биллали и, глядя на больного, тоже покачал головой.

— Ночью он умрет, — сказал старик.

— Да спасет его Господь, — ответил я с тяжелым сердцем и отвернулся.

— *Та-чье-слово-закон* призывает тебя, мой Бабуин, — сказал Биллали, когда мы отошли к дверному проему, — но заклинаю тебя, мой дорогой сын, будь поосторожней. Вчера ты не подполз на животе, а подошел к *Ней*; уж не знаю, почему она не разразила тебя. Сейчас она восседает в большом зале, вершит суд над теми, кто пытался убить тебя и Льва. Пошли же, мой сын, да побыстрее.

Я последовал за ним по коридору.

В большую центральную пещеру целыми толпами входили амахаггеры в полотняных одеждах и леопардовых шкурах. Вместе с ними мы пошли вдоль пещеры, которая тянулась далеко в глубь горы. Ее стены на всем своем протяжении были изукрашены искуснейшей резьбой; через каждые двадцать шагов в обе стороны под прямым углом отходили коридоры: все они, как объяснил Биллали, ведут к усыпальницам, высеченным в толще горы «теми, кто был до нас». Никто, по его словам, не бывает теперь в этих усыпальницах, и, сознаюсь, я порадовался при мысли о том, какие возможности для археологических изысканий открываются передо мной.

Наконец мы достигли конца пещеры, где находился точно такой же каменный помост, как и тот, стоя на котором мы сражались с амахаггерами, из чего я заключил, что эти помосты используются как алтари для отправления религиозных, а также, и не в последнюю очередь, погребальных обрядов. По обеим сторонам помоста начинались коридоры; как сообщил мне все тот же Биллали, они вели к усыпальницам. «Здесь, — добавил он, — несчетное множество мертвецов, и почти все они очень хорошо сохранились».

Перед помостом уже скопилась огромная толпа мужчин и женщин; все они стояли с таким убийственно мрачным видом, что за пять минут нагнали бы тоску на самого заядлого весельчака. На самом помосте возвышался массивный трон из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, с сиденьем из волокнистой ткани и подставкой для ног.

Послышался громкий крик: «Хийя! Хийя!» («Она! Она!»), все разом повалились на пол и лежали как убитые; один я остался на ногах, словно одинокий воин на поле кровавого побоища. Из прохода слева длинной вереницей потянулись телохранители, они выстроились по обеим сторонам помоста. За ними последовали около двух десятков глухонемых мужчин и столько же глухонемых женщин со светильниками в руках. И наконец появилась высокая фигура, с головы до пят закутанная в белые покрывала,

— то была сама Хийя. Она взошла на помост и уселась на трон.

— Иди сюда, о Холли, — позвала она. — Сядь у моих ног. Сейчас я свершу суд над теми, кто хотел тебя убить. Прости, если моя греческая речь подобна спотыкающемуся хромцу, протекло так много времени с тех пор, как я слышала ее звуки, язык плохо повинуется мне.

Я поклонился, взобрался на помост и сел у ее ног.

— Как ты почивал, мой Холли? — спросила она.

— Не очень хорошо, о Айша, — откровенно признался я, опасаясь в глубине души, что ей уже известно, где я был этой ночью.

— Так, — сказала она со смешком, — и мне тоже не очень хорошо спалось. Снились всякие сны, и я подозреваю, что они насланы тобой, о Холли.

— Что же тебе снилось, Айша? — как бы вскользь спросил я.

— Я видела во сне, — быстро отозвалась она, — ту, кого ненавижу, и того, кого люблю. — И, обрывая наш разговор, она по-арабски обратилась к начальнику стражи: — Приведите этих людей.

Начальник низко поклонился, ибо и телохранители и прислужники оставались на ногах, и, прихватив с собой небольшой отряд, углубился в проход с правой стороны.

Воцарилась полная тишина. Она сидела в глубоком раздумье, подперев закутанную в покрывало голову рукой, тогда как ее подданные продолжали лежать ничком, искоса поглядывая на нее одним глазом. Их царица, по всей вероятности, так редко появлялась перед ними, что они готовы были подвергнуться любому неудобству или даже опасности, лишь бы увидеть Ее, вернее, ее одеяние, ибо никто из присутствующих, кроме меня, не видел ее лица. Наконец в проходе замерцали светильники, послышался топот ног, вскоре показались стражники, они вели десятка два амахаггеров, которые уцелели в схватке; обычная угрюмость их лиц усугублялась испытываемым ими в глубине души страхом. Их выстроили перед помостом, и они хотели было повалиться на пол, как все остальные, но Она остановила их.

— Нет, — произнесла она необычайно мягким тоном, — прошу вас, стойте. Вы еще успеете налегаться. — И она засмеялась своим мелодичным смехом.

Шеренга обреченных дрогнула от ужаса; мне даже стало жаль этих лютых негодяев. В течение двух-трех минут Она, медленно поворачивая голову, всматривалась в лицо каждого из них. Затем она обратилась ко мне спокойным голосом, отчетливо выговаривая каждое слово:

— О мой гость, чье имя означает на языке твоей страны Колючее Древо, узнаешь ли ты этих людей?

— Да, о царица. Почти всех, — ответил я.

Их глаза злобно сверкнули.

— Тогда поведай мне и всем, кто здесь есть, то, что ты мне уже рассказывал.

Повинуясь ее воле, я в нескольких словах рассказал о каннибальском пиршестве и нападении на нашего несчастного слугу. Все там собравшиеся, включая подсудимых, а также и Ее самое, выслушали меня в полном безмолвии. Когда я закончил свои показания, Айша обратилась с подобным же велением к Биллали, и тот, подняв голову, но не вставая с каменного пола, подтвердил мои показания. Никаких других свидетелей не вызывали.

— Итак, вы слышали, — произнесла наконец Она холодным и ясным голосом, очень непохожим на ее обычный: это удивительное существо обладает даром принаравливать свой голос к любому настроению. — Что вы можете сказать в свое оправдание, непокорные дети?

Все долго молчали, но затем один из подсудимых — хорошо сложенный, широкогрудый, не очень молодой амахаггер — сказал, что в полученном ими повелении говорилось о том, чтобы они сохранили жизнь белым людям, но не упоминалось об их черном слуге, поэтому, по наущению женщины, теперь уже мертвой, они, в соответствии с древним, всеми почитаемым обычаем их страны, решили надеть на него раскаленный горшок и съесть. Нападение на нас было совершено в приступе ярости, они глубоко о нем сожалеют. В заключение он воззвал к милосердию царицы: пусть их изгонят в болота, а там уж будь что будет, но по выражению его лица я видел, что он питает очень мало надежды на подобный исход.

Наступило глубокое молчание; никогда, даже в этой нечестивой стране, не видел я более странной сцены, чем это судилище. Каменные стены пещеры — в трепещущих узорах света и теней. На полу перед помостом — неподвижные, словно мертвые, тела зрителей. Впереди них — злодеи, скрывающие свой естественный страх под напускным безразличием. Справа и слева — безмолвные стражники в белых одеждах, вооруженные большими копьями и кинжалами, и глухонемые прислужники. Все они с напряженным любопытством наблюдают за происходящим. А над ними, сидя на своем варварском троне, возвышается закутанная в покрывала белая женщина, вокруг нее — ореол красоты и ужасающего могущества, как будто бы сзади стоит невидимый источник света. Никогда еще не выглядела она такой грозной, как в эту минуту, когда готовилась вынести приговор преступникам.

И вот наконец она заговорила:

— Собаки и змеи, пожиратели человеческого мяса. — Вначале Ее голос звучал тихо, но постепенно набирал силу, а затем от него зазвенела вся пещера. — Вы совершили два тягчайших преступления. Уже за одно то, что вы напали на этих белых иноземцев, вы заслуживаете смерти. Но это еще не все. Вы посмели ослушаться моей воли. Разве не передал вам мое повеление отец вашего семейства мой слуга Биллали? Разве не велел он вам оказать радушный прием иноземцам, которых вы пытались убить и жестоко убили бы, если бы они не явили нечеловеческую отвагу и силу. Разве не внушали вам с самого детства, что мой закон — незыблемый закон; всякий, кто посмеет его преступить, неминуемо погибнет? Неужто не ведаете вы, что любое мое слово подлежит беспрекословному выполнению? Неужто ваши отцы не внушили вам этого с детских лет? Неужто вы еще не постигли, что легче обрушить своды этих пещер или изменить путь Солнца, чем заставить меня отступить от задуманного? Никому не дано нарушить мое слово, пусть даже самое незначительное! Вы все это хорошо знаете, злодеи. Но зло переполняет вас, как паводок, бурлит и клокочет в вас. Если бы не я, вы давно бы уже погубили друг друга своими злодействами. Итак, я выношу свой приговор. За то, что вы пытались убить моих гостей, более того, посмели нарушить мое повеление, вы будете отведены в пыточный застенок и отданы в руки палачей. Тех же из вас, кто доживет до завтрашнего утра, предадут той самой казни, которой вы хотели предать слугу моего гостя.

Когда Она умолкла, слышался общий шепот, полный глубокого ужаса. Что до самих приговоренных, то, когда они осознали, какая страшная участь им уготована, стоицизм покинул их, они бросились на пол и принялись молить о помиловании. Смотреть на это было выше моих сил, я повернулся к Айше и попросил ее пощадить их или, по крайней мере, смягчить приговор. Но она была совершенно непреклонна.

— Мой Холли! — Она снова перешла на греческий язык; хотя я и считаюсь неплохим его знатоком, ее непривычная для меня интонация сильно затрудняла понимание. Это, впрочем, легко объяснимо: у нее было то же произношение, что и у ее современников, я же вынужден опираться на традицию и на современный выговор. — Мой Холли, ты просишь невозможного. Если я пощажу этих волков, ваша жизнь среди них будет в большой опасности. Ты их не знаешь. Даже и сейчас они жаждут вашей крови, эти хищные твари. Как, ты полагаешь, правлю я этим народом? Меня охраняет всего лишь небольшой отряд стражников-телохранителей, я управляю не силой, а с помощью страха. Моя власть — власть над

воображением. Однажды, при жизни каждого поколения, мне приходится поступать, как сейчас: я повелеваю пытать и казнить несколько десятков человек. Поверь, я отнюдь не жестока и без необходимости не стала бы мстить людям столь низким. Какая мне от этого выгода? У долгожителей мой Холли, нет страстей, у них есть лишь свои интересы. Если я и убиваю, то не в приступе ярости или чтобы покарать непослушание. Когда смотришь на небо, кажется, будто облачка носятся хаотично, но их направляет, по своей прихоти, могучий ветер. Эти люди должны умереть, и умереть именно так, как я повелела.

Она обернулась к начальнику стражи:

— Да будет исполнено слово мое!

Глава XVI. Усыпальница Кора

После увода приговоренных Айша махнула рукой; зрители повернулись и беспорядочно, точно рассыпавшееся стадо овец, поползли прочь. Уже на почтительном расстоянии от помоста они, однако, поднимались и шли дальше стоя. Вокруг нас с царицей остались лишь глухонемые и несколько телохранителей — прочие были отправлены конвоировать приговоренных. Я воспользовался случаем, чтобы попросить *Ее* осмотреть Лео, сказав, что он в тяжелом состоянии, но она отказалась: свой отказ она объяснила тем, что больные этой разновидностью лихорадки умирают лишь с наступлением ночи, поэтому непосредственной опасности сейчас нет. К этому она добавила, что желательно, чтобы болезнь прошла через все свои стадии, прежде чем она примется за лечение. Я уже хотел было уйти, но она сказала, что хочет со мной поговорить и показать мне достопримечательности пещер.

К тому времени я был уже слишком поработан роковой силой ее очарования, чтобы отклонить ее предложение, даже если бы и хотел, а я не хотел. Она встала с трона, жестами показала что-то глухонемым и спустилась с помоста. Повинуясь ей, четыре девушки взяли светильники и пошли нас сопровождать, две спереди, две сзади; остальные, вместе с телохранителями, удалились.

— А теперь, — сказала она, — я хочу тебе показать кое-какие здешние достопримечательности. Посмотри на эту огромную пещеру. Приходилось ли тебе видеть подобную? А ведь она, как и множество других, сооружена руками вымершего народа, который некогда обитал в городе на равнине. То был великий и удивительный народ, люди Кора, но, как и египтяне, они думали больше о мертвых, чем о живущих. Как по-твоему, сколько людей трудились долгие годы, чтобы выдолбить эту большую пещеру и галереи?

— Многие десятки тысяч.

— Верно, о Холли. Этот древний народ существовал еще до египтян. Мне удалось подобрать ключ к их надписям. Эта пещера — одна из последних, ими выдолбленных. — Она повернулась к стене и знаком показала глухонемым, чтобы они подняли светильники. Прямо над помостом был изображен старик, восседающий на троне, со скипетром из слоновой кости. Он поразительно походил на того, чье бальзамирование было запечатлено в нашей трапезной. Под троном — точно такой же, кстати сказать, формы, как и трон Айши, — была высечена короткая

надпись, сделанная все теми же необычными знаками, которые я помню слишком смутно для того, чтобы их описать. Более всего они напоминали мне китайские иероглифы. Айша — не без некоторого труда, запинаясь — прочла мне и перевела надпись. Вот что она гласила:

Царь Тисно, его народ и рабы завершили сооружение этой пещеры (или усыпальницы) в четыре тысячи двести сорок девятом году от основания столичного града великого Кора. Строительство пещеры, что предназначается для погребения знатных вельмож, продолжалось в течение трех поколений. Да почиет на их труде благословение Неба над Небом, и пусть ничто не нарушает сон Тисно, могущественного повелителя, чьи черты изображены выше, до дня его воскресения, как и покой его слуг и тех, кто придет после него, чтобы опочить здесь.

— Видишь, о Холли, — сказала Она, — этот народ основал город, развалины которого все еще можно видеть на равнине. Произошло это событие за четыре тысячи лет до завершения строительства пещеры. Но две тысячи лет назад, когда я увидела ее, она была точно такой же, как и сейчас. Суди сам о древности этого города. А теперь следуй за мной, я покажу тебе, какова была посмертная судьба народа, который населял Кор. — Она подвела меня к самому центру пещеры, где находилось большое круглое отверстие, прикрытое каменной крышкой, наподобие люков на лондонской мостовой, только те с железными крышками. — Видишь? — сказала она. — Что это, по-твоему?

— Не знаю.

Она подошла к левой (если стоять лицом к выходу) стене и жестом велела глухонемым поднять светильники. На стене красной краской были выведены такие же письмена, что и под изображением Тисно, повелителя Кора. Краска сохранилась достаточно хорошо, и Она перевела мне надпись.

Я, Юнис, жрец Великого Святилища Кора, пишу это на стене пещеры-усыпальницы в четыре тысячи восьмьсот третьем году от основания Кора, ныне уже не существующего. Никогда более правители и вельможи не будут пировать в этих залах. Окончилось владычество Кора над миром, отныне его торговые корабли не будут бороздить все моря и океаны. Кор пал! Все наши величественные сооружения, наши города, гавани и каналы — обиталище волчьих стай, сов и лебедей, обиталище грядущих варваров. Двадцать пять лун тому назад на Кор, на все сто его городов, опустилась смертоносная туча; она принесла с собой мор великий; этот мор не щадил

ни старых, ни молодых, ни богатых, ни бедных, ни мужчин, ни женщин, ни сыновей царских, ни рабов. Все они чернели и погибали. А мор все свирепствовал и свирепствовал, убивая людей и днем и ночью, те же, кто уцелел, умирали от голода. Усопших детей Кора было столь бесчисленное множество, что их уже не могли хоронить по древним обычаям, а сбрасывали в большой колодец посреди пещеры. Последние остатки этого великого народа, чья слава озаряла весь мир, добрались до побережья, погрузились на корабль и отплыли на север; во всем огромном городе остался только я, жрец Юнис; есть ли еще кто-нибудь живой в других городах, — того я не ведаю. В полном отчаянии, ожидая прихода смерти, пишу я это послание: империи Кора больше нет, нет больше молящихся в его святилище, опустели все его дворцы: ни царских сыновей, ни купцов, ни прекрасных женщин — все они покинули лицо земли.

У меня вырвался удивленный вздох: так впечатляюще была картина полного запустения, нарисованная в этих коряво выведенных письменах. Страшно было даже думать об одиноком старике, который описал судьбу своего некогда могущественного народа, прежде чем самому сойти во мрак забвения. Что чувствовал он, когда в своем ужасающем уединении, при тусклом свете догорающего светильника, в нескольких лаконичных строках излагал историю гибели целого народа?! Какая великолепная тема для моралиста, либо художника, либо просто человека мыслящего!

— Как ты полагаешь, Холли, — сказала Айша, положив руку мне на плечо, — уж не предки ли египтян эти люди, что отплыли на север?

— Не знаю, — ответил я. — Мир наш такой древний.

— Древний? Да, конечно. Сколько приходило могучих, богатых, славных ремеслами и искусствами народов — приходило и бесследно уходило, даже памяти о них не сохранилось. И этот народ лишь один из многих: Время пожирает все создаваемое человеком, если только он не высекает пещеры, как здесь, в Коре, но и эти пещеры могут затопить морские волны, их может обрушить землетрясение. Кто знает, что уже было на земле и что еще будет? Ведь под солнцем нет ничего нового, как написал мудрый иудей. И все же, я думаю, этот народ не исчез полностью. Кто-нибудь, вероятно, уцелел в одном из их городов, а городов у них было множество. Но с юга их теснили варвары, может быть, и мои родные арабы, которые уводили с собой их женщин, чтобы взять их в жены; от могучих сыновей Кора осталась побочная ветвь амахаггеров, обитающих в усыпальницах, где покоятся останки их предков. Но это лишь предположение, ибо кто может знать точно? Мое провидение не проникает

так глубоко в крошечную тьму Времени. То был великий народ. Они завоевали всех, кого можно было завоевать, а затем спокойно обитали в этих скалистых горах со своими слугами и служанками, со своими певцами, ваятелями и наложницами, они торговали, ссорились, ели, охотились, спали и веселились, покуда не настал их последний час. Но пойдем, я покажу тебе большой колодец, о котором говорится в надписи. Никогда в жизни твои глаза не узрят подобного зрелища.

Следуя за ней, я пошел по боковому проходу, мы спустились по длинной лестнице и углубились в тоннель, который находился не меньше чем на шестьдесят футов ниже пола большой пещеры и проветривался с помощью целой системы вентиляционных отверстий. У самого конца тоннеля Она остановилась и велела глухонемым поднять светильники; и я, как она и предсказывала, увидел зрелище, подобное которому я вряд ли еще когда-нибудь увижу. Мы стояли на самом краю огромного колодца, обнесенного низкой каменной стеной. Какова его глубина — я не могу сказать, но он уходил глубоко вниз. Величиной, насколько я могу судить, он не уступал подкупольному пространству собора св. Павла; и при мерцании светильников я мог убедиться, что он весь, сверху донизу, набит тысячами человеческих скелетов: сброшенные через отверстие в полу, они громоздились чудовищной поблескивающей пирамидой. Ничего более поразительного, чем это нагромождение останков вымершего народа, я не могу себе представить; картина была тем ужаснее, что в этом сухом воздухе многие скелеты сохранились вместе с кожей; из горы белых костей, сваленных в самых разных положениях, на нас глазели гротескно-нелепые карикатуры на людей. У меня вырвалось удивленное восклицание, эхо моего голоса зазвенело под каменными сводами с такой силой, что один из черепов, который тысячелетиями покоился в шатком равновесии на вершине пирамиды, подпрыгивая, покатился вниз. Его падение повлекло за собой целый обвал: грохот был как от падения горной лавины. Казалось, скелеты порываются встать, чтобы приветствовать нас.

— Пойдем, — сказал я, — с меня более чем достаточно... Это все тела умерших от моровой язвы? — спросил я, когда мы повернулись, чтобы идти.

— Да. Люди Кора, как и египтяне, всегда бальзамировали умерших, но в этом искусстве они достигли большего совершенства, ибо египтяне потрошили покойных, тогда как люди Кора вливали им в вены особую жидкость, которая расходилась по всему телу. Но погоди, сейчас сам увидишь. — Она остановилась у одного из небольших дверных проемов, которых было тут множество, и мы вошли в каморку, похожую на ту, где я

спал, когда мы оказались среди амахаггеров, только в этой камерке было не одно, а два ложа. На них лежали забальзамированные тела, прикрытые желтоватыми саванами, лишь слегка припорошенными тончайшей, почти невидимой пылью: любопытно, что в этих пещерах ничтожно мало пыли, которая в обычных условиях за долгие тысячелетия скопилась бы толстым слоем. На полу вокруг каменных скамей стояло много разрисованных ваз, но, как и во всех других, в этой усыпальнице было очень мало орнаментов или изображений оружия.

— Подними саван, о Холли, — сказала Айша; я протянул руку и тотчас же ее отдернул. У меня было такое чувство, как будто я совершаю святотатство; к тому же, если уж говорить начистоту, мрачная торжественность усыпальницы и присутствие мертвых тел внушали мне непреодолимый страх. Посмеиваясь над моей нерешимостью, Айша сама сдернула саван; под ним оказалось еще более тонкое полотно. Айша стянула и его, и впервые за долгие тысячелетия глаза живых существ увидели лицо женщины, так давно уже неживой. На вид ей было лет тридцать пять или чуть поменьше. Даже и теперь ее спокойное, хорошо очерченное, цвета слоновой кости лицо с тонкими бровями и длинными ресницами, которые отбрасывали штрихи теней, поражало своей красотой. На белом одеянии волнами лежали черные до синевы волосы; а на руках, прижимаясь личиком к ее груди, таким же вечным сном, как она сама, спал младенец. Зрелище было такое трогательное, хотя и жутковатое, что, признаюсь без стыда, я с трудом удержал слезы. Воображение перенесло меня через темную бездну веков в один из некогда счастливых домов Великого Кора, где жила эта красавица и где она умерла вместе со своим последним ребенком. Вот они передо мной: мать и ее дитя, бывшие воспоминания о забытой эпохе, куда более красноречивые, чем любые письменные описания их жизни. Вздохнув, я бережно положил саваны на прежнее место: какая жалость, что цветы столь прелестные, по воле Предвечного, увяли, едва успев расцвести. Подойдя к другому ложу, я осторожно сошел саван с лежавшего там тела. То был пожилой седобородый мужчина, также в белом одеянии: вероятно, муж этой женщины, который пережил ее на много лет, но в конце концов обрел вечный покой рядом с ней.

Мы обошли еще несколько пещер. Не стану подробно описывать все, что я там видел. Везде покоились мертвые тела; пятисот с лишним лет, которые отделяли окончание строительства пещер от гибели всего народа, оказалось достаточно, чтобы заполнить все эти катакомбы, куда давно уже не заходила ни одна живая душа. Я мог бы посвятить целую книгу их

описанию, но это было бы лишь повторением сказанного, хотя и с некоторыми вариациями.

Такого совершенства достигло искусство бальзамирования в древнем Коре, что почти все тела выглядели точно так же, как в день смерти, тысячелетия назад. К тому же здесь, в недрах горы, все способствовало их сохранению: они не подвергались воздействию температурных перемен и влаги, ароматические же вещества, которыми они были забальзамированы, практически не менялись с течением времени. Кое-где, однако, попадались и исключения: некоторые, на вид совершенно целые, тела при первом же прикосновении рассыпались в труху. Айша объяснила мне, что это происходило в тех случаях, когда из-за поспешности или по другим причинам тела просто омывали бальзамирующим раствором, а не вводили его, как необходимо было, в вены.

Но я должен непременно сказать о последнем склепе, где моим глазам предстала картина еще более трогательная, чем та, что я видел в первом. Под саваном, крепко обнявшись, лежали молодой человек и цветущая девушка. Ее голова опиралась на его руку, его губы были прижаты к ее надбровью. Приоткрыв полотняную одежду, я нашел на теле молодого человека, прямо над сердцем, кинжальную рану; такая же смертельная рана оказалась и под белоснежной грудью девушки. На каменной стене над ними была высечена надпись из трех слов, Айша перевела ее. *«Соединились в смерти»*, — гласила надпись.

Какова была история жизни двух возлюбленных, которые были очень хороши собой и не разлучились даже после смерти?

Я сомкнул веки, и челнок моего воображения выткал на черной ткани Минувшего картину столь живую и яркую, что на какой-то миг мне показалось, будто я восторжествовал над Временем, проникнув духовным взором в сокровенные его тайны.

Я как будто воочию увидел эту прелестную девушку: ее золотистые волосы струятся на белоснежные одежды и на грудь, еще более ослепительная белизна которой затмевает своим блеском золотые украшения. В большой пещере — множество бородатых, закованных в доспехи воинов; на освещенном помосте, где, творя правосудие, восседала Айша, стоит человек в жреческом одеянии со всеми соответствующими атрибутами. В сопровождении певцов и красивых девушек, поющих свадебную песнь, к помосту приближается жених в пурпурной мантии. А перед алтарем застыла девушка красивее всех остальных — чище, чем лилия, и холоднее росы, сверкающей в ее чаше. Жених уже совсем рядом — девушка вся трепещет. И вдруг из самой гущи собравшейся толпы

выпрыгивает темноволосый юноша, он обнимает эту — давно позабытую — девушку, целует ее бледное лицо, которое озаряется багрянцем, как немотствующее небо под алыми лучами утренней зари. Шум, громкие крики, сверкают мечи. Юношу выхватывают из объятий его возлюбленной и закалывают, но она успевает вытащить у него из-за пояса кинжал, со стоном погружает его в свою белоснежную грудь, в самое сердце, и падает, уже мертвая. Слышатся отчаянные вопли, плач, причитания, затем они стихают, и вся картина меркнет в моих глазах: Книга Былого захлопывается.

Я стараюсь излагать лишь реальные события, надеюсь, читатель простит мне это отступление, навеянное игрой воображения. Но оно так хорошо вписывается в мое повествование, что я не могу умолчать об этом ярком мгновенном видении; да и кто возьмется определить, какая доля реальности — идет ли речь о прошлом, настоящем или будущем — содержится в плодах нашей фантазии? Да и что она такое, фантазия? Может быть, тень ускользающей истины, так сказать, мысль души?

Все это с удивительной быстротой пронеслось у меня в голове, и я тут же услышал *Ее* голос.

— Вот она, судьба человеческая, — сказала Айша, прикрывая саваном тела мертвых возлюбленных, ее голос звучал проникновенно и торжественно, в унисон с моим видением. — Нам всем уготована смерть, смерть и забвение! Даже мне, живущей так долго. Протекут тысячи и тысячи лет после того, как ты, о Холл и, пройдешь через Врата Смерти и затеряешься в Тумане Забвения, и я тоже умру, подобно тебе и всем этим. И какое тогда будет иметь значение, что я прожила немного больше других, отдалив смерть силой знания, вырванного мной у Природы. Что такое десять тысяч лет или десятижды десять тысяч лет в бесконечности Времени? Ничтожно малый промежуток, легкая дымка, истаивающая под лучами солнца, мимолетный сон, веяние Вечного Духа. Вот она, судьба человеческая. Никому не избежать Неминуемого, мы все, несомненно, опочим. Несомненно и то, что мы восстанем от долгого сна, вновь будем жить и вновь опочим, — и так будет бесконечно повторяться в пространстве и времени, пока не погибнет наш мир и не погибнут окружающие его миры, и не останется ничего живого, кроме самого Духа, который и есть жизнь. Но что ожидает в конце концов нас двоих и эти остывшие тела — Жизнь или Смерть? И что такое Смерть, как не Ночь Жизни, но ведь Ночь порождает Утро, которое переходит в День, порождающий Ночь. И что будет с родом человеческим, о Холли, когда прекратится чередование Дня и Ночи, Жизни и Смерти, когда их поглотит

та изначальная стихия, которой они созданы? Кто может заглянуть так далеко? Даже я не могу!

Айша помолчала и, резко изменив тон и манеру обращения, добавила:

— Видел ли ты достаточно, о мой иноземный гость, или ты желаешь осмотреть еще несколько гробниц, являющихся покоем моего дворца? Я могу отвести тебя в ту, где возлежит Тисно, самый могущественный и доблестный из всех властителей Кора, в чье царствование было завершено строительство этих пещер; пышность его погребения бросает вызов самому Небытию, и даже призрачные тени Минувшего вынуждены склоняться перед славолубием, запечатленным в его изваянии.

— Я видел достаточно, о царица, — ответил я. — Мое сердце угнетено присутствием Смерти. Смертный человек слаб, он легко ломается под бременем сознания своей бренности. Уведи меня отсюда, о Айша!

Глава XVII. Чаши весов колеблются

Через несколько минут, следуя за глухонемыми, которые, держа перед собой светильники наподобие полных кувшинов, казалось, не шли, а плыли по реке темноты, мы подошли к лестнице: эта лестница вела к залу перед личными покоями царицы, — тому самому, где Биллали накануне полз на четвереньках. Здесь я хотел было попрощаться, но *Она* меня не отпустила.

— Зайди ко мне, о Холли, — сказала она. — Беседа с тобой доставляет мне истинное удовольствие. Только подумай, о Холли: две тысячи лет у меня не было других собеседников, кроме рабов и самой себя. И хотя в этих одиноких размышлениях я обрела глубокую мудрость и познала немало тайн, я утомилась от бесконечных размышлений и возненавидела собственное общество, ибо пища воспоминаний очень горька на вкус и вкушать ее позволяет только надежда. Твои мысли, о Холли, еще зелены и незрелы, что вполне естественно в таком молодом человеке, однако же обличают в тебе человека думающего; говоря откровенно, ты напоминаешь мне кое-кого из старых философов, с которыми в былые времена я вела диспут в Афинах и в аравийской Мекке: у тебя такой же неряшливый вид, как у них, можно подумать, что всю свою жизнь ты только тем и занимался, что читал неразборчивые, пыльные греческие рукописи, да и взгляд такой же несговорчивый и упрямый. Задерни шторы и сядь подле меня, мы будем есть фрукты и вести приятную беседу. Хочешь, я снова открою лицо? Ты ведь сам пожелал этого, о Холли, я предостерегала тебя; и ты будешь восхвалять мою красоту, как эти старые философы, чью философию, да и их самих, я давно позабыла.

Она встала, недолго думая скинула с себя белые покрывала и явилась передо мной во всем блеске и великолепии своей красоты — словно сверкающая змея, сбросившая старую кожу: ее удивительно прекрасные, еще более губительные, чем у василиска, глаза пронизывали меня насквозь, ее легкий смех звенел серебряным колокольчиком.

Настроение ее резко изменилось, она как будто стала другим человеком. Ее сердце уже не разрывали жестокие муки и та ненависть, с какой она проклинала свою мертвую соперницу над прыгающим языком пламени; она уже не была так холодна и грозна, как в зале судилища, так величава и мрачна, как в обиталищах мертвецов, утратила блистательное великолепие, присущее тирскому шитью. Сейчас она напоминала торжествующую Афродиту. Жизнь была в ней ключом: то был

поразительный, сверкающий экстаз. Она мягко смеялась и вздыхала, бросая стремительные взгляды. Она встряхивала тяжелыми косами, и их благоухание заполняло все кругом, постукивала маленькой, обутой в сандалию ножкой по полу и напевала старинную греческую эпитафему. Обычная ее величественность то ли исчезла совсем, то ли затаилась в смеющихся глазах, еле заметная, как молния за солнечными лучами. Она как будто потушила в себе пламя гнева, отринула холодную власть рассудка, который, однако, не утратил своей остроты, и мудрую печаль, навеваемую созерцанием гробниц — все это она сбросила с себя, как и свои белые, похожие на саван покрывала, и стояла передо мной воплощением неотразимо прекрасной женственности, более совершенной, духовно возвышенной, чем красота любой другой женщины.

— Смотри же на меня, мой Холли. Помни, ты сам этого пожелал; еще раз повторяю, не вини меня, если весь остаток отпущенного тебе жизненного срока ты будешь раскаиваться в том, что поддался любопытству и захотел меня видеть, будешь думать: «Лучше смерть, чем такие мучения!» Скажи же, что восхищаешься моей красотой, признаюсь, я люблю слышать похвалы. Нет, погоди, прежде чем говорить, внимательно меня осмотри, весь мой облик: мои руки и ноги, волосы, ослепительно белую кожу, — и только тогда скажи, приходилось ли тебе видеть женщину, которая ну хоть изгибом бровей или формой ушной раковины превосходила бы меня и заслуживала держать светильник перед моей красотой?! А мой стан? Может быть, ты полагаешь, будто он недостаточно тонок, но это не так, просто золотая змея слишком для него велика. Она — змея мудрая и знает, что стан не следует туго стягивать. Протяни руки, обними мой стан, да покрепче, о Холли!

Перед этим призывом я не мог устоять. Ведь я всего лишь человек, мужчина, а она больше, чем женщина. Но если она не женщина, то кто же? Это известно одному Небу. Я упал перед ней на колени и, нелепо смешивая разные языки, ибо в моих мыслях была полная сумятица, признался, что боготворю ее, как не была боготворима ни одна женщина, и что я готов пожертвовать своей бессмертной душой, чтобы жениться на ней, и это была чистая правда, точно так же поступил бы и любой другой мужчина на моем месте, да и вся мужская часть человечества, если бы можно было слить ее в одного мужчину. Она была слегка удивлена, затем, радостно всплескивая руками, стала смеяться.

— Так скоро, о Холли, так скоро! — воскликнула она. — Я думала, мне понадобится несколько минут. Уже столько времени ни один мужчина не преклонял передо мной колени; поверь мне, это зрелище сладостно

женскому сердцу: ни мудрость, ни долголетие не могут заменить этой радости, единственной, в сущности, привилегии нашего пола... Но чего ты хочешь? Чего ты хочешь? — продолжала она. — Ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Я уже говорила, что я не для тебя. Я люблю лишь одного человека, и это не ты. О Холли, при всей своей мудрости, а ты по-своему мудр, — ты глупец, потакающий своему безрассудству. А хотел бы ты поглядеть мне в глаза, хотел бы ты поцеловать меня? Ну что ж, *гляди!* — Она придвинулась и посмотрела на меня в упор своими темными пронизывающими глазами. — И поцелуй меня, если хочешь, ибо по самой своей природе поцелуи не оставляют следов, разве что на сердце. Но предупреждаю, если ты поцелуешь меня, любовь изъест все твое нутро, и ты умрешь. — Она придвинулась еще ближе, так, что ее пышные волосы коснулись моего лба, а ее благоуханное дыхание овевало все мое лицо, обессиливая и одурманивая меня. Но едва я протянул руки, чтобы обнять ее, как она вдруг выпрямилась, весь ее облик мгновенно преобразился. Она сделала пасс над моей головой, от ее пальцев исходил какой-то отрезвляющий ток, который возвратил мне обычное благоразумие, понимание приличий и добронравие.

— Эта непристойная игра затянулась, — сказала она с суровыми нотками в голосе. — Послушай, Холли, ты человек честный, благородный, и я склонна пощадить тебя, но женщине очень трудно проявлять милосердие. Помни, я не для тебя; пусть же твои мысли обо мне развеются, как палые листья под случайным порывом ветра, пусть прах, взметенный твоим воображением, осядет в глубины... отчаяния. Ты не знаешь меня, Холли. Если бы ты видел меня десять часов назад, в приступе неистовой страсти, ты содрогнулся бы от ужаса. Мое настроение переменчиво; как вода в этом фонтанчике, я могу отражать очень многое, но ведь все проходит, проходит и забывается. Но вода остается водой, не меняется и моя суть; свойства моего характера, как и свойства воды, все те же, что и прежде: даже при желании их нельзя изменить. Поскольку ты все равно не можешь постичь мою суть, не обращай внимания на видимость. А если ты будешь докучать мне, я наброшу покрывало, и ты больше не увидишь моего лица.

Я привстал и снова опустился на мягкий диван, близ ее, все еще дрожа от пережитых волнений, хотя порыв безумной страсти уже миновал, — так продолжают трепетать листья дерева, хотя ветер, который их раскачал, уже унесся прочь. Само собой, я не посмел признаться ей, что *видел* ее в мрачном, дьявольском настроении, когда она изрыгала проклятья над огнем в усыпальнице.

— А теперь, — сказала она, — поешь фруктов: это лучшая еда для

мужчины. И расскажи мне об учении этого иудейского Мессии, который явился в мир позднее, чем я, и который, по твоему утверждению, правит ныне и Римом, и Грецией, и Египтом, и варварскими народами. Странное было, вероятно, Его учение, ибо в те давние времена люди не хотели признавать наших учений. Их привлекали лишь пиры, вино, любовные утехы и кровавые сражения — таковы были догматы их веры.

К этому времени я уже пришел в себя и, горько стыдясь проявленной мною, хоть и вынужденно, слабости, постарался как можно лучше изложить ей доктрины христианства, но ничто, за исключением нашего понятия о рае и аде, ее почти не интересовало; она расспрашивала только о самом Вероучителе. Не преминул я и сообщить ей о том, что среди ее собственного народа, арабов, появился другой пророк — Мухаммед: новой вере, которую он проповедовал, следуют теперь миллионы людей.

— Еще два верования, — сказала она. — Я знала их так много; и за то время, что я обитаю в пещерах Кора, их наверняка стало еще больше. Человечество стремится познать, что скрывается за небесами. Религии порождаются страхом перед смертью и обычным, только более скрытым себялюбием. И заметь, мой Холли, каждая из них обещает загробное блаженство своим верным последователям. Тем же нечестивцам, которым их свет представляется таким же тусклым, как свет звезд — рыбам, они угрожают адскими мучениями. Религии приходят и уходят, цивилизации приходят и уходят: ничто не вечно, кроме самого мира и человеческой природы. О, если бы человек осознал, что надеяться ему надо лишь на себя, а не на чье-либо благоволение: только он сам и может добиться спасения. Он здесь, на этой земле, в нем есть дыхание жизни, есть понимание добра и зла в их истинном смысле. Пусть же он свершает свой труд, выпрямившись во весь рост, не подобает ему простираться ниц перед образом неведомого божества, повторяющего его собственное жалкое «я», но с более сильным умом, способным замышлять зло, и с более сильными руками, способными осуществлять эти замыслы.

Я подумал, что подобная аргументация очень часто употребляется в теологических диспутах — несомненное доказательство ее древнего происхождения; слышал я ее и в наши времена, в девятнадцатом столетии, и в других местах, а не здесь, в пещерах Кора; с этой аргументацией я решительно не согласен, но не стал высказывать свои соображения по этому поводу. Прежде всего я был слишком утомлен перенесенными волнениями, и, кроме того, я знал, что потерплю неминуемое поражение в споре. Не так-то просто противостоять самому обычному материалисту, который забрасывает тебя статистическими данными и доказательствами из

области геологии, тогда как ты вынужден опираться лишь на дедуктивные выводы и интуитивные предположения, эти снежные хлопья веры, которые, увы, могут растаять на горячих углях наших жизненных бед. Какие же у меня шансы победить в споре женщину со сверхъестественно острым умом, с двухтысячелетним опытом жизни да еще и со знанием глубоких тайн Природы?! Вряд ли я смогу обратить ее в свою веру, более вероятно противоположное. Благоразумнее всего было промолчать, что я и сделал. Впоследствии я много раз горько жалел об этом, ибо то была единственная на моей памяти возможность узнать, во что именно верила сама Айша и в чем состояла ее «философия».

— Стало быть, мой Холли, — продолжала она, — появился свой пророк и у моих соплеменников-арабов; и ты считаешь его лжепророком, потому что он проповедует не ту религию, в которую ты веришь. Не сомневаюсь, что так оно и есть. Но в мои времена у нас, арабов, было много богов. И Аллат, владычица небес, и Аль-Узза, и Манат, каменный идол, на чей алтарь лилась кровь жертв, и Вадд, божество Сабы, и Йагус, лев, бог обитателей Йемена, и Йаук, конь племени мурад, и Наср, орел хамьяров, и множество других. Стыдно даже и подумать, что находились безумцы, которые верили во все это. Когда я обрела мудрость и стала их просвещать, они хотели принести меня в жертву своим разгневанным богам. Что ж, так было испокон веков... но почему ты молчишь, мой Холли, уж не наскучило ли тебе мое общество? Или ты опасаясь, что я обращаю тебя в свою веру? Ибо знай, что у меня есть своя вера, своя философия. Какой мудрый человек не имеет своей философии? Берегись же, если разозлишь меня, я заставлю тебя изучать мою философию; ты станешь моим учеником, и мы с тобой создадим вероучение, которое вытеснит все остальные. Ноты, Холли, человек неверный. Всего полчаса назад ты стоял передо мной на коленях — должна тебе сказать, Холли, что ты не очень хорошо выглядишь в этой позе, — и клялся в вечной любви — и вот... Что же нам с тобой делать? Вспомнила! Я ведь должна осмотреть этого юношу, Льва, как называет его старый Биллали. Болезнь, очевидно, уже прошла весь свой круг, и если твоему молодому другу грозит смерть, я исцелю его. Не бойся, мой Холли, я не собираюсь прибегать к волшебству. Я же говорила тебе, что никакого волшебства нет, есть только знание сил Природы и умение ими пользоваться. Ступай же! Сейчас я приготовлю снадобье и последую за тобой.

Я нашел Джоба и Устане в полном отчаянии, они сказали мне, что Лео в агонии и что меня давно уже ищут повсюду. С первого же взгляда мне стало ясно, что Лео умирает. Он был в беспамятстве, тяжело дышал, губы

его трепетали, и по всему телу то и дело пробегали легкие волны дрожи. Я достаточно смыслю в медицине, чтобы понять, что через час, а может быть и через пять минут, ему уже никто не поможет. Я горько проклинал свой эгоизм, свое безрассудство: мой дорогой мальчик при смерти, а я просидел столько времени с Айшей! Увы и увы! С какой легкостью даже лучшие из нас вступают на путь зла, поддаваясь очарованию женских глаз. Ну, не подлец ли я! Целых полчаса я даже не вспоминал о Лео, лучшем своем друге, который уже двадцать лет составляет весь смысл моего существования. А теперь его вряд ли удастся спасти: слишком поздно!

Ломая руки, я оглянулся. Устане сидела рядом с каменным ложем, в ее глазах темнело отчаяние. Джоб, скрючившись в углу, громко голосил — к сожалению, я не могу подобрать более мягкого слова для выражения его чувств. Поймав на себе мой взгляд, он вышел в коридор, чтобы там беспрепятственно излить свою горе. Оставалась одна-единственная надежда — на Айшу. Она и только она, если, конечно, она не лгунья, а я был уверен, что нет, может его спасти. Я встал, собираясь пойти за ней, но тут в пещеру влетел Джоб, лицо его было перекошено ужасом.

— Боже, помилуй нас, грешных! — взволнованно лепетал он. — Сюда идет труп!

Я посмотрел на него в недоумении, но тут же догадался, что он увидел Айшу: должно быть, ее белые, похожие на саван покрывала и необыкновенная плавность ее походки — она, казалось, не шла, а плыла над полом — и внушили ему мысль, что это не человек, а призрак. В следующий же миг в камерке, или пещере, появилась Айша. Увидев ее, Джоб громко возопил: «Вот он, труп!» — метнулся в угол и плотно прижался лицом к стене; Устане же, конечно, сразу узнала, кто эта страшная гостья, и простерлась ничком на полу.

— Ты пришла вовремя, о Айша, — сказал я, — мой мальчик в агонии.

— Ничего, — мягко успокоила она, — если он не мертв, я могу его спасти, мой Холли. Этот человек — твой слуга? Так приветствуют слуги иноземных гостей в твоей стране?

— Его испугало твое одеяние, — объяснил я, — оно напоминает саван. Она рассмеялась.

— А эта девушка? А, понимаю. Та самая, о которой ты мне рассказывал. Вели им обоим оставить нас, чтобы я могла заняться твоим больным Львом. Я не люблю, чтобы люди ничтожные были свидетелями моей мудрости.

Я сказал Устане и Джобу, каждому на понятном ему языке, чтобы они вышли; Джоб охотно повиновался, но Устане заупрямилась.

— Чего Она хочет? — шепотом спросила девушка; желание остаться с Лео было так в ней сильно, что она даже превозмогла страх перед грозной царицей. — Право жены — быть с умирающим мужем. Я не уйду, мой повелитель Бабуин.

— Почему эта женщина не уходит, мой Холли? — спросила Айша, которая стояла у дальней стены, рассеянно глядя на рельефы.

— Она не хочет покидать Лео, — ответил я, не зная, что еще сказать.

Айша повернулась и, указав на Устане пальцем, произнесла единственное слово, которого оказалось вполне достаточно, ибо ее тон не допускал ни малейших возражений:

— Уходи!

Устане поднялась на четвереньки и поползла к дверному проему.

— Видишь, мой Холли, — с легким смешком обронила Айша. — Им всем надо было дать урок повиновения. Эта девушка не видела сегодня утром, как я караю непокорных, поэтому она едва не ослушалась. Теперь, когда она ушла, я могу осмотреть больного. — И она подплыла к Лео, который лежал лицом к стене.

— Как хорошо он сложен, — сказала она и нагнулась, чтобы взглянуть на Лео. В то же мгновение эта высокая, гибкая, словно ива, женщина откатнулась, как будто ее ударили ножом в грудь, и стала пятиться, пока не уперлась спиной в противоположную стену; из ее уст вырвался нечеловеческий вопль.

— Что случилось, Айша? — вскричал я. — Он умер?

— Презренный пес! — прошипела она, как змея. — Почему ты скрывал это от меня? — Она протянула вперед руку с таким видом, будто собиралась убить меня.

— Что? — прокричал я в непреодолимом страхе. — Что?

— Ах, ты, верно, не знал, — сказала она. — Знай же, мой Холли, знай: это мой потерянный Калликрат. Я была уверена, совершенно уверена, что он вернется ко мне, и вот он вернулся. — Она рыдала и смеялась, словом, вела себя как любая другая взволнованная женщина и все шептала: — Калликрат! Калликрат!

«Чепуха», — подумал я, но поостерегся произнести это слово вслух. Меня захлестывала сильная тревога: как бы Лео не умер, пока она предается излианию своих чувств.

— Помоги же ему, Айша, — поспешил я напомнить. — Твой Калликрат может уйти туда, откуда даже ты не сможешь его возвратить. Он очень плох.

— Ты прав. — Она вздрогнула. — О, почему я не пришла раньше! Я в

таком смятении, что даже рука, моя рука, мне не повинуется, а ведь это так легко. Возьми фиал, Холли. — Она достала из складок своего одеяния небольшой глиняный флакон. — Влей это снадобье ему в горло. Оно должно исцелить его, если не поздно. Быстрее! Быстрее! Он умирает!

Я посмотрел на Лео и увидел, что она права. Лицо у него стало пепельно-серым, в горле булькало. Флакон был заткнут небольшой деревянной пробкой. Когда я вытаскивал ее зубами, капля снадобья попала мне на язык. Сладковатое на вкус снадобье оказалось таким сильным, что голова у меня закружилась, перед глазами поплыл туман, но, к счастью, его действие прекратилось так же внезапно, как и началось.

Когда я подошел к Лео, его золотоволосая голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, рот приоткрылся. Я попросил Айшу поддержать его голову; она вся дрожала, но все же нашла в себе силы помочь. Я разжал его челюсти пошире и влил снадобье в рот. Поднялся легкий парок — такой же, как при помешивании азотной кислоты; это зрелище отнюдь не укрепило мои слабые надежды на исцеление Лео.

Несомненно было одно: агония прекратилась. Я подумал, что он переправился уже через ту ужасную реку, которая лежит между жизнью и смертью. Его лицо залила синеватая бледность, и без того слабый пульс перестал прослушиваться, только веко еще слегка подрагивало. Не зная, жив он или мертв, я посмотрел на Айшу. В сильном волнении она даже не заметила, что с нее соскользнуло покрывало. Лицо у нее было такое же бледное, как и у Лео, чью голову она продолжала держать. Я еще не видел ее в такой безумной тревоге. Ясно было, что она не знает, каков будет исход. Прошло пять бесконечных минут, и я увидел, что она теряет последнюю надежду: ее прекрасное овальное лицо резко осунулось, как будто даже сильно похудело, беспредельное страдание прочертило своим карандашом черные линии под глазами. Еще недавно ярко-кораллового цвета губы стали бледно-синими и дрожали. На нее было страшно смотреть; как ни тяжело было мне самому, я почувствовал к ней глубокое сострадание.

— Слишком поздно? — выдохнул я.

Она молчала, обхватив лицо руками, и я отвернулся. И вдруг услышал явственный вздох: опустив глаза, я увидел на щеках Лео розоватую полоску, за ней другую, третью, а затем — о чудо из чудес! — человек, которого мы считали уже мертвым, перевернулся на другой бок.

— Ты видишь? — шепнул я.

— Вижу, — хрипло ответила она. — Он спасен. Я так боялась, что мы опоздали, еще одно мгновение — и все было бы кончено! — Из ее глаз

бурным потоком хлынули слезы, она рыдала так горестно, что, казалось, ее сердце не выдержит, разорвется; и, странно сказать, никогда еще она не выглядела такой красивой. Наконец она уняла слезы.

— Прости мне эту слабость, мой Холли, прости, — сказала она. — Ты видишь, что в глубине души я просто женщина. Ты только подумай. Сегодня утром ты рассказывал мне об этой твоей религии, об Аде или Преисподней — так ты называешь место, где пребывает жизненная субстанция, сохраняющая индивидуальную память, где все ошибки и заблуждения, неудовлетворенные страсти и ложные опасения преследуют и жестоко язвят дух, вселяя в него сознание собственного бессилия. А ведь в таких вот нестерпимых мучениях я прожила целых две тысячи лет, шестьдесят шесть поколений, ибо именно так следует считать время; это и было то, что ты называешь Адом. Я мучительно раскаивалась в совершенном мной преступлении, день и ночь в моем сердце бушевало неутоленное желание. У меня не было ни друзей, ни близких, и неоткуда было ждать слова утешения; сама смерть обходила меня стороной. В безотрадном мраке меня ободряли лишь блуждающие огни надежды, они то разгорались, то гасли, но я верила, что мой спаситель грядет — так, во всяком случае, подсказывало мне тайное знание.

Подумай же об этом, Холли! Ты никогда не увидишь и не услышишь ничего подобного, даже если я продлю твою жизнь на десять тысяч лет, а я могу это сделать, если ты, конечно, захочешь, — в знак моей благодарности. Подумай только: и вот наконец пришел мой спаситель — тот, кого я ждала столько поколений. Я знала, что он должен прийти, мое тайное знание не могло ошибиться, но не знала, когда именно и при каких обстоятельствах. И вот он здесь, рядом, а я даже не подозревала об этом, пребывая в полном неведении. Так ничтожно оказалось мое знание, так незначительно могущество. Долгие часы пролежал он в мучительной агонии, а я, которая ждала его две тысячи лет, даже не почувствовала этого. И когда наконец я увидела его, оказалось, что его жизнь висит на волоске, порвись этот волосок, и все мое могущество не смогло бы его воскресить. И тогда я снова очутилась бы в аду, снова потянулись бы нестерпимо долгие столетия ожидания, когда же Время в полноте своей возвратит мне возлюбленного. Пять минут неизвестности, когда я не знала, выживет ли он или умрет, показались мне дольше, чем все шестьдесят шесть миновавших поколений. Но они, эти пять минут, прошли, он все еще не показывал никаких признаков жизни, а я ведь хорошо знала: если за это время лекарство не подействовало, оно не подействует вообще. Я уверилась, что он мертв; все пережитые мной за эти тысячелетия муки, казалось,

превратились в одно отравленное копье, которое вновь и вновь пронзало меня насквозь. Что могло быть хуже, чем потерять только что обретенного Калликрата?! Я утратила уже всякую надежду, когда вдруг услышала вздох и поняла, что он жив и будет жить, ибо ни один больной не умрет, если уж лекарство начало действовать. Подумай об этом, мой Холли, — подумай, какое это чудо! А теперь он проспит двенадцать часов и проснется уже исцеленный.

Она смолкла и положила руку на золотистые кудри Лео, затем нагнулась и поцеловала его в лоб с самозабвенной нежностью, которая глубоко тронула бы меня, не бушуй в моем сердце буря ревности!

Глава XVIII. Уходи, женщина!

Молчание длилось недолго, всего минуту. По ангельскому выражению лица Айши — иногда она выглядела сущим ангелом — можно было предположить, что все ее существо переполнено ликованием. Но тут вдруг она задумалась, и ангельское выражение ее лица сменилось на другое, прямо противоположное.

— Да, совсем было запомняла, — сказала она, — эта женщина... Устане... Кто она для Калликрата — служанка или?... — Ее голос задрожал и прервался.

Я пожал плечами.

— По-видимому, по обычаю амахаггеров, она его жена. Но точно я не знаю.

Она потемнела, как туча. Я понял, что, несмотря на свои годы, она отнюдь не защищена от ревности.

— Если так, — сказала Айша, — ее следует немедленно казнить.

— За какое преступление? — в ужасе спросил я. — Если за ней и есть вина, то та же, что и за тобой, о Айша! Она любит человека, который принимает ее любовь: в чем же состоит ее грех?

— Ты поистине глупец, о Холли, — ответила она с досадой. — Ты спрашиваешь, в чем ее вина? Да в том, что она стоит между мной и моим желанием. Я знаю, что могу отобрать его у нее; есть ли на земле такой мужчина, о Холли, который мог бы противостоять моим чарам? Мужчины хранят верность лишь до тех пор, пока искушения обходят их стороной. Но бывают такие сильные искушения, которым они не могут противиться. Для каждой веревки есть свой предел натяжения, есть подобный предел и для мужчин, они не выдерживают слишком сильного искушения. Страсть для мужчин — то же самое, что золото и власть для женщин, поистине непосильное бремя. Поверь мне, даже в этом вашем раю женщины будут несчастны, если небесные девы окажутся прекраснее их, и никто из мужчин даже не посмотрит в их сторону, рай станет для них адом. Женщины покупают мужчин своей красотой, лишь бы у них было достаточно очарования, а женскую красоту всегда можно купить за золото, лишь бы его хватило. Так было в мои дни, и так будет до скончания времен. Этот мир, мой Холли, — огромный базар, где любой товар достается тому, кто предлагает за него самую высокую цену, только вместо денег там в ходу желания.

Эти циничные рассуждения, хотя и вполне уместные в устах такой старой и опытной женщины, как Айша, неприятно меня поразили, и я с досадой ответил, что в нашем раю не существует ни женитьбы, ни замужества.

— Ты хочешь сказать, что иначе рай не был бы раем? — язвительно заметила она. — Как тебе, Холли, не стыдно думать так плохо о нас, бедных женщинах! Стало быть, именно отсутствие брака отличает рай от ада? Но хватит об этом. Сейчас не время для споров и состязаний в остроумии. Почему ты такой заядлый спорщик? Уж не из нынешних ли ты философов?... Что до этой женщины, то она должна умереть. Конечно, я могу отобрать у нее возлюбленного, но, покуда она жива, он, возможно, будет думать о ней с нежностью, а этого я не могу стерпеть. Я должна безраздельно царствовать в мыслях моего господина, другим там не место. Пусть эта женщина довольствуется тем, что у нее было: не лучше ли один час любви, чем столетие одиночества, — ее поглотит ночь.

— Нет-нет, — вскричал я, — это было бы злодеянием, а злодеяние может породить только зло. Ради своего же собственного блага откажись от этого намерения.

— По-твоему, о глупый человек, устранение препятствий, мешающих нам достичь своих целей, является злодеянием? Тогда вся наша жизнь — сплошное злодеяние, мой Холли, ибо изо дня в день ради ее продления мы губим других: в этом мире выживают только сильнейшие. Слабые обречены на гибель, земля со всеми своими плодами принадлежит сильным. На каждое выросшее дерево приходятся десятки засохших, такова цена выживания сильных. На пути к могуществу и власти мы переступаем через тела павших неудачников; свою еду мы вырываем изо рта у голодающих младенцев. Так уж устроен мир. Ты утверждаешь, что злодеяние порождает только зло, но тут ты заблуждаешься, ибо у тебя недостает опыта, злодеяние может приносить много добра, а благодеяние — много зла. Жестокая ярость тирана оказывается благословением для тысяч следующих за ним людей, а кротость святого приводит к порабощению целого народа. В своих поступках человек руководствуется добрыми или дурными побуждениями, но он не ведает, какие плоды могут принести его моральные принципы; свои удары он наносит слепо, куда ни попадя, и, оплетенный паутиной обстоятельств, не может действовать разумно, с надлежащей предусмотрительностью. Добродетель и порок, любовь и ненависть, ночь и день, сладость и горечь, мужчина и женщина, небо над нашей головой и земля у нас под ногами — все это существует лишь попарно, и кто может сказать, каково предназначение каждой из

составных частей этих пар? Уверяю тебя, что это рука самой судьбы объединяет их, чтобы они могли нести бремя своего предназначения; все это нанизано на одну веревку, где нет ничего лишнего, только необходимое. Поэтому нам не следует говорить, будто это вот зло, а это добро, будто тьма вызывает неприязнь, а свет привлекает своей красотой, ибо в глазах других то, что нам представляется злом, может воплощать добро, тьма кажется прекраснее, чем сиянье дня, — или таким же прекрасным. Слышишь, мой Холли?

Спорить с подобной казуистикой было бесполезно. Ее аргументы, если довести их до логического завершения, полностью отменяли мораль в нашем понимании. Но наш разговор дал мне новую пищу для страха: перед чем остановится существо, не связанное никакими людскими законами, не скованное моральными убеждениями, пониманием справедливости и несправедливости? А ведь совесть подсказывает, что и наши моральные убеждения, и наше понимание справедливости и несправедливости, хотя в них много пристрастного и условного, все же основываются на прочном фундаменте личной ответственности, отличающей людей от животных.

Но я очень боялся за любимую и уважаемую мною Устане, которой ее могущественная соперница угрожала жестокой расправой. И я опять воззвал к Айше:

— Мне трудно с тобой спорить, но ты же сама говорила, что каждый человек должен жить по своим собственным законам и следовать велениям своего сердца. Неужели в твоём сердце нет ни малейшей жалости к той, кого ты намерена убрать со своего пути? Только что ты радовалась возвращению твоего, как ты полагаешь, суженого, радовалась, что вырвала его из челюстей смерти. И ты хочешь озаглавить это счастливое событие убийством той, кто его любит и кого, может быть, любит он сам, той, что спасла ему жизнь, когда твои рабы уже готовились заколоть его копьями, и спасла ему жизнь, как теперь ясно, для тебя? И еще ты говорила, что некогда жестоко расправилась с этим человеком, убила его собственной рукой из ревности к египтянке Аменартас, его возлюбленной.

— Откуда ты это знаешь, о иноземец? Откуда ты знаешь это имя? Я никогда не упоминала его при тебе. — Она всхлипнула и схватила меня за руку.

— Вероятно, я слышал это имя во сне, — ответил я. — Здесь, в пещерах Кора, витают такие странные сны. Н? том, что я видел, оказывается, лежала тень правды... И что же принесло тебе это безумное преступление? Две тысячи лет ожидания? Ты хочешь, чтобы все это повторилось заново? Говори что хочешь, но я твердо уверен, что из

подобного преступления может воспоследовать только зло, ибо для всех смертных, по крайней мере, добро порождает добро, а зло порождает зло, даже если когда-нибудь и принесет добрые плоды. Да, преступления свершаются, но горе тем, чьими руками они свершаются. Так учит Мессия, о котором я тебе рассказывал, и это истинно. Если ты убьешь эту ни в чем не повинную женщину, предупреждаю тебя, ты будешь проклята и не сможешь сорвать плодов с древнего дерева твоей любви. Подумай сама — как сможет этот человек принять тебя с руками, обгавленными кровью той, которая его любила и преданно за ним ухаживала?!

— Я уже ответила тебе, — сказала она. — Если бы я убила не только ее, но и тебя, Холли, он все равно любил бы меня, это неизбежно. Точно так же и ты, Холли, не мог бы избежать смерти, если бы я решила убить тебя. И все же в твоих словах, возможно, есть доля правды: что-то останавливает мою руку. Хорошо, я пощажу эту женщину, ведь я же тебе говорила, что от природы я не жестока. Я не люблю видеть страдания или причинять их. Позови ее — и быстро, пока у меня не переменилось настроение. — И она поспешила накинуть покрывало на голову.

Я был очень рад, что мне удалось добиться хотя бы этого, я вышел в коридор и позвал Устане — ее белое одеяние смутно маячило в полумраке. Подойдя ближе, я увидел, что она сидит на полу, прислонясь спиной к одному из больших глиняных светильников, расставленных вдоль коридора. Она встала и подбежала ко мне.

— Мой господин умер? Только не говори, что он умер! — закричала она, подняв исполненное благородства лицо, сплошь залитое слезами, и глядя на меня с бесконечной мольбой, которая глубоко тронула мое сердце.

— Нет, он жив, — ответил я. — Она спасла его. Войди.

Она тяжело вздохнула, вошла в пещеру и опустилась на четвереньки, как повелевает обычай амахаггеров, перед своей грозной владычицей.

— Встань, — приказала Айша ледяным тоном, — и подойди ко мне.

Устане поднялась и покорно подошла к ней с опущенной головой.

Айша заговорила не сразу.

— Кто этот человек? — спросила она, указывая на спящего Лео.

— Мой муж, — тихо ответила Устане.

— Кто выдал тебя за него?

— Я сама его выбрала, по обычаям нашей страны, о Хийя!

— Ты поступила, женщина, дурно, избрав иноземца. Он принадлежит к другому народу, и обычаи этой страны на него не распространяются. Послушай: ты, вероятно, согрешила по неведению, поэтому я склонна пощадить тебя. И еще послушай. Возвращайся в свое «семейство» и

никогда больше не смей говорить с этим человеком, не смей даже смотреть на него. Он не для тебя. А теперь послушай в третий раз. Если ты нарушишь мое повеление, ты сразу же умрешь. Уходи.

Устане не пошевелинулась.

— Уходи, женщина!

Лицо Устане было все искажено болью.

— Нет, Хийя, я не уйду, — ответила она сдавленным голосом. — Этот человек — мой муж, и я люблю его — люблю и не покину. По какому праву ты приказываешь мне оставить моего мужа?

По телу Айши пробежала легкая дрожь, и я тоже вздрогнул, опасаясь самого худшего.

— Будь милосердна, — сказал я по-латыни. — В ней говорит сама природа.

— Я милосердна, — холодно ответила она на этом же языке. — Не будь я милосердна, она была бы сейчас мертва. — И, обращаясь к Устане, добавила: — Я говорю тебе: уходи, женщина, уходи, пока я не убила тебя на месте.

— Я не уйду! Он мой — мой! — горестно закричала Устане. — Я выбрала его в мужья, и я спасла ему жизнь! Убей же меня, если это в твоей власти! Но я не отдам тебе мужа — никогда, никогда!

Айша сделала едва уловимое, стремительное движение и коснулась волос бедной девушки. Я посмотрел на Устане и в ужасе попятился: на ее бронзовых косах остались три белоснежных отпечатка пальцев.

— О силы небесные! — воскликнул я при виде этого устрашающего проявления сверхъестественного могущества, но сама Она лишь слегка рассмеялась.

— И ты думаешь, жалкая дурочка, — сказала она растерянной Устане, — что убить тебя не в моей власти. погоди, вот зеркальце. — И она показала на круглое зеркальце, которым Лео пользовался при бритье; это зеркало Джоб вместе с другими его вещами положил на дорожную сумку. — Дай его этой женщине, мой Холли; пусть она посмотрит на свои волосы и убедится, в моей ли власти убивать.

Я поднес зеркальце к глазам Устане. Она посмотрела в него, ощупала рукой волосы, еще раз посмотрелась и, всхлипнув, повалилась на пол.

— Ну что, уйдешь ты или ударить тебя еще раз? — насмешливо спросила Айша. — Я отметила тебя своей печатью и отныне буду узнавать тебя по этой печати, пока твои волосы сплошь не поседеют. И помни: если я еще раз увижу твое лицо, ты умрешь и скоро обратишься в груды костей — таких же белых, как и моя отметина.

Сломленное, охваченное ужасом, бедное существо поднялось и с горькими рыданиями выползло из пещеры.

— Чего ты так испугался, мой Холли? — сказала Айша после ее ухода. — Я же объясняла тебе, что не занимаюсь волшебством — никакого волшебства нет. Я только пользуюсь непонятной тебе силой. Я поставила белую печать на ее волосы, чтобы вселить в нее должный страх, иначе мне пришлось бы ее убить... А сейчас я велю слугам перенести Калликрата поближе к моим покоям, чтобы я могла за ним присматривать и приветствовать его, как только он проснется: туда же перейдешь ты, Холли, и ваш белый слуга. Но предостерегаю тебя: ничего не говори Калликрату об этой женщине и как можно меньше обо мне. Помни это предостережение. — Она отправилась, чтобы дать нужные распоряжения, оставив меня в небывалом смятении. Так сильно было это смятение и так сильны раздиравшие меня противоречивые чувства, что мне казалось, будто я схожу с ума. По счастью, у меня было мало времени для размышлений, ибо вскоре явились слуги, чтобы перенести спящего Лео и все наши вещи по ту сторону центральной пещеры; эта суматоха отвлекла меня. Наши новые комнаты находились прямо за тем небольшим залом, который мы называли «будуаром» Айши — там, среди множества гобеленов, я увидел ее впервые. Где находится ее спальня — я тогда еще не знал, знал только, что она поблизости.

Ночь я провел в комнате Лео, он спал как убитый, ни разу даже не пошевелился. Я нуждался в отдыхе и спал достаточно крепко, но мне все время снились ужасы и чудеса, свидетелем которых я был. С особой неотвязностью меня преследовала та жуткая сцена, когда Айша запечатлела отпечатки пальцев на волосах соперницы, то была какая-то дьявольщина. Помню, как меня ужаснуло ее стремительное змеиное движение и то, как мгновенно поседели волосы Устане: ничто другое, окажись даже последствия куда более тяжелыми для девушки, не могло бы поразить меня так сильно. И по сей день мне часто снится эта картина, я вижу, как несчастная женщина, отмеченная «Каиновой печатью», смотрит в последний раз на возлюбленного и уползает прочь от своей грозной царицы.

Виделась мне во сне и огромная пирамида костей. И будто бы все скелеты восстали и тысячами, десятками тысяч выстраиваются в большие и малые отряды и шествуют мимо меня; сквозь их пустые грудные клетки свободно проходят солнечные лучи. Они быстро шагают по равнине к столице имперского Кора, опускаются подъемные мосты, и с громким клацаньем костей передовые отряды вступают в открытые медные ворота.

Вперед и вперед — по великолепным улицам, мимо фонтанов, дворцов и храмов, подобных которым еще не видел глаз человеческий. Но никто не приветствует их на площади около рынка, ни одно женское личико не выглядывает в окошко, — и только бестелесный голос, возглавляющий эту безмолвную процессию, громко кричит: «*Великий Кор пал! Пал! Пал!*» Вперед и вперед — через весь город; бесконечными цепями тянутся сверкающие фаланги, продолжающие свой мрачный марш, и в воздухе разносятся отголоски кланья их костей. Вот они уже прошли через город, всходят на широкую крепостную стену и шагают вдоль этой стены, опоясывающей город, пока не добираются до подъемного моста. На закате они начинают обратный путь, через равнину; в пустых глазницах вспыхивают последние отблески солнца, их кости отбрасывают длинные, все растущие тени, и кажется, будто это ползет гигантский паук. Наконец они входят в пещеру и один за другим бросаются в отверстие в ее полу, проваливаясь в огромный колодец; в эту самую минуту я, весь дрожа, пробудился и увидел Ее; она, видимо, стояла между мной и Лео и при моем пробуждении как тень выскользнула из комнаты.

После этого я снова заснул, на этот раз крепким сном, и проспал до самого утра; проснулся я хорошо отдохнувший и сразу же встал. Наконец наступил час, когда, если верить Айше, Лео должен был проснуться; и тотчас же появилась сама Айша, как всегда в своих покрывалах.

— Вот увидишь, о Холли, — сказала она, — он проснется уже в полной памяти, исцеленный от лихорадки.

Только она это выговорила — как Лео повернулся на бок, вытянул руки, позевывая, открыл глаза и, увидев наклоняющуюся над ним женщину, обхватил ее руками и поцеловал, уверенный, что это Устане.

— Здравствуй, Устане, — сказал он по-арабски. — Зачем ты закутала голову покрывалом? У тебя что — зубы болят? — И, не дожидаясь ответа, добавил по-английски: — До чего есть хочется, просто зверски... Эй, Джоб, скажи-ка мне, старый обормот, где мы сейчас?

— Я сам хотел бы это знать, мистер Лео, — ответил Джоб, опасливо обходя Айшу: он все еще подозревал, что она — оживший труп, и смотрел на нее с подозрением и ужасом. — Но вам нельзя много говорить, мистер Лео, вы так сильно хворали, у нас просто сердце обрывалось, на вас глядя... Если эта леди, — он посмотрел на Айшу, — изволит пропустить меня, я принесу вам супчику.

Лишь тогда Лео наконец пригляделся к «леди», которая стояла в полном безмолвии.

— Привет, — небрежно обронил он. — Это не Устане? Где же Устане?

Наконец Айша заговорила, и начала она с заведомой лжи.

— Устане отправилась погостить в свое «семейство», — сказала она, — я сама буду ходить за тобой как служанка.

Услышав незнакомый серебряный голос, полупроснувшийся Лео с недоумением уставился на Айшу в ее подобном савану одеянии. Однако он ничего не сказал, жадно съел принесенный ему суп, повернулся на другой бок и проспал до вечера. А когда пробудился снова, стал расспрашивать меня обо всем происшедшем, но я постарался отложить этот разговор до тех пор, пока он не выспится как следует. Наутро я был поражен его превосходным самочувствием. Тогда-то я и рассказал ему кое-что о его болезни и о себе; в присутствии Айши мне пришлось ограничиться лишь немногими словами: я сказал, что она повелительница этой страны, очень к нам благорасположена и всегда ходит закутанная в покрывала, так ей, видимо, больше нравится; говорил я, само собой, по-английски, но побаивался, что она может прочитать наши мысли по лицу, я не забыл о ее предостережении.

На третий день Лео поднялся почти совершенно здоровый. Рана в боку затянулась, он оправился от слабости, которая еще оставалась после тяжелой лихорадки, с быстротой, объяснимой лишь действием удивительного снадобья Айши и непродолжительностью болезни, хотя, конечно, нельзя сбрасывать со счетов его крепкое сложение. Вместе с выздоровлением вернулась и память обо всех наших приключениях — вплоть до того времени, когда он потерял сознание; вспомнил он, естественно, и об Устане, к которой, как я убедился, он успел сильно привязаться. Он просто засыпал меня вопросами о бедной девушке, но я не смел ничего ответить, ибо после первого же пробуждения Лео Она призвала меня к себе и еще раз строго-настрого предупредила, чтобы я не смел говорить ему об Устане, тонко намекнув, что это может мне дорого обойтись. И еще раз напомнила мне, чтобы как можно меньше рассказывал Лео о ней, добавив, что сама откроет ему все в свое время.

Ее поведение резко изменилось. После всего, мною виденного, я ожидал, что при первом же удобном случае она предъявит свои права на человека, которого, если ей верить, любит с далекой древности; однако по каким-то своим соображениям — каким именно, так и осталось для меня тайной — она не стала этого делать. Спокойно прислуживала Лео, проявляя смирение, которое разительно отличалось от ее обычной надменности, обращалась к нему с видимым уважением и не отходила от него ни на шаг. Его любопытство, как и мое в свое время, естественно, было возбуждено этой таинственной женщиной, особенно хотелось ему видеть ее лицо; не

вдаваясь в подробности, я заверил его, что оно не менее прекрасно, чем ее фигура и голос. Одного этого достаточно, чтобы заинтриговать воображение любого молодого человека, и если бы последствия перенесенной болезни не продолжали сказываться на его самочувствии и если бы он не беспокоился так сильно за Устане, о чьей любви и бесстрашной преданности говорил в самых трогательных выражениях, не сомневаюсь, что он пошел бы навстречу ее желаниям и полюбил бы уже тогда. Но при сложившихся обстоятельствах он не чувствовал ничего, кроме непреодолимого любопытства и такого же, как и я, страха; хотя Айша даже не намекала ему о своем необыкновенном возрасте, он, вполне понятно, отождествлял ее с той женщиной, о которой говорилось в надписи на черепке. В конце концов его настойчивые расспросы загнали меня в угол: на третье утро, когда он одевался, я вынужден был отослать его к самой Айше, с чистой совестью сказав ему, что не знаю, где находится Устане. После того как Лео плотно позавтракал, мы отправились в покои Айши, куда, по ее велению, нам был всегда открыт вход.

Она, как обычно, восседала в помещении, которое, за неимением более точного слова, мы называли «будуаром», и, как только дверные шторы были раздвинуты, поднялась с дивана и направилась с протянутыми руками приветствовать нас, вернее, Лео, ибо я, Как нетрудно догадаться, оказался теперь на заднем плане. Признаюсь, я наблюдал с восхищением, как она скользит навстречу рослому молодому англичанину в его сером фланелевом костюме; тут я должен сказать, что, несмотря на значительную примесь греческой крови и золотой цвет волос, Лео выглядит типичным англичанином. Свою замечательную красоту он, по-видимому, унаследовал от матери, на чей портрет он так похож, но в нем нет ничего от щуплых и слащаво-угодливых современных греков. Я уже говорил, что он очень высок и широк в груди, но, в отличие от многих крупных людей, отнюдь не страдает неуклюжестью; гордая посадка головы, энергичное выражение лица вполне оправдывают прозвище Лев, которое дали ему амахаггеры.

— Добро пожаловать, мой иноземный господин, — произнесла она шелковисто-мягким голосом. — Я очень рада видеть тебя на ногах. Поверь, не спаси я тебя в самый последний миг, ты никогда бы уже не стоял на ногах. Но опасность миновала, и уж это моя забота, — ее слова зазвучали с необычайной многозначительностью, — чтобы она больше не возвратилась.

Лео поклонился и, призвав на помощь все свое знание арабского языка, поблагодарил ее за доброту и участие по отношению к незнакомцу.

— Я не могла допустить, чтобы мир лишился такого человека, — тихо

ответила она. — Красота — редчайшее сокровище в этом мире. Я счастлива, что ты пришел, и не стоит меня благодарить.

— Гм, старик, — сказал мне Лео по-английски, — леди — сама любезность. Кажется, нам сильно повезло. Надеюсь, ты тут не терял времени зря. Какие у нее дивные руки, просто чудо!

Я толкнул его в ребро, чтобы он замолчал, ибо заметил любопытный блеск в глазах Айши.

— Надеюсь, — продолжала она, — мои слуги заботливо за тобой ухаживали; если в этом скромном месте и есть какие-либо удобства, они все тебе предоставлены. Нет ли у тебя просьб ко мне?

— Есть одна, — поспешил сказать Лео, — я хотел бы знать, где находится молодая девушка, которая меня выхаживала.

— А, девушка, — сказала Айша, — я ее видела. Но где она — я не знаю. Она сказала, что хочет уйти, и ушла. Может быть, она возвратится, может быть, и нет. Ходить за больными очень утомительно, а эти дикие женщины — такие ветреницы.

Лео выслушал ее с мрачным, встревоженным видом.

— Очень странно, — сказал он мне по-английски и, обращаясь к Айше, добавил: — Ничего не понимаю. Мы были привязаны друг к другу, я и эта девушка.

Айша рассмеялась тихим, очень мелодичным смехом и сменила разговор.

Глава XIX. Приведите черную козу!

Дальнейшая беседа была такой несвязной, что почти не сохранилась в моей памяти. То ли не желая открывать свои истинные мысли и намерения, то ли по другой причине, Айша говорила без обычной свободы.

Она сообщила Лео, что этим вечером будет устроен танец для нашего развлечения. Я был очень изумлен, ибо полагал, что амахаггеры — слишком угрюмый народ, чтобы предаваться легкомысленным забавам, но, как потом выяснилось, их танцы имеют мало общего с пышными празднествами, устраиваемыми в других странах, диких или цивилизованных. Мы уже собирались удалиться, но тут Айша предложила показать Лео достопримечательности пещеры, он охотно согласился, и мы все, включая Джоба и Биллали, отправились их осматривать. Не стану повторять большую часть уже описанного. Хотя усыпальницы — вся гора состояла из них, как из сотов, — и различались размерами и формой, их содержание было почти всегда одинаковым. Затем мы осмотрели пирамиду из костей, которая снилась мне накануне ночью; оттуда, по длинному коридору, мы отправились в одну из тех общих гробниц, где хоронили бедных граждан имперского Кора. Их тела сохранились не так хорошо, как тела богачей. Многие даже не были прикрыты саванами, и укладывали их по пятьсот-тысяче в одной большой гробнице, а иногда даже наваливали грудami — так валяются павшие на поле сражения.

Нечего и говорить, что Лео был очень заинтересован этим невиданным потрясающим зрелищем, которое сильно будоражило его воображение. Бедный Джоб, однако, не проявил подобного энтузиазма. После всего, что он перенес в этой варварской стране, его нервы были в сильном расстройстве и, как нетрудно догадаться, он с трудом выдерживал вид такого множества останков людей, чьи голоса навсегда растворились в вечном безмолвии гробниц, тем более что их тела были в превосходной сохранности. Не утешили его и слова старого Биллали, который, видя его сильное волнение, сказал, что он напрасно боится мертвецов, ибо недалек час, когда он и сам присоединится к их сонмищу.

— Нашел чем утешить, сэр, — воскликнул Джоб, когда я перевел ему эту реплику. — Но чего и ждать от старого дикаря-людоеда? Хотя, конечно, он и говорит сушную правду, — со вздохом добавил он.

Окончив обход пещер, мы вернулись к себе и пообедали: шел уже пятый час и мы все, особенно Лео, нуждались в подкреплении и отдыхе. В

шесть часов мы, вместе с Джобом, зашли к Айше, и она окончательно запугала нашего бедного слугу, показав ему картины на глади воды. Она узнала от нас, что в семье у него семнадцать душ детей, и велела ему представить себе по возможности больше братьев и сестер, будто бы они собрались в отцовском доме. И вот на воде отразилась сценка из далекого прошлого — какой она запечатлелась в памяти нашего слуги. Некоторые из лиц видны были совершенно отчетливо, другие — смутно, как будто их смазали, или же у них резко подчеркивалась какая-нибудь одна черта: это происходило в тех случаях, когда Джоб плохо помнил наружность или помнил что-то общее для всего семейства, а вода отображала лишь его собственное представление. Тут следует иметь в виду, что Она была отнюдь не всесильна и, за очень редкими исключениями, могла воспроизвести на воде только то, что было запечатлено в памяти кого-либо из присутствующих, и только усилием его собственной воли. Но если местность была ей знакома, так было в случае с нами и вельботом, она могла отобразить на воде все происходящее как бы со стороны. Эта способность, однако, не распространялась на других. Она могла, например, показать, как выглядит изнутри часовня нашего колледжа, в том виде, в каком она мне запомнилась, но не в ее нынешнем: когда дело касалось других, эта ее способность строго ограничивалась воспроизведением того, что хранилось в *их собственном* сознании. Когда мы попытались показать ей, для ее развлечения, такие прославленные сооружения, как собор св. Павла и Парламент, и то и другое изображения оказались неполными: хотя мы и имели общее представление об их виде, но не могли припомнить всех архитектурных деталей, что, конечно же, портило эффект. Но растолковать все это Джобу было невозможно: он никак не хотел принять естественное объяснение феномена, который при кажущейся загадочности, в сущности, является замечательно совершенным образцом применения телепатии, а не проявлением черной магии, как считал наш слуга. Никогда не забуду дикого вопля, которым он разразился, увидев достаточно точные портреты своих братьев, давно уже разбредшихся по белому свету, так же как я не забуду и веселого смеха, каким Айша приветствовала его остоленение. Испуган был и Лео: запустив пальцы в свои золотые кудри, он сказал, что по спине у него ползают мурашки.

Так мы развлекались почти целый час — все, кроме Джоба, который отказался от дальнейшего участия в общей забаве, но затем появились слуги и жестами показали, что Биллали просит аудиенции. Ему было разрешено «подползти», что он и сделал с обычной своей неловкостью, сообщив, что все уже готово к танцу — дело только за тем, чтобы Она и

белые чужеземцы осчастливили их своим присутствием. Мы поднялись, Айша накинула темную мантию (ту самую, кстати, в которой она волхвовала над огнем) прямо на белые покрывала, и мы отправились. Танец устраивался на свежем воздухе, на гладком каменистом плато перед большой пещерой. В пятнадцати шагах от входа были поставлены три табурета. Мы уселись на них и стали ждать, так как танцоров пока еще не было видно. Уже стемнело, но луна еще не взошла, и мы недоумевали, каким образом сможем посмотреть танец.

— Сейчас поймешь, — с легким смешком сказала Айша, когда Лео высказал свое недоумение вслух. Только она успела это вымолвить, как со всех сторон, будто из-под земли, выросли темные фигуры с огромными пылающими факелами в руках. Языки огня были длиной в целый ярд. Человек пятьдесят танцоров — выглядели они сущими дьяволами — ринулись прямо на нас. Лео первый понял, что за факелы у них в руках.

— Боже! — воскликнул Лео. — Они держат подожженные трупы.

Я все смотрел и смотрел. Он был абсолютно прав — для освещения празднества использовались мумии из склепов.

Факельщики-танцоры складывали эти мумии крест-накрест шагах в двадцати от нас. Господи, как ужасно ревело и сверкало пламя этого огромного костра. Даже бочонки с дегтем не горели бы с такой неистовой силой. И это еще не все. Внезапно один здоровенный амахаггер схватил горящую человеческую руку, которая отвалилась от туловища, и умчался с ней в темноту. Вскоре он остановился, и в небо взметнулся высокий столб огня, освещающий все кругом, и сам факел. То было тело женщины, привязанное к крепкому колу, вбитому в расщелину скалы: факельщик поджег ее волосы. Пробежав несколько шагов, факельщик запалил еще одну мумию, затем третью, четвертую; вскоре с трех сторон от нас яростно пылали человеческие тела: бальзам, влитый в их жилы, обладал такой горячей способностью, что из ушей и глаз вырывались языки огня длиной не менее фута.

Нерон, как известно, приказывал обмазывать живых христиан смолой и поджигать их для освещения своих садов; впервые с его времен мы присутствовали при подобном же спектакле, только, к счастью, вместо живых людей использовали мумии.

Мои скромные литературные способности не позволяют мне с достаточной выразительностью описать ужасное и отталкивающее величие действия, которое разворачивалось перед нами. Прежде всего, оно не только оскорбляло нравственное чувство, но и вызывало физическое неприятие. Было что-то вселяющее страх и в то же время завораживающее в

использовании тел давно уже умерших людей для освещения оргий живущих; происходящее само по себе воспринималось как сатира на живых и мертвых. Конечно, прахом Цезаря — или то был прах Александра Македонского? — можно затыкать дыру в бочонке; однако прах этих цезарей, пришельцев из далекого прошлого, использовался, чтобы освещать дикую шаманскую пляску. Подобное применение, может быть, уготовано и нам, мы не будем иметь никакого значения в глазах наших энергичных потомков: многие из них не только не будут чтить нашу память, но и будут проклинать нас за то, что порождены нами в этой юдоли скорби.

Была в этом фантастическом действе и другая сторона, чисто физическая. Древние граждане Кора горели так же быстро и ярко, как и жили (я сужу по оставленным ими изваяниям и надписям). И было их великое множество. Как только очередная мумия сгорала по лодыжки, это происходило минут за двадцать, амахаггеры отшвыривали остатки ног пинками и тащили следующую. Костер бушевал все с той же силой, языки огня с треском и шипом взвивались на двадцать- тридцать футов, отбрасывая вокруг ослепительные отблески; а из темноты все выныривали и выныривали амахаггеры — ни дать ни взять дьяволы, поддерживающие огонь под котлами в аду. Мы все в глубоком потрясении не отрываясь смотрели на чудовищное действо, и казалось, из теней вот-вот появятся души, которые некогда обитали в этих пылающих телах, и обрушат грозное возмездие на дерзких осквернителей.

— Я обещала тебе диковинное зрелище, мой Холли, — засмеялась Айша, она одна среди всех нас сохраняла спокойствие. — И как видишь, я сдержала слово. Есть тут и наглядный урок. Не возлагай все свои надежды на будущее — кто знает, что оно может принести. Поэтому живи днем нынешним и не пытайся избежать могилы, которая суждена всем людям. Как ты думаешь, что почувствовали бы давно позабытые вельможные особы, знай они, что когда-нибудь дикари будут освещать ими свои танцы или использовать их как топливо для варки еды? Но вот уже и танцоры — милые, не правда ли? Итак, сцена уже освещена — пора начинать спектакль.

Мы увидели две шеренги танцоров, мужчин и женщин, их было около сотни; одетые в обычные свои леопардовые и антилопьи шкуры, они пружинистым шагом обходили костер. Затем обе шеренги в полном молчании выстроились друг против друга, между нами и костром, и начался танец, некое дьявольское подобие канкана. Описать его просто невозможно; хотя танцоры высоко взбрасывали ноги или двигались

двойными шагами, на наш непросвещенный взгляд, это была скорее пантомима, чем танец; как и следовало ожидать, эти ужасные амахаггеры, чьи души как будто окрашены в бурый цвет пещер, где они обитают, чьи шутки и веселье имеют своим неиссякаемым источником бранные останки, с которыми они делят свои жилища, избрали для своего танца поистине кошмарную тему. Схватив свою жертву, злодеи погребают ее заживо, тщетно пытается она выбраться из могилы — таково было содержание этой омерзительной трагедии, которая исполнялась в полном молчании и заканчивалась жутким, неистовым танцем вокруг предполагаемой жертвы, корчившейся на земле в багровых отсветах пламени.

Внезапно это столь приятное действо было прервано. Небольшая суматоха — и от группы танцующих отделилась рослая, могучего сложения женщина, которая давно уже обратила на себя мое внимание своей бурной пляской; в безумном возбуждении, спотыкаясь и пошатываясь, словно одурманенная, она приближалась к нам и громко вопила: «Мне нужна черная коза, нужна черная коза, приведите черную козу!» Затем она повалилась наземь, изо рта у нее шла пена, она корчилась и требовала, чтобы ей привели черную козу; нетрудно себе представить, какое жуткое это было зрелище!

Ее тут же окружила большая толпа танцоров, хотя кое-кто еще продолжал выделять свои антраша на заднем плане.

— В нее вселился злой дух, — крикнул один из танцоров. — Приведите ей черную козу, да побыстрее! погоди, дух! Успокойся! Сейчас ты получишь свою козу. Сейчас ее приведут.

— Мне нужна черная коза, нужна черная коза! — катаясь по земле, с пеной у рта вопило бесноватое существо.

— погоди, дух, сейчас приведут черную козу; успокойся, дух, успокойся, дорогой дух!

Это продолжалось до тех пор, пока из соседнего крааля не привели козу; она упиралась, жалобно блеяла, но ее тащили за рога.

— Черная коза! Черная коза! — визжала одержимая.

— Да, да, дух, черная как ночь. — И в сторону: — Держите ее позади себя, чтобы дух не видел, что у нее белое пятно на крестце и еще одно на брюхе... погоди чуть-чуть, дух! Вспорите ей горло! Где чаша?

— Коза! Коза! Коза! Дайте мне кровь черной козы! Я должна испить ее, должна испить! О! О! О! Дайте мне крови козы!

Испуганный крик возвестил, что коза принесена в жертву, и в следующий миг женщина поднесла одержимой, которая бесновалась все яростней, полную чашу крови; та схватила ее, залпом осушила и сразу же

успокоилась, словно бы и не было истерического припадка, буйства или каких-либо других проявлений одержимости. Она вытянула руки, слегка улыbnулась и спокойно примкнула к танцорам, которые так двумя шеренгами и удалились; пространство между нами и костром опустело.

Я думал, что на том развлекательная программа окончилась, и, так как мне было не по себе, хотел уже спросить у *Нее* позволения уйти вместе со своими спутниками, но тут к костру припрыгало странное существо, которое я принял было за бабуина, с противоположной же стороны подошел лев — вернее, человек в львиной шкуре. К ним присоединились другие ряженные: козел, буйвол с нелепо болтающимися рогами, антилопы бубал, импала, куду, несколько коз и еще много животных, среди них девушка в сверкающей чешуе удава с длинным, волочившимся по земле хвостом. Как только все звери собрались вместе, они принялись плясать, совершая неуклюжие, неестественные телодвижения и подражая крикам соответствующих животных; воздух огласился ревом, блеянием и змеиным шипом. В конце концов эта пантомима мне наскучила, и я попросил у Айши разрешения осмотреть человеческие факелы, и, поскольку она не возражала, мы направились налево. Мы осмотрели несколько пылающих тел, испытывая глубокое отвращение к этому гротескному зловещему зрелищу, и собирались уже вернуться, когда наше внимание привлекла танцорка в леопардовой шкуре, которая выплясывала с особой живостью; она отделилась от группы других зверей и, продолжая плясать, постепенно углублялась в темное пространство между двумя факелами, недалеко от нас. Подталкиваемые любопытством, мы направились к ней; едва оказавшись в темноте, танцорка выпрямилась и шепнула: «Идите за мной», — голос принадлежал Устане. Не советуясь со мной, Лео повернулся и последовал за ней, в густую тень; хотя меня и обуревали недобрые предчувствия, мне не оставалось ничего, кроме как поплестись вслед за ними. Леопард крадучись сделал шагов пятьдесят и остановился там, куда уже не достигал свет костра и факелов, поджидая нас с Лео.

— О мой господин, — прошептала она, — наконец-то я отыскала тебя! Послушай! Моя жизнь в смертельной опасности: случись что, *Та-чье-слово-закон* не пощадит меня. Бабуин, конечно, рассказал тебе, как она прогнала меня? Я люблю тебя, мой господин, и по обычаю нашей страны ты мой. Ведь я спасла тебе жизнь! Неужели же ты отречешься от меня, мой Лев?!

— Ни за что, — воскликнул Лео. — А я-то все удивлялся, куда ты подевалась. Пойдем и объясним все царице.

— Нет-нет, она убьет нас. Ты не знаешь, как велико ее могущество —

Бабуин знает, он видел. У нас только один выход: если ты хочешь быть со мной, убежим через болота, прямо сейчас, только так мы можем спастись.

— Лео, умоляю тебя, — начал я, но Устане перебила меня:

— Не слушай его. Нельзя терять времени, ни мгновения, ибо смерть витает даже в воздухе, которым мы дышим. Может быть, Она слушает нас даже и сейчас. — И в подкрепление своих доводов, не говоря больше ни слова, она бросилась к нему в объятия. Леопардовая шкура соскользнула у нее с головы, и в звездном свете засветились три белые отметины в волосах. Положение было чревато опасностью, я хотел было снова вмешаться, ибо знал, что под действием женских чар Лео быстро теряет голову, но тут вдруг — о ужас! — я услышал за спиной серебристый смех. Обернувшись, я увидел Ее, Биллали и двух глухонемых прислужников. Я отчаянно глотнул воздух и чуть не упал наземь, так как у меня были все основания предполагать, что дело кончится ужасающей трагедией и первой жертвой паду именно я. Устане вырвалась из объятий Лео и прикрыла глаза, сам же Лео, не сознавая всего ужаса нашего положения, стоял с глуповато-смущенным видом, свойственным мужчинам, оказавшимся в подобной щекотливой ситуации.

Глава XX. Триумф

Наступило мучительно неловкое молчание. Первой заговорила Айша: слова ее были обращены к Лео. — О, мой повелитель и гость, — произнесла она ласковым тоном, в котором слышались, однако, стальные нотки, — почему ты так смутился? Леопард и Лев — что может быть прекраснее этого зрелища?

— Проклятье! — выругался Лео по-английски.

— Я не заметила бы тебя, Устане, — продолжала она, — если бы свет не упал на твою седину. — Она показала на яркий край луны, которая только-только выплывала из-за окоема. — Танец уже кончился, — факелы сгорели дотла: все в мире завершается прахом и безмолвием. Стало быть, Устане, моя рабыня, ты решила, что это самое подходящее время для любви, а мне даже и в голову не приходило, что ты можешь меня послушаться, я была уверена, что ты далеко отсюда.

— Не играй со мной, — взмолилась несчастная девушка. — Убей меня сразу, только не мучай.

— Нет-нет, хорошо ли переходить так быстро от жарких объятий любви к холодным объятиям могилы. — Она сделала знак прислужникам, и те схватили девушку за обе руки. С громким ругательством Лео бросился на ближайшего из них и повалил наземь; он стоял над поверженным с каменным лицом и сжатыми кулаками.

Айша снова засмеялась.

— Превосходный бросок, мой гость; для человека, который еще недавно болел, ты очень силен. Но я прошу тебя, из уважения ко мне, пощадить моего слугу. Он не причинит никакого вреда девушке, становится холодно, и я хочу, чтобы ее отвели в мои покои. Та, которой ты благоволишь, может надеяться и на мое благоволение.

Я схватил Лео за руку и оттащил его от простертого на земле глухонемого: он был в явной растерянности и не сопротивлялся. Мы все направились по плато к пещере; к этому времени танцоры уже исчезли, и только груда человеческого пепла осталась от костра, который освещал недавнее действо.

Мы скоро достигли будуара Айши — мне показалось даже, что слишком скоро, ибо мое сердце давили тяжелые предчувствия.

Айша уселась на подушки, отпустила Джоба и Биллали, велела прислужникам проверить, в порядке ли светильники, и уйти, оставив при

себе только любимую личную прислужницу. Мы все трое продолжали стоять, несчастная Устане слева, чуть в стороне.

— Ну, а теперь, о Холли, — начала Айша, — объясни мне, как ты, в чьем присутствии я повелела этой ослушнице, — она указала на Устане, — уйти отсюда, ты, по чьей мольбе я сохранила ей жизнь, участвовал в том, что я видела; как это случилось — я спрашиваю. Отвечай и, ради своего же блага, говори только правду, ибо я не потерплю ни малейшей лжи!

— Это произошло случайно, о царица, — ответил я. — Я ничего не знал.

— Я верю тебе, о Холли, — холодно ответила она, — и это твое счастье, что я тебе верю, — так, значит, вся вина на ней?

— Не вижу тут никакой вины, — вмешался Лео. — Она свободная девушка и, по обычаям этой ужасной страны, избрала меня своим мужем; кому это во вред? Во всяком случае, госпожа, — продолжал он, — если она в чем-нибудь провинилась, то и я виноват в том же самом, и если ее надлежит наказать, накажи и меня, но предупреждаю, — продолжал он с нарастающей яростью, — если по вашему приказу кто-нибудь из этих глухонемых негодяев посмеет вновь притронуться к ней, я разорву его на куски. — Его вид не оставлял сомнений в том, что он готов выполнить эту угрозу.

Айша слушала в ледяном молчании, не произнося ни слова. А когда он договорил, обратилась к Устане:

— Можешь ли ты сказать хоть что-нибудь в свое оправдание, женщина? Ты думала, дурочка, что можешь добиться своего вопреки моей воле, но разве может соломинка или перышко сопротивляться могучему ветру? Говори же, я хочу понять. Почему ты посмела меня ослушаться?

И вот тогда я увидел потрясающее проявление отваги и неустрашимости. Несчастливая обреченная девушка хорошо знала, чего можно ждать от ее грозной повелительницы, не менее хорошо, по собственному горькому опыту, знала она и как велико ее могущество, и, однако, она не пала духом и в самой глубине своего отчаяния нашла силы бросить ей вызов.

— Я поступила так, о Хийя, — сказала она, выпрямляясь во весь свой рост и сбрасывая с головы леопардовую шкуру, — потому что моя любовь сильнее самой смерти. Я поступила так потому, что жизнь без этого человека, избранного моим сердцем, была бы для меня смертной мукой. Вот почему я рискнула ослушаться тебя, зная, что навлеку на себя твой гнев; и все же я рада, что посмела так поступить, ибо мой Лев обнял меня и сказал, что все еще любит.

Айша приподнялась и снова откинулась на подушки.

— У меня нет никакой колдовской силы, — продолжала Устане своим звонким и звучным голосом, — я не царица, а простая смертная, но женское сердце может опуститься на любую глубину, о царица, а глаза женщины видят даже сквозь твоё покрывало. Послушай: я знаю, ты сама любишь этого человека и хочешь убрать меня со своего пути. Да, я умру — умру, погружусь во тьму, уйду неведомо куда. Но я знаю одно. В моей груди пылает яркое пламя, и при его свете я провижу грядущее: оно развивается передо мной, как свиток. Когда я впервые увидела моего господина, — она показала на Лео, — я знала, что его свадебным даром мне будет смерть, я поняла это с первого же мгновения, — но я не переменила своего решения, я готова была заплатить эту цену, — и вот она, смерть! Но и сейчас, стоя на последней ступени жизни, я твердо знаю, что это преступление не принесет тебе ничего хорошего. Он мой, и, хотя твоя красота — словно солнце среди звезд, он все равно останется моим. Никогда не посмотрит он тебе в глаза и не назовет тебя женой. Ты тоже обречена, я вижу...- Она говорила звонко, с вдохновением прорицательницы. — Я вижу...

Ее прервал крик ярости и ужаса. Я повернул голову. Айша вскочила и протянула руку в сторону Устане, которая не могла больше выговорить ни слова. На ее лице вновь появилось то самое полное боли и страха выражение, с каким она когда-то пела свою дикую песню. Ее глаза округлились, ноздри расширились и губы побелели.

Айша не проронила ни единого звука, она только вся напряглась и, дрожа как осиновый лист, впилась взглядом в свою жертву. Устане обхватила голову руками, издала пронзительный вопль, дважды повернулась вокруг себя и с глухим стуком упала навзничь. Мы с Лео кинулись к ней — она была уже мертва, сраженная какой-то таинственной электрической энергией или сверхъестественной силой воли, которой обладала грозная *Она*.

Лео не сразу осознал, что случилось. Но когда понял, на его лицо было страшно смотреть. С диким проклятьем он распрямился и набросился на Айшу. Но она была уже наготове и опять вытянула руку, он, шатаясь, попятился и упал бы, если бы я не подхватил его. Потом уже он рассказал мне, что его как будто бы остановил сильный толчок в грудь и — что еще хуже — он вдруг обессилел, лишился всякого мужества.

— Прости меня, мой гость, — ласково обратилась к нему Айша, — если я причинила тебе боль, свершив свой справедливый суд.

— Простить тебя, дьяволица! — проревел бедный Лео, ломая руки в

ярости и отчаянии, — Простить тебя, убийца! Клянусь Небом, я убью тебя, если смогу.

— Нет-нет, — продолжала она все тем же ласковым голосом, — ты не понимаешь... настало время узнать тебе правду. Ты мой возлюбленный, мой Калликрат, мой Прекрасный, мой Сильный! Две тысячи лет, Калликрат, я ждала тебя, и когда ты наконец возвратился, эта женщина, — она показала на труп, — встала между мной и тобой, поэтому я вынуждена была устранить ее, Калликрат.

— Проклятая ложь! — вскричал Лео. — Я не Калликрат. Я Лео Винси, а Калликрат был моим далеким предком, — так, во всяком случае, я полагаю.

— Значит, ты подтверждаешь: Калликрат был твоим предком. Знай же, что ты возродившийся Калликрат и мой дорогой повелитель.

— Я не Калликрат и, конечно же, не твой повелитель, скорее уж я стану повелителем какой-нибудь демоницы: даже она лучше, чем ты.

— Что ты говоришь, Калликрат, что ты говоришь? Ты не видел меня так долго, что ничего не помнишь обо мне. А ведь я так прекрасна, Калликрат.

— Я ненавижу тебя, убийца, не хочу тебя знать. Не все ли мне равно, прекрасна ты или нет. Повторяю: я ненавижу тебя!

— И все же очень скоро ты будешь ползать у моих колен и клясться в любви, — с милой насмешкой ответила Айша. — Сейчас, пожалуй, самое подходящее время: здесь, перед этой мертвой девушкой, которая тебя любила, мы и проверим, права ли я... Смотри на меня, Калликрат! — Быстрым движением она стряхнула с себя полупрозрачное покрывало, оставшись в своем платье с низким вырезом и перехваченном золотой змеей; ее лучезарная красота и царственная стать были поистине неотразимы; она напоминала Венеру, выходящую из морских волн, или Галатею, вытесанную из мрамора, или же прекрасный дух, покидающий свою темницу. Она шагнула вперед и вперила в Лео свои бездонно глубокие, ярко сияющие глаза, и тотчас же его стиснутые кулаки разжались, лицо перестало подрагивать и успокоилось. Изумление сменилось восхищением, он как будто бы был заморожен, и, хотя он продолжал бороться с собой, ее ужасная красота завладевала им все сильнее и сильнее, одурманивая его и лишая всякой воли к сопротивлению. Все это было мне уже знакомо. Я вдвое старше Лео, но испытал то же самое. Ее любящий страстный взгляд предназначался не для меня, и все же я опять был в ее власти. Увы, это так. Вынужден признаться, что в тот миг мое сердце раздирала яростная, безумная ревность. Я готов был наброситься на него,

какой стыд! Эта женщина поколебала, едва не опрокинула мои моральные устои; да и кто мог бы противиться ее сверхчеловеческому обаянию. Однако — сам не знаю как — я сумел овладеть собой и стал ожидать кульминации этой трагедии.

— О, силы небесные! — выдохнул Лео. — Неужели ты женщина?

— Да, женщина, настоящая женщина и твоя супруга, Калликрат, — ответила она, протягивая к нему свои округлые, словно выточенные из слоновой кости, руки и сладко — ах как сладко! — улыбаясь.

Он все смотрел и смотрел, медленно приближаясь к ней. И вдруг его взгляд упал на тело бедной Устане, и он, вздрогнув, остановился.

— Как же я могу? — прохрипел он. — Ты убийца; она так любила меня.

Заметьте, он уже стал забывать, что и сам ее любил.

— Ничего, — прошептала она так же тихо, как шелестит ночной ветерок в листве, — ничего. Если я и свершила грех, вся вина — на моей красоте. Если я и свершила грех, то потому, что люблю тебя; да простится и будет забыт этот грех! — Она снова протянула руки и еле слышно произнесла: «*Иди ко мне*», — и через несколько секунд все было кончено. Лео изо всех сил боролся с собой, даже пробовал повернуться и бежать, но ее взгляд удерживал его крепче, чем железные оковы, а магические чары ее красоты, сила воли и страсти подчинили себе все его существо, и происходило это перед телом женщины, которая ради любви к нему пожертвовала своей жизнью. Звучит это отвратительно и мерзко, но его вина не столь уж непростительна, хотя ему и не избежать расплаты. Его искустельница была отнюдь не обычной земной женщиной, и ни одна дочь человеческая не могла бы поспорить с ней красотой.

Когда я вновь поднял глаза, она покоилась уже в его объятиях, их уста слились в поцелуе; вот так, перед своей мертвой возлюбленной вместо алтаря, Лео поклялся в вечной любви к ее жестокой убийце. Те, кто совершает подобную сделку, расплачиваются своей честью; чтобы уравновесить чаши весов, одна из которых нагружена похотью, им приходится бросать на другую свою душу, поэтому они не могут надеяться на спасение ни в этой, ни в загробной жизни. Что они посеяли, то и пожнут; маки одурманивающей страсти увянут у них в руках, только плевелы достанутся им в изобилии.

С ловкостью змеи она выскользнула из его объятий и залилась ликующим смехом.

— Говорила же я тебе, что ты будешь ползать у моих колен, о Калликрат! И как быстро сбылось мое предсказанье!

Лео застонал от стыда и боли, ибо, побежденный и повергнутый ниц, он продолжал сознавать всю глубину своего падения. Все лучшее в нем восстало против позорного рабства, в чем я имел случай убедиться позднее.

Айша вновь засмеялась, быстро накинула покрывала и сделала знак немой прислужнице, которая широко раскрытыми глазами наблюдала за всей этой сценой. Девушка вышла и вскоре вернулась в сопровождении двоих мужчин, которым царица, с помощью жестов, изъявила свою волю. Все втроем они схватили бедную Устане за руки и поволокли к двери. Лео молча смотрел на это, но затем закрыл глаза ладонью; моему разгоряченному воображению померещилось, будто мертвая наблюдает за нами.

— Минувшее навсегда ушло, — торжественно возгласила Айша, когда прислужники с Устане исчезли и дверные шторы перестали колыхаться. И вдруг, повинуясь одной из тех удивительных перемен в настроении, которые были так характерны для нее, она скинула полупрозрачное покрывало и, по древнему поэтическому обычаю обитателей Аравии, охваченная ликованием, запела триумфальный пеан, эпиталаму, прекрасную в своей дикости, но с большим трудом поддающуюся переводу на английский язык, ее следовало бы не записывать для последующего чтения, а петь под музыку кантаты. Песня, которую пела Айша, разделялась на две части — описательную, или эпическую, и чисто лирическую; воспроизвожу ее по памяти.

Любовь — цветок в пустыне.

Она, как алоэ, цветет лишь однажды и гибнет;

она цветет в солончаках Жизни, и яркая

ее красота сверкает над пустыней, как

звезда над бушующим ветром.

Душа — ее солнце; она овеяна дыханием божественности.

Цветок Любви распускается при звуках приближающихся

шагов, склоняясь, открывает свою красоту

проходящему путнику.

И путник срывает его, да, срывает эту алую чашу,

полную меда, и уносит с собой, и когда

он пройдет через пустыню, цветок уже

мертв и сух.

Есть лишь один истинно прекрасный цветок в

пустыне Жизни.

Этот цветок — Любовь.

Есть лишь одна надежда во мраке отчаяния.
Эта надежда — Любовь.
Все остальное — ложь и обман. Все остальное
лишь тень, скользящая по воде,
все остальное — ветер и суета.
Кто знает меру Любви, ее вес?
Она — порождение плоти, но ее обиталище — дух.
Отовсюду черпает она свою силу.
Красотой она подобна звезде.
Она многолика, и все ее лики прекрасны; никто
не знает, где возшла эта звезда и за каким
окоемом она скроется.

Повернувшись к Лео и положив ему руку на плечо, она продолжала
петь все более громким и ликующим голосом: стройные соразмерные
фразы, которые выходили из ее уст, покидая землю прекрасной прозы,
возносились в чистое небо величественной поэзии.

Давно я люблю тебя, о мой суженый, но любовь
моя не слабеет.
Давно я ожидаю тебя, — и наконец желанная
награда — здесь, передо мной.
Однажды я издали видела тебя, но ты был похищен
у меня.
В могиле посеяла я семя терпения, пригревала
солнцем надежды, поливала слезами раскаяния,
овевала дыханием знания. Наконец проклюнулся
росток, а затем я обрела желанный плод.
Из могилы проклюнулся росток, оттуда, где
покоится прах мертвецов, их кости сухие.
Долго длилось мое ожидание, и вот она, желанная
награда.
Я одолела Смерть, и Смерть возвратила мне свою
добычу.
Вот почему так велика моя радость, с надеждой
гляжу я в будущее.
Мы будем вместе блуждать с тобой по вечнозеленым
лужайкам.
Это наш час. Тьма убегает в глубокие доли.

Вершины гор целует рассвет.
Да будет мягким наше ложе, о мой любимый, да будет
легка наша поступь.
Царские короны увенчают наши головы.
Изумленные, в благоговении пред нами склонятся
все народы мира.
Ослепленные, падут пред нашей красотой и могуществом.
Слава о нас разнесется, как раскаты грома,
Словно колесница, помчится наше величие
по праху бесчисленных дней.
Мы будем смеяться, торжествуя победу.
Смеяться, как дневные лучи, бродя среди гор.
Вперед же, к торжеству все новых и новых побед!
Вперед же, к еще небывалому могуществу!
Вперед же — без усталы, в облачении великолепия!
Пока не исполнится срок, что отпущен судьбой,
и не опустится занавес мглы.

На этом она прервала свою странную, необыкновенную волнующую песню, которую я, к сожалению, могу передать лишь в самых общих чертах, без всякой необходимой выразительности.

— Может быть, ты не веришь моим словам, Калликрат, может быть, думаешь, что я обманываю тебя, не веришь, что я прожила так много лет и что ты сам — мой воскресший возлюбленный. Нет, отбрось всякую тень сомнения; уверяю тебя, здесь нет никакой ошибки. Скорее солнце собьется с орбиты, скорее ласточка забудет путь к гнезду, чем я оскверню душу ложью, которая могла бы отвратить твое сердце от меня, Калликрат. Слепи меня, вырви мои глаза, чтобы весь мир заволокла тьма непроницаемая, и все же мои уши будут ловить звуки твоего незабвенного голоса, громче медногорлой трубы будет раздаваться его зов у врат моей души; лиши меня слуха и пусть тысяча людей коснется моего лба, все равно я узнаю тебя; отбери у меня все пять чувств, пусть я стану слепой и глухонемой, утрачу осязание, — и все же при твоём приближении, о Калликрат, сердце мое возрадуется, как малое дитя, и шепнет: «Он здесь!» О ты, что проводила свои ночи в непрерывном ожидании, — кончились твои бдения! О ты, что бродила все ночи напролет, — смотри, — взошла твоя утренняя звезда! — Она помолчала, потом продолжила: — Послушай! Если сердце твое еще не готово признать непреложную истину, если ты требуешь подтверждения того, что, может быть, трудно постижимо для твоего разума, —

доказательство будет тебе явлено, и тебе тоже, мой Холли! Возьмите каждый по светильнику и следуйте за мной.

Я повиновался ей не раздумывая, да и что было раздумывать, когда все логические умозаключения разбивались о черную стену чуда, — так же поступил и Лео. Дойдя до конца будуара, она подняла занавес, и мы увидели одну из тех небольших лестниц, каких было так много в сумрачных пещерах Кора. Торопливо спускаясь по лестнице, я заметил, что ступени сильно изношены посредине: как я прикинул, высота некоторых из них уменьшилась с семи с половиной дюймов до трех с половиной. Все другие лестницы, что я видел в пещерах, не носили практически никаких следов износа, чего, впрочем, и следовало ожидать, так как по ним проносили только новых набальзамированных покойников. Это обстоятельство поразило меня с особой силой, с какой обычно поражают мелочи в тот момент, когда наши сердца затоплены неожиданным разливом чувств; так на приглаженном первым порывом ураганного ветра море с неестественной отчетливостью выделяется даже маленькая щепочка.

У самого подножия лестницы я остановился и, обернувшись, посмотрел на истертые ступени; Айша перехватила мой взгляд.

— Хотел бы ты знать, мой Холли, под чьими ногами так износился камень? — спросила она. — Это были мои ноги, мои легкие ножки. Я помню еще эти ступени гладкими и ровными, но вот уже две тысячи лет изо дня в день я прохожу по ним то вниз, то вверх, и, как видишь, мои сандалии сточили высеченные из скалы ступени.

Я не ответил, но признаюсь, ничто мною слышанное или виденное не было для моего ограниченного рассудка более убедительным подтверждением древнего возраста этого существа, чем следы мягких белых ножек на ступенях. Сколько миллионов раз прошла она по лестнице, чтобы оставить такие глубокие отпечатки!

Мы вошли в тоннель и через несколько шагов достигли обычного дверного проема, задернутого шторой, и с первого же взгляда я узнал тот самый склеп, где происходило волхвование над прыгающим пламенем. Едва я узнал узоры на шторке, как все, тогда происшедшее, с необыкновенной живостью воскресло в моей памяти, я задрожал. Айша вошла в гробницу (ибо это была гробница), и мы последовали за ней; не знаю, что чувствовали другие, но я лично радовался при мысли, что наконец-то смогу проникнуть в тайну этого места, — к радости, однако, примешивался и страх: кто знает, чем это грозит?

Глава XXI. Живой встречается с мертвым

— Посмотрите, где я спала две тысячи лет, — сказала Айша, взяла у Лео светильник и подняла над головой. В его мерцающих лучах я увидел то самое отверстие в полу, откуда выпрыгивало пламя, но сейчас пламени не было видно. С одного края пещеры стояло каменное ложе, где под белым саваном покоилось мертвое тело; стены были изукрашены резьбой, а с другого края виднелось еще одно ложе.

— Вот здесь, — сказала Айша, положив руку на камень, — здесь, укрываясь только легкой накидкой, я спала все эти долгие века. Мне ли было почивать на мягкой подстилке, когда рядом лежало недвижимое тело моего супруга? — Она показала на другое ложе. — Здесь, наедине с ним, я проводила все ночи, и так беспокойно я ворочалась и металась во сне, что в этой толстой каменной плите образовалось большое углубление: она стерлась, как и ступени лестницы; в этом склепе, где ты спишь, я была верна твоей памяти, Калликрат. А теперь, мой единственный, тебя ждет настоящее чудо: живой, ты увидишься с собой, мертвым; все эти годы я бережно сохраняла твоё тело, о Калликрат. Готов ли ты к этой встрече?

Мы молчали, испуганно переглядываясь, подавленные мрачной торжественностью этой сцены.

Айша сделала несколько шагов, взялась за угол савана и вновь заговорила:

— Не бойся, мой единственный, — сказала она, — и не удивляйся: все живущие уже жили когда-то, во времена минувшие; ничто не ново под солнцем, даже наша телесная оболочка. Только мы не знаем этого, ибо наша память не ведет летописи, временные насельники земли, мы возвращаемся в её лоно, ничья слава не избежит могилы. Только я с помощью своего искусства и искусства, перенятого мной у древних обитателей Кора, смогла уберечь тебя от тлена, Калликрат, чтобы твоё прекрасное восковое лицо всегда было у меня перед глазами. Конечно, это лишь маска, которую моя память превращала в живое лицо, но эта маска помогала мне все время ощущать твоё присутствие, давала необходимую силу для блужданий в обиталищах моей мысли; эта иллюзия жизни воскрешала видения давно минувших дней.

Так пусть живой встретится с мертвым! Хотя и разделенные бездной Времени, они все же составляют одно целое. У Времени нет власти над нашей истинной сутью, но наше счастье, что сон, в своем неизреченном

милосердии, стирает все надписи с табличек нашей памяти, скрывая завесой забвения все перенесенные горести, которые в противном случае преследовали бы нас во все новых и новых существованиях и, скапливаясь, приводили бы к такому отчаянию, которого не выдержало бы ни одно сердце. Жизнь и смерть — двуединство; Время срывает покров с нашего сна, как ветер очищает небо от грозовых туч; замороженные голоса былого растаивают, как горные снега под солнцем, растаивают — и превращаются в музыку; среди утесов Вечности снова слышатся сладостные отголоски давно уже отзвучавших рыданий и смеха.

Да, сон освободится от своего покрова, снова зазвучат голоса, когда по замкнутой цепи, звенья которой составляют наши существования, пробежит молния Духа, созидаящая цель нашего бытия, и сплавит отдельные отрезки нашей жизни в одно целое; это и будет надежной опорой на нашем пути, конец которого определяет судьба.

Поэтому не бойся, Калликрат, когда живой, лишь недавно рожденный, ты увидишь свое собственное умершее «я», своего двойника, жившего во времена давно ушедшие. Я переворачиваю одну страницу в книге твоего бытия и показываю тебе, что там начертано.

Смотри же!

Я посмотрел — и отшатнулся, испуганный, ибо в этом зрелище было что-то сверхъестественное; все ее объяснения были недоступны для нашего ограниченного мышления, и, когда с них спала туманная пелена эзотерической философии и они оказались перед лицом холодной реальности, во всем ее ужасе, эти объяснения не смогли смягчить потрясения. Перед нами на каменной плите, в белом одеянии, лежало прекрасно сохранившееся тело двойника Лео Винси. Я переводил взгляд с живого Лео, стоявшего рядом со мной, на Лео мертвого, простертого на каменном ложе, и не видел никакой разницы, разве что второй казался чуть постарше. Все в них было одинаково, все, вплоть до коротких золотых завитков волос, которые так идут Лео. Даже выражение лица мертвого напоминало то выражение, которое я иногда видел на лице живого, перед тем как он погружался в глубокий сон. Подытоживая это необыкновенное сходство, скажу, что не видел ни одной пары близнецов, столь похожих друг на друга, как эти двое.

Я повернулся, чтобы посмотреть, какое впечатление произвело на Лео зрелище его умершего «я», и увидел, что он почти в полном остоленении. После нескольких минут молчания он громко воскликнул:

— Накройте его саваном и уведите меня!

— Погоди, Калликрат, — возразила Айша; она все еще стояла с

поднятым светильником, сияние которого озаряло и ее несказанно прекрасный облик, и это чудом уцелевшее холодное тело на каменной полке, — скорее вдохновенная богиня-прорицательница, чем смертная женщина, а ее речь — к сожалению, я могу передать лишь ее суть — текла величаво и свободно. — Погоди, я хочу показать тебе кое-что, ты должен знать, какое преступление я совершила. О Холли! Обнажи грудь мертвого Калликрата: мой господин вряд ли решится притронуться к самому себе.

Дрожащими руками я выполнил ее повеление. Прикоснуться к спящему двойнику живого человека, который стоял рядом со мной, казалось кощунственным поступком, осквернением, но все же я сбросил саван. На широкой груди мертвеца, прямо над сердцем, зияла рана, нанесенная, очевидно, копьем.

— Видишь, Калликрат, — сказала Айша. — Знай, что это я убила тебя, убила в самом Обиталище Жизни. Ибо ревновала тебя к египтянке Аменартас, которую ты любил; своими хитрыми кознями она покорила твое сердце, а я не могла убить ее, как убила при вас эту непокорную женщину: слишком велика была сила египтянки. В порыве горького гнева и ярости я убила тебя и все эти бесчисленные дни оплакивала тебя и ждала твоего возвращения. И вот ты здесь, отныне никто не посмеет встать между нами, и на этот раз моим даром тебе будет не смерть, а жизнь — жизнь, разумеется, не вечная, такой никто не может даровать, а жизнь и молодость на долгие тысячелетия, а вместе с ними — величие, власть, богатство и все самое лучшее и прекрасное, чем никогда еще не владел и не будет владеть ни один человек, кроме тебя. А теперь я сделаю последнее, что еще остается сделать, после чего ты сможешь отдохнуть и подготовиться ко дню твоего нового рождения. Видишь это тело, некогда твое собственное? Все эти долгие века оно было мне хоть слабым, но утешением, заменяло друга, отныне, однако, нужда в нем отпала, возле меня ты, живой, а оно может будить мучительные воспоминания. Пусть же прах возвратится во прах, где ему и надлежит быть!... О, как давно я ждала этого счастливого часа. — Она подошла ко второй каменной плите, которая служила ей для сна, и взяла большую, сделанную из какого-то стекловидного материала вазу с двумя ручками; горлышко вазы было затянуто пузырем. Сняв пузырь, она наклонилась, нежно поцеловала белый лоб мертвеца, затем, с величайшей осторожностью, чтобы ни одна капля не попала на нас или на нее самое, стала разбрызгивать содержимое вазы на его тело; остаток она вылила на грудь и на голову. Облако удушливого густого пара или дыма заполнило всю пещеру, так что мы не могли ничего видеть, пока ядовитая кислота (я предполагаю, что это была чудовищно едкая кислота) не сделала

своего дела. Оттуда, где лежало мертвое тело, доносились яростное шипение и треск; эти звуки, однако, смолкли еще до того, как рассеялось облако. Только над самым телом еще висели небольшие клубы испарений или дыма. Через пару минут исчезли и они, и, к нашему удивлению, там, где столько веков покоились бранные останки Калликрата, было пусто, если не считать нескольких пригоршней дымящегося белого порошка. Кислота полностью сожгла все тело, а местами даже разъела и камень.

Айша нагнулась, зачерпнула ладонью порошок и развеяла его по воздуху, со спокойной торжественностью возглашая:

— Да возвратится прах во прах! Да возвратится минувшее в минувшее! Да возвратится мертвец к мертвецам! Калликрат умер, но возродился!

Пепел тихо опускался на пол, а мы в испуганном молчании наблюдали за его падением, слишком взволнованные, чтобы говорить.

— А теперь оставьте меня, — сказала она. — Идите спать, если вы, конечно, сможете уснуть. Мне надо побыть одной и собраться с мыслями, ибо завтра вечером мы уходим отсюда, а я давно уже не ходила тропой, которой нам предстоит идти.

Мы откланялись и ушли.

Возвращаясь к себе, я заглянул к Джобу, чтобы узнать, как он себя чувствует, ибо он покинул нас еще до нашей последней встречи с Устане, совершенно подавленный теми ужасами, что видел на празднестве амахаггеров. Добрый честный малый спал крепким сном, и я был рад тому, что его нервы — не очень, как у большинства необразованных людей, здоровые — были избавлены от потрясения, которое неминуемо вызвали бы заключительные сцены этого ужасного дня. Наконец мы добрались до своей комнаты, и здесь Лео — он все еще не мог оправиться от оцепенения, порожденного зрелищем мертвого двойника, — смог дать выход обуревавшим его чувствам. Теперь, когда с нами не было грозной повелительницы амахаггеров, он с особой остротой осознал весь ужас случившегося, жестокого убийства Устане, к которой он был очень привязан; на него всей тяжестью обрушилось мучительное раскаяние. Он проклинал себя, проклинал тот час, когда мы впервые увидели письма на черепке, так неожиданно для нас всех нашедшие себе подтверждение, — но горше всего он проклинал собственную слабость. Саму Айшу он не проклинал — да и кто осмелился бы сказать что-нибудь дурное о женщине, которая, может быть, слышала каждое наше слово?!

— Что же мне делать, старина? — стонал Лео, в полном отчаянии припав головой к моему плечу. — Я не только не смог предотвратить ее

убийство — это, правда, было не в моих силах, — но уже через пять минут целовал ее убийцу. Я низкое животное, но я не могу противиться этой... — его голос понизился до шепота, — этой колдунье. Я знаю, что и завтра поступлю точно так же, я навсегда в ее власти; будь это наша последняя встреча, я никогда бы не смог полюбить ни одну другую женщину; я должен следовать за ней, как стрелка компаса за подносимым к ней магнитом; даже если бы и мог, я не убежал бы сейчас; я не смог бы ее оставить, ноги не повиновались бы мне; но мой рассудок сохраняет достаточную ясность, я ненавижу ее — так мне, по крайней мере, кажется. Все это ужасно, и ужаснее всего — тело. Это ведь был я. У меня такое впечатление, старина, будто я продан в рабство: в уплату за себя она заберет мою душу.

Только тогда я впервые признался ему, что и сам отнюдь не в лучшем положении; Лео, надо отдать ему должное, хотя и был так сильно увлечен, сохранил достаточно благородства, чтобы выразить мне свое сочувствие. К тому же у него не было никаких оснований для ревности, ибо Айша уже сделала выбор. Я предложил попробовать спастись бегством, но, поразмыслив, мы оба поняли бесплодность этой попытки, да и, честно говоря, ни Лео, ни я не решились бы оставить Айшу, даже если бы какая-нибудь сверхъестественная сила и вызвалась перенести нас из этих мрачных пещер в Кембридж. То же самое, должно быть, чувствует и летящий на огонь мотылек: обратного пути для него нет. Таковы и заядлые курильщики опиума: в минуту просветления они сознают всю смертельную пагубность этого занятия, но не в силах отказаться от ужасного наслаждения, которое оно им сулит.

Ни один человек, что видел лицо Айши, слышал музыку ее голоса и впитывал горькую мудрость ее слов, не променял бы общение с ней на целое море мирских радостей. Не говорю уже о себе, но что должен был испытывать Лео, когда это необыкновенное существо клялось в полной преданности и любви к нему, и не только клялось, но и дало подтверждения своей многовековой верности.

Несомненно, что *Она* — скорее средоточие зла, чем добродетели, несомненно также, что она убила Устане, чтобы устранить ее с пути, но верность ее непоколебима, а по самой своей природе мужчина склонен прощать женщине ее преступления, особенно если эта женщина пленительна, а преступления совершены из любви к нему.

К тому же еще ни одному мужчине не предоставлялось такой исключительной возможности, как Лео. Конечно, соединив свою судьбу с судьбой этой опасной женщины, он окажется под влиянием таинственного

существа, склонного творить зло, но то же может произойти и при самом обычном супружестве. С другой стороны, ни одна женщина на земле не обладает такой ужасной — другого слова я не могу подобрать — красотой, такой божественной преданностью, мудростью, властью над тайными силами природы и умением ими пользоваться для обретения могущества, и, наконец, ни одна женщина, кроме этой, не может увенчать его короной вечной юности. Так что, если поразмыслить, нет ничего удивительного в том, что Лео не помышляет о бегстве от выпавшей ему необыкновенной удачи, хотя, как и всякий другой джентльмен на его месте, испытывает горький стыд и боль.

Да я и сам считал, что бежать в его положении было бы безумием. Но боюсь, что мое мнение можно принять лишь с оговорками. Я и по сей день люблю Айшу и короткую неделю ее любви предпочел бы целой жизни с любой иной женщиной. Рискну добавить, что если бы человек, который усомнится в искренности этих слов и сочтет меня глупцом, видел Айшу с открытым лицом, во всем великолепии ее красоты, он сразу признал бы мою правоту. Само собой, я говорю только о *мужчинах*. Мы не слышали ни одного мнения женщины об Айше, но я допускаю, что женщина могла бы испытывать антипатию и даже с достаточной откровенностью высказать свое неодобрение вслух, за что *Она*, разумеется, покарала бы послушницу.

Более двух часов я и Лео с взвинченными нервами и встревоженными глазами обсуждали происходящие с нами поразительные события. Мы, казалось, видели их во сне, читали о них в сказке, но ведь это была величавая, холодная реальность. Кто бы мог поверить, что письма на черепке не содержат ничего, кроме чистой правды, и что мы сами в этом убедимся: та, кого искали мы двое, терпеливо ожидала нашего прибытия в усыпальницах Кора. И кто мог бы предположить, что именно Лео окажется тем самым существом, которого она ждала многие столетия и чью телесную оболочку она сохраняла вплоть до сегодняшнего вечера? Но это было так. После всего, что мы видели, элементарная логика исключала всякую возможность сомнений; в конце концов, преисполненные смирения, глубоко осознав все бессилие человеческих знаний, дерзко отрицающих все, что лежит за пределами опыта, мы улеглись спать; оба мы решили вручить свою судьбу в руки хранительного Провидения, которое позволило нам прорвать пелену человеческого невежества и, к счастью или к несчастью, увидеть некоторые возможности, предоставляемые жизнью.

Глава XXII. Предчувствие Джоба

Наутро, часов около девяти, к нам зашел Джоб, видно было, что он все еще не оправился от пережитого им накануне потрясения и страха и очень обрадовался, когда, вопреки своим опасениям, нашел нас живыми и невредимыми. Он был очень расстроен, услышав об участи бедной Устане, которую он, впрочем, не очень жаловал, так же как и она его, и еще горячее возблагодарил Небо за наше спасение. При жизни Устане на своем ублюдочном арабском диалекте называла его Свиньей, а он называл ее по-английски «девкой», но после гибели девушки, убитой ее повелительницей, у него изгладились все воспоминания об этом обмене любезностями.

— Вы уж простите, ежели я что не так скажу, сэр, — проговорил Джоб, после того как кончил причитать по поводу услышанного, — но только эта Она, право слово, сам Старый Джентльмен или его супружница, ежели она у него имеется, а уж, конечно, она у него имеется, потому он такой злющий. Это будет почище Аэндорской ведьмы, сэр: той нипочем не удалось бы оживить какого-нибудь библейского джентльмена в этих проклятых пещерах, уж поверьте мне, это все равно как ежели бы я принялся выращивать кресс-салат на фланели. Это страна дьяволов, сэр, а она тут самая заглавная; сдается мне, отсюда нам живыми не выбраться. Эта ведьма ни за что не выпустит из своих когтей такого славного молодого человека, как наш Лео.

— Но ведь она же спасла ему жизнь, — возразил я.

— Да, но в уплату за этот должок она вытребует у него душу. Сделает его ведьмаком. От нее лучше держаться подальше. Вчера вечером я вычитал в карманной Библии, которую дала мне бедная старушка-мать, что будет со всеми этими колдуньями, так у меня просто волосы торчком встали. Боже! Как напугалась бы старая, если бы увидела, куда меня занесло!

— Да, это странная страна, и народ здесь живет странный, Джоб, — ответил я со вздохом; в отличие от Джоба, я человек не суеверный, однако питаю (не поддающийся объяснению) страх перед всем, что представляется мне сверхъестественным.

— Верно, сэр, — согласился он. — Пока мы тут одни — мистер Лео спозаранок ушел прогуляться, — я бы хотел вам кое-что сказать, вы только не думайте, что я совсем сдурел... Эта страна — последняя, которую я вижу в своей жизни. Прошлой ночью мне приснился отец, одетый в

ночную рубашку вроде тех, что носят здешние дикари для пущей важности; в руке у него был пучок перистой травы, что растет в трехстах ярдах от входа в эту проклятую пещеру. «Джоб, — говорит он этак торжественно, весь собой довольный, будто методист-пастор, когда продал соседу хворую кобылу вместо здоровой, да еще и содрал с него двадцать фунтов, — пришло твое времечко, Джоб. Вот уж не ожидал, что сыщу тебя в такой дыре, сынок. Еле-еле разнюхал, где ты. Нехорошо, сынок, заставлять старика тащиться в такую даль, я уж не говорю о том, что мне пришлось вытерпеть от здешних разбойников...»

— Да уж, с ними лучше не связываться.

— Вот-вот, сэр, то же самое сказал и мой отец: «Таких злодеев сроду не видывал». И тут он прав-правешенек, уж я-то знаю, что это за народ; того и гляди» напялят на голову тебе раскаленный горшок, — печально продолжал Джоб. — «Пришло твое времечко», — сказал отец и еще, прежде чем уйти, добавил, что скоро, мол, мы свидимся, будем вместе, а ведь отец и я никогда не могли пробыть вместе больше трех дней, обязательно поцапаемся — и врозь; и если уж мы свидимся, то, верно, будет то же самое.

— Уж не думаешь ли ты, что тебе угрожает смерть, потому что тебе приснился старый отец? — сказал я. — Если бы всякий человек, которому привиделся отец, умирал, что было бы с тем, кому привиделась бы мачеха?

— Вам бы только посмеяться надо мной, сэр, — сказал Джоб. — Но вы же не знаете моего старого отца. Будь на его месте кто другой — ну хоть тетя Мэри, она у нас такая бестолковщина, — я бы даже и думать не думал об этом, но мой отец, хоть у него и семнадцать детей, всегда был с большой ленцой, уж он ни за что бы не притащился сюда просто так. Нет уж, сэр, ежели он приходил, то, значит, не зря. Что поделаешь, сэр, рано ли, поздно — мы все помрем, не хочется только помирать в таком месте, где тебя и за тысячу золотых монет не похоронят по христианскому обряду. Я всегда старался поступать по совести, сэр, честно исполнял свой долг, и, ежели бы отец не говорил со мной пренебрежительно, будто я в чем провинился, хотя у меня всегда были хорошие рекомендации и характеристики, я бы, конечное дело, так не тревожился. Надеюсь, я был хорошим слугой вам и мистеру Лео — да благословит его Господь! Кажется, только вчера я водил его по улице с дешевым хлыстиком в руке; и ежели вы когда-нибудь выберетесь отсюда — про вас-то отец ничего не говорил, — вы уж поминайте добром мои белые косточки и никогда больше не читайте этих греческих завитушек на цветочных горшках, вы уж простите, сэр, ежели я что не так говорю.

— Успокойся, Джоб, успокойся, — сказал я ему серьезным тоном. — Все это ерунда, сам знаешь. Не забивай себе голову всякой дурью. Мы пережили уже много удивительных событий — и ничего; Бог даст, и дальше все будет хорошо.

— Нет, сэр, — ответил Джоб с убежденностью, которая неприятно меня поразила, — скоро мне конец, и я это чувствую, вот у меня и скребут кошки на душе, ведь я не знаю, откуда ждать беды. Сядишь обедать, а сам думаешь: может быть, тебе подсыпали отравы, — и кусок встает поперек горла; проходишь мимо этих темных кроличьих нор — думаешь: сейчас тебя пырнут ножичком, о Господи, так страх и пробирает. Еще хорошо, ежели нож будет остро наточенный и ты помрешь сразу, как эта бедная девушка, да простит меня Бог за то, что я говорил плохо о покойнице, хотя она так быстро окрутилась с мистером Лео, что это просто неприлично. Одна у меня надежда, — тут Джоб слегка побледнел, — что на мою голову не нахлобучат этот раскаленный горшок.

— Что ты несешь? — перебил я. — Чушь!

— Может быть, — сказал Джоб, — не стану вам перечить, ведь вы мой хозяин, прошу вас только, сэр: куда бы ни пошли, пожалуйста, берите меня с собой — среди добрых людей и помирать не так страшно. А сейчас, сэр, я принесу вам завтрак. — И он вышел, оставив меня в сильной тревоге. Я был глубоко привязан к старому Джобу — одному из самых хороших и честных людей, каких мне доводилось встречать в разных слоях общества, он был скорее нашим другом, чем слугой, и при одной мысли, что с ним может стрястись какая-то беда, комок подступил у меня к горлу. Под его нелепыми рассуждениями скрывалась глубокая уверенность в близости смерти; такие предчувствия чаще всего не оправдываются, они легко объяснимы, как, например, это, явно навеянное непривычной и очень мрачной обстановкой, в которой оказалась его жертва, — и все же по спине у меня пробежал холодок; каким бы нелепым ни казалось иногда предчувствие, искренняя убежденность в том, что оно непременно сбудется, вселяет невольный страх. Вскоре принесли завтрак, одновременно появился и Лео, который ходил погулять, чтобы собраться, как он сказал, с мыслями; я был очень рад видеть их обоих, тем более что их присутствие отвлекало меня от гнетущих мыслей. После завтрака мы все отправились на прогулку и смотрели, как амахаггеры засевают поле тем самым зерном, из которого варят пиво. Сев они производили точно так, как описывается в Священном писании: сеятель с мешочком из козьей кожи на поясе ходил взад и вперед, разбрасывая пригоршни семян. Для нас было большим облегчением видеть, как эти суровые люди занимаются таким

обыденным и приятным делом: оно как бы объединяло их со всем человечеством.

На обратном пути нас перехватил Биллали, он сказал, что Она выразила желание нас видеть, и мы, не без некоторого душевного трепета, направились в ее покои, ибо невозможно было предвидеть, как поступит Айша в том или ином случае. Близкое знакомство с ней могло порождать и порождало страсть, восхищение и ужас, но, конечно же, не презрение.

Слуги, как обычно, ввели нас в ее «будуар»; после их ухода Айша вновь открыла лицо и велела Лео поцеловать ее; невзирая на неулегшиеся еще угрызания совести, он исполнил ее веление с большей готовностью и рвением, чем того требовала простая учтивость.

Она положила свою белую руку ему на голову и нежно заглянула в глаза.

— Ты, вероятно, думаешь, мой Калликрат, когда ты наконец назовешь меня своею и мы превратимся в одно слитное целое? Сейчас скажу. Прежде всего ты должен стать таким же, как я, — не бессмертным, ибо я не бессмертна, а по возможности неуязвимым для стрел Времени, которые будут отлетать от брони твоей жизненной силы, как солнечные лучи отражаются от воды. Но пока еще я не могу соединиться с тобою, ибо мы различны, пламя, исходящее от моего существа, может опалить, а то и погубить тебя. Ты даже не сможешь смотреть на меня подолгу: у тебя заболят глаза, закружится голова, поэтому, — она кокетливо склонила голову, — я вынуждена закрыть лицо. — (Однако она этого не сделала.) — Послушай, я не хочу испытывать твое терпение, сегодня вечером, за час до заката, мы отправимся в путь, и к завтрашнему вечеру, если все будет хорошо и я не заблужусь, а я надеюсь, что не заблужусь, мы уже достигнем Источника Жизни, ты искупаешься в пламени и обретишь величие и красоту, каких не обретал еще до тебя ни один мужчина, и тогда, Калликрат, ты назовешь меня супругой, а я назову тебя супругом.

В ответ на эту поразительную новость Лео пробормотал что-то невнятное, не знаю, что именно; она слегка посмеялась над его смятением и продолжала:

— И ты тоже, о Холли! Ты тоже получишь от меня этот дар, — и вот тогда ты воистину станешь вечнозеленым деревом, — таков будет мой дар; ты пришелся мне по душе, Холли, ибо ты не такой глупец, как большинство сыновей человеческих, — и хотя ты исповедуешь религию, такую же несуразную, как и те, прежние, — ты все же не разучился услаждать слух женщин приятными словами о красоте их глаз.

— Вот оно что, старина, — шепнул Лео в порыве неожиданной

веселости. — Ты тут, оказывается, ублажал ее комплиментами. Не ждал от тебя.

— Благодарю, Айша, — ответил я, стараясь сохранять достоинство. — Если место, которое ты описываешь, и впрямь существует и в этом странном месте и впрямь можно обрести великую способность отвращать приход Смерти, — я все равно не приму твоего дара. Этот мир, о Айша, для меня отнюдь не мягкое гнездышко, где мне хотелось бы вечно нежиться. Земля наша — мать с каменным сердцем: вместо хлеба насущного она дает своим детям лишь камни. Камни вместо еды, прогорклая вода вместо сладкой питьевой и розги вместо ласки. Кому захочется продлить эти муки на много существований? Взвалить на себя тяжкое бремя воспоминаний о днях ушедших и утраченных возлюбленных, бремя сострадания к соседу, чьим горестям мы не можем помочь, бремя мудрости, которая не приносит с собой никакого утешения? Умирать мучительно, наша нежная плоть содрогается при мысли о том, что станет добычей червей, пусть даже этого не почувствует, она трепещет от страха перед Неведомым, скрытым под саваном. Но еще мучительнее, по моему убеждению, было бы жить тысячелетиями, подобно вечнозеленому дереву, прекрасному снаружи, но иссохшему и трухлявому внутри, чувствуя, как твое сердце тайно точат другие черви — черви воспоминаний.

— Подумай, Холли, — сказала она, — но ведь долгая жизнь, невиданная сила и красота обещают власть и многое другое, что дорого мужчине.

— Так ли уж это ценно, о царица? — ответил я. — Не мыльный ли пузырь? Честолюбие — бесконечная лестница: как бы высоко ты ни вскарабкался, тебе все равно не достигнуть верхней ступени. Стремление ввысь неутолимо: человек, им охваченный, не зная отдыха, взбирается все выше и выше, а над ним по-прежнему бессчетные ступени. Богатство утомляет, приедается до тошноты и перестает приносить удовольствие или радость, на него нельзя купить и одного часа душевного спокойствия. У мудрости нет пределов, поэтому у нас нет никакой надежды на ее постижение. Более того, стремясь к познанию, мы лишь яснее понимаем собственное невежество. Проживи мы хоть десять тысяч лет, сможем ли мы постичь тайну солнц и необъятного пространства за ними, постичь, чья десница вознесла их так высоко в небеса? Охваченные неутолимой жаждой мудрости, не будем ли мы с каждым днем все сильнее убеждаться в тщете нашего к ней стремления? И даже если мы обретем мудрость, не будет ли она подобна одному из светильников, озаряющих эти большие пещеры: чем ярче его сияние, тем гуще окружающий мрак? Чего истинно ценного

сможем мы достичь, удлинив нашу жизнь?

— Но ведь есть же любовь, мой Холли, любовь, которая делает этот мир прекрасным, обожествляет даже прах под нашими ногами. Жизнь, полная любви, катится величавым потоком, льется, словно вдохновенная музыка, что на своих орлиных крыльях возносит сердца слушателей над позорными деяниями и безумствами мира.

— Может быть, — ответил я, — но если твоя возлюбленная сломанной тростинкой вонзается тебе в сердце или если твоя любовь не встречает ответного чувства — что тогда? Зачем высекать письма своих горестей на каменной плите, если достаточно начертать их на воде? Нет, Айша, я проживу отпущенное мне время, состарюсь вместе со своим поколением и умру в назначенный час, чтобы уйти в забвение. Ибо я верю в истинное бессмертие, по сравнению с которым тот небольшой промежуток времени, что ты мне можешь подарить, не более, чем палец рядом с этим обширным миром; и знай: то бессмертие, которое обещает мне моя религия, будет свободно от уз, связывающих мой дух здесь, на земле. Плоть уязвима для горя, порока и скорпионьего яда греха, но, когда с нас спадет плотская оболочка, наш дух ярко воссияет в облачении вечного добра; и дышать он будет не обычным атмосферным воздухом, а эфиром благороднейших мыслей, рядом с которыми покажутся тяжеловесными и грубыми высочайшие устремления нашего мужества и чистейшее благоухание девичьей молитвы.

— Высоко устремлен твой взгляд, — со смешком ответила Айша, — и голос твой вещает громко и уверенно, подобно трубному гласу. Но ведь ты говоришь о том самом Неведомом, что скрыто от нас саваном. И смотришь глазами твоей религии, видя будущее через цветное стекло своего воображения. Странные картины того, что будет, рисует себе человечество, пользуясь кистью веры и пестрыми красками фантазии. Не менее странно и отсутствие между ними сочетания. Я могла бы рассказать тебе... но зачем? Для чего отнимать у шута его погремушку? Не будем больше об этом, но помни, о Холли, когда ты достигнешь дряхлости и старческое слабоумие начнет творить хаос в твоём мозгу, ты еще горько пожалеешь, что отверг этот царский дар. Но так уж устроен мир: человек никогда не довольствуется тем, что у него под рукой. Он отшвыривает светильник, который помог бы ему найти дорогу во мгле, потому что это не звезда. Счастье маячит перед ним, словно болотный огонек, но он хочет схватить и этот огонек, и звезду. Он пренебрегает красотой, потому что чьи-то губы кажутся ему слаще, пренебрегает богатством, потому что у кого-то больше сребреников, пренебрегает славой, потому что есть люди более великие. Ты

сам это говорил, я только обращаю твои же слова против тебя. Ты мечтаешь сорвать звезду с неба. Я не верю, что это возможно, и считаю, что ты поступаешь глупо, мой Холли, отшвыривая протянутый тебе светильник.

Я молчал: не мог же я объяснить, тем более в присутствии Лео, что с тех пор как увидел ее лицо, оно неотступно стоит и всегда будет стоять у меня перед глазами и что у меня нет желания продлить жизнь, которая будет отравлена мучительными воспоминаниями и нестерпимой горечью неразделенной любви. Так оно было, так оно, увы, остается и по сей день!

— А теперь, — продолжала Она, меняя и тон, и тему разговора, — Расскажи мне, мой Калликрат, как тебе удалось отыскать меня здесь, ведь я еще ничего об этом не знаю. Вчера ты сказал, что Калликрат — тот, кого ты видел, — твой предок. Расскажи об этом подробнее — ты очень молчалив.

По ее просьбе Лео поведал удивительную историю о серебряной корзинке и черепке с надписью, сделанной его прародительницей, египтянкой Аменартас. Айша слушала внимательно и, когда он кончил, обратилась ко мне с такими словами:

— Не говорила ли я тебе, о Холли, — это было во время болезни моего возлюбленного, — что добро может порождать зло, а зло — добро, что сеятель не знает, каким будет урожай, а занесший руку — куда придется его удар? И вот видишь, египтянка Аменартас, царственная дочь Нила, которая меня ненавидела и которую я по сей день ненавижу, ибо, как там ни суди, она все же одержала надо мной верх, сама же и привела ко мне моего возлюбленного. Из-за нее я убила его, но благодаря ей же он возвратился ко мне. Она замышляла зло против меня, посеяла семена, чтобы я пожала плевелы, и что же? Более щедрого дара не мог бы мне дать весь мир; попробуй вписать этот квадрат в круг твоих понятий о добре и зле, о Холли! А ведь эта женщина, — помолчав, продолжала она, — завещала своему сыну убить меня, чтобы отомстить за отца. Ты, мой Калликрат, как бы и отец и сын одновременно, и если ты хочешь отомстить мне и за себя, и за свою прародительницу... вот, смотри... — Она упала на колени и приспустила еще ниже корсаж своего белого платья, обнажив грудь цвета слоновой кости, — смотри: здесь бьется мое сердце, а под рукой у тебя лежит тяжелый, длинный и острый кинжал — самое подходящее оружие, чтобы убить заблудшую женщину. Возьми же его и отомсти. Вонзи его в мою грудь по самую рукоятку! Так ты отомстишь, Калликрат, и проживешь всю жизнь в счастливом сознании исполненного долга, завещанного тебе минувшим.

Лео посмотрел на нее, протянул ей руку и помог встать.

— Ты прекрасно знаешь, Айша, — печально заговорил он, — что я не

могу поднять на тебя руку, даже если хотел бы отомстить за ту, что ты убила вчера. Я всецело в твоей власти, твой покорный раб. Как же я могу убить тебя? Скорее уж я покончу с собой.

— Я вижу, ты уже начинаешь любить меня, Калликрат, — сказала она, улыбаясь. — А теперь расскажи мне о своей стране и о ее великом народе, он ведь велик, не правда ли? Ваша империя подобна римской? Не сомневаюсь, что ты хотел бы вернуться туда, — и это хорошо, не оставаться же тебе здесь, в пещерах Кора, всю жизнь! Когда ты станешь таким же, как я, мы уедем отсюда — уж я найду обратный путь, можешь не сомневаться, — в ту твою Англию и заживем, как подобает людям столь могущественным. Две тысячи лет дожидалась я дня, когда наконец смогу покинуть эти постылые пещеры, — этот день уже близок, и мое сердце прыгает от радости, как малое дитя в предвкушении веселой забавы. Ты будешь править этой Англией.

— Но у нас уже есть королева, — поспешил перебить Лео.

— Ну и что? — пожала плечами Айша. — Мы ее свергнем.

Мы оба смущенно хмыкнули и объяснили, что скорее позволим отрубить себе головы, чем посягнем на власть ее королевского величества.

— Странно! — удивилась Айша. — Неужели бывают такие королевы, которых любит народ? Видимо, мир сильно переменялся с тех пор, как я поселилась в Коре.

Мы еще раз объяснили ей, что изменилась сама суть монархического правления и что наша правительница пользуется любовью и уважением всех здравомыслящих людей в ее обширных владениях. Мы также сказали, что подлинная власть — в руках народа и что судьба страны определяется голосованием низших, наименее образованных классов общества.

— А, — сказала она, — так у вас демократия — стало быть, есть и тиран: я давно уже заметила, что демократическое правление, не опирающееся на собственную твердую волю, в конце концов порождает и боготворит тирана.

— Да, — согласился я, — у нас есть свои тираны.

— Что ж, — сдержанно обронила она, — мы можем уничтожить всех этих тиранов, так чтобы страной правил Калликрат.

Я поспешил уведомить Айшу, что у нас в Англии нельзя безнаказанно «уничтожать» своих врагов и что любое посягательство на чужую жизнь преследуется законом, который предусматривает самые суровые кары, вплоть до эшафота.

— Закон, — презрительно рассмеялась она, — закон! Неужели ты не понимаешь, о Холли, что я выше всякого закона; так же высоко будет стоять

и мой Калликрат! Человеческий закон для нас — что северный ветер для горы. Ветер не может разрушить гору, но гора останавливает ветер... А теперь, прошу тебя, оставь меня, — продолжала она, — и ты тоже, мой Калликрат, я должна подготовиться к путешествию; подготовьтесь и вы со своим слугой. Много вещей с собой не берите, наше путешествие продлится, я надеюсь, не более трех дней. Затем мы вернемся сюда, и я придумаю, как нам навсегда покинуть гробницы Кора. Поцелуй мне руку.

По пути к себе я сосредоточенно размышлял о той устрашающей проблеме, которая встала перед нами. Грозная Она полна решимости отправиться в Англию, и я с внутренним содроганием думал о возможных последствиях ее пребывания там. Я знал, каково ее могущество, и не сомневался, что она не остановится ни перед чем. Даже если какое-то время нам удавалось бы ее удерживать, в конце концов ее гордый, честолюбивый дух все равно бы вырвался из узды и постарался возместить долгие столетия одиночества. В случае необходимости, если бы сила ее красоты оказалась недостаточной для достижения задуманных целей, она не преминула бы пустить в ход свои сверхъестественные способности, «уничтожая» всех, кто оказался бы на ее пути, а так как умереть она не могла, насколько мне известно, ее нельзя даже было убить, ничто не могло бы остановить ее. У меня нет ни малейших сомнений, что в конце концов она обрела бы неограниченную власть над британскими владениями, а может быть, и над всем миром; и хотя я уверен, что под ее правлением Англия стала бы самой славной и процветающей империей, которую только знал мир, — это было бы достигнуто ценой ужасающего истребления людей.

Все это казалось сном, плодом причудливой фантазии — и, однако же, было реальностью — удивительной реальностью, с которой скоро придется считаться всему миру. Каково же значение всего этого? По зрелом размышлении я пришел к единственно возможному выводу, что поразительное существо, столько лет томившееся в оковах своей страсти и относительно до сих пор безвредное, призвано самим Провидением изменить существующий миропорядок, установив совершенно незыблемую власть, которая в своем стремлении изменить все к лучшему не потерпит никаких возражений, никакого сопротивления — как сама Судьба.

Глава XXIII. Святилище Истины

Наши приготовления поглотили не так уж много времени. Мы положили в мою походную сумку смену одежды и башмаки, мы также взяли с собой наши револьверы и одно ружье с достаточным запасом амуниции — подобная предусмотрительность уже не раз спасала нам жизнь. Все наши остальные вещи, включая тяжелые ружья, мы оставили в пещерах.

За несколько минут до назначенного времени мы все собрались в «будуаре» Айши, она уже ожидала нас, набросив темную мантию поверх обычных своих покрывал.

— Ну что, вы уже готовы? — спросила она. — Нам предстоит великое, но опасное дело.

— Да, — ответил я, — хотя я лично не верю в его успех.

— О, мой Холли, — сказала она, — ты напоминаешь мне этих древних иудеев, о которых я до сих пор не могу вспомнить без раздражения: они были такие недоверчивые, с трудом воспринимали новые мысли. Если мое зеркало не лжет, — она показала на фонтанчик с кристальной водой, — тропа все еще сохранилась. Сегодня мы начнем новую жизнь, и кто знает, чем все это кончится.

— Да, — откликнулся я, — кто знает, чем все это кончится.

У самого выхода из пещеры нас ожидал единственный паланкин с шестью глухонемыми слугами-носильщиками; я был рад увидеть вместе с ними и нашего старого приятеля Биллали, к которому испытывал искреннюю симпатию. По соображениям, которые вряд ли стоит здесь излагать, Айша решила, что мы все, кроме нее, пойдем пешком, чему мы только обрадовались, ибо нам уже надоело сидеть в пещерах, возможно, замечательных саркофагах, — если только по отношению к гробницам, которые отнюдь не являлись пожирателями хранившихся в них тел, можно употребить это слово, — но не очень-то уютных жилищах для живых людей вроде нас. То ли по случайности, то ли по особому повелению Айши, но на площадке перед пещерой, где мы наблюдали этот ужасный танец, не было видно ни одного амахаггера. Ни одной души. Поэтому я предполагаю, что о нашем отбытии не знал никто, кроме глухонемых прислужников, а они, конечно же, никак не могли проговориться.

Через несколько минут мы уже быстро шагали по большой долине, дну бывшего озера, которая походила на гигантский изумруд в оправе из

мрачных утесов, и у нас снова было время поразмышлять над необычностью места, выбранного древними обитателями Кора для своей столицы, и над тем, сколько труда, изобретательности и строительного искусства понадобилось от них, чтобы осушить такое огромное водохранилище и обеспечить сток для дождевых вод. Более впечатляющего примера торжества человека над природой мне не приходилось видеть никогда в жизни, ибо, по моему убеждению, даже такие сооружения, как Суэцкий канал или тоннель через Мон-Сени, ни по величию, ни по грандиозности замысла не идут ни в какое сравнение с этим древним проектом.

В эту пору дня в долине Кора обычно стоит восхитительная прохлада, что в какой-то степени вознаграждает за отсутствие всякого ветра, не проникающего в эту большую каменную чашу, поэтому идти было очень приятно. После получасовой ходьбы мы увидели вдали развалины города — это и был Кор, как объяснил нам Биллали. Зрелище было удивительное, и с каждым пройденным шагом наше восхищение все росло и росло. Кор, если сравнить его с Вавилоном, Фивами или каким-либо другим древним городом, — не так уж и велик. Вся территория, обнесенная крепостной стеной, не намного более двенадцати квадратных миль. Когда мы подошли к этой стене, то увидели, что кое-где земля под ней осела, кое-где обвалилась, но общая высота ее составляла не более сорока футов. Стена эта предназначалась, видимо, не для защиты от внешних врагов, — город был укрыт естественным ограждением, куда более надежным, чем любое укрепление, которое могли бы возвести человеческие руки, — а скорее служила для украшения; как оборонительное сооружение она могла понадобиться лишь в случае возникновения внутренних распрей. Сложена она была из тесаных камней, очевидно привезенных из больших пещер; при сравнительно небольшой высоте она отличалась значительной шириной и по всей своей длине была окружена большим, футов в шестьдесят, рвом, кое-где еще заполненным водой. Мы достигли этого рва за десять минут до того, как солнце окончательно зашло, перебрались через него по остаткам рухнувшего моста и с некоторым трудом взобрались на крепостную стену. Жалею, что мое перо не может передать величие открывшегося зрелища. Перед нами, в багровом мерцании заходящего солнца, на мили и мили простирались величественные руины: колонны, храмы, святилища, царские дворцы, между которыми виднелись поросли зеленого кустарника. Крыши у всех зданий давно уже сгнили и обвалились, но массивные стены и высокие колонны, сложенные из исключительно твердого камня, все еще стояли в своей первозданной целостности.

Прямо от нас уходила прямая, как стрела, главная улица, она была очень широкая, шире набережной Темзы. Позднее мы увидели, что она вымощена блоками того же тесаного камня, который шел на возведение стен, поэтому на ней плохо приживались трава и кусты. Зато там, где некогда были разбиты сады и парки, разрослись теперь густые джунгли. Даже издали легко было определить, где пролегали улицы: трава на всем их протяжении росла чахлая и жухлая. По обеим сторонам главной улицы располагались обширные кварталы развалин, во времена минувшие их, по моим предположениям, разделяли сады, но теперь на их месте был густой, спутанный кустарник. Почти все сооружения были с колоннами, для их постройки использовался цветной камень, — вот, пожалуй, и все, что мы могли разглядеть в гаснущем свете дня, торопливо проходя по главной улице, на камни которой, как я убежден, тысячелетиями не ступала нога человека. Вскоре мы достигли гигантского нагромождения камней, очевидно, остатков древнего храма, занимавшего по меньшей мере четыре акра; здесь было множество дворов, один внутри другого, наподобие китайских шаров из слоновой кости; отделялись дворы друг от друга огромными колоннами. Любопытно отметить форму этих колонн, не похожих ни на какие другие: в середине они были уже, а сверху и внизу — шире. Сначала мы полагали, что они являются обобщенными изображениями женского тела, излюбленная тема древних зодчих, к какой бы религии они ни принадлежали. На другой день, однако, поднимаясь по склону горы, мы увидели множество величественных пальм точно такой же формы, и я не сомневаюсь, что первый создатель этих колонн почерпнул свое вдохновение из плавных изгибов этих пальм, точнее — их прародительниц, которые восемь или десять тысяч лет назад, как и сейчас, украшали склоны горы, тогда еще берега вулканического озера.

Перед огромным храмом, почти не уступающим размерами фиванскому Карнаку, с большими колоннами, которые достигали восемнадцати-двадцати футов в основании и семидесяти футов высоты, наша немногочисленная процессия остановилась, и Айша сошла с паланкина.

— Здесь было место, Калликрат, — сказала она подбежавшему, чтобы ей помочь, Лео, — где можно остановиться на ночлег. Две тысячи лет назад ты, я и эта змея египтянка побывали в этом месте, но с тех пор ни я, ни кто-либо другой ни разу не заходили сюда; возможно, оно обвалилось. — И, сопровождаемая нами, она прошла по длинному пролету разбитых, поломанных ступеней во внешний двор и осмотрелась в полутьме. После короткого раздумья она сделала несколько шагов вдоль стены слева и

остановилась.

— Да, это самое место, — сказала она, знаком подзывая двоих немых, нагруженных провизией и нашими вещами. Один из них вышел вперед, достал светильник и зажег его от своей жаровни (в своих путешествиях амахаггеры почти всегда носят с собой легкие небольшие жаровни с тлеющими углями). Жаровня снабжалась трутом из измельченных остатков мумий с добавлением какой-то горючей жидкости; если пропорция выдерживалась точно, эта омерзительная смесь тлела часами. Как только светильник разгорелся, мы все вошли в дверной проем и оказались в комнате, выдолбленной в толще стены, здесь стоял массивный стол, из чего я заключил, что эта комната использовалась как жилая, возможно, это была келья для привратника храма.

Приведя комнату, насколько это позволяли обстоятельства и темнота, в порядок, мы — я говорю о Лео, Джобе и себе — перекусили холодным мясом; Айша же, как я уже имел случай сказать, не притрагивалась ни к чему, кроме фруктов, лепешек и воды.

Пока мы ужинали, над горами всплыла полная луна, и ее серебряный свет заструился через дверной проем в комнату.

— Догадываешься ли ты, почему я привела вас сегодня именно сюда, мой Холли? — спросила Айша. Подперев голову рукой, она наблюдала, как царица ночи восходит над торжественными колоннами храма. — Я привела вас сюда... Ну, не странно ли, Калликрат, что ты лежишь сейчас как раз на том самом месте, где покоилось твое мертвое тело, тогда... по пути в пещеры Кора? Все это ожило в моей памяти. Ужасное зрелище — я словно вижу его воочию. — И она вздрогнула.

Лео вскочил и поспешно пересел на другое место. Воспоминания, такие трогательные для самой Айши, были ему явно не по душе.

— Я привела вас сюда, — продолжала Айша, — чтобы вы могли полюбоваться редчайшей по красоте картиной — развалинами Кора в сиянии полной луны. Когда вы поужинаете, — я хотела бы научить тебя, Калликрат, довольствоваться лишь фруктами, но это придет само собой после огненной купели, — я тоже когда-то ела мясо, как хищный зверь, — итак, когда вы поужинаете, мы пойдем погулять и я покажу вам большой храм и божество, которому поклонялись жители Кора.

Разумеется, мы сразу поднялись и вышли. И снова мое перо обнаруживает свое бессилие. Даже если бы я знал все измерения и особенности разбивки храмовых дворов, я не решился бы утомлять внимание читателей их бесконечным перечислением; я не знаю, как описать величественные руины, что мы видели, — это едва ли не свыше

сил человеческих. Сумрачный двор за двором, ряд за рядом могучих колонн — многие из них (особенно порталные) все в резьбе от подножия до капители, пустой зал за залом, более красноречивые для воображения, чем любая многолюдная улица. И везде — могильная тишина, ощущение полного одиночества, задумчивый дух минувшего. Как все это прекрасно и как гнетуще! Мы боялись громко говорить. Сама Айша стояла с непривычно оробевшим видом среди развалин столь древних, что по сравнению с ними ее возраст казался совершенно незначительным; мы же переговаривались шепотом: его тихие отголоски плыли от колонны к колонне, пока не тонули в спокойной тишине. Ярко сияла луна, озаряя колонны, дворы и обвалившуюся кое-где крепостную стену, скрывая своей серебристой завесой все следы разрушения и придавая еще большее величие седому величию руин. Трудно представить себе что-либо более прекрасное, чем древнее святилище в лучах луны. Сколько тысячелетий мертвое небесное око и простершийся внизу мертвый город смотрят по ночам друг на друга и в полном уединении рассказывают друг другу о прошлой жизни и славе! А лунный свет все струился и струился; по траве, будто призраки древних жрецов, блуждающих вокруг святилища, скользили спокойные тени; тени становились все длиннее и длиннее, красота и величие этой картины, вездесущее присутствие Смерти глубоко волновали наши сердца; безмолвие громче, чем победные кличи огромного войска, говорило о царственной пышности минувшего, поглощенного могилой и безвозвратно канувшего в забвение.

— Пойдем, — сказала Айша, после того как мы вдосталь полюбовались этим зрелищем. — Я покажу вам истинное чудо, прекраснейший каменный цветок, если, конечно, он уцелел и продолжает бросать вызов Времени, разжигая в людских сердцах стремление познать то, что скрыто завесой Неведомого. — И, не дожидаясь ответа, через обнесенные колоннами дворы она повела нас в самое сердце святины.

И там в небольшом, ярдов пятьдесят на пятьдесят, внутреннем дворе мы увидели, может быть, самое великое аллегорическое творение искусства из всех, созданных гением человечества. В самом центре на квадратном каменном постаменте покоился огромный темного цвета каменный шар около сорока футов в поперечнике, на этом шаре, в мягкой лепке из лунных лучей и теней, высилась колоссальная крылатая фигура красоты столь неотразимой и божественной, что с первого же взгляда на нее у меня перехватило дух, а сердце перестало биться.

Статуя была высечена из мрамора, даже по прошествии стольких веков не утратившего своей изначальной чистоты и белизны; высота ее

составляла чуть менее двадцати футов. Изображала она удивительно красивую и пропорционально сложенную женщину; большие размеры, казалось, только способствовали наиболее полному выявлению ее глубоко человеческой, духовно-возвышенной красоты. Она слегка наклонялась вперед и, полураскрыв крылья, удерживала равновесие на шаре. Руки у нее были вытянуты, как будто она собиралась обнять нежно любимого человека; вся поза выражала трепетную мольбу. На ее необыкновенно стройной и грациозной фигуре не было никаких одеяний, поэтому вызывало особое удивление то, что ее голова повязана покрывалом, сквозь которое смутно проступали черты ее лица. Один из концов покрывала спадал на левую грудь, другой — поломанный — как бы реял по воздуху.

— Чье это изображение? — спросил я, как только смог наконец оторвать глаза от статуи.

— Неужто ты не можешь угадать, о Холли? — сказала Айша. — Где же твоя сила воображения? Это Истина, стоящая на земном шаре и призывающая детей совлечь с ее лица покрывало. На пьедестале есть надпись. Она, несомненно, заимствована из Священного писания обитателей Кора. — Она подвела нас к постаменту, где еще сохранилась надпись, сделанная похожими на китайские иероглифы знаками, местами полустертыми, но все еще отчетливо различимыми, по крайней мере для Айши. Вот ее перевод:

Неужто же нет человека, который сумеет обнажить мой прекрасный облик? Я буду принадлежать тому, кто совлечет с меня покрывало; я подарю ему мир и спокойствие и двух прекрасных детей — Знание и Добролюбие.

И ответил некий голос: «Бессчетны сонмища тех, кто желает тобой владеть. Но ты Девственница и пребудешь ею до скончания времен. Ни один человек, рожденный смертной женщиной, не останется в живых, если совлечет с тебя покрывало, о Истина! Это дано только Смерти!»

Истина протянула руки и возрыдала, ибо ищущие так и не смогли ее найти, узреть ее лик.

— Как видишь, — сказала Айша, когда кончила переводить надпись, — народ древнего Кора поклонялся богине Истины; в ее честь он возводил святилища, ее он искал, хотя и понимал всю тщетность этих поисков.

Окидывая прощальным взглядом это аллегорическое творение, я восхищался его чистотой и совершенством: казалось, в этой мраморной темнице заключен лучезарный живой дух, порождающий самые

возвышенные благородные мысли. Никогда, пока я жив, не забуду это поэтическое видение красоты, воплощенное в камне; сожалею только, что не могу достойно его описать.

Мы повернулись и через обширные, залитые луной дворы направились в ту сторону, откуда пришли. Этой статуи я больше никогда не увидел, что особенно огорчительно, так как на большом каменном шаре, символе мира, можно было смутно различить какие-то линии; возможно при свете дня мы бы увидели всю карту вселенной, как ее представляли себе обитатели Кора. Во всяком случае, изображение земли в виде шара свидетельствует о том, что эти древние поклонники Истины уже обладали элементарными научными познаниями.

Глава XXIV. Над бездной

На другой день глухонемые слуги разбудили нас еще до рассвета, и к тому времени, когда мы протерли глаза, наскоро умылись в родниковой воде, которая все еще заполняла полуразрушенный мраморный бассейн в центре большого прямоугольного северного двора, Айша уже стояла около паланкина, готовая продолжать путь, а старый Биллали и два носильщика собирали наши вещи. Она, как обычно, закуталась в покрывала (уж не заимствовала ли она, кстати сказать, эту привычку у неизвестного ваятеля мраморной Истины?). Я заметил, однако, что у нее необычно подавленный вид — ни всегдашней жизнерадостности, ни гордой осанки, которая выделила бы ее среди многих тысяч женщин того же роста и сложения, будь даже они все в покрывалах. При нашем приближении она подняла опущенную голову и приветствовала нас. Лео спросил у нее, как она спала.

— Плохо, мой Калликрат, — ответила она, — плохо. Всю ночь мне снились странные ужасные кошмары, и я не знаю, что они могут предвещать. У меня такое чувство, будто мне угрожает большая беда, но какая беда может со мной случиться?... Хотела бы я знать, — добавила она в приливе неожиданной нежности, — хотела бы я знать, мой Калликрат, если бы что-нибудь и впрямь случилось со мной, если бы я покинула тебя, вспоминал бы ты меня с любовью, ждал бы меня, как я столько веков ждала твоего возвращения? — Прежде чем Лео успел ответить, она продолжила: — Пора отправляться, нам предстоит еще долгий путь, но прежде чем в небесной голубизне народится новый день, мы должны достичь Обиталища Жизни.

Через пять минут мы уже шли через город; его развалины, смутно маячившие с обеих сторон в предутренних сумерках, одновременно и восхищали, и подавляли своим величием. Как раз в то мгновение, когда над всем этим баснословным запустением золотой стрелой пронесся первый луч солнца, мы уже достигли дальних ворот города, оглянулись в последний раз на величавые остатки седой старины, развалины зданий и колонн, все (исключая Джоба, который не находил во всем этом ничего привлекательного) глубоко вздохнули, сожалея, что у нас нет времени для более тщательного осмотра, и, перейдя через глубокий ров, вновь оказались на равнине.

Вместе с солнцем поднялось настроение и у Айши; когда пришло время завтракать, она была уже в обычном состоянии духа и с улыбкой

приписала свое недавнее дурное настроение влиянию того места, где спала.

— Эти варвары говорят, что Кор — заколдованный город, — сказала она, — и, подлинно, я готова им поверить, ибо лишь один раз в своей жизни провела такую мучительную ночь. Я хорошо помню ее. Это было в том месте, где ты лежал у моих ног мертвый, Калликрат. Никогда больше туда не пойду, это не к добру.

После короткого привала для завтрака мы больше нигде не задерживались и к двум часам дня были уже у подножия горы, которая отвесной стеной уходила вверх на полторы-две тысячи футов. Здесь мы остановились, что нимало меня не удивило, ибо я не представлял себе, как мы можем продолжать путь.

— Ну, а теперь, — сказала Айша, сходя с паланкина, — начинается самое трудное. Здесь мы должны оставить всех этих людей; дальше пойдем одни. — И, обращаясь к Биллали, добавила: — Ты вместе с рабами будешь ждать нашего возвращения. Мы спустимся завтра днем; если нас не будет, все равно жди.

Биллали смиренно поклонился и сказал, что ее повеление будет выполнено, даже если ему придется ждать до глубокой дряхлости.

— Я думаю, что этому человеку, о Холли, — Она указала на Джоба, — лучше остаться с ними, ибо, если ему изменят отвага и мужество, с ним может случиться какое-нибудь несчастье. И тайны того места, куда мы направляемся, не для глаз простых смертных.

Я перевел ее слова Джобу, но он, чуть не со слезами на глазах, умолял взять его с собой. Он сказал, что с ним не случится ничего хуже уже случившегося и что смертельно боится остаться с этой «немой братией», которая при первом же удобном случае нахлобучит на него раскаленный горшок.

Я перевел его ответ Айше, она пожала плечами и сказала:

— Ну что же, пусть идет с нами, мне это все равно, если с ним что-нибудь случится, он сам будет виноват; к тому же он понесет светильник и вот это. — Она показала на узкую доску в шестнадцать футов, привязанную к длинному шесту паланкина; я полагал, что она предназначена для более удобного крепления занавесок, но оказалось, что у нее какое-то другое назначение, связанное с нашим дальнейшим путешествием.

Соответственно Джобу вручили эту очень прочную, хотя и легкую доску и один из светильников. Второй светильник я взвалил себе на спину, вместе с кувшином светильного масла, тогда как Лео нагрузился провизией и бурдюком с водой. Она велела Биллали и шестерым немым носильщикам

укрыться в роще цветущих магнолий, в ста шагах от нас, и под страхом смертной казни не выходить оттуда, пока мы не скроемся из виду. Они низко поклонились и ушли; на прощание старый Биллали дружески пожал мне руку и шепотом выразил свою радость по поводу того, что *Та-чье-слово-закон* берет в это необычное путешествие не его, а меня, — и, по чести сказать, я склонен был с ним согласиться. Через минуту они удалились; Айша коротко осведомилась, готовы ли мы, повернулась и посмотрела вверх, на возвышающийся над нами утес.

— Ума не приложу, Лео, — сказал я, — как мы туда заберемся: это же отвесная стена.

Лео только пожал плечами, он был в каком-то странном замороженном состоянии, не зная чего и ждать, — и в то же мгновение Айша начала подниматься по склону; нам ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. С удивительной легкостью и изяществом она перебиралась со скалы на скалу, используя каждый выступ. Подъем оказался, однако, не таким трудным, как представлялось, хотя нам и пришлось миновать одно-два опасных места, где лучше было не оглядываться; склон был все еще достаточно пологим; настоящая крутизна начиналась выше. Без особого труда мы поднялись футов на пятьдесят от нашей последней стоянки; если с чем и была морока, то только с доской; из-за нее нам пришлось отклониться на пятьдесят-шестьдесят шагов влево; мы двигались бочком, точно крабы. Наконец мы добрались до уступа, вначале довольно узкого, но постепенно расширявшегося и отклонявшегося, как лепесток цветка, но все более и более глубокую впадину; дальше начиналась узкая, как девонширская улочка, расщелина; теперь нас невозможно уже было увидеть снизу. Эта улочка (очевидно естественного происхождения) через пятьдесят-шестьдесят шагов под прямым углом вывела нас к пещере такой неправильной, ломаной формы, как будто была проделана в месте наименьшего сопротивления чудовищным взрывом газа, что также свидетельствовало, на мой взгляд, о ее естественном происхождении. Все пещеры, высеченные обитателями Кора, отличались неизменной правильностью формы и симметрией. У входа в пещеру Айша остановилась и велела затеплить светильники, что я и сделал, оставив один светильник себе, а другой передав ей. Затем Айша первой углубилась в пещеру, выбирая путь с величайшей осторожностью, ибо кругом, как на речном дне, валялось множество валунов, а кое-где попадались и достаточно глубокие ямы, где легко можно было сломать ногу.

Пещера тянулась, насколько я мог судить, около четверти мили, и на то, чтобы пройти ее многочисленные изгибы и повороты, понадобилось

более двадцати минут.

В самом ее конце мы остановились, и пока я вглядывался во мрак, сквозь отверстие налетел внезапный вихрь, загасив оба светильника.

Айша позвала нас, и мы осторожно подошли к ней, за что были вознаграждены невероятно мрачным и величественным зрелищем. Перед нами зияло глубокое ущелье с неровными, зазубренными и рваными краями, созданное, по всей видимости, каким-то природным катаклизмом, подобно тому, как молния расщепляет дерево. С той стороны, где мы стояли, вверх уходила отвесная стена, то же самое, очевидно, было и с другой стороны; в темноте трудно было определить ширину пропасти, но вряд ли она могла быть очень широка. Мы не видели ни ее очертаний, ни дна по той простой причине, что находились по меньшей мере на полторы-две тысячи футов ниже вершины утеса, сверху едва просачивался тусклый свет. Прямо за выходом из пещеры начинался очень странный на вид сужающийся скалистый выступ, длиной в пятьдесят футов, напоминающий петушиную шпору. Эта огромная шпора-скала висела в воздухе, прикрепленная только в самом своем основании.

— Здесь мы должны перейти через пропасть, — сказала Айша. — Берегитесь, чтобы у вас не закружилась голова и чтобы вас не сдуло ветром, ибо эта пропасть поистине бездонная.

И, не оставив нам времени на размышления, она пошла вдоль узкого выступа; мы последовали за ней. Я шел за Айшей, Джоб, с трудом волоча доску, — за мной, Лео замыкал шествие. Мы не могли не восхищаться этой женщиной, которая с таким бесстрашием скользила по ужасной скале. Что до меня, то через несколько шагов, боясь поскользнуться, не устояв перед напором ветра, я опустил на четвереньки и пополз; так поступили и остальные двое.

Айша, однако, шла вперед; несмотря на порывы ветра, она не теряла равновесия и сохраняла полное хладнокровие. За несколько минут, следуя за Айшей, мы проползли около двадцати ярдов по этому подобию моста, который становился все уже и уже, — и тут вдруг налетел сильный вихрь. Айша лишь слегка наклонилась, но вихрь сорвал с ее плеч темную мантию, которая полетела, хлопая, как раненая птица. Страшно было смотреть, как она растворилась в черной мгле. Я вцепился руками в скалу и тревожно озирался, а каменная шпора под нами гудела, содрогаясь, как живая. Зрелище было не для робких. Мы как бы висели между небом и землей. Под нами — на сотни и сотни футов — провал, который чем глубже, тем темнее, можно только гадать, какова его глубина. Над нами — слой за слоем вихрящийся воздух, — только где-то высоко-высоко полоска

голубизны. И в довершение всего — облачка и мутные испарения, которые ветер с ревом гоняет по бездне, слепя и повергая нас в еще большее смятение.

Происходящее было настолько необычным и ирреальным, что мы даже не испытывали естественного страха, но и по сей день мне часто снится эта пропасть, и каждый раз я просыпаюсь в холодном поту, с бьющимся сердцем.

— Вперед! Вперед! — торопила белая фигура; после того как ветер унес мантию, Она осталась в белом одеянии и походила скорее на дух, оседлавший ветер, чем на земную женщину. — Вперед, вперед, или вы упадете и разобьетесь. Не смотрите вниз и крепко держитесь за скалу.

Повинуясь ей, мы медленно ползли по каменной шпоре, которая гигантским камертоном вибрировала под порывами оглушительно взвизгивающего, рыдающего ветра. А мы все ползли и ползли, оглядываясь лишь в случае крайней необходимости, пока наконец не добрались до расширения чуть больше обеденного стола в самом конце шпоры; она дрожала, словно мчащийся на всех парах корабль. Мы трое лежали на животах, тревожно озираясь вокруг, тогда как Айша стояла, спокойно выдерживая напор ветра, который развеивал ее длинные волосы; она как будто даже не замечала зияющей под нами страшной бездны; рука ее была протянута вперед. Только тогда мы наконец поняли, зачем нужна доска, которую с моей помощью тащил Джоб. Перед нами была пустота; по другую ее сторону в густой тени противоположного утеса что-то виднелось, но что именно — мы не могли различить: темно было как ночью.

— Надо подождать, — сказала Айша. — Скоро посветлеет.

Сначала я не понял, что она имеет в виду. Каким образом свет может проникнуть в это проклятое место? Пока я терялся в догадках, стигийскую мглу, точно огненный меч, прорезал луч заходящего солнца, озарив фигуру Айши, которая засверкала в неземном великолепии. Как описать необыкновенную, дикую красоту этого огненного меча, который рассекал тьму и похожие на венки клубы тумана. Я до сих пор не знаю, как он мог туда проникнуть, разве что через какую-нибудь трещину или отверстие в противоположном утесе, и притом в определенное время, на закате. Могу только сказать, что никогда не видел более поразительного эффекта. Огненный меч пронзил самое сердце темноты; все, что лежало на его пути, вплоть до малейших камешков, высвечивалось с необыкновенной яркостью, тогда как в нескольких ярдах от края его лезвия не было видно ничего, кроме скопления теней.

Этого луча света, очевидно, Она и ждала; к его появлению она и приурочила наше прибытие, зная, что все это с неизменной точностью повторяется изо дня в день в течение тысячелетий; только тогда мы смогли наконец рассмотреть, что перед нами. В одиннадцати-двенадцати футах от конца каменного языка, где мы находились, откуда-то из самой глубины бездны острием вверх поднимался каменный конус, похожий на голову сахара; его ближайшая часть отстояла от нас на сорок футов. Однако на круглой кольцевидной вершине этого конуса лежала огромная плита, что-то вроде ледникового валуна, возможно это и был валун; конец плиты находился футах в двенадцати от нас. Гигантский камень балансировал на этой вершине, как полукрона на краю бокала; в ярком свете луча мы видели, как он покачивается под порывами ветра.

— Быстро! — кричала Айша. — Кладите доску — мы должны перейти через пропасть, пока не погаснет свет. У нас очень мало времени.

— Господи! — простонал Джоб. — Неужто она хочет, чтобы мы перешли на ту сторону? — И по моему знаку он подтолкнул ко мне длинную доску.

— Да, Джоб, да! — воскликнул я с нарочитой бодростью, хотя и мне отнюдь не улыбалась мысль идти по доске через пропасть.

Я передал доску Айше, она быстро перекинула ее от мыска дрожащей каменной шпory к шатающейся плите. Затем, придавив доску ногой, чтобы ее не унесло ветром, она повернулась ко мне.

— За то время, что я здесь не была, о Холл и, — прокричала она, — каменная плита на той стороне стала раскачиваться еще сильнее, я не уверена, что она выдержит наш вес. Со мной ничего не случится, поэтому я пойду первая. — И, не говоря больше ни слова, она легко и уверенно перешла через шаткий мостик.

— Ничего страшного! — успокоила она нас. — Держите доску, а я отойду к концу плиты, чтобы ваша тяжесть не нарушила равновесия. Иди же, Холли, свет скоро погаснет.

Я поднялся на колени, впервые в жизни мне стало дурно; без стыда признаюсь, что решимость мне изменила.

— Неужто ты боишься? — обратилось ко мне это странное существо, пользуясь коротким затишьем. Она походила на птицу, раскачивавшуюся на высокой ветке. — Тогда пропусти вперед Калликрата.

Это положило конец моей нерешительности: лучше свалиться в пропасть и разбиться, чем терпеть насмешки такой женщины; стиснув зубы, я двинулся по узкой, прогибающейся доске над зияющей пустотой. Я всегда плохо переносил высоту, но еще никогда не оказывался в столь

ужасном положении. Какое это отвратительное до тошноты ощущение — идти по проседающей доске, которая лежит на двух неустойчивых опорах. Голова у меня кружилась, по спине ползли мурашки, я был уверен, что вот-вот упаду; каков же был мой восторг, когда я наконец простерся на каменной плите, которая покачивалась, как лодка на волнах. Помню только, что я коротко, но от всего сердца возблагодарил Божий Промысел за свое чудесное спасение.

Затем настала очередь Лео, и, хотя вид у него был немного странноватый, он перешел через пропасть с ловкостью канатоходца. Айша протянула ему руку и сказала:

— Молодец, мой возлюбленный; ты смелый человек! В тебе еще жив старый греческий дух!

На той стороне оставался лишь старый Джоб. Он подполз к доске и завопил:

— Я не могу пройти через эту проклятую пропасть, сэр! Обязательно свалюсь.

— Ты должен перейти, — ответил я неуместно шутливым тоном, — должен перейти, это так же просто, как поймать муху. — Я, вероятно, употребил это выражение, чтобы успокоить Джоба, но на самом деле я не знаю ничего более трудного, чем поймать муху, особенно в жаркую погоду, кроме разве что поимки москита.

— Не могу, сэр, не могу.

— Пусть он идет, — сказала Айша. — Если он останется, то неминуемо погибнет. Свет уже гаснет. Сейчас станет темно.

Она была права. Солнце уже опускалось ниже отверстия или расщелины, сквозь которую пробивался его луч.

— Если ты останешься там, Джоб, ты погибнешь, — крикнул я. — Уже темнеет.

— Иди, Джоб, будь мужчиной! — проревел Лео. — Это нетрудно.

Вняв нашим настояниям, несчастный Джоб с ужасающим воплем распластался по доске; не смея идти во весь рост, он, свесив ноги в пустоту, стал подтягиваться все вперед и вперед; впрочем, кто решится осудить его за это?

От резких движений его рук каменная плита — площадь ее опоры была очень невелика — опасно зашаталась, ко всему еще, когда он был уже на полпути, пламенный луч света вдруг погас: впечатление было такое, будто в занавешенной комнате задули светильник; ущелье, где по-прежнему выл ветер, затопила полная тьма.

— Ползи, Джоб, ради Бога, ползи! — крикнул я в смертельном страхе;

каменная плита под нами раскачивалась так сильно, что мы с трудом на ней удерживались. Положение было отчаянное.

— Господи, спаси! — возопил бедный Джоб из темноты. — Ой, доска соскальзывает! — Послышались громкие звуки возни; я подумал, что Джоб сорвался.

Но в этот миг его протянутая рука — она отчаянно цеплялась за воздух — встретила с моей, я стиснул ее и потащил, потащил со всей силой, которой Провидению угодно было одарить меня с такой щедростью, — и через минуту, к моей радости, Джоб уже лежал, тяжело отдуваясь, рядом со мной. Но доска! Я почувствовал, как она выскользнула, ударилась концом о выступающую скалу и полетела в бездонный провал.

— Боже! — воскликнул я. — Как же мы вернемся?

— Не знаю, — отозвался Лео из темноты. — С меня достаточно того, что мы уже вытерпели сегодня. Я благодарю судьбу, что уцелел.

Айша подала мне руку, и я пошел следом за ней.

Глава XXV. Дух Жизни

Дрожа от страха, я дошел до самого края плиты и вытянул вперед ногу, нащупывая, куда ступить. Но под ногой ничего не было.

— Сейчас я упаду, — задыхаясь, проговорил я.

— Доверься мне и иди вперед, — ответила Айша.

Учитывая все обстоятельства, нетрудно понять, что особого доверия к Айше я не испытывал, ибо хорошо знал ее характер. Она могла обречь меня на самую ужасную участь. Но жизнь иногда требует, чтобы мы возлагали свою веру на неведомые алтари, другого выхода у меня не было.

— Иди! — велела она, и мне не оставалось ничего другого, как повиноваться. Несколько ярдов я проехал по каменному склону, затем потерял под собой всякую опору. Я уже подумал было: конец, но в следующий миг мои ноги уперлись во что-то твердое, — я стоял на каменном полу, вне досягаемости ветра, который выл где-то вверху. Не успел я возблагодарить Небо за его бесконечное милосердие, как послышался шум и возле меня оказался Лео.

— Привет, старина, — сказал он. — Ты уже здесь? Все это становится довольно интересным.

В следующий миг на нас с диким воплем свалился Джоб, сбив нас обоих с ног. Когда мы поднялись, Айша уже стояла среди нас; она велела зажечь светильники, которые, к счастью, не разбились, так же как и запасной кувшин со светильным маслом.

Я достал коробок вощеных спичек фирмы «Брайанти и Мей», и они вспыхнули в этом мрачном месте такими же веселыми огоньками, как если бы мы были в лондонской гостиной.

Через пару минут оба светильника уже горели: перед нами предстало любопытное зрелище. Мы, сбившись в кучку, стояли в пещере в десять футов длиной и шириной, и у всех у нас, кроме Айши, которая, скрестив руки, спокойно ждала, когда разгорятся светильники, был довольно ошеломленный вид. Пещера была частично естественная, частично выдолбленная в верхней части каменного конуса. Крышей служила шаткая каменная плита; задняя ее часть с полого спускающимся полом была выдолблена в каменной породе. Здесь было тепло и сухо — настоящая обитель отдохновения по сравнению с вершиной конусной скалы и дрожащей каменной шпорой.

— Ну что же, — сказала Она, — мы благополучно добрались до

пещеры, хотя я опасалась, что каменная плита сорвется и упадет вместе с вами в бездонную пропасть, ибо эта расселина и впрямь не имеет дна, уходит в самое сердце земли. Вершина скалы, поддерживающая эту плиту, сильно искрошилась под ее тяжестью, тем более что плита все время покачивается. К сожалению, этот человек, — она кивнула в сторону Джоба; сидя на полу, он вяло вытирал лоб красным бумажным платком, — которого справедливо называют Свиньей, ибо он глуп, как свинья, уронил доску, и теперь мне придется придумать какой-нибудь способ выбраться отсюда, а это не так-то легко. Но пока отдыхайте и осматривайтесь. Как вы думаете, что это за пещера?

— Мы не знаем, — ответил я.

— Некогда, о Холли, это гнездо себе облюбовал один человек, который называл себя Нутом; здесь он прожил много лет, лишь один раз в двенадцать дней спускаясь за пищей, водой и маслом, которые люди в изобилии складывали у входа в тоннель, по пути сюда.

Мы с удивлением подняли глаза, и она продолжала:

— Да, это так. Нут, хотя и жил в более поздние времена, вобрал в себя всю мудрость сыновей Кора. Он был аскетом и философом, глубоко проник в тайны Природы; он-то и нашел Огненный Столп, который я вам покажу и который питает живую душу Природы; тот, кто совершил омовение в этой огненной купели, кто дышал ее жаром, будет жить, покуда жива сама Природа. Но этот Нут, как и ты, о Холли, не хотел воспользоваться открытой им тайной. Человек рождается для смерти, а не для вечной жизни, считал он. Он никому не говорил о том, что узнал, поэтому и жил здесь, где должен пройти всякий, кто ищет Дух Жизни; амахаггеры, его современники, чтити его как святого отшельника. Когда я впервые попала в страну, — знаешь ли ты, Калликрат, как это произошло? Когда-нибудь я расскажу тебе странную историю, — я услышала о философе Нуте, пришла сюда, дождалась, пока он выйдет за едой, и упросила его взять меня с собой, хотя мне и было страшно переходить через пропасть. Я очаровала его своей красотой и умом, растопила его сердце льстивыми словами, и в конце концов он показал мне Источник Жизни и открыл его тайны, но он не разрешал мне вступить в пламя, и, опасаясь, как бы он меня не убил, я не стала нарушать его запрет, ведь он был очень стар и я знала, что он скоро умрет.

Я выведала у него все, что ему было известно об удивительном Духе Жизни, а известно ему было очень многое, ибо этот старец был истинно мудр; чистотой своей души, постоянным воздержанием и самоуглублением он сумел проникнуть за завесу, отделяющую то, что мы видим, от великих

незримых тайн, шорох чьих крыльев мы иногда слышим над миром. Потом — всего через несколько дней — я встретила тебя, мой Калликрат, вместе с прекрасной египтянкой Аменартас и полюбила в первый и последний раз в своей жизни, однажды к навсегда, — тогда-то у меня и родилась мысль прийти сюда вместе с тобой, чтобы мы оба обрели дар долголетия. Когда мы явились в пещеру вместе с египтянкой, — она не отпускала тебя ни на шаг, — старец Нут лежал мертвый, *вот здесь*, — она показала на место, где я сидел, — укрытый своей белой бородой, как одеянием. С тех пор прошло столько времени, он давно уже истлел, а его прах разнес ветер.

Я пошарил в пыли под собой и наткнулся на что-то твердое. Оказалось, что это человеческий зуб, сильно пожелтевший, но все еще прочный. Я поднял его, чтобы Айша увидела мою находку.

— Да, — подтвердила она со смехом, — это, несомненно, его зуб. Вот и все, что сохранилось от Нута и его мудрости, — один зуб. Этот человек имел безграничную власть над жизнью, но сознательно не хотел пользоваться ею. Итак, он лежал мертвый, и мы спустились туда, куда я собираюсь вас повести; и, призвав на помощь всю свою смелость, отринув страх смерти, в надежде увенчать себя сверкающей короной Жизни, я вступила в пламена — и в тот же миг огненная субстанция жизни — вы никогда не поймете, что это такое, покуда не почувствуете сами, — разлилась по моим жилам; я вышла оттуда бессмертная и божественно прекрасная. Я простерла мои руки к тебе, Калликрат, и сказала: «Вот я, твоя бессмертная невеста», но ты, ослепленный моей красотой, отвернулся и обвинил руками шею Аменартас. И тогда меня охватила неистовая ярость, в припадке безумия я вырвала у тебя копье и вонзила его в твое тело, ты долго стонал, прежде чем умереть, и наконец умер у моих ног. Тогда я еще не знала, что могу убивать глазами и напряжением воли, поэтому поразила тебя копьем.

Итак, ты был мертв, и я горько рыдала, ибо обрела бессмертие, а ты был мертв. Так велико было мое горе, что будь я смертной женщиной, мое сердце не выдержало бы и разорвалось. А она, смуглоликая египтянка, проклинала меня, призывая на помощь своих богов. Она молила Осириса, Исиду, Нефтиду, Хекет, Сехмет, Львоголовую, и Сета наслать на меня все мыслимые беды, все беды и непреходящее горе! Я и сейчас, как воочию, вижу ее темное лицо, склоняющееся надо мной в приступе гнева, но она не могла причинить мне вреда, а я... я не знаю, могла ли я что-нибудь с ней сделать. Да я и не пыталась, мне было все равно, мы вынесли тебя вместе. Потом я отправила египтянку через болота; она, кажется, выжила и родила сына, и даже написала послание, которое привело тебя, ее мужа, ко мне, ее

сопернице и твоей убийце.

Вот и вся история, мой любимый, и настал час, который достойно ее увенчает. Как и все на земле, эта история сочетает в себе и зло и добро; может быть, больше зла, чем добра, и начертана кровавыми письменами. Но она правдива, я ничего не утаила от тебя, Калликрат. И последнее, что я хотела сказать перед твоим испытанием. Сейчас мы войдем в обитель Смерти, ибо Жизнь и Смерть сплетены в одно неразрывное целое, и кто знает, не произойдет ли что-нибудь такое, что опять разлучит нас. Я просто женщина, не пророчица, и не могу читать в книге будущего. Я только знаю, — со слов мудреца Нута, — что моя жизнь будет более длительной и яркой, чем у других. Но я не бессмертна. Поэтому прежде, чем пойти туда, скажи мне, о Калликрат, что ты подлинно прощаешь меня и любишь всем сердцем. Послушай, Калликрат, я свершила много зла: позапрошлым вечером я убила девушку, которая тебя любила, за то, что она ослушалась меня и посмела предречь мне несчастье, поэтому я и сразила ее. Будь же и ты осторожен, когда обретишь могущество: не наноси ударов в гневе или приступе ревности, ибо всесилие — опасное оружие в руках человека, склонного заблуждаться. Да, я совершила великий грех, но так же велика и любовь, которая опоила меня своей горечью; и все же я могу распознавать добро и зло, и мое сердце отнюдь не зачерствело. Твоя любовь, о Калликрат, откроет для меня врата избавления, тогда как моя страсть была тропой, которая вела к злу. Ибо неразделенная глубокая любовь — ад для сердец благородных, она сущее проклятие, но любовь, находящая свое совершенное отражение в душе желанного человека, придает нам крылья, с их помощью мы можем вознестись над собой, раскрыв все свои возможности. Поэтому, Калликрат, возьми меня за руку и сними с моего лица покрывало без всякого страха, как будто я простая деревенская девушка, а не самая мудрая и красивая женщина во всем этом обширном мире, посмотри мне в глаза и скажи, что ты прощаешь меня всем сердцем и что ты боготворишь меня всем сердцем.

Она остановилась, но странная нежность, которой был напоен ее голос, все еще реяла вокруг нас, как воспоминание. Сами звуки ее голоса взволновали меня еще сильнее, чем слова, — казалось, ее устами говорила сама человечность, сама женственность. Странно растроган был и Лео. Да, он был заморожен, но вопреки своему здравому смыслу, как птица — змеей, но теперь все это вдруг отошло, и он понял, что действительно любит это необычное и прекрасное существо, как, увы, любил ее и я. На его глаза навернулись слезы, он быстро подошел к ней, скинул с ее лица покрывало, взял ее за руку и, глядя прямо в упор, громко сказал: «Айша, я люблю тебя»

всем сердцем и, насколько это в моей власти, прощаю тебе смерть Устане. Что до всего прочего, то ответ тебе придется держать перед самым Творцом, от меня тут ничего не зависит. Я знаю, что люблю тебя, как никогда не любил прежде, и буду верен тебе до конца».

— А теперь, — сказала Айша с горделивым смирением, — теперь, когда мой господин явил истинно царское великодушие и так щедро одарил меня, я должна оказаться достойной его — и не только на словах. Смотри! — Она взяла и возложила его руку на свое прекрасное чело и медленно опустилась на одно колено.

— Смотри! В знак полной покорности я склоняюсь перед своим повелителем. — Она поцеловала его в губы. — В знак верной супружеской любви я целую своего господина. Смотри! — Она приложила руку к сердцу. — Клянусь свершенным мною грехом, клянусь долгими веками искупительных мук ожидания, клянусь своей великой любовью и Вечным Духом, источником жизни, из которого она вытекает и куда возвращается, клянусь в этот святой час исполнения заветнейшей надежды женщины, что отныне я отрину Зло и возлюблю Добро. Клянусь, что, следуя велению твоего голоса, я ни на шаг не отклонюсь от прямого пути Добра. Клянусь, что изгоню из своей души Честолюбие; да будет всегда моей путеводной звездой Мудрость, да приведет она меня к познанию Высшей Истины и Справедливости! Клянусь, что буду чтить и лелеять тебя, Калликрат, которого волны времени возвратили в мои объятия, где, как я надеюсь, ты пребудешь до конца, какой бы срок нам ни был отпущен судьбой. Клянусь... Нет, не надо больше слов. Ты еще увидишь, сколь правдив язык Айши.

Итак, я поклялась, ты, Холли, свидетель. Отныне, Калликрат, мы с тобой муж и жена, брачным шатром для нас будет эта темная пещера; что бы ни случилось, мы пребудем мужем и женой до скончания времен; мы начертаяем свои свадебные обеты на залетающем сюда ветре, и он вознесет их в небеса, где им суждено вращаться вместе с вращающейся вселенной.

Мой брачный дар — усыпанная брильянтами звезд диадема моей красоты, долгая жизнь, безграничная мудрость и несметное богатство. Великие мира сего будут ползать у твоих ног, а их прекрасные жены будут прикрывать глаза, ослепленные сияющим великолепием твоего облика; блеском ума ты посрамишь мудрейших. Сердца людей будут для тебя открытой книгой, и ты сможешь подчинить их своей воле. Как древний египетский сфинкс, из века в век ты будешь восседать на своем престоле; люди будут снова и снова молить тебя открыть им тайну твоего непреходящего величия, но ответом им будет твое насмешливое молчание.

Еще раз целую тебя: этим поцелуем я дарую тебе власть над морем и сушей, над селянином в его убогой лачуге, над монархом в его дворце, над городами, увенчанными башнями, и всеми там живущими. Повсюду, где солнце потрясает огненными копьями, где пустынные воды отражают в своем зеркале луну, где бушуют ураганные ветры и в небе воздвигаются многоцветные арки, повсюду от далекого, облаченного в снега Севера и — через срединные просторы мира — до любвеобильного Юга, возлежащего, как невеста, на голубом морском ложе, Юга, чьи вздохи напоены сладостным ароматом мирт, — повсюду будут простираться твои власть и могущество, повсюду раскинутся, твои необъятные владения. Ни недуг, ни страх с его ледяными пальцами, ни печаль, ни постепенное угасание души и тела, которому подвержено все человечество, не коснутся тебя даже тенью своих крыльев. Ты будешь подобен богу, держащему в деснице и Добро и Зло, и даже я, я буду смиряться перед твоей волей. Такова сила Любви, и таков мой тебе брачный дар, о Калликрат, возлюбленный самим Ра, мой господин и господин всего мира.

Наш брачный союз заключен, и что бы ни случилось, в горе и радости, в добре и зле, в жизни и смерти, — этот союз навеки нерасторжим. Ибо то, что существует, подлинно существует, и то, что свершается, подлинно свершается, изменить его уже нельзя. Я сказала. А теперь пошли отсюда, и пусть все сужденное осуществится должным чередом. — Она взяла светильник и направилась в дальний конец пещеры, прикрытый качающейся каменной плитой; там она остановилась.

Подойдя к ней, мы увидели отверстие в каменной стене; за ним начиналась лестница, если это слово применимо к грубо обтесанным каменным выступам. Айша начала спускаться по ней, перепрыгивая со ступени на ступень с грациозностью серны; мы последовали за ней — естественно, с куда меньшим изяществом. На пятнадцатой или шестнадцатой ступени лестница закончилась; дальше большим зигзагом — сперва наружу, потом внутрь — шел каменистый склон. Склон был крутой и местами даже обрывистый, но с помощью светильников мы спустились по нему без особого труда, хотя спускаться в мертвое сердце вулкана не такое уж приятное занятие. И все же я старался запоминать дорогу, что, впрочем, было не так уж и трудно, ибо ориентирами мне служили необычные, самой фантастической формы, обломки скалы, которые в тусклом мерцании светильников походили на мрачные головы, изваянные средневековыми мастерами.

Так мы шли довольно долго, с полчаса, как я думаю, и за это время спустились на много сотен футов и достигли самого низа конусообразной

скалы. От большой каменной воронки начинался проход, такой низкий и узкий, что нам пришлось пробираться по нему гуськом. Через пятьдесят ярдов проход раздался вширь и перешел в пещеру, такую огромную, что мы не видели ни потолка, ни стен. Только по звонким отголоскам наших шагов и неподвижности спертого воздуха мы поняли, что это пещера. В течение многих минут мы шли в полном безмолвии и страхе, какой, должно быть, испытывают потерянные души в самой глубине ада, следом за призрачной белой фигурой Айши; пещера снова сузилась и превратилась в проход, который привел нас во вторую пещеру, гораздо меньшую, чем первая. Мы хорошо различали сводчатый потолок и стены и по их рваной, зазубренной поверхности поняли, что, как и тот первый длинный тоннель, который через толщу горы вел к дрожащей каменной шпоре, и эта пещера была образована гигантской силой какого-то взрывчатого газа. Далее начинался третий проход, в конце которого брезжил неяркий свет.

Я услышал облегченный вздох Айши.

— Наконец-то, — сказала она. — Сейчас мы войдем в самое лоно Земли, где зачинается Жизнь, обретающая в людях и животных, в каждом дереве и цветке.

Она поспешила вперед, а мы, спотыкаясь, потащились за ней; чаши наших сердец были переполнены смешанным чувством смятения и любопытства. Что мы увидим? Мы шли через тоннель, а вспышки неведомого света, что напоминали лучи, бросаемые маяком на темные воды, — становились все ярче и ярче. И это было еще не все, ибо вспышки света сопровождались неистовым шумом, похожим на гром или грохот рушащихся деревьев. Наконец тоннель позади, и... О силы небесные!

Мы стояли в третьей пещере. Она была устлана ковром тончайшего белого песка, и стены были гладкие — что сделало их такими, я не знаю. Пещера была не такая темная, как предыдущие, ее заполняло мягкое розоватое свечение, трудно было вообразить себе что-либо прекраснее. Вначале, однако, мы не видели вспышек и не слышали громоподобного шума. Пока мы рассматривали эту удивительную картину, недоумевая, откуда струится розовое свечение, случилось нечто, вселяющее одновременно страх и восхищение. В дальнем конце пещеры послышался громовый скрежещущий звук — звук этот наводил такой ужас, что мы все задрожали, а Джоб рухнул на колени, — и в тот же миг там появилось огненное облако, вернее, огненный столп, многоцветный, словно радуга, и ослепительный, словно молния. Примерно секунд сорок он ярко пылал и грохотал, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, затем мало-помалу шум ослабел и прекратился, одновременно куда-то исчезло и пламя,

оставив после себя все то же розоватое свечение.

— Подойдите ближе, ближе! — закричала Айша ликующим голосом. — Вот он — Источник Жизни, ее Сердце, бьющееся в груди всего мира. Вот она — субстанция, дарующая энергию всему живому, вот он — Дух, без которого наша Земля остынет и умрет, подобно Луне. Подойдите ближе, омойтесь в живом огне, — и ваша убогая плоть обретет истинную Жизнь во всей ее девственной силе — не ту жизнь, что сейчас еле тлеет в вашей груди, профильтрованная через тысячи промежуточных существований, а ту, что бурлит здесь, в источнике и гнездилище Земного Бытия.

Следом за ней мы прошли сквозь розоватое свечение в глубь пещеры, пока не достигли места, откуда вырывалось пульсирующее пламя. Мы все чувствовали прекрасное дикое одушевление, такую необыкновенную в своем великолепии полноту жизни, по сравнению с которой наибольшие приливы энергии, что мы когда-либо испытывали, казались совершенно ничтожными. То было воздействие пламени: хотя само оно и исчезло, его невидимая эманация продолжала на нас влиять, мы ощущали себя могучими исполинами, стремительными орлами.

Здесь мы и стояли, переглядываясь в этом дивном свечении и громко смеясь — смеялся даже Джоб, впервые за всю эту неделю; у всех нас было невероятно легко на сердце, ум переполняло божественное опьянение. Я ощущал в себе разнообразные гениальные способности. Я мог бы говорить белым стихом, не менее прекрасным, чем Шекспиров; меня осеняли всевозможные великие идеи; мой дух как будто сбросил с себя тяжкие оковы плоти и свободно парил на недостигаемой высоте. Описать мои ощущения невозможно. Во мне ключом била жизненная сила, клокотала невероятная радость; мысли обрели небывалую тонкость и глубину. Я как будто переродился, мое «я» исполнилось неожиданного величия; и все пути Возможного были открыты для шагов Реальности.

Пока я радовался замечательной энергии моего новообретенного «я», откуда-то издалека донесся устрашающий гул — этот гул становился все громче и громче, пока не обратился в грохот и рев, который воплотил в себе все самое ужасное и в то же время великолепное, что только может быть в звуке. Грохот и рев все ближе и ближе, совсем уже рядом, и кажется, будто это катится колесница грома, влекомая конями молний. И неожиданно перед нами возникает ослепительно яркое многоцветное облако, оно медленно поворачивается, а затем, сопровождаемое все теми же громовыми раскатами, удаляется неизвестно куда.

Мы все были так потрясены этим поразительным зрелищем, что упали на колени и спрятали лица в песке; только Она продолжала стоять,

простирая руки к огню.

— О Калликрат, — сказала Айша, когда многоцветное облако скрылось, — настал великий миг. Когда пламя снова вспыхнет перед нами, ты должен в него вступить. Сбрось все свои одежды, потому что пламя спалит их, хотя и не может повредить тебе. Ты должен простоять, сколько выдержишь; старайся вобрать пламя в самую глубь сердца, подставляй ему все тело, чтобы ничего не потерять из даруемой им силы. Слышишь меня, Калликрат?

— Я слышу тебя, Айша, — ответил Лео. — Я не трус, но, признаюсь, этот бушующий огонь внушает мне страх. Откуда мне знать, не сожжет ли он меня дотла, так что я утрачу не только свою брENNую плоть, но и тебя. И все же я готов исполнить твоё желание, — добавил он.

Айша на минуту задумалась, затем сказала:

— В твоём опасении нет ничего удивительного. Скажи мне, Калликрат, если я в твоём присутствии вступлю в пламя и выйду из него невредимая, обретешь ли ты необходимую решимость?

— Да, — ответил он, — я вступлю в пламя, даже если мне суждено погибнуть. И не откажусь от своего слова.

— И я тоже! — вскричал я.

— Что я слышу, мой Холли! — Она громко рассмеялась. — Ты же говорил, что не хочешь долголетия. Что же заставило тебя переменить это решение?

— Не знаю, — ответил я, — но я испытываю непреодолимое искушение войти в огонь и жить долго.

— Ну что ж, — сказала она, — я вижу, в тебе ещё сохранились проблески ума. Смотрите, сейчас я вновь омоюсь в живительном пламени. Может быть, я смогу стать ещё прекраснее и удлинить срок моей жизни. Если нет, то со мной не произойдет ничего плохого.

— Есть и ещё одна, более важная причина, — продолжала она после короткой паузы, — почему я хочу омыться в пламени. Когда я сделала это в первый раз, моё сердце было переполнено страстью и ненавистью к египтянке Аменартас; с того самого злополучного часа страсть и ненависть неизгладимо отпечатались на моей душе, тщетно я пыталась от них освободиться. Но теперь всё иначе. Я счастлива, ничто не нарушает чистоты моих мыслей, и так будет всегда. Вот почему, Калликрат, я собираюсь совершить вторичное омовение: я хочу освободиться от всякой скверны и стать достойной тебя. И ты тоже, вступая в огонь, очисти своё сердце от зла, пребудь в сладостном довольстве и спокойствии. Освободи крылья своего духа, углубись в божественное созерцание: вспоминай о

поцелуях матери, сосредоточь мысли на высочайшем благе, которое когда-либо парило в безмолвствующих небесах твоих снов. Ибо из семени того, что ты есть сейчас, в этот решительный миг, произрастет твое грядущее бессмертное «я».

Готовься же, готовься! Так, будто пробил твой последний час и тебе предстоит переправа в страну теней, а не вступление — через врата славы — в царство новой, прекрасной Жизни. Готовься же, я говорю!

Глава XXVI. Что мы увидели

Пока Айша собиралась с силами для предстоящего ей испытания огнем, мы стояли, тесно прижавшись друг к другу, в безмолвном ожидании. Наконец откуда-то издали послышались первые, еще негромкие отголоски гула, который все усиливался и усиливался, пока не превратился в оглушительный, хотя еще отдаленный, шум. Айша быстро сбросила покрывала, расстегнула золотой пояс в виде змеи, распустила свои прекрасные волосы, которые, как одежда, закрыли все ее тело, сняла под их прикрытием платье, а затем надела пояс поверх густой массы волос. Она стояла перед нами, как некогда Ева перед Адамом, в облачении своих пышных локонов, перехваченных золотой опояской; у меня нет слов передать, как хороша она была — и как божественна. Все ближе и ближе подкатывалась колесница грома, и, когда она была уже рядом, Айша выпростала свою белую ручку из-под темного покрывала волос и обвила шею Лео.

— О мой любимый, о мой любимый, — прошептала она. — Узнаешь ли ты когда-нибудь, как сильно я тебя любила и люблю? — Она поцеловала его в лоб и встала на пути Пламени Жизни.

Я помню, как глубоко тронули меня ее слова и поцелуй в лоб. Поцелуй был материнским и, казалось, заключал в себе благословение.

А громовые раскаты становились все сильнее и сильнее: впечатление было такое, будто могучий ураган с корнями вырывает в лесу деревья, как легкие травинки, взметает их в небо, а затем с оглушительным треском катит вниз по горному склону. Все ближе и ближе подкатывался гул; розоватый воздух, словно стрелы, пронизывали вспышки света, предвестники вращающегося огненного столпа; наконец показался и край самого столпа. Айша повернулась к нему лицом и вытянула руки, приветствуя его. Огонь медленно, очень медленно приблизился к ней и обхватил все ее тело. Айша зачерпывала его, как воду, и лила себе на голову. Она даже приоткрыла рот и втягивала его в свои легкие; зрелище было страшное и удивительное.

Затем она вытянула руки и замерла с божественной улыбкой на лице: в этот миг она казалась самим Духом Огня.

Таинственное пламя играло ее темными волнистыми локонами, вплетая в них свои золотые нити, мерцало на ее белоснежной груди и плечах, с которых соскользнули волосы, скользило по ее лебединой шее и

нежным чертам лица и пылало в глазах, которые своей яркостью, казалось, даже затмевали духовную суть.

О, как прекрасна была она среди пламени! Ни один небесный ангел не мог бы превзойти ее красотой. Даже и сейчас, когда я вспоминаю, как она стояла, с улыбкой глядя на наши испуганные лица, у меня обмирает сердце, и я отдал бы половину оставшейся жизни, чтобы вновь увидеть ее в том же облике.

И вдруг — это было совершенно неожиданно — ее лицо изменилось, я не могу определить или выразить, в чем заключалась эта перемена, но она свершилась. Улыбка исчезла, вместо нее появилось сухое, суровое выражение; черты округлого лица заострились, в них проступило глубокое беспокойство. Глаза померкли, утратили блеск, а фигура выглядела уже не такой прямой и совершенной, как прежде.

Я протер глаза, полагая, что стал жертвой галлюцинации или оптического обмана, порожденного интенсивностью света; и в это мгновение огненный столп, медленно вращаясь и грохоча, начал удаляться обратно в чрево земли.

Айша подошла к Лео — в ее походке уже не было обычной упругости — и протянула руку, чтобы положить ему на плечо. Я посмотрел на руку. Где же ее удивительная красота и округлость? Рука стала худой и костлявой. А лицо — о Небо! — *ее лицо старело прямо на глазах у меня*. Очевидно, Лео тоже заметил это — он отпрянул.

— Что случилось, мой Калликрат? — сказала она, и ее голос — куда подевались его глубоко волнующие модуляции? — звучал теперь визгливо и дребезжаще. — Что случилось? — недоуменно повторила она. — Я как будто в полубеспамятстве. Свойства огня, конечно же, не могли измениться. Может ли измениться суть жизни? Скажи, Калликрат, что с моими глазами? Я плохо вижу. — Она потрогала голову, волосы, и — *о ужас из ужасов!* — все ее волосы осыпались на пол.

— *Смотрите! Смотрите! Смотрите!* — завизжал Джоб резким, испуганным фальцетом; глаза у него едва не выпали из орбит, на губах вспузырилась пена. — *Смотрите! Смотрите! Смотрите!* Она вся съеживается. Она стала сущей обезьяной. — И, скрежеща зубами, как в эпилептическом припадке, он повалился на пол.

И в самом деле, — описывая эту ужасную сцену, я и сам в полубеспамятстве, — Айша как бы усыхала, золотая змея, которая опоясывала ее стройный стан, соскользнула на пол; изменился даже цвет кожи: еще так недавно ослепительно белая, она стала грязно-коричневой и желтой и походила на кусок старого пергамента. Айша ощупала голову, ее

тонкая рука напоминала когтистую лапу — такие бывают у плохо сохранившихся египетских мумий; только тогда она наконец осознала, что с ней происходит, и тогда она стала визжать, да, кататься по полу и визжать!

Она была теперь совсем маленькой, не выше бабуина. Ее кожа собралась в бесчисленные складки, а на бесформенное лицо легла печать необычайно дряхлого возраста. Я никогда не видел ничего подобного; да и никто никогда не видел такого ужасного дряхлого человеческого лица: оно было не больше личика двухмесячного младенца, хотя череп оставался прежнего размера; да и упаси Бог видеть подобное: не всякий рассудок выдержит это испытание.

Айша была почти неподвижна, лишь слегка шевелилась. Та, что еще две минуты назад поражала изумительной красотой и благородством всего облика, продолжала неподвижно лежать перед нами, рядом с грудой своих темных волос, маленькая, как обезьяна, и уродливая — невообразимо уродливая. Но подумать только — в тот миг я не мог не подумать об этом, — женщина была та же самая.

Мы видели, что она умирает, и мысленно благодарили Бога — ибо, пока была жива, она продолжала чувствовать, — а что она могла чувствовать? Она приподнялась на своих костлявых ручках и слепо таранилась вокруг, водя головой из стороны в сторону, как черепаха. Но она ничего не могла видеть, ибо глаза ее были затянуты роговой пленкой. Смотреть на это было невообразимо тяжело. Но она все еще сохранила дар речи.

— Калликрат, — сказала она хриплым, дрожащим голосом. — Не забывай меня, Калликрат. Сжался надо мной в час моего позора; я возвращусь, я снова буду прекрасной, клянусь, так будет. О-о-о! — Она упала ничком и не двигалась.

И вот на том самом месте, где двадцать веков назад Айша убила жреца Калликрата, она покоилась сама, бездыханная.

Полуживые от пережитого ужаса, мы тоже простерлись на полу пещеры и впали в полное беспамятство.

Не знаю, сколько времени мы так пролежали. Должно быть, много часов. Когда я наконец открыл глаза, двое моих спутников все еще не пришли в себя. Словно утренняя заря, мерцало розовое свечение, а громовая колесница Духа Жизни катилась своей всегдашней дорогой; когда я очнулся, огненный столп уже удалялся. Тут же, возле нас, я увидел неподвижную безобразную обезьянку, обтянутую морщинистым желтым

пергаментом, — то была еще недавно столь прекрасная *Она*. Увы, это был не кошмар, а ужасный невиданный факт!

Какова была причина столь поразительной перемены? Изменилась ли сама природа животворящего Огня? Может быть, временами он несет не Жизнь, а Смерть? Или же тело, однажды вобравшее в себя его поразительные свойства, уже не способно их усваивать, так что при повторном омовении — сколько бы времени ни прошло — оба противоположных заряда нейтрализуются, и тело возвращается в то состояние, в котором было до воздействия субстанции жизни? Этим и только этим можно объяснить стремительное постарение Айши, к которой вернулся ее двухтысячелетний возраст. У меня не было ни малейших сомнений, что именно так выглядела бы женщина, которая каким-нибудь необычным способом продлила свою жизнь и умерла бы, когда ей перевалило за две тысячи лет.

Но кто может сказать, что произошло на самом деле? Налицо был результат. Я часто размышляю о том, что тогда случилось, и, по-моему, не надо особого воображения, чтобы увидеть тут руку самого Провидения. Пока Айша, как бы погребенная заживо, из века в век ожидала возвращения своего возлюбленного, она почти не нарушала установленного миропорядка. Но Айша, всемогущая и счастливая в упоении любовью, наделенная вечной молодостью, и божественной красотой, и вековой мудростью, могла бы преобразовать все общество и, может быть, даже изменить судьбу Человечества. Она противопоставила себя вечному Закону и, несмотря на все свое могущество, была повергнута в прах — посрамленная и жестоко осмеянная.

Несколько минут я лежал, размышляя обо всех пережитых ужасах; в этой животворной атмосфере силы быстро возвращались ко мне. Надо было позаботиться о других; я, пошатываясь, поднялся на ноги, собираясь привести их в чувство. Но прежде чем это сделать, я подобрал платье Айши и полупрозрачное головное покрывало, под которым она прятала от людских глаз свою ослепительную красоту, и, отвернув голову, прикрыл ее жалкие останки, потрясающий символ бренности человеческой красоты и человеческой жизни. Я торопился, опасаясь, как бы Лео не очнулся и не увидел ее вновь.

Затем, переступив через ворох благоухающих темных волос, я подошел к Джобу, который лежал лицом вниз, и перевернул его. Его рука упала как-то странно, и, заподозрив неладное, я внимательно посмотрел на него. С первого же взгляда я понял, что наш старый верный слуга мертв. Его нервы, и без того расшатанные всем, что он видел и испытал, не

выдержали последнего испытания; он умер от страха или потрясения, вызванного страхом. Достаточно было посмотреть на его лицо, чтобы понять это.

То был еще один удар, наглядно показывающий, через какой ад нам довелось пройти, но тогда мы не ощущали этого так остро. Смерть нашего бедного старого слуги казалась вполне естественной. Через десять минут, весь дрожа, Лео со стоном очнулся, и, когда я сказал ему, что Джоб умер, он только обронил: «Да?» И заметьте, это отнюдь не было проявлением бессердечия, ибо Лео и Джоб были очень привязаны друг к другу, и он часто говорит о покойном с глубочайшим уважением и любовью. Просто он дошел до предела отчаяния. Арфа, с какой бы силой ни ударяли по ее струнам, может звучать лишь с определенной громкостью.

Итак, я старался привести в себя Лео, испытывая бесконечное облегчение от того, что он жив, и в конце концов, как я уже сказал, он очнулся и сел на песке; меня ждало новое потрясение. Когда мы вошли в пещеру, его вьющиеся волосы были цвета червонного золота; но сейчас они казались серыми, а к тому времени, когда мы выбрались на свежий воздух, стали белоснежно-белыми. И выглядел он на двадцать лет старше.

— Что нам делать, старина? — спросил он глухим, безжизненным голосом, когда его мысли прояснились и он отчетливо вспомнил все происшедшее.

— Попробовать выбраться отсюда, — ответил я. — Если, конечно, ты не хочешь омыться в пламени. — И я показал на огненный столп, который вновь катился мимо нас.

— Я бы сделал это, если бы был уверен, что меня убьет, — со смешком сказал Лео. — Во всем виноваты мои проклятые колебания. Если бы не эти сомнения, ей не было бы необходимости показывать мне пример. Но я отнюдь не уверен, что огонь меня убьет. Эффект может оказаться противоположным. Я обрету бессмертие, но, старина, я не обладаю достаточным терпением, чтобы ждать ее две тысячи лет, как она ждала меня. Я предпочитаю умереть в свой урочный час, а я думаю, что этот час уже недалек — хотя я не теряю надежды отыскать ее. А сами вы не хотите омыться в пламени?

Я мотнул головой, от недавнего моего одушевления не осталось и следа; нежелание продлевать свою жизнь вернулось ко мне с еще большей силой, чем прежде. Да и мы оба не знали, каковы будут последствия огненной купели. Ее воздействие на Айшу было отнюдь не ободряющего свойства; и, разумеется, мы ничего не знали о том, какие именно причины привели к подобному результату.

— Ну что ж, мой мальчик, — сказал я, — мы не можем оставаться здесь до тех пор, пока разделим участь этих двоих. — И я показал на прикрытые белым покрывалом останки Айши и коченеющее тело бедного Джоба.

— В кувшине должно сохраниться немного светильного масла, — безучастно произнес Лео. — Если, конечно, он не разбит.

Кувшин оказался цел. Дрожащей рукой я наполнил оба светильника — полотняные фитили догорели еще не до конца. Чиркнул воощенной спичкой и зажег светильники. Тем временем мы услышали раскаты грома, предшествующие появлению огненного столпа, который продолжал свершать свой нескончаемый путь, если, конечно, это был один и тот же столп, проходящий повторяющийся цикл.

— Посмотрим на него еще раз, — предложил Лео, — мы никогда больше не увидим ничего подобного в этом мире.

Это было, может быть, лишь праздное любопытство, но и мной владело то же чувство; мы внимательно смотрели, как мимо нас, вращаясь вокруг собственной оси, с грохотом проплыл огненный столп; я, помнится, размышлял о том, сколько тысячелетий происходит этот феномен в самом чреве земли и сколько тысячелетий он будет продолжаться. И еще я размышлял о том, увидят ли его когда-нибудь вновь глаза смертных, услышат ли их уши глубоко волнующий, завораживающий своей торжественностью гром его приближения. Навряд ли. Я убежден, что мы последние человеческие существа, которые видели это сверхъестественное зрелище. Но вот он исчез, мы собрались идти. Прежде чем оставить пещеру, мы оба пожали холодную руку Джоба. Церемония довольно мрачная, но у нас не было другого способа отдать дань уважения его верности и почтить его память. Мы так и не решились снять белое покрывало с останков Айши. Смотреть на них было свыше наших сил. Но мы подошли к вороху волнистых волос, которые выпали из головы Айши, когда началась эта агония, более страшная, чем тысячи естественных смертей, и каждый из нас взял по сверкающему локону, и эти локоны — единственное, что осталось от той Айши, которую мы знали во всей ее красоте и величии, — мы все еще храним. Лео прижал благоухающие волосы к губам.

— Она просила, чтобы я не забыл ее, — сипло произнес он. — И поклялась, что мы еще встретимся. Свидетель — Небо, я никогда ее не забуду. Клянусь, что, если мы выберемся отсюда живыми, я никогда не буду разговаривать ни с одной женщиной и, где бы я ни был, буду ждать ее так же верно, как она ждала меня.

«Да, — подумал я, — если она вернется такой же прекрасной, как была. А если останется безобразной?...»

Затем мы ушли. Ушли, оставив тех двоих вблизи от источника и родника Жизни, но в холодных объятиях смерти. Какими одинокими они казались — и какими невообразимо разными! То, что представляло сейчас небольшую грудку останков, две тысячи лет назад было самой мудрой, прекрасной и гордой женщиной — если можно назвать ее женщиной — во всем мире. В ней было много зла, но человеческое сердце отходчиво — даже это не вредило ее обаянию. Если говорить откровенно, может быть, его усиливало. Ведь даже зло в ней обладало величием; в ней не было ничего низкого или ничтожного.

А бедный Джоб! Его предчувствие сбылось, он умер. И какое странное место его упокоения: ни у одного норфолькского сельчанина не было и не будет более странного; и, в конце концов, не так уж это плохо — покоиться в одной гробнице с царственной женщиной, которую звали *Она*.

Мы в последний раз посмотрели на них и на необычайное розовое свечение, которое их окутывало, и, не говоря ни слова, с тяжелым сердцем оставили их — совершенно сломленные и настолько убитые всем случившимся, что не воспользовались даже возможностью обрести долголетие, если не бессмертие, ибо мы утратили все, ради чего стоит жить, и знали, что продление наших дней означало бы лишь продление наших мук. Мы чувствовали — да, мы оба чувствовали, что достаточно один раз видеть Айшу, чтобы помнить до тех пор, пока жива наша память и мы сами. Мы оба полюбили ее навсегда: ее образ как будто оттиснут или высечен на наших сердцах, ни одна другая женщина, ни одно другое увлечение не могли заслонить этого дивного образа. А ведь я — это было особенно больно для меня — не имел даже права думать о ней так нежно. Она сама сказала, что я для нее — никто и останусь никем в бездонном потоке Времени, если, конечно, не изменится мир и не настанет день, когда двое мужчин смогут любить одну женщину и быть счастливы все трое. Это моя единственная, хотя и очень слабая надежда, порожденная, видимо, полным отчаянием. Кроме нее, у меня нет ничего. Ради этой единственной награды я пожертвовал и этой, и будущей жизнью, она досталась мне тяжелой ценой. Лео, однако, повезло, я часто горько завидую его счастливому уделу, ибо, если она права и мудрость и тайное знание не изменили ей перед концом, а это, судя по всему предшествующему, маловероятно, будущее не закрыто для него. Но для меня оно закрыто, и все же — любопытно отметить безрассудство и глупость человеческого сердца, это хороший пример для человека мудрого, — и все же я не хотел

бы для себя иной участи. Я хочу сказать, что не сожалею о том, что уже отдал, и всегда готов отдавать все, получая взамен случайные крохи со стола своей госпожи: память о нескольких добрых словах, надежду увидеть в отдаленном, настолько отдаленном, что о нем даже трудно мечтать, будущем милую признательную улыбку, незначительные знаки дружеского расположения, благодарности за мою преданность ей и Лео.

Если это не есть истинная любовь, не знаю, какова она может быть; могу только сказать, что для человека уже далеко не среднего возраста это очень мучительное состояние.

Глава XXVII. Мы прыгаем

Мы без особого труда миновали все пещеры, но, дойдя до склона конусообразной скалы, столкнулись с двумя трудностями. Нам предстоял тяжелый подъем, к тому же мы плохо знали дорогу. Если бы я, на наше счастье, не постарался запомнить различные приметы, например форму скал и валунов, я уверен, что мы никогда не выбрались бы оттуда и до тех пор блуждали бы в недрах вулкана, — я полагаю, это был погасший вулкан, — пока не погибли бы от изнеможения и отчаяния. И все же мы несколько раз сбивались с пути, а однажды едва не свалились в расщелину или пропасть. Это был поистине тяжелый труд — пробираться в глубокой тьме и мертвой тишине от валуна к валуну и осматривать их при тусклом мерцании наших светильников, чтобы я мог определить, в правильном ли мы направлении идем. Мы были в слишком подавленном настроении, чтобы разговаривать, и только с собачьим упорством, падая и ушибаясь, брели все дальше и дальше. Нам было все равно, что будет. Нами управлял только инстинкт самосохранения, некий долг повелевал нам спасти, если можно, свою жизнь. Прошло часа три-четыре, — сколько именно, я не могу сказать точно, потому что у нас не осталось ни одних исправных часов, — а мы все брели и брели. Последние два часа у меня было такое чувство, как будто мы совершенно заблудились, я уже боялся, что мы вышли к какой-то другой воронкообразной скале, когда вдруг узнал камень, мимо которого мы проходили при спуске, в самом начале. Я сам удивляюсь, как узнал этот камень, ибо мы уже миновали его, идя под прямым углом к верному направлению, но что-то осенило меня, я обернулся и скользнул по нему рассеянным взглядом — это и спасло нас.

Мы легко добрались до каменной лестницы и вскоре уже были в той самой пещере, где жил и преставился древний мудрец Нут.

Тут перед нами возникла новая, еще более ужасная проблема. Я уже писал о том, что смертельно испуганный Джоб уронил в пропасть доску, по которой мы перешли от каменной шпоры к шатающейся плите.

Как же перебраться через провал без доски?

Ответ был только один: или мы *перепрыгнем* через него, или умрем с голоду там, где находимся. Ширина не такая уж большая, футов примерно одиннадцать-двенадцать, а Лео, когда учился в колледже, прыгал и все двадцать, но надо учесть наше состояние. Два человека на пределе своих сил, одному уже за сорок, а прыгать надо с неустойчивой каменной плиты

на дрожащую оконечность каменного выступа при сильных порывах ветра. Условия для прыжка были, что и говорить, очень нелегкие, но когда я хотел обсудить это с Лео, он оборвал меня, коротко ответив, что мы должны выбирать между неминуемой длительной агонией в пещере и возможной быстрой гибелью в воздухе, третьего не дано. Возражать против этого я не мог, ясно было только, что прыгать в темноте невозможно: надо дожидаться солнечного луча, который проникает в бездну на закате. Ни Лео, ни я не имели ни малейшего понятия, долго ли ждать до заката, мы только знали, что через пару минут после своего появления луч исчезает, мы должны быть наготове. Поэтому мы решили взобраться на шаткую каменную плиту и лежа дожидаться света. Это решение далось нам тем легче, что один из светильников уже погас, второй горел неровным, мерцающим светом, как бывает, когда масло на исходе. Мы кое-как выбрались из пещеры и вскарабкались на плиту.

В этот самый миг погас и второй светильник.

Разница в нашем положении была очень заметная. В пещере завывание ветра доносилось до нас как бы издали, но здесь, лежа ничком на раскачивающейся плите, мы в полной мере испытывали на себе его силу и ярость, к тому же он постоянно менял направление, то ударяясь о стены ущелья, то бушуя среди утесов, и все время пронзительно выл, как десять тысяч отчаявшихся душ. Час проходил за часом, а мы все лежали в неописуемом смятении и ужасе, прислушиваясь к диким голосам этой преисподней, которые перекликались под низкое гудение каменной шпоры напротив, этой ужасной арфы, на которой играл своими перстами ветер. Ни одно кошмарное ночное видение, ни одна безумная выдумка богатой фантазии не могут сравниться с этой жуткой реальностью, таинственными рыданиями ночных голосов, которые мы слышали, цепляясь за плиту, как потерпевшие кораблекрушение моряки — за плот, и раскачиваясь в бездонной черной пустоте. По счастью, температура была не такая уж низкая — ветер даже нес с собой тепло, — или мы погибли бы. Мы все лежали, простершись на плите, когда случилось странное и многозначительное происшествие; несомненно, это было случайное совпадение, но оно отнюдь не способствовало расслаблению наших напряженных нервов, скорее — наоборот.

Как я уже писал, когда Айша стояла на каменной шпоре, готовясь перейти через пропасть, ветер сорвал с ее плеч мантию и швырнул в темную бездну, неведомо куда. Так вот, случилось такое странное происшествие, что мне даже не хочется о нем рассказывать. Пока мы лежали на плите, из темной пустоты, как весть от покойницы, выплыла эта

самая мантия и упала на Лео, прикрыв его с ног до головы. Мы не сразу поняли, что это такое, но когда наконец поняли, ощутив, бедный Лео впервые дал волю своим чувствам: он громко зарыдал. Скорее всего этот плащ висел, зацепившись за какой-нибудь острый выступ или верхушку, и оттуда его снес порыв изменившегося ветра, и все же это было очень странное и трогательное происшествие.

Вскоре после этого, совершенно для нас неожиданно, без каких-либо предвестий, тьму распорол багровый клинок света. Он озарил и ту плиту, где мы находились, и каменную шпору.

— Ну, — сказал Лео, — теперь или никогда!

Мы встали, разминая затекшие члены, и посмотрели на завихрения облачков в головокружительной бездне под нами, — закатный луч окрасил их в цвет крови, — затем на пустое пространство между качающейся плитой и дрожащим выступом; и в полном отчаянии приготовились к смерти. При всем напряжении сил перепрыгнуть через зияющий провал было невысказано.

— Кто первый? — спросил я.

— Вы, старина, — ответил Лео. — Я сяду на другом конце плиты, для равновесия. Разбегитесь как следует и прыгайте, и да смилуется над нами Господь!

Я кивнул в знак согласия, а затем сделал то, чего никогда не делал с тех времен, когда Лео был еще мальчиком. Я повернулся, обнял его рукой и поцеловал в лоб. Возможно, мой поступок носил на себе отпечаток французской сентиментальности, но я как бы в последний раз прощался с человеком, которого не мог бы любить больше, даже если бы он был моим родным сыном.

— Прощай, мой мальчик, — сказал я. — Надеюсь, мы встретимся снова, где бы ни оказались.

Я был уверен, что жить мне остается не более двух минут.

Затем я отошел в дальний конец плиты, подождал, пока один из порывов быстро меняющегося ветра дунет мне в спину, и, вручив себя Божьей воле, пробежал по всей плите — ее длина составляла тридцать три-тридцать четыре фута — и в безумном полете взмыл в воздух. С каким болезненным страхом летел я к каменной шпоре и какое ужасающее отчаяние охватило меня, когда я понял, что не допрыгнул! Вместо того, чтобы приземлиться на скалу, мои ноги повисли в пустоте, только руки и туловище коснулись каменной шпоре; с пронзительным воплем я ухватился за нее, но одна рука соскользнула; продолжая держаться другой рукой, я повернулся лицом к плите, откуда я прыгнул. Затем протянул

левую руку, и на этот раз мне удалось ухватиться за какую-то каменную шишку, и я повис в необыкновенно ярком багровом свете над тысячами футов пустоты. Мои руки держались за нижнюю часть каменной шпоры, а ее острие упиралось мне в голову. Следовательно, даже если бы у меня хватило сил, я не мог бы на нее взобраться. В лучшем случае я провисел бы еще минуту и свалился в бездонное ущелье. Не знаю, может ли быть более безвыходное положение. Знаю только, что муки, которые я испытал за эти полминуты, едва не лишили меня рассудка.

Я услышал крик Лео и увидел его летящим по воздуху, словно серна. Ужас и отчаяние придали ему сил, и он великолепным прыжком преодолел ужасный зияющий провал; он приземлился на оконечности каменной шпоры и тут же упал ничком, чтобы его не снесло в пропасть. Каменная шпора надо мной содрогнулась под его тяжестью, и так велика была сила толчка при его прыжке, что впервые за все эти века плита потеряла равновесие и с ужасающим грохотом рухнула прямо в пещеру, обитель философа Нута, завалив, как я уверен, навсегда проход, который вел к Источнику Жизни, ведь в этой плите было много сотен тонн веса.

Все это произошло буквально за одно мгновение, но, как ни удивительно, несмотря на весь ужас своего положения, я бессознательно успел все это заметить. Даже успел подумать, что ни одно человеческое существо не сможет отныне пройти этой опасной тропой.

В следующий миг Лео ухватил мою правую кисть обеими руками. Для этого ему пришлось распластаться на самой оконечности каменной шпоры.

— Вы должны отпустить обе руки, — сказал он спокойным, повелительным голосом. — И я постараюсь втащить вас наверх, или же мы оба упадем. Вы готовы?

Вместо ответа я отпустил, одну за другой, обе руки и повис под каменной шпорой, всей своей тяжестью оттягивая руки Лео. Момент был ужасный. Я знал, что Лео очень силен, но не знал, достанет ли у него сил поднять меня, так чтобы я смог уцепиться за верхнюю часть скалы, тем более что у него не было надежной точки опоры.

Несколько секунд я беспомощно болтался в пустоте, в то время как Лео собирался с силами, затем я услышал хруст его мышц и почувствовал, что меня поднимают, как если бы я был малым дитятей; наконец я уцепился рукой за верхнюю поверхность скалы и лег на нее грудью. Остальное было просто: через две-три секунды мы уже, тяжело дыша, лежали рядом; оба мы дрожали, как листья, оба были в холодном поту от перенесенных ужасов.

Затем свет погас, как будто вдруг задули лампаду.

Около получаса мы продолжали лежать, не говоря ни слова, а когда наконец отдышались, с величайшей осторожностью, ибо тьма была непроглядная, поползли вдоль каменной шпоры. Пока мы медленно приближались к отвесному склону, куда она прикреплялась наподобие вбитого в стену костыля, стало чуть-чуть светлее, ибо над головой у нас было ночное небо. Порывы ветра немного утихли, мы поползли быстрее и наконец достигли устья первой пещеры, или тоннеля. Здесь нас ожидали новые трудности: запас масла истощился, а наши светильники были, по всей вероятности, раздавлены падающей каменной плитой. У нас не осталось ни капли воды, чтобы утолить жажду: в последний раз мы напились в пещере Нута. Как же мы сможем пробраться через каменистый, весь в валунах, тоннель?

Ясно было, что у нас нет другого выхода, кроме как довериться своему чутью и проделать весь путь в полной темноте; поэтому, опасаясь, что окончательно утратим силы, ляжем и умрем прямо там, мы тотчас же углубились в проход.

Тяжелое это было дело, невероятно тяжелое! Везде валялись обломки скал, валуны, мы часто падали, разбиваясь в кровь. Единственным ориентиром нам служила стена пещеры, вдоль которой мы двигались на ощупь; мы были в таком смятении, что несколько раз у нас появлялось ужасное подозрение, будто мы заблудились. И все же мы медленно, очень медленно продолжали брести вперед, останавливаясь через каждые несколько минут, чтобы отдохнуть, ибо мы были в крайнем изнеможении. Однажды мы даже уснули и проспали несколько часов, ноги и руки у нас затекли, кровь от ран и царапин запеклась в сухую, твердую корочку. Проснувшись, мы вновь потащились вперед и были уже в почти полном отчаянии, когда увидели наконец дневной свет и вышли из тоннеля с внешней стороны утеса.

Судя по легкой приятной прохладе и светлеющему благословенному небу, которое мы не надеялись уже увидеть, было раннее утро.

Мы вошли в тоннель через час после заката; отсюда следовало, что нам понадобилась целая ночь, чтобы выбраться наружу.

— Еще одно усилие, Лео, — с трудом переводя дух, сказал я, — и мы достигнем склона горы, где должен находиться Билл али. Держись!

Лео, который лег ничком, встал, и, поддерживая друг друга, мы спустились примерно на пятьдесят футов — сам не знаю, как нам это удалось. Помню лишь, что мы оба свалились у подножия, а затем на четвереньках поползли к роще, где Она велела Биллали ждать нашего возвращения, ибо у нас уже не было сил идти стоя. Не проползли мы и

пятидесяти ярдов, как вдруг из-за деревьев слева вышел один из глухонемых прислужников: по-видимому, он совершал утреннюю прогулку; увидев нас, он подошел посмотреть, что это за странные существа. Он смотрел и смотрел, затем вдруг в ужасе воздел руки и чуть не упал наземь. В следующий миг он уже со всех ног бежал к роще, которая находилась в двухстах ярдах от нас. Не удивительно, что он так переполошился, ибо вид у нас был просто страшный. Начать с Лео: золотые завитки его волос стали белоснежными, одежда была изодрана в клочья, избитое лицо и руки — все в ушибах, порезах и грязной запекшейся крови, и ко всему еще он не шел, а полз; что до меня, то я выглядел не намного лучше. Когда два дня спустя я посмотрел на свое отражение в воде, то с трудом себя узнал. Я никогда не славился красотой, но кроме прежнего уродства на моем лице запечатлелось какое-то странное новое выражение: с таким диким выражением просыпаются обычно внезапно разбуженные люди; это выражение остается на моем лице до сих пор. И тут нет ничего поразительного. Поразительно то, что мы вообще не лишились рассудка.

Вскоре, к великой моей радости, я увидел, что к нам торопливо шагает старый Биллали; на его исполненной достоинства физиономии выражалось такое смятение, что даже в ту минуту я едва не засмеялся.

— О мой Бабуин, мой Бабуин! — кричал он. — Мой дорогой сын, неужели это в самом деле ты и Лев? Ведь его грива была словно спелая кукуруза, а теперь бела как снег. Откуда вы идете? А где Свинья и *Та-чье-слово-закон*?

— Мертвы, оба мертвы, — ответил я. — Но не задавай нам больше вопросов, помоги нам, накорми и напои, или мы умрем у тебя на глазах. Языки у нас, как ты видишь, почернели от жажды. Как же мы можем говорить?

— Оба мертвы? Как может умереть та, которая никогда не умирает? — задыхаясь, проговорил он. И, видя, что за ним наблюдают подбежавшие глухонемые, он сдержал свои чувства и знаком велел им отнести нас в лагерь, что и было исполнено.

К счастью, когда нас туда принесли, на костре варился какой-то бульон; им Биллали и накормил нас, ибо мы были слишком слабы, чтобы есть сами: только это, я уверен, и спасло нас от немедленной смерти. После этого он приказал глухонемым стереть с нас кровь и грязь мокрыми тряпками, нас уложили на кипы ароматной травы, и мы тотчас же, в крайней степени изнеможения, провалились в глубокий сон.

Глава XXVIII. Переход через гору

Когда я наконец пробудился, все мое тело сковывало сильное онемение, так, вероятно, чувствовал бы себя хорошо выбитый ковер, если бы обладал способностью чувствовать. Первое, что я увидел, открыв глаза, была почтенная физиономия нашего старого друга Биллали, который сидел рядом с моим травяным ложем, задумчиво поглаживая длинную бороду. В моей памяти сразу же воскресло все, нами перенесенное за это время; а когда я бросил взгляд на бедного Лео, который лежал рядом со мной, — его лицо превратилось в подобие желе, а прекрасные кудри из желтых стали белыми, — я закрыл глаза и застонал.

— Ты спал долго, мой Бабуин, — сказал старый Биллали.

— Как долго, отец? — спросил я.

— Один круг солнца и один круг луны, день и ночь; и Лев тоже. Ты видишь, он еще спит.

— Благословен сон, — ответил я, — ибо он поглощает все воспоминания.

— Расскажи мне, — попросил он, — что с вами случилось; и что это за странная история о смерти той, которая никогда не умирает. И помни, мой сын, если эта история верна, и ты и Лев в большой опасности: вам не миновать раскаленных горшков, а затем и съедения, многие мечтают об этом пиршестве. Неужто не знаете вы, дети мои, что эти амахаггеры, обитатели пещер, ненавидят вас? Они ненавидят вас за то, что вы чужеземцы, и еще сильнее из-за тех своих братьев, которых *Она* приказала казнить ради вас. Нет никакого сомнения, что, как только они узнают о смерти грозной владычицы Хийи, *Той-чье-слово-закон*, вам не избежать раскаленных горшков. Но расскажи все по порядку, мой бедный Бабуин.

В ответ на его просьбу я рассказал ему — не все, разумеется, это было бы нежелательно, а только то, что считал целесообразным, а именно: что *Ее* больше нет в живых, она попала в огонь и, как я ему сказал — ибо то, что произошло на самом деле, было бы выше его понимания, — сгорела. Я также рассказал ему о некоторых ужасных подробностях нашего спасения, и это произвело на него большое впечатление. Но я ясно понял, что он не поверил моему описанию смерти Айши. Он верил, что я его не обманываю, но сам он считал, что по каким-то своим соображениям она только исчезла на некоторое время. Однажды, при жизни его отца, — сказал он, — Она отсутствовала двенадцать лет, и ходил слух, будто несколько веков назад

она отсутствовала — целое поколение, затем она внезапно возвратилась и «разразила» женщину, которая заняла место царицы. Я ничего не сказал, лишь печально покачал головой. Увы! Я слишком хорошо знал, что Айша больше не появится; во всяком случае, Биллали ее никогда не увидит.

— А теперь, — заключил Биллали, — что ты собираешься делать, мой Бабуин?

— Не знаю, отец, — ответил я. — Можем ли мы бежать из этой страны?

Он покачал головой.

— Это очень трудно. Через Кор вам нельзя идти, ибо, как только эти гиены увидят, что вы одни... — Он многозначительно улыбнулся и сделал движение, каким мы надеваем шляпу. — Но как я вам говорил, через утес есть перевал, по которому перегоняют скот на пастбища. Эти пастбища находятся в трех днях пути, за болотами; я слышал, что в семи днях пути оттуда — большая река, которая течет к черной воде. Если доберетесь туда, вы, может быть, и спасетесь, но как вам добраться туда?

— Биллали, — сказал я, — ты знаешь, однажды я спас тебе жизнь. В уплату за этот долг, отец, спаси меня и моего друга Льва. Тебе будет приятно вспомнить об этом, когда придет твой час, и будет что положить на чашу весов, чтобы уравновесить причиненное тобой зло, если ты его совершал. К тому же, если ты прав и Она только скрывается, вернувшись, она щедро вознаградит тебя.

— Мой Бабуин, — отвечал старик, — не думай, что у меня неблагодарное сердце. Я хорошо помню, как ты спас меня, когда все эти собаки только ждали моей гибели. Я воздам тебе добром за добро и, если это возможно, спасу тебя. Слушай меня: к завтрашнему утру я приготовлю паланкины, чтобы вас перенесли через горы и болота. Я скажу, что такова воля Той-чье-слово-закон и тот, кто посмеет нарушить ее волю, будет брошен на растерзание гиенам. Дальше вы должны уже действовать сами, и если вам будет сопутствовать удача, доберетесь до черной воды, о которой ты мне рассказывал. Но смотри, Лев просыпается, я велел, чтобы вам приготовили завтрак.

Самочувствие Лео, как я узнал после его пробуждения, оказалось отнюдь не таким скверным, как можно было предположить по его виду; мы плотно подкрепились, что было нам совершенно необходимо. После этого мы, ковыляя, спустились к ручью и выкупались, а затем вернулись и спали до вечера, когда мы вновь поели за пятерых. Весь этот день Биллали был занят подготовкой нашего путешествия; в полночь нас пробудило прибытие довольно большого количества людей.

На заре появился и сам старик и сказал, что, угрожая страшным именем Хийи, он подобрал необходимое число носильщиков и двоих проводников, которые переведут нас через болота, и что он настоятельно советует отправиться немедленно и даже готов сопровождать нас, чтобы предотвратить возможную измену. Я был сильно растроган добротой хитрого старого варвара по отношению к двум беззащитным чужеземцам. Трехдневное, а для него, считая обратный путь, шестидневное путешествие было нелегким испытанием для человека столь преклонного возраста, но он с радостью вызвался нам помочь. Это свидетельствует, что даже среди амахаггеров — я никогда не слышал о другом таком ужасном племени дикарей с необыкновенно мрачным нравом и приверженностью к кровожадным, дьявольским обрядам — есть люди добросердечные. Возможно, тут была и своя корысть. Биллали опасался, что *Она* внезапно появится и потребует у него отчета обо всем, для нас сделанном; и все же, со всеми возможными скидками, следует признать, что он сделал для нас больше, чем можно было ожидать в сложившихся обстоятельствах, и я могу только сказать, что на всю свою жизнь сохраню нежное воспоминание о своем номинальном «отце», старом Биллали.

Наспех позавтракав, мы отправились в путь, хорошо выспавшиеся и отдохнувшие, чувствуя себя, если говорить о нашем физическом состоянии, как в доброе старое время. Каково было наше душевное состояние — вы можете представить себе сами.

Начался ужасающе трудный подъем. Иногда по склону горы, но чаще по извилистой дороге, без сомнения прорубленной в скалах еще древними обитателями Кора. По словам амахаггеров, однажды в году они перегоняют часть скота на пастбища по ту сторону горы; можно только предположить, что их скот необычайно силен и вынослив. Паланкинами, само собой, здесь нельзя было пользоваться, мы шли пешком.

К полудню мы достигли большой плоской вершины этой колоссальной каменной стены; оттуда открывался великолепный вид: и на равнину Кора, в центре которой мы ясно различали колонны разрушенного Храма Истины, и на безграничное унылое болото. Сама каменная стена, очевидно, замыкала древний кратер: она была в полторы мили толщиной и все еще покрыта застывшей лавой. Здесь не росли ни трава, ни деревья; пейзаж оживляли лишь разбросанные кое-где лужи (недавно прошел дождь). Мы перешли через плоский верх этого могучего вала, воздвигнутого самой Природой, и начали спуск, хотя и не такой тяжелый как подъем, но достаточно опасный, ибо в любой момент можно было свернуть себе шею; длился спуск до захода солнца. На ночлег мы остановились на пологом

склоне, у самого подножия, дальше уже тянулись болота.

На следующее утро, около одиннадцати часов, мы начали утомительный переход через бескрайнее море болот, которое я уже описывал.

Три полных дня носильщики тащили нас по зловонной трясине, над которой, казалось, так и носились флюиды лихорадки, пока наконец не выбрались на открытую волнистую местность, где не было ни пашен, ни деревьев, но изобиловала всевозможная дичь; здесь кончались пустынные и без проводников практически непроходимые топи. На следующее утро, не без печали, мы простились со старым Биллали, который торжественно благословил нас, поглаживая свою седую бороду.

— Прощай, мой сын, мой Бабуин, — сказал он, — прощай и ты, Лев. Больше я ничем не могу вам помочь. Но если вам все же удастся достигнуть своей страны, будьте благоразумнее и не отправляйтесь в неведомые страны, где вы можете сложить свои кости; я часто буду о вас вспоминать, и ты не забывай меня, мой Бабуин, ибо у тебя верное сердце, хотя лицо и безобразное. — Он повернулся и пошел, а за ним потянулись высокие, мрачные носильщики, последние амахаггеры, которых мы видели. Со своими пустыми паланкинами они напоминали траурную процессию, несущую убитых воинов с поля битвы; мы провожали их взглядом, пока они не скрылись среди болотных испарений; оставшись вдвоем в этой пустыне, мы осмотрелись и повернулись лицом друг к другу.

Около трех недель назад мы вчетвером углублялись в болота Кора; двое из этих четверых мертвы, оставшиеся двое прошли через тяжкие испытания, пережили странные приключения, более ужасные, чем сама Смерть. Три недели — всего три недели! Время, бесспорно, следует измерять событиями, а не количеством протекших часов. Казалось, прошло целых тридцать лет с того дня, когда мы покинули вельбот.

— Мы должны попробовать выйти к Замбези, Лео, — сказал я, — но один Бог ведает, удастся ли нам ее достигнуть.

Лео кивнул; в последнее время он был очень молчалив; мы тронулись в путь, не имея при себе ничего, кроме одежды, компаса, револьверов, ружей и около пары сотен патронов; так мы навсегда простились с древними руинами некогда могучего имперского Кора.

По зрелом размышлении, я решил не описывать последующих странных и разнообразных приключений. На этих страницах я только попытался коротко и ясно рассказать о событиях совершенно исключительных; и сделал я это не с целью немедленной публикации, а только для того, чтобы — пока они свежи в моей памяти — запечатлеть

подробности и результат нашего путешествия, представляющий большой, как я полагаю, интерес для всего мира, если, конечно, мы решим напечатать эти мои записки. Пока, во всяком случае, у нас нет такого намерения.

Помимо всего, наше последнее путешествие не представляет особого интереса, напоминая все испытанное другими путешественниками по Центральной Африке. Достаточно сказать, что, претерпев невероятные трудности и лишения, мы все же добрались до Замбези, пройдя около ста семидесяти миль к югу от того места, где Биллали оставил нас. В течение шести месяцев мы были в плену у дикого племени, которое приняло нас за сверхъестественных существ, особенно Лео с его молодым лицом и белоснежными волосами. В конце концов нам удалось бежать, мы пересекли Замбези и направились к югу; мы были уже на грани голодной смерти, когда, на свое счастье, встретились с полукровным охотником-португальцем, который преследовал стадо слонов и забрел в глубь материка, где он никогда еще не бывал. Этот человек принял нас очень гостеприимно, и в конце концов после бесчисленных мук и приключений мы достигли залива Делагоа, по истечении восемнадцати месяцев с того дня, когда мы вышли из болот Кора; и в тот же самый день сели на один из пароходов, курсирующих между Африкой и Англией через мыс Доброй Надежды.

Плавание прошло благополучно, и ровно через два года после того, как мы начали свои безрассудные и, очевидно, бесплодные поиски, мы сошли на берег в Саутхемптоне; я дописываю эти последние слова в своей прежней комнате в колледже, той самой, куда двадцать два года назад с железным сундучком приходил мой бедный друг Винси накануне своей смерти; над моим плечом склоняется Лео: он наблюдает, как я дописываю последние слова.

На этом кончается мое повествование, по крайней мере в той его части, которая может интересовать науку и мир. Чем это все обернется для меня и Лео, я даже не берусь предугадывать. Но мы оба уверены, что у этой истории должно быть продолжение, ибо то, что началось более двух тысяч лет назад, должно окончиться лишь в отдаленном туманном будущем.

Действительно ли Лео — воплощение древнего Калликрата, о котором говорится в надписи на черепке? Или Айша обманулась странным наследственным сходством? Читатель вправе составить себе собственное мнение как по этому поводу, так и по другим. Мое мнение — что тут не было никакой ошибки.

Часто по ночам я сижу один, мысленным оком вглядываясь в черный

мрак еще не наступившего времени и размышляя, какую форму может принять дальнейшее развитие и эпилог великой драмы и с какой сцены начнется следующий акт. И когда наконец начнется *заключительное* действие, а оно непременно начнется в соответствии с неуклонной волей судьбы и предначертаниями, которых не изменить, — какова будет роль прекрасной египтянки Аменартас, принцессы из династии фараонов, ради которой жрец Калликрат нарушил свой обет Исиде и, преследуемый разгневанной богиней, чье возмездие неотвратимо, бежал на ливийское побережье, чтобы там встретить уготованный ему жребий.

Возвращение Айши

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЙШИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Правильно говорит латинское изречение: случается всегда непредвиденное. Менее всего на свете я, издатель этой, как и предыдущей книги, ожидал получить известие от Людвиг Хорейса Холли. И на то было веское основание: я полагал, что автор давно уже распрощался с этим бременным миром.

Много-много лет назад мистер Холли прислал рукопись повествования под заглавием «ОНА»; в сопроводительном письме он сообщал, что вместе со своим приемным сыном Лео Винси отправляется в Центральную Азию в надежде на то, что возлюбленная Лео, божественная Айша, выполнит свое обещание и явится им снова — но это уже мое предположение.

Признаюсь, между делом я нередко задумывался об их дальнейшей судьбе, живы ли они, а если да, то монашествуют ли в каком-нибудь ламаистском монастыре в Тибете или под наставничеством восточных мудрецов постигают тайны магии и основы аскетизма, рассчитывая возвести мост между собой и этой бессмертной женщиной.

Подумать только — я, опытный издательский волк, сунул куда-то грязную незарегистрированную бандероль в коричневой обертке и с выведенным незнакомой рукой адресом, уверенный, что она не представляет ни малейшего интереса, и забыл о ней на целых два дня. Там она, может быть, все еще и валялась бы, если бы ею не заинтересовался другой человек: он вскрыл ее и обнаружил внутри рукопись с обгорелыми последними листами и два письма на мое имя.

Первое письмо было написано дрожащей рукой, так пишут люди старые или больные; я тотчас узнал почерк, хотя прошла целая вечность с тех пор, как я видел его в последний раз; никто, кроме мистера Холли, не выводит букву «Х» с такой характерной завитушкой. Я надорвал запечатанный конверт, вытащил письмо и сразу же мой взгляд выхватил подпись: Л. Х. Холли. Давно уже ничего не читал я с такой жадностью. Вот это письмо:

Дорогой сэр,

Я выяснил, что вы живы; как ни странно, жив и я, дотягиваю

последние дни.

По возвращении в цивилизованный мир я сразу же наткнулся на Вашу, вернее, мою, книгу «Она» и прочел ее — в переводе на хинди. Хозяин дома — религиозный проповедник, человек достойный, но с прозаическим складом ума, выразил удивление, что я так глубоко поглощен чтением «невероятной романтической истории». Я ответил, что люди бывалые, хорошо знакомые с суровой реальностью, часто зачитываются именно подобными историями. Любопытно, что сказал бы этот превосходный человек, знай он, что я называю «суровой реальностью»?

Я вижу, Вы честно и добросовестно выполнили свои обязательства. Все наши условия соблюдены: ничто не добавлено или изъято. Двадцать лет назад я доверил Вам первую часть повествования, Вам же я хочу доверить и его завершение. Вы первый узнали о Той-чье-слово-закон, неувядаемо прекрасной Айше, что долгими веками жила в усыпальницах Кора, ожидая, когда возродится ее ушедший возлюбленный, и в конце концов Судьба смиростивилась над ней.

Поэтому будет справедливо, если Вы первый узнаете об Айше, Хесеа и Духе Горы, прорицательнице Оракула, со времен Александра Македонского восседающей среди огней Святилища, последней хранительнице скипетра Хес или Исиды в этом мире. Будет также справедливо, если первому из всех людей я расскажу Вам о мистической развязке удивительной трагедии, что началась в Коре, а может быть, и ранее, в Египте или еще где-нибудь.

Тяжело больной, я вернулся в свой старый дом, чтобы умереть. Я попросил здешнего доктора переслать Вам мои записи, если в последний момент я не передумаю и не сожгу их. К этим записям я приложу шкатулку с несколькими набросками, которые могут Вам пригодиться, и сistr, музыкальный инструмент древних египтян — использовали его как скипетр при служении в честь богинь Исиды и Хатхор, олицетворяющих стихийные силы Природы; этот сistr-скипетр — прекрасной работы, сделан еще в глубокой древности. Я завещаю его Вам в знак признательности и уважения; это единственное остающееся у меня подтверждение истинности моего повествования: как Вы убедитесь, в моем повествовании нередко о нем упоминается. Возможно, Вы будете ценить сistr и как память о самом необыкновенном и прекрасном существе, что когда-либо жило и, по всей вероятности, продолжает жить. Он служил ей символом власти, им она приветствовала Тени Святилища; это ее прощальный дар.

Не исключено, что сistr обладает магическими свойствами, сохраняя

часть могущества Айши, могущества, перед которым склонялись даже духи; если Вы обнаружите эти магические свойства, пользуйтесь ими осторожно.

У меня не остается ни сил, ни желания продолжать. Пусть мое повествование говорит само за себя. Делайте с ним что хотите, можете ему верить или не верить — дело Ваше. Мне это безразлично, ибо я знаю, что все в нем — чистая правда.

Кем была Айша, вернее сказать, кто такая Айша? Воплощенная духовная субстанция, материализация духа Природы — непредсказуемая, прекрасная, жестокая, бессмертная, обреченная на вечное одиночество, — спасти ее может лишь Человечество и его — не слишком, увы, ревностное — служение. Судите сами. А я устал размышлять и ухожу, чтобы постичь наконец эту тайну.

Желаю Вам счастья и благополучия. Прощайте и Вы, и все люди.

Л. Хорейс Холли

Я положил письмо на стол и, весь во власти чувств, которые не могу ни осмыслить, ни описать, вскрыл второй конверт; и в него было вложено письмо; привожу его почти целиком, опустив лишь некоторые бессвязности и имя автора — так он просил.

Вот что говорилось в этом втором письме, отправленном из глухого местечка на берегах графства Камберленд:

Дорогой сэр,

Как лечащий врач мистера Холли, я должен, выполняя данное ему обещание, стать посредником в довольно необычном деле, о котором, несмотря на весь мой интерес, мне известно весьма немногое. Я делаю это, строго оговаривая, что не будет упомянуто ни мое имя, ни название места, где я практикую.

Десять дней назад меня вызвали к мистеру Холли, в его старый дом на Утесе; в течение многих лет там не жил никто, кроме экономки и слуги; этот дом — его наследственная собственность. Экономка, которая вызвала меня, сказала, что ее хозяин недавно вернулся из заграницы, откуда-то из Азии, у него очень плохо с сердцем; видимо, скоро он умрет; это ее предположение оправдалось.

Больной сидел на постели (в таком положении ему было легче); меня крайне поразил его странный вид. У него были маленькие темные, но необыкновенно живые и проницательные глаза, пышная, спадающая на широкую грудь белоснежная борода и седые волосы, закрывающие лоб и

образующие одно целое с бакенбардами. Необычайно длинные и сильные руки, одна — покалеченная, очевидно, в схватке с каким-то зверем. Он сказал, что это была собака, но если и впрямь собака, то огромная. Человеком он был очень уродливым и в то же время — извините за противоречие — красивым. Для пояснения своей мысли скажу, что его лицо не походило на лицо ни одного из тех заурядных смертных, с кем мне доводилось встречаться в не такой уж и долгой жизни. Будь я художником, я не искал бы лучшей натуры, чтобы изобразить человека мудрого и благожелательного, но совершенно необычного образа мыслей.

Мистер Холли был слегка раздосадован тем, что меня вызвали без его ведома. Вскоре, однако, между нами установились достаточно теплые отношения, и он поблагодарил меня за то, что я облегчил его страдания, хотя, к сожалению, я мог сделать для него очень немного. Иногда он подолгу рассказывал о разных странах, где путешествовал много лет, когда вел некие странные поиски — какие именно, он никогда не уточнял. Дважды в бреду он говорил по-гречески и по-арабски, так я, во всяком случае, полагаю, а случалось, и по-английски, обращаясь к неведомому существу, им почитаемому, я бы даже рискнул сказать: боготворимому. Но мой долг — блюсти профессиональную тайну, и я не могу повторить его слова.

Однажды он показал на грубую шкатулку из незнакомого мне дерева (эту шкатулку я только что отправил Вам почтой) и, сообщив Ваше имя и адрес, попросил, чтобы после его смерти ее непременно отослали Вам. И еще он попросил меня привести в порядок рукопись, также для Вас.

Увидев, что я разглядываю обгорелые листы, он сказал (привожу его слова в точности):

«Ничего не поделаешь, придется послать как есть. Видите ли, я хотел уничтожить рукопись, даже ее поджег, но тут вдруг услышал ясное и непрерываемое веление — и выхватил ее из огня».

Не знаю, что именно разумел мистер Холли под словом «веление», ибо разговаривать на эту тему он не пожелал.

Перехожу к заключительной сцене. Однажды вечером, часов в одиннадцать, зная, что мой пациент обречен, я отправился сделать ему инъекцию стрихнина, продлевающего в таких случаях работу сердца. У самого его дома я встретил экономку: она спешила ко мне, и, видя, что она в большом испуге, осведомился, не умер ли хозяин. Она ответила, нет, он куда-то отправился, слез с кровати и, как был, босиком, вышел: в последний раз его видел ее внук, как раз здесь, среди шотландских елей, где мы разговариваем. Паренек принял его за привидение и сильно

напугался.

В ту ночь луна была очень яркая, только что выпавший свежий снег отражал ее лучи. Я начал искать в ельнике, пока наконец на самой опушке не наткнулся на следы босых ног. По этим следам я и пошел, предупредив экономку, чтобы она разбудила мужа, ибо поблизости не было никого другого. Отпечатки ног были отчетливо различимы на ослепительно белой простыне. Вели они вверх по склону холма за домом.

На самой вершине этого холма есть древний памятник: монолитные каменные столбы, воздвигнутые языческим племенем; расположены они в виде круга, поэтому местные жители называют их Дьяволовым Кольцом: это небольшое подобие Стоунхенджа. Я видел его несколько раз, а недавно присутствовал на заседании археологического общества, где обсуждали его происхождение, а также и предназначение. Помню, один просвещенный, но весьма эксцентричный джентльмен сделал краткое сообщение о грубо высеченном, с закрытым покрывалом лицом бюсте, находящемся во внутреннем помещении высокого плоского кромлеха или дольмена, в самом центре кольца.

Он утверждал, что это изображение египетской богини Исиды, здесь находилось святилище, посвященное ей или другой богине, олицетворяющей стихийные силы Природы, со сходной атрибутикой; но другой просвещенный джентльмен опроверг это предположение как абсурдное. Все поддержали его, заявив, что Исиде никогда не поклонялись в Англии, хотя я лично считаю, что ее культ вполне мог быть завезен сюда финикийцами или даже римлянами. Но в подобных делах я профан, поэтому оставляю свое мнение при себе.

Я вспомнил, что мистер Холли знаком с этим местом, накануне даже спрашивал меня, сохранились ли камни в том виде, в каком они были во времена его юности. Меня поразили его слова, что там он хотел бы умереть. Когда я сказал, что у него вряд ли достанет сил добраться туда, он слегка усмехнулся.

Ключ к решению загадки был в моих руках, и, не обращая больше внимания на следы, я поспешил напрямик к Дьяволову Кольцу — оно находилось примерно в полумиле. Вскоре я уже был возле каменных столбов и там, да, там, рядом с кромлехом, увидел мистера Холли: он стоял на снегу босиком, в одном нижнем белье.

Никогда не забуду этой жуткой сцены. Круг из грубых каменных столбов, устремленных в усыпанное звездами небо, необыкновенно пустынное и необыкновенно торжественное место: в самой середине — высокий, выше столбов, дольмен, отбрасывающий длинную черную тень

на слепящий снежный покров, и в стороне от этой тени — весь в белом, мистер Холли: в ярком свете луны я отчетливо различал каждое его движение, даже блаженное выражение лица. Он произносил какое-то заклятие — кажется, на арабском языке, еще издали я услышал переливы его громкого звучного голоса, увидел дрожащие протянутые руки. В правой руке он держал нечто похожее на скипетр с петлей наверху; этот скипетр по его настоятельной просьбе я посылаю Вам вместе с набросками. Я даже видел блеск драгоценных камней, нанизанных на его струны, и в глубокой тишине слышал позвякивание золотых колокольчиков.

Неожиданно я почувствовал, что мы не одни; сейчас Вы поймете, почему я прошу не упоминать моего имени. Не хочу, чтобы его связывали со сверхъестественной историей — невероятной и абсурдной. Но при всех обстоятельствах я считаю нужным рассказать Вам о том, что увидел или мне привиделось; то ли из тени дольмена, то ли из него самого появилось большое, ярко сияющее пятно; постепенно оно приняло облик женщины с челом, горящим звездным огнем.

Это видение — оптический обман или что-либо другое, не знаю — поразило меня так сильно, что я замер под одним из монолитов, не в силах даже окликнуть утратившего, видимо, рассудок человека, по чьим стопам я следовал.

И мистер Холли заметил видение. По крайней мере он повернулся к лучезарной фигуре, с криком дикой радости шагнул вперед и повалился — сквозь нее! — навзничь.

Когда я подбежал, видение уже исчезло: мистер Холли, продолжая крепко сжимать скипетр, лежал бездыханный в тени дольмена.

Не стану приводить остальную часть письма доктора с его крайне, на мой взгляд, неубедительными рассуждениям по поводу лучезарного виденья и рассказом о том, как он, доктор, убедил судебные власти не предпринимать полагающегося в подобных случаях расследования.

Шкатулка благополучно прибыла. Нет особой необходимости говорить о набросках, скажу лишь несколько слов о сестре, или скипетре. Он выточен из хрусталя в хорошо известной форме Знака Жизни, созданного воображением древних египтян: основной стержень, поперечина и петля. Петля затянута золотыми струнами с нанизанными на них драгоценными камнями: сверкающими брильянтами, синими, цвета моря, сапфирами и кроваво-алыми рубинами; на четвертой струне сверху — четыре золотых колокольчика. Когда я впервые прикоснулся к сестре, моя рука задрожала от волнения, и колокольчики откликнулись тихим мелодичным звоном,

напоминающим звон отдаленных колоколов в глубоком безмолвии моря. Мне показалось, будто от этой прекрасной священной вещи исходит необъяснимый ток, пронизывающий все мое тело.

О природе самой тайны, изложенной в этой книге, я предпочитаю не высказывать собственного суждения. Пусть читатель сам составит свое мнение и о тайне, и о ее внутреннем значении. Мне ясно лишь одно — при условии, конечно, что мистер Холли рассказывает правду обо всем виденном и перенесенном им вместе с Лео Винси, а я верю в его правдивость, — различные объяснения тайны, предложенные Айшей и другими, не являются достаточно убедительными.

Как и мистер Холли, я склоняюсь к гипотезе, что Она, если ее можно назвать этим именем, редко встречающимся во второй, заключительной части рукописи, скрывала истину под покровом мифа об Исиде и удивительно живописной истории о Горном Огне, намереваясь полностью открыться в так и не пропетой песне.

Издатель

АЙША

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Той-чье-слово-закон

Глава I. Двойное знамение

С той ночи, когда Лео было явлено Видение, миновало уже двадцать лет, более тяжелого времени не выпадало, пожалуй, на долю ни одного из людей, ибо все эти двадцать лет были заполнены мучительными поисками, а завершились они поистине потрясающими событиями.

Я уже близок к смерти и рад этому, ибо хочу продолжить поиски в иных сферах, как мне и было обещано. И я хочу знать начало и конец той духовной драмы, очевидцем нескольких отрывков из которой мне довелось быть здесь, на земле.

Я, Людвиг Хорейс Холли, тяжело болен; я был полумертв, когда меня снесли с гор: их нижние склоны видны из окна дома, где я остановился, на северной границе Индии — здесь я и пишу эти строки. Ни один другой человек не выдержал бы подобных испытаний, но Судьбе угодно было меня пощадить, возможно, лишь для того, чтобы я оставил записи обо всем, чему был свидетелем. В этом месте мне придется задержаться на один — два месяца, пока я не окрепну настолько, чтобы вынести обратное путешествие, ибо я хочу умереть у себя на родине: такова уж моя причуда. Поэтому, пока хватит сил, я буду продолжать повествование, излагая лишь самое основное, ибо многое может быть и по необходимости должно быть опущено. В моих записях и памяти хранится достаточно материала на много томов, но слишком длинная книга мне уже не по силам. Начну с Видения.

В 1885 году мы с Лео Винси вернулись из Африки, испытывая глубокую потребность в уединении, чтобы оправиться от перенесенного нами ужасного потрясения и на досуге осмыслить все происшедшее — с этой целью мы и поселились в старом камберлендском доме, вот уже много

поколений принадлежащем моему роду. Этот дом, если никто его не занял, полагая, что меня нет в живых, все еще принадлежит мне, там я и хотел бы умереть.

Читатели, если они у меня найдутся, возможно, полюбопытствуют: что это за потрясение?

Я — Хорейс Холли; а моим неразлучным спутником, любимым другом, духовным сыном и воспитанником был — и по-прежнему остается — Лео Винси.

Вместе с ним, получив ключ к разгадке древней тайны, мы отправились в Центральную Африку, в пещеры Кора, и там нашли бессмертную *Ту-чье-слово-закон*. В Лео она обрела свою прежнюю любовь, грека Калликрата, жреца Исиды, в припадке ревности убитого ею две тысячи лет назад; помимо своей воли, она оказалась оружием мести в руках разгневанной богини. Для меня же она божество, которому я обречен поклоняться издали, в этом поклонении нет ничего плотского: я давно уже отряс узы плоти, мое поклонение — чисто духовное, и это ложится на меня тем более мучительным бременем, что душа не умирает, продолжая жить в бесчисленных перерождениях. Плоть бrenна, по крайней мере подвержена переменам, обуревающие ее страсти недолговечны, но страсть, завладевающая духом, — стремление к единению, — так же бессмертна, как и сам дух.

За какое же преступление на меня возложена столь тяжкая кара? Но в самом ли деле это кара? Может быть, через страшные черные ворота мне откроется вход во Дворец Радости и я буду вознагражден за все пережитое? Она поклялась, что я навсегда останусь ее и его другом, буду вечно обитать вместе с ними, — и я верю, что она исполнит обещанное.

Сколько зим проскитались мы по ледяным холмам и пустыням! Но в конце концов явилась Посланица и отвела нас на Гору, где находилось Святилище, а в нем — Дух. Не аллегория ли все это, предназначенная для того, чтобы просветить наши умы? В этой мысли я нахожу успокоение. Надеюсь, так оно и есть. Даже уверен, что так.

Читатели, конечно, помнят, что в Коре мы нашли бессмертную женщину. Там, среди ярких вспышек и испарений Источника Жизни, она призналась в своей мистической любви; участь, постигшая ее у нас на глазах, столь ужасна, что даже теперь, по происшествии стольких лет, меня пронизывает трепет при одном воспоминании о случившемся. Что же сказала Айша перед уходом? *«Не забывай меня... сжался надо мной в час моего позора; я возвращусь и снова буду прекрасной, клянусь, так*

будет...»

Но я не могу излагать всю эту историю заново. Есть книга: человек, которому я поручил ее опубликовать, выполнил свое обязательство; есть основания полагать, что книга пользуется популярностью во всем мире, ибо даже здесь я нашел ее в переводе на хинди, а затем и на английском языке. К ней я и отсылаю любопытных.

В доме на пустынном морском побережье Камберленда мы прожили целый год, оплакивая утраченное, мечтая его вернуть, но не видя никаких для этого путей. Постепенно наши силы восстановились; даже волосы Лео, седые после пережитого в пещерах ужаса, снова зазолотились. Вернулась к нему былая красота, лицо стало таким, как и прежде, только как бы очистившимся и печальным.

Я хорошо помню ту ночь, ту ночь — и час озарения. Мы были в подавленном настроении, даже в отчаянии. Тщетно ожидали каких-нибудь знаков. Мертвая так и оставалась для нас мертвой, и на все свои призывы мы не получали никакого ответа.

Был мрачный августовский вечер; после ужина мы долго гуляли по берегу, прислушиваясь к плеску медленно накатывающих волн и наблюдая за молниями, которые извергала дальняя туча. Мы оба молчали, и вдруг Лео застонал — это было скорее рыдание, чем стон, — и сжал мою руку.

— Не могу больше терпеть, Хорейс, — сказал Лео — так он теперь обращался ко мне. — Я весь извелся. Желание снова увидеть Айшу сжигает мое сердце. Я просто сойду с ума, если потеряю последнюю надежду. А ведь я крепок, могу протянуть еще пятьдесят лет.

— Что же ты собираешься делать? — спросил я.

— Избрать кратчайший путь, ведущий к постижению — или вечному покою, — торжественно заявил он. — Я хочу умереть — и умру сегодня же ночью.

Я сердито взглянул на него, не на шутку испуганный его решимостью.

— Это слабодушие, Лео, — сказал я. — Терпеливо неси бремя своих мук — как другие.

— Ты имеешь в виду себя, Хорейс, — отозвался он с невеселым смешком, — ибо и на тебе тоже почиет проклятие — хотя и менее заслуженно. Ну что же, ты сильнее меня, не так раним, может быть, потому, что старше. Но я не могу больше терпеть. Лучше смерть.

— Ты замыслил преступление, — сказал я, — нет худшего оскорбления для Создателя, чем отшвырнуть его дар — дар жизни, как изношенное платье, как нечто ненужное и презренное. Да, повторяю:

преступление, которое может повлечь за собой куда более жестокую кару, чем ты можешь себе вообразить, может быть, даже вечную разлуку.

— Если человек, вздернутый на дыбу, схватит кинжал и заколется, преступление ли это, Хорейс? А если и так, оно все же заслуживает прощения, если, конечно, истерзанная плоть и трепещущие нервы могут рассчитывать на снисхождение. Я сломлен долгими пытками, поэтому я схвачу кинжал, а там будь что будет. Она мертва, и единственный путь приблизиться к ней — умереть самому.

— Почему ты так думаешь, Лео? Все говорит за то, что Айша жива.

— Нет, будь она жива, она подала бы мне какой-нибудь знак. Мое решение твердо, не отговаривай меня, если уж продолжать беседу, то о чем-нибудь другом.

Я долго разубеждал его, почти не надеясь на успех; случилось то, чего я давно уже опасался: потрясение и долгая скорбь отразились на рассудке Лео. Человек он по-своему очень набожный, твердый в своих религиозных убеждениях, и в здравом уме никогда не решился бы на такой тяжкий грех, как самоубийство.

— Лео, — сказал я, — неужели у тебя хватит бессердечия оставить меня одного? Так ты собираешься отплатить мне за всю мою любовь и заботу? Ведь я не переживу тебя, и моя смерть будет на твоей совести.

— Твоя смерть? Почему твоя смерть, Хорейс?

— Потому что тропа достаточно широка, чтобы по ней могли пройти и двое. Мы не расставались столько лет, столько испытаний перенесли вместе; я уверен, что если мы и разлучимся, то ненадолго.

Теперь уже он испугался за меня. Но я упорно твердил:

— Я не переживу тебя. Твоя смерть наверняка убьет меня.

В конце концов Лео уступил.

— Ладно, — вдруг воскликнул он. — Обещаю тебе, что сегодня я не покончу с собой. Дадим жизни еще один шанс.

— Вот и хорошо, — ответил я, но и после того, как я улегся спать, меня продолжал терзать страх. Я был уверен, что завладевшее им желание умереть будет усиливаться и усиливаться, пока не станет непреодолимым, и тогда... тогда я тоже исчахну и умру, ибо не смогу жить в одиночестве. И вот в безысходном отчаянии я воззвал к той, что покинула этот мир.

— Айша! — вскричал я. — Если ты еще сохранила свое могущество, если на тебе не лежит нерушимый запрет, дай знать, что ты жива, спаси своего возлюбленного от смертного греха, а меня — от безутешного горя. Сжался над его нестерпимыми муками, вдохни в его душу надежду, ибо Лео не может жить без надежды, а я — без него.

Уснул я совершенно разбитый.

Разбудил меня Лео: он говорил впотьмах низким, взволнованным голосом:

— Хорейс, мой друг, мой отец, слушай!

Я мгновенно стряхнул с себя сон, как будто и не спал, ибо по его тону понял, что случилось нечто чрезвычайно важное, нечто способное перевернуть нашу судьбу.

— Сейчас я зажгу свечу, — сказал я.

— Не надо, Хорейс, я предпочел бы говорить с тобой в темноте. Едва я лег, мне приснился сон, неотличимо похожий на явь: никогда не видел подобного. Будто я стою под крошечным темным, без единой звезды, сводом небес, томимый чувством глубокого одиночества. И вдруг что-то засверкало в вышине, за многие-многое мили от меня, я было подумал, что появилась какая-то планета, чтобы разделить мое одиночество. Я увидел приближающийся огонь, который словно плыл по ветру. Все ниже, ниже, ниже — он уже над моей головой, — какая у него странная форма, то ли язык, то ли веер. На высоте моей головы огонь остановился и застыл в неподвижности: под ним, в призрачном мерцании, стояла женщина с сияющим челом. Сначала слабое, свечение постепенно усиливалось, я уже мог разглядеть женщину.

Это была Айша, Хорейс: те же глаза, то же прекрасное лицо, пышное облако волос, — и смотрела она на меня печально, как будто укоряя: «Почему ты сомневаешься?»

Я хотел заговорить с ней, но мои уста онемели. Хотел подойти и обнять ее, но руки не шевелились. Между нами была незримая стена. Она подняла руку, как бы показывая, чтобы я следовал за ней.

И заскользила прочь, Хорейс; мне почудилось, а может быть, так оно и было, будто моя душа вылетела из тела и направилась за ней. Мы быстро мчались на восток, над землями и морями, и, к своему удивлению, я хорошо знал дорогу. Однажды она остановилась, и я посмотрел вниз. В лунном свете под нами лежали разрушенные дворцы Кора, недалеко зияла та самая пропасть, через которую мы дважды перебирались.

Вперед и вперед, над болотами, — и вот мы уже стоим на Голове эфиопа, и со всех сторон на нас пристально смотрят арабы, наши утонувшие товарищи, среди них и Джоб, с грустной улыбкой он качает головой, как бы говоря, что хотел бы нас сопровождать, но не может.

Через море, через песчаные пустыни и вновь через море; под нами уже берега Индии. Затем на север, все время на север, пока мы не достигаем

гор, увенчанных вечными снегами. На мгновение мы повисаем над монастырем, стоящим на краю плато. На его террасе старые монахи бормочут свои молитвы. Узнать этот монастырь нетрудно, он выстроен в форме полумесяца, перед ним — гигантская, источенная временем статуя бога, глядящего на пустыню. Я понял, не могу объяснить как, но я понял, что мы уже за дальними границами Тибета, впереди — земли, куда еще не ступала нога путешественника. За пустыней — опять горы, сотни и сотни заснеженных вершин.

Недалеко от монастыря, вдаваясь, словно скалистый мыс, в равнину, вздымается одинокая гора, выше, чем все остальные. Мы опустились на ее снежную вершину и стали ждать; наконец над горами и пустыней внизу, точно луч маяка над морем, пронесся сноп света. И опять вперед, над этим снопом света над пустынями и горами, через большую равнину, где виднелось много деревень и даже город на холме. Наконец мы достигли высокого пика, по форме напоминающего древнеегипетский Знак Жизни — *Sruk ansata*: базальтовая башня в сотни футов высотой, а над ней — громадная каменная петля. Сноп света, который проникал через эту петлю, исходил от пламени, бушующего в кратере вулкана. На самом верху петли мы немного отдохнули, затем тень Айши показала рукой вниз, улыбнулась и как бы растворилась. Тут я и проснулся.

Это и был знак, которого мы ждали, Хорейс.

Его голос смолк в темноте, а я все сидел не шевелясь, обдумывая услышанное. Лео тихо подошел, схватил и потряс мою руку.

— Ты спишь? — сердито спросил он. — Говори же, говори.

— Нет, не сплю, — ответил я. — Я слушал как никогда более внимательно. Но я должен подумать.

Я встал, подошел к открытому окну, поднял жалюзи и стоял, глядя на небеса в первых жемчужных проблесках зари. Ко мне присоединился и Лео, он стоял, опираясь о подоконник, и все его тело дрожало как в ознобе. Ясно было, что он очень взволнован.

— Ты говоришь, знак, — сказал я, — а по-моему, просто фантастический сон...

— Не сон, — в ярости перебил он, — а видение.

— Пусть видение, но ведь видения бывают и ложными, откуда нам знать, что именно это не ложное? Послушай, Лео. Во всем твоём удивительном рассказе нет ничего, что не могло бы зародиться в голове человека, полубезумного от страданий и тоски. Тебе снилось, будто ты один во всей этой необъятной вселенной? Но ведь одиночество — удел

каждого живущего. Тебе снилось, будто к тебе прилетала тень Айши? Но она никогда тебя и не покидала. Тебе снилось, будто она показала тебе путь через моря и земли, мимо тех мест, что так прочно запечатлелись в твоей памяти, над таинственными горами — к неведомой Вершине. Не показала ли она тебе путь к той вершине, что находится за Вратами Смерти? Тебе снилось...

— Хватит! — оборвал он. — Я видел, что видел, и пойду показанным мне путем. А ты, Хорейс, можешь думать и поступать по-другому. Завтра же я отправляюсь в Индию — вместе с тобой, если ты захочешь меня сопровождать, либо один.

— Почему ты говоришь со мной так грубо? — сказал я. — Ты забываешь, Лео, что *мне* не было подано никакого знака и что сон человека, близкого к безумию, еще несколько часов назад собиравшегося наложить на себя руки, недостаточный повод, чтобы блуждать, ежеминутно рискуя погибнуть, среди снегов Центральной Азии. И каких только чудес нет в твоём сне, Лео: тут тебе и горная вершина в форме Знака Жизни, и все прочее в том же духе. Ты предполагаешь, будто бы Айша возродилась в Центральной Азии далай-ламой или еще кем-нибудь, только женщиной.

— Я еще не задумывался над этим, но почему бы и нет? — спокойно сказал Лео. — Ты, конечно, помнишь, как в пещерах Кора живой смотрел на своего мертвого двойника; жизнь и смерть переплелись там воедино. И ты, конечно, помнишь, что Айша поклялась возвратиться, а это может произойти лишь путем возрождения или перевоплощения, что, в сущности, одно и то же.

На этот довод я ничего не ответил. Я вынужден был бороться со своими собственными желаниями.

— Мне не было подано никакого знака, — повторил я, — но ведь и у меня своя, пусть скромная, роль в этой драме, и я думаю, что мне еще предстоит ее доиграть.

— Жаль, — сказал он, — жаль, что тебе не было никакого знака. Как бы я хотел, чтобы ты был так же убежден, как и я.

Мы еще долго стояли у окна, не говоря ни слова и не сводя глаз с неба.

Утро началось бурным ветром. Над океаном висели фантастические нагромождения туч. Мы рассеянно смотрели на одну из них, похожую на высокую гору. Вдруг ее форма изменилась: теперь она походила на огромную чашу или кратер. Из этого кратера столбом поднялось облачко с утолщением в самом верху. В лучах восходящего солнца и эта гора, и этот столб засверкали снежной белизной. Огненные стрелы пробили большую

дыру в самом центре утолщения, и оно приняло вид петли, к этому времени совершенно черной.

— Смотри, — сказал Лео тихим, испуганным голосом. — Та самая гора, которую я видел во сне. Над ней черная петля, а сквозь нее струится сноп света. *На этот раз знамение для нас обоих, Хорейс.*

Я смотрел и смотрел, пока большая петля не растаяла в синеве небес. Тогда я повернулся и сказал:

— Я поеду с тобой в Центральную Азию, Лео.

Глава II. Монастырь

Шестнадцать лет прошло с той бессонной ночи, проведенной нами в старом камберлендском доме, а мы с Лео все еще путешествуем в поисках горы с вершиной в виде Знака Жизни, и этим поискам, кажется, нет конца. Описанием наших странствий можно было бы заполнить целые тома, но для чего это делать? Многие подобные приключения уже описаны в книгах, наши были только более продолжительными, вот и все. Пять лет мы провели в Тибете, гостили в разных монастырях, где изучали канон и традиции лам. За посещение запретного города мы были даже приговорены к смерти, но бежали благодаря помощи доброго китайского чиновника.

Покинув Тибет, мы блуждали по востоку, западу и северу, проделав путь в тысячи и тысячи миль; мы останавливались среди племен на китайской территории и в других местах, изучили много языков и претерпели неслыханные лишения. Услышав, например, о святилище, находящемся якобы в девятистах милях от нас, мы тратили два года, чтобы добраться до него, — в конце концов выяснилось, что никакого святилища и нет.

Время все шло и шло. Но нам ни разу даже не пришло в голову прекратить поиски; перед тем как отправиться в путь, мы поклялись, что либо достигнем своей цели, либо умрем. Десятки раз мы были на волосок от гибели, но каждый раз каким-то непостижимым чудом спасались.

Сейчас мы находились в местах, куда, насколько мне известно, еще не забредали европейцы. В обширном крае, называемом Туркестаном, есть большое озеро Балхаш, берега, которого мы посетили. К востоку от него лежит большой горный массив, где высится и Чергинский хребет, куда мы в конце концов добрались.

Здесь-то и начались наши истинные приключения. На одном из отрогов этого ужасного хребта — даже не помеченного на картах — мы едва не погибли от голода. Зима была уже близко, а нам все не попадалось никакой дичи. Последний путник, которого мы встретили за сотни миль оттуда, сказал, что на хребте есть монастырь, где живут ламы необыкновенной святости. Он сказал, что они поселились в диком, необитаемом краю, не подвластном ни одной державе, дабы обрести «святую заслугу», без помех предаваясь благочестивым размышлениям. Мы ему не поверили, но все же отправились искать монастырь, гонимые слепым фатализмом, единственным нашим проводником в бесконечных

скитаниях. Так как мы были очень голодны и не могли найти «аргал», чтобы развести костер, мы шли всю ночь при свете луны, подгоняя нашего единственного яка: последний наш слуга умер за год до того.

Як — животное благородное, удивительно выносливое и сильное, но сейчас, как и его хозяева, он еле держался на ногах, при том что нес не такую уж тяжелую поклажу: около ста пятидесяти патронов, остатки амуниции, купленной нами два года назад у караванщиков, небольшой запас серебряных и золотых монет, мешочек чаю, меховые одеяла и кожухи. Мы тащились все вперед и вперед по снежному плато, оставляя высокие горы по правую руку, как вдруг як глубоко вздохнул и остановился. Пришлось остановиться и нам; мы закутались в меховые одеяла, сели на снег и стали ждать утра.

— Придется его прикончить и съесть сырое мясо, — сказал я, похлопывая бедного яка, терпеливо лежавшего подле нас.

— Может быть, утром удастся подстрелить какую-нибудь дичь, — сказал Лео, все еще не теряя надежды.

— А если нет, что тогда? Конец?

— Ну и что? — ответил он. — Конец так конец. Смерть — последнее прибежище всех неудачников. Мы сделали все, что могли.

— Конечно, Лео, мы сделали все, что могли: шестнадцать лет мы проблуждали по снежным горам и равнинам, но сон, который тебе привиделся, так и не сбылся. Редкостное везение!

— Ты же знаешь, что я продолжаю верить, — упрямо ответил он, и мы оба замолчали, ибо здесь бесполезно было приводить аргументы. И даже тогда я не допускал мысли, что все наши усилия и страдания оказались напрасными.

Когда наконец рассвело, мы с тревогой переглянулись, каждый хотел знать, остались ли хоть какие-нибудь силы у другого. Можно только вообразить, какими дикарями мы показались бы любому цивилизованному человеку. Лео — уже за сорок; его зрелость оправдала все надежды, которые подавала его юность: за всю свою жизнь мне не приходилось видеть такого великолепного мужчины. Хоть и высокого роста, с могучей грудью, выглядит он стройным и подтянутым, и за долгие годы его мускулы обрели крепость стали. Волосы такие же длинные, как и у меня, они защищают его от солнца и холода, волнистой золотой гривой спадая на шею, а грудь, вплоть до массивных плеч, прикрыта большою бородой. Лицо — насколько его можно видеть — загорело и обветрилось, но по-прежнему поражает красотой: утонченное, пронизательное, почти мрачное, с необыкновенно ясными, сияющими звездами больших серых глаз.

Что до меня, то я все такой же безобразный и косматый, только кожа цвета чугуна; но в свои шестьдесят с лишним лет я все еще удивительно силен, со временем моя сила как будто бы даже увеличивается здоровье у меня превосходное. В наших трудных скитаниях с нами случалось немало огорчительных происшествий, после которых приходилось подолгу отлеживаться, но никто из нас ни дня не болел. Лишения только закаляли нас, делая невосприимчивыми ко всем людским недугам. А может быть, все дело в том, что из всех живых существ нам одним дано было впитать в себя эманацию Источника Жизни.

Несмотря на голодную ночь, никто из нас не проявлял признаков крайнего изнеможения; мы повернулись и стали рассматривать окрестности. Внизу под нами, за узким поясом плодородной земли, простиралась бескрайняя пустыня, каких мы уже немало повидали — ни воды, ни деревца, только солончаковые пески, кое-где уже под снегом. В восьмидесяти или ста милях от нас, — в таком прозрачном воздухе трудно было определить, на каком точно расстоянии, — словно огромные волны на море, высились многочисленные горы, десятки и десятки белых вершин.

Когда под золотыми лучами восходящего солнца эти вершины засверкали во всем своем великолепии, я увидел, что Лео как-то странно взволнован. Он быстро повернулся и поглядел вдоль края пустыни.

— Смотри! — воскликнул он, показывая на смутно темнеющую громаду. Наконец свет достиг и ее. Это была огромная гора, одиноко стоящая среди песков, не более чем в десяти милях от нас. Лео повернулся вновь, на этот раз спиной к пустыне, и устремил взгляд на холмы, мимо которых пролегал наш путь. Они все еще тонули во тьме, потому что солнце скрывалось за ними, но вскоре потоки света стали переливаться через их верхушки. Они сползали все ниже и ниже, пока не достигли небольшого плато в трехстах ярдах над нами. На самом краю плато, с величественным видом взирая на пустыню, восседал разрушенный идол, колоссальный Будда, а за ним виднелся низкий монастырь, сложенный из желтого камня, — монастырь был в форме полумесяца.

— Наконец-то! — закричал Лео. — О Небо, наконец-то! — Он упал и зарылся лицом в снег, точно опасался, что я могу прочесть в его чертах что-то такое, чего даже я не должен видеть.

Я не пытался его поднять, хорошо понимая, что творится у него в душе, ибо то же самое творилось и в моей. Я подошел к бедному яку, который, понятно, не разделял нашего ликования, а только мычал и поводил голодными глазами, и навалил на него меховые одеяла и кожухи. Потом я положил руку на плечо Лео и сказал как можно более спокойным

тоном:

— Если там живут люди, мы найдем и пищу и кров, а то уже опять разыгрывается метель.

Не говоря ни слова, он встал, стряхнул снег с бороды и одежды, подошел, и мы вдвоем принялись поднимать яка на ноги: бедное животное совсем заоченело и так ослабло, что не могло обойтись без нашей помощи. Исподволь взглянув на Лео, я увидел на его лице странно блаженное выражение: как будто бы на него низошел великий покой.

Таща за собой яка, мы кое-как вскарабкались по снежному склону на плато, где стоял монастырь. Кругом ни души, на снегу — никаких следов. Может быть, эти развалины давно уже покинуты людьми? На нашем пути попадалось немало таких: в этом древнем краю сохранилось еще много монастырей, которые служили пристанищами для людей по-своему ученых и благочестивых, но жили они и умерли за сотни, а то и за тысячи лет до нас, задолго до появления западной цивилизации.

При мысли о том, что там никого нет, сердце у меня упало, а голодный желудок болезненно заныл; я еще раз пристально посмотрел на монастырь, и тут вдруг, к моей величайшей радости, из его трубы выплыл голубой завиток дыма. Храм, видимо, помещался в самом центре монастыря; вблизи же от нас я увидел небольшую дверь — из трубы над ней и поднимался дымок. Я постучал и крикнул:

— Откройте, откройте, святые ламы. Окажите гостеприимство странникам.

Изнутри послышалось шарканье ног, заскрипели петли, и дверь отворилась; наружу выглянул дряхлый старик в рваной желтой рясе.

— Кто вы такие? Кто? — вопрошал он, щуря глаза под роговыми очками. — Почему тревожите наше уединение, уединение святых лам из Горного монастыря?

— О святой человек, мы странники, которые пресытились уединением, — отвечал я ему на местном наречии, хорошо мне знакомом, — голодные странники, вызывающие к вашему гостеприимству; канон запрещает вам отказывать в подобной просьбе.

Он долго таращил на нас глаза из-под роговых очков, не в силах понять по нашим лицам, кто мы, затем перевел взгляд на наши одежды, такие же драные и почти такого же покроя, как и его собственные. То были типичные одежды тибетских монахов, включая стеганные юбки и накидки, похожие на арабские бурнусы. Нам пришлось их надеть за отсутствием каких-либо других. К тому же они защищали нас от сурового климата и ограждали бы от праздного любопытства, окажись рядом хоть кто-нибудь,

кто мог бы его проявить.

— Вы ламы? — с сомнением спросил он. — Если да, то из какого монастыря?

— Да, ламы, — ответил я, — из монастыря, называемого Миром, где приходится соблюдать долгие посты.

Мои слова, видимо, позабавили его, он хихикнул, но тут же, покачив головой, сказал:

— Устав запрещает принимать странников, если они другой веры, а я вижу, вы иноверцы.

— Но, святой кубилган. — (Так титулуют настоятелей.) — Учение еще более строго запрещает отказывать голодным путникам в еде. — И я процитировал хорошо известное речение Будды, подходящее как раз к этому случаю.

— Я вижу, вы изучали священные книги. — На его сморщенном желтом личике выразилось изумление. — А таким мы обязаны оказывать гостеприимство. Заходите же, братья из монастыря, называемого Миром... Но погодите, ваш як тоже нуждается в нашем гостеприимстве. — Он повернулся и ударил в гонг или колокол, висящий за дверью.

Появился второй монах с еще более морщинистым лицом, по всем признакам еще более дряхлый, и, раскрыв рот, уставился на нас.

— Брат, — сказал настоятель, — закрой свой большой рот: не ровен час, в него залетит злой дух; уведи этого бедного яка, покорми его вместе с нашей скотиной.

Мы расстегнули ремни и сняли наши пожитки со спины яка, и старик с пышным титулом «Хранитель стад» увел его прочь.

Уходил як неохотно, упираясь; наш верный друг явно не хотел расставаться с нами и не доверял своему новому сопровождающему; после того как животное увели, настоятель Куен — так его звали — пригласил нас в келью, которая служила и трапезной, здесь мы нашли остальных монахов, всего их было около двенадцати; они грелись вокруг пылающего очага, дым от которого мы и видели, а один тем временем готовил завтрак.

Все они были старики, не моложе шестидесяти пяти. Нас торжественно представили, как «братьев из монастыря, называемого Миром, где приходится соблюдать долгие посты»; настоятель Куен все никак не хотел расстаться с этой шуточкой.

Они не сводили с нас глаз, потирали худые руки, кланялись, осыпали нас благопожеланиями и были в явном восторге от нашего прибытия. В этом нет, разумеется, ничего странного, поскольку в течение четырех долгих лет они не видели ни одного нового лица.

Не ограничиваясь добрыми словами, они окружили нас заботой: одни принялись греть воду, чтобы мы могли помыться, двое других пошли готовить для нас келью, третьи стащили с нас верхние одежды и унты и принесли взамен домашние туфли. Затем нас отвели в келью для гостей, пребывать в которой считалось «благоприятным», потому что некогда там спал знаменитый святой. Здесь был разведен огонь, и нам — о, чудо из чудес — принесли чистые одежды, даже нижнее белье, все — старое, выцветшее, но вполне добротное.

Мы выкупались — да, целиком выкупались — и оделись во все чистое, хотя одежда, принесенная для Лео, оказалась ему маловатой; затем ударили в небольшой колокол, который висел в комнате, тут же появился монах и отвел нас в трапезную. Еда состояла из каши, разбавленной свежим молоком, поданным «Хранителем стад», сушеной озерной рыбы и чая с маслом, — последние два лакомства исключительно в нашу честь. Никогда еще еда не казалась нам столь вкусной, и, могу добавить, никогда еще мы не наедались до такой сытости. В конце концов мне даже пришлось остановить Лео, ибо я увидел, что монахи смотрят на него широко раскрытыми глазами, а старый настоятель тихонько посмеивается.

— Видимо, братья из монастыря, называемого Миром, перенесли очень уж долгий пост, — сказал он, на что другой монах — этого титуловали «Хранителем еды» — обеспокоенно заметил, что если мы будем поглощать пищу в таких количествах, их запасов вряд ли хватит до конца зимы. Поэтому мы прекратили есть «с легким чувством недоедания», как предписывает одна из книг по этикету, прочитанная мной еще в юности, и приятно поразили своих хозяев, прочитав нараспев длинную буддийскую благодарственную молитву.

— Их стопы уже вступили на Путь. Их стопы уже вступили на Путь, — восклицали они в изумлении.

— Да, — ответил Лео, — вот уже шестнадцать лет, как в нашем нынешнем воплощении мы вступили на Путь. Но мы делаем лишь первые шаги, ибо, как вы знаете, святые братья, Путь высок, точно звездное небо, широк, точно океан, и длинен, точно пустыня. Нам было внушено в чудесном сне найти вас, самых благочестивых, святых и ученых лам в этих краях, чтобы вы стали нашими наставниками на Пути.

— Да, конечно, все, что ты говоришь о нас, — правда, — произнес настоятель Куен, — поскольку ближайший монастырь находится в пяти месяцах ходу от нас. — Он захихикал, затем, помрачнев, печально вздохнул: — К сожалению, нас становится все меньше и меньше.

Мы попросили позволения удалиться в свою келью, улеглись на лежа,

весьма напоминающие обычные кровати, и проспали крепким сном целые сутки; встали мы прекрасно отдохнувшие и бодрые.

Таково было наше прибытие в Горный Монастырь (иного названия мы не слышали), где мы провели последующие шесть месяцев своей жизни. Через несколько дней добросердечные и простодушные монахи, чье доверие мы очень быстро завоевали, поведали нам всю свою историю.

Некогда в этом ламаистском монастыре обитало несколько сотен братьев. Сомневаться в их словах не было никакого повода, ибо монастырь очень велик, хотя и сильно разрушен, а о его древности можно судить по пострадавшей от солнца и ветра статуе Будды. Но два века назад, как рассказал старик настоятель, почти все монахи были перебиты свирепым племенем огнепоклонников, что жили за пустыней и дальними горами. Немногие уцелевшие сообщили эту скорбную весть другим общинам, и в течение пяти поколений никто даже не пытался поселиться в этом уединенном месте.

Нашему другу Куену еще в молодости было открыто, что он перевоплощение одного из прежних монахов, которого тоже звали Куеном, и что в этом своем существовании он должен возвратиться сюда, в награду за что ему будет зачтена святая заслуга и даровано много прозрений. Он собрал ревностных служителей Будды, и с благословения и согласия монахов высокого сана они отправились в путь и, перенеся много лишений и утрат, в конце концов нашли монастырь, где и обосновались после того, как привели в порядок часть помещений, достаточную для их нужд.

Вот уже полвека, как они здесь живут, лишь изредка общаясь с миром внешним. Сначала их количество пополнялось новыми братьями, но затем они перестали приходить, поэтому община вымирает.

— И что же будет потом? — спросил я.

— Ничего, — ответил настоятель. — Мы обрели большую святую заслугу, нам было даровано много прозрений, и после заслуженного нами отдыха в Дебачане наша участь в грядущих существованиях будет более легкой. Чего же еще мы можем желать здесь, вдали от мирских соблазнов?

Что до всего остального, то их жизнь проходит в бесконечных молитвах и еще более бесконечных благочестивых размышлениях, перемежаемых занятием сельским хозяйством: они возделывают плодородные земли у подножия горы и пасут стадо яков. Безупречно исполнив свой долг, они наконец умирают от старости, веря — и кто может сказать, что они ошибаются? — в повторение извечного круга, но только в другом месте.

День нашего прибытия в монастырь совпал с началом зимы с ее жестокими холодами и метелями, такими сильными и частыми, что вскоре вся пустыня утонула под глубоким снегом. Стало очевидно, что нам придется перезимовать в монастыре: отправиться в каком бы то ни было направлении означало обречь себя на верную гибель. Все это — не без некоторых опасений — мы изложили настоятелю Куену, предложив переселиться в одну из пустых келий в разрушенной части монастыря; питаться мы рассчитывали рыбой, что водилась в озере над монастырем, — ее можно было ловить через проруби во льду, — и дичью, которая изредка забредала в сосновую рощу и можжевельниковые заросли на ее опушке. Но Куен даже не захотел слышать об этом. Мы гости, посланные им свыше, сказал он, и можем гостить у них, сколько захотим. Мы не должны возлагать на них столь тяжкое бремя, как грех негостеприимства.

— К тому же, — добавил он со смешком, — мы, обитающие в уединении, любим слушать о великом монастыре, называемом Миром, где монахи живут не такой благословенной жизнью, как мы здесь, и где им приходится испытывать голод не только телесный, но и духовный.

В скором времени мы поняли: цель этого милого старика заключалась в том, чтобы не позволить нашим стопам сойти с Пути, пока мы не достигнем просветления, иными словами, не станем такими же превосходными ламами, как он сам и его паства.

Итак, мы шествовали по Пути, как делали это уже во многих ламаистских монастырях: участвовали в долгих молениях в разрушенном храме, изучали «Ганджур», или «Истолкование слов» Будды, их священное писание, чрезвычайно длинное, и всячески старались показать, что наши души открыты для внушения. Изложили мы им и основы нашего вероучения, и они были в большом восторге, обнаружив много сходства с их собственным. Пробудь мы там достаточно долго, хотя бы лет десять, мы, возможно, смогли бы убедить их принять новую веру, которую мы им проповедовали. В часы досуга мы много рассказывали им о «монастыре, называемом Миром», и было очень приятно, хотя в каком-то смысле и огорчительно, наблюдать, как внимательно они выслушивали наши рассказы о незнакомых им удивительных странах и народах, ведь они знали лишь о России и Китае и о кое-каких полудиких племенах, обитателях гор и пустынь.

— Нам следует обо всем этом знать, — говорили они. — Кто знает, может быть, в наших будущих воплощениях именно там нам и суждено жить.

Но хотя жили мы в полном довольстве, а если сравнивать с тем, что нам довелось испытать, даже в относительной роскоши, наши сердца жгло неутолимое желание продолжить поиски. Мы чувствовали, более того, были уверены, что уже близки к цели наших скитаний, но хорошо понимали всю ограниченность своих физических возможностей. Пустыня была завалена снегом, бураны смели этот снег в огромные, высотой с дерево, сугробы, которые погребли бы под собой всякого несчастного путника. Здесь мы должны ждать, ничего другого не остается.

У нас было лишь одно-единственное развлечение. В разрушенном монастыре находилась богатая библиотека, собранная, без сомнения, еще во времена давно прошедшие убитыми монахами. Их приемники сберегли и даже привели в кое-какой порядок эту библиотеку, и мы могли свободно ею пользоваться. Странное было это собрание, но, как я думаю, бесценное, ибо среди многочисленных рукописей были буддийские, шиваитские, а то и шаманские, о которых нам даже не приходилось слышать; значительную их часть составляли жития бодхисатв, или святых, написанные на разных языках; часто нам неизвестных.

Наибольший для нас интерес представляла многотомная хроника, которую вели кубилганы, настоятели старинного монастыря, с величайшим тщанием описывающие все важные события, запечатлевая их таким образом для грядущих поколений. Переворачивая страницы одного из последних томов, написанного, по всей вероятности, двести пятьдесят лет назад, незадолго до разрушения монастыря, мы наткнулись на запись, которую я вынужден воспроизводить по памяти.

Летом сего года, после сильной песчаной бури, наш брат (не помню его имени) нашел в пустыне человека из племени, обитающего за Дальними Горами, слухи о коем время от времени достигают монастыря. Он был еще жив, но рядом лежали двое его соплеменников, умерших от жажды и полузанесенных песками. Человек был очень свирепого обличья. Он не хотел рассказать, как он там очутился, упомянул только, что шел путем, коим пользовались их предки еще до того, как прекратилось всякое общение между племенем и миром. Мы поняли, однако же, что собратья, коих он сопровождал, были приговорены к смертной казни за какое-то преступление, но бежали. Он сказал нам, что за горами лежит богатый, плодородный край; к сожалению, там бывают частые засухи и землетрясения, кои ощущаются и здесь.

Сей край, по его словам, населяет народ очень многочисленный и воинственный, но занимается он земледелием. Они живут там испокон

веков, но правят ими Ханы, потомки греческого царя Александра: он захватил обширные земли к юго-западу от нас. Возможно, сие и верно, ибо наша хроника рассказывает, что около двух тысяч лет назад войско, посланное завоевателем, достигло и этих мест, хотя неизвестно, предводительствовал ли им сам Александр.

Человек сказал, что его народ поклоняется жрице по имени Хес, или Хесеа, правящей из поколения в поколение. Живет она на высокой горе, все ее любят и боятся, но страной правит не она, в дела государственные она почти не вмешивается. Однако же все приносят ей жертвы, и тот, кто навлечет на себя ее гнев, умирает, поэтому даже вожди ее опасаются. Но их подданные часто сражаются между собой, так как ненавидят друг друга.

Мы обвинили его во лжи, когда он сказал, что сия женщина бессмертна, если мы правильно его поняли, ибо на земле нет ничего бессмертного, посмеялись мы и над его рассказом о ее могуществе. Он объявил, что даже наш Будда уступает ей в могуществе и что мы в этом сами убедимся, когда на нас обрушится ее возмездие.

Мы накормили его и выпроводили из монастыря, и он ушел, пригрозив, что еще вернется и тогда мы узнаем, кто из нас говорил правду. Мы так и не знаем, что с ним стало, а показать путь, ведущий к его стране, что лежит за пустынями и Дальними Горами, он наотрез отказался. Вероятно, то был злой дух, посланный, чтобы нас испугать, чего ему, однако, не удалось добиться.

Такова в моем точном пересказе эта запись: ее чтение вызвало у нас много недоуменных вопросов и все же наполнило нас надеждой и волнением. Никаких упоминаний ни об этом человеке, ни о его стране больше не встречалось, но примерно через год хроника вдруг обрывалась, хотя нигде до этого не говорилось, что случилось или может случиться нечто необычное.

Более того, последняя запись в этой пергаментной книге гласила, что братья приступают к распашке новых земель для посева зерновых, а это означает, что они не боялись и не ожидали никаких непредвиденных событий. Оставалось лишь гадать, сдержал ли пришелец из-за гор свою угрозу и не обрушилась ли, по его наущению, эта жрица по имени Хесеа возмездие на приютившую его общину? Естественно, что мы с Лео ломали голову, кто же эта Хесеа?

На другой день мы позвали настоятеля Куена в библиотеку, прочитали ему отрывок и спросили, не может ли он чего-нибудь добавить по этому поводу. Он покачал своей мудрой старой головой, которая всегда

напоминала мне черепашью.

— Немногое. Очень немногое об армии греческого царя, который упоминается в хронике.

Мы попросили его рассказать то, что он знает, и Куен спокойно ответил:

— В те дни, когда наша религия переживала свою молодость, я был скромным монахом в этом самом монастыре — он был построен одним из первых — и видел проходящую армию, вот и все. Это случилось, — в задумчивости добавил он, — в моем пятидесятом воплощении нынешнего круга, — нет, я вспомнил о другой армии — в семьдесят третьем воплощении.

Лео громко захохотал, но я лягнул его ногой под столом, и он притворился, будто это не смех, а чих. И это было разумно, потому что столь неуместное веселье могло глубоко ранить чувства старика. Ведь и сам Лео когда-то говорил, что нам не подобает подшучивать над учением о перевоплощении, являющемся краеугольным камнем религии среди четверти человечества, к тому же и не самой глупой четверти.

— Объясни мне, о ученый брат, как это может быть, насколько мне известно, память погибает со смертью.

— Так только кажется, брат Холли, — ответил он. — Память часто возвращается — особенно к тем, кто далеко продвинулся на Пути. До тех пор, пока ты не прочитал мне этот отрывок, я как будто и не помнил об этой армии, а сейчас я точно воочию вижу прошлое: вместе с другими монахами я стою перед статуей большого Будды и мы смотрим, как армия проходит мимо. Она была не очень велика, потому что понесла тяжелые потери, и, преследуемая диким народом, что жил в те дни южнее нас, она торопилась перейти через пустыню, оставив позади своих преследователей. Их военачальник был очень смуглый человек — к сожалению, не могу вспомнить его имени.

— Этот военачальник, — продолжал он, — пришел в монастырь и потребовал, чтобы мы предоставили ночлег его жене и детям, снабдили их провизией и лекарствами и дали им с собой проводников через пустыню. Тогдашний настоятель сказал ему, что наш устав запрещает допускать женщин под монастырскую крышу, на что он ответил, что, если мы не выполним его требований, у нас не останется никакой крыши, ибо он спалит монастырь, а всех нас предаст мечу. Как вы знаете, человек, умерший насильственной смертью, возрождается в виде какого-нибудь животного, а это ужасно, посему мы избрали меньшее зло и уступили, с тем чтобы потом выхлопотать себе прощение у Великого Ламы. Супруги

военачальника я не видел, но — увы! — я видел жрицу, служительницу их религии. Увы, увы! — и Куен стал бить себя в грудь.

— Почему «увы»? — спросил я как можно более равнодушным тоном, ибо его рассказ возбудил во мне странный интерес.

— Почему? Потому что я забыл армию, но так и не смог забыть этой жрицы, и много веков она препятствовала мне переправиться на тот берег — Берег Спасения. Я, как скромный лама, готовил ей спальню, когда она вошла и скинула покрывало; увидев меня, тогда молодого человека, она заговорила со мной, стала расспрашивать, и, отвечая, я вынужден был смотреть на нее.

— И как же... как она выглядела? — нетерпеливо спросил Лео.

— Как она выглядела? Она была прекрасна, точно утренняя заря над снегами, прекрасна, точно вечерняя звезда над горами, прекрасна, точно первый весенний цветок. Не спрашивай меня, как она выглядела, брат, больше я все равно ничего не скажу. О мой грех, мой грех! Я возвращаюсь в прошлое, и мой черный позор всплывает на свет дня. Вы, возможно, считаете меня таким же добродетельным, как и вы сами; знайте же, какой я низкий человек. Вот вам мое признание. Эта женщина, если она женщина, зажгла неугасимый огонь в моем сердце; хуже того, хуже того, — Куен раскачивался на табурете взад и вперед, и из-под его роговых очков капали слезы отчаяния, — *она заставила меня боготворить ее*. Сначала она спросила меня о моей вере, и я охотно ответил на все вопросы, надеясь, что на ее душу низойдет свет; затем она сказала:

«Стало быть, ваш Путь — Путь Отречения, а ваша Нирвана — просто Полная Пустота; кое-кто усомнится, стоит ли прилагать столько усилий, чтобы ее достичь. Я покажу тебе более радостный Путь и богиню, более достойную твоего поклонения».

«Что же это за путь и что за богиня»? — спросил я.

«Путь Любви и Жизни, — ответила она, — только благодаря ему существует мир, благодаря ему существуешь и ты, о стремящийся к Нирване; богиня же — богиня Природы».

«И где же она обретается, эта богиня»? — спросил я. Она выпрямилась с царственным видом и, коснувшись рукой своей лилейной груди, ответила:

«Это и есть *Она*. Пади на колени и воздай мне дань поклонения».

О братья мои, я пал на колени, да, и поцеловал ее ступни, а затем убежал, сгорая от стыда и позора; она же кричала мне вслед: «Помни обо мне, когда достигнешь Дебачана, о служитель святого Будды, ибо я только изменяюсь, но не умираю, и даже там я буду с тобой, ибо отныне ты мой

поклонник!»

И так оно и есть, братья мои, так оно и есть; хотя я и получил отпущение грехов и много перестрадал в своих перевоплощениях, я не могу о ней забыть и обрести необходимый мир и покой. — Куен закрыл свое лицо морщинистыми руками и вздохнул зарыдал.

Забавно было смотреть на святого кубилгана, уже за восемьдесят, плачущего, словно дитя, при воспоминании о прекрасной женщине, что приснилась ему две тысячи лет назад. Так, вероятно, подумает читатель. Но я, Холли, по некоторым причинам ощущал глубокую симпатию к несчастному старику, и Лео разделял это мое чувство. Мы похлопали его по спине и уверили, что он просто жертва наваждения; это не может быть зачтено ему как грех ни в нынешнем, ни в последующем существовании, а если даже это и грех, то он, несомненно, уже давно прощен.

Когда он немного успокоился, мы попробовали выведать у него еще что-нибудь о жрице, но тщетно. На наши расспросы он отвечал, что не знает, к какой религии она принадлежала, ему это безразлично, хотя он полагает, что эта религия сеет зло. Наутро она ушла вместе с армией; он больше никогда ее не видел и ничего о ней не слышал; помнит только, что его продержали восемь дней под замком, чтобы он за ней не последовал. Он только помнит, что тогдашний настоятель сказал братьям. Именно эта жрица и была истинным предводителем армии, а не царь и ненавидевшая ее царица. По ее велению они направились через пустыню на север: там, за горами, она намеревалась установить свой культ.

Мы поинтересовались, есть ли и в самом деле какая-нибудь страна за горами, и Куен устало ответил, что да, — так, по крайней мере, он думает. Толи в этом, то ли в предыдущем существовании он слышал, что там живут огнепоклонники. Около тридцати лет назад один из братьев вскарабкался на высокую вершину, чтобы в полном одиночестве предаться благочестивому размышлению, а когда вернулся, сообщил, что видел нечто удивительное, а именно ослепительный сноп света в небесах, но он не мог сказать, мираж ли это или нет. Мог только вспомнить, что в это время было сильное землетрясение.

Тут воспоминание о якобы совершенном грехе снова стало терзать простодушное старое сердце Куена; горько причитая, он удалился, и мы не видели его целую неделю.

Но мы с удивлением и надеждой долго обсуждали все, им сказанное, и решили при первой же возможности подняться на ту же самую вершину.

Глава III. Путеводный свет

Такая возможность представилась нам через неделю, когда прекратились бураны и наступили жестокие холода, и можно было, не проваливаясь, ходить по смерзшемуся снегу. Услышав от монахов, что в это время года *ovis poli* и другие рогатые животные и дичь спускаются с гор в долины, где, разрывая копытами снег, ищут себе пищу, мы объявили, что собираемся на охоту, так как нам надоело затворничество, мы нуждаемся в физической разминке, а наша религия не запрещает нам убивать живые существа.

Наши хозяева сказали, что это рискованное дело: погода может в любое мгновение перемениться. Однако они добавили, что на склоне горы, куда мы хотим подняться, есть большая естественная пещера, где при необходимости можно укрыться, и один из них, чуть помоложе и подвижнее, чем другие, вызвался нас проводить к этой пещере. Мы смастерили грубый шатер из шкур и погрузили его, а также запасы продовольствия и запасные одежды на нашего старого яка, который был уже в превосходном состоянии, и однажды утром чуть свет отправились в путь. Идя вслед за монахом — несмотря на достаточно почтенные годы, он был хорошим ходоком, — мы еще до полудня достигли северного склона горы. Здесь, как он и говорил, мы нашли большую пещеру, вход в которую был прикрыт нависающей сверху скалой. В некоторые времена года эта пещера, очевидно, служила излюбленным пристанищем для животных, здесь были целые груды высохшего помета, поэтому мы могли не опасаться нехватки топлива.

Остаток этого короткого дня мы потратили на то, чтобы разбить в пещере шатер и развести перед ним большой костер, и на осмотр склонов, ибо мы сказали монаху, что ищем следы диких овец. На обратном пути в пещеру мы и впрямь набрали на небольшое стадо овец: они щипали мох в уединенном местечке, где летом протекал ручей. Нам удалось подстрелить двух из них; сюда никогда не забредали охотники, и бедные животные были еще совсем непуганными. При такой низкой температуре мясо могло храниться вечно, этой пищи нам хватило бы на пару недель; мы стащили убитых овец вниз по снежным склонам в пещеру и освежевали их в гаснущем свете дня.

В этот вечер мы поужинали парной бараниной, это было большое лакомство, и монах отведал его с не меньшим, чем мы, удовольствием:

каковы бы ни были его взгляды на убийство живых существ, баранину он любил. Затем мы забрались в шатер и тесно прижались друг к другу, ибо температура была ниже ноля. Старый монах спал крепким сном, но мы с Лео почти всю ночь не смыкали глаз: так не терпелось нам знать, что мы увидим с вершины горы.

На следующее утро, едва рассвело, воспользовавшись благоприятной погодой, монах возвратился в монастырь; мы же сказали, что задержимся на день-другой.

Наконец-то мы остались одни и, не теряя ни мгновения, начали взбираться на вершину. Высотой она была в несколько тысяч футов, с достаточно крутыми склонами, но крепкий снежный наст облегчал подъем, и к полудню мы были уже на самом верху. Вид отсюда открывался великолепный. Под нами простиралась пустыня, за ней тянулся широкий пояс заснеженных гор самых фантастических очертаний: их были сотни и сотни, впереди, справа, слева, насколько хватал взгляд.

— Все как в моем сне, — пробормотал Лео. — Точь-в-точь.

— А где сноп света? — спросил я.

— Я думаю, там. — Он показал на северо-запад.

Задерживаться было опасно, но обратном пути нас могла застичь тьма, поэтому мы начали спускаться и к закату были уже в пещере. Так мы провели последующие четыре дня. Каждое утро совершали утомительный подъем по снежным склонам, а к вечеру соскальзывали и съезжали, что было достаточно для меня утомительно.

На четвертый вечер, не заходя в шатер, Лео уселся у входа в пещеру. Когда я поинтересовался, что он задумал, он нетерпеливо ответил: просто так ему хочется, и я оставил его в покое. Я видел, что он в каком-то странном раздражительном настроении, угнетен тем, что поиски идут так неудачно. К тому же мы оба знали, что не можем оставаться здесь долго, ибо погода может в любой момент перемениться к худшему, и мы не сможем больше подниматься на вершину.

Среди ночи меня вдруг разбудил Лео, он тормошил меня, говоря:

— Пойдем, Хорейс. Я хочу тебе кое-что показать.

Я неохотно вылез из-под меховых одеял. Одеваться не было необходимости, так как спали мы в одежде. Лео вывел меня из пещеры и показал на север. Ночь была очень темна, и далеко-далеко в небе я увидел неяркий свет, похожий на отблеск дальнего пожара.

— Что это, по-твоему? — спросил он, с явным нетерпением ожидая моего ответа.

— По-моему, ничего особого, — сказал я. — Это может быть что

удовно. Луна? Нет, ночь безлунная. Рассвет? Нет, солнце не восходит на севере, и рассвет не длится три часа. Скорее похоже на зарево от горящего дома или погребального костра? Но здесь это исключено. Не знаю, что и думать.

— Я предполагаю, что это отражение огня, который мы могли бы видеть, если были бы на вершине, — медленно произнес Лео.

— Но мы не на вершине и не можем взобраться туда в потемках.

— Стало быть, Хорейс, мы должны провести там ночь.

— Если начнется снегопад, — сказал я со смешком, — эта ночь окажется последней в нашей жизни.

— И все же мы должны рискнуть; я, во всяком случае, должен рискнуть. Смотри, свет померк. — Тут он был, несомненно, прав. Тьма стояла крошечная и на земле и в небе.

— Обсудим это завтра, — сказал я и вернулся в шатер, ибо глаза у меня слипались и я отнюдь не был убежден, что видел нечто достойное внимания, но Лео остался сидеть в устье пещеры.

Когда я проснулся на заре, завтрак был уже готов.

— Я должен выйти пораньше, — объяснил Лео.

— В своем ли ты уме? — спросил я. — Как мы можем разбить лагерь на самом верху?

— Не знаю, но я собираюсь идти. Я должен идти, Хорейс.

— А это означает, что идти должны мы оба. А как быть с яком?

— Там, где пройдем мы, пройдет и он.

Мы привязали ремнями шатер и прочную поклажу, куда вошел и немалый запас жареного мяса, на спину животного и тронулись в путь. На этот раз восхождение заняло много времени, нам пришлось обходить снежные склоны, по которым мы прежде поднимались, делая топором зарубки, ибо тяжело груженный як не мог там пройти. Достигнув наконец вершины, мы выкопали яму и разбили в ней свой шатер, обложив его со всех сторон выкопанным снегом. К этому времени уже стало темнеть, мы вместе с яком вошли в шатер, поужинали и начали ждать.

Холод был нестерпимый. На такой высоте ледяное дыхание ветра пронизывало и наши одеяла, и одежды, обжигая тела, словно раскаленное железо. Мы поступили очень предусмотрительно, взяв с собой яка; если бы не тепло, что исходило от его косматых боков, мы оба наверняка погибли бы, шатер нас не спас бы. Несколько часов мы провели в наблюдении; ничего другого, впрочем, нам и не оставалось, ибо сон означал смерть, но не видели ничего, кроме одиночных звезд, и не слышали ничего, ибо в этом ужасающем безмолвии даже ветер бесшумно скользил по снегам.

Постепенно я притерпелся к сильному холоду, мои ощущения притупились, глаза начали закрываться, и вдруг Лео воскликнул:

— Смотри, вон там, под красной звездой.

Высоко в небе я увидел тот же самый непонятный свет, что и накануне. Прямо под ним, почти на одном с нами уровне, возвышаясь над вершинами окрестных гор, появилась неяркая огневая завеса; на ее фоне что-то темнело, что именно — мы не могли различить. Между тем огненная завеса стала шире и выше, разгорелась ярче. И только тогда мы разглядели, что перед ней высится огромный каменный столб, увенчанный большой петлей. Мы отчетливо видели его очертания. Это был Знак Жизни.

Знак исчез, огненная завеса опустилась. Затем вспыхнула еще сильнее, чем прежде, вновь замаячила — и тут же скрылась каменная петля. В третий раз завеса вспыхнула более ослепительным, чем любая молния, блеском. Небеса над ней осветились, и через отверстие Знака Жизни, над волнистым морем гор и пустынь, прямо к высокой вершине, где мы лежали, стремительной стрелой помчался сноп света, похожий на луч от маяка или корабельного прожектора. Он окрасил в багровый цвет снег и ударил в наши дикие бледные лица, хотя и справа и слева от нас густел все тот же мрак. Передо мной на снегу лежал компас, я даже видел его стрелку, а чуть поодаль — силуэт белого песка: почуяв еду, он подполз к нам. Сноп света погас так же неожиданно, как и возник. Исчез и Знак Жизни, и огненная завеса, лишь в отдаленном небе еще витал слабый отблеск.

После недолгого молчания Лео сказал:

— Помнишь, Хорейс, как мы лежали на раскачивающейся плите и на меня упала накидка Айши, — слова как будто застревали в его горле, — и в этот миг прощальный луч света показал нам путь к спасению. Я думаю, на этот раз он приветствует нас и показывает, как найти Айшу, с которой мы на время разлучились.

— Возможно, — оборонил я, не находя ни слов, ни доводов и даже утратив всякую способность удивляться. Я уже тогда знал, как знаю и теперь, что мы — участники великой драмы в постановке судьбы, все роли уже расписаны, остается их сыграть: проложена и тропа, мы должны лишь пройти ее до конца, пока еще неведомого. Преодолены все ужасы и сомнения; надежда растворилась в полной уверенности; сбылись пророческие видения той памятной ночи, и жалкое, казалось бы, семя обещания, посеянное ушедшей, невидимое все эти мучительные, бесплодные годы, — вдруг проросло пышным всходом.

Мы уже не испытывали прежнего страха, даже когда с зарей поднялся ревущий ветер, и, спускаясь, мы на каждом шагу рисковали жизнью; даже

когда час за часом, оглохнув и ослепнув, пробивались через беспрестанно налетающие вихри бурана. Ибо мы знали, что наши жизни в безопасности. Мы ничего не видели и не слышали, но у нас была проводница. Держась за яка, мы спускались все ниже и ниже, и, несмотря на бушующую метель и мрак, его безошибочный инстинкт привел нас невредимыми к дверям монастыря, где старый настоятель радостно обнял нас, а монахи вознесли благодарственные молитвы. Они были уверены, что мы погибли. Еще ни один человек не уцелел, сказали они, в такую ужасную ночь.

Была только еще середина зимы, нам предстояли нестерпимо долгие месяцы ожидания. В руках у нас находился ключ, там, среди гор, была дверь, но мы еще не могли вставить ключ в замок. Между нами лежала пустыня в высоких волнах снега, и до весны нечего было и думать о переходе через нее. Мы сидели в монастыре и приучали свои сердца к терпению.

Но весна в конце концов забредает и в эти глухие места Центральной Азии. Однажды вечером холод смягчился, ночью было всего несколько градусов мороза; сгустились тучи, но утром из них пошел уже не снег, а дождь, и старые монахи стали готовить свои земледельческие орудия, они сказали, что время сева вот-вот наступит. Три дня беспрерывно лило, и снега растаяли у нас на глазах. На четвертый с гор побежали потоки воды; бурая пустыня обнажилась, хотя и не надолго; через неделю она покрылась цветочным ковром. Пришла пора отправляться в путь.

— Куда вы идете? Куда вы идете? — в замешательстве спросил старый настоятель. — Чем вам здесь плохо? Вы же продвинулись далеко вперед по Пути; это видно по вашим благочестивым беседам. Все, что у нас есть, принадлежит и вам. Почему же вы нас покидаете?

— Мы странники, — отвечали мы, — и если видим перед собой горы, непременно должны их пересечь.

Куен проникательно посмотрел на нас и спросил:

— Что вы там ищете, за горами? И приобретете ли вы святую заслугу, братья мои, если будете скрывать правду от старика, ведь подобные умолчания отделены от лжи всего лишь на величину ячменного зерна. Скажи же мне, чтобы я, по крайней мере, мог за вас молиться.

— Святой настоятель, — сказал я, — недавно в библиотеке ты сделал нам одно признание.

— Не напоминай, — сказал он, поднимая руки. — Зачем ты меня мучаешь?

— Ничто не может быть дальше от нашего намерения, о добрейший друг, святой праведник, — ответил я. — Но история, которую ты

рассказывал, тесно переплетена с историей нашей жизни, где важную роль играет та же самая жрица.

— Продолжай, — сказал он, сильно заинтересованный.

Мой рассказ длился более часа, и все это время, сидя напротив нас, он молча поводил головой, как черепаха. Но вот мой рассказ подошел к концу.

— Ну, а теперь, — сказал я, — пусть светильник твоей мудрости рассеет мрак незнания. Не удивлен ли ты, не считаешь ли нас лжецами?

— О братья из великого монастыря, называемого Миром, — с обычным своим хихиканьем ответил Куен, — с какой стати мне считать вас лжецами; с первого же взгляда я понял, что вы люди честные и правдивые. И чему я должен удивляться: ведь вы только соприкоснулись с тем, что нам уже известно много-много веков.

Эта женщина показала вам в видении наш монастырь и привела сюда, откуда можно добраться до гор, где, как вы полагаете, она возродилась. Почему бы и нет? Для тех, кто познал высшую истину, нет ничего невозможного, хотя то, что ее последняя жизнь так затянулась, странно и противоречит опыту. Не сомневаюсь, там вы ее найдете; не сомневаюсь также, что ее духовная суть — та же самая, что некогда ввела меня в грех.

Но думать, что она бессмертна, — заблуждение: на свете нет ничего бессмертного. Именно гордыня или, если хотите, величие мешает ей приблизиться к Нирване. Но ее гордыня будет смирена, как уже бывало не раз; чело ее величия припорошит прах перемен и смерти, а грешный дух очистится печалью и разлуками. О брат Лео, если ты и обретишь ее, то лишь для того, чтобы потерять; и тогда тебе вновь придется карабкаться по лестнице. Брат Холли, для тебя, как и для меня, потеря есть единственное приобретение, ибо избавляет от мучительной скорби. Оставайтесь же здесь и молитесь вместе со мной. Зачем биться лбом о скалу? Зачем лить воду в треснутый кувшин, она все равно уйдет в песок бесполезного опыта, тщетно расточится, так и не утолив жажду.

— Вода оплодотворяет песок, — ответил я. — Где вода, там и жизнь, а печаль — это семя радости.

— Любовь — закон жизни, — вмешался Лео. — Без любви нет и жизни. Я ищу любовь, чтобы продолжать жить, и верю, что все это предназначено для неведомой нам цели. Судьба повелевает — я подчиняюсь ее велению.

— И тем оттягиваешь свое конечное избавление. Но не буду спорить с тобой, брат, ибо ты должен идти своей собственной дорогой. Вспомни о том, что эта женщина, проповедница ложной веры, навлекла на тебя в прошлом. В одном из своих существований ты был, как я слышал, жрецом

богини Природы по имени Исида, дал обет верности ей — и только ей. Какая-то женщина соблазнила тебя — и ты бежал вместе с ней. И что же? Преданная тобой богиня или если не сама богиня, то ее посланница, которая вкусила от ее мудрости и стала орудием возмездия, убила тебя. С помощью усвоенной ею мудрости эта посланница — будь она женщина или дух — отсрочила свою смерть, потому что полюбила тебя, и продолжала жить, ожидая, когда ты возродишься и отыщешь ее, хотя она гораздо быстрее встретила бы с тобой в Дебачане, если бы умерла, но нет, она предпочла жить в неслыханных мучениях. Ты возвратился к ней, но она умерла или как бы умерла, а потом, как было назначено, возродилась; несомненно, вы опять увидите, и опять случится какая-нибудь страшная беда. О мои друзья, не уходите за горы, оставайтесь здесь и кайтесь в своих прегрешениях.

— Нет, — ответил Лео, — мы поклялись встретиться, и наша клятва нерушима.

— Тогда, братья, отправляйтесь, а когда вы пожнете плоды своего неразумия, вспомните мои слова: я уверен, что вино из давящей страсти будет цвета крови и что, поглощая его, вы не обретете ни забвения, ни покоя. Ослепленные жгучей страстью, о могуществе которой я слишком хорошо знаю, вы хотите соединить зло с прекрасным лицом и свою жизнь, уповая, что их союз породит всезнание и радость великую.

Не лучше ли проводить дни в святом затворничестве, пока ваши жизни не волеются в Неизреченное Добро, в Вечное Блаженство, которое заключено в Конечной Пустоте? Сейчас вы мне не верите, качаете головой и улыбаетесь: и все же настанет день, может быть, после многих перевоплощений, когда вы падете ниц и в слезах молвите: «Брат Куен! Твои слова были исполнены мудрости, а мы поступили безрассудно». И с глубоким вздохом старик повернулся и оставил нас.

— Нечего сказать, утешительная религия, — сказал Лео, глядя ему вслед. — Живи бесчисленное количество веков в убийственной однообразной тоске, пока твое сознание не растворится в некоей пустоте, в бесформенной абстракции, что называется «Вечным блаженством»! Нет, лучше уж я поживу в этом несовершенном мире, не теряя надежды оказаться в мире более совершенном. Не думаю, чтобы он что-нибудь знал об Айше и ее судьбе.

— И я не думаю, — ответил я, — хотя и допускаю, что, в сущности, он прав. Кто знает? И какой смысл в рассуждениях? У нас нет выбора, Лео: мы только повинемся велениям судьбы. Куда она нас приведет — мы узнаем в свое время, не раньше.

Было уже поздно, и мы пошли отдохнуть, но в эту ночь я почти не спал. Предостережения дряхлого настоятеля, человека доброго и ученого, с богатым жизненным опытом и той мудрой прозорливостью, какая дается немногим, лежали на моей душе тяжким бременем. Он предрек, что за горами нас ждут горе и кровопролитие, а затем смерть и возрождение в горчайших мучениях. Скорее всего так и будет. Но ничто уже не остановит нас, никакие страдания. Чтобы вновь увидеть ее лицо, я готов преодолеть любые мучения. А что же тогда сказать о Лео?

Странное предположение высказал Куен: будто Айша была древнеегипетской богиней, а Калликрат — ее жрецом, либо же если не богиней, то ее посланницей. Будто его соблазнила царственная Аменартас, и он бежал с ней, нарушив клятву верности богине. Будто эта богиня, воплощенная в Айше или используя ее страсти как свое орудие, отомстила в Коре им обоим; но молния поразила ту, что ее метнула.

То же самое часто думал и я. Но я был уверен, что Она не богиня, хотя и возможно ее воплощение: жрица, посланница, призванная вершить ее волю, мстить или вознаграждать, с человеческой душой, исполненная надежд и страстей, и со своей собственной судьбой. Сейчас, когда все уже позади и я пишу свое повествование, я вижу много такого, что подтверждает это предположение, и мало такого, что идет с ним вразрез, ибо невероятно долгая жизнь и сверхчеловеческие способности сами по себе еще не признаки божества. С другой стороны, следует помнить, что, по крайней мере единожды, Айша недвусмысленно заявила, что была некогда «дщерью небес»; есть люди, среди них старый шаман Симбри, которые считают ее сверхъестественное происхождение само собой разумеющимся. Но обо всем этом я надеюсь еще поговорить позже.

Так что же там за горами? Найдём ли мы ту, что со скипетром в руке творит на земле волю разгневанной Исиды, а с ней и другую женщину, изначально во всем виноватую? И если так, достигнет ли своей кульминации непримиримая, нечеловеческая борьба за греховного жреца? Через несколько месяцев, а может быть и дней, мы наконец получим ответ на этот вопрос.

С этой глубоко волнующей мыслью я и уснул.

Глава IV. Снежный обвал

Утро второго после той ночи дня застало нас уже в пустыне. Оглядываясь, на расстоянии мили мы видели полуразрушенную статую Будды, восседавшего перед старинным монастырем, и в этом ясном воздухе различали даже сгорбленную фигурку нашего друга, старого настоятеля Куена, который, опираясь рукой о статую, провожал нас взглядом, пока мы не скрылись вдали. Все монахи плакали, прощаясь, и горше всех Куен, ибо он искренне полюбил нас.

— Я очень опечален, — сказал он, — очень опечален, хотя мне давно уже следовало бы отринуть все мирские привязанности. Скоро я покину этот мир, но нахожу утешение в уверенности, что мы еще встретимся во многих будущих воплощениях; и после того, как вы отрешитесь от всех своих безрассудств, мы вместе пойдем по Пути, ведущему к Избавлению. Примите же на прощание мои благословения и помните, что я буду за вас молиться, а если вы останетесь в живых, — тут он с сомнением покачал головой, — вы всегда встретите здесь теплый прием.

Мы обняли его и ушли с грустью на сердце.

Как я уже говорил, когда мы увидели таинственный сноп света на вершине, у меня лежал перед собой компас и я запомнил его показания. Теперь в соответствии с его показаниями мы направились на северо-восток. Погода была чудесная, и весь день мы шли по усеянной цветами пустыне: нам встречались стада разных животных, среди них и диких ослов, которые спустились с гор, чтобы полакомиться свежей травой. Вечером мы подстрелили антилопу и разбили лагерь — ибо мы взяли с собой яка и шатер — в тамарисковой роще и, наломав хворосту, развели костер. Хватало и питьевой воды: стоило разгрести еще влажный от растаявшего снега песок, и на дне ямки собиралась маленькая лужица. Мы были рады сберечь наш небольшой запас сушеной провизии и с удовольствием поужинали жареным мясом антилопы, запивая его чаем.

На другое утро мы хорошенько осмотрелись и прикинули, что прошли около четверти пустыни, если мы и ошиблись, то совсем не намного, ибо на четвертый день путешествия мы достигли нижних склонов противоположных гор; никаких происшествий за это время не случилось, мы даже не очень устали. Лео сказал, что все «идет как по маслу», но я напомнил ему, что хорошее начало еще не залог благополучного исхода. И

я был прав: наши трудности только-только начинались. Горы оказались куда выше, чем мы полагали: два дня ушло только на преодоление нижних склонов. Солнце уже размягчило снег, идти стало трудно, и даже у таких опытных путешественников, как мы, его постоянный блеск вызывал мучительную резь в глазах.

Утром седьмого дня мы достигли устья извилистого ущелья, которое уходило в самое сердце гор. Это был единственно возможный путь, по нему мы и направились, и очень обрадовались, когда по некоторым признакам поняли, что некогда здесь пролегала дорога. Видеть ее под толщей снега мы, конечно, не могли. Но то, что мы идем по дороге, не вызывало никаких сомнений; даже когда мы проходили по самому краю пропасти, наша тропа, как бы крута ни была, всегда имела плоскую поверхность; более того, окаймлявшая ее с одной стороны каменная стена была кое-где подрублена человеческими руками. Снег с этой отвесной стены давно уже стоял, и мы видели отчетливо следы инструментов.

В некоторых местах — обычное в Тибете дело — дорога некогда проходила через деревянные мостики; эти мостики вместе со всеми опорами давно уже сгнили. Мы вынуждены были делать большие крюки, чтобы обходить подобные провалы, но каждый раз, хотя и с долгими задержками, преодолевая трудности и опасности, все же выбирались обратно на дорогу.

Особенно для нас мучительными — и тут не могли помочь ни ловкость, ни опыт, приобретенные в многочисленных восхождениях, — были морозы, весьма суровые на такой высоте: всю ночь напролет бушевали пронизывающие ледяные ветры, их шум не смолкал ни на минуту.

Наконец, уже на десятый день, мы достигли конца ущелья, и так как близилась ночь, нам не оставалось ничего, кроме как остановиться на ночлег. У нас не было топлива, чтобы вскипятить воду: мы утоляли жажду, глотая комки смерзшегося снега; боль в глазах не давала нам спать, и, как ни жались мы к яку, как ни кутались в меховые одеяла, зубы у нас стучали, точно кастаньеты, от холода.

Занялась заря, взошло солнце. Мы выползли из шатра и, не сворачивая его, кое-как разминая онемевшие ноги, доковыляли до поворота ущелья, надеясь там отогреться в солнечных лучах, которые еще не скоро достигли бы нашего лагеря.

Лео первый свернул за угол, и я услышал его изумленное восклицание. Через несколько секунд я присоединился к нему и тоже замер от удивления: перед нами открылась Земля Обетованная!

Далеко под нами, по меньшей мере в десяти тысячах футов, поскольку мы смотрели с самой вершины горы, до самого окоема простиралась равнина. Она была совершенно плоская, явно аллювиального характера: давным-давно, в века незапамятные, здесь, видимо, находилось дно одного из тех обширных озер, которых в Центральной Азии довольно много, и почти все они постепенно высыхают. Среди ее унылого однообразия высилась одна-единственная гигантская гора в снежном венце: и даже на таком отдалении мы ясно видели ее очертания. И не только очертания, но и гигантский плюмаж дыма над ее закругленной вершиной; это был активно действующий вулкан; на краю его кратера чернел огромный Знак Жизни.

Да, вот он перед нами — тот самый символ, который привиделся нам в вещем сне и который мы искали столько лет; наши сердца забились быстрее, дыхание участилось. Пока мы перебирались через горы, стены ущелья и многочисленные пики скрывали от нас эту громаду, но теперь мы увидели, что она выше всех окрестных гор. И нам стало ясно, каким образом сноп света, проходя через каменную петлю, достигал снежной вершины по ту сторону пустыни, откуда мы за ним наблюдали.

Поняли мы и каков источник этого света: столб дыма за петлей объяснил эту тайну. Несомненно, по временам вулкан пробуждается, и тогда высоко вздымающееся пламя излучает свет необыкновенной интенсивности, который, проходя через петлю, концентрируется в направленный сноп.

В тридцати милях от нас мы различали белые крыши города, возведенного на холме, среди деревьев, на берегах широкой реки, которая пересекала равнину. Очевидно было, что эта страна густо населена людьми, по большей части земледельцами; с помощью полевого бинокля, одной из немногих оставшихся у нас вещей, которые мы очень берегли, мы даже различали зеленеющие поля, ирригационные каналы и межевые линии деревьев.

Да, перед нами Земля Обетованная и та самая таинственная Гора: остается спуститься по снежным склонам и войти в наиболее удобном месте в эту страну.

Так мы думали в своем безрассудстве, не догадываясь, что нас ждет, какие ужасы и тяжкие страдания нам предстоит преодолеть, прежде чем мы будем наконец стоять под сенью Знака Жизни.

Усталости как не бывало; мы возвратились в шатер, наспех позавтракали сухим мясом, запивая, вернее, заедая, его большим куском снега, от которого ломило зубы и замерзло все внутри, но у нас не было другого способа утолить жажду; затем мы подняли бедного яка, нагрузили

его и отправились в путь.

Так велика была наша спешка и так заняты были мы своими мыслями, что за все это время, если память мне не изменяет, не обменялись ни словом. Мы быстро, без всяких колебаний, спустились вниз по снежным склонам, ибо дорога здесь была отмечена парами каменных столбов, отстоящими друг от друга на равные промежутки. Глядя на эти столбы, мы не сомневались, что она ведет к Земле Обетованной.

Но мы не могли не заметить, что дорогой никто уже давно не пользуется: за исключением немногочисленных следов диких овец, медведей и горных лисиц, ничто не свидетельствовало, что здесь ходят другие звери и люди. Это обстоятельство мы, однако, объяснили для себя тем, что дорогой, несомненно, пользуются лишь летом. А может быть, обитатели этой страны заделались большими домоседами и никуда не путешествуют?

Склоны оказались более высокими, чем мы предполагали; уже сгустилась тьма, а мы все еще не достигли подножия. Нам пришлось провести еще одну ночь среди снегов, разбив шатер под нависающей скалой. Но мы спустились на много тысяч футов, и здесь было уже не так холодно, вероятно, не ниже восемнадцати или двадцати градусов. За день в снегу образовались проталины, мы смогли напиться воды, а бедный старый як набил себе брюхо чахлым горным мхом, считая, видимо, что это все же лучше, чем ничего.

Снова взошла заря, набросив свой багряный покров на бесчисленные пустынные горы, мы кое-как поднялись, растирая окоченевшие ноги, доели остатки еды и тронулись в путь. Мы уже не могли видеть равнину под нами; и ее, и гигантскую гору скрыл горный кряж, прорезанный лишь одним узким ущельем, куда мы и направились. Судя по столбам, дорога вела именно туда. К полудню казалось, что проход уже совсем близко, и в лихорадочном нетерпении мы ускорили шаг. Однако спешить было незачем, — мы убедились в этом через час.

Между нами и устьем ущелья или прохода лежала пропасть глубиной в триста — четыреста футов, с самого ее дна слышался гул, похожий на шум воды: там, видимо, протекала река.

Дорога подводила к самому краю пропасти, где стоял один из каменных столбов, и обрывалась. Мы остановились в глубокой растерянности.

— По всей видимости, — с невеселым смешком сказал Лео, — ущелье образовалось уже после того, как построили дорогу, в результате вулканического процесса.

— А возможно, здесь был деревянный мост или лестница, но они сгнили. Какая разница! Мы должны найти другой путь, — ответил я как можно более бодрым тоном.

— Да, и поскорее, — ответил он, — если не хотим остаться здесь навсегда.

Мы повернули направо и пошли вдоль пропасти; через милю мы набрели на ледник с большими вмерзшими в него камнями. Ледник ниспадал в пропасть наподобие застывшего водопада, но достигает ли его язык подножия — мы не могли определить. Во всяком случае, спускаться по нему казалось делом немыслимым. Но мы увидели, что далее пропасть углубляется и везде, насколько хватает взгляд, ее стена совершенно отвесная.

Мы вернулись обратно и направились налево от дороги. Здесь горы отступали, над нами с одной стороны возвышались могучие, покрытые ослепительно сверкающим снегом склоны, с другой — зияла все та же беспощадная, непроходимая пропасть. День уже угасал, когда мы заметили в полумиле от нас высокую нагую скалу и поспешили туда, надеясь, что с ее вершины откроется лучший обзор.

Скала была в полтора-два фута вышиной, и когда мы наконец взобрались на нее, то увидели, что и здесь пропасть гораздо глубже, мы даже не видели дна, только слышали гул реки. К тому же ущелье здесь было шириной с полмили.

Пока мы осматривались, солнце скрылось за горой, и, так как небо было обложено хмурыми тучами, свет померк так же мгновенно, как гаснет задутая свеча. Подняться на эту крутую скалу было нелегко, в одном месте пришлось перебираться с выступа на выступ, как по лестнице: естественно, мы не решились спуститься с нее во мгле. Поскольку на вершине скалы и на снежной равнине у ее подножия было одинаково холодно и неудобно и мы очень устали, мы решили заночевать здесь, что, как потом выяснилось, спасло нам жизнь.

Разгрузив яка, мы поставили шатер с подветренной стороны глыбы на самой вершине и съели по паре пригоршней сушеной рыбы и по несколько лепешек. Это было последнее, что мы взяли с собой из монастыря, и мы не без растерянности поняли, что единственная наша надежда — подстрелить какую-нибудь дичь, ибо у нас нет никаких запасов провианта, кроме мяса нашего старого друга яка.

Незадолго до рассвета мы проснулись от ужасающего грохота, подобно выстрелу из большой пушки; грохот сопровождался оглушительной трескотней, как будто стреляли из тысяч ружей.

— О Небо! Что это? — воскликнул я.

Мы выползли из шатра, и хотя впотьмах ничего не могли видеть, зато могли слышать и чувствовать. Грохот и треск прекратились, но вместо них звучал какой-то отвратительный скрежет. Непрерывно дул необъяснимо странный ветер: его напор был силен, как напор струи из пожарного рукава. Наконец рассвело, и мы увидели, что происходит.

Со склона горы на нас надвигалась огромная снежная лавина.

Зрелище было устрашающее. Лавина находилась еще в двух милях от нас. Она напоминала живое существо: катилась, скользила, ползла, громоздилась длинными, перекатывающимися через преграды волнами, разверзалась большими провалами, точно штормовое море, и над ее поверхностью клубились облака снежной пыли.

Мы наблюдали, в ужасе держась друг за друга; когда первая из волн обрушилась на нашу могучую скалу, вся скала задрожала, словно яхта под ударом океанской волны или осина при неожиданном порыве ветра. Лавина медленно разделилась надвое и двумя величественными потоками стала низвергаться в пропасть, с глухим шумом разбиваясь внизу. Это была головная ее часть, за ней медленным, змеиным движением следовала основная масса, то волнистая, то ровная. Упираясь в нашу скалу, она громоздилась все выше и выше: оставалось всего пятьдесят футов до того места, где мы находились, и мы уже опасались, что она с корнями вырвет нашу скалу и сбросит ее, как небольшой валун, в пропасть. А какой невероятный стоял шум! Неистово завывал сжатый, как под давлением, ветер; с непрерывным глухим стуком рушились миллионы тонн снега.

И это было еще не самое худшее: по мере того как стаивал глубокий снежный покров, веками погребенные под ним большие валуны расшатывались и с грохотом катились вниз. Сперва они двигались медленно, взметая крупинки твердого снега, как нос корабля — пену. Затем, набирая скорость, мчались прыжками, словно ядра, пущенные рикошетом вдоль поверхности моря; в конце концов, они со свистом и ревом проносились мимо нас, иногда совсем рядом, и исчезали в бездне. Некоторые, ударяясь о нашу скалу, разлетались, как взорвавшиеся ядра из корабельных орудий, или отбивали от нее большие куски и рушились вместе с ними в пропасть, точно метеоры, окруженные осколками. Ни один артиллерийский обстрел не мог бы быть и наполовину столь ужасен и столь разрушителен.

Это проявление необузданной, непреодолимой мощи, тем более неожиданное, что началось среди полного спокойствия, порождало изумление и ужас. Здесь, на склоне спокойной горы, под ласковым мирным

небом, неожиданно пробудились грозные силы, скрытые в груди Природы, и с величественными раскатами грома и завыванием вихрей обрушили свой гнев на головы двух человеческих атомов.

При первом же натиске лавины мы укрылись за каменной глыбой на самой вершине скалы и, простершись во весь свой рост, изо всех сил цеплялись за нее, чтобы ветер не снес нас в пропасть. Шатер давно уже улетел вниз, точно палый лист, сорванный осенним ветром, и временами казалось, что вот-вот мы за ним последуем.

Валуны продолжали катиться; один ударился о глыбу, которая служила нам прикрытием, повредив ее и разбившись на множество осколков, каждый из которых полетел прочь со своей дикой песней. Нас, к счастью, не задело, но як, обезумев от ужаса, имел неосторожность вскочить и теперь лежал мертвый, с оторванной головой. Мы застыли в ожидании смерти; оставалось только гадать, какова она будет: погребет ли нас под собой снег, снесет ли нас с горы, раздавят ли летающие валуны, или поднимет и унесет ураганом?

Сколько времени все это продолжалось? Не знаем. Может быть, десять минут, а может быть, и два часа, ибо ужас странно смещает временные пропорции. Наконец мы осознали, что ветер прекратился, смолкли и скрежет, и грохот, и гул. Мы осторожно встали на ноги и стали оглядываться.

Гора, покрытая глубоким, во много футов, снегом, обнажилась на высоту в две мили и на ширину в тысячу футов. Почти до самой вершины нашей скалы поднимался язык снега, спрессованного до плотности льда; кое-где в нем застряли валуны. Сама вершина скалы была вся в следах мощных ударов, и на ее гладкой поверхности и в глубоких отколах блестела слюда или какой-то другой подобный минерал. Пропась была наполовину заполнена снегом, землей и камнями. Но в основном все было по-прежнему, над головой у нас сверкало ласковое солнце, и его лучи отражались в торжественных снегах гор. Мы выдержали весь этот кошмар и остались живы, живы и даже невредимы.

Но в каком положении мы очутились! Спуститься со скалы мы не решались, опасаясь утонуть в мягком снегу. Со склонов гор, там, где еще недавно покоились снега, продолжали грохоча скатываться валуны, а вместе с ними и небольшие снежные лавины, каждой из которых было достаточно, чтобы смести сотню людей. Было совершенно ясно, что, пока положение не изменится или нас не вызволит смерть, нам придется остаться на вершине скалы.

Там мы и сидели, голодные и испуганные, раздумывая, что сказал бы

наш старый друг Куен, если бы увидел нас сейчас. Постепенно, однако, голод вытеснил все другие чувства, и мы стали исподтишка поглядывать на безголовую тушу яка.

— Надо его освежевать, — сказал Лео. — Какое-никакое, а занятие; к тому же сегодня ночью нам понадобится его шкура.

С признательностью и даже с почтением мы совершили этот обряд над телом нашего товарища, спутника долгого путешествия: единственным нашим утешением было то, что не мы виноваты в его гибели. Долгое пребывание среди народов, которые верят, что человеческие души могут поселяться в телах животных, наложило свой отпечаток и на наши убеждения. Вряд ли было бы приятно, если бы в каком-нибудь будущем воплощении мы встретились бы со своим верным другом в человеческом облике и он обвинил бы нас в его убийстве.

Но поскольку он был уже мертв, эти соображения не мешали нам съесть его, мы были уверены, что он не осудит нас за это. Мы отрезали от его тела небольшие куски, вывалили их в снегу, как в муке, и, терзаемые голодом, стали их глотать. Это было отвратительно, мы чувствовали себя каннибалами, но что мы могли поделать?

Глава V. Ледник

Закончился и этот — казалось бы, нескончаемый — день, и, проглотив еще несколько кусков мяса, мы накрылись шкурой яка и попробовали уснуть, зная, что, по крайней мере, можем больше не опасаться снежного обвала. Мороз был сильный, и, если бы не шкура яка и наши уцелевшие меховые одеяла и одежды, нам пришлось бы совсем худо. Но все равно это была мучительная ночь.

— Хорейс, — сказал Лео на рассвете, — я собираюсь спуститься с этой скалы. Если нам суждено умереть, я хотел бы умереть в движении. Но я не думаю, что нам суждено умереть.

— Ну что ж, — согласился я, — пошли. Оттого, что мы будем здесь сидеть, снег не станет прочнее.

Мы связали шкуру яка и меховые одеяла в два узла, нарезали еще несколько кусков мороженого мяса и стали спускаться. Скала была высотой в двести футов, но, к счастью для нас, с широким основанием, в противном случае ее опрокинуло бы могучим натиском снежной лавины, поэтому навалы снега полого спускались к равнине.

Сойти со скалы спереди из-за ее конфигурации было невозможно, хотя снег там и закаменел; нам пришлось спускаться сбоку, где снег был более рыхлым. Ждать было нечего, и мы начали спуск; Лео шел впереди, на каждом шагу прощупывая ногой снег. К своей радости, мы обнаружили, что после ночного мороза здесь образовался наст, достаточно крепкий, чтобы нас выдержать.

Оставалось всего двадцать шагов до подножия, но нам предстояло преодолеть мягкий сугроб, наметенный из снежной пыли, поднятой лавиной. Лео благополучно проскользнул через него, я шел на один — два ярда правее своего друга, как вдруг наст проломился; вполне естественно, но не очень разумно я стал барахтаться, как бьется выброшенная на песок камбала, и с пронзительным, быстро приглушенным воплем провалился под снег.

Всякий, кому приходилось погружаться в глубокую воду, знает, что это ощущение не из приятных; могу заверить, что проваливаться в рыхлый снег еще меньшее удовольствие, ужаснее только тонуть в болоте. Я опускался все ниже и ниже, пока не уперся в выступ скалы, только это и спасло меня от неминуемой гибели. Снег тут же сомкнулся над моей головой, стало темно и трудно дышать. Однако снежный нанос был так

мягко, что я смог разгрести его над собой, образовавшаяся полость медленно наполнилась воздухом. Затем я уперся руками в скалистый выступ и попробовал приподняться, но это мне не удалось: слишком тяжел был груз надо мной.

Оставив надежду, я стал мысленно готовиться к смерти. Это было не так уж неприятно. Я не вспоминал всю свою прошедшую жизнь, как это бывает с утопающими; нет, в этот миг перед моими глазами появилась Айша — это лишний раз показывает, как сильна ее власть надо мной. Она была не одна, а с кем-то еще, и все мы находились в темном скалистом ущелье. Одета Айша была в длинную, удобную для путешествия накидку; ее прекрасные глаза выражали дикий страх. Я приподнялся, чтобы приветствовать ее и рассказать о случившемся, но она вскричала громким, полным сосредоточенной ярости голосом:

— Что здесь произошло, какая беда? Я вижу, ты жив, а где же мой господин Лео? Говори, где ты спрятал моего господина, говори — или я тебя убью.

Видение было необыкновенно ярким и отчетливым и в свете последующих событий весьма и весьма примечательным, но оно исчезло так же быстро, как и возникло.

И тут сознание оставило меня.

Я увидел свет. И услышал голос Лео.

— Хорейс, — кричал он, — Хорейс, держись за ложе моего ружья, да покрепче!

Я отчаянно ухватился за протянутое мне ружье, Лео потянул вверх. Это было бесполезно, я даже не пошевелился. Подумав, я напрягся, и по счастливой случайности или по милости Небес уперся ногами в скалу. Лео вновь потянул ружье, и я изо всех сил оттолкнулся. И вдруг снег раздался, и я выскочил наружу, как лисица из своей норы.

Выскакивая, я опрокинул Леона спину, и мы с ним покатались по крутому склону; остановились мы уже на самом краю пропасти. Я присел, судорожно глотая — такой сладостный! — воздух. Взглянув на руку, я увидел, что вены на ее тыльной стороне вздулись и стали черными-черными. Ясно, что я был уже при смерти.

— Сколько времени я там пробыл? — задыхаясь, спросил я Лео, он сидел рядом со мной, вытирая пот, который ручьями бежал по его лицу.

— Не знаю. Минут двадцать, вероятно.

— Двадцать минут? А мне показалось, двадцать столетий! Как тебе удалось меня вытащить? Ты же не мог стоять на этом мягком снегу?

— Нет, конечно; я лег на шкуру яка там, где снег потверже, и стал

разгребать снежную пыль; я знал, где ты провалился; это было недалеко. Наконец я увидел кончики твоих пальцев; они так густо посинели, что сначала я принял их за камни; затем я сунул тебе ружье. К счастью, ты смог за него ухватиться. Не будь мы оба так сильны, мне ни за что не удалось бы тебя спасти.

— Спасибо, старина, — просто сказал я.

— Не стоит благодарности, — ответил он с одной из своих быстрых улыбок. — Или ты полагаешь, что я хотел продолжать это путешествие один? Надеюсь, ты немного отдышался, пошли дальше. Ты лежал в холодной яме, тебе надо размяться. Смотри, мое ружье сломано, а твое потерялось в снегу. Ну что ж, зато нет необходимости тащить патроны. — И он уныло улыбнулся.

Идти вперед явно не имело никакого смысла, и мы повернули к тому месту, где кончалась дорога, милях в четырех от нас. В конце концов мы достигли его благополучно. Однажды перед нами пронеслась глыба снега величиной с церковь, в другой раз на нас ринулся, точно нападающий лев, большой валун с горы, подобный тем камням, которые Полифем швырял в корабль Одиссея; перепрыгнув через наши головы, валун с разгневанным воплем исчез в глубинах ущелья. Но мы не обращали на все это внимания, наши нервы были перенапряжены, и мы уже утратили чувство опасности.

Достигнув конца дороги, мы увидели на снегу свои собственные следы и следы яка. Я смотрел на них с волнением, так странно было, что мы остались в живых и вот стоим, их разглядываем. Затем мы заглянули в пропасть. Нечего было и думать о спуске по отвесной стене.

— Пошли к леднику, — предложил Лео.

Мы подошли к леднику, спустились и попробовали заглянуть вниз. Глубина ущелья, насколько мы могли судить, составляла здесь около четырехсот футов. Но достигает ли свешивающийся язык льда дна — мы не могли определить, ибо через две трети расстояния он загибался внутрь, словно конец лука, и строение нависающих по обеим сторонам скал было таково, что мы не могли видеть, где он кончается. Мы поднялись обратно и сели, нами завладело горькое, беспросветное отчаяние.

— Что же нам делать? — спросил я. — Впереди — смерть, позади — смерть, ведь мы не можем пересечь горы, не имея ни еды, ни ружей, чтобы ее добывать. Здесь — тоже смерть, голодная смерть. Мы сделали все возможной, но потерпели неудачу. Развязка уже близка, Лео. Нас может спасти только чудо.

— Чудо? — повторил он. — Но что же, как не чудо, позволило нам, сидя на вершине скалы, спастись от снежной лавины? Что, как не чудо,

остановило твоё погружение, внушило мне мысль и дало силы вызволить тебя из снежной могилы? Что, как не чудо, семнадцать лет оберегало нас среди опасностей, какие мало кому удалось пережить? Здесь действует какая-то Высшая Сила. Осуществляется воля Судьбы. Почему же Сила перестанет действовать? Что помешает осуществлению воли Судьбы?

Он помолчал и с яростной убежденностью добавил:

— Говорю тебе, Хорейс, будь даже у нас ружья, еда и яки, я не повернул бы обратно, ибо не хочу оказаться недостойным ее трусом. Я буду продолжать путь.

— Как? — спросил я.

— Попробую спуститься здесь. — Он показал на ледник.

— Это дорога к смерти.

— Ну что ж, Хорейс, в этой стране люди обретают жизнь в смерти — так, по крайней мере, они верят. Если мы умрем, то умрем в пути; если это случится именно здесь, у нас есть шанс на возрождение. Мое намерение твердо, выбирай, Хорейс.

— Я уже давно выбрал. Лео, мы начали наши странствия вместе и вместе их закончим. Айша, вероятно, знает, что с нами происходит, и придет нам на помощь. — Я грустно улыбнулся. — А нет так нет, пошли, мы только теряем время.

Мы посоветовались и решили разрезать меховое одеяло и крепкую шкуру яка на полосы, из этих полос мы связали два достаточно прочных ремня, каждый из нас закрепил один его конец на поясе, а другой оставил свободным; эти ремни могли пригодиться нам при спуске. Обрезками другого мехового одеяла мы обмотали ступни и колени, чтобы не ободрать их о лед и камни, с той же целью мы надели и толстые кожаные рукавицы. После этого мы взяли оставшиеся вещи и тяжелые одежды и, завернув в них камни, сбросили в пропасть, надеясь подобрать их, если нам удастся все же достичь ее дна. На этом наши приготовления закончились, далее нам предстояло выполнить один из самых отчаянных замыслов, которые когда-либо рождались у людей.

Мы немного помедлили, участливо глядя друг на друга, не в силах произнести ни слова. Затем обнялись и, признаюсь, на глаза у меня навернулись слезы. Нами овладела горькая безысходность. Тосковать столько лет, столько лет провести в утомительных путешествиях — и вот чем все это заканчивается! Страшно было даже думать, что через несколько коротких минут мой приемный сын, самый дорогой друг, спутник всей моей жизни, это великолепное воплощение красоты и энергии, превратится в грудку исковерканного, трепещущего мяса. О себе я не думал. Я уже стар,

пора и честь знать. Позади у меня жизнь, не обремененная никакими грехами, кроме, может быть, поисков прекрасной пещерной Сирены, которая властвует нашей судьбой.

Нет, в этот момент я думал не о себе, а о Лео: он собирался с силами для последней попытки, и, глядя на его решительное лицо, сверкающие глаза, я почувствовал, что горжусь им. Запинаясь, я благословил его и пожелал счастливой жизни в бесчисленных веках и втайне помолился, чтобы я остался его спутником до конца времен. В нескольких словах и он поблагодарил меня, тоже благословил, затем пробормотал:

— Пошли!

Бок о бок мы начали этот ужасный спуск. Сначала он проходил достаточно легко, хотя стоило одному из нас поскользнуться — и он тотчас низринул бы в вечность. Но мы были сильны и ловки, привыкли к всевозможным трудностям и не оступались. Примерно через четверть пути мы остановились на большом, впаянном в лед валуне, повернулись спиной к горе и стали внимательно присматриваться. Место было и впрямь ужасное, мы так и не смогли рассмотреть то, что хотели, ибо в ста двадцати ярдах от нас вздымался горб, который не позволял заглянуть дальше.

Опасаясь, что наши нервы не выдержат слишком продолжительного разглядывания зияющей бездны под нами, мы опустили глаза и двинулись дальше. Спускаться стало труднее, камни попадались теперь реже, несколько раз нам приходилось скатываться к ним, не зная, сумеем ли мы задержаться. Но мы цеплялись ремнями за острые выступы скал и льда, а когда добирались до места, где можно было передохнуть, подтягивали их к себе — только эта предосторожность и спасла нас от гибели.

Наконец мы добрались до горба, уже более чем на полпути вниз: по моим прикидкам, мы находились в двухстах пятидесяти футах от начала ледника и в ста пятидесяти футах от темнеющего дна узкого ущелья. Здесь не было камней, только шероховатый лед, на него мы и сели, чтобы отдышаться.

— Надо посмотреть, — сказал Лео.

Но вопрос заключался в том, как это сделать. Чтобы разглядеть, что там внизу, надо было повиснуть за изгибом ледника. Мы без слов поняли друг друга, и я хотел было начать спуск.

— Нет, — сказал Лео, — я моложе и сильнее. Помоги мне. — И он прикрепил конец своего ремня к прочному выступу льда. — А теперь, — сказал он, — держи меня за лодыжки.

Замысел был явно безумный, но у нас не оставалось никакого выбора; я уперся пятками в углубление льда, схватил его за ноги, и он медленно

заскользил вниз, пока его тело не скрылось наполовину. Что он там увидел — не имеет особого значения, ибо все это вскоре увидел я сам, его тяжелое тело рванулось с такой силой, что я не смог удержать его ног. А может быть, кто знает, я сам выпустил их, повинувшись инстинкту самосохранения. Да, простит меня Небо, если это так было, но не разожми я пальцев, я неминуемо рухнул бы в пропасть. Ремень, которым был привязан Лео, размотался и натянулся.

— Лео! — закричал я. — Лео! — В ответ мне послышалось: «Спускайся!» Но, к чести моей будь сказано, я не раздумывал ни минуты: лицом к пропасти, как я сидел, я заскользил вниз.

Через две секунды я достиг горба, через три — оказался по ту его сторону. Подо мной висело что-то вроде короткой гигантской сосульки, которая отстояла всего на четыре ярда от стены пропасти. Сосулька была не более пятнадцати футов длиной и не круто изгибалась наружу, поэтому спуск был достаточно пологим. Более того, в самом ее конце соскальзывающие капли смерзлись в небольшой выступ, шириной в ладонь. Поверхность льда подо мной была шероховатая, цеплялась за мои одежды, к тому же я по возможности притормаживал руками. Поэтому я спускался довольно плавно, пока мои пятки не уперлись в небольшой выступ. Здесь я и застыл, стоя почти прямо и раскинув руки, будто распятый на ледяном кресте.

Лишь тогда я увидел все, и кровь как будто остановилась в моих жилах. В четырех — пяти футах под сосулькой висел Лео: он медленно крутился на своем ремне, как — в голову мне пришло совершенно нелепое, абсурдное сравнение, — как баранья нога на вертеле. Внизу зияла черная пропасть, а на самом ее дне, далеко-далеко внизу, слабо поблескивал белый снежный сугроб. Вот что я увидел.

Только подумать! Я распят на льду, мои пятки упираются в небольшой ледяной порог, мои руки держатся за ледяные наросты, где с трудом уместилась бы и птица, а вокруг меня и подо мной — разверстая пустота. Вернуться на прежнее место невозможно, даже шевельнуться невозможно: одно неосторожное движение — и я в пропасти.

А подо мной, как паук на паутинке, медленно вращался и вращался Лео.

Я видел, как зеленый ремень удлиняется под его тяжестью и крепко затягиваются двойные узлы; помню, я даже подумал, что лопнет сначала — ремень или узлы или же он так и будет висеть, пока у него не отгниют руки и ноги.

Много опасностей довелось мне испытать на своем веку: я прыгал,

например, с шатающейся каменной плиты на дрожащий выступ скалы — и промахнулся, но никогда еще я не был в таком опасном месте. Мое сердце затопило отчаяние, из всех пор тела выступил холодный пот. Подобно слезам, он бежал по моему лицу; волосы у меня встали торчком. А внизу, в полном безмолвии, все вращался и вращался Лео, и при каждом повороте его поднятые кверху глаза встречались с моими: не могу передать ужасное выражение его взгляда.

И хуже всего было безмолвие, безмолвие и беспомощность. Если бы он хотя кричал, барахтался, и то было бы лучше. Но знать, что он жив и что он весь сейчас в чудовищном напряжении! О Господи! Господи!

Руки и ноги у меня стали побаливать, но я не смел пошевелинуться. А боль все усиливалась, или так мне казалось; мой рассудок не выдержал этой душевной и физической пытки: мне вдруг вспомнилось, как в раннем детстве я залез на дерево и застрял там, ни подняться, ни спуститься, и что я тогда претерпел. И еще мне вспомнилось, как однажды в Египте один мой безрассудный друг взобрался на вершину пирамиды и почти полчаса провел, пригвожденный к ее сверкающей вершине, на высоте четырехсот футов. Я снова видел, как он тянет свою обтянутую чулком ногу в тщетной попытке нащупать какую-нибудь трещину, а затем поджигает ее; видел его искаженное страхом лицо: белое пятно на фоне красноватого гранита.

Затем его лицо исчезло, вокруг меня сгустилась тьма, и в этой тьме передо мной сменяются различные картины: неодолимо, как живая, шевелясь, скатывается лавина; я погружаюсь в снежную могилу; склоняясь надо мной, Айша требует отчета за жизнь Лео. Черная пустота и безмолвие, только слышно, как потрескивают мои мышцы.

Вдруг что-то сверкнуло в этой черной пустоте, послышался какой-то непонятный звук. Оказалось, что это Лео вытащил нож и с яростью перерезает ремень, чтобы покончить все счеты с жизнью. А непонятный звук оказался полным полувывоза, полуужаса криком, который издал Лео, когда с третьего раза ему удалось надрезать ремень.

Там, где он сделал надрез, полоски ремня стали закручиваться кверху и книзу, походя на губы рассвирепевшего пса, оставшаяся часть медленно-медленно растягивалась, становясь все тоньше и тоньше. Наконец ремень лопнул; он взвился вверх и, словно бич, ударил меня по лицу.

Еще мгновение — и я услышал приглушенный звук падения. Лео ударился оземь. Лео мертв, превратился в ту самую исковерканную грудку мяса и костей, которую я недавно себе представлял. Этого я не мог выдержать. Ко мне вернулось самообладание и чувство собственного

достоинства. Нет, я не буду ждать, пока мои силы окончательно истощатся и я упаду со своего наместа, как раненая птица с дерева. Я последую за ним немедленно, и не вынужденно, а по своей собственной воле.

С чувством большого облегчения я опустил руки. Выпрямился, стоя на пятках, в последний раз посмотрел на небо, прошептал последнюю молитву. Одно мгновение я балансировал над пропастью.

Затем крикнул: «Иду за тобой», поднял руки над головой и, как ныряльщик, бросился в черную бездну вниз.

Глава VI. В доме над воротами

О, этот неудержимый полет по воздуху! Принято считать, что падающие теряют сознание; смею вас заверить, это не так. Никогда еще не были так обострены мои мысли и чувства, как во время падения с ледника; и никогда еще короткое падение не казалось таким долгим. Навстречу мне, словно живой, стремительно мчался белый сугроб, затем последовал удар.

Но что это? Я еще жив. Я находился не в снегу, а в холодной воде и погружался все глубже и глубже. Я боялся, что не смогу всплыть с такой глубины, но все же всплыл, хотя мне и казалось, будто мои легкие вот-вот лопнут. Уже у самой поверхности я вспомнил, что ударился обо что-то твердое, наверняка это лед. Стало быть, сейчас я натолкнусь на лед. Подумать только, пережить такой кошмар и утонуть, точно котенок, под коркой льда. Вот уж я коснулся руками льда: он сверкал надо мной, как матовое стекло. Хвала Небесам! Моя голова вынырнула наружу: в этом защищенном от холодных ветров ущелье корка льда, образовавшаяся ночью, оказалась не толще пенни. Едва вынырнув, я стал осматриваться, работая ногами.

И тут я вдруг обрадовался, как никогда в жизни, ибо менее чем в десяти ярдах от себя увидел Лео — живого, а не мертвого. Проламывая тонкий лед руками, он плыл к берегу глубокой реки, и с его головы и бороды ручьями струилась вода. И он увидел меня, и его серые глаза чуть не вылезли из орбит.

— Живы! Оба живы! И пропасть позади! — закричал он звенящим, ликующим голосом. — Я же говорил, что нас оберегают и показывают нам путь.

— Но куда? — спросил я, направляясь к берегу.

Только тут я понял, что мы уже не одни; на берегу реки, в тридцати ярдах от нас, стояли две фигуры: мужчина — он опирался на длинную палку — и женщина. Мужчина очень стар: глаза его затянуты роговой пленкой, длинные белоснежные волосы и борода закрывают впалую грудь и плечи, лицо с застывшей на нем усмешкой — восковато-желтого цвета и походит на посмертную мраморную маску. Одетый в просторную накидку наподобие монашеской рясы, опираясь на свою палку, он наблюдал за нами, недвижимый, как изваяние. Все это, до мельчайших подробностей, я бессознательно запечатлел в своей памяти, пока мы оба плыли к берегу, и впоследствии смог припомнить. Я также заметил, что женщина — она

была очень высокого роста — показывает на нас.

Ближе к берегу, точнее, к скалистой кромке, река была свободна ото льда, что объяснялось стремительным течением. Видя это, мы поплыли бок обок, чтобы в случае необходимости помочь друг другу. Необходимость не заставила себя ждать: едва мы достигли чистой воды, как силы, так долго мне служившие, оставили меня, к тому же руки и ноги заоченели от холода, и не схвати меня Лео за одежду, я наверняка утонул бы где-нибудь пониже по течению. Некоторое время я продолжал барахтаться, и вдруг он сказал:

— Меня сносит. Держись за мой ремень.

Я схватился за болтающийся конец ремня: высвободив таким образом руки, Лео сделал последнюю великолепную попытку удержать нас обоих на плаву, тогда как мокрые, свинцово-тяжелые одежды тянули нас ко дну. Более того, ему удалось совершить то, чего не смог бы сделать ни один менее сильный пловец. И все же мы, вероятно, оба утонули бы, ибо течение достигало здесь наивысшей скорости; однако старик на берегу, видя наше бедственное положение и повинуясь настояниям своей спутницы, с удивительным для его возраста проворством подбежал к скалистому мыску, мимо которого нас проносило, и, присев, протянул нам свою длинную палку.

Нас обоих крутило и вертело, но Лео все же отчаянным усилием сумел поймать конец палки. В этом месте был водоворот, мы кое-как поднялись на ноги, нас тут же повалило и ударило о камни. Но мы все же не отпускали спасительной палки, другой конец которой удерживал старик, изо всех сил цепляясь за камень; женщина, как могла, помогала ему. Лежа на груди, — мы все еще были в большой опасности, — старик протянул нам руку. Но мы не могли за нее ухватиться, хуже того, у него вырвало палку, и нас понесло вниз по течению.

И тут женщина совершила поистине благородный поступок, она вошла в воду по самые подмышки и, левой рукой крепко держась за старика, правой схватила Лео за волосы и вытащила его на берег. Встав на ноги, он тотчас же обвил одной рукой стройную талию женщины и оперся о нее, другой поддерживая меня. Последовало долгое, отчаянное барахтанье, но в конце концов мы трое — старик, Лео и я — оказались на берегу, где легли, тяжело отдуваясь.

Я поднял глаза. Женщина стояла над нами, вся мокрая; с ее одежды стекали струи воды; она словно сомнамбула, смотрела в лицо Лео, залитое кровью, которая струилась из глубокой раны на его голове. Женщина была очень статная и красивая. Вдруг она как будто проснулась и, глядя на

одежды, плотно облегающие ее дивное тело, что-то сказала своему спутнику, повернулась и побежала к утесу.

Мы продолжали лежать в полном изнеможении; старик поднялся и пристально осмотрел нас своими мутными глазками. Затем что-то сказал, мы не поняли. Он попробовал заговорить на другом языке, но безуспешно. В третий раз, к нашему изумлению, он употребил греческий язык; да, здесь, в Центральной Азии, он обращался к нам на греческом языке, хотя и не очень чистом, но все же на греческом языке.

— Вы не колдуны? — спросил он. — Как вы сумели достичь живыми этой страны?

— Нет, — ответил я на ломаном греческом языке, ибо не практиковался уже много лет. — Будь мы колдунами, мы явились бы сюда другим путем. — Я указал на наши ушибы и раны и на пропасть.

— Они знают древний язык, это соответствует тому, что нам сообщили с Горы, — тихо пробормотал он и уже громче спросил: — Чего вы здесь ищете, странники?

Я решил схитрить и не ответил прямо, опасаясь, как бы, узнав правду, он не столкнул нас обратно в реку. Но Лео еще плохо сообщал и повел себя неосмотрительно.

— Мы ищем, — с запинкой проговорил он, ибо он и всегда плохо знал греческий язык, а сейчас изъяснялся на каком-то варварском наречии с примесью тибетских слов, — мы ищем страну Огненной Горы, увенчанной Знаком Жизни.

Старик изумленно уставился на нас.

— Стало быть, вы знаете? — начал он и не договорив, спросил: — А кого вы ищете?

— Ее, — буркнул Лео, — царицу.

Должно быть, он хотел сказать «жрицу» или «богиню», но не мог припомнить никакого другого слова, кроме «царица». Или он употребил это слово потому, что высокая женщина, спутница старика, выглядела истинной царицей.

— Так, — сказал старик, — вы ищете царицу; значит, вы те самые, кого нам велено было встретить. Как же мне удостовериться?

— Сейчас не время для вопросов, — рассерженно сказал я. — Скажи лучше, кто ты такой?

— Я, чужеземцы? Мой титул — Хранитель Ворот, а госпожа, что со мной, — Хания Калуна.

В этот момент Лео стало дурно.

— Он болен, — сказал Хранитель. — Теперь, когда вы отдышались,

вас надо отвести. И немедленно. Пойдем, помогай мне.

Поддерживая Лео с обеих сторон, мы потащились прочь от проклятого утеса и этой реки, которую вполне уместно было бы назвать Стиксом, вдоль по узкому извилистому ущелью. Чуть поодаль оно расширялось, мы увидели лужайку, а за ней ворота. Я все еще не пришел в себя окончательно; в моей памяти сохранилось лишь расплывчатое, смутное воспоминание о том, что я тогда увидел, и о последующем разговоре, но все же я помню, что ворота закрывали проход, высеченный в могучей скале: некогда здесь, видимо, и пролегала дорога. С одной стороны была вырублена лестница; по ней мы стали подниматься с большим трудом, ибо Лео был в полубеспамятстве и еле передвигал ноги. На первой же площадке он рухнул, и наших сил оказалось недостаточно, чтобы его поднять.

Пока я раздумывал, что делать, я услышал шаги и, подняв голову, увидел, что к нам спускается его спасительница в сопровождении двух людей с монголоидным типом лица, маленькими глазками и желтоватой кожей и с совершенно невозмутимым видом. Даже заметив нас, они не выказали ни малейшего изумления. Она сказала им несколько слов, они без труда подняли тяжелое тело Лео и понесли наверх по лестнице.

Следом за ним мы вошли в комнату, высеченную в скале над воротами, и здесь женщина, которую называли Ханией, оставила нас. Мы прошли целую анфиладу комнат, среди них и кухню с пылающим очагом, пока не оказались в просторной спальне, где стояли деревянные кровати с матрасами и коврами. Лео положили на кровать и с помощью одного из слуг Хранитель раздел его, жестом показав мне, чтобы я тоже снял свои одежды. Я с радостью повиновался; впервые за много дней, хотя и с мучительным трудом, я разделся и увидел, что все мое тело в синяках и ранах.

Наш хозяин дунул в свисток, и тут же появился другой слуга с горячей водой в кувшине, и мы вымылись. Затем Хранитель смазал наши раны и завернул нас в одеяла. Принесли бульон; подмешав в него свое снадобье, старик дал мне поесть, затем положил голову Лео к себе на колено и влил остаток бульона ему в горло. Все мое тело налилось удивительной теплотой, больная голова закружилась. Больше я ничего не помню.

После этого мы долго спали. Не знаю точного медицинского названия нашей болезни, знаю только, что она является следствием большой потери крови, физического переутомления, нервного шока, ножевых ран или контузии. Все это вместе взятое приводит к периоду длительного полубеспамятства, который сменяется периодом лихорадочного жара и

бреда. Недели, пока мы были гостями Хранителя Ворот, могут быть подытожены одним словом: сны. И это продолжалось до тех пор, пока я наконец не пришел в себя.

Самих снов я уже не помню, да это, вероятно, и к лучшему, потому что они были совершенно бессвязными и по большей части ужасными: спутанный клубок кошмаров, в которых, без сомнения, нашли отражение свежие воспоминания о перенесенных нами невероятных муках и страданиях. Иногда — видимо, когда меня кормили — я ненадолго просыпался и наблюдал за тем, что происходит вокруг. В частности, помню, как надо мной, точно призрак в лунном свете, стоял желтолицый Хранитель; поглаживая длинную бороду, он пристально всматривался в мое лицо, как будто хотел проникнуть в самую суть моей души.

— Те самые люди, — тихо бормотал он, — конечно же, те самые. — И, подойдя к окну, он возвел глаза к небу, внимательно изучая расположение звезд.

Помню какой-то шум и среди этого шума звучные переливы женского голоса и шорох шелков о каменный пол. Открыв глаза, я увидел нашу спасительницу, ведь она и в самом деле спасла нас от смерти: высокую, благородной наружности женщину с красивым утомленным лицом и горящими лучистыми глазами. Одета она была в накидку, и я подумал, что она только-только возвратилась из поездки.

Она стояла, глядя на меня, затем отвернулась с миной безразличия, если не отвращения, и тихо заговорила с Хранителем. Ничего не ответив, он поклонился, показывая на кровать, где лежал Лео, туда она и направилась величественной медленной походкой. Наклонилась, подняла край одеяла, прикрывавшего его раненую голову, и, издав приглушенное восклицание, повернулась к Хранителю, видимо собираясь задать ему несколько вопросов.

Но его уже не было, и, оставшись одна, ибо она считала, что я в беспамятстве, женщина пододвинула грубый табурет к кровати Лео, села и стала смотреть на него с почти ужасающей серьезностью; в этом взгляде, казалось сосредоточивалась и выражалась вся ее душа. Прошло долгое время, прежде чем она поднялась и стала быстро ходить взад и вперед по комнате, прижимая руки то к груди, то ко лбу; похоже было, что она в сильном смятении, напряженно пытается что-то вспомнить, но не может.

— Где и когда? — шептала она. — О, где и когда?

Не знаю, чем закончилась эта сцена, хотя я и боролся с забытём, оно все же оказалось сильнее меня. Царственная женщина — Ханья — все время находилась в нашей комнате и ухаживала за Лео с величайшей

заботой и нежностью. Иногда даже, когда Лео не нуждался в ее услугах или же ей просто нечего было делать, она подходила и ко мне. По всей вероятности, я возбуждал ее любопытство, и она ждала моего выздоровления, чтобы утолить это любопытство.

В следующий раз я проснулся уже ночью. Комната была озарена светом луны, сияющей в ясном небе. Проникая через окно, яркие лучи попадали на кровать Лео, и я увидел, что рядом с ним стоит эта темноволосая величественная женщина. Каким-то образом он, должно быть, ощущал ее присутствие, ибо бормотал во сне — то по-английски, то по-арабски. Все ее движения показывали, что она очень заинтересована. Внезапно она встала и подошла на цыпочках ко мне. Я прикинулся спящим, да так искусно, что сумел ее обмануть. Должен признаться, что я и сам был заинтересован. Кто эта женщина, которую Хранитель называет Ханией Калуна? Не та ли, кого мы разыскиваем? Почему бы и нет? Но ведь будь это Айша, я сразу же узнал бы ее, у меня не было бы никаких сомнений.

Она возвратилась к Лео, стала на колени, и в глубоком безмолвии — ибо Лео прекратил бормотать — мне казалось, что я слышу, как бьется ее сердце. Затем она тихо заговорила — все на том же варварском греческом языке с примесью монгольских слов, изобилующих во многих наречиях Центральной Азии. Я плохо ее слышал и не понимал всего, но несколько фраз я все же понял, и они не на шутку меня испугали.

— Человек моих снов, — прошептала она. — Откуда ты? Кто ты? Почему Хесеа велела тебя встретить? — последовало несколько непонятных фраз. И потом: — Ты спишь, а глаза сна открыты. Отвечай же, велю я тебе, отвечай, что связывает меня с тобой. Почему ты всегда снишься мне? Откуда я тебя знаю? Откуда? — ее мелодичный, с богатыми модуляциями голос постепенно стихал и наконец замолк совсем; она как будто не решалась произнести вслух то, что вертелось у нее на языке.

Когда она нагнулась над Лео, длинная прядь волос, выбившихся из-под диадемы, упала на его лицо. Легкое прикосновение этой пряди пробудило Лео, он поднял худую, белую руку, коснулся своих волос и сказал по-английски:

— Где я? А вспоминаю... — Он попробовал подняться, но не смог; их глаза встретились. — Ты та самая госпожа, что вытащила меня из воды, — произнес он на ломаном греческом языке. — Скажи, не та ли ты самая царица, которую я так долго ищу? Ради которой я перенес столько мук?

— Не знаю, — ответила она тихим, дрожащим, медово-сладким голосом. — Но я действительно царица, и зовут меня Хания.

— Скажи, царица, помнишь ли ты меня?

— Я часто встречалась с тобой во сне, — ответила она. — Мы, вероятно, виделись в далеком прошлом. Да, я поняла это, как только увидела тебя в реке. Незнакомец со знакомым лицом, умоляю тебя, назови свое имя.

— Лео Винси.

Покачивая головой, она шепнула:

— Имени твоего я не слышала, но самого тебя знаю.

— Ты знаешь меня? Откуда? — с трудом выговорил он и тут же погрузился в сон или забытие.

Несколько минут она не сводила с него глаз. Затем, не в силах, видимо, совладать с собой, наклонилась над его лицом. Наклонилась, быстро поцеловала его в губы и, покраснев до корней волос, выпрямилась, стыдясь непреодолимого порыва своей безумной страсти.

Тогда-то она и заметила меня.

Я был так изумлен, озадачен и зачарован, что невольно приподнялся на кровати, чтобы лучше видеть и слышать все происходящее. Это было, конечно, не деликатно, но ведь мной владело отнюдь не заурядное любопытство, в этой драме у меня, как известно, своя роль. И не только не деликатно, но и неразумно, однако сильное изумление и болезнь помрачили мой рассудок.

Да, она заметила, что я за ней наблюдаю, и ее охватила такая ярость, что я испугался за свою жизнь.

— Как ты смел, несчастный! — воскликнула она громовым шепотом и протянула руку к поясу. В ее руке сверкнул кинжал, и я не сомневался, что он нацелен на мое сердце. В эту минуту смертельной опасности ко мне вдруг вернулась всегдашняя находчивость, я протянул к женщине дрожащую руку и сказал:

— Умоляю тебя, дай попить, у меня все горит внутри. — Я повел головой, точно слепец, и повторил: — Дай мне попить, Хранитель. — И обессиленно упал на кровать...

Она остановилась, точно ястреб, внезапно прерывающий свой полет, и быстро убрала кинжал в ножны. Взяла со столика рядом чашу с молоком, поднесла ее к моим губам, вглядываясь в мое лицо глазами, полными такой ярости и страха, что, казалось, они пылали ярким пламенем. Я выпил молоко затяжными глотками, хотя мне и стоило величайшего труда проглотить его.

— Ты дрожишь, — сказала она, — тебе снились кошмары?

— Да, друг, — ответил я. — Мне снилась эта ужасная пропасть и наш последний прыжок.

— И ничего больше? — спросила она.

— Разве этого мало? Какое путешествие — ради того, чтобы поклониться царице!

— Поклониться царице? — озадаченно повторила она. — Что ты хочешь сказать? Ты же клялся, что тебе не снилось ничего другого.

— Да, я клянусь Знаком Жизни, Горой Колышущегося Пламени и тобой, о древняя Царица!

Я вздохнул и прикинулся, будто лишился сознания, ибо не мог придумать ничего лучшего. Перед тем как закрыть глаза, я увидел, что ее лицо — только что розовое, словно заря, — стало бледным и сумрачным, как вечер; мои слова заставили ее задуматься: что кроется за ними? Она все еще сомневалась, потому что ее пальцы то и дело стискивали рукоять кинжала. Она заговорила вслух, обращаясь ко мне, хотя и не знала, слышу ли я ее.

— Я рада, — сказала она, — что он не видел никаких других снов; если бы ему привиделись другие сны да еще он стал бы о них болтать, это было бы дурным предзнаменованием, а мне очень не хотелось бы отдавать человека, который прибыл к нам так издалека, на растерзание псам-палачам; к тому же, хотя он стар и безобразен, у него вид человека мудрого и неболтливового.

Я плохо представлял себе, что такое «псы-палачи», но мысленно вздрогнул; в этот момент, к большой своей радости, я услышал с лестницы шаги Хранителя, услышал, как он вошел в комнату, и, чуть приоткрыв глаза, увидел, как он поклонился.

— Как чувствуют себя больные, племянница? — безучастно поинтересовался он.

— Оба без сознания.

— В самом деле? А я думал — они уже пришли в себя.

— Что же ты слышал, Шаман? — гневно спросила она.

— Я? Я слышал звон кинжала в ножнах и отдаленный лай псов-палачей.

— И что ты видел, Шаман, — вновь спросила она, — глядя через ворота, которые ты охраняешь?

— Странное зрелище, племянница Ханя. Но я думал — они оба очнулись.

— Может быть, — ответила она. — Вели перенести этого, спящего, в другую комнату, ибо он нуждается в перемене места, тогда как его благородный друг нуждается в просторе и чистом воздухе.

Хранитель, которого она звала Шаманом, держал в руке лампаду, и при

ее свете я краешком глаза видел его лицо. Странное — странное и злое — было на нем выражение. Если до сих пор я с подозрением относился к старику, чей вид не оставлял сомнений в его мстительности, то теперь он вызывал у меня страх.

— В какую комнату? — спросил он со значением.

— Я думаю, — не спеша ответила она, — в достаточно хорошую, где он сможет поправиться. Человек он мудрый, — добавила она, как бы объясняя, — к тому же мы получили послание с Горы, причинить ему вред было бы опасно. Но почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами.

— Я же тебе говорил, что слышал, как пролаяли псы-палачи, вот и все. Я также, как и ты, думаю, что он мудр; пчела должна собрать мед с цветка, прежде чем он увянет. И бывают повеления, которым опасно не подчиняться, поскольку мы не знаем их тайного значения.

Он подошел к двери и засвистел, в тот же миг я услышал шаги слуг на лестнице. По его приказу они с достаточной осторожностью подняли матрас вместе со мной и, пройдя через несколько коридоров и лестниц, внесли меня в другую комнату, похожую на прежнюю спальню, но поменьше и с одной кроватью.

Некоторое время Хранитель наблюдал, не проснусь ли я. Положил руку мне на сердце, прощупал пульс; результат этого обследования оказался для него неожиданным: он издал нечленораздельное восклицание и покачал головой. Оставив комнату, он запер ее снаружи на засов. И тут я уснул, ибо и в самом деле был очень слаб.

Проснулся я уже в самый разгар дня. Голова у меня была ясная, и чувствовал я себя куда лучше, чем все эти дни: верный признак того, что жар спал и я уже на пути к выздоровлению. Я вспомнил — и тщательно обдумал — все, что случилось накануне. Для этого было много причин и среди них — сознание угрожавшей и все еще угрожающей мне опасности.

Я слишком много видел и слышал, а эта женщина — Ханя — догадалась, что я видел и слышал. Хотя моя находчивость и утихомирила ее ярость, я был уверен, что лишь мое упоминание о Знаке Жизни и Пылающей Горе помешало ей отдать повеление старому Хранителю, или Шаману, чтобы он тем или иным способом отправил меня на тот свет; можно не сомневаться, что он не колеблясь выполнил бы это повеление.

Я пощажен потому, что по неизвестным мне соображениям она не решает меня убить, а также потому, что хочет выяснить, много ли я знаю, хотя «псы-палачи уже пролаяли», что бы это не означало. Ну что ж, пока я в безопасности, а там посмотрим. Разумеется, надо быть начеку и, в случае

чего, прикидываться, будто я ничего не знаю. От размышлений о своей судьбе я перешел к размышлениям о значении сцены, свидетелем которой я только что был.

Окончились ли наши поиски? Айша ли эта женщина? Так померещилось Лео, но он все еще в бреду, поэтому на сказанное им полагаться не приходится. Самое примечательное — в том, что она, очевидно, чувствует какую-то связь между собой и больным Лео. Почему она его поцеловала? Я был уверен, что женщина она отнюдь не легкомысленная, да ни одна женщина просто так, без всякой причины, не совершит подобного безрассудства, тем более по отношению к незнакомцу, который висит между жизнью и смертью. Она поступила так, повинаясь неодолимому импульсу, порожденному знанием или по меньшей мере воспоминаниями, хотя знание и неполное, а воспоминания — неотчетливые. Кто, кроме Айши, может знать что-либо о предыдущем воплощении Лео? Ни одна живая душа на земле!

Но, может быть, вера настоятеля Куена и десятков миллионов других — вера истинная? Если и в самом деле существует строго ограниченное количество душ, последовательно вселяющихся в бесконечное число тел, меняя их, как мы меняем изношенные одежды, Лео в его предыдущих воплощениях могли знать и другие? Например, фараонова дочь, которая «силой своей любви принудив его нарушить священный обет», знала некоего Калликрата, жреца «Исиды, возлюбленной богов и повелительницы демонов», искушенная в магии Аменартас? Может быть, «магия моего народа, которой я обладаю», о чем говорится в надписи на черепке вазы, помогла ей проникнуть в глубокую тьму минувшего и узнать жреца, некогда очарованного и похищенного у богини? Что, если это не Айша, а Аменартас в новом воплощении, правящая этой отрезанной от внешнего мира страной и снова пытающаяся заставить любимого человека нарушить обет? Я вздрогнул при мысли о том, какими бедами это грозит. Надо выяснить правду, но как?

Пока я раздумывал, дверь отворилась, и вошел старик с насмешливым, непроницаемым лицом, которого Ханя называла Шаманом, а он, в свой черед, называл ее племянницей.

Глава VII. Первое испытание

Шаман подошел ко мне и учтиво осведомился, как я себя чувствую.

— Лучше, — ответил я. — Куда лучше, чем было, о мой хозяин, — прости, я не знаю, как тебя зовут.

— Симбри, — сказал он, — и как я тебе уже говорил около реки, мой титул — Потомственный Хранитель Ворот. Я — лекарь, пользую повелителей этой страны.

— Так ты лекарь или колдун? — с напускной беспечностью спросил я. Он посмотрел на меня с любопытством.

— Я сказал — лекарь, и достаточно искусный, как ты мог убедиться вместе со своим товарищем. Иначе, я полагаю, ты не дожил бы до нынешнего дня, о мой гость, — как тебя зовут?

— Холли.

— О мой гость Холли.

— Не окажись, на мое счастье, на берегу той темной реки ты, почтеннейший Симбри, и госпожа Ханья, нас, конечно, не было бы в живых. Место такое пустынное, что ваше там появление можно объяснить лишь с помощью магии. Вот почему я высказал предположение, что ты колдун; но может быть, ты просто ловил рыбу.

— Да, ловил, о чужеземец Холли, но только не рыбу, а людей, и выудил двоих.

— Случайно, хозяин Симбри?

— Нет, не случайно, гость Холли. Я не только врачую, но и предсказываю будущее, ибо я старший Шаман, или Предсказатель этой страны; я был предупрежден о вашем прибытии и ждал вас.

— Странно, хотя и очень любезно с твоей стороны. Стало быть, лекарь и колдун здесь означают то же самое.

— Как видишь, — сказал он с почтительным поклоном, — но объясни мне, если можно, каким образом вы отыскиали путь в эту страну, куда не забредают случайные странники?

— Возможно, мы просто странники, — ответил я, — а возможно мы тоже изучали... врачевание.

— И, судя по всему, вы изучили его довольно хорошо, иначе вы не выжили бы, перебираясь через эти горы в поисках... что вы здесь ищете? Там, на берегу потока, твой товарищ, помнится, говорил о царице.

— Да? В самом деле? Но ведь он, по-моему, уже нашел ту, что искал:

эта величественная госпожа Хания, которая прыгнула в реку и спасла нас, должно быть, и есть царица?

— Да, царица, настоящая царица, ибо Хания означает «царица», хотя я не могу взять в толк, каким образом человек, который лежал в беспамятстве, мог это узнать? И откуда тебе известен наш язык?

— Это-то просто, вы здесь говорите на древнем языке, который я не только изучал, но даже преподавал у себя в стране. Это греческий язык, на нем все еще говорят в мире, но как его занесло сюда — выше моего понимания.

— Могу тебе объяснить, — сказал он. — Много поколений назад Великий Завоеватель, что принадлежал к народу, который говорит на этом языке, прошел со своим войском южнее нашей страны. Он вынужден был отступить, но один из его военачальников — этот принадлежал к другому народу — пересек горы и покорил здешних обитателей; он принес с собой язык своего повелителя и свою веру. Он основал династию, которая все еще сохраняет здесь власть, ибо эта земля окружена пустынями и непроходимыми горными снегами, у нас нет никакого сообщения с миром внешним.

— Да, я уже кое-что об этом слышал; это был Александр Великий?

— Да, так его звали, а его военачальника звали Рассеном, он был египтянином, так гласит наша летопись. Его потомки до сих пор восседают на престоле, его кровь течет и в жилах Хании.

— Он поклонялся богине Исиде?

— Нет, — ответил он, — Хес.

— Это, — перебил я, — лишь другое ее имя. Сохраняется ли у вас поклонение ей? Я спрашиваю потому, что в Египте ее давно уже не почитают.

— На Горе есть храм, — равнодушно ответил он, — где жрецы и жрицы исповедуют какую-то древнюю веру. Но и ныне, как во времена Рассена, истинный бог этого народа — огонь, обитающий в Горе; иногда он вырывается наружу и убивает людей.

— А богиня обитает в огне? — спросил я.

Он скользнул по мне холодными глазами и ответил:

— Чужеземец Холли, я ничего не знаю о богине. Гора священная, и всякий, стремящийся проникнуть в ее тайны, умирает. Почему ты спрашиваешь об этом?

— Только потому, что интересуюсь древними религиями; увидев Знак Жизни на вершине, я направился сюда, чтобы изучить вашу религию, традиции которой все еще сохраняются среди людей просвещенных.

— Оставь это намерение, друг Холли, ибо ты рискуешь быть растерзанным челюстями псов-палачей или пасть под копытами дикарей. Да и изучать там нечего.

— Что это за «псы-палачи»?

— Псы, которым по нашему старинному обычаю отдают на растерзание всех, преступивших закон или нарушающих волю Хана.

— Волю Хана? Стало быть — у Хании есть муж?

— Да, — ответил он, — двоюродный брат, который правил половиной этой страны. Теперь с их женитьбой страна объединена... Но наш разговор затянулся; я пришел сказать, что тебя ждет завтрак. — И он повернулся, собираясь уйти.

— Еще один вопрос, друг Симбри. Как я попал в эту комнату и где мой товарищ?

— Ты спал, когда тебя отнесли сюда, и, как видишь, перемена места пошла тебе на пользу. Ты что-нибудь помнишь?

— Ничего, абсолютно ничего, — серьезно произнес я. — Но что с моим другом?

— Ему стало лучше. За ним ухаживает Хания Атене.

— Атене? — сказал я. — Это же старое египетское имя. Означает оно Солнечный круг; обладательница этого имени — она жила тысячи лет назад — славилась своей красотой.

— А разве моя племянница Атене не прекрасна?

— Мне трудно судить, о дядя Хании, — устало ответил я. — Я ее почти не видел.

После его ухода желтолицые молчаливые слуги принесли мне завтрак.

Позднее дверь открылась вновь, и одна, без какого бы то ни было сопровождения, вошла Хания Атене — и сразу же заперла дверь изнутри. Это естественно меня встревожило, но, не подавая вида, я приподнялся и приветствовал ее с надлежащей почтительностью. Она, видимо, догадалась о моих опасениях, потому что сказала:

— Лежи спокойно. Тебе ничто не угрожает от меня. Скажи мне, кем тебе приходится этот человек по имени Лео. Уж не твой ли он сын? Но нет, этого не может быть, ибо — прости меня — свет не рождается из мглы.

— Я всегда думал, что так именно и происходит, Хания. Но ты права: он мой приемный сын, человек, которого я люблю.

— Чего вы ищете здесь? — спросила она.

— Здесь, на этой увенчанной пламенем Горе, должна свершиться наша судьба.

При этих словах она побледнела, но голос ее не дрогнул.

— Тогда вы обречены, вы даже не сможете подняться на ее склоны, охраняемые дикарями. Там находится Община Хес, и вторжение в ее Святылище карается смертью, смертью в вечном огне.

— И кто стоит во главе этой Общины, Хания, — жрица?

— Да, жрица, чьего лица я никогда не видела, ибо она так стара, что прячет его от любопытных глаз.

— Она прячет свое лицо? — переспросил я, и кровь быстрее побежала по моим жилам, я вспомнил дряхлую женщину, которая скрывала свое лицо от любопытных глаз. — Впрочем, не имеет значения, мы все равно посетим ее и надеемся, что нам будет оказана доброжелательная встреча.

— Нет, вы ее не посетите, — сказала она, — это против закона, и я не хочу, чтобы ваша кровь была на моей совести.

— Кто же из вас более могуществен, — спросил я у нее, — ты, Хания, или жрица Горы?

— Конечно, я, Холли, так тебя зовут? В случае необходимости я могу собрать шестьдесят тысяч воинов, в ее же распоряжении только жрецы и необученные свирепые племена.

— Меч не единственная сила в этом мире, — ответил я. — Скажи мне, эта жрица посещает когда-нибудь Калун?

— Нет, никогда, много веков назад после великой последней войны между Общиной и жителями Равнины был заключен договор; в соответствии с ним; если Жрица когда-нибудь перейдет реку, это станет началом войны до победного конца, и победитель будет править обеими частями страны. Точно так же ни один Хан или Хания Калуна не имеет права подниматься на Гору, кроме тех случаев, когда сопровождает умерших особ царской крови для похорон или исполняет какой-то другой высокий долг, естественно, без всякой охраны.

— Кто же тогда истинный владыка — Хан Калуна или глава Общины Хес? — снова спросил я.

— В делах духовных — жрица Хес, наш Оракул и Глас Небесный. В делах же мирских — Хан Калуна.

— Хан? Ты ведь замужем, госпожа?

— Да, — ответила она, вспыхнув. — И я скажу тебе то, что все равно скоро узнаешь, если еще не узнал: мой муж — безумец, и я его ненавижу.

— Я уже знаю это, Хания.

Она посмотрела на меня проницательным взглядом.

— Что? Неужели мой дядя, Шаман, Хранитель Ворот, успел проболтаться? Нет, ты подслушал, я знаю, что ты подслушал, и лучше всего было бы убить тебя; что ты теперь обо мне подумал?

Я ничего не ответил, потому что и впрямь не знал, что думать, кроме того, я опасался, что опрометчивое признание может повлечь за собой немедленную расправу.

— Теперь ты считаешь, — продолжала она, — будто я, что всегда ненавидела мужчин и чьи губы, клянусь, чище, чем эти горные снега, Хания Калуна, прозванная Ледяным Сердцем, будто я бесстыдница. — И, закрыв лицо рукой, она застонала в горьком отчаянии.

— Нет, — сказал я. — Должны быть какие-то причины, объяснения, если ты согласишься их привести.

— Странник, причины, конечно же, есть, если уж ты знаешь так много, почему бы тебе не узнать и их. Как и мой муж, я обезумела. Как только впервые увидела лицо твоего товарища, вытаскивая его из реки... я... я...

— Полюбила его, — договорил за нее я. — Такое и прежде случалось с людьми отнюдь не безумными.

— О, — продолжала она, — это было что-то большее, чем любовь; я стала как одержимая, не знала, что делаю в ту ночь. По велению какой-то Высшей Силы и самой Судьбы отныне и до конца дней своих я люблю его, только его. Да, его, и клянусь, он будет моим. — С этим откровенным признанием, таящим в себе большую угрозу и опасность для нас, она повернулась и выбежала из комнаты.

Утомленный борьбой, ибо это была борьба, я откинулся навзничь. Почему ею овладела эта неожиданная страсть? Кто эта Хания, что она собой представляет, размышлял я, а самое главное, — что о ней думает Лео? Если бы только я мог с ним повидаться, прежде чем он скажет или совершит что-нибудь непоправимое.

В течение трех дней я больше не видел Хании; Шаман Симбри сообщил мне, что она вернулась в город, чтобы сделать необходимые приготовления для встречи гостей; солгал ли он или сказал правду, я не знал. Я попросил его, чтобы меня переселили обратно к Лео, но он твердым тоном, хотя и учтиво, ответил, что моему приемному сыну лучше побыть одному. Это насторожило меня, я опасался, как бы с Лео не случилось какой-нибудь беды, но не представлял себе, как выяснить, что с ним. Снедаемый беспокойством, я хотел передать Лео записку, написанную на листке бумаги с водяными знаками, вырванном из моей записной книжки, но желтолицый слуга отказался даже притронуться к ней, а Симбри сухо сказал, что не станет передавать того, что не может прочесть. На третью ночь я решил попытаться повидать Лео, чего бы мне это ни

стоило.

К тому времени я уже окреп и был почти здоров. И вот в полночь, с восходом луны, я тихо слез с кровати, оделся и, взяв с собой нож — единственное мое оружие, — открыл дверь и вышел.

Когда меня несли из той, высеченной в скале комнаты, где мы находились вместе с Лео, я старался запомнить дорогу. От моей спальни начинался коридор длиной в тридцать шагов, я знал это точно, потому что просчитал шаги носильщиков. Поворот налево — и еще один коридор, в десять шагов, и наконец около ступеней, ведущих неизвестно куда, резкий поворот направо — там-то и должна находиться комната, которую я ищу.

Я прошел крадучись по длинному коридору, отыскал в кромешном мраке поворот налево и достиг крутого поворота направо, оттуда начиналась галерея, к которой примыкали лестницы. Едва завернув, я тотчас же попятился, ибо увидел Ханию с лампадой в руке: она как раз запирала дверь в комнату Лео.

Первым моим побуждением было вернуться к себе, но я тотчас отбросил эту мысль. Не сомневаясь, что меня сразу же заметят, я решил: если Ханя наткнется на меня, я не буду юлить и прямо скажу, что хотел найти Лео, узнать о его самочувствии. Я прижался к стене и стал ждать с бьющимся сердцем. Она быстро прошла по коридору и начала подниматься по лестнице.

«Что делать? — задумался я. — Идти дальше — бесполезно, ибо она заперла дверь на ключ. Вернуться к себе? Нет, я последую за ней и, если мы столкнемся, повторю ту же отговорку. Таким образом я смогу получить какие-нибудь вести или удар кинжалом».

С бесшумностью змеи я завернул за угол и стал подниматься по лестнице. Лестница была длинная и спиральная, как в церковной башне, но в конце концов я добрался до верхней площадки и увидел дверь. Дверь была очень старая, растрескавшаяся; сквозь нее пробивался свет и слышались голоса — Шамана Симбри и Хании.

— Тебе удалось что-нибудь выяснить, племянница? — спросил мужской голос. И женский отозвался:

— Немного, очень немного.

Желание знать, что происходит, придало мне смелости; я подкрался ближе и посмотрел в широкую трещину. Прямо передо мной, в свете висячей лампы, опираясь рукой о стол, за которым сидел Симбри, стояла Ханя. Она была очень хороша собой в пурпурной мантии и небольшой золотой диадеме, из-под которой ее волосы волнами сбегали на лебединую шею и грудь. Ясно было, что она нарядилась для какого-то особого случая,

подчеркнув свою природную красоту всеми известными женщинам ухищрениями. Симбри пристально смотрел на нее; и даже в его холодных, бесстрастных чертах угадывались страх и сомнения.

— О чем был ваш разговор? — спросил он.

— Я расспрашивала его, зачем они прибыли в эту страну; мне только удалось выяснить у него, что они ищут какую-то прекрасную женщину, больше он ничего не хотел сказать. Когда я спросила его, красивее ли она, чем я, он любезно ответил — я думаю, то была простая любезность, — что нас трудно сравнивать, она совершенно другая. На это я сказала: хотя и не приличествует мне высказывать свое мнение, все мужчины считают, что ни одна женщина в стране не может соперничать со мной красотой, к тому же я — владычица страны и его спасительница. Сердце мне подсказывает, добавила я, что именно я та женщина, кого он ищет.

— Ладно, племянница, — нетерпеливо сказал Симбри, — мне не хотелось бы слышать о твоих уловках, без сомнения весьма искусных. Что дальше?

— Он сказал: «вполне вероятно», ибо он полагает, что та, о ком речь, возродилась, — и внимательно меня осмотрел, а затем спросил, погружалась ли я в огонь. Я ответила, что меня и сейчас сжигает огонь — огонь мук. Тогда он сказал: «Покажи мне свои волосы», — и я вложила свой локон ему в руку. Он выронил его и из этой сумочки, что он не снимает с шеи, достал длинную прядь — более прекрасных волос я не видела в своей жизни, ибо эта прядь была мягкая, словно шелк, и длиной от моей диадемы до земли. И ни одно вороново крыло не может сверкать так ярко в солнечных лучах, как сверкала эта благоухающая прядь.

«Твои волосы очень красивы, — сказал он, — но, как видишь, они отличаются от этих».

«Возможно, — ответила я. — Таких волос нет ни у одной смертной женщины».

«Верно, — подтвердил он, — та, кого я ищу, отнюдь не смертная женщина».

Несмотря на все мои ухищрения, он больше ничего не сказал, поэтому, чувствуя, что в моем сердце вскипает ненависть против этой таинственной незнакомки, и, опасаясь, как бы не наговорила чего-нибудь такого, о чем лучше было бы молчать, я оставила его. Прошу тебя, загляни в книги, открытые твоей мудрости, и узнай хоть что-нибудь об этой женщине: кто она, где обитает. И поторопись, чтобы я успела найти ее и убить, если смогу.

— Да, если сможешь, — сказал Шаман. — И если она — среди живых.

Но скажи, с чего нам начать наши поиски? Да, вот это письмо с Горы, которое недавно прислал верховный жрец Орос. — Он вытащил пергамент из груды бумаг на столе и поглядел на нее.

— Читай, — велела она. — Я хочу прослушать его еще раз.

И он прочитал:

От Хесеа из Дома Огня — Атене, Хании Калуна.

Сестра!

Я получила предупреждение, что в твою страну скоро придут два иноземца из западной земли; они хотят задать вопрос моему Оракулу. Поэтому в первый день следующей луны я повелеваю, чтобы ты и Симбри, твой двоюродный дед, мудрый Шаман, Хранитель Ворот, были на берегу реки в ущелье — в том месте, где обрывается древняя дорога, — ибо именно там спустятся иноземцы. Окажите им всевозможную помощь и благополучно препроводите их на Гору; знайте, что вы оба — и ты и он — в ответе за них. Сама я не могу их встретить, дабы не нарушить заключенный между нами договор, который не позволяет Хесеа из Святилища посещать Калун, кроме как во время войны. Их прибытие предопределено.

— Выходит, — сказал Симбри, откладывая пергамент, — они отнюдь не случайные странники, их ожидает сама Хесеа.

— Нет, не случайные странники, — отозвалась Атене, — одного из них ожидало мое сердце. По причинам, тебе известным, Хесеа не может быть этой женщиной.

— На Горе живет много женщин, — сухо проронил Шаман, — если женщины имеют ко всему этому какое-то отношение.

— Я, во всяком случае, имею, и я не отпускаю его на Гору.

— Племянница, Хес могущественна, и в ее вроде бы мирных словах заключена ужасная угроза. Она могущественна исстари, у нее есть слуги на земле и в небесах; они-то предупредили ее о прибытии этих людей и, конечно, сообщат обо всем, что с ними будет. Я — се враг, я знаю это; вот уже много поколений знает это и дом Рассенов. Поэтому не перечь ее воле, чтобы ее месть не обрушилась на нас всех, ведь она — дух и ужасна в гневе. Она пишет, что прибытие предопределено.

— А я говорю, что один из них останется здесь. Другой, если захочет, может отправляться.

— Скажи прямо, Атене, чего ты добиваешься: чтобы этот человек,

которого зовут Лео, стал твоим любовником?

Она поглядела ему в глаза и смело ответила:

— Нет, я хочу, чтобы он стал моим мужем.

— Но и у него должно быть такое желание, а этого что-то не заметно.

И как одна женщина может иметь двух мужей?

Она положила руку ему на плечо:

— У меня нет мужа. И ты хорошо это знаешь, Симбри. Заклинаю тебя узами нашего близкого родства: приготовь новое зелье...

— Чтобы мы были связаны более тесными узами — узами убийства? Нет, Атене; твой грех и так уже лежит тяжким бременем на моей совести. Ты очень хороша собой; попробуй уловить его в свои сети или же отпусти, что было бы гораздо лучше.

— Не могу отпустить. Хотела бы, чтобы смогла, но не могу. Я люблю его так же сильно, как ненавижу ту, кого он любит, но что-то отвращает от меня его сердце. О, великий Шаман, ты, что смотришь и шепчешь заклятия, ты, что читаешь книгу Будущего и Прошлого, скажи мне, что говорят твои звезды, твое провидение.

— Много утомительных часов я занимался своим делом в тайном уединении, и вот что я узнал, Атене, — сказал он. — Ты права, судьба этого человека тесно сплетена с твоей, но между вами — стена, непроницаемая для моих глаз; не могут перебраться через нее и мои слуги. Но мне удалось выяснить, что тебе и ему, а также и мне угрожает смерть.

— Тогда пусть приходит смерть, — с мрачной гордостью воскликнула она, — уж тогда-то я смогу отрешиться от своих мук.

— Это еще неизвестно, — сказал он. — Сила, нас преследующая, может спуститься за нами в темную бездну Смерти. И я чувствую, что за всем, происходящим в глубине наших душ, день и ночь наблюдают глаза Хес.

— Попробуй запорошить их пылью иллюзий — ты это умеешь. Завтра пошли гонцов на Гору, пусть передадут Хесеа, что прибыли два старых незнакомца, — запомни, два старых, что они очень больны, сломали себе кости при падении в реку и что, когда они поправятся, луны через три, я отошлю их, чтобы они могли задать свой вопрос Оракулу. Возможно, она поверит и будет терпеливо ждать, а если нет, по крайней мере не будет больше никаких объяснений. А сейчас я должна отдохнуть — или моя голова не выдержит. Дай мне снотворное, чтобы я спала крепче, без всяких снов, я никогда так не нуждалась в отдыхе, как сейчас, ведь я тоже чувствую на себе ее глаза. — И она повернулась к двери.

Я поспешил отойти — и как раз вовремя: идя по темному коридору, я

услышал, как скрипнула отворяемая дверь.

Глава VIII. Псы-палачи

На следующее утро, часов около десяти или чуть позже, Шаман Симбри вошел в мою комнату и спросил, как мне спалось.

— Очень хорошо, — ответил я, — я спал, как убитый. Даже если бы выпил снотворного, я не мог бы спать крепче.

— В самом деле, друг Холли? Вид у тебя, однако, усталый.

— Мне снились тревожные сны, — ответил я. — Такие сны мешают выспаться. Но по твоему лицу, друг Симбри, видно, что ты вообще не спал, никогда не видел тебя таким разбитым.

— Я очень устал, — вздохнул он, — всю эту ночь я волхвовал — наблюдал за воротами.

— За воротами? — спросил я. — За теми, через которые мы вошли в эту страну? Если да, то лучше за ними наблюдать, чем проходить через них.

— Я наблюдал за воротами Прошлого и Будущего. Ведь через них вы и проходили на своем пути из удивительного Прошлого к еще неведомому Будущему.

— Тебя интересует и то и другое, не правда ли?

— Возможно, — ответил он и добавил: — я пришел сказать вам, что через час вы отправляетесь в город; туда только что отбыла Ханья, чтобы сделать все нужные приготовления.

— Помнится, ты говорил, что она уехала несколько дней назад... Ладно, я вполне здоров и готов к путешествию, но как чувствует себя мой приемный сын?

— Все лучше и лучше. Ты сам его увидишь. Так повелела Ханья. Рабы уже принесли тебе одежды, и я покидаю тебя.

Слуги помогли мне надеть чистое добротное белье, широкие шерстяные шаровары и безрукавку и, наконец, очень удобное длинное черное пальто из верблюжьей шерсти, подбитое мехом, если слово «пальто» здесь уместно. Мой наряд довершили плоская шапка из такого же материала и пара сапог из сыромяти.

Как только я был готов, желтолицые слуги взяли меня за руку и провели по коридорам и лестницам к наружной двери.

Здесь, к большой своей радости, я нашел Лео, он был бледен и встревожен, но выглядел достаточно хорошо для человека, который перенес тяжелую болезнь. Одет он был так же, как и я, но его одежды были лучшего качества, а пальто — белого цвета и с капюшоном, подшитым,

очевидно, для того, чтобы уберечь его раненую голову и от холода и от жары. Белое пальто было очень ему к лицу, хотя и не представляло собой ничего необычного или даже просто примечательного. Он бросился ко мне, крепко пожал руку и спросил, как я себя чувствую и где меня прятали все это время; я заметил, что теплота его приветствия не ускользнула от Симбри, стоявшего рядом.

Я ответил, что чувствую себя неплохо, тем более что мы наконец вместе, а об остальном поговорим позднее.

Нам подали паланкины, в длинные шесты которых были впряжены два пони — один впереди, другой сзади. Мы сели в паланкины, по знаку Симбри рабы взяли пони под уздцы, и отправились в путь, оставив позади мрачный старый дом над воротами; мы были первыми чужестранцами, которые побывали в нем в течение многих поколений.

На протяжении мили дорога шла по дну извилистого скалистого ущелья, затем круто повернула — и перед нашими глазами открылась страна Калун. У наших ног бежала река, вероятно та же самая, что текла недалеко от ворот, питаемая горными снегами. Стремительная здесь, ниже, на обширных аллювиальных землях, она разливалась широким, неторопливым потоком, который, извиваясь, катил по бескрайним равнинам, пока не терялся в голубой дымке.

На севере, однако, однообразие ровного ландшафта нарушалось той самой Горой, которая служила нам ориентиром, — Домом Огня.

До нее была добрая сотня миль, но эта величественная громада была хорошо видна в прозрачном воздухе. Еще за много лиг от ее основания начинались зубчатые бурые холмы, а за ними вставала уже сама священная Гора, ослепительно белая вершина которой парила в небесах на высоте не менее двадцати тысяч футов.

На краю ее кратера стоял гигантский каменный столб, увенчанный еще более гигантской петлей: ее чернота мрачно контрастировала с синевой неба и белизной снега.

С благоговейным страхом взирали мы на этот путеводный маяк наших надежд, который мог оказаться и их надгробным памятником; там, и только там, чувствовали мы, решится наша судьба. Я заметил, что все наши сопровождающие при виде Горы почтительно склонили голову и наложили большой палец правой руки на большой палец левой — как мы потом узнали, это делалось, чтобы отвратить зло. К моему удивлению, уступая врожденному предрассудку, поклонился даже Симбри.

— Бывал ли ты когда-нибудь на Горе? — спросил у него Лео.

Симбри покачал головой и уклончиво ответил:

— Обитатели Равнины никогда не поднимаются на Гору. На ее склонах, за омывающей их подножие рекой, живут отважные дикие племена, с которыми у нас бывают частые стычки: если им нечего есть, они похищают у нас скот и обирают поля. А когда Гора пробуждается, с нее низвергаются багровые потоки лавы и сыплется горячий пепел, смертоносный для путников.

— Пепел сыплется и в вашей стране? — спросил Лео.

— Бывало и такое, когда Дух Горы гневался; вот почему мы его страшимся.

— Кто этот дух? — с любопытством спросил Лео.

— Не знаю, господин, — нетерпеливо ответил Шаман. — Может ли смертный человек лицезреть духа?

— Но у тебя такой вид, как будто ты видел духа совсем недавно, — сказал Лео, устремив взгляд на восковое лицо и беспокойно бегающие глаза старика. Обычно бесстрастные под роговой пленкой, они, казалось, видели нечто, очень его тревожащее.

— Ты слишком лестного обо мне мнения, господин, — ответил Симбри. — Ни мое искусство, ни зрение не достигают такой изощренности... А вот уже и причал, где нас ожидают лодки; дальнейший наш путь по воде.

Лодки оказались достаточно просторными и удобными, с плоскими носами и кормами; хотя иногда на них и поднимали паруса, весел не было и тянули их с помощью бечевы. Лео и я сели на самую большую, где, к нашей радости, не было никого, кроме рулевого.

За нами следовала лодка со слугами, рабами и воинами, вооруженными луками и стрелами. Пони выпрягли из паланкинов, сами паланкины убрали; к железным кольцам, приделанным к носам лодок, привязали длинные зеленые ремни, соединенные с упряжью, в которую вновь запрягли животных. И мы поплыли по реке; запряженные попарно пони тащили лодки по бечевнику; везде, где река соединялась с каналами, либо притоками, через них были переброшены деревянные мостики.

— Хвала Небесам, — сказал Лео, — мы снова вместе! А помнишь, Хорейс, как мы плыли на лодке во время первого своего путешествия — в страну Кор? История повторяется.

— Охотно верю, — ответил я. — Я готов верить всему, чему угодно, Лео. Ведь мы всего-навсего мошки, запутавшиеся в паутине: соткана эта паутина Ханией, а сторожит нас Симбри. Но расскажи обо всем, что с тобой случилось, и побыстрее, ибо неизвестно, долго ли еще мы останемся вдвоем. Если, конечно, ты помнишь.

— Хорошо, — сказал он. — Разумеется, я помню, как мы прибыли в этот дом над воротами, после того как госпожа и старик выудили нас изреки. А уж если ты завел разговор о паутине, не могу не вспомнить, Хорейс, как болтался на ремне из яковой кожи. По правде говоря, я и без напоминаний вряд ли когда-нибудь об этом забуду. Знаешь ли ты, что я перерезал ремень, потому что боялся сойти с ума и хотел умереть в здравом рассудке? А что случилось с тобой? Ты соскользнул?

— Нет, я прыгнул вслед за тобой. Подумал: лучше умереть вместе, с тем, чтобы вместе начать все сначала.

— Браво, старина Хорейс, — растроганно сказал он, и в его серых глазах блеснули слезы.

— Прекратим этот разговор, — сказал я. — Как видишь, ты был прав, когда предрек, что все кончится благополучно; все и кончилось благополучно. А теперь рассказывай.

— Мой рассказ будет, возможно, интересен, но не очень долгов, — ответил Лео, краснея. — Я уснул, а когда проснулся, то увидел, что надо склоняется красивая женщина, я подозреваю, что ты знаешь кто, Хорейс, а затем она поцеловала меня; но, по всей вероятности, это был сон.

— Нет, не сон, — ответил я, — я все это видел.

— Сожалею, очень сожалею. Во всяком случае, женщина была красивая, сама Ханья, я много раз видел ее впоследствии и даже говорил с ней на своем современном греческом языке, как уж умею, — кстати, Айша знала старый греческий; любопытно, весьма любопытно.

— Она знала несколько древних языков, немало и других, кто их знает. Продолжай.

— Она выхаживала меня очень заботливо, но, насколько мне известно, до вчерашней ночи не выказывала чрезмерной привязанности, и у меня хватило ума не распространяться о нашем — столь богатом событиями — прошлом. Я сделал вид, будто ничего не понимаю, говорил, что мы просто путешественники, ну и в таком духе, и все спрашивал, где ты. Похоже, я ее рассердил; она все хотела что-то у меня выпытать, а я, как ты догадываешься, сам хотел выпытать у нее побольше. Мне не удалось выяснить ничего, кроме того, что она Ханья, здешняя властительница. Но тут у меня и так не было никаких сомнений: если кто-нибудь из слуг или рабов осмеливался помешать нашей беседе, она тотчас же приказывала вышвырнуть его из окошка, и только быстрота ног спасала несчастного.

Итак, мне ничего не удалось у нее выяснить, как впрочем, и ей у меня; вот только никак не пойму, почему она проявляет такие нежные чувства к человеку, ей незнакомому, если, конечно, если... Кто она по-твоему,

Хорейс?

— После того, как кончишь свой рассказ, я скажу, что думаю. Все в свое время.

— Очень хорошо. Я уже чувствовал себя вполне сносно, но вся эта история, что случилась прошлой ночью, сильно меня расстроила. После того как этот старый звездочет Симбри принес мне ужин, я поел и хотел уже укладываться спать, и вдруг вошла Ханя в царском облачении. Ну просто принцесса из волшебной сказки: на голове — диадема, темно-каштановые волосы так и развеваются.

И вот, Хорейс, она начинает объясняться мне в любви: этак туманно, обиняками; смотрит на меня, вздыхает и говорит, будто мы знали друг друга еще в прошлом — и довольно-таки близко, как я понял, а затем высказывает желание возобновить наши прежние отношения. Я изворачивался, как только мог, но, должен тебе сказать, мужчина в довольно беспомощном состоянии, когда лежит на спине, а над ним стоит очень высокая и очень величественная дама и осыпает его комплиментами.

В конце концов ее расспросы загнали меня в угол, и, чтобы прекратить этот разговор, я сказал ей, что ищу потерянную жену, ибо, что там ни говори, Айша — моя жена, Хорейс. Она с улыбкой сказала, зачем далеко искать, она и есть моя потерянная жена, спасшая меня от гибели в реке. Говорила она с такой убежденностью, что у меня не осталось никаких сомнений в ее искренности и я даже склонен был поверить ей, ибо если Айша и жива, то наверняка сильно переменилась.

Я просто не знал, что делать, когда вдруг вспомнил о локоне — единственном, что у меня сохранилось от *Нее*. — Лео притронулся к груди. — Я вытащил его и сравнил с волосами Хании, и тут она вся передернулась — должно стать, от ревности, потому что локон был длиннее и не подходил на ее волосы.

Поверь, Хорейс, прикосновение к этому локону, а она его коснулась, подействовало на нее, как азотная кислота на фальшивое золото. В ней сразу проступило все дурное. Разгневанный голос зазвучал грубо, она стала почти вульгарной, а ты знаешь, когда Айша впадала в ярость, она могла совершить злой в нашем понимании поступок, наводила на всех ужас, но в ней, как в молнии, не могло быть ничего грубого или вульгарного.

В этот момент я уверился, что Ханя — кто бы она ни была — во всяком случае, не Айша; они разнятся так же сильно, как их волосы. Поэтому я лежал тихо, слушая, как она говорит, спрашивает, угрожает; наконец она выпрямилась и гордо вышла из комнаты, и я услышал, как она заперла дверь снаружи. Вот и весь мой рассказ; я не думаю, что Ханя

успокоилась, и, сказать честно, я ее побаиваюсь.

— Да, тут есть над чем поразмыслить, — сказал я. — А теперь сиди тихо, не шевелись и не разговаривай; этот рулевой, возможно, соглядатай, и я чувствую на своей спине пристальный взгляд старого Сим-бри. И не прерывай меня, потому что, боюсь, у нас не так много времени.

Настал мой черед рассказывать, и он слушал меня с неподдельным изумлением.

— Ну и чудеса! — воскликнул он, когда я закончил. — Кто же эта Хесеа, что послала свое письмо с Горы? И кто же тогда Хания?

— А что подсказывает тебе догадка, Лео?

— Аменартас? — с сомнением шепнул он. — Та, что сделала надпись на черепке вазы? Египетская принцесса, которая, по словам Айши, была моей женой две тысячи лет тому назад? Аменартас в своем новом воплощении?

Я кивнул.

— Так я думаю. Почему бы и нет? Я уже много раз говорил тебе: я твердо убежден, что если нам суждено будет увидеть следующий акт пьесы, ведущую роль в нем будет играть Аменартас, вернее, дух Аменартас; это, если ты помнишь, я и написал в своем повествовании.

Если старый буддийский монах Куен, как и тысячи других, по их уверениям, может вспомнить прошлое и даже проследить цепь перевоплощений своего «я», почему бы и этой женщине, что поставила столь многое на карту, не припомнить с помощью дяди-колдуна, пусть смутно, ее прошлое?

Как бы то ни было, Лео, это прошлое, по-видимому, все еще тяготеет над ней: именно поэтому, помимо своей воли, она с первого взгляда безумно полюбила того самого человека, которого любила прежде; тут нет никакой ее вины.

— Твои доводы достаточно убедительны, Хорейс; в таком случае я сочувствую Хании, ведь у нее не было никакого выбора, ее, так сказать, принудили полюбить.

— Так-то оно так, но получается, что твоя нога в западне. Берегись, Лео, берегись. Я полагаю, это — ниспосланное тебе испытание, несомненно, за ним последуют и другие. И еще я полагаю, что лучше тебе умереть, чем сделать ошибку.

— Я знаю, — ответил он, — но у тебя нет оснований опасаться. Кем бы некогда ни была для меня Хания, если кем-то и была, — отныне это далекое прошлое. Я ищу Айшу, только Айшу, и сама Венера не сможет отвлечь меня от этих поисков.

Мы с надеждой и страхом заговорили о таинственной Хесеа, которая прислала Симбри повеление встретить нас, о духе или жрице, «могущественной исстари», имеющей «слуг на земле и в небесах».

Нос нашей лодки ударился о берег, и, оглянувшись, я увидел, что Симбри готовится перебраться в нее. Это он и сделал; с мрачно-серьезным видом уселся перед нами и сказал, что близится ночь, поэтому он хочет развлечь и успокоить нас своим присутствием.

— И присмотреть, чтобы мы не удрали впотьмах, — буркнул себе под нос Лео.

Погонщики подстегнули пони, и мы продолжали плавание.

— Оглянитесь, — немного погодя сказал Симбри, — и вы увидите город, где сегодня — ваш ночлег.

Мы обернулись и увидели милях в десяти от нас множество домов с плоскими крышами, эго и был город, не очень большой, но и не маленький. Расположен он довольно выгодно, на острове, который возвышается более чем на сто футов над уровнем равнины; у его подножия река разделяется на два рукава, которые сливаются затем вместе.

Холм, где возведен город, по всей видимости, насыпной, но вполне возможно, что за долгие века его постепенно намыли паводки; так что илистая отмель посреди реки превратилась в высокий остров. Единственное здесь большое здание — возвышающийся над городом, окруженный садами дворец с колоннами и башнями.

— Как называется город? — спросил Лео у Симбри.

— Калун, — ответил тот, — как называлась и вся эта страна еще в те далекие времена, двадцать веков назад, когда мои победоносные предки перешли через горы и захватили ее. Они сохранили это древнее название, но Гору и прилегающие к ней земли назвали Хес, сказав, что петля на каменном пике является символом богини, которой поклоняется их военачальник.

— Там все еще живут жрицы? — спросил Лео, пытаясь, в свою очередь, докопаться до правды.

— Да, и жрецы тоже. Их Община была основана победителями, которые покорили всю страну. Она вытеснила Общину тех, кто построил и Святилище и Храм, кто поклонялся огню, как и сейчас еще поклоняются обитатели Калуна.

— Кому же там поклоняются ныне?

— Говорят, богине Хес; но мы мало что знаем, между нами и горцами — исконная вражда. Мы убиваем их, а они — нас, ибо строго охраняют свою святыню, посетить ее можно лишь с позволения жрецов, чтобы

посоветоваться с Оракулом, помолиться или принести жертву во время бедствий: когда умирает Хан, либо пересыхает река и сгорает весь урожай, либо когда падает горячий пепел, бывает землетрясение или великий мор. Но мы избегаем столкновений и беремся за оружие, только если подвергаемся нападению; любой из наших людей обучен воинской науке и умеет сражаться, но мы народ миролюбивый, из поколения в поколение возделываем землю и богатеем. Оглянитесь кругом. Это ли не мирная картина?

Мы встали, оглядели окрестный буколический пейзаж. Повсюду лужайки, где пасутся стада скота, много мулов и лошадей; квадраты полей, засеянных злаками и окаймленных деревьями. Селяне в длинных серых халатах, работающие на земле или, если их трудовой день закончен, гонящие скотину домой по дорогам, проложенным на насыпях вдоль ирригационных каналов к деревушкам, расположенным на холмах, среди высоких тополиных рощ.

После того как мы столько лет бродили по безводным пустыням и крутым горам, эта страна, по контрасту, показалась нам просто восхитительной; в тот весенний день в алом свете заходящего солнца она зачаровывала той особой красотой, которая свойственна Голландии. Нетрудно было догадаться, что все эти селяне, включая и богатых землевладельцев, по натуре своей люди миролюбивые, и, конечно же, их богатства представляют большой соблазн для голодных полудиких горных племен.

Нетрудно было также догадаться, что почувствовали остатки греческих войск во главе с их египетским военачальником, когда перевалили через железный пояс снежных гор и увидели эту чудесную страну — со всеми ее домами, стадами и созревающими злаками; должно быть, они все воскликнули в один голос: «Хватит с нас трудных переходов и сражений. Мы поселимся здесь навсегда». Так они, несомненно, и поступили, взяв себе жен из завоеванного ими народа. Одного сражения, вероятно, было достаточно для его покорения.

Когда свет померк, клубы дыма, что висели над отдаленной Огненной Горой, пронизало мерцание. По мере того как сгущалась мгла, мерцание становилось все ярче, приобретая зловещий алый цвет, и в конце концов эти клубы дыма превратились в сгустки огня, изрыгнутые чревом вулкана; в большую каменную петлю на вершине устремился исходящий от них сноп лучей, которые прокладывали светящуюся тропу к белым вершинам пограничных гор. Высоко в небе тянулась эта тропа — над темными крышами городских домов, над рекой, прямо над нами, над горами; мы не

видели ее всю до конца, но она наверняка пересекла пустыню и достигла той высокой вершины, откуда мы за ней наблюдали. Зрелище изумительное, впечатляющее, но на наших сопровождающих оно наводило страх: и рулевые в лодках, и погонщики на берегу громко застонали и стали истово молиться.

— Что они говорят? — спросил Лео у Симбри.

— Они говорят, господин, что Дух Горы разгневался и ниспослал на нашу страну этот летучий свет — его называют Тропой Хес, — чтобы покарать ее обитателей. Они молятся Хес, чтобы она их пощадила.

— Стало быть, это случается не так уж часто?

— Очень редко. Второй раз за много лет: три месяца назад и сегодня. Будем и мы молиться, чтобы этот свет не принес несчастья Калуну и его обитателям.

Зловещая иллюминация длилась несколько минут и прекратилась так же внезапно, как и началась; осталось лишь тусклое свечение над вершиной Горы.

Взошла луна, белый сверкающий шар, и мы увидели, что подплываем к городу. Но прежде чем достичь его стен, нам суждено было испытать еще одно потрясение. Мы спокойно сидели в своей лодке. Стояла полная тишина, слышался лишь плеск воды о борта, да иногда бечева, провиснув, задевала гладь реки; и вдруг мы услышали дальний лай — так заливаются охотничьи собаки, преследующие зверя.

Лай приближался, становился все громче и громче. С бечевника на западном берегу, — противоположном тому, по которому шли наши пони, — гулко отдаваясь от утоптанной земли, послышался стук копыт яростно скачущего коня. Вскоре мы его увидели — великолепное белое животное с седоком на спине. Когда мчащийся молнией конь поравнялся с нами, седок привстал на стремянах и повернулся в нашу сторону; в лунном свете мы увидели его искаженное страхом лицо.

Еще мгновение — и он исчез в темноте. А ужасный лай все усиливался. На бечевнике показался огромный рыжий пес: на всем бегу он опустил слюнявую морду к земле, затем поднял ее и издал нечто похожее на грозный боевой клич. За ним следовала огромная свора, должно быть, их было около сотни; все они приняхивались и с лаем мчались дальше.

— Псы-палачи! — шепнул я, схватив Лео за руку.

— Да, — ответил он, — гонятся за тем бедолагой. А вот и охотник.

В этот миг из темноты вынырнул второй всадник, тоже на великолепном коне, в свободно ниспадающей накидке и с длинным хлыстом в руке. Это был большой, довольно нескладный человек; проезжая

мимо, он обратил к нам свое лицо, лицо безумца. Тут не могло быть никаких сомнений: безумие сверкало в его пустых глазах, звенело в диком пронзительном хохоте.

— Хан! Хан! — сказал Симбри, кланяясь, и я увидел, что он испуган.

За Ханом последовали его телохранители. Их было восемь, все с хлыстами, которыми они настегивали своих коней.

— Что все это значит, друг Симбри? — спросил я, когда лай и стук копыт затихли вдали.

— Это значит, друг Холли, — ответил Шаман, — что Хан вершит правосудие, как он его понимает: охотится за человеком, который его прогневал.

— В чем же его вина? И кто этот несчастный?

— Очень важный вельможа, ханской крови, а его вина состоит в том, что он объяснился Хании в любви и предложил убить ее мужа, если она согласится выйти за него замуж. Но она ненавидит этого человека, как и вообще мужчин, и рассказала обо всем Хану. Вот что случилось.

— Как счастлив должен быть владыка, имеющий такую добродетельную супругу! — невольно проговорил я елейным голосом, но с тайным значением. Старый хитрец Шаман повернулся ко мне и стал поглаживать свою белую бороду.

Немного погодя мы вновь услышали приближающийся лай псов-палачей. Они мчались прямо в нашу сторону. Опять появился белый конь с всадником, оба были уже в крайнем изнеможении; бедное животное с трудом взобралось на бечевник. И тут же в бок ему вцепился большой рыжий пес с черным ухом; и оно заржало с непередаваемым ужасом, как могут лишь кони. Всадник соскочил и, к нашему ужасу, кинулся к реке, надеясь, видимо, укрыться в нашей лодке. Но прежде чем он смог добежать до воды, эти дьявольские отродья уже схватили его. Не хочу описывать последующее, но я никогда не забуду этой сцены: две своры копошащихся волков и радостно воющий маньяк Хан, подстрекающий своих псов-палачей довершить их кровавое дело.

Глава IX. При дворе Калуна

С тяжелым сердцем, в страхе и негодовании продолжали мы наше плавание. Не удивительно, что Ханья ненавидит этого безумного деспота. Но эта женщина любит Лео, а ее муж дико ревнует, и мы только что видели, как он мстит тем, кто имеет несчастье возбудить его ревность. Приятная перспектива для нас всех! Однако наглядный урок, который мы получили, наблюдая за страшной расправой, впоследствии нам пригодился.

Достигнув оконечности острова, где река раздваивалась, мы высадились. На пристани нас ожидал отряд воинов под командованием начальника придворной стражи. Сопровождаемые ими, мы прошли через ворота в высокой крепостной стене, которая окружала город, и стали подниматься по узкой, вымощенной булыжником улице, между двумя рядами типичных центрально-азиатских домов, не очень больших и, насколько мы могли судить при лунном свете, без особых архитектурных притязаний.

Нашего прибытия, очевидно, ждали с большим любопытством; по всей улице стояли группы людей; наблюдали за нами и в окна и с крыш. Длинная улица заканчивалась базарной площадью; мы перешли через эту площадь вместе со следовавшей за нами толпой зевак, которые отпускали по нашему адресу какие-то непонятные замечания, и приблизилась к воротам во внутренней городской стене. Нас окликнули часовые, по слову Симбри они открыли ворота, и мы оказались среди садов. Дорога — или подъездная дорожка — привела нас к большому каменному дому или дворцу с высокими башнями, построенному беспорядочно, но прочно; тяжелое, убогое подражание египетскому стилю.

Мы прошли во внутренний двор, окруженный одной сплошной верандой, откуда короткие коридорчики вели в разные комнаты. Начальник стражи показал нам наши апартаменты, состоящие из гостиной и двух спален, отделанных панелями, обставленных с варварской роскошью и хорошо освещенных масляными плашками.

Здесь Симбри оставил нас, сказав, что начальник стражи будет ждать снаружи и, как только мы будем готовы, препроводит нас в трапезную. Мы с Лео разошлись по своим спальням, где нас встретили слуги и рабы, предупредительные и услужливые. Они поменяли нашу обувь на более легкую, сняли с нас тяжелые дорожные одежды и надели на нас что-то вроде европейских сюртуков, но из белой ткани и отороченных

горностаевым мехом.

Облачив нас во все это, они показали поклонами, что наш туалет закончен, и отвели нас в большую прихожую, где нас ждал начальник стражи. Пройдя через несколько комнат, просторных и, очевидно, никем не занятых, мы очутились в большой зале, озаренной множеством светильников; ночи были все еще холодные, и воздух здесь подогревался торфяными печами. Потолок залы был плоский и опирался на толстые каменные колонны с резными капителями; стены были увешаны гобеленами, что создавало впечатление приятного уюта.

В самом начале залы, на помосте, стоял длинный узкий стол, застланный скатертью и уставленный серебряными блюдами и кубками. Здесь мы ждали, пока откуда-то из-за занавесок не появились распорядители с жезлами в руках, за неимением лучшего слова назову их дворецкими. За ними вышел человек, который бил в серебряный гонг, а затем около дюжины придворных, все, как и мы, в белых сюртуках, и примерно столько же дам, среди них немало молодых и красивых, по большей части белокожих, с точеными, чертами лица, хотя попадались среди них и желтокожие. Мы обменялись приветственными поклонами.

Последовала недолгая тишина, пока мы изучали друг друга взглядами, затем зазвучала труба, и, предшествоваемые лакеями в желтых ливреях, из-за штор появились Хан и Хания Калуна. Впереди них шел Симбри, позади следовало много придворных.

Глядя сейчас на Хана в его праздничном белом наряде, трудно было даже вообразить, что это тот самый безумный зверь, который совсем недавно подстрекал своих адских псов, чтобы они разорвали на куски и пожрали всадника и беспомощную лошадь. Перед нами был крупный, неуклюжий человек, крепко сложенный и отнюдь не безобразный, но с бегающими глазами, туповатый на вид и, судя по всему, неспособный на утонченные чувства.

Вряд ли есть необходимость описывать Ханию. Выглядела она точно так же, как в доме над воротами, только вид у нее был еще более утомленный, да и выражение глаз сильно встревоженное: чувствовалось, что события предыдущей ночи не прошли для нее бесследно. Увидев нас, она слегка покраснела, показала жестом, чтобы мы подошли, и сказала мужу:

— Мой господин, вот те самые чужестранцы, о которых я вам говорила.

Его тусклые глаза остановились сперва на мне; моя наружность, видимо, его позабавила, потому что он грубо рассмеялся и сказал на

варварском греческом языке с примесью слов из местного наречия:

— Какой смешной старый козел!... Я никогда еще тебя не видел?

— Нет, великий Хан, — ответил я. — Но я видел ночью, как ты охотился. Удачная была охота?

Он как-то весь вострепнулся и сказал, потирая руки:

— Отменная. Наездник он был неплохой, но в конце концов мои собачки поймали его и... гам! — Он щелкнул своими мощными челюстями.

— Прекрати этот грубый разговор, — с яростью перебила его жена, и, отпрянув от нее, он натолкнулся на Лео, который ждал, когда его представят.

Увидев этого большого, с золотой бородой человека, Хан ошарашенно уставился на него, потом сказал:

— Не тот ли ты самый друг Хании, которого она ездила встречать к воротам? Тогда я не мог понять, почему она так хлопочет, теперь понимаю. Берегись — или я затравлю и тебя!

Лео, взбешенный, хотел что-то ответить, но я положил ладонь на его руку и сказал по-английски:

— Не отвечай. Ведь он безумец.

— Не знаю, безумец ли он, но что негодяй — это точно, — пробурчал Лео. — И если он попытается напустить своих проклятых псов на меня, я сверну ему шею.

Хания пригласила Лео сесть рядом с ней, а меня — по другую руку, между собой и ее дядей, Хранителем, тогда как Хан сел на стул чуть поодаль и позвал двух самых хорошеньких дам составить ему компанию.

Так нас представили ко двору Калуна. Что до самой трапезы, то она была очень обильна, хотя и не слишком изысканна, и состояла по большей части из рыбы, баранины и сладостей — все это подавалось на больших серебряных блюдах. Было много забористого вина, что-то вроде пшеничной водки, и почти все пили чересчур много. Задав мне несколько вопросов о нашем плавании, Хания повернулась к Лео и разговаривала с ним весь вечер, тогда как я посвящал все свое время старому Шаману Симбри.

Вот вкратце то, что мне удалось выяснить от него тогда и впоследствии.

Торговля как таковая незнакома обитателям Калуна по той причине, что всякое сообщение с югом прервано в течение многих веков; все мосты через пропасть постепенно сгнили и обрушились. Страна очень велика и плотно населена, со всех сторон, кроме севера, где возвышается Огненная

Гора, ее окружают непроходимые горы. На склонах Горы и в прилегающих к пустыне местах живут свирепые горные племена, которые убивают всех пришельцев. Хотя в стране в некоторых количествах добываются простые и драгоценные металлы, изготавливаются различные орудия и украшения, ни горцы, ни жители Равнины не знают, что такое деньги, все сделки основываются на натуральном обмене, и даже налог взимается натурой.

Среди десятков тысяч исконных жителей Калуна правящий класс составляет лишь небольшую прослойку людей, которые считаются и, возможно на самом деле, являются потомками завоевателей, вторгшихся во времена Александра. Однако их кровь в значительной мере перемешались с кровью древних жителей Калуна, которые, судя по их внешности и желтой коже их потомков, принадлежат к какому-то ответвлению великой монгольской расы. Правление огромной страной, довольно мягкое, хотя и весьма деспотичного характера, осуществляется Ханом или Ханией, в зависимости от того, кто является первым потомком.

Религии здесь две: одна — поклонников Духа Огненной Горы, другая — правителей, — эти верят в магию, гадания и привидения. Но и это слабое, если можно так сказать, подобие религии умирает, как и ее последователи, из поколения в поколение число белых правителей сокращается, они растворяются в общей массе народа.

Однако их не свергают. Я спросил Симбри почему, ведь их всего горсточка, но он только вздернул плечами и ответил, что местные жители лишены честолубия. К тому же наша хозяйка Ханя — последняя из прямой линии правителей, у ее мужа, двоюродного брата, меньше царской крови в жилах, поэтому народ привязан больше всего к ней.

Как это часто бывает со смелыми красивыми женщинами, она пользуется особой популярностью, тем более что справедлива и очень щедра по отношению к беднякам. А бедняков много, потому что страна перенаселена, чем и объясняется необыкновенно тщательная обработка земли. Помимо всего прочего, они верят, что она достаточно умна и смела, чтобы защитить их от постоянных нападений горных племен, разоряющих их поля и похищающих стада. Единственная причина их недовольства — что у нее нет детей, которые могли бы стать правителями, и в случае ее смерти, как уже было после кончины ее отца, разгорится борьба за престол.

— Да, — многозначительно добавил Симбри, краешком глаза поглядывая на Лео, — люди открыто выражают надежду на смерть притесняющего их Хана, которого они ненавидят; в этом случае Ханя, пока она еще молода, могла бы взять себе другого мужа. Хотя он и безумен, Хан это знает, потому-то он так ревнует ее ко всем, кто смеет на нее

смотреть; да и вы сами сегодня видели, как он расправляется с ними. Рассен считает, что, если кому-нибудь удастся добиться ее милости, он обречен на смерть.

— Может быть, он сильно привязан к жене? — предположил я шепотом.

— Может быть, — ответил Симбри, — но она не любит его и никого другого из них. — И он обвел взглядом трапезную.

Сидевшие за столом мужчины и впрямь не отличались привлекательностью, почти все они захмелели, и даже женщины были не слишком трезвы. Особенно неприятно было смотреть на самого Хана: откинувшись на спинку стула, он что-то зычно выкрикивал о своей охоте. Одна из хорошеньких подруг обнимала его рукой за шею, другая подносила вино в золотом кубке; он уже успел забрызгать свою белую одежду.

Как раз в эту минуту Атене оглянулась, увидела его, и на ее прекрасном лице появилось выражение ненависти и презрения.

— Посмотри, — сказала она Лео, — посмотри на спутника моей жизни и узнай, что это такое — быть Ханией Калуна.

— Почему бы тебе не очистить двор? — спросил он.

— Потому что тогда, господин, двора не останется. Свинья любит грязь, а эти мужчины и женщины, живущие трудом простого народа, любят вино и убогую роскошь. Ну что ж, конец близок, такая жизнь убивает их, у них мало детей, дети слабые и болезненные, ибо их древняя кровь разжижилась, все больше застаивается. Но вы устали, пора отдыхать. Завтра мы поедem все вместе. — И, позвав начальника стражи, она приказала ему отвести нас в наши спальни.

Мы вместе с Симбри поднялись, поклонились ей и направились к двери. Она стояла, глядя нам вслед, величественная, трагическая фигура среди этого всеобщего беспутства. Хан поднялся тоже, он был достаточно хитер, чтобы догадаться о происходящем.

— Вам не нравится наше веселье? — крикнул он. — А почему бы нам не веселиться, если мы даже не знаем, долго ли нам осталось жить? Ты, Желтая Борода, не позволяй Атене глядеть на тебя такими глазами. Говорю тебе, она моя жена, и, если ты будешь ее поощрять, мне придется натравить на тебя своих псов.

При этой пьяной выходке придворные громко загоготали; Симбри схватил Лео за руку и быстро вывел из трапезной.

— Друг, — сказал Лео, — этот ваш Хан угрожает мне смертью.

— Не бойся, мой господин, — ответил Хранитель, — пока тебе не угрожает Хания, твоя жизнь в безопасности. Истинная повелительница

этой страны — она, а я здесь второй по старшинству.

— Тогда прошу тебя, — сказал Лео, — сделай так, чтобы я был подальше от этого пропойцы; имей в виду: если на меня нападут, я буду защищаться.

— Кто осудит тебя за это? — ответил Симбри с одной из своих медленных, таинственных улыбок.

Расставшись с Симбри, мы составили обе наши кровати в одну спальню, и сразу же крепко уснули, ибо очень устали; проснулись мы уже утром от лая этих отвратительных псов-палачей: псарня была рядом и в это время их как раз кормили.

В городе Калун нам было суждено провести три мучительно долгих месяца; это было едва ли не самое неприятное время в нашей жизни. По сравнению с пребыванием здесь наши бесконечные скитания по снегам и пескам Центральной Азии были просто увеселительными прогулками, а наша жизнь в монастыре за горами — райским блаженством. Подробно описывать это время — и нудно и бесполезно; поэтому я расскажу лишь о наиболее важных событиях.

На другое утро после нашего прибытия Ханья Атене прислала двух прекрасных белых скакунов чистой древней породы. Сначала она показала нам псарню, где держали псов-палачей: конуры, большие мощные дворы, обнесенные решетчатыми оградами, с запираемыми на замок калитками. Никогда еще не видел я таких огромных яростных собак; по сравнению с ними тибетские мастифы — просто болонки. Они были черно-рыжие, гладкошерстные и с мордами ищеек и, едва завидев нас, начинали бросаться на железные прутья с тем же неистовством, с каким штормовые волны накатывают на скалы.

Выращивали и натаскивали их потомственные псари. Псы охотно повиновались им и Хану, но не подпускали к себе ни одного незнакомого человека. Они действительно были палачами, им отдавали на растерзание убийц и других преступников, с ними Хан охотился на всех, кто имел несчастье навлечь на себя его немилость. Использовались они и для менее жестокой цели — охоты на антилоп и козлов, которые сохранились в лесах и тростниковых болотах. Понятно, что они наводили ужас на всю страну, каждый мог стать их добычей. «Проваливай к псам!» — выражение не слишком приятное, но в Калуне оно имело особенное, зловещее значение.

После того как мы — не без недоброго предчувствия — осмотрели псарню, мы проехали по городским стенам, настолько широким, что горожане пользовались ими для вечерних прогулок. Однако с них не было видно ничего, кроме реки и Равнины; более того, несмотря на всю их

ширину и высоту, при езде приходилось соблюдать осторожность, потому что местами они были разрушены — наглядное свидетельство неспособности правящего класса поддерживать необходимый порядок.

Сам город не представлял особого интереса, потому что здесь жила преимущественно придворная челядь. Поэтому мы с радостью пересекли высокий мост, где в последующие времена мне было суждено увидеть одно из самых необыкновенных зрелищ, какие доводилось видеть смертным, и сразу же оказались в сельской местности. Здесь все было другим, ибо мы были среди селян, потомков старинных обитателей страны, которые жили плодами своего труда. Удивительная система орошения позволяла использовать каждый клочок земли. Для полива применялись водяные колеса, приводимые в движение мулами, а кое-где женщины носили воду в ведрах, на коромыслах.

Лео спросил Ханию, что бывает в неурожайные годы. Она мрачно ответила, что начинается голод, уносящий тысячи человеческих жизней, и за голодом следует мор. Если бы не этот периодический голод, добавила она, люди давно бы перебили друг друга, как злые крысы, ибо страна отрезана от внешнего мира и, как она ни велика, не смогла бы прокормить их всех.

— А какие виды на урожай в этом году? — спросил я.

— Не очень хорошие, — ответила она, — паводок был не очень большой, и прошло мало дождей. Свет, который горел вчера ночью над Огненной Горой, считается недобрым предзнаменованием: Дух Горы разгневан и может наслать засуху. Будем надеяться, что они не возложат всю вину на чужеземцев, не скажут, что те принесли им несчастье.

— В таком случае, — со смешком сказал Лео, — нам придется бежать и укрыться на Горе.

— Вы хотите найти убежище в смерти? — хмуро спросила она. — Можете не сомневаться, мои гости: пока я жива, я не разрешу вам пересечь реку, отделяющую Гору от Равнины.

— Почему, Хания?

— Потому что, мой господин Лео, — ведь тебя зовут Лео? — такова моя воля, а моя воля здесь закон. Поехали домой.

В ту ночь мы ужинали не в большой зале, а в комнате рядом с нашими спальнями. Мы были не одни: трапезу разделяли с нами Хания и неразлучный с ней Шаман. В ответ на наше удивленное приветствие Хания коротко сказала, что стол накрыли здесь по ее распоряжению: она не желает, чтобы мы подвергались оскорблениям. Она добавила, что начался праздник, который будет длиться неделю, и она также не желает, чтобы мы

видели низменные обычаи здешних людей.

Этот вечер, как и многие последующие, — мы больше ни разу не ужинали в большой зале, — мы провели достаточно приятно, ибо, по просьбе Хании, Лео рассказывал ей о родной Англии, о странах, где он побывал, их народах и обычаях. Я рассказывал историю Александра Великого, один из чьих военачальников — Рассен, ее отдаленный предок, завоевал страну Калун, и о родине Рассена — Египте; это продолжалось до полуночи; Атене жадно слушала, ни на миг не сводя глаз с Лео.

Много подобных вечеров провели мы во дворце, где фактически были пленниками. Но коротать дни было мучительно трудно. Если мы выходили из своих комнат, нас тут же окружали придворные и их челядинцы и засыпали нас вопросами, ибо, как все люди ленивые и праздные, они были очень любопытны.

Под тем или иным предлогом с нами заговаривали женщины, среди которых было немало хорошеньких, они так и льнули к Лео: широкогрудый, золотоволосый незнакомец, столь непохожий на их тонких, хрупкого сложения мужчин, явно пришелся им по вкусу. Через своих слуг или воинов они присылали букеты цветов и послания, назначая Лео встречи, на которые он, разумеется, не ходил.

Оставались только конные прогулки с Ханией, но и они через три — четыре раза прекратились, так как ревнивый Хан пригрозил, что натравит на нас своих псов, если мы еще раз выедем все вместе. Поэтому если мы и выезжали, то только одни, без Хании, в сопровождении большого отряда воинов, чтобы мы не смогли бежать, а очень часто и целой толпы селян, которые с мольбами и угрозами требовали, чтобы мы вернули якобы похищенный нами дождь. Ибо наступила уже сильная засуха.

В конце концов у нас осталось одно-единственное спасение: притворяться, будто мы ходим ловить рыбу, хотя река была такая мелкая и прозрачная, что мы не могли поймать ни одной рыбешки и только наблюдали за Огненной Горой, которая маячила вдалеке, таинственная и недостижимая, тщетно ломая голову, как нам бежать туда или, по крайней мере, снестись с верховной жрицей: за все это время мы не узнали о ней ничего нового.

Два чувства раздирали наши души. Желание продолжать поиски и обрести наконец заветную награду, которая, по нашему убеждению, ждала нас на снежной вершине, лишь бы как-нибудь туда добраться; и предчувствие неминуемого столкновения с Ханией Атене. После той ночи в доме над воротами она больше не домогалась любви Лео, да это было бы и трудно сделать, так как я не оставлял его одного ни на час. Ни одна

дуэнья не присматривала за испанской принцессой более бдительно, чем я за Лео.

Но я хорошо видел, что ее страсть не угасает, напротив, с каждым днем разгорается все сильнее, как огонь в сердце вулкана, и вот-вот начнется губительное извержение. Знаки надвигающейся беды можно было прочесть в ее словах, жестах и полных трагизма глазах.

Глава X. В комнате Шамана

Однажды вечером Симбри пригласил нас отужинать с ним в его комнате, в самой высокой башне дворца, — тогда мы еще не знали, что здесь суждено разыгаться последнему акту великой драмы, и охотно приняли его приглашение, радуясь любым переменам. После ужина Лео глубоко задумался и вдруг сказал:

— Друг Симбри, я хочу попросить тебя об одолжении: скажи Хании, чтобы она отпустила нас.

Хитрое старое лицо Шамана тотчас же стало похожим на маску из слоновой кости.

— Я думаю, мой господин, со всеми просьбами тебе лучше обращаться к самой Хании. Вряд ли она откажет в какой-нибудь разумной просьбе, — ответил он.

— Не будем ходить вокруг да около, — сказал Лео. — Посмотрим правде в глаза. Мне показалось, будто Хания Атене не слишком счастлива со своим мужем.

— Твои глаза очень проницательны, господин, и кто может утверждать, что они тебя обманывают?

— Мне тоже показалось, — продолжал Лео, краснея, — будто она обратила на меня... незаслуженно добрый взгляд.

— А, ты, вероятно, догадался еще в доме над воротами, если, конечно, ты не забыл того, что помнит большинство мужчин.

— Я кое-что помню, Симбри, — о ней и о тебе.

Шаман погладил бороду и сказал:

— Продолжай!

— Я только хочу добавить, Симбри, что не сделаю ничего, что могло бы навлечь позор на имя правительницы страны.

— Хорошо сказано, господин, хорошо, — но здесь не обращают внимания на такие вещи. Думаю, впрочем, никакого позора не будет. Если бы, например, Хания решила взять себе другого мужа, вся страна радовалась бы, потому что она последняя, в чьих жилах течет царская кровь.

— Но ведь она замужем?

— Ответ очень прост: все люди смертны. А Хан слишком много пьет в последнее время.

— Ты хочешь сказать, что все люди могут быть убиты, — сердито

сказал Лео. — Я не хочу иметь ничего общего с подобным преступлением. Ты понимаешь?

В тот миг, когда он это произносил, я услышал шорох и повернул голову. Здесь, за шторами, была комната-альков, где Шаман спал, хранил принадлежности для гадания и составлял свои гороскопы. Шторы были раздвинуты, и между ними, в своем царском одеянии, недвижимая, как статуя, стояла Хания.

— Кто говорил о преступлении? — холодно спросила она. — Уж не ты ли, господин Лео?

Он встал со стула, лицом к ней.

— Госпожа, я рад, что ты слышала мои слова, даже если они и раздосадовали тебя.

— Почему я должна испытывать досаду, узнав, что при нашем дворе появился один честный человек, который не хочет иметь ничего общего с убийством? Эти слова заслуживают лишь уважения. Знай, мне и в голову не приходили подобные мысли. И все же, Лео Винси, то, что начертано, должно свершиться.

— Без сомнения, Хания; и что же начертано?

— Скажи ему, Шаман.

Симбри зашел за шторы и вернулся оттуда со свитком, развернул его и стал читать:

Небеса возвещают знаками, в истолковании которых не может быть ошибки, что еще до следующей луны Хан Рассен падет от рук чужестранца, который прибыл в эту страну из-за гор.

— Стало быть, Небеса возвещают ложь, — презрительно проронил Лео.

— Кто знает, — ответила Атене, — но он непременно падет — не от моей руки и не от рук моих слуг, а от твоих. Что тогда?

— От моих рук? А почему не от руки Холли? Но если так все же случится, меня заслуженно покарает его безутешная вдова, — раздраженно выпалил Лео.

— Тебе угодно издеваться надо мной, Лео Винси. Ты же хорошо знаешь, что он никакой мне не муж.

Я почувствовал: настал критический момент; то же самое почувствовал и Лео; он поглядел ей прямо в глаза.

— Продолжай, госпожа, выскажи все, что у тебя на душе; возможно, так будет лучше для нас обоих.

— Повинуюсь тебе господин. Я ничего не знаю о самом начале, но я прочла первую, открытую для меня страницу. В ней говорится об этом моем существовании. Послушай, Лео Винси, ты со мной с самого детства. Когда я увидела тебя в реке, я сразу же узнала твое лицо — оно снилось мне чуть ли не каждую ночь. С того самого времени, как однажды, еще совсем маленькой девочкой, я задремала среди цветов на берегу реки, — и я впервые увидела тебя; правда, тогда ты был моложе, — спроси моего дядю, правду ли я говорю, он подтвердит. И я уверилась, что ты предназначен мне самой судьбой, так твердила мне волшба моего сердца.

Прошло много лет, и все это время я чувствовала, что ты приближаешься ко мне медленно-медленно, но неуклонно, приближаешься, переходя из страны в страну — через горы, через равнины, через пески, через снега. И наконец случилось то, что должно было случиться: однажды ночью, менее трех лун назад, этот мудрый человек, мой дядя, и я сидели, пытаюсь постигнуть тайны прошлого, как вдруг наступило прозрение.

Я была в том зачарованном сне, когда дух высвобождается из тела и, блуждая далеко-далеко, может видеть все, что уже было и что еще будет. И тогда я увидела тебя и твоего спутника, вы цеплялись за выступ ледника над ущельем, где протекает река. Я не лгу: это начертано на свитке. Да, это был ты, человек моих снов, я узнала место, поспешила туда и стала ждать тебя у реки, опасаясь, что ты лежишь уже на самом дне, мертвый.

И вот, пока мы стояли там в ожидании, далеко вверху, на ледяном языке, куда не смог бы взобраться ни один человек, мы увидели две крохотные фигурки; остальное вы знаете. Мы стояли как заколдованные, смотрели, как ты поскользнулся и повис, смотрели, как ты перерезал ремень и упал; да, и как этот храбрец Холли, не раздумывая, бросился за тобой.

Своей рукой я вытащила тебя из потока, где ты неминуемо потонул бы, не приди я тебе на помощь, — ты, кого я любила в далеком прошлом, люблю сейчас и буду любить всегда. Ты — и никто другой, Лео Винси. Это мое сердце прозрело угрожавшую тебе опасность, и это моя рука спасла тебя от смерти, — так неужто ты хочешь отказаться от моего сердца и от моей руки, которые предлагаю тебе я, Ханья Калуна?

И, опираясь о стол, она умоляющими глазами впилась в его лицо; ее губы заметно подрагивали.

— Госпожа, — сказал Лео, — я вновь благодарю тебя за свое спасение, хотя, может быть, было бы лучше, если бы я утонул. Но прости меня за вопрос: если все, что ты сказала, правда, почему ты вышла замуж за другого человека?

Она качнулась, как будто ударенная кинжалом.

— Не вини меня, — простонала она, — я вышла замуж за этого безумца, которого всегда ненавидела, лишь по политическим соображениям. Они все настаивали, даже ты, Симбри, мой дядя, — проклятье на твою голову, — все так настаивали, говоря, что необходимо покончить с войной между людьми, верными Рассену, и моими. Что я последняя представительница царской династии, которая должна быть продолжена; что мои сны и воспоминания — плоды воспаленного воображения. И увы, увы, я уступила ради блага своего народа.

— И не в последнюю очередь, ради своего собственного, если все это правда, — отрезал Лео, ибо он был намерен положить конец этой мелодраматической сцене. — Я не виню тебя, Хания, хотя ты и говоришь, будто я должен разрубить завязанный тобой узел, убив мужа, которого ты выбрала себе сама, ибо так предопределено судьбой, той судьбой, которую ты вылепила своими руками. Я, видите ли, должен совершить то, чего ты не желаешь сделать сама, и убить его. Кроме того, вся эта история с изъятием воли Небес и прозрением, которое якобы побудило тебя встретить нас в ущелье, сплошное измышление. Госпожа, ты встретила нас у реки потому, что так повелела тебе могущественная Хесеа, Дух Горы.

— Откуда ты знаешь? — вскричала Атене, глядя на него в упор.

У Симбри отвалилась челюсть, и его тусклые глазки заморгали.

— Оттуда же, откуда я знаю многое другое. Госпожа, было бы куда лучше, если бы ты сказала чистую правду.

Лицо Атене стало пепельно-серым, щеки ввалились.

— Кто тебе сказал? — шепнула она. — Ты, Шаман? — Она напоминала готовую к броску змею. — Если так, я наверняка узнаю об этом, и, хотя мы одной крови и всегда любили друг друга, ты дорого заплатишься за предательство.

— Атене, Атене, — перебил ее Симбри, подняв свои ручки, похожие на когтистые лапки. — Ты же хорошо знаешь, что это не я.

— Тогда это ты, странник с обезьяньей мордой, посланник злых духов. Почему я не убила тебя сразу же? Ну, эта ошибка поправимая.

— Госпожа, — мягко ответил я, — уж не думаешь ли ты, что я колдун?

— Да, — отрезала она, — я думаю, ты колдун и твоя повелительница обитает в огне.

— Тогда, Хания, — сказал я, — лучше не навлекать на себя гнев таких слуг и таких повелительниц. Скажи, каков был ответ Хесеа на твое сообщение о нашем прибытии.

— Послушай, — подхватил Лео, прежде чем она успела ответить. — Я

хочу задать один вопрос Оракулу на той горной вершине. Нравится это тебе или нет, я все равно пойду туда, а уж потом вы можете выяснить, кто из вас сильнее: Ханья Калуна или Хесеа из Дома Огня.

Атене молчала, может быть, потому, что ей нечего было ответить. Наконец она сказала со смешком:

— Стало быть, таково твое желание? Но там нет никого, на ком ты захотел бы жениться. Огня там больше чем достаточно, но нет прекрасного, бесстыдного духа в обличий женщины, который сводил бы мужчин с ума, внушая им вожделение. — Тут ее, видимо, осенила какая-то тайная мысль; лицо исказилось гримасой боли, дыхание стало прерывистым. Тем же холодным голосом она продолжала: — Странники, эта земля имеет свои тайны, заповедные для чужеземцев. Повторяю вам: пока я жива, путь на Гору вам заказан. А ты, Лео Винси, знай, что я обнажила перед тобой свое сердце, ты же говоришь, что ищешь так долго не меня, как я в своей наивности полагала, а демона в женском обличий, которого никогда не найдешь. Мне не пристало обращаться к тебе с униженными просьбами, но ты знаешь слишком многое.

Поэтому я даю тебе на размышления всю ночь и весь завтрашний день до заката. Я не беру обратно своих предложений; завтра вечером ты скажешь мне, согласен ли ты взять меня в жены, когда придет время, а оно непременно придет, согласен ли ты править этой страной, обрести величие и счастье в моей любви; в случае отказа ты умрешь вместе со своим другом. Выбирай же между местью и любовью Атене, ибо я не допущу, чтобы со мной обращались как с ветреницей, которая пожелала незнакомца — и была отвергнута.

Эти слова, произнесенные медленным-медленным шепотом, одно за другим падали с ее губ, точно капли крови из смертельной раны. Наступило молчание. Никогда не забуду этой сцены. Старый колдун пристально наблюдает за нами, его тусклые глазки моргают, как глаза ночной птицы. Лицом к лицу с Лео стоит величественная женщина в царском одеянии: ее взгляд полон холодной ярости и ненависти. Перед ней — высокий, широкоплечий Лео, спокойный, решительный, железной рукой воли подавляющий все страхи и сомнения. А справа я, внимательно следящий за всем, что происходит, и размышляющий, долго ли еще остается жить злополучному «другу», который снискал ненависть Атене.

Так мы стояли, глядя друг на друга, и вдруг я заметил, что пламя светильника заколыхалось, мое лицо овеяло сквозняком. Оглянувшись, я увидел, что нас уже не четверо. В тени стоял высокий человек. Ничего не говоря, человек неуклюже шагнул вперед, и я увидел, что ноги у него

босые. Достигнув круга, очерченного светильником, он разразился свирепым хохотом.

Это был Хан.

Атене подняла глаза на мужа; если меня что-нибудь и восхищало в этой страстной женщине, то только ее красота, — но на этот раз я был восхищен ее поразительной смелостью. На ее лице не было ни гнева, ни страха, лишь презрение. А ведь для страха у нее были веские причины, — и она это знала.

— Что ты здесь делаешь, Рассен? — спросила она. — И зачем ты явился сюда с босыми ногами? Иди пей вино и ухаживай за своими придворными дамочками.

В ответ послышался хохот — хохот гиены.

— Что ты слышал? — спросила она. — Отчего так развеселился?

— Что я слышал? — прохрипел Рассен между взрывами отвратительного веселья. — Я слышал, как Ханя, последняя представительница царского рода, правительница страны, гордая владычица, не позволяющая прикоснуться к своему платью этим «придворным дамочкам», и моя супруга, моя супруга, которая — заметьте, чужестранцы, — сама предложила мне жениться на ней, потому что я, ее двоюродный брат, правил половиной этой страны и был самым богатым вельможей во всей стране, потому что надеялась приобрести еще большую власть, — так вот, я слышал, как эта самая Ханя навязывается безымянному страннику с желтой бородой, который ее ненавидит и хотел бы от нее бежать, — он закатился визгливым хохотом, — а он отверг ее с пренебрежением, с каким я не отверг бы последнюю женщину в этом дворце.

Я также слышал, но это я и так знал, что я — безумец, но ведь я потому и безумен, странники, что старая крыса, — он показал на Симбри, — подмешал мне в вино какое-то зелье — и где? — на моем свадебном пиру. Зелье подействовало: ни одного человека на свете я не ненавижу так, как Ханию. Меня просто тошнит от одного ее прикосновения. Я не могу быть в одной комнате вместе с ней, меня всего переворачивает, ибо ее дыхание отравляет воздух; от нее разит колдовством.

И тебя тоже это отвращает, Желтая Борода? В таком случае попроси, чтобы старая крыса сварил приворотное зелье, тут он мастак: выпьешь, и она покажется тебе и нежной, и добродетельной, и красивой; несколько месяцев проживешь счастливо. Не будь же дураком. Кубок, который тебе подсовывают, выглядит так заманчиво. Выпей же его до дна. Если ты и заметишь, что в вино подмешана отравленная кровь мужа, то только завтра.

— И Рассен снова дал волю необузданному веселью.

На все эти оскорбления, тем более горькие, что у них был привкус истины, Атене ничего не ответила. Она повернулась к нам и поклонилась.

— Мои гости, — сказала она, — извините, что я не могла избавить вас от этой сцены. Вы забрели в мерзкую страну, продажную, и перед вами воплощение всего в ней худшего. Хан Рассен, ты обречен, и я не буду ускорять предначертанного тебе Роком, помня о нашей давнишней близости, хотя вот уже много лет ты для меня все равно что змея, живущая в моем доме. Если бы не эти воспоминания, следующий же кубок, который ты выпьешь, прекратил бы твои безумства и заставил бы замолчать твой ядовитый язык. Пошли, дядя. Дай мне свою руку, я совсем ослабела от стыда и горя.

Старый Шаман заковылял к двери, но, поравнявшись с Ханом, остановился и внимательно, с головы до пят, оглядел его своими тусклыми глазками.

— Рассен, — сказал он, — я присутствовал при твоём рождении; твоя мать была дурная женщина, и только я знал твоего отца. В ту ночь над Огненной Горой полыхало пламя и все звезды отвратили свои лица; ни одна из них не хотела взять тебя под свое покровительство, даже те, что ниспосылают зло и несчастье. Я видел, как ты поднялся пьяный из-за свадебного стола, обнимая какую-то потаскуху. Я наблюдал, как ты правишь, разоряя всю страну ради своих жестоких развлечений, превращая плодородные земли в заповедники для охоты, так что земледельцам оставалось лишь умереть от голода на дороге или утопиться с отчаяния в оросительной канаве. А скоро я увижу, как ты умрешь, корчась от боли, весь в крови; и тогда с этой благородной женщины, которую ты поносишь, спадут все цепи, твое место займет человек куда более достойный, родится наконец престолонаследник, и вся страна обретет необходимое ей спокойствие.

Я слушал эти слова — трудно даже представить себе, какой ужасающей горечью они были напоены, — каждый миг ожидая, что Хан выхватит свой короткий меч и зарубит колдуна на месте. Но нет, он только весь съежился, точно пес под окриком строгого хозяина, тяжесть чьего хлыста он хорошо знает. Видя, что Симбри с Атене уходят, он стоял, забившись в угол. У массивной кованой двери Шаман остановился и, указывая палкой на сгорбившуюся в углу фигуру, сказал:

— Хан Рассен, я тебя вознес — я тебя и низвергну. Вспомни обо мне, когда будешь умирать, корчась от боли, весь в крови.

Только когда их шаги затихли, Хан, тревожно озираясь, вышел из угла.

— Крыса ушел? Вместе с ней? — спросил он, вытирая рукавом влажное надбровье; и я увидел, что страх совершенно отрезвил его; только что безумные, глаза прояснились.

Я отвечал, что они ушли.

— Вы считаете меня трусом? — взволнованно продолжал он. — Я и впрямь боюсь и его и ее; и ты тоже задрожешь, Желтая Борода, когда пробьет твой час. Говорю вам, они отобрали у меня всю мою силу, лишили меня рассудка, опоив своим отравленным зельем; превратили меня в ничтожество, ибо кто может противостоять их колдовству? Послушайте! Некогда я был властителем полстраны, с благородной наружностью и честным, справедливым сердцем, но она покорила меня своей красотой, как покоряет всех, на кого обращает взгляд. А она обратила на меня свой взгляд, предложила мне жениться на ней; это ее предложение передал мне старая Крыса.

Я отменил уже задуманную войну, женился на Хании и стал Ханом; но лучше бы мне быть поваром у нее на кухне, чем мужем в ее опочивальне. Она с самого начала возненавидела меня, и чем больше я ее любил, тем сильнее становилась ее ненависть; наконец на нашем свадебном пиру она напоила меня зельем, которое отвратило меня от нее и разлучило нас; кроме того, это зелье как будто огнем прожгло мой мозг.

— Но если она так сильно ненавидела тебя, Хан, почему она не отравила тебя?

— Почему? Из политических соображений, ведь я был правителем полстраны. И еще она оставила меня в живых, хотя и превратила в презренное ничтожество, чтобы ей не навязывали других мужей. Она не женщина, колдунья, предпочитающая жить одна, — так, по крайней мере, я думал до сегодняшнего вечера. — И он сверкнул глазами на Лео. — Она также знала, что, хотя я и вынужден от нее отдалиться, в глубине души я все еще ее люблю, люблю и ревную и поэтому могу защитить ее от всех мужчин. Она-то и натравила меня на этого вельможу, которого недавно разорвали мои псы, потому что он был человеком могущественным, домогался ее милости и отвергнуть его было не так-то просто. Но теперь, — и он снова сверкнул глазами на Лео, — теперь я понял, почему она всегда была так холодна. Она знала, что на свете есть человек, чей лед ей надо будет растопить своим огнем.

Лео все время молчал, но при этих словах он выступил вперед.

— Послушай, Хан, — сказал он. — И что же, по-твоему, этот лед растаял?

— Нет, если ты не солгал. Но если и нет, то только потому, что ее

огонь еще не разгорелся по-настоящему. Подожди, пока он разгорится, и она непременно растопит лед твоего сердца, ибо чья воля может устоять против Хании?

— Но что, если лед хотел бы бежать от огня? Хан, они сказали, что я должен убить тебя, но я не жажду твоей крови. Ты полагаешь, будто я хочу похитить у тебя жену? Ничего подобного. Мы хотели бы бежать из вашего города, но не можем, потому что ворота заперты, мы пленники, день и ночь под охраной. Слушай же! В твоей власти освободить нас и тем избавиться от нас.

Хан посмотрел на него с хитрым прищуром.

— А если я освобожу вас, куда вы направитесь? Вам удалось благополучно упасть в ущелье, но только птицы могут достичь краев пропасти.

— Мы должны побывать на Огненной Горе.

Рассен удивленно уставился на него.

— Кто же из нас безумец, я или ты, желающий побывать на Огненной Горе? Но какая, в конце концов, разница, только я тебе не верю. Ты можешь возвратиться, да еще не один, а приведешь с собой целое войско. Ты покорил правительницу этой страны, а теперь ты, может быть, хочешь покорить и саму страну. Там, на Горе, у нее много врагов.

— Нет, — заверил его Лео, — как мужчина — мужчине, говорю тебе: это не так. Не надо мне ни улыбки твоей жены, ни пяди твоей земли. Будь же мудр и помоги нам бежать, а там можешь спокойно жить, как тебе хочется.

Несколько минут Хан стоял неподвижно, с рассеянным видом размахивая длинными руками, затем его осенила мысль, которая показалась ему такой забавной, что он разразился очередным приступом своего омерзительного хохота.

— Я думаю, — сказал он, — что скажет Атене, когда проснется и увидит, что ее милая пташка улетела. Она примется тебя искать и очень рассердится.

— Она и так уже очень рассержена, — сказал я. — Лишь бы у нас была в запасе ночь, ей ни за что нас не догнать.

— Ты забываешь, странник, что они со старой Крысой постигли тайны колдовства. Если они знали, где вас встретить, они могут знать и где вас найти. И все же, и все же приятно было бы поглядеть на ее ярость. «О Желтая Борода, где ты, о Желтая Борода? — продолжал он, передразнивая голос жены. — Вернись, я растоплю твой лед, Желтая Борода».

Он снова захохотал, затем спросил:

— Сколько времени вам понадобится на сборы?

— Полчаса, — ответил я.

— Хорошо. Идите к себе и готовьтесь. Я скоро приду за вами.

И мы ушли.

Глава XI. Охота и убийство

Мы добрались до наших комнат, никого по пути не встретив, и стали готовиться. Прежде всего сменили наши праздничные наряды на более теплые одежды, в которых мы плыли в Калун. Затем вышли в прихожую, где всегда стояли запасы еды, поели и попили, не зная, когда еще нам удастся подкрепиться; остатки мяса и питья, а также кое-какие вещи мы положили в наплечные сумки, которые носят здесь люди. Мы заткнули за пояса большие охотничьи ножи и вооружились короткими охотничьими копьями.

— Возможно, он замышляет нас убить, мы хотя бы сможем защищаться, — сказал Лео.

Я кивнул; в моих ушах все еще звенели отголоски последнего хохота Хана. Хохот был зловещий.

— Вполне возможно, — согласился я. — Не доверяю я этой безумной скотине. Но ведь он хочет избавиться от нас.

— Да, хочет, но он же сказал, что живые возвращаются, а мертвые — никогда.

— Атене думает иначе.

— Но и она угрожает нам смертью.

— Она обезумела от позора и страсти, — сказал я, и на том наш разговор закончился.

Дверь отворилась, вошел Хан, закутанный в просторную накидку, которая делала его неузнаваемым.

— Если вы готовы, — сказал он, — пошли. — Увидев в наших руках копья, он добавил: — Вам это не понадобится. Вы же отправляетесь не на охоту.

— Кто может сказать, — ответил я, — возможно, и на охоту — только мы будем не охотниками, а дичью.

— Если вы трусите, может быть, вам лучше оставаться здесь, пока Желтая Борода не надоест Хании и она сама не откроет для вас ворота? — сказал он, поглядывая на меня хитрыми глазами.

— Я думаю, нет, — сказал я, и мы отправились вслед за Ханом, который предупредил нас жестом, чтобы мы молчали.

Мы прошли через пустые комнаты на веранду, спустились во двор; Хан шепнул нам, чтобы мы держались в тени. Ибо в ту ночь луна сверкала так ярко, что я отчетливо видел не только травинки, пробивающиеся между

плитами, но и тень каждого отдельного побега на истертой поверхности камней. Ханья недавно выставила удвоенную стражу, и я не знал, как мы пройдем через ворота. Но мы оставили ворота справа и пошли по тропе: она вели в большой огороженный сад, где за кустами была калитка, которую Рассен отпер своим ключом.

Мы были уже за дворцовыми стенами; далее дорога шла мимо псарни. Учув нас, огромные псы, которые беспокойно метались взад и вперед, словно львы в клетке, залаяли громким хором. Я вздрогнул, опасаясь, как бы не проснулись псари. Но Хан подошел к решетчатой ограде, звери сразу же его узнали и перестали лаять.

— Не бойтесь, — сказал он, вернувшись. — Псари знают, что псов не кормили, потому что завтра им предстоит растерзать преступников.

Мы подошли к воротам дворца. Хан велел нам укрыться в порталном проеме и ушел. Мы переглянулись, нам пришла в голову обоим одна и та же мысль: сейчас он приведет своих людей и нас убьют. Но мы были к нему несправедливы; вскоре мы услышали стук копыт о камни, и Хан возвратился, ведя на поводу двух белых коней, подаренных нам Атене.

— Я оседлал их своими руками, — шепнул он. — Кто сделал бы больше для уезжающих гостей? Садитесь, закутайте свои лица, как я, и — за мной.

Мы сели на коней, а Хан побежал перед нами рысцой, как пеший лакей перед вельможами Калуна, когда они выезжают куда-нибудь по делам или на прогулку. Нырнув в один из боковых переулков, он углубился в квартал, который пользуется дурной славой. Здесь нам встретилось несколько гуляк; из дверей выпархивали ночные пташки, откинув покрывало, вопросительно на нас смотрели, и так как мы не делали никаких знаков, прятались в свои гнездышки, полагая, видимо, что у нас свидание с кем-то другим. Мы достигли пустынной пристани, где для нас приготовили широкий паром.

— Загоняйте на паром лошадей, беритесь за весла и переправляйтесь на ту сторону, — сказал Рассен. — Все мосты охраняются, и я выдам себя, если прикажу, чтобы вас пропустили.

С некоторым трудом мы загнали коней на паром, я схватил их под уздцы, а Лео взялся за весла.

— Проваливайте, проклятые странники, — крикнул Хан, отталкивая паром от причала, — и молитесь Духу Горы, чтобы старая Крыса и его ученица — твоя возлюбленная, Желтая Борода, — не увидели вас в своем волшебном зеркале. Если так, мы еще свидимся.

Когда течение вынесло нас на середину реки, он разразился своим

омерзительным хохотом и прокричал нам вслед:

— Скачите быстрее, странники, скачите быстрее: позади у вас смерть. Лео изо всех сил принялся табанить, и паром двинулся к берегу.

— Я думаю, нам надо вернуться и прикончить этого негодяя, на уме у него явно недоброе, — сказал он.

Он говорил по-английски, но Рассен, очевидно, уловил стальные нотки в его голосе и с присущей безумцам хитростью догадался о смысле его слов.

— Слишком поздно, глупцы! — Он в последний раз захохотал, побежал по пристани с такой быстротой, что полы накидки разлетались в обе стороны, и исчез в темноте.

— Гребите через реку, — сказал я, и Лео нагнулся над веслами. Паром был тяжелый, течение — сильное, и нас снесло далеко вниз, прежде чем мы смогли приблизиться к противоположному берегу. Наконец мы достигли тихой заводи, увидев причал, подгребли к нему и высадили коней. Затопить паром уже не было времени, и мы пустили его вниз по реке, затем проверили подпруги и уздечки, вскочили на коней и поскакали в направлении мерцающего столба дыма, который, точно путеводный маяк, высился над вершиной Дома Огня.

Однако продвигались мы медленно, ибо здесь не было дорог, приходилось ехать напрямик по полям и искать мосты через оросительные каналы, если те были слишком широки, чтобы их можно было перескочить с ходу. Через час мы подъехали к деревне, где все спали крепким сном, и увидели дорогу; как нам показалось, она вела к Горе; уже впоследствии мы узнали, что она окольная и отклоняется на много миль в сторону. Лишь тогда наконец мы смогли перейти на рысь, хотя и не слишком быструю, ибо мы берегли силы коней и боялись, как бы они не споткнулись в призрачном лунном свете.

Перед самой зарей луна скрылась за громадой Горы, и нам пришлось остановиться; пользуясь этой вынужденной передышкой, мы попасли коней на поле, где уже наливались молодые колосья. Небо посерело; столб дыма, наш ориентир, померк; затем снег отдаленной вершины окрасился багрянцем, и через каменную петлю устремился пучок огненных стрел: наступила заря. Мы напоили наших коней из оросительного канала, сели на них и медленно поехали вперед.

С исчезновением ночных теней исчез и страх, который тяжким грузом лежал на наших сердцах. Мы были полны надежды, даже радости. Проклятый город позади. Позади — Ханья с ее неукротимыми роковыми страстями и ее похожей на бурное море красотой; старый, погрязший в

тайных грехах колдун, ее наставник, с затянутыми роговой пленкой глазами; странный безумец, полудьявол-полумученик, одновременно жестокий и трусливый, ее муж Хан и отвратительный двор. Впереди — огонь, снега и тайна, разгадки которой мы ищем уже много бесплодных лет. На этот раз мы все же разрешим ее — либо умрем. Мы весело ехали навстречу судьбе, какова бы она ни была.

В течение многих часов дорога вилась между возделанных полей: при нашем появлении селяне откладывали орудия труда и, собираясь группами, следили, как мы проезжаем, тогда как женщины в деревнях — необычные это были деревни, с плоскими крышами домов, — хватали своих ребятишек и прятались. Они принимали нас за каких-то важных чиновников, которые явились притеснять и обирать: их ужас свидетельствовал, какому тяжкому угнетению подвергается страна. Пик оставался так же далеко, как и был, но к полудню характер местности изменился: она стала полого подниматься кверху и поэтому была уже непригодна для орошения.

Весь этот большой край зависел от своевременного выпадения дождей, а их этой весной не было вообще. Население здесь было такое же плотное, вся земля, до последней пяди, распахана, но урожай погибал на корню. Горестно было видеть, как зеленые, еще не налившиеся колосья желтеют из-за нехватки влаги, как стада домашних животных тщетно рыщут в поисках корма, а бедные селяне пытаются разбить мотыгой железную почву или бродят кругом в полном отчаянии.

Местные жители догадывались, что мы те самые чужеземцы, о которых они слышали; отчаяние придавало им смелости, и, когда мы проезжали мимо, они громко требовали, чтобы мы вернули им похищенный дождь — так, во всяком случае, мы поняли их крики. Женщины и дети простирались перед нами ниц и, показывая сперва на Гору, а затем на пламенное голубое небо, также молили, чтобы мы послали им дождь. Однажды нам хотела преградить путь угрожающая толпа крестьян, пришлось пустить лошадей галопом и прорваться через этот заслон. Постепенно местность становилась все пустыннее и бесплоднее, попадались лишь отдельные пастухи, которые перегоняли скот с одного выжженного пастбища на другое.

К вечеру мы уже достигли пограничной полосы, которая явно подвергалась набегам горных племен: здесь были возведены прочные каменные башни, которые, несомненно, использовались как сторожевые вышки или для укрытия. Не знаю, охранялись ли они, думаю, что навряд ли, ибо мы не видели ни одного воина. Вероятнее всего, эти укрепления

сохранились еще с тех времен, когда страну Калун защищали от нападений отнюдь не такие слабодушные правители, как нынешний Хан и его непосредственные предшественники.

Наконец позади и сторожевые башни; к вечеру мы очутились на широкой необитаемой равнине, где не было видно ни одного живого существа. Мы решили дать отдых нашим коням, с тем чтобы продолжить путь с восходом луны: за спиной у нас была разгневанная Ханья, и медлить было нельзя. К этому часу она уже, несомненно, обнаружила наш побег, ведь до захода солнца Лео должен был сделать свой выбор и дать окончательный ответ. Мы были уверены, что действовать она будет быстро. Возможно, ее гонцы уже развезли по всей стране повеление схватить нас, и преследование в полном разгаре.

Мы расседлали коней, чтобы они могли передохнуть, покататься по песку и поесть, выдирая грубые пучки чахлой травы поблизости. Воды тут не было, но не более чем за час до этого и они и мы попили из небольшого грязного озерца, что встретилось нам на пути. Сильно нуждаясь в подкреплении после бессонной ночи и продолжительной скачки, мы доедали остатки наших съестных припасов, когда моя стреноженная лошадь снова легла, чтобы покататься. Со связанными передними ногами это было не так легко; я лениво наблюдал за ее усилиями, наконец, уже с четвертой попытки, она опрокинулась на спину, задрав высоко ноги, и перекатилась в мою сторону.

— Почему у нее красные копыта? Это — кровь? — равнодушно спросил Лео.

Только сейчас я впервые заметил этот красный цвет, особенно в стрелках копыт. Я встал и посмотрел внимательнее, полагая, что это, может быть, игра вечернего света или же остатки красноватой глины, по которой мы проезжали. Копыта действительно были красны, как будто пропитались насквозь красной краской. И от них шел резкий неприятный запах, как если бы кровь смешали с мускусом и пряностями.

— Очень странно, — сказал я. — Осмотрим ноги твоей лошади. Ее копыта тоже были в красной жидкости.

— Может быть, это какой-то особый состав для сохранения копыт? — предположил Лео.

Я задумался; у меня мелькнула ужасная догадка.

— Не хочу тебя пугать, — сказал я, — но я думаю, что нам надо садиться на коней и скакать дальше.

— Почему? — спросил он.

— Я думаю, тут приложил руки этот негодяй Хан.

— Но с какой целью? Чтобы они охромели?

— Нет, Лео, чтобы они оставляли сильно пахнущий след на сухой земле.

Он побледнел.

— Ты так думаешь? Для псов?

Я кивнул. Не теряя времени, мы с лихорадочной поспешностью принялись седлать коней. Я уже затягивал последнюю подпругу, когда вдруг услышал дальний звук.

— Послушай, — сказал я.

Звук донесся снова; сомнений не оставалось: это был лай собак.

— Дьявольщина! — выругался Лео. — Псы-палачи!

— Да, — ответил я спокойным голосом: в эту критическую минуту мои нервы сделались как сталь; я не испытывал ни малейшего страха, — наш друг Хан выехал на охоту. Вот почему он так заливался смехом.

— Что же нам делать? — спросил Лео. — Спешиться?

Я посмотрел на Гору. До ее ближайших склонов оставалось много миль.

— Еще успеется, — сказал я, — пешком нам не добраться до Горы, а найдя наших лошадей, они смогут догнать нас по следу, если мы не окажемся в пределах прямой видимости. Нет! Скачи во весь опор! Как никогда в жизни!

Мы вспрыгнули в седла, но прежде чем натянуть поводья, я оглянулся и посмотрел назад. Все это время мы ехали по плавно поднимающейся равнине, которая в нижней своей части, в трех милях от нас, заканчивалась холмистым гребнем. Солнце уже опустилось за этот гребень, и вся равнина тонула в тени. На самой равнине ничего не было видно, но всякий, кто взобрался бы на гребень, в этом прозрачном воздухе был бы далеко заметен, во всяком случае, людям с зорким взглядом.

И вот что мы увидели. Через гребень как раз переваливали небольшие на таком расстоянии, быстро движущиеся пятна; за ними ехал человек на коне; на поводу за ним скакал второй, запасной конь.

— Вся свора в сборе, — мрачно произнес Лео. — Рассен прихватил с собой и запасного жеребца. Теперь я понимаю, почему он не хотел, чтобы мы взяли с собой копыя, и я думаю, — крикнул он, когда мы перешли на галоп, — что предсказание Шамана вполне может еще сбыться.

Тьма уже сгущалась, мы направлялись к Горе. На скаку я рассчитывал наши шансы. Кони у нас — из лучших в этой стране, они все еще крепки и свежи; до сих пор мы щадили их, и они в отличном состоянии. Но и псы-палачи, вероятно, не слишком устали: Рассен, видимо, рассчитывал

захватить нас врасплох, когда мы будем спать, и не торопил псов, узнавая у селян, какой дорогой мы едем, и пустил их по следу уже за последней деревней, которую мы миновали.

К тому же у него двое лошадей, не исключена возможность, что за ним следует отряд воинов, тоже с запасными лошадьми. Впоследствии, однако, выяснилось, что он хотел отомстить нам один и чтобы никто об этом не знал. Отсюда неизбежно вытекало, что, если мы не достигнем склонов Горы, где будем уже в безопасности, а до них оставалось еще много миль, нам от него не уйти. Можно было лишь надеяться, что собаки выбьются из сил раньше нас и прекратят погоню.

Впрочем, рассчитывать на это не стоило: псы были необыкновенно сильны и бегали очень быстро; если эти свирепые твари почуяли кровь, которой, без сомнения, обмазаны копыта коней, они скорее падут бездыханные, чем остановятся. И Хания, и Симбри часто рассказывали нам об их нраве. Так же маловероятно было, что они потеряют след; слишком резкий запах оставляли копыта наших коней. Даже наши английские охотничьи собаки могут часами преследовать убегающую добычу; а здесь использовался хитроумный состав с запахом, который может держаться не один день. И последний шанс. Если нам все же придется спешиться, нельзя ли найти на этой широкой равнине место, где мы могли бы спрятаться. Если мы где-нибудь не укроемся, псы будут и видеть и чуют нас, и тогда...

Казалось все против нас, но так бывало уже не однажды; мы на три мили впереди, и, возможно, с Горы еще подоспеет какая-нибудь непредвиденная помощь. Стиснув зубы, мы стрелой помчались вперед, стараясь проскакать засветло как можно большее расстояние.

Однако очень скоро стемнело, а луна еще скрывалась за горами.

Псы постепенно нагоняли нас, потому что тьма никак не затрудняла их бег, тогда как мы не смели скакать во весь опор, боясь, что наши кони могут споткнуться, повредить себе ногу, а то и упасть. И вот тогда, во второй раз с тех пор, как мы находились в стране Калун, над вершиной Горы вспыхнул огонь. В первый раз, сосредоточиваясь в каменной петле, он прорезал небо огромным снопом лучей, наподобие света маяка; на этот раз он пронзил небо, словно огненное копье. Но сейчас, когда мы были ближе к его источнику, нас обволакивало таинственное мягкое свечение, похожее на фосфоресцирование летнего моря. Это свечение, вероятно, отражалось от облаков и массивной крыши каменной петли и рассеивалось среди снегов внизу.

Неяркое сияние оказалось для нас спасительным; если бы не оно, псы наверняка настигли бы нас, потому что земля здесь была очень неровная и

вся в сурочьих норах. Так в самое опасное для нас время подоспела помощь с Горы; но как только взошла луна, вулканический огонь померк так же быстро, как и возник, оставив после себя лишь обычный столб красноватого дыма.

Общепринято сравнивать лай охотящихся псов с музыкой; но я всегда задумывался над тем, как эта музыка звучит в ушах оленя или лисицы, старающихся спастись бегством от смерти. И вот я сам оказался в роли преследуемой дичи; смею вас заверить, что ни один зверь не обладает таким отвратительным голосом, как собака. Лай был уже недалеко, и в унылом безмолвии ночи эта адская какофония звучала особенно устрашающе. И все же я мог различить в общем хоре лай отдельных псов, особенно одного из них — звонкий и залиvistый.

Я вспомнил, что слышал именно этот лай в ту ночь, когда мы плыли по реке в лодке и увидели расправу над вельможей, повинным в столь тяжком преступлении, как любовь к Хании. Когда псы пробегали тогда мимо нас, я заметил, что лает вожак, огромный рыжий зверь с угольно-черным ухом, клыками, сверкающими точно слоновою костью, и с похожей на пылающий очаг пастью. Я даже знал кличку вожака: впоследствии, с особенной радостью, мне назвал ее Хан. Его звали Хозяином, потому что ни одна собака в своре не осмеливалась драться с ним, и, как сказал Хан, этот пес может в одиночку одолеть вооруженного человека.

Судя по лаю, Хозяин был менее чем в полумиле от нас.

При лунном свете мы могли скакать быстрее, к тому же земля здесь была ровная, покрытая тонким слоем сухого дерна; и за два последующих часа мы смогли оторваться от своры. Да, всего два часа, может быть и меньше, но показались они нам целой вечностью. Подножие Горы было не более чем в десяти милях от нас, но наши лошади уже выдыхались. До сих пор бедные животные проявляли чудеса выносливости, ведь и Лео и я — тяжелые седоки, но и их сила имела свои пределы. Они были все в мыле, дышали тяжело и прерывисто, их бока вздымались, точно кузнечные мехи, и они уже не отзывались на уколы копьем. Они перешли с галопа на тряскую рысь, видно было, что долго им не выдержать.

Мы перевалили через небольшой холм, откуда начинался плавный спуск к находившейся еще в нескольких милях реке, окаймляющей огромное основание Горы: кое-где здесь были разбросаны кусты и скалы. Вскоре нам пришлось повернуть, чтобы проехать между двумя нагромождениями скал. Поворачивая, мы увидели свору в трехстах ярдах от нас. Их было уже гораздо меньше, многие, вероятно, отстали в пути. Позади ехал Хан, но запасного жеребца у него уже не было, или, может

быть, на нем-то он и ехал, пересев с загнанного.

Увидели их наши бедные лошади, и страх придавал им крылья, они поняли, что речь идет о спасении их жизни. Когда лай приближался, они начинали дрожать, но не так, как дрожат лошади в приятном возбуждении охоты, а в непередаваемом ужасе, какой они испытывают, когда рядом с лагерем слышится рев рыщущего тигра. Они понеслись вперед так, будто только что выехали из конюшни, и проскакали еще четыре мили; река была уже совсем близко, мы даже слышали плескивание ее вод.

И тут свора стала уверенно нас нагонять. Мы проехали через кустарник и были уже в двухстах ярдах от него, когда, чувствуя, что кони уже полностью выдохлись, я крикнул Лео:

— Вернемся назад и спрячемся в кустах.

Так мы и сделали, и едва мы успели соскочить с коней, как псы промчались мимо. Они были в пятидесяти ярдах от нас, проделывая ту же петлю, что и мы; ни один из них не лаял, они были слишком измучены и берегли свои последние силы.

— Побежали, — сказал я Лео, — сейчас они вернутся. — И мы бросились направо от направления их бега, так чтобы не пересечь собственные следы.

В ста ярдах от нас была скала, которую нам посчастливилось достичь, прежде чем псы повернули обратно, поэтому они нас не заметили. Здесь мы подождали, пока псы не вернутся и не скроются за кустарником. Тогда мы изо всех сил кинулись бежать вперед. Обернувшись, я увидел, как два обреченных животных скачут по равнине, к счастью для нас, почти в том же направлении, в каком мы съезжали с вершины холма. Их силы были на исходе, но, освобождаясь от тяжелых седоков, подхлестываемые диким страхом, они все еще могли скакать, опережая псов, но мы знали, что долго это не продлится. Я также увидел, что Хан, догадавшись о хитрости, к которой мы прибегли в минуту отчаяния, пытался отозвать псов, но бесполезно; они продолжали преследовать добычу, которая была у них перед глазами.

Вся эта картина хорошо запечатлелась в моей памяти, хотя у меня и не было времени на рассматривание. Могучая, облаченная в снежный покров вершина, увенчанная столбом мерцающего дыма и отбрасывающая свою тень далеко через пустыни; равнина с разбросанными по ней отдельными скалами и серыми кустами; обреченные лошади, мчащиеся судорожными прыжками; цепочка преследующих их больших псов; одинокая и маленькая среди этого обширного пространства фигура Хана и его черного скакуна, покрытого хлопьями пены. И в нежно-голубом небе — полная луна,

высвечивающая своим спокойным, ровным сиянием все вокруг, вплоть до мельчайших подробностей.

Но я уже был не юношей и даже не мужчиной средних лет, и, хотя для своего возраста я был все еще очень силен, я уже не мог бежать с прежней быстротой. К тому же я очень устал, ноги у меня одеревенели и были в потертостях от долгой езды, поэтому передвигался я медленно; ко всему еще я поранил левую ногу о камень. Я умолял Лео оставить меня и побежать вперед, ибо мы думали, что, как только мы достигнем реки, наш след затеряется; во всяком случае, был еще шанс спастись. Как раз в этот миг я услышал звонкий лай Хозяина. Он приближался. Хан сделал решительную ставку и последовал за нами. Конец был неотвратим.

— Беги, беги! — закричал я. — Я могу задержать их на несколько минут, этого тебе хватит. Ведь это твои поиски, не мои. Айша ожидает тебя, а не меня, а мне уже опостылела жизнь. Я хочу умереть и покончить со всем этим.

Я прокричал все это не сразу, а разрозненными словами, держась за руку Лео. Но он только тихо ответил:

— Тише! А то они услышат, — и продолжал бежать, волоча меня за собой.

Мы были уже совсем близко от воды, даже видели, как она посверкивает под нами; о Боже, как мне хотелось пить: всего один глоток, один долгий глоток, ни о чем другом я даже не мог думать. Но и псы были совсем рядом, мы уже слышали стук их лап по сухой земле и звон копыт скачущего коня. Мы достигли уже прибрежных скал, когда Лео вдруг воскликнул:

— Нет, нам не добраться до реки. Остановись. Что будет, то будет. Здесь мы будем стоять до конца.

Мы повернулись и уперлись спиной в скалу. Псы-палачи были в ста ярдах от нас, но, хвала Небесам, их осталось всего три. Остальные кинулись за убегающими лошадьми и, конечно, уже настигли их, возможно достаточно далеко, и теперь пируют. Стало быть, они не будут участвовать в схватке. Только три — и Хан, в диком азарте скачущий вслед за ними; но среди этих трех — рыжий, черноухий Хозяин и еще два, почти таких же свирепых и огромных.

— Могло быть и хуже, — сказал Лео. — Если ты займешься собаками, я возьму на себя Хана. — И, нагнувшись, он натер песком потные ладони; я последовал его примеру. Мы взяли копыта в правую руку, ножи — в левую и стали ждать.

Завидев нас, псы с рычанием и ужасным лаем дружно устремились в

нашу сторону. Без стыда признаюсь, что у меня оборвалось сердце, ибо псы были такими же огромными, как львы, и еще более свирепыми. Один из них — тот, что поменьше, — обогнул других и бросился на меня, намереваясь вцепиться прямо в горло.

Сам не знаю, как это случилось, но, повинуюсь внезапному импульсу, я прыгнул ему навстречу, так что вся его тяжесть пришлась на острие моего копья, которое подпиралось всей моей тяжестью. Копье вонзилось ему в грудь, между передних лап, и таким сильным было столкновение, что меня опрокинуло. Когда я вскочил на ноги, то увидел, что пес катается по земле, пытаясь перегрызть клыками копье, которое вырвал из моей руки.

Два других набросились на Лео, но промахнулись, хотя один из них и выдрал большой лоскут из его куртки. Лео сгоряча метнул в него свое копье, но оно прошло ниже брюха и вонзилось глубоко в землю. Однако они не повторили нападения. Вероятно, их остановило зрелище агонизирующего пса. Они стояли, рыча, на небольшом расстоянии, а мы, лишившись своих копий, не могли их достать.

Тут подоспел Хан на своем коне; он яростно сверкал глазами; казалось, это был сам дьявол. Я надеялся, что он не решится напасть, но как только увидел его глаза, понял, что ошибаюсь. Он был безумен от ненависти, ревности, долгого охотничьего возбуждения и полон решимости убить — или быть убитым. Соскользнув с седла, он выхватил свой короткий меч, ибо то ли потерял копье, то ли вообще его не взял, — и свистнул собакам, показывая на меня мечом. Они прыгнули, а он ринулся на Лео, и кто сможет описать точно то, что случилось после этого?

Мой нож вонзился по рукоять в тело одного пса, и он повалился наземь, у него были парализованы задние конечности — тем не менее он продолжал рычать, скалиться и пытался меня укусить. Но другой — демон по кличке Хозяин — схватил меня за правую руку под локтем, и я почувствовал, как хрустнули мои кости в его мощных челюстях; боль была так сильна, что я выронил нож. Зверь оттащил меня от скалы и стал терзать мое предплечье, хотя и я изо всех сил лягал его в брюхо. Я упал на колени, и тут мне подвернулся камень величиной с большой апельсин. Я встал на ноги и принялся молотить его этим камнем по голове, но он не ослаблял хватки, что было не так уж и плохо, ибо, отпустив меня, он тотчас же вцепился бы мне в горло.

Мы крутились, метались, человек и зверь вместе. Однажды мне показалось, будто Лео и Хан, сцепившись, катаются по земле, в другой раз — будто Хан сидит на камне и смотрит на меня, и я подумал, что он убил Лео, а теперь наблюдает, как пес приканчивает меня.

Я уже терял сознание, когда вдруг кто-то поднял огромного пса на воздух. Его челюсти разжались, моя рука высвободилась и повисла, как плеть. Да, пес висел в воздухе. Лео держал его за задние лапы и изо всех своих могучих сил раскручивал и раскручивал.

И вдруг голова пса с глухим стуком ударилась о скалу, он упал и лежал бесформенной массой, рыжий, с черными пятнами.

Как ни странно, я сохранил сознание: от беспамятства меня спасли, вероятно, боль и сильное нервное напряжение. Я услышал, как Лео, с трудом переводя дыхание, сказал будничным тоном:

— Ну что ж, все кончено, и я осуществил пророчество Шамана. На всякий случай надо удостовериться.

Он подвел меня к одной из скал, и там, опираясь о нее спиной, сидел Хан, еще живой, но не способный пошевелить ни руками, ни ногами.

— Вы смелые люди, — медленно произнес он. — И очень сильные: убили моих псов и сломали мне хребет. Стало быть, предсказание старой Крысы все же сбылось. Ведь я охотился на Атене, а не на вас, но она осталась в живых, чтобы отомстить если и не за меня, то за себя самое. А она охотится за тобой, Желтая Борода, и ее псы — псы ее отвергнутой страсти, куда опаснее моих. Прости меня и беги на Гору, Желтая Борода; туда же попаду и я, еще раньше тебя, ибо там обитает владычица более могущественная, чем Атене.

Челюсть у него отпала, он умер.

Глава XII. Посланица

— Умер, — сказал я, тяжело дыша. — Сдается мне, мир потерял немного.

— Но ведь мир и дал ему немного, не будем говорить плохо об этом бедолаге, — произнес Лео, в изнеможении бросившись наземь. — Возможно, он был вполне приличным человеком, до того как они опоили его зельем, которое лишило его рассудка. Как бы там ни было, смелости ему не занимать, и я не хотел бы еще раз иметь дело с таким смельчаком.

— Как ты сумел с ним справиться? — спросил я.

— Увернулся от его меча, схватил его и швырнул на каменную глыбу. Превосходство в физической силе, ничего больше. Схватка шла не на жизнь, а на смерть. Хорошо еще, что я успел помочь тебе — не то бы этот зверь разодрал тебе горло своими острыми клыками. Видывал ли ты когда-нибудь такого пса? С молодого осла? Как ты себя чувствуешь, Хорейс?

— Он изгрыз мне предплечье, но это, кажется, и все. Давай спустимся к реке. Я просто умираю, хочу пить. А ведь вся остальная свора где-то здесь, их не меньше пятидесяти.

— Не думаю, чтобы они стали нас разыскивать. Они сейчас пируют: жрут наших бедных лошадей. Обожди минуту, сейчас я вернусь.

Он поднялся, подобрал меч Хана, прекрасное древнее оружие, и одним ударом зарубил второго, раненного мной пса, который продолжал выть и рычать на нас. Затем он поднял оба копыта и мой нож, сказав, что они могут еще нам понадобиться, без особого труда поймал коня Хана, — тот стоял с опущенной мордой, такой измученный, что даже эта отчаянная схватка не отпугнула его.

— Ну а теперь, — сказал он, — садись, старина. Пешком ты недалеко уйдешь. — И он помог мне взобраться в седло.

Намотав повод на руку, Лео повел коня, который с трудом передвигал ногами, к реке; река находилась всего в четверти мили от нас, но я испытывал такую сильную боль и так устал, что это расстояние показалось мне невероятно большим.

Все же мы добрались до реки, и, забыв на короткий миг о своей ране, я кое-как слез с коня, бросился наземь и пил, пил, выпив, вероятно, больше, чем когда-либо в своей жизни. За всю свою жизнь я не пил ничего более вкусного, чем эта вода. Утолив жажду, я окунул голову, а затем, подвинувшись, раненую руку, ибо прохлада, казалось, утишала боль.

Наконец поднялся и Лео; по всему его лицу и бороде струилась вода.

— Что нам делать? — спросил он. — Река широкая, около ста ярдов, но неглубокая, хотя в самой середине могут быть и ямы. Попробуем ли мы перейти через нее с риском утонуть либо останемся здесь до рассвета с риском подвергнуться нападению псов-палачей?

— Я не могу сделать и шагу, — тихо прошептал я. — Куда уж мне переправляться через незнакомую реку.

В тридцати ярдах от берега лежал остров, заросший тростником и травой.

— Может быть, добраться хоть туда, — сказал он. — Залезай ко мне на спину, попробуем.

Я с трудом забрался к нему на спину, и он побрел к острову, прощупывая дно древком своего копья. Река в этом месте была мелкая, не выше его колен, и мы без особых затруднений достигли острова. Лео уложил меня на мягкий тростник и, вернувшись на берег, привел черного коня и принес остающееся оружие; расседлав коня, он стреножил его и отпустил, и тот сразу же улегся, ибо был слишком утомлен, чтобы пощипать травы.

Затем Лео принялся за мои раны. Мне сильно повезло, что на мне была плотная одежда, даже через рукав пес разодрал все мое предплечье и, кажется, сломал кость. Лео взял две пригоршни мягкого влажного моха, вымыл мою руку, перевязал ее носовым платком, а сверху наложил мох. Затем вторым платком и несколькими полосками полотна, оторванного от нижнего белья, привязал к моей раненой руке две расщепленные тростинки вместо шин. И я то ли уснул, то ли потерял сознание. Во всяком случае, ничего больше не помню.

В ту ночь Лео приснился странный сон, о котором он рассказал мне на следующее утро. Вероятно, я все же спал, ибо ничего не видел и не сознавал. Лео приснилось, — по возможности я пользуюсь его собственными словами, — что он снова услышал лай этих проклятых псов. Они подошли по нашему следу прямо к берегу реки — вся свора, которая загнала наших коней. У самой воды они остановились и перестали лаять. Один из них учуял наш запах, донесенный порывом ветра, и громко гавкнул. Остальные сгрудились вокруг него, и все вместе бросились в воду.

Лео все видел и слышал. Он понимал, что мы обречены на растерзание, но, скованный по рукам и ногам кошмарным сном, если это был сон, не мог даже разбудить и предостеречь меня.

А дальше произошло чудо, громко лая, полувплавь, псы приближались к нашему острову. И вдруг Лео увидел, что мы не одни. Перед нами, у

самой воды, стояла женщина в темной одежде. Он не мог описать ни ее лица, ни облика, ибо она стояла к нему спиной. Он только знал, что она там: стоит, словно охраняя нас, держа в поднятой руке какой-то предмет; и вдруг псы увидели ее. Они были как будто парализованы страхом, их яростный лай сменился испуганным визгом. Несколько из них, что поближе, упали, их унесло течением. Остальные вернулись на берег и со всех ног, как побитые щенки, пустились наутек.

А затем величественная темная фигура — Лео подумал, что это Дух Горы, ее охранительница, — исчезла. Утром мы попробовали найти следы, но никаких следов не было.

Когда, пробужденный острой болью в руке, я открыл глаза, уже светало. Над рекой и островом висел редкий туман; рядом со мной крепко спал Лео, тут же пасся и черный конь. Я лежал неподвижно, вспоминая все, что нам пришлось вынести. И удивляясь, что остался в живых, как вдруг, к своему ужасу, услышал голоса, более громкие, чем плеск воды. Я приподнялся, раздвинул тростник и увидел на берегу двоих всадников — мужчину и женщину; в тумане они казались неестественно большими.

Всадники рассматривали следы на песке. Мужчина сказал, что собаки, вероятно, не посмели вторгнуться на территорию Горы; когда Лео рассказал мне о своем сне, я еще раз вспомнил эти слова. И тут я осознал всю опасность нашего положения.

— Проснись, — шепнул я Лео, — проснись, за нами погоня.

Он вскочил, протирая глаза, и схватил копье. Всадники заметили его, сквозь туман до нас донесся приятный женский голос:

— Положи оружие, мой гость; мы не причиним тебе никакого вреда. Голос принадлежал Хании Атене; возле нее был старый Шаман.

— Что же нам делать, Хорейс? — простонал Лео: на всем белом свете не сыскалось бы двух людей, которых он так не хотел бы видеть.

— Ничего, — ответил я. — Пусть делают ход первыми.

— Идите сюда, — прокричала Хания. — Клянусь, мы не причиним вам никакого вреда. Ведь мы одни.

— Не знаю, — ответил Лео. — Весьма сомневаюсь. Во всяком случае, мы останемся там, где мы есть, пока не сможем продолжать путь.

Атене заговорила с Симбри. Но так тихо, что мы ничего не слышали: она, очевидно, пыталась его убедить сделать нечто такое, против чего он решительно возражал. Затем они оба вместе въехали в воду и направились к острову. Достигнув острова, они спешили, и мы все стояли, не сводя глаз с друг друга. Старик был явно очень утомлен и в подавленном

состоянии духа, но Хания была так же неустомима и прекрасна, как всегда; ни страсть, ни усталость не оставили никаких следов на ее непроницаемом лице. Наконец она нарушила общее безмолвие:

— Вы мчались быстро и успели уехать далеко, мои гости, после нашей последней встречи, да еще и оставили недобрый знак на своем пути. Там среди скал лежит мертвец. На нем — никаких ран. Кто же его убил?

— Я, — сказал Лео, широко разводя руками.

— Я знала это, — ответила она, — и не виню тебя, ибо ему было предначертано умереть, воля судьбы исполнилась. Но есть люди, перед которыми ты должен ответить за пролитую кровь, и только я могу защитить тебя от них.

— Или предать в их руки, — ответил Лео. — Чего ты хочешь, Хания?

— Ответа, который ты должен был дать двенадцать часов назад. Но помни, прежде чем ответить: только я могу спасти тебе жизнь, и не только спасти, но и увенчать тебя короной, что носил этот безумец, облачить тебя в его мантию.

— Ты получишь ответ на Горе, — сказал Лео, указывая на вершину, — там же, где я должен получить свой.

Она побледнела и сказала:

— Смерть — вот тот ответ, который ты получишь, ибо я уже говорила тебе, что Гора охраняется горцами, которые никого не щадят.

— Ну что ж, смерть так смерть, — это тоже ответ. Пошли, Хорейс, навстречу своей смерти.

— Клянусь тебе, — перебила она, — там нет женщины твоих снов. Это женщина — я, да, я, — точно так же, как ты мужчина моих снов.

— Докажи это там, на Горе, — сказал Лео.

— Там нет никакой женщины, — продолжала убеждать Атене, — там нет ничего. Это обиталище Огня — и Голоса.

— Какого голоса?

— Голоса Оракула, вещающего из пламени, Голоса Духа, которого никогда еще не видел и не увидит ни один человек.

— Пошли Хорейс, — сказал Лео и направился к коню.

— Послушайте, — вмешался старый Шаман, — к чему торопиться навстречу смерти? Я уже бывал однажды в этом заколдованном месте, ибо это я, согласно обычаю, провожал туда тело покойного отца Атене для погребения; и я вас предупреждаю, чтобы вы не вступали в храм.

— Твоя госпожа уверена, что мы никогда его не достигнем, — съязвил я, но Лео только сказал:

— Спасибо за предупреждение, — и добавил: — Хорейс, наблюдай за

ними, пока я буду седлать коня, кто знает, что у них на уме.

Я взял копье в здоровую руку и приготовился. Но они не выказали никаких враждебных намерений, отъехали немного назад и стали переговариваться возбужденным шепотом. Мне было ясно, что они в большом смятении. Через несколько минут конь был оседлан, и Лео помог мне взобраться на него. Затем он сказал:

— Мы направляемся навстречу нашей судьбе, какова бы она ни была, но прежде чем проститься, Ханя, я хочу поблагодарить тебя за твою доброту; пожалуйста, води себя разумно и забудь о нашем существовании. Против своего желания я был вынужден убить твоего мужа, на руках у меня — его кровь, уже одно это навсегда разделило нас. Между нами стена смерти и судьбы. Возвращайся к своему народу и прости меня, если помимо своей воли я внес в твою жизнь сомнения и горе. Прощай.

Она слушала, склонив голову, затем горестно сказала:

— Спасибо тебе за добрые слова, Лео Винси, но мы не можем расстаться так легко. Ты позвал меня на Гору, и я последую туда за тобой. Да, и там я встречу с ее Духом, я всегда знала, что эта встреча предопределена; и Шаман знал. Я пушу в ход свою силу против ее силы и мое волшебство — против ее. А победительнице достанется та корона, за которую мы сражались веками.

Атене вскочила в седло и, повернув коня, поехала к берегу. За ней, с выражением горя и страха, воздев к небу крючковатые руки, последовал и Шаман.

— Ты въехала в заповедную реку, Атене, — бормотал он, — отныне — и для нас, и для нее — грядет решающее время, время разрушений и войны.

— Что они имеют в виду? — спросил у меня Лео.

— Не знаю, — ответил я, — но не сомневаюсь, что мы это скоро узнаем и нас не ждет ничего хорошего. А теперь — в реку!

Переправились мы с большим трудом, и я не раз думал, что для нас тоже настало решающее время — время гибели в реке: быстрина едва не сбила нас с ног. Лео, ведя моего коня на поводу, тщательно прощупывал дно копьем, и в конце концов мы благополучно достигли противоположного берега.

Там простиралась полоса болот, которые, несомненно, переполнялись во время паводков, но сейчас были сухи. Через них мы и двинулись вперед, опасаясь, что Ханя отправилась за своим эскортом, который, может быть, ждал ее за холмом, и вскоре вернется, чтобы догнать и схватить нас. Тогда мы еще не знали того, что узнали впоследствии: начиная с пограничной

реки, Гора считалась священной, и ни один житель Равнины не смел перейти через нее. И хотя подданные Калуна в нескольких войнах вторгались в запретную территорию, они неизменно терпели поражение или же на них обрушивалось ужасное бедствие. Ничего удивительного, что в конце концов они уверились, что Дом Огня находится под покровительством некоего непобедимого Духа.

Перейдя через болото, мы достигли пустынной, полого поднимающейся равнины, которая тянулась к самому подножию Горы в трех — четырех милях от нас. Каждый миг мы ожидали нападения дикарей, о которых так много наслышались, но кругом не было видно ни одной живой души. Вокруг нас — только пустыня с многочисленными выходами базальта. Больше я ничего не помню; боль в моей руке была так нестерпима, что не позволяла запоминать подробности. Далее начиналась широкая, лишенная какой бы то ни было растительности донга; ее дно было покрыто базальтом и осколками скал, принесенными дождями или тающими снегами. Донга упиралась вдали в утес, футов в тридцать высотой, без каких бы то ни было расщелин.

И все же мы пошли по этой темной, каменистой донге, затопленной густым мраком, — и вдруг заметили, что ее дно усеяно какими-то белыми предметами. Подойдя ближе, мы рассмотрели скелеты людей. Здесь была настоящая Долина Костей, тысячи и тысячи скелетов, гигантское кладбище. Невольно зарождалась мысль, будто некогда здесь погибло огромное войско.

Впоследствии мы узнали, что так оно и было: когда в одну из войн обитатели Калуна решили напасть на горные племена, они были застигнуты врасплох и уничтожены в этом ущелье, а их кости остались как свидетельство и предупреждение. Среди этих мрачных скелетов мы и блуждали в отчаянии, не зная, как перебраться через утес, пока наконец не остановились. Вот тогда и случилось первое странное происшествие.

Мы оба молчали; само ущелье и эти бранные останки нагоняли на нас тоску, а если честно признаться, то и страх. Даже конь, казалось, был напуган, дрожал и, низко опустив морду, похрапывал. Совсем рядом снами лежала груда костей, очевидно останки тех несчастных, кого — мертвыми или живыми — сбрасывали с утеса; и на этой груде лежало что-то похожее на скелет.

— Если мы не сможем выбраться отсюда, мы пополним число обитателей этого кладбища, — сказал я, оглядываясь.

И в этот миг краешком глаза я увидел, что нечто белое, лежавшее на груде костей вдруг зашевелилось. Я присмотрелся. Да, так. Перед нами

поднялась человеческая фигура, очевидно женская, закутанная с головы до ног в белое и с капюшоном или маской на лице. Она направилась к нам: конь трубно заржал и едва не сбросил меня. На расстоянии десяти шагов фигура остановилась и поманила нас запеленатой, как у мумии, рукой.

— Кто ты такая, черт побери! — закричал Лео, и его голос загрохотал мрачным эхом среди этих обнаженных скал. Таинственное существо, ничего не отвечая, продолжало манить нас рукой.

Лео подошел ближе, чтобы убедиться, что мы не жертвы галлюцинации. Существо взобралось на груды костей и стояло там, как приведение, внезапно явившееся среди этих ухмыляющихся смертных останков, или, вернее, как труп в пеленах.

Лео хотел было притронуться к существу, чтобы убедиться в его реальности, но оно подняло запеленатую руку и слегка ударило его в грудь. Его как будто отбросило. Существо показало рукой сперва вверх — то ли на вершину, то ли на небо, — затем на каменную стену перед нами.

Лео вернулся ко мне и спросил:

— Что нам делать?

— Следовать за ней, — сказал я. — Возможно, это посланница свыше. — И я показал на вершину Горы.

— Скорее это посланница снизу, — пробормотал Лео. — Что-то наша проводница не внушает мне доверия.

Все же он махнул рукой, чтобы существо шло дальше. Очевидно, оно поняло, потому что повернуло налево и быстро и бесшумно пошло между камней и скелетов. Через несколько сот ярдов мы достигли неглубокой расселины в скале. Эту расселину мы уже видели, она показалась нам глубиной футов в тридцать, и мы прошли мимо. Существо вошло в нее и скрылось.

— Должно быть, тень, — с сомнением сказал Лео.

— Вздор, — ответил я, — тень не может ударить в грудь. Пошли.

Он довел коня до расселины; оказалось, что в самом ее конце есть крутой поворот направо, там и стоит, ожидая нас, наша проводница. Она направилась вперед, следом за ней и мы по небольшой горловине, которая становилась все темнее, пока не закончилась то ли пещерой, то ли высеченным в скале тоннелем.

Проводница подошла к нам, очевидно, с намерением взять коня за повод, но при ее приближении животное захрапело и поднялось на дыбы, едва не опрокинувшись вместе со мной на спину. Когда оно опустилось на передние ноги, проводница ударила его по голове с тем же странным, нечеловеческим, бесстрашием, с каким она ударила Лео; конь задрожал,

весь покрылся мылом и больше не пытался сопротивляться или убежать. Проводница взяла один повод запеленатой рукой, Лео взял другой, и мы углубились в тоннель.

Положение наше было не из самых приятных, ибо мы не знали, куда ведет нас эта ужасная фигура, и подозревали, что нам уготована смерть в темноте. К тому же я догадывался, что тропа узкая и проходит по самому краю пропасти, ибо я слышал, как падают на дно камешки, глубина, очевидно, была значительная, а наш бедный конь очень осторожно переставлял ноги и храпел в отчаянном страхе. Наконец мы увидели дневной свет, и никогда еще я не был так рад видеть его, хотя это и доказывало, что справа и впрямь находится пропасть и что тропа, по которой мы идем, не шире десяти футов.

Мы вышли из тоннеля, сократив, очевидно, дорогу на немалое расстояние, и впервые оказались на нижнем склоне Горы; склон уходил вверх на много миль, вплоть до кромки снегов. И здесь мы тоже увидели признаки человеческой жизни: кругом были обработанные клочки земли, паслись стада горных овец и крупного рогатого скота.

Вскоре мы углубились в лощину и пошли неровной тропой вдоль берега бушующего потока. Лощина была пустынная, в полмили или более шириной, по ее склонам были разбросаны валуны самой причудливой формы. Не успели мы пройти и мили, как послышался пронзительный свист: из-за валунов выскочило человек пятьдесят. Все они были дюжие, дикого вида молодцы, по большей части рыжеволосые и рыжебородые, хотя и довольно смуглого цвета кожи, в накидках из белого козьего меха, с копьями и щитами. Такими, вероятно, представлялись древние пикты и скотты глазам атакующих римлян. Они мчались вперед с громкими криками и свистом с явным намерением прикончить нас на месте.

— Ну что ж, надо опять приниматься за дело, — сказал Лео, обнажая свой меч; бежать было невозможно; они уже окружили нас со всех сторон. — Прощай, Хорейс.

— Прощай, — ответил я довольно слабым голосом, понимая теперь, что имели в виду Ханья и старый Шаман, когда сказали, что нас убьют, прежде чем мы сможем подняться на самый нижний склон.

Наша проводница, кто бы она ни была — призрак или живая женщина, — зашла за большой валун; я подумал, что ее роль в трагедии сыграна и теперь она удалится, предоставив нас нашей судьбе. Но я был к ней несправедлив, ибо она, видимо, для того и явилась, чтобы спасти нас от неминуемой смерти. Когда дикари были уже в нескольких ярдах от нас, она внезапно появилась на верху валуна, настоящая Аэндорская ведьма, — и

протянула руку. Ни слова, только это движение, но эффект был мгновенный и потрясающий.

Все дикари повалились навзничь, как будто пораженные молнией. Она опустила руку и поманила к себе рослого мужчину, видимо главаря всей шайки, он поднялся, наклонив голову, и тихо направился к ней, покорный, как побитая собака. Она что-то объяснила ему жестами, показывая на нас, показывая на далекую вершину, вновь и вновь скрещивая руки, но, насколько я мог слышать, не произнес ни единого слова. Было совершенно ясно, что главарь понял ее, ибо он что-то сказал на своем гортанном языке. Затем он пронзительно засвистел, вся шайка поднялась и тут же рассыпалась во все стороны, так же быстро, как и нагрянула.

Проводница показала, чтобы мы шли дальше, и пошла вверх так спокойно, как будто не произошло ничего особенного.

Мы поднимались более двух часов, пока не вышли из ущелья на травянистый склон. Здесь, к нашему удивлению, мы нашли пылающий костер; над ним висел кипящий глиняный горшок, хотя не было никого, кто присматривал бы за ним. Проводница сделала знак, чтобы я слез с коня, и показала на горшок, приглашая нас отведать еду, которую, несомненно, по ее велению сварили для нас дикие горцы; я повиновался ей с большой радостью. Не забыт был и конь — для него приготовили большую охапку травы.

Пока Лео расседлывал и кормил коня, взяв с собой пустой глиняной кувшин, приготовленный для нас, я отправился к потоку, чтобы напиться и окунуть раненую руку в ледяную воду. Облегчение было большое. По различным симптомам к этому времени я уже уверился, что клыки Хозяина повредили или сломали лишь одну из костей, что было наименьшим для меня злом. Покончив со всем этим, я наполнил кувшин водой.

Когда я возвращался, меня осенила неожиданная мысль, и, подойдя к нашей таинственной проводнице, которая стояла такая же неподвижная, как жена Лота, обращенная в соляной столп, я предложил ей воды, надеясь, что она откроет свое лицо. Тогда-то я впервые заметил в ней некоторые признаки человеческого существа, ибо она слегка поклонилась в знак благодарности. Если и так, — тут я могу ошибаться, — в следующий же миг она повернулась ко мне спиной, отклонив мое предложение. Она не хотела, а может быть, и не могла пить. Не стала она и есть: когда Лео потом решил угостить ее едой, она точно так же отклонила и его предложение.

Между тем он успел уже снять горшок с огня, и, как только его содержимое немного остыло, мы жадно накупились на пищу, ибо просто умирали от голода. Когда мы наелись и напились, Лео как мог перевязал

мне руку, и мы отдохнули. Мы были так утомлены, что стали уже задремывать, когда на нас упала тень, и, подняв глаза, я увидел, что над нами стоит похожая на труп проводница и показывает сперва на солнце, затем на коня, как бы объясняя, что нам предстоит еще долгий путь. Мы оседлали коня и вновь двинулись вперед, немного отдохнувшие и по крайней мере уже не голодные.

До самого конца дня мы продолжали подниматься по травянистым склонам, и нигде ни одной живой души, лишь изредка пронзительный свист выдавал, что за нами следят дикие горцы. К вечеру характер местности изменился, травы здесь уже не было, одни голые скалы и среди них чахлые ели. Предгорье осталось позади, дальше надо было идти по самой Горе.

Солнце зашло, наползли сумерки. Сумерки сгустились в ночную тьму, теперь нам путь освещали звезды и неяркое мерцание дымного столба над вершиной, отраженное мантией вечных снегов. Мы упорно карабкались все выше и выше, следуя по пятам за своей неутомимой проводницей. Она и ранее выглядела таинственным неземным существом, но теперь ее вполне можно было принять за призрак: в своем белом, слегка светящемся кладбищенском одеянии, не говоря ни слова и не оборачиваясь, она бесшумно скользила среди черных скал и скрученных темно-зеленых елей и можжевельников.

Вскоре мы потеряли всякую ориентировку. Поворачивали налево, поворачивали направо, проходили по открытой местности и через тенистые рощи, наконец углубились в ущелье, которое вывело нас к большому амфитеатру, — более удачного слова я не могу подобрать, — высеченному руками природы в скалистой Горе. Это место, очевидно, использовалось для защиты от врагов, ибо тропа, ведущая к амфитеатру, была извилистой и узкой, а в самом конце ее еще обложили камнями, оставив проход лишь для одного человека. С той стороны амфитеатра к скале лепились низкие каменные дома. Перед домами, в разлив лунного света, отдельными группами полукругом стояли несколько сот женщин и мужчин: они, видимо, совершали какой-то обряд.

Сцена разворачивалась дикая. Прямо перед нами в самом центре полукруга, возвышался рыжебородый исполин в набедренной повязке. Уперев руки в бока, он раскачивался взад и вперед, выкрикивая что-то вроде: «Хо, хаха, хо». Когда он наклонялся, наклонялись и все собравшиеся, когда выпрямлялся, его крик «хо» подхватывали с такой силой, что звенели окрестные скалы. И это еще не все: на его косматой голове, выгибая спину и помахивая хвостом, стоял большой белый кот.

Ничего более странного, более фантастического, чем сцена, которая происходила на этой первозданной арене, освещенной яркой луной, мне еще не доводилось видеть. Рыжеволосые, полунагие мужчины и женщины, исполин-жрец, таинственный белый кот, что стоял, запустив когти в его волосы и махая хвостом, и, казалось, тоже был участником ритуала; жуткий возглас, который громко подхватывал хор, — все это производило необыкновенное впечатление. Впечатление тем более сильное, что мы не понимали происходящего, могли только предположить, что готовится какое-то жертвоприношение. Это был сущий кошмар, воспринимаемый нашими обостренными чувствами во всей его безумной, лишенной всякого значения реальности.

Открытое пространство, где дикари вершили свой непонятный обряд, было обнесено грубой каменной стеной около шести футов вышины — в стене виднелась калитка. К ней-то мы и направились, никем не замеченные, ибо по эту сторону стены росло много скрюченных сосен. Здесь, в сосновой роще, в нескольких ярдах правее калитки, наша проводница знаком велела нам остановиться.

Она подошла к стене, там, где стена была ниже, и стала наблюдать за происходящим. Вероятно, она увидела нечто для себя неожиданное и была то ли в недоумении, то ли в гневе. Придя, видимо, к какому-то решению, она жестом велела нам остаться там, где мы стоим, и коснулась закрытого лица, как бы призывая нас к молчанию. В следующий миг она исчезла. Как и куда — я даже не успел заметить: просто ее не стало видно.

— Что нам делать? — шепотом спросил Лео.

— Оставаться на месте до ее возвращения, если ничего, конечно, не случится.

Так мы вынуждены были поступить, надеясь, что конь не выдаст нас неожиданным ржанием и что наше присутствие не будет никем замечено, ибо мы были уверены, что нам угрожает смертельная опасность. Вскоре, однако, со все большим и большим интересом наблюдая за страшной сценой, которая перед нами происходила, мы забыли о своих тревогах и опасениях.

Оказалось, все описанное лишь пролог к самой трагедии: жестокому суду над людьми. Так подсказывала нам догадка: крики «хо» смолкли, толпа перед великаном с котом на голове расступилась, а позади него поднялись клубы дыма — по-видимому, от разведенного в яме костра.

В образовавшийся проход ввели семь человек со связанными за спиной руками. Среди них были старик и высокая, стройная женщина, совсем еще юная. Всех семерых выстроили в ряд; они были в сильном

страхе, старик упал на колени, а одна из женщин громко зарыдала. Их не трогали, очевидно, в ожидании, пока разгорится костер, и скоро он запылал яростным пламенем, высвечивая все вокруг до мельчайших подробностей.

Один из дикарей подал большой деревянный поднос рыжебородому жрецу, который сейчас уже сидел на табурете, а кот еще раньше спрыгнул ему на колени. Жрец взял поднос за ручки, и, по его слову, кот перескочил туда. Среди всеобщего молчания рыжебородый исполин поднялся и забормотал заклятия, обращенные к глядящему на него коту. Затем он развернул поднос так, что кот оказался к нему хвостом, и стал ходить взад и вперед, с каждым разом подходя к пленникам все ближе и ближе.

Наконец жрец протянул поднос к лицу крайнего слева пленника, кот поднялся, выгнул спину дугой и замахал передними лапами. Так он переходил от пленника к пленнику, пока не оказался перед той самой молодой женщиной, о которой я уже говорил. Кот вдруг рассвирепел, мы ясно слышали в тишине, как он шипит и фыркает. Затем он поднял передние лапы и царапнул ее по лицу; она в ужасе взвизгнула. И все стали громко выкрикивать одно слово; это слово мы поняли, потому что слышали очень похожее на Равнине. Означало оно: «Ведьма!»

Все это время палачи ждали, какую жертву выберет кот; они накинулись на молодую женщину и потащили ее к костру. Пленник, что стоял рядом с ней, как мы догадались, ее муж, пробовал ее защитить, но что мог поделать этот бедняга со связанными руками? Один из палачей повалил его ударом дубины. На какой-то миг жене удалось вырваться, она упала на него, но эти звери подняли ее и потащили к костру под дикое улюлюканье всей толпы.

— Я не могу допустить это убийство, хладнокровное убийство, — сказал Лео, обнажая свой меч.

— Лучше не вмешивайся в эту историю, — нерешительно возразил я, хотя и в моих жилах кипела вся кровь.

Не знаю, слышал он меня или нет, но в следующий миг он уже вбежал в калитку, размахивая мечом Хана и крича во все горло. Я пришпорил пятками коня и помчался за ним. Через десять секунд мы были уже в самой гуще толпы. При нашем приближении толпа раздалась в обе стороны; все смотрели на нас изумленными глазами, должно быть принимая нас за призраков.

Палачи и их жертва были уже возле костра, сложенного из смолистых сосновых кругляков в яме, которая имела восемь футов в поперечнике. Тут сидел жрец на своем табурете, с жестокой улыбкой наблюдая за происходящим и вознаграждая кота кусочками сырого мяса, которые

доставал из кожаной сумки на боку; он был так глубоко поглощен этим занятием, что увидел нас лишь в последнее мгновение, совсем рядом.

Крича: «Отпустите ее, негодяи!» — Лео бросился на палачей и одним ударом отсек руку тому, кто держал женщину за шею.

Взвыв от боли и ярости, палач отпрыгнул и стоял, махая обрубком и глядя на него безумными глазами. В последующей суматохе я увидел, как жертва вырвалась из рук ошарашенных убийц и тотчас же скрылась во мгле. Колдун — он все еще держал поднос с котом — вскочил и обрушил на Лео поток яростной брани; тот помахал мечом и ответил крепкими ругательствами на английском и других языках.

И тут вдруг кот, взбешенный шумом и неожиданной помехой его пиршеству, прыгнул прямо в лицо Лео. Лео поймал его левой рукой и изо всех сил швырнул на землю, где он лежал, беспомощно корчась и визжа. Затем, осененный новой мыслью, он нагнулся, схватил это дьявольское отродье и метнул в самое сердце огня, ибо он был вне себя и уже не сознавал, что делает.

При виде подобного кощунства, а именно таким представлялся поступок Лео этим дикарям, они ахнули от ужаса и разразились громкими проклятиями. Толпа хлынула на нас, словно огромный морской вал. Я успел заметить, что Лео зарубил одного из нападающих, в следующий миг меня стащили с коня и поволокли к костру. Лео был уже около ямы, он отчаянно отбивался, ибо силен он был невероятно, и дикари все еще побаивались его.

— И дернула же тебя нелегкая убить эту тварь! — воскликнул я в идиотской запальчивости, ибо я был в полном смятении и уже ждал неминуемой смерти. Меня подтащили к самому краю ямы, пламя уже опаляло мои волосы, я чувствовал на себе его жгучее дыхание — и вдруг грубые руки, что держали меня, разжались; я упал на землю и лежал вверх лицом.

И вот что я увидел. Подле костра, вся дрожа от сдерживаемой ярости, стояла наша — так похожая на приведение — проводница; она указывала на огромного рыжеволосого колдуна. Она была уже не одна, ее сопровождали свыше двадцати человек в белых одеждах, с копьями в руках: все — черноглазые, аскетического вида, с чисто выбритыми лицами и макушками, озаренными отблесками огня.

Всю толпу охватил невыразимый ужас, недавние разъяренные быки превратились в кротких овец, которые разбегались во все стороны, как будто завидели волка. Верховный жрец в белых одеждах, человек с милым, симпатичным лицом, постоянно освещенным улыбкой, обратился к

колдуну с несколькими словами, которые я понял.

— Пес, — проговорил он ровным, размеренным и в то же время наводящим ужас голосом, — проклятый пес, зверопоклонник, как ты хотел поступить с гостями могущественной Матери Гор? А ведь тебя долго щадили, хотя и знали, что ты вершишь варварские обряды. Что ты можешь сказать в свое оправдание? Отвечай быстро, у тебя мало времени.

С воплем ужаса великан упал на колени, но не перед верховным жрецом, который его допрашивал, а перед нашей все еще дрожащей от ярости проводницей, именно к ней обращал он свои нечленораздельные мольбы о милосердии.

— Молчи! — оборвал его верховный жрец. — Она и Судия, и разящий Меч. А я ее Око и Голос. Отвечай же мне! Ты получил повеление оказать этим людям гостеприимство, а хотел бросить их в огонь, потому что они спасли жертву твоих дьявольских злоумышлений и убили это бесовское отродье, твоего выкормыша. Я все это видел. Знай же, это была нарочно устроенная западня: слишком долго ты творишь свои мерзопакостные дела. — Но злосчастный колдун все еще продолжал пресмыкаться перед нашей проводницей, умоляя ее о сострадании.

— Посланница, — сказал верховный жрец, — здесь повелеваешь ты. Объяви же свою волю!

Наша проводница медленно подняла руку и указала на костер. Колдун смертельно побледнел, застонал и повалился навзничь; он был мертв, убитый собственным страхом.

Многие успели убежать, но кое-кто еще остался; жрец холодным тоном велел им подойти ближе. Они испуганно повиновались.

— Смотрите! — сказал он, показывая на умершего колдуна. — Смотрите — и трепещите перед правосудием Матери, Хес. Знайте, что такая же судьба постигнет любого, кто посмеет нарушить ее волю, заниматься колдовством, убивать ни в чем не повинных людей. Поднимите этогодохлого пса, который был вашим вождем!

Несколько человек вышли вперед и выполнили его повеление.

— А теперь швырните его на ложе, которое он приготовил для своих жертв.

Они, пошатываясь, подошли к краю ямы, раскатали и бросили огромное тело в костер, где оно с треском погрузилось в грудупылающих сучьев.

— Слушайте, люди, — сказал жрец, — этот человек заслужил такую жестокую участь. Знаете ли вы, почему он хотел убить женщину, которую спасли иноземцы? Выдумаете, потому, что она и впрямь ведьма? Говорю

вам нет! Эта женщина красива, и колдун хотел отобрать ее у мужа, как он уже сделал со многими другими, но она отвергла его. И все же Око узрело, Голос молвил свое слово, и Посланница вынесла свой приговор. Он попался в ловушку, которую сам и расставил; то же ожидает всякого из вас, кто посмеет умышлять или творить зло.

Таков справедливый суд Хес, который она свершила, восседая на своем троне среди огней.

Глава XIII. Под сенью крыл

Один за другим испуганные дикари тихо разошлись. После ухода последнего верховный жрец подошел к Лео и положил руку на его лоб в знак приветствия.

— Господин, — сказал он на том искаженном греческом языке, что был в ходу у придворных Калуна. — Я не спрашиваю, ранен ли ты, ибо с того момента, как ты пересек священную реку и вступил в эту страну, тебя и твоего спутника охраняет незримая сила, ни человек, ни дух не могут причинить вам никакого вреда, как бы велика не казалась грозящая вам опасность. Но на вас посмели наложить свои руки низкие людишки, поэтому Мать, которой я служу, повелела, чтобы все они были казнены у вас на глазах, если, конечно, такова ваша воля. Скажите, такова ли ваша воля?

— Нет, — ответил Лео, — они просто слепые безумцы, и мы не хотим, чтобы из-за нас пролилась их кровь. Мы просто просим, друг, — прости, как тебя зовут?

— Зовите меня Орос, — сказал он.

— Друг Орос, — подходящее имя для человека, обитающего в горах, — мы только просим, чтобы нас покормили, напоили и отвели к той, что ты называешь Матерью, к Оракулу, ради чьего мудрого слова мы прибыли сюда издалека.

Он ответил с поклоном:

— Еда и кров ожидают вас; завтра, после того как вы отдохнете, мне велено препроводить вас туда, куда вы хотите. Прошу вас, следуйте за мной. — И он направился мимо костра к дому, который стоял ярдах в пятидесяти от нас, пристроенный к каменной стене амфитеатра.

Это, очевидно, был дом для гостей; во всяком случае, его приготовили для нашего ночлега: затеплили светильники и растопили очаг, ибо воздух был холодный. Дом имел две комнаты, вторая служила спальней; туда и отвел нас Орос.

— Входите, — пригласил он, — вам надо умыться, привести себя в порядок, а тебе, — обратился он ко мне, — надо подлечить руку, искусанную клыками большого пса.

— Откуда ты это знаешь? — спросил я.

— Неважно, но я знаю и приготовил все необходимое для лечения, — серьезно ответил Орос.

Вторая комната освещалась и отапливалась, как и первая; кроме того, на полу в металлических тазах стояла подогретая вода, на кроватях были разложены чистые льняные одежды и темные, подбитые дорогим мехом мантии с капюшоном. Я был немало удивлен, увидев на маленьком столике баночки с мазями, повязки и деревянные шины: стало быть, хозяева уже знали, что понадобится для лечения моей раны. Но я был слишком утомлен, чтобы задавать вопросы; к тому же я знал, что это бесполезно.

Орос помог мне снять мою драную одежду, осторожно размотал грубую повязку, промыл раны теплой водой со спиртом и осмотрел их взглядом опытного лекаря.

— Клыки вонзились глубоко, — сказал он, — и сломана одна небольшая кость, но все это можно залечить, хотя шрамы и останутся. — Он смазал раны бальзамом и забинтовал руку так искусно, что я не чувствовал почти никакой боли; в заключение он сказал, что наутро опухоль спадет и он вправит мне руку. Так оно и произошло.

Покончив с врачеванием, он помог мне вымыться и облачиться во все чистое, затем повесил мою руку на перевязь. Тем временем переоделся и Лео, вышли мы неузнаваемые, ничего похожего на тех перепачканных грязью и кровью бродяг, которые вошли так недавно. В первой комнате нас действительно ожидала еда, мы поели с благодарностью, не задавая никаких вопросов. Затем, полуживые от усталости, возвратились в спальню, сняли с себя верхнюю одежду, растянулись на постелях и почти сразу же уснули.

Ночью я вдруг пробудился — даже не могу сказать, в котором часу, есть люди, и я в том числе, которые просыпаются, когда кто-нибудь входит в комнату, пусть даже совершенно бесшумно. Еще не открыв глаза, я уже знал, что мы не одни. И я не ошибался. В самом углу мерцала небольшая плоская, наполненная маслом, при ее свете я различил смутную тень возле двери. Сначала я подумал, что это приведение, но потом понял, что это наша проводница в ее погребальных пеленах: она пристально смотрела на спящего Лео, по крайней мере, так мне почудилось, ибо ее голова была наклонена в ту сторону.

Безгласная все это время, тень вдруг тихо застонала: этот ужасный стон, казалось, исторгся из самых глубин ее души.

Стало быть, наша проводница отнюдь не нема, как я полагал. Она может страдать и выражать свои страдания, как и все люди. Но что это! В избытке горя тень заломила свои запеленатые руки. По-видимому, и Лео почувствовал ее присутствие: он зашевелился, что-то забормотал во сне — так тихо, что я не мог ничего расслышать, только понял, что он говорит по-

арабски. И вдруг он явственно произнес:

— Айша! Айша!

Тень подплыла к нему и замерла. Он сел, все еще продолжая спать, глаза его были закрыты. Затем он протянул руки, словно бы хотел кого-то обнять, и заговорил страстным шепотом:

— Айша! Я долго искал тебя и в жизни и в смерти. Приди же, моя богиня! Приди же, моя желанная!

Тень подплыла еще ближе, и я увидел, что она вся дрожит и тоже простирает к нему руки.

У самой кровати она остановилась, Лео вновь улегся. Одеяло спало у него с груди, где, как всегда, висела кожаная сумочка с локоном Айши. Лео крепко спал, тень устремила взгляд на эту сумочку. И вдруг запеленатые пальцы с поразительной ловкостью открыли застежку и вытащили длинный, сверкающий локон. Долго и внимательно смотрела тень на эту реликвию, потом убрала ее в сумочку; у нее был такой вид, будто она плачет. В это время спящий Лео снова вытянул руки и заговорил все тем же страстным шепотом:

— Приди же ко мне, моя дорогая, моя прекрасная, моя прекрасная!

При этих словах тень тихо вскрикнула, точно испуганная ночная птица, и выскользнула из комнаты.

Уверясь, что она ушла, я облегченно перевел дух.

Меня терзало недоумение: что все это означает? Конечно же, это не сон, а явь, ведь я хорошо сознавал все происходящее. Гак что же все это означает? Кто это существо, похожее и на призрак и на мумию, которое вызволило нас из стольких опасностей, кто эта Посланница, вселяющая во всех трепет, которая одним мановением руки может обречь на смерть дикаря-исполина? И зачем оно, это существо, пробралось к нам в комнату глухой ночью, точно некий дух, навещающий своего любимого? Почему я проснулся, а Лео продолжал крепко спать? Зачем тень извлекла локон, откуда она знала, что там хранится? И почему она упорхнула, как испуганная летучая мышь, услышав слова, полные нежности и страсти?

Жрец Орос называет нашу проводницу Посланницей и Мечом, значит, она исполнительница чьей-то воли. Но чьей — не своей ли собственной? Уж не та ли она, кого мы ищем, — *сама Айша!* Почему же эта мысль отзывается во мне дрожью, ведь если она и впрямь Айша. значит, мы достигли наконец своей цели, наши поиски окончены. Не потому ли я трепещу, что в этом существе есть что-то устрашающее, что-то сверхчеловеческое? Если в эти пелены закутана Айша, то не та Айша,

которую мы знали и боготворили, — совсем иная. Я хорошо помнил *Ту-чье-слово-закон* в се белых покрывалах и как еще задолго до того, как она открыла свое несравненное лицо, мы уже догадывались о ее красоте и величии, ибо никакие покрывала не могли притушить сияние ее жизненной энергии и воплощенной красоты.

Но это существо? Я не решался довести свою мысль до ее логического завершения. Конечно же, я ошибаюсь. Орос, несомненно, сказал правду — это полусверхъестественное существо, обладающее удивительными способностями; несомненно, и то, что она приходила посмотреть на нас, чтобы затем рассказать о своем посещении Той (или Тому), кто наделил ее подобными способностями.

Успокаивая себя этими размышлениями, я снова уснул: в конце концов утомление пересилило все мои сомнения и страхи. Утром, когда эти чувства утратили свою остроту, я решил, по разным соображениям, ничего не говорить Лео. И несколько дней придерживался этого решения.

Когда я проснулся, было уже совсем светло, у моей кровати стоял жрец Орос. Я сел и спросил, который час, он, улыбаясь, тихо ответил, что уже позднее утро, добавив, что он пришел вправить мою сломанную руку. Только тогда я понял, что он говорит так тихо, чтобы не разбудить Лео.

— Ему надо хорошенько отдохнуть, — сказал жрец, снимая с моей руки повязку. — Он перенес много страданий, и, — добавил он многозначительно, — возможно, ему придется перенести еще больше.

— Что ты имеешь в виду, друг Орос? — резко спросил я. — Ты же сказал, что на этой Горе мы в полной безопасности.

— Я сказал тебе, друг... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Меня зовут Холли.

— Я сказал, друг Холли, что ваши тела в безопасности. Но я ничего не говорил об остальном. Человек не только плоть и кровь. У него есть и ум и душа, — и они не защищены от ран.

— И кто же может их ранить? — спросил я.

— Друг, — ответил он серьезно, — ты и твой спутник — в заколдованной стране; будь вы случайно забредшими сюда скитальцами, вы были бы уже давно мертвы, но вы не случайные скитальцы, вы стремитесь сбросить покров с вековых тайн. Об этом здесь знают, и, возможно, вы достигните цели. Но то, что вы обнаружите, сбросив покров, может не только ввергнуть вас в отчаяние, но и поразить безумием. Скажи, вы не боитесь?

— Не очень сильно, — ответил я. — Мы с моим приемным сыном видели много необыкновенного и странного и, как видишь, остались живы.

Мы видели величественное сияние Источника Жизни, были в гостях у Бессмертия, наблюдали, как Смерть все-таки восторжествовала над Бессмертием, хотя и пощадила нас, смертных. Пристало ли нам праздновать труса? Нет, мы должны шествовать навстречу своей судьбе.

Слушая меня, Орос не выказывал ни любопытства, ни изумления, как если бы я сообщал ему нечто уже известное.

— Хорошо. — Он улыбнулся и почтительно склонил бритую голову. — Через час вы отправитесь навстречу своей судьбе. Прости меня за предупреждение — мне было велено предостеречь вас; возможно, чтобы испытать вас. Нужно ли повторить это предупреждение господину?... — И он опять посмотрел на меня.

— Лео Винси, — подсказал я.

— Лео Винси, да, Лео Винси, — повторил он, как будто уже знал имя, но оно выскользнуло у него из памяти. — Но ты не ответил на мой вопрос. Следует ли мне повторить предупреждение?

— Я думаю, нет никакой необходимости; но ты можешь это сделать, когда он проснется.

— Я, как и ты, думаю, что это излишне, ибо — прости за сравнение — если уж волк не боится, — он посмотрел на меня, — то тигр, — тут он перевел взгляд на Лео, — и подавно не испугается... Смотри, опухоль спала, раны подживают. Сейчас я завяжу руку, и через несколько недель кость будет такой же крепкой, какой была перед тем, как ты встретился с Ханом Рассеном и его псами... Кстати, ты скоро его увидишь — его самого и его прелестную жену.

— Увижу его? На этой Горе мертвые воскресают?

— Нет, но некоторых приносят сюда для погребения. Это привилегия правителей Калуна; и по моим предположениям, Ханя хочет также задать кое-какие вопросы Оракулу.

— Кто этот Оракул? — с любопытством спросил я.

— Оракул, — уклончиво ответил он, — это Голос. Так было всегда.

— Да, Атене мне говорила, но если есть Голос, должен быть и Говорящий или Говорящая. Не та ли это, кого ты называешь Матерью?

— Возможно, друг Холли.

— Эта Мать — дух?

— По этому поводу существует разномыслие. Так сообщили тебе на Равнине? Но и горные племена думают то же самое. И для подобного предположения есть свои основания, ведь все мы, живущие, — плоть и дух. Ты можешь составить собственное мнение — мы его обсудим... С твоей рукой все в порядке. Только береги ее; смотри, твой спутник просыпается.

Через час мы двинулись дальше, продолжая подъем. Меня вновь усадили на того же, но почищенного, накормленного и отдохнувшего коня, который принадлежал Хану; Лео же предложили сесть в паланкин. Но он отказался, заявив, что чувствует себя хорошо и не хочет, чтобы его несли, точно слабую женщину. Он пошел рядом с моим конем, опираясь на копье. Мы прошли мимо ямы, где накануне пылал костер, — она была полна белого пепла, в грудах которого находились останки колдуна и его ужасного кота; всю процессию по-прежнему возглавляла проводница в белых пеленах; едва завидев ее, все жители селения падали ниц и не вставали, пока она не проходила мимо.

Но одна молодая женщина, прорвав окружение жрецов, подбежала к Лео, бросилась перед ним на колени и поцеловала ему руку. Женщина была та самая, которую он спас: благородного вида, с пышной копной рыжих волос; рядом с ней был и ее муж, на его руках все еще багровели рубцы от веревок. Наша проводница — уж не знаю каким образом — заметила это происшествие. Она обернулась и сделала знак, который Орос хорошо понял.

Он подозвал женщину и строго спросил ее, как смеет она, недостойная, притрагиваться к чужеземцу губами. Она ответила, что поступила так, потому что ее сердце переполнено благодарностью. Орос сказал, что только поэтому ее и прощают; более того, в награду за перенесенные ими муки ее муж возводится в сан вождя племени — таково милостивое соизволение Матери. Он велел всему племени беспрекословно повиноваться новому вождю в соответствии с их обычаями; в случае же если он будет вести себя неподобающим образом, надлежит немедленно о том донести, и он понесет наказание. И Орос махнул рукой, приказав паре отойти, и пошел дальше, не слушая ни их изъявлений благодарности, ни радостных криков толпы.

Когда мы проходили по той же самой расселине, что и вчера, но только в обратную сторону, мы услышали звуки торжественного пения. Вскоре, за поворотом, мы увидели процессию, которая двинулась нам навстречу по мрачной горловине, где и днем не показывалось солнце. Впереди ехала не кто иная, как прекрасная Ханья, за ней — ее старый дядя, Шаман, далее тянулась вереница бритых жрецов в белых одеждах: они несли гроб с телом Хана, — покойник лежал с открытым лицом, обряженный во все черное. Мертвый он выглядел более пристойно, чем при жизни: этот безумный, распутный человек обрел в смерти что-то похожее на достоинство.

Так состоялась наша встреча. При виде нашей проводницы в ее белых

пеленах конь Хании взвился на дыбы, и я испугался, что всадница упадет. Но ударом хлыста и повелительным окриком она заставила коня смириться.

— Кто эта старая ведьма в белом тряпье, которая смеет преграждать путь самой Хании Атене и ее покойному повелителю?! — воскликнула она. — Мои гости, я вижу, вы в дурном обществе, если вы будете следовать за этим злым духом, вам не миновать беды. И ваша проводница, должно быть, сущий урод, иначе она не прятала бы своего лица.

Шаман потянул Ханию за рукав; а жрец Орос с поклоном попросил ее не произносить слов столь кощунственных — кто знает, куда их может занести ветер. Но в Атене klokотала необъяснимая ненависть, и она никак не унималась, обращаясь к нашей проводнице без всякой почтительности.

— А мне все равно, куда их занесет ветер, — кричала она. — Сними с себя это тряпье, колдунья: в такое обряжают только труп, чтобы не видеть его безобразия. Покажись в своем истинном облике, ночная сова; уж не думаешь ли ты испугать меня этим лохмотьем, в которое закутывают мертвецов, да ты и есть мертвец.

— Замолчи, госпожа, умоляю тебя, замолчи, — попросил Орос, чья всегдашняя невозмутимость была поколеблена. — Она сама Посланица, облеченная высшим могуществом.

— Все ее могущество бессильно против меня, Хании Калуна, — ответила Атене. — Так я думаю. Да и какое у нее могущество? Пусть она его покажет. А если могущество и есть, то не ее собственное, а этой горной ведьмы, которая прикидывается духом и всякими колдовскими штучками сманила моих гостей, — она показала на нас, — да еще и погубила моего мужа.

— Замолчи, племянница, — вскричал старый Шаман, чье морщинистое лицо побелело от ужаса; Орос же воздел руки, как бы взывая к некой незримой Силе.

— О ты, всевидящая и всеслышающая, будь милосердна, молю тебя, прости эту безумицу, дабы кровь гостыи не обагрила руки твоих слуг и не потерпела урона в глазах людских древняя честь служения тебе.

Так он молил, но хотя его руки были подняты к небу, его глаза, как, впрочем, и наши, были устремлены на провидицу. Я увидел, что она тянет вверх руку точно таким же жестом, каким убила, вернее, обрекла на смерть, колдуна. Но затем, видимо передумав, она указала на Ханию. Не пошевелилась, не произнесла ни слова, лишь указала на Ханию — и в тот же миг гневные слова застыли на устах Атене, ее глаза утратили яростный блеск, кровь отхлынула от щек. Да, она стала такой же бледной и безмолвной, как и тело, что покоилось в гробу позади нее. Укрошенная

невидимой силой, она хлестнула коня с таким бешенством, что он молнией пронесся мимо нас в селение, где должна была остановиться погребальная процессия.

Когда Шаман Симбри проезжал мимо Ороса, жрец схватил его коня за узду и сказал:

— Мы уже встречались с тобой, Шаман, еще когда хоронили отца твоей госпожи. Предупреди же ее, чтобы она не смела больше так отзывать о властительнице этой страны: ты-то знаешь, как велико ее могущество. Передай ей от меня, что, не будь она вестницей смерти, чья особа, как известно, неприкосновенна, она наверняка разделила бы участь своего господина. Прощай, завтра мы поговорим вновь. — И, отпустив узду, Орос пошел дальше.

Вскоре траурная процессия была уже на большом отдалении от нас; мы вышли из горловины и направились вверх по склону, к нижнему краю сверкающих снегов. В тот миг, когда мы выбрались из темного ущелья, где нависающие сосны преграждали доступ дневному свету, мы вдруг хватились нашей проводницы: она куда-то исчезла.

— Уж не вернулась ли она, чтобы усмирить Ханию? — спросил я у Ороса.

— Нет, — слегка усмехнулся он, — я думаю, что она поспешила вперед, чтобы предупредить о приближении гостей Хесеа.

— В самом деле? — ответил я, пристально разглядывая голые склоны, где и мышь не могла бы проскользнуть незамеченной. — Понимаю — она поспешила вперед.

На том разговор и кончился. И все же я так и не понял: как она скрылась. Может быть, нырнула в одну из многочисленных пещер и галерей, которыми, как соты, была пронизана вся Гора.

Подъем продолжался до самого вечера; мы медленно приближались к краю снегов; все это время мы расспрашивали жреца Ороса обо всем нас интересовавшем. Вот что мы от него узнали.

В самом начале мира, так сказал Орос, тысячи и тысячи лет назад на Горе господствовал культ огня; во главе этого культа стояла женщина, верховная жрица. Однако около двадцати веков назад страна была захвачена военачальником Рассеном, который объявил себя Ханом Калуна. Рассен привел с собой новую верховную жрицу, которая поклонялась египетской богине Хес, или Исиде. Эта женщина заменила чистый и простой культ огня на новую религию, которая сочетает некоторые старые обряды с поклонением Духу Жизни, или Природе, чьей земной представительницей и является жрица.

Об этой жрице Орос не хотел сказать ничего, кроме того, что она «никогда не отсутствует»; но мы все же выяснили, что, когда жрица умирает или, как он выразился «предается сожжению», ее место занимает родная или приемная дочь, все под тем же именем Хес, Хесеа или Мать. Когда мы полубопытствовали, увидим ли мы эту «Мать», он ответил, что она очень редко являет свой лик. О том, как она выглядит, и о ее атрибутах он сказал только, что ее обличие постоянно меняется и, когда пожелает, она пускает в ход «все свое могущество».

Вся община, по его словам, насчитывает всегда ровно триста жрецов и столько же жриц. Желающим разрешается жениться или выйти замуж, из их детей и вырастают новые поколения жрецов и жриц. Поэтому они отличаются своими расовыми особенностями от всех остальных. Это, собственно, было ясно и без его объяснений; все, кто составлял наш эскорт, очень походили друг на друга: утонченно красивые, темноглазые, с четко вылепленными чертами лица и оливковой кожей, они могли быть потомками восточных вельмож с примесью египетской или греческой крови.

Мы спросили Ороса, человеческими ли руками создан этот огромный каменный Знак Жизни, возносящийся над вершиной Горы. Он ответил: нет, это творение самой Природы, а сноп света, проникающий иногда через петлю, исходит от огня, бушующего в кратере вулкана. В гигантской каменной скале первая жрица узнала знакомый египетский Знак Жизни; под ним она и расположила свои жертвенники.

Гора с ее широкими склонами и прилегающими землями населена множеством полудиких людей, признающих верховную власть Хесеа, приносящих ей все необходимое, включая еду и металлы. Жрецы, однако, выращивают много скота и зерна, даже на затененных участках; металлы же они обрабатывают собственными руками. Их власть зиждется на чисто моральной основе; в течение многих веков Община не вела никаких завоевательных войн, а сама Мать ограничивается лишь наказанием преступников — мы уже видели, как это делается. Жрецы не несут никакой ответственности за мелкие стычки между племенами и обитателями Равнины; вождей, которые их ведут, смещают, если, конечно, они не стали жертвами нападения. Но все племена приносят клятву защищать Хесеа и Общину и, несмотря на внутренние распри и междоусобицы, готовы погибнуть за нее все, до последнего. Но они убеждены, что надвигается решительная война между жрецами Горы и обитателями Калуна, и уже делают все необходимые приготовления.

Таковы были сообщенные им сведения, и все дальнейшее подтвердило

их достоверность.

К закату мы достигли большой, в несколько тысяч акров, чаши, расположенной ниже снегов и наполненной плодородной землей, смытой, как я полагаю, с верхних склонов. Это место — оно находилось с юго-западной стороны Горы — и самой своей конфигурацией, и нависающими скалами было хорошо укрыто от холодных ветров, и даже на такой высоте здесь снимали обильные урожаи пшеницы и других злаков, выращиваемых обычно в странах с умеренным климатом. Поля принадлежали Общине и были прекрасно возделаны. В эту долину, снизу она была невидима, мы вошли через узкий проход, который можно легко оборонять от целой армии.

Не буду описывать другие особенности долины, скажу только, что почва здесь подогревается вулканическим теплом, а если время от времени случаются извержения, то потоки лавы проходят севернее или южнее.

Миновав поля, огороды и сады, мы подошли к небольшому городку с красивыми домами из базальта. Здесь обитали жрецы, здесь они находились, если не исполняли священные обязанности; но горцам и чужеземцам путь в это место был строго заказан.

Идя по главной улице, мы уперлись в отвесный каменный склон, где был высечен портал с массивными железными воротами поистине фантастической работы. Тут, прихватив с собой моего коня, наш эскорт повернул обратно, — и мы остались одни вместе с Оросом. При нашем приближении ворота открылись сами. С какими чувствами мы вошли внутрь — я даже не берусь описывать; пройдя по короткому темному коридору, мы оказались перед высокими окованными дверями. Они также растворились сами; в следующий миг мы попятились назад, пораженные и полуослепленные ярчайшим светом, который хлынул нам в глаза.

Попробуйте представить себе неф самого большого алтаря, что вам когда-либо приходилось видеть; удвойте, утройте его размеры — и вы получите кое-какое представление о храме, где мы очутились. Можно предположить, что некогда здесь была огромная пещера, но кто может сказать с уверенностью? И гладкие стены, и многочисленные колонны, что возносились к сводчатому потолку далеко вверху, были плодом труда людей, давно уже умерших, вне всякого сомнения, тех огнепоклонников, что жили здесь тысячи лет назад.

Но самое любопытное — как освещался этот огромный храм; ни за что не догадаетесь. С помощью витых столбов пылающего огня. Я насчитал восемнадцать, но, может быть, их было и больше. Они поднимались из отверстий в полу, как бы отделяя своими рядами боковые приделы.

Огненные столбы возносились до самого потолка, одинаково высокие и широкие — так могуч был напор газа; верхушки их терялись в вытяжных трубах, проданных в толще Горы. От огня не исходило ни запаха, ни дыма, ни хотя бы тепла, которое было бы хорошо ощутимо в большом, холодном Святилище; лишь ослепительно белый, как от расплавленного чугуна, свет и такое громкое шипение, будто здесь собрались тысячи и тысячи разгневанных змей.

Во всем этом обширном Святилище не было ни единой души, и если бы не этот шипящий звук, который заполнял все кругом, стояла бы мертвая тишина; мы были подавлены этим ужасающим величием.

— Неужели эти свечи никогда не гаснут? — спросил Лео у Ороса, прикрывая ослепленные глаза.

— Как они могут погаснуть? — ответил жрец своим ровным, бесстрастным тоном, как бы констатируя очевидный факт. — Ведь они питаются от вечного огня, которому поклонялись строители храма. Так они горели с самого начала и так будут гореть вечно, хотя, при желании, мы можем гасить их свет. Следуйте за мной, я покажу вам кое-что еще более поразительное.

Мы последовали за ним в благоговейном молчании — три маленькие, жалкие фигуры, такие одинокие в этом грандиозном Святилище, озаренном молнийным светом. Мы уже подошли к дальней стене, когда увидели, что направо и налево отходят такие же гигантские приделы, освещенные все тем же необыкновенным способом. Орос велел нам остановиться; пока мы стояли в ожидании, с обеих сторон слышалось торжественное пение, и мы увидели, что из глубины приделов к нам направляются процессии жрецов в белых одеяниях.

Обе процессии шли медленно, очень медленно; когда они приблизились, мы увидели, что справа идут жрецы, а слева — жрицы, и тех и других было около ста.

Жрецы выстроились перед нами шеренгой; жрицы встали позади, тоже шеренгой; все они пели какой-то древний, глубоко волнующий гимн; затем, по знаку Ороса, мы двинулись дальше — по узкой галерее, которая замыкалась двойными деревянными дверями. При нашем приближении и эти двери растворились: перед нами открылось самое дивное чудо во всей этой изумительной святыне — большая эллипсоидная апсида. Только теперь мы поняли: планировка храма повторяет форму каменной скалы на вершине Горы, и, как мы догадались, размеры были те же самые. По всему эллипсу, с одинаковыми промежутками, горели огненные столбы, однако было пусто.

Впрочем, не совсем, в дальнем конце апсиды, между двух огненных столбов, стоял простой квадратный алтарь размером с небольшую комнату, задернутый впереди шитыми серебром занавесями. Сверху, на фоне полированной черной скалы, высилась большая серебряная статуя, вся в отсветах пламени.

Описать это прекрасное творение искусства — дело почти непосильное. Статуя изображала задрапированную в покрывала крылатую женщину зрелых лет, чьи очертания поражали своей чистотой и грациозностью; крылья были выгнуты вперед, и между ними, под их прикрытием, мы увидели малютку мальчика: мать прижимала его к груди левой рукой, правая же ее рука была протянута к небу. Это был, очевидно, образ Материнства, но как передать то, что было запечатлено в ее лице и в личике ребенка?

Начну с младенца, маленького крепыша, пышущего здоровьем и радостью жизни. Он только что проснулся, и во сне ему привиделся кошмар, будто на него пала темная тень Смерти и Зла. Страх таился в его милых губках, щеки еще трепетали. Обвив ручонкой шею матери и прильнув к ее груди, как бы умоляя о защите, другая его ручонка с вытянутым пальчиком, направленная вниз назад, указывала, откуда исходит опасность. Но кошмарный сон быстро забывался, обращенные вверх глаза уже выражали вновь обретенное доверие, мир и спокойствие.

Теперь о матери. Она не посмеивалась над его страхами, не укоряла его, — напротив, ее прелестное лицо было озабоченно и встревожено. И в то же время выражало неизменную нежность, непобедимую силу, готовность защитить и своего ребенка, и все другие беспомощные существа от любого зла. Необыкновенно выразительны были большие спокойные глаза, полураскрытые губы нашептывали о незыблемой, неумирающей надежде, а вскинутая рука указывала на источник этой надежды. Вся ее задумчивая поза была исполнена любви, человечности, столь глубокой, что она казалась уже божественной; трепещущие крылья готовы были вознести ее в широко распахнутые небеса. Ноги, к которым были прикреплены крылья, несли свое богоданное бремя с необыкновенной легкостью: они уже как будто достигли обители вечного успокоения, такой далекой от всех земных ужасов.

В сущности, это было изображение испуганного младенца в объятиях матери, но какой-то безвестный гений сумел вложить в это изображение простую символику, понятную даже самым неискушенным умам, — Богиня спасает Человечество.

Пока мы любовались завораживающей красотой статуи, жрецы и

жрицы стали попеременно расходиться налево и направо, образуя большой круг внутри кольца огненных столбов, что горели по всей святыне. Окружность была так велика, что жрецы и жрицы стояли с большими промежутками и походили на одиноких маленьких детей, а их пение доносилось до нас, как отголоски со дна пропасти. Впечатление от этой святыни и затерявшихся в ней жрецов было не только восторженное, но и угнетающее, я, по крайней мере, испытывал что-то вроде страха.

Орос подождал, пока последний жрец займет предназначенное ему место. Затем повернулся и сказал с обычной своей кротостью и почтительностью:

— Подойдите, дорогие странники, и приветствуйте Мать. — Он указал на статую.

— Где же она? — спросил Лео шепотом, ибо здесь мы не смели говорить громко. — Я никого не вижу.

— Хесеа обитает там, — сказал Орос и, взяв нас обоих за руки, повел через огромную, пустую апсиду к алтарю в дальнем ее конце.

Пение зазвучало громче, в него вплелись радостные, торжествующие ноты, и мне даже почудилось — вероятно, только почудилось, — что огненные столбы засверкали еще ярче.

Мы пересекли всю апсиду; отпустив наши руки, Орос трижды простерся перед алтарем. Встал и, отойдя назад, молча застыл с опущенной головой и сплетенными пальцами. Мы тоже молчали; наши сердца, как чаша с вином, были наполнены смешанной надеждой и страхом.

Неужели наши мучительные странствия окончились? Увенчались ли долгие поиски успехом, или же, может быть, мы запутались в паутине какой-то удивительной мистерии и сейчас соприкоснемся с тайной новой религии? Позади остались годы поисков, позади остались тягчайшие испытания духа и тела, — и наконец нам предстоит узнать, не напрасно ли оказалось все, нами пережитое? Да и Лео узнает, исполнится ли данное ему обещание, или та, которую он боготворит, — лишь утраченная тень, которую можно найти уже за воротами Смерти. Удивительно ли, что он весь дрожит и бледен, как полотно, в ожидании рокового мгновения?

Над нами, казалось, пролетали часы, годы, века, целые эпохи, а мы все стояли перед сверкающими серебряными занавесями, которые скрывали от нас черный алтарь, увенчанный сияющим изваянием его загадочной, как сфинкс, хранительницы с лицом, где застыла улыбка вечной любви и сострадания. В то время как мы барахтались в темных водах сомнений, перед нами проходило все минувшее. Событие за событием, во всех подробностях, вновь разворачивалась та эпопея, которая началась в

пещерах Кора; наши мысли давно уже были созвучны, и каждый из нас читал в душе у другого, как в своей собственной.

И тут мы поняли, что наши мысли открыты не только для нас, но и для кого-то третьего. Мы не видели ничего, кроме алтаря и статуи, не слышали ничего, кроме медленного пения жрецов и жриц и змеиного шипа огня. Но мы знали, что наши сердца — открытая книга для Той, что наблюдала за нами, стоя под сенью крыльев Матери.

Глава XIV. Судилище

Занавеси раздвинулись. Перед нами была небольшая алтарная, высеченная в большом черном камне; в самом ее центре — трон. Женская фигура, вся с головой в волнах белого покрывала, спадающего на мраморные ступени. В полутьме, которая царила в алтарной, мы видели только, что под складками покрывала Оракул держит в руке драгоценный скипетр с петлей наверху.

Повинуясь какому-то властному импульсу, мы, как и Орос, опустились на колени. Послышался тихий звон — как будто бы звенели колокольчики, и, подняв глаза, мы увидели, что Оракул протянул к нам свой скипетр в форме систра. Раздался негромкий, отчетливый и, как мне показалось, слегка дрожащий голос. Говорил он на греческом языке, куда более чистом, чем у всех остальных.

— Добро пожаловать, странники; я знаю, вы прибыли в эту древнюю святыню издалека и, хотя, несомненно, исповедуете другую религию, не стыдитесь отдать долг поклонения той недостойной, что является сейчас Оракулом, хранительницей тайн. Встаньте, у вас нет причин опасаться меня, ведь это я послала свою Проводницу и слуг, чтобы они привели вас в Святилище.

Мы медленно поднялись и стояли безмолвно, не зная, что сказать.

— Приветствую вас, странники, — повторил голос. — Скажи мне, — скипетр показал на Лео, — как тебя зовут?

— Лео Винси.

— Лео Винси? Красивое имя, вполне достойное человека столь благородной наружности. А как зовут тебя, спутник Лео Винси?

— Хорейс Холли.

— Так, скажите же мне, Лео Винси и Хорейс Холли, чего вы ищете здесь, у нас в стране?

Мы переглянулись, и я сказал:

— Это долгая и странная история. Но как мне называть тебя, о Оракул?

— Тем именем, которым меня здесь называют, — Хес.

— О Хес, — начал я, а сам подумал: «Каким именем, любопытно, называлась она прежде?»

— Я хочу слышать эту историю, — перебила она, и я уловил нетерпение в ее голосе. — Не всю, конечно, ибо я знаю, что вы оба устали,

хотя бы часть. Жизнь в этом доме благочестивых размышлений однообразна, о чужеземцы; и ни одно сердце не может жить только минувшим. Я с удовольствием послушаю о том, что происходит в мире. Расскажи же мне, Лео, как можно короче, но только истинную правду, ибо в присутствии Той, чьей Посланницей я являюсь, нельзя говорить ничего, кроме правды.

— О жрица, — заговорил он с обычной своей лаконичностью. — Я повинуюсь. Много лет назад, когда я был совсем еще молод, мой друг и приемный отец и я, прочитав древнюю надпись, отправились в дикую страну и там нашли некую божественную женщину, что сумела восторжествовать над временем.

— Эта женщина была безобразной дряхлой старухой?

— Я сказал, о жрица, что она восторжествовала над временем, а не пала его жертвой, ибо она обрела дар бессмертной молодости. Нет, она не была безобразна, наоборот, в ней, казалось, воплотилась сама красота.

— И поэтому, иноземец, ты поклонялся ей, как это свойственно мужчинам?

— Не поклонялся — просто любил ее, это не одно и то же. Вот жрец Орос поклоняется тебе, зовет тебя Матерью. А я любил эту бессмертную женщину.

— И ты все еще любишь ее? Нет, любовь не долговечна.

— Да, я все еще люблю ее, хотя она умерла.

— Как так? Ты же сказал, она бессмертна.

— Может быть, это была только иллюзия, видимость смерти, на самом же деле это был переход, перевоплощение. Как бы там ни было, я потерял ее и вот уже много лет, как пытаюсь найти.

— Почему же ты ищешь ее здесь, на моей Горе, Лео Винси?

— Потому что мне было видение, это видение и привело меня сюда — посоветоваться с Оракулом. Я хочу узнать о судьбе потерянной возлюбленной, а это можно сделать только здесь, и нигде больше.

— А ты, Холли, ты тоже любишь эту бессмертную женщину, чье бессмертие, однако, склонилось перед смертью?

— О жрица, — ответил я, — я тоже поклялся принять участие в поисках; куда бы ни направился мой приемный сын, я следую за ним. А он ищет утраченную красоту...

— Стало быть, ты следуешь за ним. И оба вы ищете утраченную красоту, как и все мужчины, эти слепцы и безумцы.

— Нет, — возразил я, — будь они слепцами, они не смогли бы различить красоту, а будь они безумцами, они не смогли бы оценить ее,

даже если бы и видели. Только мудрецам дано видеть и понимать, Хес.

— Я вижу, ты скор на ответ и находчив, о Холли, как... — Не договорив, она вдруг спросила: — Скажите мне, оказала ли вам должное гостеприимство моя слуга, Хания; послала ли она вас сразу ко мне, как я ей велела?

— Мы не знали, что она твоя слуга, — ответил я. — Гостеприимство она оказала нам более, чем достаточное, мы бежали из ее города, а по пятам за нами гнался ее муж Хан со своими палачами-псами. Но скажи, жрица, что ты знаешь о нашем путешествии сюда?

— Немногое, — небрежно обронила она. — Более трех лун назад мои лазутчики заметили вас в дальних горах; ночью они подползли ближе и подслушали ваш разговор — вы как раз говорили о цели своего путешествия, они тут же вернулись и доложили мне обо всем. И я повелела Хании Атене и этому старому колдуну, ее двоюродному деду, Хранителю Ворот, чтобы они встретили вас за древними воротами Калуна и как можно быстрее послали сюда. Для людей, жаждущих получить ответ на свой вопрос, вы не очень-то торопились.

— Мы очень торопились, о Хес, — сказал Лео, — и если твои лазутчики смогли перейти через горы, где нет ни одной живой души, и спуститься в эту адскую пропасть, они должны были доложить тебе о причине нашей задержки. А нас, прошу тебя, не спрашивай.

— Что ж, я спрошу у самой Атене, она ждет у входа; уж она-то мне ответит, — холодно произнесла Хесеа. — Орос! Введи Ханию — и побыстрее!

Жрец повернулся, поспешил к деревянным дверям, через которые мы вошли в святиню, и исчез.

Наступила тишина, затем Лео — он явно нервничал — сказал по-английски:

— Хорошо бы оказаться сейчас в каком-нибудь другом месте: разговор будет пренеприятнейший.

— Не думаю, — ответил я, — а если и будет, то это, может быть, к лучшему: в таких вот неприятных разговорах часто выясняется правда, а она нам так нужна... — тут я запнулся, вспомнив, что это странная женщина утверждала, будто ее лазутчики подслушали, о чем мы разговаривали в горах, но ведь мы говорили только по-английски.

Мои опасения оказались вполне обоснованными, ибо Хесеа спокойно повторила за мной:

— Ты прав, Холли, в неприятных разговорах, как вино из порванного бурдюка, нередко выплескивается истина.

Она замолчала; излишне говорить, что я не настаивал на продолжении этой беседы.

Двери распахнулись, вошла процессия людей в черном, за ней следовал Шаман Симбри, за ним восемь жрецов несли гроб с телом Хана. Гроб сопровождала Атене, с головы до пят закутанная в черное покрывало; а в самом конце шествовала еще группа жрецов. Перед алтарем гроб поставили на пол, жрецы отошли назад. Атене и Симбри остались перед гробом одни.

— С какой просьбой обращается ко мне мой вассал, Ханя Калуна? — холодно осведомилась Хесеа.

Атене шагнула вперед и с явной неохотой преклонила колена.

— О древняя Мать! Я чту твою священную миссию, — как чтили многие поколения моих предков. — Она наклонила голову. — Мать! Этот покойник имеет право на погребение в огненном кратере твоей священной Горы: это право было с самого начала даровано всем нашим правителям.

— Да, это право даровано всем правителям, — подтвердила Хесеа, — еще моими предшественницами; не будет в нем отказано ни твоему покойному господину, ни тебе, Атене, когда пробьет твой час.

— Благодарю тебя, о Хес, и молю, чтобы ты письменно закрепила это право, ибо твоя почтенная глава убелена уже снегом старости и не сегодня завтра ты покинешь нас. Посему вели писцам занести свое повеление в книгу законов, дабы та Хесеа, что сменит тебя, могла свершить погребальный обряд, когда придет для него время.

— Перестань, — остановила ее Хесеа. — Перестань изливать свою желчную злобу по поводу того, что тебе следует почитать, о глупое дитя: может быть, завтра огонь поглотит и недолговечную молодость и красоту, которыми ты так гордишься. Повелеваю тебе: замолчи; расскажи мне, каким образом погиб твой господин.

— Спроси этих странников, что были его гостями: его кровь — на их руках и взывает к отмщению.

— Я убил его, — сказал Лео, — ради спасения собственной жизни. Он хотел затравить нас своими собаками; вот следы их клыков. — Он показал на мою руку. — Жрец Орос знает, он перевязывал раны.

— Как же это случилось? — спросила Хесеа у Атене.

— Мой господин был не в своем уме, — смело ответила Атене. — У него было жестокое развлечение — охотиться на людей.

— Так. И к тому же твой господин ревновал? Я вижу, твои уста готовы изрыгнуть ложь, — не лги! Лео Винси, ответь мне ты... Нет, нет, я не хочу,

чтобы ты разглашал тайны женщины, которая предлагала свою любовь. Говори ты, Холли, — и только правду.

— Правда такова, о Хес, — ответил я. — Эта госпожа и ее родственник Шаман Симбри спасли нас от гибели в водах реки, что протекает на дне ущелья, рядом с Калуном. Оба мы занемогли, за нами заботливо ухаживали, но Ханя полюбила моего приемного сына.

Жрица зашевелилась под своим полупрозрачным покрывалом, и Голос спросил:

— А не полюбил ли и твой приемный сын Ханию, как полюбил бы любой другой мужчина на его месте, ибо она, без сомнения, очень хороша собой?

— Спроси его сама, о Хес. Я только знаю, что он стремился бежать от нее, и в конце она потребовала, чтобы он сделал выбор между женитьбой и смертью, и дала ему один день на размышление. Каким образом она собиралась освободиться от своего супруга — я не знаю. С помощью Хана, который сильно ее ревновал, мы бежали из города. И тогда Хан, человек безумный и вероломный, пустил по нашему следу собак. Мы убили его и, ускользнув от преследования этой госпожи и ее родственника Шамана, добрались до Долины Костей; там нас встретила проводница с закутанной головой; она повела нас дальше и дважды спасла нашу жизнь. Вот и весь рассказ.

— Что ты можешь на это сказать, женщина? — угрожающе спросила Хесеа.

— Немногое, — не дрогнув, ответила Атене. — Долгие годы я была связана замужеством с безумцем, грубым животным, а этот человек был мне люб, я была люба ему: естественно, что в нас заговорил голос Природы. Но он, видимо, испугался мести Рассена, а может быть, его отговорил этот Холли — жаль, что его не растерзали собаки! Они бежали из города и оказались здесь, на твоей Горе. Но мне надоел этот разговор; разреши мне удалиться, чтобы отдохнуть перед завтрашним обрядом.

— Ты утверждаешь, Атене, — сказала Хесеа, что в этом человеке и тебе заговорил голос Природы, что его сердце — твое; но ведь он как будто бы не трус, неужто же он покинул тебя из страха перед твоим господином? Скажи, эта прядь волос, что он хранит в сумочке на груди, — залог твоей любви?

— Не знаю, что он прячет в своей сумочке, — угрюмо заявила Ханя.

— И все же, когда он лежал больной в доме над воротами, он сравнивал эту прядь с твоими волосами — теперь припоминаешь?

— Я вижу, Хес, он выболтал тебе все наши тайны, хотя большинство

мужчин хранят их в своей груди. — Она презрительно покосилась на Лео.

— Я ни о чем не рассказывал ей, Хания, — запальчиво воскликнул Лео.

— Нет, странник, ты мне ничего не говорил; обо всем этом поведала мне моя мудрость: от нее ничто не укроется. Неужто ты надеялась, Хания, скрыть правду от всевидящих глаз Хесеа, Властительницы Горы? Можешь не утруждать себя признанием, я знаю все — и знала с самого начала. Так и быть, прощаю тебе послушание; а обращать внимание на твои лживые увертки — ниже моего достоинства. По своим собственным соображениям я, пренебрегающая временем, позволила тебе держать в плену моих гостей и даже пытаться с помощью угроз завоевать любовь одного из них. — Она помолчала, затем бесстрастно добавила: — Мало того что ты виновата, женщина, ты еще смеешь мне лгать здесь, в этом Святилище.

— Хотя бы и так, — последовал дерзкий ответ. — Уж не любишь ли ты этого человека сама? Это чудовищно. Против подобного непотребства восстанет сама Природа! Не дрожи от ярости! Я знаю, Хес, что ты способна на любое зло, но я также знаю, что я твоя гостья и в этом священном месте, под символом вечной Любви, ты не посмеешь пролить кровь. К тому же ты не можешь причинить мне вреда, Хес, ибо я равна тебе могуществом.

— Атене, — сдержанно ответил Голос, — если бы только пожелала, я могла бы уничтожить тебя прямо здесь. Но ты права, я не причиню тебе вреда, бессовестная слуга. Я отправила тебе — через этого звездочета, Шамана Симбри, — повеление встретить моих гостей и немедленно препроводить их в святыню. Как ты посмела послушаться? Говори, я хочу знать.

— Так знай, — Хания заговорила серьезным голосом, уже без горечи и лжи. — Я ослушалась потому, что этот человек не твой, а мой, только мой, потому, что я люблю его, и люблю еще с древних времен. С тех самых пор, как наши души появились на свет; и он любит меня. Так подсказывает мне мое сердце, так подсказывает и волшебство моего дяди, хотя мне и неведомо, как и когда мы с ним полюбили друг друга. Поэтому я и явилась к тебе, о Хранительница тайн минувшего, чтобы узнать правду. Ты не можешь лгать здесь, где твой алтарь; и именем той Высшей Силы, которой повинешься ты, я настаиваю, чтобы ты ответила здесь и сейчас. Кто этот человек, к которому так стремится мое сердце? Кем он был для меня? Какое ты имеешь отношение к нему? Говори, о Оракул, раскрой тайну. Говори, я требую, даже если впоследствии ты убьешь меня; не знаю только, сможешь ли.

— Да, говори, говори! — подхватил и Лео. — Ибо знай, что я в мучительном неведении. И меня тоже осаждают воспоминания, мое сердце разрывается между надеждой и отчаянием.

— Говори же! — откликнулся и я.

— Лео Винси, — сказала Хесеа после недолгого размышления. — Кто я по твоим предположениям?

— По моим предположениям, — торжественно заявил он, — ты та самая Айша, от руки которой я некогда принял смерть в пещерах Кора, в Африке. По моим предположениям ты та самая Айша, которую около двадцати лет назад я встретил и полюбил в этих пещерах; там, перед тем как умереть ужасной смертью, ты поклялась возвратиться в этот мир...

— Какое безумное заблуждение! — торжествуя перебила Атене. — «Около двадцати лет назад»! Уж я то знаю, что прошло более восьмидесяти лет с тех пор, как мой дед — тогда еще молодой человек — видел эту жрицу восседающей на троне в Святилище.

— А что думаешь ты, Холли? — спросила жрица; она как будто бы даже не слышала слов Хании.

— Я думаю точно то же, что и он, — ответил я. — Мертвые — случается — воскресают. Но только ты знаешь всю правду, и только ты можешь ее открыть.

— Да, — проговорила она в раздумье, — мертвые — случается — воскресают, и воскресают в странном обличий; возможно, я и знаю всю правду. Завтра, когда тело будет поднято для погребения, мы продолжим этот разговор. А до тех пор вы все отдыхайте и готовьтесь встретиться лицом к лицу с правдой, как бы ужасна она ни была.

Пока Хес договаривала последние слова, серебряные занавеси сдвигались так же таинственно, как и открылись. Словно по сигналу, подошли жрецы в черном. Окружили Атене и повели ее прочь вместе со старым Шаманом, который — то ли от усталости, то ли от пережитого страха — еле держался на ногах и щурил подслеповатые глаза, как будто их резал ослепительный свет. После их ухода жрецы и жрицы — все это время они стояли вдоль стен, слишком далеко, чтобы слышать наш разговор, — разделились на две группы и, продолжая петь, покинули храм; остались лишь мы, Орос да еще покойник в своем гробу.

Верховный жрец Орос жестом пригласил нас следовать за ним, что мы и сделали. И честно признаться, я с облегчением оставил это пустынное, точно кладбище, место; как ни странно, оно казалось еще более пустынным от потоков ослепительного света: это впечатление еще усугублялось зрелищем гроба с покоящимся в нем телом, а ведь нервы и без того были

сильно потрясены всем, что нам пришлось перенести. А уж как я был рад, когда мы пересекли Святилище во всю его длину, миновали окованные двери, каменный коридор и ворота, которые, как и прежде, распахнулись при нашем приближении, и полной грудью втянули в себя приятно освежающий в этот предрассветный час воздух!

Орос отвел нас в хороший, с удобной обстановкой дом; мы выпили поднесенное им зелье и тут же уснули мертвым сном. Пробудился я на удивление бодрым и здоровым. Странно только было, что в комнате горел светильник, стало быть, еще продолжалась ночь, а значит, я проспал совсем недолго.

Я попытался снова заснуть, но мне это не удалось, тогда я стал размышлять и размышлял, пока совсем не запутался. Ибо размышления были тут бесполезны: нужна правда, и только правда, «как бы ужасна она ни была» — вспомнились слова жрицы.

А что, если это не Айша, которую мы разыскивали, а некое существо, ужасное, как эта правда? Что кроется под намеками Хании? Ее дерзость, несомненно, опирается на какое-то тайное знание. А не встать ли мне и не перевязать ли руку? Нет, одному не справиться. Может быть, разбудить Лео, чтобы он помог? Что угодно, только бы отвлечься от этих мучительных размышлений в ожидании того часа, когда мы узнаем наконец правду, радостную ли, горькую.

Я сел на кровати, и ко мне тут же, с лампадой в руке, подошел Орос.

— Долго же ты спал, друг Холли, — сказал он. — Пора вставать и приниматься за дело.

— Долго? — изумился я. — Но ведь еще темно.

— Начинается уже вторая ночь, друг. Ты проспал много часов. Ты поступил благоразумно, хорошо отдохнув: кто знает, когда тебе удастся поспать снова... Позволь-ка я промою твои раны.

— Скажи мне... — начал было я.

— Нет, друг, — решительно отрезал он, — скажу только, что скоро тебе предстоит присутствовать на похоронах Хана, а потом ты, возможно, получишь ответ на свой вопрос.

Через десять минут он отвел меня в трапезную, где сидел уже полностью одетый Лео, ибо Орос разбудил его первого и велел ему приготовиться к завтраку. Орос сказал нам, что Хесеа распорядилась не тревожить нас, чтобы мы хорошо отдохнули, так как нам предстоит трудный день. Мы быстро перекусили и отправились в Святилище.

Мы снова прошли через ярко освещенный зал в эллипсоидную апсиду. Теперь здесь было совершенно пусто, убрали даже тело Хана; серебряные

занавеси были задёрнуты, стало быть, Оракул не восседает на троне в алтарной.

— Как повелевает древний обычай, Мать отправилась отдать последний долг покойному, — объяснил Орос.

Мы прошли мимо алтаря; за статуей в каменной стене апсиды была дверь, оттуда начинался проход, который вел в зал, какие бывают в жилых домах; множество дверей, что там находились, по словам нашего проводника, служили для входа в покои самой Хесеа и ее служанок. Покои выходили прорубленными в отвесном склоне Горы окнами на сады; они хорошо освещались и проветривались. В зале нас ожидали шестеро жрецов: каждый держал под мышкой связку факелов, а в руке — зажженную лампаду.

— Нам придется идти в полной темноте, — сказал Орос. — Будь сейчас день, мы смогли бы подняться по снегам, но ночью это опасно.

Он зажег факелы от лампы и дал каждому из нас по одному.

Начался подъем. Вверх и вверх — по бесконечным галереям, высеченным в скальной породе неимоверно тяжким трудом огнепоклонников. Галереи протянулись на многие мили, и, хотя поднимались они достаточно полого, понадобилось более часа, чтобы пройти всю эту анфиладу. В конце концов мы оказались у подножия уходящей ввысь лестницы.

— Отдохните здесь, мой господин, — сказал Орос, кланяясь Лео с тем особым почтением, которое он выказывал с самого начала, — ибо лестница очень крутая и длинная. Сейчас мы стоим на вершине Горы; теперь нам придется взобраться на самый верх каменной петли, что венчает эту вершину.

Мы присели в сводчатой пещере, наслаждаясь прохладой, которую несли с собой сквозняки, гулявшие по всем этим проходам, — мы были сильно разгорячены долгой ходьбой по душным галереям. Услышав сильный шум, я спросил Ороса, откуда он доносится. Верховный жрец ответил, что мы находимся рядом с кратером вулкана: даже через толщу каменной стены слышно было, как бушует огонь.

И вновь начался подъем, не очень опасный, но очень утомительный: нам пришлось преодолеть около шестисот ступеней. До сих пор мы шли по проходам, похожим на галерею в великой пирамиде, протяженностью в несколько фарлонгов; сейчас же у меня было такое впечатление, будто я поднимаюсь по бесконечной спиральной лестнице под самый купол кафедрального собора, но величиной этот купол с несколько обычных, поставленных один на другой.

Иногда мы останавливались, отдыхали, затем шли дальше по крутым, высотой каждая с добрый фут, ступеням; так мы поднялись по вертикальной, башнеобразной скале; но нам оставалось еще проделать путь вверх по каменной петле. Мы последовали за Оросом; признаюсь, я был рад, что лестница проходит внутри петли, ибо чувствовал, как она содрогается под могучим напором ветра.

Наконец впереди блеснул свет; через двадцать ступеней мы оказались на площадке. Орос и еще один жрец подхватили под руки Лео, шедшего первым; на мой вопрос, зачем они это делают, Лео прокричал:

— Здесь может закружиться голова, и они боятся, чтобы я не упал. Будь осторожен и ты, Хорейс. — И он протянул мне руку.

Я уже вышел из тоннеля, и, должен признаться, если бы не его своевременная помощь, я бы рухнул на каменный пол — так я был ошеломлен открывшимся передо мной видом. И тут нет ничего удивительного, вряд ли в этом мире можно увидеть что-нибудь подобное.

Мы стояли на самом верху петли, на плоской площадке длиной в восемьдесят ярдов и в тридцать шириной, под густо унизанным звездами небом. С южной стороны, более чем в двадцати тысячах футов, внизу смутно виднелась равнина Калуна, а с восточной и западной сторон — могучие, облаченные в снег плечи горной вершины и бурые склоны под ними. На севере открывалась иная картина, еще более ужасная. Прямо под нами — так, по крайней мере, казалось, ибо башнеобразная скала слегка изгибалась внутрь — лежал обширный кратер с огненным озером в самой его середине; это озеро пузырилось, бурлило, клекотало, взметая ввысь огненные цветы, наподобие бушующего моря.

Над озером поднимались дым и газы, на лету вспыхивавшие; сливаясь все вместе, они образовали гигантскую огненную завесу, прямо перед нашими глазами. Пройдя через каменную петлю, сноп исходящего от нее света мчался вдаль над равниной Калуна и над вершинами гор по ту ее сторону, исчезая где-то за окоемом.

Ветер дул с юга на север, его словно притягивало жаркое жерло вулкана; он яростно свистел в каменной петле, ударяясь о ее шероховатую поверхность; он сгибал верхний край завесы, как налетевший шквал закручивает гребень гигантской волны, и уносил с собой большие сгустки огня, которые плыли, как объятые пожаром парусники.

Если бы не этот неизменный сильный ветер, любое живое существо, что появилось бы на площадке, вероятно, задохнулось бы от миазмов, но его постоянный напор отгонял все миазмы к северу. Благодаря той же самой причине жар в этом холодном месте был не так силен, как можно

было бы ожидать.

Глядя на это жуткое зрелище, более подходящее для Ада, чем для нашей земли, и опасаясь, как бы ветер не швырнул меня, словно палый лист, в огненное озеро, я опустил на здоровую руку и колени и, крикнув Лео, чтобы он последовал моему примеру, стал оглядываться. Я увидел на площадке ряды молящихся коленопреклоненных жрецов в широких, напоминающих рясы одеяниях, но я не увидел ни Хес, ни Атене, ни тела мертвого Хана.

Пока я раздумывал, где они могут быть, к нам подошли несколько жрецов во главе с Оросом, который сохранял полнейшее хладнокровие среди всего этого ужаса, они окружили нас и повели по дорожке, в опасной близости от закругленного края скалы. Несколько ведущих вниз ступеней — и мы в укрытии, ибо ветер ревел теперь у нас над головой. Еще двадцать шагов — и мы в некоем подобии алькова, высеченного, вероятно, человеческими руками в боковой поверхности скалы и наполовину укрытого базальтовой крышей.

В этом достаточно большом алькове — или пещере — было уже много людей. На каменном троне восседала Хесеа в расшитой пурпурной мантии поверх полупрозрачных пелен, которые окутывали ее с ног до головы. Тут же стояли Ханя Атене, старый Шаман, явно чем-то обеспокоенный, и в багровых отблесках огня покоилось обнаженное тело Хана Рассена.

Мы подошли к трону и поклонились. Хесеа сидела с опущенной на грудь головой, то ли в печали, то ли в задумчивости; в ответ на наше приветствие она подняла голову и заговорила с жрецом Оросом. Здесь, под прикрытием массивных стен, было сравнительно тихо и можно было даже разговаривать друг с другом.

— Ты благополучно привел их сюда, мой слуга, — сказала Хесеа. — Благодарю тебя. Для людей непривычных эта дорога трудна и опасна. Мои гости, что скажете вы об этой бездне, где хоронят детей Хес?

— О госпожа, наша религия говорит, что существует место, именуемое Адом, — ответил Лео. — Этот кипящий котел внизу очень походит на его раскрытый зев.

— Если и существует Ад, — ответила она, — то только тот, который мы познаем, переходя из одного существования в другое, на этой маленькой звезде, что называется Землей. Лео Винси, я говорю тебе: истинный ад — здесь! — Она коснулась рукой груди, и ее голова вновь поникла под бременем тайного отчаяния.

Немного погодя она подняла голову и заговорила:

— Уже за полночь, нам предстоит еще до наступления зари свершить

все скорбные обряды. Тьма должна быть обращена в свет, а свет может быть преображен в вечную тьму.

— О владычица! — обратилась она к Атене. — Твой господин будет погребен в этом святом месте: это его наследственное право; его останки, как и останки всех его предшественников, станут пищей для священного огня. Орос, мой служитель, призови Обвинителя и Защитника, вели им открыть свои книги, дабы я могла свершить суд, даровать его душе новую жизнь или осудить ее на вечную смерть.

О Жрец! Судилище начинается!

Глава XV. Второе испытание

Орос поклонился и ушел. Хесеа знаком велела, чтобы мы встали по правую от нее руку, а Атене — по левую. С обеих сторон тихо подходили все новые и новые жрецы и жрицы в капюшонах и выстраивались вдоль стен; их собралось уже около пятидесяти. Затем появились две фигуры в черных одеждах и масках, с пергаментными книгами в руках; они встали по обе стороны от покойника, тогда как возвратившийся Орос стоял у него в ногах — лицом к Хесеа.

Она подняла сistr, и, повинуясь ее велению, Орос сказал:

— Откройте книги.

— Обвинитель — он стоял справа, — сломав печать, приступил к чтению. Последовало перечисление грехов покойника, такое полное, как будто за ним неусыпно наблюдала его собственная совесть. Бесстрастно, во всех ужасающих подробностях рассказывалось о дурных поступках и злодеяниях, совершенных Ханом в детстве, юности и в зрелые годы; их описание производило поистине удручающее впечатление.

Я слушал в изумлении: какой тайный соглядатай мог с такой дотошностью проследить всю его жизнь; и еще я с содроганием думал, какие тяжкие обвинения могут быть выдвинуты против любого из нас, если бы мы были под таким надзором с колыбели до самой могилы; тут я вспомнил, что грехи запечатлевают писцы еще более бдительные, чем служители Хес.

Долгое перечисление подошло наконец к заключению. Обвинитель поведал об убийстве вельможи на берегу реки; о заговоре против нас, без каких-либо оправдательных причин; затем о том, как он пытался затравить нас псами и чем закончилась эта жестокая охота. Окончив чтение, Обвинитель закрыл книгу и бросил ее на пол.

— Таковы записи, о Мать, — провозгласил он. — Пусть же твоя мудрость подведет окончательный итог.

Ничего не ответив, Хесеа показала систром на Защитника, и он тоже сломал печать и приступил к чтению.

В его перечислении упоминалось обо всем добром, что совершил Хан, о каждом сказанном им благородном слове, каждом благородном поступке, о замыслах, которые он осуществил для блага своих подданных, об искушениях, которые ему удалось побороть, о его истинной любви к жене, о его молитвах и приношениях храму Хес.

Далее говорилось о том, как его ненавидела жена (имя ее не упоминалось), как она и колдун, который ее вырастил и выпестовал, ее родственник и наставник, подбивали других женщин, чтобы те его соблазняли: таким способом они надеялись отделаться от него. И о том, как они опоили его ядовитым зельем, которое лишило его рассудка, посеяло зло у него в сердце и своим губительным влиянием отвратило от той, чьей любви он все еще хотел.

Однако там отмечалось, что тягчайшие из своих преступлений он совершил по наущению жены; она всячески стремилась опорочить его в глазах подданных, которых он притеснял по ее же внушению; именно ревность к ней заставляла его поступать жестоко и подло, хуже всего, что он предательски нарушил закон гостеприимства, напав на ни в чем не повинных людей, от рук которых он и пал.

Окончив чтение, Защитник закрыл книгу и бросил ее на пол.

— Таковы записи, о Мать, — провозгласил он. — Пусть же твоя мудрость подведет окончательный итог.

Все это время Ханья стояла с холодным безучастным видом, но тут она выступила вперед, видимо собираясь что-то сказать, за ней вышел и Шаман Симбри. Но прежде чем Атене успела произнести хоть слово, Хесеа запрещающим жестом подняла скипетр.

— День твоего суда еще не настал, — сказала она, — мы здесь собрались не для того, чтобы слышать твои оправдания. Когда ты будешь лежать там, где лежит твой супруг, и записи твоих деяний будут оглашены перед Судией, — тогда пусть Защитник скажет все необходимое.

— Да будет так, — надменно уронила Атене и отошла назад. Наступил черед верховного жреца Ороса.

— Мать! — сказал он. — Ты выслушала и ту и другую сторону. Взвесь же все, ими прочитанное, определи, какая чаша весов перетягивает, и, суди, как подсказывает тебе твоя мудрость. Должны ли мы скинуть того, кто был Рассеном, в огненную бездну ногами вперед, дабы он мог снова вступить на путь жизни, или же головой вперед, дабы он уже никогда не мог восстать из мертвых?

Все замолчали в напряженном ожидании, когда великая жрица вынесет свой приговор.

— Я все выслушала, все взвесила, все определила, но права судить мне не дано. Это право принадлежит тому духу, который даровал ему жизнь, а затем ее отобрал. Покойник свершил много тяжких грехов, но еще более тяжкие грехи — на совести тех, кто злоумышлял против него. К тому же человек безумный не может отвечать за свои поступки. Скиньте же его в

огненную могилу ногами вперед, да очистится имя его в глазах тех, кто еще не рожден, и да возвратится он в этот мир в определенный судьбой срок. Я сказала.

Обвинитель подобрал с пола брошенную им книгу и, подойдя к пропасти, швырнул ее вниз — в знак того, что все записи навсегда стерты. Затем он повернулся и ушел; Защитник поднял свою книгу и вручил ее Оросу для вечного хранения в Святилище. Окончив отпевание, жрецы обратились с торжественным молением к великому владыке мира подземного, дабы принял он и оправдал душу покойного, как оправдала ее его посланница Хесеа.

Еще до окончания моления несколько жрецов медленно выступили вперед, подняли гроб и поднесли к краю пропасти, после чего по знаку Матери сбросили покойника ногами вниз в огненное озеро. Все наблюдали за падением тела; если бы оно перевернулось, это означало бы, что суд смертных отвергнут в обители бессмертных. Но тело не перевернулось, оно, как свинцовое грузило, упало в огонь, который пылал в нескольких сотнях футов внизу — и навсегда скрылось. В этом, как потом выяснилось, не было ничего странного, ибо к ногам покойника был привязан груз.

Все в этом торжественном обряде, включая формулы приговора и осуждения, сохранялось неизменным с незапамятных времен; так хоронили здешних жрецов и жриц и кое-кого из правителей и вельмож с Равнины. Сама процедура Судилища, без сомнения, заимствована из Древнего Египта; до сих пор еще ни одна жрица не решилась осудить душу покойного.

Самое примечательное в этом обычае — если не считать его торжественности и ужасной окружающей обстановки — заключается в точности сведений о жизни и деяниях усопшего, оглашаемых Обвинителем и Защитником в масках. Это доказывает, что Община Хес только делала вид, будто ее не интересовали все, включая и политические, дела обитателей Равнины, где они некогда правили; на самом же деле, провозглашая свое духовное превосходство, они втайне стремятся вернуть себе прежние владения, их равнодушие — показное. Кроме того, можно предположить, что столь полные и достоверные сведения нельзя получить даже с помощью необычайно разветвленной системы слежки — здесь, несомненно, не обошлось без применения дара ясновидения.

Заупокойная служба, если позволительно так ее назвать, закончилась; покойник вместе с записями своих грехов погрузился в огненную пучину;

если от него что-нибудь и сохранилось, то только горстка праха. Однако книга нашей судьбы, в отличие от его книги, была все еще раскрыта — и на самой загадочной странице. Мы все знали это и в большом нервном напряжении ждали дальнейшего.

Хесеа сидела, размышляя, на своем каменном троне. И она тоже знала, что настал решительный час. Она вздохнула, махнула скипетром и, сказав несколько слов, отпустила жрецов и жриц. Осталось лишь двое — Орос и верховная жрица Папаве, молодая женщина благородного облика.

— Слушайтесь, слуги мои, — сказала она. — Прибытие иноземцев, которых, вы знаете, я ждала много лет, предвещает великие события. Даже я, в своем безмерном могуществе, не могу предвидеть их исход, ибо мне не дано прозревать грядущее. Этот трон может скоро опустеть, а это тело станет пищей для вечного огня. Нет, нет, не печальтесь, не печальтесь, ибо я бессмертна, и даже если умираю, мой дух возвращается.

Внемли мне, Папаве! В тебе течет жреческая кровь, и только тебе я открыла все двери мудрости. Если я — сейчас или позже — покину этот мир, воссядь на этот древний трон, на мое место и неукоснительно следуй всем моим наставлениям: да озаряет свет с нашей Горы весь мир! И еще я повелеваю тебе и тебе тоже, мой жрец Орос: если меня призовут в горную обитель, оказывайте радушное гостеприимство этим иноземцам, а как только это станет возможно, отведите их назад — той же самой дорогой, что они пришли, или через северные холмы и пустыни. Если же Хания Атене попытается задержать их насильно, именем Хесеа поднимите против нее племена, низложите ее, захватите ее земли и властвуйте ими. Слушайте и повинуйтесь!

— О Мать, мы слушаем и повинуемся, — ответили Орос и Папаве в один голос.

Она махнула рукой — в знак того, что разговор закончен, и после долгого раздумья обратилась к Хании:

— Атене, вчера ночью ты спросила, люблю ли я этого человека. — Она показала на Лео. — Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой: разве не может он разжечь страсть в груди любой женщины, как и в твоей? Ты говорила, что твое сердце и мудрость твоего родственника Шамана подсказывают тебе, что ты любила этого человека еще в первом своем воплощении, и ты заклинала меня именем Высшей Силы, которой я повинуюсь, снять завесу с бывшего, дабы ты могла узнать истину.

Час настал, женщина, и я выполняю твою просьбу, не потому, что уступаю тебе, но потому, что такова моя собственная воля. Я все же человек, а не богиня, поэтому ничего не могу поведать тебе о самом начале.

Не знаю, почему судьба связала нас троих одним узлом; не знаю, что уготовано нам в самом верху лестницы перевоплощений, по бесчисленным ступеням которой мы карабкаемся в таких муках и страданиях, а если и знаю, лишена возможности сказать. Итак, я начинаю свой рассказ с того времени, которое сохранилось в моей памяти.

Хесеа замолчала, и мы увидели, что она вся дрожит в невероятном напряжении воли.

— Оглянитесь, — вскричала она, широко разбрасывая руки. Мы обернулись и сперва не увидели ничего, кроме высокой завесы огня, верхняя кромка которой под натиском ветра загибалась, словно гребень океанской волны. По мере того как мы приглядывались к алой завесе, этому чудовищному светильнику, созданному самой Природой, в ее глубинах, как в магическом кристалле провидца, вырисовывалась все более отчетливая картина.

Среди песков, омываемый широкой, окаймленной пальмами рекой, — храм; по его двору, обнесенному кругом колоннами, шествуют жрецы с развевающимися знаменами. Но вот двор пустеет: я даже вижу, как по нему скользит тень соколиных крыльев, так хорошо заметная в ярких лучах солнца. Через южные порталные ворота входит бритоголовый, босоногий человек в белом жреческом облачении; он медленно направляется к раскрашенной гранитной святыне: там, среди цветущих лотосов, восседает статуя женщины в двойной египетской короне; в руке у нее священный сistr. Внезапно, как будто заслышав какой-то шум, человек останавливается, смотрит на нас; клянусь Небесами, его лицо, как две капли воды, походит на лицо Лео Винси, только помоложе, и на лицо Калликрата, чье набальзамированное тело мы видели в пещерах Кора.

— Смотри, смотри! — выдохнул Лео, хватая меня за руку, но я только кивнул головой.

Человек идет дальше; преклонив колена перед богиней в храме, обнимает ее ноги и молится. Распахиваются ворота, и в святыню вступает процессия во главе с закутанной в покрывало утонченного вида женщиной; она возлагает приношения на столик и опускается на колени перед статуей. Исполнив свой священный долг, она поворачивается и, уходя, прикасается к руке наблюдающего за ней жреца, который после недолгих колебаний следует за ней.

Вся процессия скрывается за воротами, только женщина задерживается в тени колонны — она что-то шепчет жрецу, указывая на реку и лежащую на юге равнину. Он в явном смятении, неуверенно возражает; она же, быстро оглядевшись, сбрасывает с лица покрывало и

тянется к нему — их губы встречаются.

Убегая, она взглядывает в нашу сторону: это вылитая Атене; в ее темных волосах — золотой урей, знак принадлежности к царскому роду. Она смотрит на бритоголового жреца, торжествующе смеется, показывает на заходящее солнце, на реку и исчезает.

В ответ на этот смех, донесшийся до нас из глубины веков, слышится торжествующий смех Атене, она громко кричит старому Шаману:

— Верно подсказывали мне мое сердце и ты. Я покорила его сердце тогда.

Но холодный, точно лед, голос Хесеа остудил ее радость:

— Замолчи, женщина; сейчас ты увидишь, как ты его потеряла тогда.

Сцена меняется; на ложе дремлет прекрасная женщина. Она вздрагивает: по-видимому, ей снится ужасный сон, а над ней склоняется тень с теми же эмблемами на одежде, что и у богини в храме, с шапочкой в виде стервятника, тень что-то шепчет ей на ухо. Женщина просыпается, оглядывается: это вылитая Айша, такая, какой мы ее видели в пещерах Кора, когда она впервые открыла свое лицо.

Горький вздох вырвался у нас с Лео: мы не могли проронить ни слова, вновь любуясь ее красотой.

Она засыпает, и над ней опять склоняется страшная тень и что-то шепчет ей на ухо. Куда-то показывает — дали разверзаются. Ладья среди бушующего моря, и в этой ладье сплелись в объятиях жрец и женщина с царственным обликом, а над ними, как символ возмездия, реет голошей, с взъерошенным опереньем сокол — точно такой же, как на шапочке богини.

Картина стирается с полотна; теперь огненная завеса так же пуста, как и полуденное небо. Затем возникают новые видения. Хорошо нам памятная большая пещера с гладкими стенами и усыпанным песком полом. На песке — мертвое тело того самого жреца, но уже не с бритой головой, а золотокудрого; его остекленевшие глаза устремлены вверх, белая кожа — вся в кровавых потеках; над ним стоят две женщины. У одной в руках дротик; облачена она лишь в длинные, до пят волосы; она несказанно прекрасна. Другая — в темной накидке; она гневно размахивает руками и, подняв глаза, как будто призывает проклятие Неба на соперницу. Одна — та самая женщина, которой тень что-то нашептывала на ухо; другая — царственная египтянка, которая целовала жреца возле порталных ворот.

Медленно все фигуры бледнеют, их как будто слизывает огонь, ибо сперва они становятся серо-белыми, словно зола, затем исчезают.

Хесеа — все это время она сидела наклонясь вперед — откидывается на спинку трона, вид у нее очень утомленный.

По огненной завесе, как в зеркале, беспорядочно проносятся смутные видения, такие видения как раз и могут родиться в уме, обремененном воспоминаниями двухтысячелетней давности и слишком измученном, чтобы внести какой-нибудь порядок в этот хаос.

Дикие места, людские толпы, большие пещеры, лица — среди них и наши собственные: уродливо искаженные, огромные, но тут же уменьшающиеся и истаивающие; высокие божественные тени; марширующие армии, бескрайние поля битв, тела в лужах крови — и парящие над ними души убитых.

И эти картины исчезли, как и все предыдущие; только пустая огненная завеса — и ничего больше.

И тогда Хесеа заговорила — вначале очень тихо, но затем громче и громче:

— Получила ли ты ответ на свой вопрос, Атене?

— Я видела странные видения, о Мать, достойные могучей силы твоего волшебства, но я не уверена, что им можно верить: не плоды ли это твоего воображения, которые ты изобразила в огне, чтобы посмеяться над нашей доверчивостью?

— Послушай, — устало произнесла Хесеа, — сейчас я истолкую тебе все виденное, перестань раздражать меня своими сомнениями. Много столетий назад, вскоре после того, как началось это мое последнее, бесконечно долгое существование, на берегу Нила, в Бехбите, стоял Священный Дом Исиды, великой египетской богини. Ныне этот храм в руинах, Исида покинула Египет, хотя и продолжает править миром, покорная той высшей силе, что создала и этот мир, и ее самое, ибо она — Природа. Верховным жрецом этой святыни был грек Калликрат, избранный самой богиней для служения себе: он принес обет вечной верности ей — и только ей; тому, кто посмеет нарушить такой обет, угрожает вечное проклятие.

Ты видела в огне этого жреца; сейчас он стоит рядом с тобой, возродившийся, чтобы выполнить предначертания своей и нашей судьбы.

Жила в те времена и дочь Фараонова Дома, Аменартас, она полюбила этого Калликрата и, пустив в ход все свои колдовские чары, ибо тогда, как и ныне, занималась колдовством, принудила его нарушить обет и бежать вместе с ней — ты это видела. Так вот, ты, Атене, была Аменартас.

И жила еще аравитянка по имени Айша — мудрая прекрасная женщина; в полной опустошенности, изнемогая под бременем слишком большого знания, она посвятила себя служению Вселенской Матери, надеясь наконец обрести вечно ускользающую от нее высшую мудрость. И

вот богиня явилась во сне к этой Айше и повелела ей настичь отступников и свершить возмездие; в награду за это богиня обещала даровать ей победу над смертью и красоту, какой не обладала еще ни одна женщина на земле.

Айша последовала за беглецами, даже опередила их. С помощью мудреца Нута, который должен был служить и ей, и той, другой, — этим человеком был ты, Холли, — она нашла тот источник, совершив омовение в котором, можно переживать поколения, верования и империи.

«Я убью этих презренных, — пообещала она. — Убью их немедленно, как мне велено».

Но она не убила их, ибо впала в тот же грех, что и те двое: никогда прежде не любившая — она страстно возжелала жреца Калликрата. Поэтому она отвела их к Источнику Жизни, надеясь, что там они вместе с Калликратом обретут бессмертие, Аменартас же найдет смерть. Но ее надежде не суждено было сбыться: тогда-то богиня и обрушила свой карающий удар. Айша, как ей и было обещано, все же обрела бессмертие, но не прошло и часа, как, обуянная яростной ревностью, ибо ее избранник предпочел божественной красоте смертную женщину, что была с ним рядом, она убила его, а сама, увы, осталась жить долгие тысячелетия.

Так разгневанная богиня покарала бесчестных ослушников: Калликрата она осудила на мгновенную смерть, Айшу — на долгое раскаяние и отчаяние, а царственную Аменартас — на ревность, более мучительную, чем жизнь или смерть: вновь и вновь пытается она вернуть похищенного ею, вопреки священной воле Небес, возлюбленного и каждый раз лишается его.

Прошли долгие века; все это время бессмертная Айша в ожидании, когда возродится ее любимый, оплакивала свою утрату и горько каялась в содеянных ею грехах; и в назначенный судьбой срок тот, к кому так стремилось ее сердце, вернулся. Все, казалось бы, благоприятствовало их счастью, но богиня снова нанесла удар и отобрала у нее награду. На глазах у своего любимого, опозоренная, в полном отчаянии, она превратилась в уродливую старуху и, бессмертная, умерла. Но это была только видимость. На самом же деле, говорю тебе, Калликрат, она не умерла. В пещерах Кора Айша поклялась тебе, что вернется: даже в тот ужаснейший час эта решительная надежда согревала ей душу. Скажи, Лео Винси, или Калликрат, не ее ли дух посетил тебя во сне, не он ли показал тебе путь к этой самой вершине, что стала для тебя путеводным маяком? Не ее ли ты искал все эти долгие годы, не зная, что она сопровождает каждый твой шаг, оберегая тебя от опасностей, в предвкушении твоего возвращения?

Она посмотрела на Лео, как будто ожидая ответа.

— О госпожа! У меня нет никаких подтверждений первой части твоего рассказа, кроме надписи на черепке вазы, — сказал он, — все же остальное чистая правда; это могу удостоверить не только я, но и мой спутник. И все же я хочу задать вопрос, умоляю тебя, ответь мне коротко и сразу же. Ты сказала, что в назначенный судьбой срок я возвратился к Айше? Где же она? Не ты ли Айша? Почему же так изменился твой голос? Почему ты ниже ростом? Именем того божества, которое ты чтишь, — скажи мне, не ты ли Айша?

— Да, я *Айша*, — торжественно произнесла она, — та самая, которой ты поклялся в вечной верности.

— Она лжет, лжет, — закричала Атене. — Говорю тебе, мой супруг, — ведь она сама объявила, что ты мой супруг, — эта женщина, уверяющая, будто рассталась с тобой молодой и прекрасной, около двадцати веков назад, не кто иная, как старая жрица, вот уже целый век восседающая в этом храме Хес. Пусть она попробует опровергнуть мои слова.

— Орос, — сказала Мать, — расскажи о смерти той самой старой жрицы.

Жрец поклонился и всегдашним своим спокойным голосом, как будто повествуя о самых будничных событиях, начал свой рассказ, но говорил он так, словно повторял заученное и, как мне показалось, не очень убедительно.

— Восемнадцать лет назад, в четвертую ночь первого месяца зимы в году две тысячи триста тридцать третьем от основания Святилища Хес на этой Горе, жрица, о которой говорит Атене, умерла в моем присутствии на сто восьмидесятом году своего правления. Через три часа мы подошли, чтобы снять ее с трона, на котором она умерла, и приготовить ее тело для сожжения в соответствии с древним обычаем в огне, и вдруг — о чудо! — она ожила — та же, но очень изменившаяся.

Полагая, что в старую настоятельницу вселилась нечистая сила, жрецы и жрицы Общины отвергли ее и хотели согнать с трона. Но вся Гора засверкала и загрохотала, погасли огненные столбы в Святилище; великий ужас обуял сердца людей. И тогда из крошечной тьмы над алтарем, где стоит статуя Матери всего человечества, загремел голос ожившей богини:

«Примите ту, кого я поставила над вами, дабы свершились мои веления и начертания!»

Голос умолк, огненные факелы снова вспыхнули, а мы поверглись на колени перед новой Хесеа, с тех пор мы зовем ее Матерью. Мой рассказ могут подтвердить сотни людей.

— Ты слышала, Атене? — сказала Хесеа. — Ты все еще

сомневаешься?

— Да, — упорствовала Атене. — Я уверена, что и Орос лжет, а если не лжет, то, может быть, все это ему приснилось, а еще может быть, слышанный им голос — твой собственный. Если ты и впрямь бессмертная Айша, подтвердить это могут лишь те двое, что знали тебя еще в прежние времена. — Сорви с себя покрывала, так ревниво охраняющие твою тайну. Яви нашим ослепленным глазам свой божественно прекрасный лик! Уж конечно, твой возлюбленный не мог позабыть твоих чар; конечно, он узнает тебя и, пав на колени, воскликнет: «Вот она — моя бессмертная любовь, она, не какая-нибудь самозванка!»

Только тогда я поверю, что ты та, за кого себя выдаешь, а именно: злой дух, что ценой убийства купил себе бессмертие и своей дьявольской красотой околдовывает души мужчин.

Хесеа на троне была в сильном замешательстве: она раскачивалась взад и вперед и ломала свои запеленатые руки.

— Калликрат, — скорее простонала, чем сказала она, — такова ли и твоя воля? Если такова, то знай, что я должна повиноваться. И все же я прошу тебя: не настаивай, ибо не пришло еще время для этого, еще не выполнено нерушимое обещание. С тех пор как там, в пещерах Кора, я поцеловала тебя в лоб и назвала моим, я изменилась, Калликрат.

Лео в отчаянии оглянулся; его глаза задержались на искаженном насмешкой лице Атене, которая кричала:

— Вели ей открыть лицо, господин. Клянусь тебе, я не буду ревновать. Лео, вспыхнув, принял ее вызов.

— Да, — сказал он, — я хочу, чтобы она открыла лицо, ибо хочу знать правду, какой бы она ни оказалась; я не выдержу дальнейшего ожидания. Если она Айша, я узнаю ее; если она Айша, я все равно буду любить ее с прежней силой.

— Смелые слова, Калликрат, — ответила Хесеа. — Благодарю тебя от всего сердца за эти благородные слова надежды и веры — ты сам не знаешь, чему. Узнай же правду, ибо я не могу ничего от тебя утаить. Когда я открою свое лицо, ты должен будешь — таково веление свыше — сделать окончательный выбор между этой женщиной, моей давнишней соперницей, и той Айшей, которой ты поклялся в вечной любви. Ты вправе, если пожелаешь, отвергнуть меня, ничто не угрожает тебе в этом случае, — напротив, ты обретешь многое, столь ценимое мужчинами: власть, богатство и любовь. Но тогда тебе придется навсегда вырвать память обо мне из своего сердца, ибо я оставляю тебя и ты будешь следовать своим путем, пока не станет ясна цель всех событий и страданий.

Предупреждаю — тебе предстоит нелегкое испытание. Подумай. Я не могу обещать тебе ничего, кроме любви, какой еще ни одна женщина не дарила мужчине; но здесь, на земле, эта любовь, может быть, останется неудовлетворенной.

Затем она повернулась ко мне:

— О Холли, мой верный друг, мой хранитель еще с древних времен, — ты, кого я люблю больше всех после него; может быть, твоей светлой, безгреховной душе будет дана мудрость, в которой отказано нам, маленьким детям, которых оберегают твои руки. Наставь его, мой Холли, дай ему разумный совет; я поступлю, как вы скажете: ты и он, и что бы не впоследствии, буду всегда искренне благословлять тебя. И если он отречется от меня, тогда в той стране, что лежит за всеми странами, на Звезде, которая станет нашим обиталищем, там, где угасают все земные страсти, мы будем вечно жить, соединенные узами нерушимой дружбы, — только ты и я.

Ибо *ты*, я знаю, не отречешься от меня; сталь твоей души, выплавленная в горниле чистой правды и твердой воли, не потеряет своей закалки в огне мелких искушений, не превратится в ржавую цепь, связывающую тебя с другой женщиной, пока эта цепь не перетрет твою и ее грудь.

— Благодарю тебя, Айша, — просто ответил я. — Этими словами и обещанием я, твой бедный друг, — на большее я никогда не надеялся, — тысячекратно вознагражден за все перенесенные муки. Добавлю, что я лично совершенно уверен: ты та самая *Она*, которую мы потеряли, ибо и твои мысли, и слова — каковы бы ни были уста, их произносящие, — могут принадлежать только Айше — и никому другому.

Так я говорил, не зная, что еще сказать, переполненный радостью, невыразимым спокойным удовлетворением, которое рвалось наружу из моего сердца. Теперь я знал, что дорог Айше, как всегда был дорог Лео, самый близкий из ее друзей, с кем она хотела бы никогда не расставаться. Чего еще я мог желать?

Мы с Лео отошли в сторону и стали советоваться под пристальными взглядами обеих женщин. Не помню, что именно мы говорили, но в конце концов Лео, как и Хесеа, сказал, чтобы решал я. И тогда я услышал некое тайное веление, было ли это веление моей собственной души или чьей-либо еще — кто может сказать?

«Скажи, чтобы она открыла лицо, — велено было мне. — И да свершится воля судьбы!»

— Решай же! — поторопил меня Лео. — Я не могу больше выдержать. Как и эта женщина, — кто бы она ни была, — я не буду ни в чем обвинять тебя, Хорейс.

— Хорошо, — ответил я, — я решил. — И, подойдя ближе к Хесеа, добавил: — Мы посоветовались: наше общее желание — знать правду, чтобы мы могли наконец успокоиться; открой свое лицо, прямо сейчас и здесь.

— Слушаю и повинуюсь, — умирающим голосом сказала жрица. — Только умоляю вас обоих: будьте милосердны, не насмехайтесь надо мной, не подсыпайте угольев вашей ненависти и презрения в тот адский костер, который меня поджаривает, ибо только любовь к тебе сделала меня такой, как я есть, Калликрат. Да, и я тоже в нетерпении, тоже хочу знать правду, при всей своей мудрости, при всем своем могуществе я не знаю одного: чего стоит любовь мужчины и может ли она пережить ужасы могилы.

Хесеа медленно встала и подошла, точнее, подковыляла, к самому краю пылающей бездны.

— Подойди ближе, Папаве, и сними пелены, — прокричала она резким, визгливым голосом.

Папаве вышла вперед и с выражением ужаса на своем красивом лице принялась за дело. Роста она была не очень высокого, и все же куда выше своей повелительницы, Хесеа.

Папаве сматывала пелены слой за слоем, пока перед нами не предстало то странное, похожее на мумию существо, которое встретило нас в долине костей, только как будто бы пониже. Стало быть, наша таинственная проводница и настоятельница храма Хес — одна и та же женщина?

А Папаве все продолжала разматывать пелены. Неужели им никогда не будет конца? Но какой маленькой, какой неестественно маленькой была та, что пряталась за ними! Мне стало дурно. Последние пелены упали, развеваясь, как стружки; показались две сморщенные ручки, если можно было назвать их руками. Затем ножки — точно такие я видел однажды у мумии египетской принцессы; по какому-то странному наитию я вспомнил, что на ее саркофаге была выведена надпись: «Прекраснейшая».

Папаве уже заканчивала, оставалось лишь нижнее платье и последний слой на голове. Хес махнула рукой, приказывая Папаве отойти; молодая женщина в полубеспамятстве упала на пол и лежала, прикрыв глаза рукой. С пронзительным визгом Хес схватила конец последней пелены своей ручкой, похожей на ястребиную лапку, сорвала ее и с жестом полного отчаяния повернулась лицом к нам.

Она была... нет, не буду ее описывать. Скажу лишь, что я сразу же ее узнал — такой я ее видел в последний раз, близ Источника Жизни: как ни удивительно, под личиной глубочайшей дряхлости, под покровом тлена и распада все же угадывалось сходство с божественно прекрасной Айшей; таилось ли это сходство в форме лица или в запечатлевшемся на нем гордом вызове — не могу сказать, но сходство было несомненное.

Она стояла перед нами в ярких огненных бликах, которые безжалостно высвечивали все ее уродство.

Последовало ужасное молчание. Губы у Лео были мертвенно бледны, ноги подкашивались, но все же усилием воли ему удавалось держаться прямо, хотя он и напоминал висящую на нити марионетку. К чести Атене следует сказать, что она отвернулась. Да, она хотела видеть унижение соперницы, но это ужасное зрелище потрясло ее до самой глубины души; сознание их женской общности на миг пробудило в ней сострадание. Только Симбри, должно быть, знал, чего следовало ожидать; сохранял невозмутимость и Орос; именно он нарушил гнетущее безмолвие; и я всегда с чувством восхищения вспоминаю его слова.

— Скудельный сосуд истлевет в могиле времени, плоть бrenна, — сказал он. — Но помните, что вечный свет может сиять и в старой разбитой лампаде. Помните, что под телесным покровом скрывается бессмертная душа.

Эти благородные чувства всколыхнули все лучшее во мне. Я был того же мнения, что и Орос, но — о Небо! — рассудок мой мутился, и я даже радовался этому: только бы ничего больше не слышать и не видеть.

Вначале на сморщенном личике Айши еще мерцала надежда, но затем эта надежда угасла, вместо нее появилось отчаяние, *беспредельное отчаяние*.

Надо было что-то сделать, так не могло продолжаться. Но мои губы как будто слиплись, я не мог выговорить ни слова, ноги подламывались.

Я повернулся в сторону бездны. Какое изумительное зрелище — эта огненная завеса, колыхающаяся во всю свою ширину. И какое ужасное зрелище — ее гребень! Как хорошо было бы покоиться в этой алой бездне рядом с Рассеном! Разделить с ним пылающее ложе, лишь бы избавиться наконец от этих адских мук!

Благодарение Небу, Атене хочет что-то сказать. Она подошла к крохотному существу с открытым лицом и стоит возле нее во всем великолепии своей дивной красоты и безупречной женственности.

— Лео Винси, или Калликрат, — говорит Атене, — избери то имя,

которое тебе больше нравится; возможно, ты думаешь обо мне плохо, но знай, что я считаю ниже своего достоинства насмехаться над соперницей в час ее горького унижения. Она только что рассказала нам какую-то дикую историю, то ли правдивую, то ли вымышленную, скорее всего вымышленную, будто бы я похитила жреца у богини и будто бы эта богиня — уж не сама ли Айша? — отомстила мне за любовь к этому человеку. Ну что ж, богини — если они существуют — могут творить что хотят и вымещать свой гнев на беспомощных людях, на то они и богини; я же, смертная женщина, буду поступать, как хочу, пока десница судьбы не схватит меня за горло и не отнимет у меня жизнь и память; а стану ли я богиней или просто пригоршней праха — это покажет будущее.

Как бы там ни было, я не стыжусь признаться перед всеми этими свидетелями, что я люблю тебя, Лео Винси; и оказывается, что эта... эта женщина или богиня тоже любит тебя, она только что сказала, что сейчас, *сию минуту* ты должен сделать окончательный выбор между нами. По ее собственным словам, если я виновна перед Исидой, чьей посланницей она себя объявляет, то ее вина куда более тяжкая. Ибо она похитила тебя, Лео Винси, и у твоей небесной властительницы, и у твоей земной невесты, да еще и обманом получила дар бессмертия. Поэтому, если я грешница, то она куда большая; не так уж чист и ярок этот свет, который теплится в ветхой лампаде, как уверял нас Орос.

А теперь выбирай, Лео Винси, окончательно и бесповоротно. Не буду себя хвалить: ты знаешь, и какой я была, и какая я сейчас. Я могу подарить тебе любовь, счастье, а может быть, и детей, и вместе со всем этим — власть и могущество. Что может подарить тебе эта ведьма — угадать нетрудно. Рассказни о временах минувших, картины на огне, мудрые речения и медово-сладкие слова, а может быть, и обещания посмертного блаженства, когда грозная богиня, которой она служит, соизволит сменить гнев на милость. Я сказала. Добавлю немного.

О ты, ради кого, если верить Хесеа, я отреклась от своего высокого сана и не побоялась переплыть неведомое море, о ты, кого я готова была прикрыть своим хрупким телом от козней этой жестокой и своекорыстной колдуньи; о ты, кого совсем недавно, с риском для собственной жизни, я вытащила из реки, спасла от смерти, — выбирай, выбирай!

Всю эту долгую речь, как будто бы сдержанную, но, в сущности, такую жестокую, хорошо продуманную и тем не менее лживую, ибо строилась на внешних эффектах и умолчаниях, Айша, которая еще не оправилась от своего смятения, выслушала со скрытой яростью. Она не

ответила ни единым словом, ни хотя бы единым жестом; она уже сказала все, что хотела, и не унижалась до смиренной мольбы.

Я смотрел на пепельно-серое лицо Лео. Он потянулся к Атене, привлекаемый, видимо, страстью, которой пылали ее прекрасные глаза, но тут же отшатнулся, покачал головой и вздохнул. Его лоб слегка порозовел; взгляд стал почти счастливым.

— В конце концов, — произнес он, как бы размышляя вслух, — я должен отталкиваться не от неведомого прошлого или мистического будущего, а от своей собственной жизни. Айша ждала меня две тысячи лет; Атене, ради могущества и власти, вышла замуж за человека ей ненавистного, а затем отравила его, как, возможно, могла бы отравить и меня, если бы я ей опостылел. Не знаю, какие клятвы я давал Аменартас, если такая женщина в самом деле жила. Но я хорошо помню клятвы, какие давал Айше. Если я отвергну ее сейчас, значит, вся моя жизнь — ложь, а моя вера — мыльный пузырь; значит, любовь не может пережить не только могилу, но даже и старость.

Я помню Айшу, какой она была, и принимаю ее, какова она есть, надеясь и веря, что она еще преобразится. Любовь по самой сути своей бессмертна, и, если так суждено, она может питаться одними воспоминаниями, пока смерть не высвободит душу из ее темницы.

И, подойдя к ужасному сморщенному существу, Лео опустил на колени и поцеловал его в лоб.

Да, он поцеловал это вопиющее уродство, и я убежден, что это один из самых великих и отважных подвигов, когда-либо совершенных человеком.

— Итак, ты выбрал, — холодно сказала Атене, — и я говорю тебе, Лео Винси, что твое благородство вызывает у меня еще большее сожаление о моей утрате. Забирай же свою... свою невесту, а я ухожу.

Но Айша все еще продолжала молчать: ни слова, ни жеста; затем она опустилась на свои костлявые колени и стала молиться. Я запомнил ее молитву дословно, хотя и не понял, к какой именно Высшей Силе она взывает; я так до сих пор и не знаю, кого — или что — она чтит в своем сердце.

— О Вершительница всемогущей Воли, острый Меч в руках судьбы, непреложный Закон, именуемый Природой, о Ты, кому египтяне поклонялись под именем Исиды, богиня всех времен и народов, Ты, соединяющая мужчину и женщину, возлагающая младенца на грудь матери, возвращающая наш прах в земной прах, Ты, что даешь жизнь самой смерти и озаряешь светом жизни тьму вечную, Ты, что заставляешь приносить обильные плоды землю, Ты, чья улыбка — Весна, чей полуденный отдых

— дремотное Лето и чей сон — Зимняя ночь, — внимли мольбе твоей избранной дщери и посланницы.

Некогда ты наделила меня собственной силой, бессмертием и красотой, подобной которой нет ни у одной дщери этой Звезды. Но я свершила тяжкий грех перед тобой; этот грех я искупала бессчетными столетиями одиночества, ты покарала меня уродством, которое делает меня омерзительной в глазах моего возлюбленного и вместо диадемы великого могущества оскверняет мое чело этой шутовской короной. Но ты, чье дыхание, подобное быстрому ветру, приносило мне и радость, и горе, — ты обещала мне, не знающей умирания, что увядший цвет моей бессмертной красоты снова взойдет на топкой почве позора.

О милосердная Мать, к тебе, коей обязана я жизнию, обращаю я свою молитву. Да послужит его верная любовь искуплением за мой грех, а если в этом мне отказано, даруй мне смерть — последний и благословеннейший из твоих даров.

Глава XVI. Преображение

Когда она кончила молиться, наступило долгое-долгое молчание. Мы с Лео переглянулись в замешательстве. Вопреки всякому здравому смыслу мы надеялись, что эта прекрасная, трогательная молитва, обращенная к великому, бессловесному духу Природы, будет услышана. Для этого должно было свершиться чудо, но почему бы ему не свершиться? Продление жизни Айши было само по себе чудом, при том что некоторые скромные рептилии, как утверждают, живут столь же долго, как и она.

Переселение ее духа из пещер Кора в этот храм также было чудом, во всяком случае, для нас, людей западных: обитатели этих частей Центральной Азии могли бы и не согласиться с этим мнением. Чудо и то, что она возродилась в том же самом безобразном теле. Но то же ли это тело? Не тело ли последней Хесеа? Все дряхлые старухи на одно лицо, и за восемнадцать лет изменившаяся духовная суть могла стереть незначительные различия и придать заимствованному телу некоторое сходство с покинутым.

Не чудо ли все эти изображения в огненном зеркале? Да нет. Сотни ясновидцев в сотнях городов могут производить подобный же эффект на воде или в хрустале, разница только в размерах. Это не более чем отражение сцен, запечатленных памятью Айши, а может быть, даже и не отражение, а фантомы, порожденные в нашем воображении с помощью некой месмерической силы.

Нет, все это не истинные чудеса, ибо при всей их необыкновенности они поддаются объяснению. Какие же у нас основания ожидать чуда сейчас?

Такие мысли роились в головах у нас с Лео. Рождались и умирали бесчисленные минуты, но ничего не происходило.

Наконец все же что-то произошло. Свет, который лился от огненной завесы, постепенно померк, а сама завеса опустилась вниз, в кипящую бездну. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: как мы уже видели издали, завеса постоянно менялась — обычно с приближением рассвета, а время было уже предутреннее.

И все же от наползающей тьмы это зрелище вселяло еще больший ужас. В последних лучах гаснущего света Айша встала и подошла к небольшому выступу скалы, откуда сбросили тело Рассена; здесь она

остановилась — черная безобразная карлица на фоне дымчатого мерцания, которое все еще поднималось снизу.

Лео хотел было последовать за ней, опасаясь, что она хочет броситься вниз; честно сказать, я тоже думал, что именно таково ее намерение. Но жрец Орос и жрица Папаве, повинуясь, по-видимому, какому-то тайному велению, подбежали и схватили его за руки. Стало уже совсем темно, и впотьмах мы слышали, как Айша поет скорбный, словно похоронный, гимн на неизвестном нам священном языке.

Сквозь темноту, покачиваясь, как парящая птица, поплыл большой сгусток огня. В ту ночь мы уже видели много подобных огненных сгустков; как я уже описывал, ветер срывал их с верхнего края пылающей завесы. Но... но...

— Хорейс, — шепнул Лео, стуча зубами, — этот огонь плывет *против ветра*.

Ближе и ближе подлетал огненный сгусток — он был странной формы: два огромных крыла, и между ними что-то темное. Вот он достиг выступа скалы. Крылья подплыли к карлице, которая там стояла, ярко осветив се на мгновение. Затем они вдруг померкли и растворились во мгле — все исчезло.

Прошла минута, а может быть, и все десять — и вдруг Папаве, услышав какой-то неслышимый для нас зов, тихо прошла мимо меня: я почувствовал легкое прикосновение ее одежды. И опять — безмолвие, тьма. Затем Папаве возвратилась на прежнее место, дышала она шумно и судорожно, как человек, сильно испуганный.

Итак, подумал я, Айша бросилась в пропасть. Трагедия закончена.

И вдруг полилась изумительная мелодия. Это могло быть пение жрецов у нас за спиной, хотя и навряд ли, потому что ни до, ни после этого я никогда не слышал ничего подобного, и не только в храме, но и вообще где-либо на земле.

Описать ее не в моих силах, могу лишь сказать, что мелодия внушала непонятный ужас — и в то же время была необыкновенно упоительна. Она струилась из черной дымящейся бездны, где еще недавно висела огненная завеса, и все росла, ширилась, умножая отголоски, — то слышался отдельный, небесно-прекрасный голос, то согласный хор, то воздух сотрясаясь от громовых звуков, будто одновременно играла целая сотня органов.

Разнообразная, величественная мелодия вобрала в себя и выражала всю гамму человеческих чувств; впоследствии я часто думал, что этот

гимн, пеан возрождения, в своем всеобъемлющем богатстве, широте порывов вполне мог бы символизировать бесконечную изменчивость, многоликость духа Айши. Но были в этой мелодии, как и в ее духе, преобладающие темы: могущество, страсть, страдание, тайна и красота. Не вызывало сомнений и основное содержание этого песнопения, кто бы его ни исполнял. Это была история великой души во всех ее превращениях: поклонение, поклонение, поклонение божественной владычице.

Звуки неземного песнопения постепенно слабели — так слабеет аромат курений, возносясь к высоким расписным сводам собора, — и наконец с печальными всхлипами они замерли где-то в глубинах пропасти внизу.

На востоке блеснул первый луч восходящего солнца.

— Занимается заря. Смотрите! — сказал спокойный голос Ороса.

Луч пламенным мечом рассек небо у нас над головой. Затем стал быстро снижаться. И вдруг упал — но не нас, ибо мы находились в укрытии, а на выступ скалы с самого края.

И там — о чудо из чудес! — нашим глазам предстало небесное видение: фигура женщины в одном-единственном одеянии. Женщина, казалось, спала, глаза ее были закрыты. Или, может быть, она была мертва — ее лицо напоминало маску смерти. Но вот на ней заплясал солнечный свет: под тонким покрывалом засияли большие, точно у изумленного дитяти, глаза; на белой, цвета слоновой кости груди, а затем и на бледных щеках заиграли алые краски жизни; на ветру затрепетали черные вьющиеся волосы, которые облекали ее наподобие одеяния; сверкнула голова драгоценной змеи, что обхватывала ее стан, вместе с волосами.

Что это — иллюзия или же сама Айша — точно такая, какой она вошла в крутящийся Столп Пламени в пещерах Кора? У меня и у Лео подкосились колени; обняв друг друга за шею, мы бессильно опустили на каменный пол. И тогда заговорил голос, что был слаще меда, нежнее, чем шелест вечернего ветерка в тростнике, — и вот что он сказал, этот голос:

— *Иди ко мне, о Калликрат, я хочу вернуть тебе искупительный поцелуй веры и любви, который ты мне только что подарил.*

Лео с трудом поднялся на ноги. Пошатываясь, точно пьяный, он подошел к Айше и в избытке чувств пал перед ней на колени.

— Встань, — сказала она, — это я должна стоять перед тобой на коленях. — И протянула руку, чтобы помочь ему встать, все время что-то нашептывая ему на ухо.

А он все никак не вставал: то ли не хотел, то ли не мог. Она медленно

нагнулась и притронулась губами к его лбу. Потом поманила меня. Я тоже хотел опуститься на колени, но она не позволила.

— Нет, — сказала Айша своим мелодичным, так хорошо памятным мне голосом, — тебе ли стоять в позе смиренного просителя? В обожателях и поклонниках у меня никогда не было недостатка. Но где я найду себе другого такого друга, как ты, Холли? Приветствую тебя. — И, склонившись, она коснулась губами и моего лба, только коснулась, чуть-чуть ощутило.

Ее дыхание было напоено ароматом роз, ароматом роз веяло от прекрасных локонов; стройное тело мерцало, словно жемчуг; голова была увенчана слабым, но хорошо заметным сиянием; ни один ваятель не создал ничего более прекрасного, чем рука, поддерживающая покрывало; ни одна звезда в небе не сияла более чистым и ярким светом, чем ее задумчивые, спокойные глаза.

И все же, даже когда ее губы прикоснулись к моему лбу, я не ощутил ничего, кроме божественной любви, где не было места человеческим страстям. Не без стыда признаюсь, что это не всегда было так, но теперь я старый человек, чуждый плотских соблазнов. К тому же Айша назвала меня своим Хранителем, Защитником, Другом, поклялась, что вместе с ней и Лео я буду обитать там, где умирают все земные страсти. Повторяю: чего же мне еще желать?

Айша взяла Лео за руку и увела его с открытой площадки под каменный навес; оказавшись в тени, она вздрогнула, как будто ей стало холодно. Помню, что, заметив это, я обрадовался: значит, она все же земная женщина, хотя и в божественном облике. Жрецы и жрицы простерлись ниц перед ее новообретенным великолепием, но она жестом велела всем встать и благословила их всех, возлагая руку на голову каждому.

— Мне холодно, — сказала она. — Дайте мне мантию. — И Папаве набросила ей на плечи расшитое пурпурными узорами, истинно царское одеяние — такое надевают во время коронации.

— Нет, — продолжала она, — на холодном ветру дрожит не моя прежняя плоть, которую мой господин вернул мне своим поцелуем, — дрожит мой дух, овеванный суровым дыханием Судьбы. О мой любимый, мой любимый, не так легко умиротворяются разгневанные горные Силы, даже если и кажется, будто они смиростивились и простили; и хотя отныне никто не посмеет насмехаться надо мной в твоём присутствии, я не знаю, долго ли нам быть вместе в этом мире, может быть, лишь короткий час. Но пока мы не покинули мир, будем наслаждаться жизнью, осушим до дна кубок радости, как испили чашу горя и позора. Это место мне ненавистно:

здесь я перенесла более тяжкие муки, чем любая женщина на земле или призрак в самом глубоком аду. Оно не только мне ненавистно, но порождает недобрые предчувствия. Я хотела бы никогда больше его не видеть.

И вдруг она с яростным видом повернулась к Шаману Симбри, который стоял рядом, скрестив руки на груди.

— О чем ты думаешь, колдун?

— О Прекрасная! — ответил он. — Мои мысли омрачены смутной тенью грядущего. Ведь я обладаю даром, которого лишена ты со всей твоей мудростью, — даром прозрения; и я вижу здесь мертвого человека...

— Еще одно слово, — перебила она с гневом, вызванным, видимо, тайным страхом, — и этим мертвецом будешь ты! Не напоминай мне, глупец, что теперь я снова могу освободиться от ненавистных древних врагов; смотри, как бы я не пустила в ход меч, который ты вкладываешь в мою руку. — Только что такие спокойные и счастливые, глаза ее полыхали жгучим огнем.

Старый колдун почувствовал их грозное могущество и попятился назад, до самой стены.

— О великая Повелительница! Я приветствую тебя, как и прежде. Да, как и в те далекие времена, о которых ведаем только мы двое, — пробормотал он, запинаясь. — Я ничего не могу добавить: лица мертвого человека я не видел. Знаю только, что здесь будет покоиться новый Хан Калуна, как час назад лежал тот, кого поглотило пламя.

— Конечно же, здесь будут лежать еще многие Ханы Калуна, — холодно ответила она. — Не бойся, Шаман, мой гнев остыл, но впредь будь благоразумнее, мой враг, не предвещай недоброго великим мира сего. Пойдем отсюда.

Все еще поддерживаемая Лео, она вышла из-под каменного навеса на открытую площадку на самой вершине Знака Жизни. Уже взошедшее солнце ярко золотило склоны Горы, равнины Калу на далеко внизу и отдаленные, тонущие в туманной дымке горные пики. Айша стояла, любуясь величественной панорамой, затем сказала Лео:

— Как красив этот мир; дарю его тебе — весь целиком.

Тогда только впервые заговорила Атене:

— Уж не хочешь ли ты, Хес, — если ты все еще Хесеа, а не демоница, восставшая из бездны, — предложить мои владения как свадебный дар этому человеку? Если так, говорю тебе, ты еще должна завоевать их.

— Неблагодарны твои слова и повадки, — ответила Айша. — Но я прощаю тебя, ибо считаю ниже своего достоинства глумиться над

соперницей в час своего торжества. Когда ты была красивее меня, не предлагала ли ты ему эти самые земли? Но скажи, кто из нас сейчас красивее? Смотрите вы все — и судите. — Она встала рядом с Атене и улыбнулась.

Хания была прелестной женщиной. За всю мою жизнь мне не доводилось видеть никого прелестнее, но какой грубой и невзрачной выглядела она близ Айши с ее первозданной, эфирной красотой! Ибо в этой красоте было еще меньше земного, чем в пещерах Кора; теперь это была красота духа.

Всегда сияющее чело; широко поставленные глаза с их вселяющим безумие взглядом: то полные звездного огня, то той глубокой тьмы, в которой плавают звезды; плавно изгибающиеся губы, застенчивые и в то же время гордые; шелковистые пряди волос, что, ниспадая волнами, как бы жили своей отдельной жизнью; не столько величие во всем облике, сколько неудержимая тайная сила, которая переполняла ее хрупкое тело и бросалась в глаза даже самым невнимательным; то духовное пламя, о котором говорил Орос, — только теперь уже оно сверкало не в «скудельном сосуде», а в драгоценной, отделанной жемчугами алебастровой вазе, — ничто из всего этого не могло принадлежать земной женщине. Я почувствовал это со страхом. То же самое почувствовала и Атене, ибо она ответила Айше:

— Я только женщина. Кто ты такая — лучше всего знаешь ты сама. Можно ли сравнивать свечу с пламенем вулкана или светлячка со звездой? Как моей брэнной красоте соперничать с сиянием, которое ты получила от Владыки Ада в награду за свои дары и поклонение? И все же, как женщина, я тебе равна, а как дух, я буду твоей повелительницей, когда, лишённая своей заемной красоты, сгорая от стыда, ты предстанешь перед Высшим Судьей, которого ты предала и оскорбила, — да, ты будешь стоять перед ним, как только что стояла на краю огненной бездны; тебе суждено нескончаемо бродить, оплакивая свою потерянную любовь. Ибо я знаю, врагиня, что *человек и дух не могут быть вместе*. — И Атене замолчала, задышавшись от горькой ярости и ревности.

Пристально наблюдая за Айшей, я заметил, что она вздрогнула, услышав это зловещее пророчество; на ее карминовых губах появился серый налет, а задумчивые глаза потемнели от тревоги. Но она тут же подавила свои опасения, ее голос зазвенел, словно серебряный колокольчик:

— Напрасно ты безумствуешь, Атене: что может поделать недолгий паводок против нерушимой громады утеса? Неужели ты надеешься, бедное

дита одного дня, сокрушить пеной и пузырями скалу моей вековой силы? Слушай же и молчи. На что мне твои жалкие владения, ведь я, если только пожелаю, могу повелевать всем этим миром. Но запомни: ты правишь страной лишь с моего милостивого соизволения. И еще запомни: я скоро посету твой город, сама выбирай, с чем я приду — с миром или войной.

Поэтому, Ханья, очисти свой двор от пороков и зла, отмени несправедливые законы, чтобы в твоей стране царил довлеющий, ныне отсутствующий, — лишь тогда я смогу подтвердить твое право на власть. И еще я советую тебе выйти замуж за достойного человека, по своему выбору, был бы только он честен и праведен и ты могла бы всецело на него положиться, ибо ты нуждаешься в мудрых советах, Атене.

— Пошли же отсюда, мои гости. — И она пошла мимо Хании, бестрепетно ступая по самому краю пропасти, где бушевал ветер.

Дальнейшее произошло так стремительно, что нам с Лео понадобилось потом сопоставить наши впечатления, чтобы понять, что случилось. Когда Айша проходила мимо, взбешенная Ханья выхватила припрятанный кинжал и со всей силой ударила соперницу в спину. Мне показалось, что кинжал погрузился по самую рукоять, но этого не могло быть, потому что он упал на пол, а та, кого Атене пыталась убить, осталась цела и невредима.

Поняв, что покушение не удалось, Атене, качнувшись, как корабль в бурю, бросилась на Айшу, намереваясь низвергнуть ее в бездну. Но ее протянутые руки повисли в пустоте, Айша даже не пошевелилась. В пропасть упала бы сама Атене, если бы Айша не успела схватить ее за руку и легко, без всякой натуги, как будто она была маленькой девочкой, вытащила оттуда.

— Глупая женщина, — с жалостью проговорила Айша. — Ты так разъярилась, что готова была расстаться с приятным обликом, которым наделило тебя Небо. Это безумие, Атене, ведь ты даже не знаешь, кем тебе суждено возродиться. Может быть, ты будешь не правительницей, а крестьянской девочкой, непригожей, даже уродливой: говорят, именно такая кара предуготовлена самоубийцам. А может быть, как полагают многие, ты станешь животным: змеей, кошкой, тигрицей. Посмотрите, — она подобрала с пола кинжал и швырнула его в воздух, — острое у него отравлено. Стоило тебе уколаться... — Она улыбнулась и покачала головой.

Но Атене больше не могла выносить этих насмешек, более

убийственных, чем яд, которым она смазала лезвие кинжала.

— Ты не смертная женщина, — простонала она. — Как же мне одолеть тебя? Пусть же отомстит за меня Небо! — Она села и зарыдала.

Ближе всех к ней стоял Лео, и он не мог спокойно видеть отчаяние этой царственной женщины. Он подошел, поднял ее и прошептал несколько добрых слов. На какой-то миг она оперлась на его руку, но тут же отпрянула и взяла руку, протянутую ей старым Симбри.

— Я вижу, — сказала Айша, — ты как всегда великодушен, мой господин Лео; но будет лучше, если о ней позаботится ее собственный родственник, она могла припрятать еще кинжал. Пойдем, уже светает, нам надо еще отдохнуть.

Глава XVII. Обручение

Все вместе мы спустились по многочисленным ступеням, прошли через бесконечные тоннели и наконец оказались у дверей покоев настоятельницы. В зале, куда нас ввели, Айша простилась с нами, сказав, что сильно устала: она и в самом деле была на пределе своих сил, если не физических, то душевных. Ее тонкая фигура клонилась, точно лилия под тяжелыми каплями дождя; глаза потускнели, как во время транса, а голос снизился до мягкого нежного шепота, так разговаривают иногда во сне.

— Всего вам доброго, — попрощалась она. — Орос приглядит за вами обоими, а в назначенный час приведет обратно ко мне. Отдыхайте спокойно.

Она ушла, а жрец отвел нас в прекрасные покои, которые открывались на затененный сад. Мы были так измучены всем перенесенным и виденным, что с трудом могли говорить, тем более обсуждать все эти удивительные события.

— У меня все плывет перед глазами, — признался Лео Оросу. — Я хочу спать.

Жрец поклонился и провел нас в спальню, мы бросились на кровати и уснули безмятежным младенческим сном.

Проснулись мы уже к вечеру. Встали, умылись, а затем уединились в саду, где даже на этой высоте в конце августа было тепло и приятно. За скалой, около клумбы с колокольчиками и другими горными цветами и папоротниками, на берегу ручья стояла скамья, на нее мы и уселись.

— Ну что скажешь, Хорейс? — спросил Лео, положив ладонь на мою руку.

— Что скажу? Что нам редкостно повезло; что наши мечты сбылись и мы вознаграждены за все наши муки; что ты должен быть счастливейшим из смертных.

Он поглядел на меня как-то странно и ответил:

— Да, конечно, она так прекрасна, но... — Тут он перешел на тишайший шепот. — Я бы хотел, Хорейс, чтобы в ней было чуть больше от земной женщины, чтобы она была хотя бы такой же, как в пещерах Кора. Я не уверен, что она — плоть и кровь; я сомневаюсь в этом с тех пор, как она поцеловала меня, — если это можно назвать поцелуем, она едва прикоснулась к моему лбу. Да и какой она может быть после столь быстрого преображения. *Плоть и кровь не рождаются в огне, Хорейс.*

— А ты уверен, что это и впрямь было возрождение? — спросил я. — Может быть, безобразное обличие, которое мы видели, лишь внушенная нам иллюзия, как эти картины в огне. Может быть, она та же Айша, что мы знали в Коре, не возродившаяся, а перенесенная сюда какой-то магической силой?

— Возможно, Хорейс, этого мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, но не могу от тебя скрыть, что меня гложет страх. Я испытываю к ней непреодолимое влечение, ее взгляды воспаляют мою кровь, прикосновения ее рук сводит меня с ума. Но мы все еще разделены незримой стеной. Может быть, воображаемой. И у меня такое впечатление, Хорейс, будто она боится Атене. Случись это в прежние времена, через час Атене была бы мертва и забыта, вспомни Устане.

— Но ведь она, как и мы, прошла через тяжкие испытания, Лео, может быть, ее нрав стал мягче?

— Надеюсь, — ответил он, — только теперь в ней больше божественного; о Хорейс, могу ли я быть супругом такого необыкновенного создания, если, конечно, дело дойдет до женитьбы?

— Конечно, дойдет — какие тут могут быть сомнения? — резко ответил я, потому что его слова действовали мне на нервы, и без того сильно напряженные.

— Не знаю, — сказал он. — Но если рассуждать отвлеченно, ты полагаешь, что такое счастье возможно для человека? И что имела в виду Атене, когда сказала, что человек и дух не могут быть вместе... и все остальное?

— Я думаю, она выражала только свою затаенную надежду, Лео; напрасно ты изводишь себя дурными предчувствиями, скорее свойственными моему возрасту, чем твоему, и, по всей вероятности, ни на чем не основанными. Будь философом, Лео. Ты шел удивительными путями, которых не знала еще история мира, и достиг своей цели! Принимай же щедрые дары богов: любовь, славу и власть, — и не думай о будущем; чему быть, того не миновать.

Прежде чем он успел ответить, из-за скалы появился Орос; он поклонился Лео с еще большим, чем обычно, подобострастием и сказал, что Хесеа хочет, чтобы мы присутствовали на служении в Святилище. Обрадованный, что увидит ее раньше, чем предполагал, Лео вскочил, и, следуя за Оросом, мы вернулись в свои покои.

Здесь нас уже ожидали жрецы; не спрашивая согласия Лео, они подстригли его волосы и бороду и уже подступили было ко мне, но я отверг их услуги. На нас надели расшитые золотом сандалии, затем Лео облачили

в великолепную белую мантию, также богато украшенную золотым и пурпурным шитьем; такую же мантию, но менее изысканную, дали и мне. В руку Лео вложили серебряный скипетр, в мою же — просто жезл. Скипетр был изогнутой формы, что позволило мне угадать, какова будет предстоящая церемония.

— Посох Осириса, — шепнул я Лео.

— Послушай, — сказал он, — я не хочу рядиться под египетского бога, не хочу участвовать в этих языческих церемониях, — не хочу и не буду.

— Лучше не возражать, — посоветовал я, — все это, вероятно, чистая символика.

Но Лео, хотя обстоятельства его жизни и сложились так странно, свято хранил религиозные убеждения, которые я внушал ему с детства, и наотрез отказался сделать хоть шаг, пока ему не объяснят значение предстоящего служения. Это он, в самых энергичных выражениях, и изложил Оросу. Жрец сначала был в недоумении, не знал, что делать, но потом объяснил, что это будет обряд обручения.

Узнав это, Лео перестал возражать, только с некоторой тревогой спросил, будет ли присутствовать Ханья. Орос сказал: нет, она уже отправилась в Калун, пригрозив войной и возмездием.

Через длинные коридоры мы вышли к галерее, как раз перед большими деревянными дверями апсиды. Они сами распахнулись, и мы вошли в Святилище: впереди — Орос, за ним — Лео, за Лео — я, а позади процессия сопровождающих нас жрецов.

Как только наши глаза привыкли к ослепительному сверканию огненных столбов, мы увидели, что в храме происходит торжественная церемония: перед божественным воплощением Материнства двумя тесными рядами стояли около двухсот жрецов и столько же жриц в белых одеяниях. Лицом к ним, перед двумя огненными столбами, что пылали по обеим сторонам святыни, на высоком — так чтобы ее могли видеть все собравшиеся — троне сидела Айша; такой же высокий трон стоял и справа от нее; не составляло труда догадаться, для кого он предназначается.

Айша сидела с открытым лицом, ее облачение — если не считать белого платья под мантией — подобало скорее царице, чем настоятельнице храма. Ее сияющее чело венчала узкая золотая диадема, украшенная рубиновой головой кобры с капюшоном; выбиваясь из-под диадемы, ее вьющиеся волосы ниспадали широким каскадом, закрывая даже складки ее пурпурной мантии.

Под распахнутой мантией, как я уже говорил, виднелось белое

шелковое платье с низким вырезом, перехваченное золотой опояской в виде двуглавой змеи, очень похожей на ту, что она носила в Коре, на руках не было никаких украшений; в правой руке она держала сistr с драгоценными камнями и колокольчиками.

Ни одна императрица не могла бы выглядеть более величественно, и ни одна женщина не была хотя бы наполовину так прекрасна, ибо человеческая красоты Айши сочеталась с особым, свойственным только ей сиянием духа. Увидев ее, мы уже не могли отвести от нее глаз. Ритмическое покачивание тел жрецов и жриц, их торжественно-величавое приветственное песнопение, что отдавалось мощным эхом от сводчатого потолка, ослепляющие факелы — все это ускользало от нашего внимания. Перед нами с широко разведенными в знак приветствия руками восседала совершенная, бессмертная женщина, нареченная одного из нас, подруга и повелительница другого; весь ее божественный облик дышал тайной, любовью и силой.

Мы прошли между шеренгами иерофантов; Орос и жрецы оставили нас вдвоем, лицом к лицу с Айшей. Она подняла скипетр — пение смолкло. В наступившей тишине она встала с престола, спустилась по ступенькам, подошла к Лео и коснулась его лба систром.

— Вот он, Избранник Хесеа! Смотрите! — воскликнула она звучным, мелодичным голосом.

Жрецы и жрицы откликнулись громовым криком:

— Слава Избраннику Хесеа!

Еще не замолкли звуки этого радостного приветствия, как Айша сделала знак, чтобы я встал рядом с ней, взяла Лео за руку и притянула его поближе — так, чтобы он стоял лицом к шеренгам жрецов и жриц в белых одеяниях. Продолжая держать его руку, она заговорила; голос ее звучал ясно и звонко, как серебряный колокольчик:

— О жрецы и жрицы Хес, служители ее и Матери Вселенной, внимайте моим словам. До сих пор вы видели меня только в пеленах и капюшоне и не знали, каков мой истинный облик; сегодня впервые предстаю перед вами с открытым лицом. Почему — вы сейчас узнаете. Видите ли вы этого человека, которого считали незнакомцем, забредшим в нашу святыню вместе со своим спутником? Я говорю вам, этот незнакомец мне хорошо знаком: некогда, в прежнем забытом существовании, он был моим господином; и вот он снова отыскал меня, свою возлюбленную. Так ли это, о Калликрат?

— Да, так, — подтвердил Лео.

— Жрецы и жрицы Хес, как вы знаете, те, кто восседает на этом троне,

испокон веков обладают правом выбирать себе господина — это право освящено древним обычаем. Так ли это?

— Да, так, о Хес, — ответил общий хор.

Она помолчала, с бесконечно нежным выражением лица повернулась к Лео, троекратно ему поклонилась и медленно опустилась на колени.

— Скажи, — молвила Айша, глядя на него своими восхитительными глазами, — скажи перед всеми, здесь присутствующими, и перед всеми свидетелями, которых ты не можешь видеть, принимаешь ли ты меня как свою нареченную, свою невесту?

— Да, госпожа, — ответил он тихим, дрожащим голосом. — Отныне и навсегда я принимаю тебя.

Среди общего молчания Айша поднялась, бросила свой скипетр-сistr на пол и протянула руки к Лео.

Лео наклонился и хотел поцеловать ее в губы. Но его лицо вдруг смертельно побледнело. В сиянии, которое струилось от ее лба, его волосы ярко засверкали. Но, странно, этот сильный человек весь дрожал, как тростинка, впечатление было такое, будто он сейчас упадет.

Айша, видимо, заметила это; прежде чем их губы соприкоснулись, она оттолкнула его, и ее лицо вновь заволоклось серой пеленой страха.

Все это произошло в одно мгновение. Айша отодвинулась, но тут же взяла его за руку и поддерживала, пока он не перестал пошатываться и не обрел прежнюю силу.

Орос возвратил ей скипетр, она подняла его и сказала:

— О мой возлюбленный, мой повелитель, займи предназначенное тебе место, где отныне ты будешь всегда восседать рядом со мной, ибо вместе с собой я отдаю тебе нечто, чего ты даже не можешь представить и о чем ты узнаешь в свое время. Воссядь же на трон, о Нареченный Хес, и прими поклонение жрецов.

Услышав это, Лео вздрогнул.

— Нет, — ответил он. — Здесь и сейчас я объявляю во всеуслышание: я простой человек и ничего не знаю о чужих богах, об их всевластии и о том, как им следует поклоняться. Я не допущу, чтобы хоть кто-нибудь преклонил колена передо мной, свои же колена, здесь, на земле, я могу преклонить лишь перед тобой, Айша.

Его смелая речь вызвала сильное удивление, все зашептались, и в это время послышался громовой Голос:

— Берегись гнева Матери, о Избранник!

И опять лицо Айши омрачилось тревогой, но она тут же овладела собой и со смешком сказала:

— Я должна удовольствоваться этим. Ты будешь почитать лишь меня, о мой любимый, и в твою честь прозвучит обручальная песнь, вот и все.

Лео не оставалось ничего иного, кроме как подняться на трон; в этой сверкающей мантии он был необыкновенно хорош собой, однако чувствовал себя неловко, как, впрочем, на его месте чувствовал бы себя любой другой человек такой же веры и происхождения. К счастью, если и предполагалось совершить какой-либо полужыческий обряд, Айша нашла способ предотвратить его; и вскоре и увлеченные певцы, и мы, слушавшие их стройное пение, забыли обо всем происшедшем.

К сожалению, мы почти не понимали слов, ибо пели они неотчетливо и на тайном жреческом языке, хотя мы и улавливали общий смысл.

Начали, очень тихо, женские голоса: в их пении как-то странно смещались время и пространство. Мотивы радостные перемежались с печальными, в которых слышались вздохи, всхлипывания, отзвуки долгих страданий; заканчивалось же все ликующим пеаном, пели попеременно то мужчины, то женщины, а затем все вместе, единым хором, который с каждым повторением припева становился все громче и громче, пока не достиг оглушительной кульминации — и тогда вдруг смолк.

Айша поднялась и взмахнула скипетром; все, кто там находился, трижды поклонились и с тихой, сладкозвучной песней, похожей на колыбельную, направились — через все Святилище — к резным дверям, которые, пропустив последнего из них, сами затворились.

Остались только мы, жрец Орос и жрица Папаве — она должна была прислуживать своей госпоже; только тогда Айша — все это время она сидела, глядя прямо перед собой пустыми дремотными глазами, — как будто пробудилась; она поднялась и сказала:

— Замечательная, не правда ли, песнь — и такая древняя! Ее пели на свадебном пиру Исиды и Осириса в Бехбите, в Египте, там я ее и слышала — задолго до того, как поселилась в темных пещерах Кора. Я часто замечала, мой Холли, что мелодия живет дольше, чем что-либо другое в этом изменчивом мире, хотя слова редко остаются неизменными. Скажи, любимый, каким именем тебя называть? Ты же Калликрат и...

— Зови меня Лео, Айша, — ответил он. — Этим христианским именем меня нарекли в том единственном существовании, которое я знаю. Калликрат, видимо, был несчастливцем, а его поступки — если только он не простое орудие судьбы — не принесли добра ни наследникам его тела либо души, ни женщинам, с которыми переплелась его жизнь. Зови же меня Лео, я и так уже слишком много слышу об этом Калликрате с той ночи, когда в последний раз видел его останки в пещере Кора.

— Да, я помню, — сказала она, — как ты увидел самого себя на узком каменном ложе, а я спела тебе песню о прошедшем и будущем. Я уже забыла эту песню, в моей памяти уцелели лишь две строки:

Вперед же — без устали в облачении великолепия,
Пока не исполнится срок, что отпущен судьбой,
и не опустится занавес мглы.

Да, мой Лео, сейчас мы «в прекрасном облачении славы», но близится сужденный судьбой срок. А там и наступит ночь. — Она вздохнула и нежно поглядела на него. — Я говорю с тобой на арабском языке. Ты не забыл его?

— Нет.

— Тогда мы всегда будем говорить с тобой по-арабски: это мой самый любимый язык, ведь на нем, ползая у ног матери, я лепетала свои первые слова. А теперь оставьте меня, — я должна подумать. И еще, — добавила она задумчиво, со странной, многозначительной интонацией, — я должна кое-кого принять в этом Святилище.

Мы все ушли, предполагая, что Айша ожидает депутацию Вождей Горных Племен, которые хотят поздравить ее с обручением.

Глава XVIII. Третье испытание

Прошел час-другой, а мы все не ложились, чье-то незримое присутствие мешало мне уснуть.

— Почему так задерживается Айша? — наконец произнес Лео, прекращая шагать взад и вперед по комнате. — Я хочу видеть ее опять, все время тоскую по ней. У меня такое чувство, будто она зовет меня.

— Что я могу тебе сказать? Спроси Ороса, он за дверью.

Лео пошел и спросил Ороса, но жрец только улыбнулся и ответил, что Хесеа еще не возвращалась в свои покои: она, несомненно, все еще в Святилище.

— Тогда я схожу за ней. Пойдем, Орос, и ты тоже, Хорейс. Орос поклонился, но сопровождать нас не пошел, сказав, что ему велено быть здесь, у наших дверей, мы же, если хотим, можем вернуться в храм, ибо для нас «все дороги открыты».

— Я хочу ее видеть, — резко сказал Лео. — А ты, Хорейс, пойдешь вместе со мной или останешься здесь?

Я колебался. Святилище, конечно, место общественное, но ведь Айша выразила желание побыть одна. Лео, однако, не проронил больше ни слова, только пожал плечами и отправился за Айшей.

— Ты заблудишься, — сказал я, следуя за ним.

Через длинные, тускло освещенные коридоры мы вышли к галерее. Здесь было совсем темно, но мы все же кое-как, на ощупь добрались до деревянных дверей. Они были закрыты. Лео нетерпеливо толкнул их, и одна из створок приоткрылась, так что мы смогли протиснуться внутрь. Дверь тотчас же бесшумно затворилась.

Мы были уже в самом Святилище, обычно ярко озаренном столбами живого огня. Но сейчас, если мы, конечно, не заблудились, тьма здесь стояла непроглядная — ни единого проблеска. Мы попробовали вернуться к дверям, но не смогли их найти.

Что-то сильно угнетало нас, мы даже не смели переговариваться. Сделав несколько шагов вперед, мы остановились, ибо поняли, что мы не одни в храме. Казалось, мы стоим в самой гуще толпы, но не людей. Вокруг нас теснились какие-то странные существа, мы чувствовали прикосновение их одежд, но не могли притронуться к ним самим, мы чувствовали их дыхание, но оно было холодным. Существ этих было несметное множество, но они беспрестанно сновали взад и вперед, и мы

ощущали, как колышется воздух вокруг нас. Мы как будто находились в соборе, где собрались все его умершие прихожане. Нам было страшно: лицо у меня взмокло, волосы встали дыбом. Казалось, мы забрели в царство теней.

Наконец далеко вдали появился свет: засветились два огненных столба по обеим сторонам святыни. Стало быть, мы в Святилище, поблизости от дверей. Столбы горели неярко, их слабые лучи едва достигали нас, стоявших в глубокой тени.

Сами мы оставались невидимыми, но могли все видеть. Айша сидела на престоле, и как же она была ужасна в своем грозном, как сама смерть, величии! Голубоватое мерцание освещало ее лицо, полное нечеловеческой гордыни. Она, казалось, вся источала могущество, могущество источали ее широко расставленные, сверкающие, точно драгоценные камни, глаза.

Царица Смерти, принимающая поклонение мертвых — так выглядела в этот миг Айша. Но она и в самом деле принимала поклонение мертвых или живых, не знаю уж кого именно; едва я задумался над этим, перед троном предстала призрачная Тень и преклонила колени, за ней последовали другие.

Все эти Тени в ответ на их поклон Айша приветствовала, поднимая скипетр. Мы слышали отдаленное позвякивание колокольчиков систра, единственный во всем Святилище звук, и видели, как шевелятся губы Айши, хотя до нас не долетало ее шепота. Сомнений не оставалось — духи чествовали свою владычицу.

Мы с Лео схватились друг за друга. Попятились назад и нашли двери. Толкнули их, они поддались. Вскоре, пройдя через коридоры, мы были уже в своей комнате.

Орос стоял там же, где мы его оставили, возле нашей двери. Он встретил нас своей неизменной улыбкой, словно бы не замечая написанного на наших лицах ужаса. Мы прошли мимо, в свою комнату, и сразу же, повернулись друг к другу.

— Кто она? — выдохнул Лео. — Ангел?

— Да, — ответил я. — Похоже, что так. — Но про себя подумал, что ангелы, бесспорно, бывают разные.

— И что они — *эти тени* — там делали?

— Очевидно, поздравляли ее с преображением. Но может быть, они не тени — переодетые жрецы, свершающие какой-то тайный ритуал?

Лео пожал плечами и ничего не ответил.

Наконец отворилась дверь, вошел Орос и сказал, что нас призывает к

себе Хесеа.

Все еще не придя в себя от удивления и страха, ибо ничего более ужасного нам никогда не доводилось видеть, мы пошли к Айше; она сидела с обычным своим, разве что немного утомленным, видом. Тут же находилась и Папаве, она помогала своей повелительнице снять ее царское облачение.

Айша поманила Лео, взяла его за руку и искательно заглянула ему в глаза — не без некоторого, как я отметил, беспокойства.

Я повернулся, намереваясь оставить их наедине, но она с улыбкой сказала:

— Почему ты покидаешь нас, Холли? Или ты хочешь возвратиться в храм? — Она многозначительно посмотрела на меня. — Чтобы задать кое-какие вопросы статуе Матери? Говорят, она предсказывает судьбу тем, кто осмеливается прийти туда ночью, еще до рассвета, когда в этом месте, которое так тебе понравилось, никого нет. Я пробовала это сделать много раз, но со мной она ни разу не заговорила, а ведь никто больше меня не хочет знать будущее.

Я ничего не ответил, да она, видимо, и не ожидала ответа, потому что сразу добавила:

— Нет, оставайся здесь, хватит с нас всяких горестных, скорбных размышлений. Поужинаем все вдвоем, как встарь, отвлечемся на время от всех своих страхов и забот, будем счастливы, словно дети, не ведающие ни греха, ни смерти, ни того перехода, который и есть смерть. Орос, подожди моего господина снаружи. Папаве, я позову тебя позже. А пока пусть никто нас не тревожит.

Комната Айши была не очень велика, освещалась она подвесными лампадами. Обставлена и убрана была хоть и богато, но просто: гобелены на каменных стенах, столики и стулья, инкрустированные серебром, вазы с цветами — только они и говорили, что здесь живет женщина. Особенно, помню, понравилась мне ваза с колокольчиками, посаженными в мох.

— Не очень роскошная комната, — сказала Айша, — но все же лучше, чем та, где я две тысячи лет ждала твоего прихода, Лео, ибо здесь есть садик, прекрасное место, чтобы посидеть.

Она опустилась на диван возле столика и пригласила нас сесть напротив.

Еда была отнюдь не изысканная: для нас — яйца вкрутую и холодная оленина, для нее — молоко, лепешки и горные ягоды.

Лео поднялся, сбросил свое великолепное, с пурпурным шитьем, одеяние и положил на стул посох, который Орос вновь вложил ему в руку.

Айша улыбнулась.

— Я вижу, ты относишься без особого почтения к этим святым реликвиям.

— Без всякого, — ответил он. — Ты помнишь, что я сказал в Святилище, Айша, поэтому давай сразу договоримся: твоей религии я не понимаю, зато понимаю свою, и даже ради тебя я не стану идолопоклонствовать.

Я думал, что она будет разгневана его откровенностью, но она только склонила голову и кротко сказала:

— Твоя воля для меня закон, Лео, хотя мне не всегда легко будет объяснить твое отсутствие в храме. Но у тебя есть право на свою религию, — я уверена, что она и моя тоже.

— Как это может быть? — спросил Лео, подняв на нее глаза.

— Потому что все великие религии, в сущности, одинаковы, их только приспособляют к меняющимся потребностям разных времен и народов. Чему учит египетская религия, которую мы здесь исповедуем? Что миром правит великая, всеблагая Сила, имеющая множество проявлений; что праведники обретут жизнь вечную, а грешники — смерть вечную; что судьба людей определяется их поступками и помыслами; что им суждено вкушать напиток, который они сами же заваривают; что их истинное обиталище не земля, а другой мир, где они получают ответы на все свои вопросы и где конец всем страданиям. Скажи, веришь ли ты во все это?

— Да, Айша, но ты поклоняешься Хес или Исиде, ведь ты сама рассказывала о том, что ты претерпела от нее, мы сами слышали, как ты ей молилась. Кто же эта богиня Хес?

— Знай, Лео, она — та, кого я называю Духом Природы, не божество, но тайный дух мира; вселенское Материнство, чей символ ты видел в храме и чьи тайны объемлют всю земную жизнь и все знание.

— И это милосердное Материнство сурово карает своих поклонников, как оно покарало за ослушание тебя — и меня — и еще одну женщину за нарушение каких-то нелепых обетов?! — спокойно спросил Лео.

Положив руку на стол, Айша посмотрела на него мрачным взглядом и ответила:

— В этой твоей религии, о которой ты говоришь, вероятно, два бога, имеющих множество посланников: бог добра и бог зла — Осирис и Сет?

Он кивнул.

— Так я и думала. И бог зла очень силен и может рядиться в личину добра? Скажи мне, Лео, в этом нынешнем мире, о котором я знаю так мало, встречаются ли слабые души, за какие-нибудь земные блага продающиеся

богу зла либо его посланникам, за что потом расплачиваются горечью и отчаянием?

— Такая судьба так или иначе постигает всех порочных людей, — ответил он.

— А если некогда жила женщина, одержимая таким безумным желанием красоты, жизни, мудрости, любви, что может быть... может быть...

— Продалась богу по имени Сет или одному из его ангелов? Неужели ты хочешь сказать, Айша, — испуганно выговорил Лео, вставая, — что эта женщина — ты?

— А если и так? — спросила она, также вставая и придвигаясь к нему.

— Если так, — хрипло ответил он, — если так, то я полагаю, что нам, может быть, следует расстаться.

— Ах, — воскликнула она с такой болью, будто ее ударили кинжалом, — ты хочешь уйти к Атене? Нет, ты не можешь оставить меня. Уж ты-то, кого я однажды убила, должен знать, как велико мое могущество. Но нет, ты ничего не помнишь, бедное дитя мгновения, — зато я... я слишком хорошо помню. На этот раз я удержу тебя — живым, а не мертвым. Посмотри на мою красоту, Лео! — Она перегнулась к нему своим гибким телом, зачаровывая его взглядом своих сияющих глаз. — Уйди, если сможешь! Но ты тянешься ко мне. Так ли спасаются бегством?

Но нет, Лео, я не буду прельщать тебя таким заурядным способом. Уходи, если хочешь. Уходи, мой любимый, а я останусь наедине с моим одиночеством и грехом. Уходи — сейчас же, немедленно! До весны тебя приютит Атене, а там ты сможешь перейти через горы и вернуться в свой прежний мир, к радостям обыденной жизни. Смотри, Лео, я закрываю лицо, чтобы не искушать тебя.

Она прикрыла лицо капюшоном — и вдруг сказала:

— Я просила, чтобы ты оставил меня одну в храме, но ведь ты приходил туда вместе с Холли? Мне кажется, я видела вас у дверей.

— Да, мы искали тебя, — ответил он.

— И нашли больше того, что искали? Такое нередко бывает с людьми смелыми. Это я захотела, чтобы вы пришли и увидели, что там происходит; и это мое покровительство спасло вас от неминуемой смерти.

— Что ты делала, сидя на троне, и что за тени подходили к тебе и кланялись? — сухо спросил он.

— Я правила во многих странах и во многих облициях, Лео. Может быть, меня приходили проведать и поздравить мои прежние служители. А может быть, они были лишь порождениями моего ума, как те изображения

на огне, которые я тебе показывала, чтобы испытать твою стойкость и верность.

Знай же, Лео Винси: все на свете иллюзорно, нет ни будущего, ни прошедшего; и то, что было, и то, что будет, существует извечно. Знай же, что я, Айша, двуедина: уродливая, когда ты представляешь меня уродливой, прекрасная, когда ты представляешь меня прекрасной, духовное облако, горящее тысячами огней в солнечном свете твоей улыбки, серый прах в тени твоего гнева. Королева на троне, перед которой благоговейно склоняются силы тьмы, — это я. Безобразный сморчок, которого ты видел на скале, — это я. Обожай меня, поклоняйся моей красоте, хотя в душе моей сосредоточено все зло, — ибо это я. Теперь, Лео, ты знаешь всю правду. Если хочешь, навсегда отрекись от меня, тебе ничто не угрожает, либо крепко прижми, прижми меня к своей груди, и в уплату за мои губы и любовь возьми все мои грехи на свою голову. Молчи, Холли, пусть решает он сам.

Лео повернулся, я подумал было, что он хочет выйти. Но я ошибался, он начал ходить взад и вперед по комнате. Затем подошел к Айше и заговорил очень просто, совершенно спокойным голосом, как это свойственно людям с подобным характером в минуты сильного волнения.

— Айша, — сказал он, — когда я увидел тебя древней старухой, — ты помнишь, как все это было, — я не отрекся от тебя. Не отрекись от тебя и сейчас — когда ты поведала мне о своем нечестивом тайном договоре, когда я своими глазами видел, как тебе поклоняются, как своей владычице, добрые или злые духи. Да падут на меня твои грехи, большие ли, малые, все равно. Я уже чувствую их бремя на душе, которая принимает — уже приняла — их, как свои; я не ясновидец и не пророк, но я уверен, что мне не избежать кары. Ну что ж, хотя на мне нет никакой вины, я готов понести ее ради тебя. И даже с радостью.

Слушая его, Айша не заметила, что капюшон соскользнул у нее с головы; какой-то миг она молчала в изумлении, но затем вдруг разразилась потоком слез. Цепляясь за одежды Лео, она поклонилась ему так низко, что коснулась лбом пола. Да, это гордое существо, вознесшееся над всеми смертными, существо, чьи ноздри еще недавно впивали фимиам поклонения призраков или духов, простерлось у ног Лео.

Вскрикнув от ужаса, глубоко потрясенный этим униженным проявлением покорности, Лео отпрянул в сторону, нагнувшись, поднял ее с пола и отвел, все еще рыдающую, к дивану.

— Ты даже не знаешь, что ты сделал, — сказала наконец Айша. — Пусть все, что ты видел на вершине Горы или в храме, останется в твоей

памяти лишь как сон; пусть рассказ о разгневанной богине будет для тебя аллегорией, притчей. Одно, во всяком случае, несомненно: миновало много веков с тех пор, как я совершила свой грех — ради тебя и против тебя и той женщины; миновало много веков с тех пор, как я купила красоту и бессмертие в надежде завоевать твою любовь, заплатив за нее цену, которую немногие решились бы заплатить, но за все это я с лихвой расплатилась глумлением над собой, полным одиночеством и нестерпимыми каждодневными муками; мой заимодавец должен быть наконец удовлетворен.

Не могу тебе объяснить как, но ты, только ты спас меня от дальнейшего взыскания ужасного долга, ибо знай, что нам милосердно пожаловано право искупать грехи друг друга.

Он хотел что-то сказать, но она остановила его взмахом руки и продолжала:

— Видишь ли, Лео: на пути ко мне тебя подстерегали три великие опасности: псы-палачи, Горы и Пропась. Это были символы и прообразы трех последних испытаний, назначенных твоей душе. Ты устоял против страсти Атене — эта страсть могла погубить нас обоих. Ты перенес тяжелый, полный невероятных лишений переход через пустыни и снега. Даже когда вокруг тебя грохотала снежная лавина, твоя вера была так же непоколебима, как и на краю огненной бездны, когда после горьких лет сомнений нахлынувший ужас поглотил все твои надежды. А когда ты спускался с ледника, не зная, что ожидает тебя в конце этой опасной тропы, лишь по своей собственной воле, побуждаемый любовью ко мне, ты, не раздумывая, погружался в пропасть еще более глубокую, чем та, что зияла под тобой, чтобы разделить все ужасы с моим духом. Ты понял наконец?

— Кое-что, не все, — медленно произнес он.

— У тебя на глазах двойная пелена слепоты, — нетерпеливо воскликнула она. — Слушай же! Если бы вчера ты поддался естественному голосу Природы и отверг меня, я была бы обречена бесчисленные годы оставаться в этом отталкивающем облике; была бы обречена играть убогую роль жрицы забытой религии. То было первое на твоём пути искушение, испытание для твоей плоти, — нет, не первое, второе: первым была Атене со всеми своими соблазнами. Но твоя верность преодолела это испытание, и волшебная сила твоей всепобеждающей любви возродила мою красоту и мою женственность.

Если бы ты отверг меня сегодня ночью, когда, как мне было велено, я показала тебе это видение в храме и призналась в самом тяжком грехе, обременяющим мою совесть, — в полном отчаянии, беспомощная,

лишенная защиты моего земного всевластия, я была бы ввергнута в бесконечно долгую и темную ночь одиночества. Это было третьим, назначенным свыше испытанием твоей души, и если бы не твоя стойкость, Лео, судьба продолжала бы держать меня за горло и не ослабила бы своей хватки. Ныне же я возродилась в тебе — благодаря тебе я могу надеяться на блаженное существование в ином мире, вместе с тобой. И все же, и все же вполне вероятно, что тебе придется еще перенести тяжкие страдания...

— Это меня не страшит, — ласково перебил ее Лео. — Душа моя почти спокойна; в конце концов всем нам воздастся по справедливости. Если я освободил тебя от пут, спас твою душу от угрожавшего ей духовного зла, приняв всю вину на себя, — стало быть, я жил, а если будет надобно, и умру не напрасно. Прекратим этот разговор; только ответь мне на один вопрос. Как ты преобразилась там, на вершине?

— В пламени я покинула тебя, Лео, и в пламени возвратилась; в пламени, может быть, мы с тобой оба оставим этот мир. Но, возможно, менялась я лишь в ваших глазах, в действительности же мое обличие было неизменным. Я ответила. Не пытайся узнать больше.

— И все-таки я задам еще один вопрос. Сегодня мы были обручены, Айша. Когда же мы станем мужем и женой?

— Еще не настало время, не настало время, — торопливо проговорила она, ее голос дрожал. — Ты должен обождать, Лео; несколько месяцев, а может быть и целый год, тебе придется довольствоваться ролью друга и возлюбленного.

— Почему? — воскликнул он с горьким разочарованием. — Я уже давно в этой роли, а ведь я не молодею и, в отличие от тебя, скоро стану стариком. Жизнь проходит, иногда мне кажется, что конец уже близок.

— Не говори так, это не к добру, — сказала она, вскочив с дивана и рассерженно топнув обутой в сандалию ножкой: так она пыталась замаскировать свой страх. — И все же ты прав: ведь ты не защищен ни от всевозможных случайностей, ни от той угрозы, что таит в себе время. Что, если ты умрешь, а я останусь в живых?! Какой это будет ужас!

— Тогда подари мне свою жизнь, Айша.

— Я сделала бы это с большой радостью, отдала бы тебе ее всю целиком, если бы взамен ты мог подарить мне дар смерти... Бедные смертные, — продолжала она, и в ее голосе прорвалась внезапная страсть, — вы молитесь своих богов о долголетию и тем, сами того не зная, сеете в своей груди семя, что может принести десятки тысяч несчастий. Неужто не ведаете вы, что этот мир не что иное, как огромный ад, откуда вновь и вновь, после недолгого пребывания, усталая и смятенная душа

устремляется, рыдая, к вечному покою?

А теперь представьте себе, как это невероятно тяжело: жить вечно, оставаясь человеком, стареть не телом, а душой, видеть, как умирает твой возлюбленный, отлетая в те края, куда ты не можешь за ним последовать, терпеливо ждать бессчетные века, которые падают на бессмертное существо, словно капли воды на алмаз, не в силах его источить, когда же наконец возродится твой возлюбленный, — и вот он возрождается и уходит в неведомую пустоту прямо из наших рук, бессильных его удержать.

Представь себе, что любой наш грех, искушающий взгляд, неосторожное или недоброе слово, даже любая своекорыстная мысль или своекорыстный поступок, тысячекратно усиленные и более долговечные, чем мы сами, становятся проклятием для судеб миллионов людей, живущих на общей груди земли, а в это время бессмертный Перст записывает все в свою книгу, а холодный Голос Справедливости взывает к нашей одинокой совести: «О, нестареющая душа! Смотри, какой урожай вызревает, посеянный твоей беспечной рукой; напрасно стремишься ты к водам забвения!»

Представь себе, что ты обладаешь всей земной мудростью, и все же тебя сжигает неудовлетворенное желание достичь запретных глубин, представь себе, что ты сосредоточил в своих руках все богатство, всю власть, и вдруг отбрасываешь их, как дитя — надоевшую раскрашенную игрушку; что ты играешь на арфе славы, но ее бречание так тебе надоедает, что ты в бешенстве растаптываешь ее ногами; что ты подносишь к губам кубок наслаждений, а в нем не вино, а песок; удивительно ли, что в конце концов в полном отчаянии мы простираемся ниц и молим безжалостных богов, в чьи украденные одеяния мы рядились, забрать у нас все, чтобы мы могли сойти нагими в могилу?

Такой ли жизни ты хочешь, Лео? Готов ли ты ее принять?

— Да, но только вместе с тобой, — ответил Лео. — Все эти разочарования — порождения одиночества; наш совершенный союз обратил бы их в радость.

— Да, — согласилась она, — пока нам позволили бы быть вместе. Хорошо, пусть будет по-твоему, Лео. Весной, когда стают снега, мы отправимся в Ливию, и там ты совершишь омовение в Источнике Жизни, изопьешь той запретной субстанции, которую в прошлый раз ты побоялся испить. И тогда я стану твоей женой.

— Это место теперь недоступно, Айша.

— Не для меня и не для тебя, — сказала она. — Не бойся, мой любимый, даже если бы на него нагромодили эту Гору, я сумела бы

проложить к нему тропу, проникнуть в это тайное укрытие. Как жаль, что ты не обладаешь такими же способностями, как я, — тогда еще до наступления завтрашнего утра мы стояли бы рядом с грохочущим огненным Столпом Жизни и ты отведал бы его славы.

Но это невозможно. Ты рискуешь погибнуть от холода и голода, рискуешь утонуть, рискуешь погибнуть от меча или болезни, которая подточит твои силы. Если бы эта лживая Атене не ослушалась моего веления, а это, увы, было предначертано свыше, мы уже перевалили бы через горы или направились бы на север, через пустыню и замерзшие реки. А теперь мы должны дожидаться весны, ибо вот-вот наступит зима, а такой стужи, какая бывает на здешних горах, не выдержит, ты знаешь, ни один человек.

— Остается еще восемь месяцев до апреля, когда мы сможем отправиться в путь, а сколько времени понадобится, чтобы преодолеть горы, бескрайние пустыни, моря и болота. В лучшем случае, Айша, пройдет два года, прежде чем мы доберемся до Кора. — И он стал умолять ее стать его женой еще до начала путешествия.

Но она отвечала: нет, нет и нет, это невозможно, и в конце концов, опасаясь, вероятно, что уступит его настойчивым мольбам, а может быть, и мольбам собственного сердца, она поднялась и стала прощаться.

— Ах, мой Холли, — сказала она, перед тем как расстаться со мной. — Я обещала тебе и себе несколько часов блаженного покоя, и вот как осуществилось мое желание. Древние египтяне на пиру сажали рядом с собой скелет, но сегодня с нами было четыре скелета: Страх, Нетерпение, Дурное предчувствие и Неудовлетворенная любовь. И нет сомнения, если их похоронить, вместо них явятся другие и выхватят сладкий плод прямо из наших уст.

Я несчастлива сама и приношу несчастье другим. Но я все же не теряю надежды; много преград уже осталось позади, ты, Лео, трижды подвергся испытанию огнем, но проявил непоколебимую верность. Да будет сладостен твой сон, о мой единственный, и да будут еще слаще твои сновидения, ибо знай: моя душа разделит их с тобой. Клянусь, что завтра, да, завтра, мы будем счастливы — во что бы то ни стало!

— Почему она не хочет стать моей женой сейчас же, немедленно? — спросил Лео, когда мы остались одни в своей комнате.

— Потому что боится, — ответил я.

Глава XIX. Лео и снежный барс

В течение нескольких недель после этих памятных дней я неоднократно ловил себя на мысли: жила ли когда-либо на свете женщина (дух она или нет) более несчастная, чем та, кого мы называли Она, Хес и Айша? В самом ли деле или только в нашем воображении она восстала из пепла безобразной дряхлости в полном цвете вечной молодости и красоты неувядаемой?

Уверенно можно было только утверждать, что Айша разгадала тайну существования столь длительного, что с нашей человеческой точки зрения есть все основания приравнять его к бессмертию. Несмотря на некоторые ограничения, — отсутствие, например, дара предвидения, — она наделена поистине сверхчеловеческими способностями.

Ее власть над странной общиной, ее окружающей, безгранична: для них она богиня, которой они поклоняются.

После удивительных приключений человек, составляющий весь смысл ее жизни, ее вторая душа, человек, чье существование так тесно переплелось с ее собственным, любимый ею со всей страстью, на какую только способна женщина, отыскал ее в этом заброшенном уголке мира. Более того, он трижды доказал свою непоколебимую верность ей. Он отверг прекрасную, царственную, хотя и своевольную Атене. Он продолжал любить Айшу, даже когда ее облик оскорблял все естественные человеческие чувства. И наконец, он проявил необыкновенную стойкость после той сцены поклонения в Святилище, хотя эта его заслуга, может быть, и не столь велика, если подумать о ее неизъяснимых совершенствах: с каким хладнокровием принял он ужасное признание, то ли истинное, то ли ложное, что она обрела свои дары и его, Лео, заключив тайную, кощунственную сделку с силами зла; более того, он выразил готовность принять на себя бремя неведомых плодов, последствий этой сделки — такую искупительную жертву он предложил за обладание Айшей.

И все же Айша была глубоко несчастлива. Я ясно видел, что даже в самом хорошем настроении она постоянно ощущает присутствие тех скелетов, о которых она говорила. Когда мы оставались с ней вдвоем, ее отчаяние прорывалось в темных намеках и завуалированных аллегориях либо иносказаниях. И хотя ее соперница Ханя Атене была буквально сокрушена, она все еще продолжала ревновать.

Точнее, пожалуй, было бы сказать: бояться, ибо какое-то необъяснимое

чувство подсказывало Айше, что рано или поздно она опять столкнется с этой женщиной, и тогда будет ее черед испытать чашу горького отчаяния.

Но в тысячу раз более мучительным был ее страх за Лео. Нетрудно понять, как тяжело быть в такой близости от удивительного, полубожественного существа и не иметь права хотя бы поцеловать его; его физическое и душевное состояние оставляло желать лучшего, к тому же он знал, что преграда между ними будет существовать по меньшей мере еще два года. Не удивительно, что Лео потерял аппетит и сон, стал худым и бледным и, естественно, постоянно умолял ее переменить свое решение и стать его женой.

Но тут Айша была непреклонна. По настойчивой просьбе Лео и движимый собственным любопытством, однажды, когда мы были наедине, я вновь спросил ее о причинах столь упорного отказа. Но она лишь повторила мне, что тут нет никакой помехи, кроме бренности; пока его тело не будет оплодотворено таинственной субстанцией Жизни, она не может стать его женой, это неблагоприятно.

Я спросил, почему, ведь она все-таки женщина, хотя и бессмертная, на что она со спокойной, но странно зловещей улыбкой ответила:

— Ты так уверен, мой Холли? Скажи, носят ли ваши женщины подобные украшения? — И она показала на неяркое, лучистое сияние, которое струилось из ее чела.

Она стала медленно гладить свои пышные волосы, затем грудь и тело. И к чему бы ни прикасались ее пальцы, все начинало светиться таинственным светом: уже вечерело, и в комнате было темно; в этой тьме она вся с головы до пят флуоресцировала, словно океанская вода, — великолепное и все же страшное зрелище! Она махнула рукой — и свечение сразу же прекратилось, только чело продолжало сиять по-прежнему.

— Ты так уверен, мой Холли? — повторила она. — Не бойся, это пламя тебя не опалит. Может быть, все это только тебе примерещилось, с тобой это часто бывает, я заметила, но ведь ни одна живая женщина не может вот так светиться, и обрати внимание, что мои одежды не пахнут дымом.

Тут мое терпение лопнуло, я обозлился.

— Я ни в чем не уверен, Айша, но ты просто сводишь нас с ума всеми этими чудесами и превращениями. Скажи прямо: ты дух?

— Мы все духи, — раздумчиво произнесла она. — И я, может быть, более, чем другие. Кто знает точно?

— Я, во всяком случае, не знаю, — сказал я. — Но кто бы ты ни была,

женщина или дух, умоляю, ответить на один вопрос. Только скажи чистую правду. Кто ты с самого начала для Лео и кто он для тебя?

Она ответила со странно торжественным видом:

— Если мне не изменяет память, в первой книге еврейского канона, которую я когда-то изучала, рассказывается, как сыны Небес спустились к земным дочерям и увидели, что те прекрасны.

— Да, так там написано, — подтвердил я.

— Но ведь могло случиться и по-другому: вообрази себе, что дочь Небес спустилась к земному мужчине и полюбила его всей душой. И еще вообрази себе, что за свой великий грех эта высокая упавшая звезда, готовая ради него отречься от бессмертия, осуждена страдать до тех пор, пока ее не спасет его любовь, очищенная до божественной сущности муками и верная даже воспоминаниям.

Наконец я прозрел и нетерпеливо вскочил, чтобы задать еще вопрос, но она холодным тоном добавила:

— Нет, Холли, перестань меня расспрашивать: есть тайны, о которых я могу говорить только обиняками, иносказательно — не для того, чтобы посмеяться над тобой или поставить тебя в тупик, а просто потому, что должна так поступать. Понимай, как хочешь, то, что я сказала. Атене, ты знаешь, не считает меня смертной женщиной, поэтому она и сказала, что человек и дух не могут быть вместе, и в некоторых случаях я вынуждена взвешивать ее мнение, ибо и она, и ее старый дед Шаман наделены и мудростью, и даром провидения. Пусть же мой господин не настаивает, чтобы я немедленно стала его женой, о, ты даже не знаешь, как больно мне отказывать ему!

К тому же должна тебе признаться, мой старый друг, мое женское сердце не позволяет мне спокойно, не отзываясь всем своим существом, слушать мольбы человека, так горячо мною любимого. Видишь ли, я надела узду на мое желание, но все во мне обливается кровью, когда я его слушаю; если он не перестанет преследовать меня и словами, и пылающими взглядами, пламя может, кто знает, перекинуться и на меня, и тогда я могу натворить любые безрассудства.

Если это случится, мы вместе скатимся в пропасть страсти, вместе вступим в поток, бушующий на самом дне, и там, возможно, утонем, либо нас разнесет в разные стороны. Нет, нет, нам предстоит еще совершить недолгое путешествие, чтобы достичь моста, найденного моей мудростью, благополучно перейти через него и спокойно продолжать путь по лужайкам вечного счастья и любви.

Она замолчала, не желая продолжать этот разговор. Но самое худшее

— я отнюдь не был уверен, что она и впрямь сказала мне чистую правду или хотя бы всю правду, ибо правда для Айши так же многоцветна, как лучи, отбрасываемые гранями драгоценных камней. И мы никогда не знаем, какой своей гранью она предстает перед нами: обо всех тайнах она говорит иносказательно, притчами, то ли так ей кажется предпочтительней, то ли она соблюдает запреты, — и этого тоже нам не дано знать.

Я и по сей день не знаю, кто такая Айша — женщина или дух либо, как я подозреваю, их сочетание. Не знаю, каковы пределы ее могущества, верна ли эта замысловатая история о зарождении ее любви к Лео — лично я сомневаюсь в ее правдивости, — или это только аллегория, плод ее фантазии: в каких-то своих целях она воспроизвела эту аллгорию на огненной завесе, так, по крайней мере, она намекнула.

Не знаю, в самом ли деле она была стара и безобразна, когда мы впервые увидели ее на Горе, или она приняла такой облик, чтобы испытать своего возлюбленного. Несмотря на свидетельство Ороса, вполне возможно, вынужденное, я не знаю, действительно ли ее дух вселился в тело мертвой настоятельницы, действительно ли после того, как она погибла такой жалкой смертью, ее тело и душа перенеслись из пещер Кора на эту горную вершину.

Я не знаю, почему при всем своем сверхъестественном могуществе она не отыскала нас там, где мы находились, и мы вынуждены были странствовать много мучительно долгих лет, чтобы ее найти, хотя я и предполагаю, что некая Высшая Сила позволяла ей незримо сопровождать нас, наблюдая каждый наш шаг, читая каждую нашу мысль, пока в назначенный судьбой час мы не достигли назначенного судьбой места. Есть и еще многое другое, что мучает меня своей неразгаданностью, но я не хочу отвлекаться от главной темы.

Короче, я не знаю ничего, кроме того, что моя жизнь тесно переплетена с одной из величайших тайн мира, что удивительное существо по имени Айша сумело постичь секрет жизни, хранимый неведомой Силой; что она утверждает — тут мы должны верить ей на слово, доказательств никаких нет, — будто обрести бессмертие можно омовением в некой субстанции, жидкой или парообразной, либо в эманации; что она одержима страстью, не очень легко объяснимой, но ужасающе бурной и бессмертной по своей природе, и эта страсть сосредоточена на одном-единственном человеке; что разгневанная судьба пользуется этой страстью, чтобы карать ее снова, снова и снова, превращая бессчетные дни ее жизни в тягчайшее бремя, ввергая ее — со всем ее могуществом и мудростью, которая все ведает, но ничего не может предвидеть, — в бездну такого отчаяния,

нетерпения и разочарования, каких — хвала Всевышнему! — никогда не приходится испытывать нам, простым смертным.

Что до всего прочего, то каждый читатель этой книги, если, конечно, она увидит свет, может составить свое собственное мнение об этой истории, ее правильном истолковании и значении. Все это, а также какие роли в описываемых событиях предназначались Атене и мне, я надеюсь вскоре узнать, хотя и не здесь.

Как я уже говорил, в результате всего этого Айша терзалась постоянной тревогой за Лео. Все его желания, за исключением одного, самого главного, неизменно выполнялись и даже предупреждались. В частности, его никогда больше не просили принимать участие в храмовых церемониях, хотя, в сущности, религия, исповедуемая Общиной, если снять с нее покров обрядности и мистических символов, оказалась чистой и достаточно безобидной. То был некий разжиженный вариант культа Осириса и Исиды, заимствованный из Древнего Египта, с примесью типичной для Центральной Азии веры в переселение или перевоплощение души и конечное слияние с Божеством путем благочестивых размышлений и праведной жизни.

И настоятельницу, и Оракула чтили только как представителей Божества; мирские же цели Общины сводились к свершению благих дел; справедливости ради следует, однако, добавить, что она все еще сожалела о своей утраченной власти над Калуном. Они содержали дома для больных, а в долгие и суровые зимы, когда горные племена нередко оказывались на краю голодной смерти, щедро делились с ними своими припасами.

Лео любил бывать вместе с Айшей, и все вечера мы проводили в ее обществе, да и днем почти не разлучались, но в конце концов Айша заметила, что такая праздная жизнь плохо сказывается на здоровье Лео, за долгие годы странствий привыкшего к трудной жизни на открытом воздухе. Как только Айша поняла это, она — преодолевая свои всегдашние опасения, как бы с ним не случилось какой-нибудь беды, — стала настаивать, чтобы он занялся охотой на диких овец и каменных козлов, которые в изобилии водились на отрогах Горы; она поручила его заботе вождей и охотников племен, с которыми таким образом он хорошо познакомился. В эти охотничьи походы я сопровождал его редко, так как рука моя все еще побаливала и до полного заживления нуждалась в покое.

Но беда все же случилась. Однажды я сидел в саду с Айшей. Подперев голову рукой, она задумчиво смотрела куда-то вдаль, на горные снега; и в ее больших глазах, словно облачка, гонимые ветром по небу, или сны в

голове у спящего, стремительно проносились отблески мыслей. В этот миг она была изумительно, невыразимо прекрасна: просто смотреть на нее было упоительным блаженством. Я подумал, что ее красота, подобная красоте легендарной Елены, а это был лишь один из ее многочисленных даров, могла бы причинить безграничные страдания, если бы было позволено явить ее миру. Глядя на нее, человечество лишилось бы рассудка: мужчины — от любви, а женщины — от ревности и злобы.

Но в чем заключается ее необычайное очарование? Да, у нее безупречно прекрасное лицо и фигура, но тут у нее могут быть соперницы. Значит, ее очарование не только в них и не столько в них, сколько в сладостной тайне, таящейся в ее чертах, особенно в бездонных глазах, которые меняются в зависимости от настроения. Ту же тайну, но не столь впечатляющую, можно заметить на лицах лучших творений греческих ваятелей; Айшу же она обволакивала, словно нетающее облако, придавая ее красоте что-то не от мира сего, что-то божественное.

В подобных размышлениях я все любовался и любовался ею, как вдруг она сильно разволновалась и, показывая на отрог Горы, за много-много миль от нас, воскликнула:

— Смотри!

Я пристально смотрел, но не видел ничего, кроме однообразно белой снежной пелены.

— Слепец и глупец! Неужто ты не видишь, что мой господин в смертельной опасности?... Совсем забыла, ты же не ясновидец. Сейчас все увидишь, смотри! — Она положила ладонь на мою голову, и всего меня пронизал странный, вызывающий онемение ток. Затем она что-то быстро забормотала.

Мои глаза широко открылись, и уже не на отдаленном отроге Горы, а совсем рядом, прямо перед собой, я увидел Лео, катающегося в схватке с большим снежным барсом; вокруг них бегали вождь и охотники, ища удобного случая поразить копьем свирепого зверя, не задев при этом Лео — так тесно они сплелись.

Онемев от ужаса, Айша качалась взад и вперед, пока не наступила развязка: Лео вонзил свой длинный охотничий кинжал в брюхо барсу, который сразу обмяк, выпустил его из когтей, несколько раз дернулся на окровавленном снегу и затих. Лео встал, с улыбкой показывая на свои разодранные одежды; один из охотников подошел к нему и стал перевязывать раны на руках и бедре полосками льняной ткани, оторванными от его нижнего белья.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось; Айша тяжело

оперлась о мое плечо, как это сделала бы любая испуганная женщина, и, задыхаясь, произнесла:

— Эта опасность миновала, но сколько их еще впереди! О, мое израненное сердце, долго ли ты еще выдержишь!

В ней вспыхнул гнев на вождя и охотников, она отправила навстречу Лео своих гонцов с носилками и мазями, велел им принести господина Лео и передать его телохранителям, чтобы они немедленно перед ней предстали.

— Видишь, Холли, в какой тревоге проходят мои дни, и так уже много лет, — сказала она, — но эти псы дорого заплатят за то, что мне пришлось претерпеть!

И она не хотела слушать никаких моих доводов в их защиту.

Через четыре часа Лео возвратился; он брел, прихрамывая, за носилками, где вместо него самого лежала горная овца и шкура снежного барса, которые он велел туда положить, чтобы избавить охотников от этой тяжелой ноши. Айша ждала его в зале. Она подплыла к нему — слово «подошла» здесь просто неуместно — и принялась осыпать его выражениями участия и укорами. Несколько минут он слушал, затем спросил:

— Откуда ты все это знаешь? Ведь тебе еще не принесли шкуру убитого мной барса.

— Я сама видела, — ответила она. — Самая глубокая рана у тебя над коленом; смазал ли ты ее мазью, которую я тебе послала?

— Еще чего не хватало, — сказал он. — Но ты же не выходила из Святилица — как ты могла видеть? С помощью магии?

— Не все ли равно; я видела, и Холли тоже видел, как ты катался по снегу с этой свирепой тварью, а твои телохранители бегали вокруг, будто испуганные детишки.

— Осточертели мне все эти фокусы! — грубо перебил ее Лео. — Неужели ты не можешь оставить меня в покое хоть на час, чтобы я мог поохотиться на барса! А что до этих смелых людей...

В этот миг вошел Орос и что-то шепнул с низким поклоном.

— Что до этих «смелых людей», сейчас я ими займусь, — со значением сказала Айша, прикрылась, ибо никогда не показывалась с открытым лицом на людях, и выскользнула из зала.

— Куда она отправилась, Хорейс? — насторожился Лео. — На какую-нибудь службу в храме.

— Не знаю, — ответил я, — но если на службу, то это будет

заупокойная служба по вождю.

— Ты думаешь? — воскликнул он и захромал следом за ней.

Через минутку-другую я решил пойти тоже. В Святилище происходила любопытная сцена. Айша сидела на своем троне, под статуей. Перед ней, сильно перепуганные, стояли на коленях могучий рыжеволосый вождь и пятеро охотников, все еще с копьями, а в стороне, со скрещенными на груди руками и мрачным взглядом, я увидел Лео; как я позднее узнал, он пробовал заступиться за охотников, но Айша сразу же заставила его замолчать. Поодаль стояли около дюжины храмовых стражников, вооруженных мечами, все как на подбор рослые и сильные.

Айша сладчайшим голосом допрашивала охотников об обстоятельствах нападения барса, чья шкура лежала перед нею, на Лео. Вождь отвечал, что они выследили зверя в его логове между двумя скалами, после чего один из охотников вошел в логово и ранил его, а тот прыгнул на него и повалил наземь, на помощь ему поспешил господин Лео, но барс повалил и его; они вместе стали кататься по снегу, господин Лео вытащил свой нож и убил зверя. И это все.

— Нет, не все, — сказала Айша, — вы забыли, жалкие трусы, что вы держались в стороне, пока мой господин в одиночку сражался с разъяренным барсом. Вот мое слово. Прогоните этих людей прочь, чтобы они погибли от клыков хищных зверей, и предупредите всех живущих на Горе: пусть никто, под страхом смертной казни, не дает им ни еды, ни пристанища!

Не оправдываясь и не моля о пощаде, вождь и охотники встали, поклонились и хотели было уйти.

— Погодите, друзья, — остановил их Лео. — Дай мне свою руку, вождь. У меня онемела нога от этой царапины, я не могу идти быстро. Мы вместе dokonчим эту охоту.

— Что ты задумал? В своем ли ты уме? — спросила Айша.

— Не знаю, в своем ли я уме, — ответил он, — но я знаю, что ты жестока и несправедлива. Послушай, все охотники — храбрейшие люди. Этот вот, — он показал на того, кого барс сбил с ног, — вошел вместо меня в логово, потому что я так велел. Ты видишь все, должна была видеть и это. Когда барс кинулся на меня, мои друзья бегали вокруг, выжидая удобного случая вонзить в него копье, так чтобы не задеть меня. Один из них даже схватил барса голыми руками: посмотри на следы клыков на его руке. Если они осуждены на смерть, то виноват во всем только я, поэтому я должен умереть вместе с ними.

Охотники смотрели на него с горячей благодарностью в глазах; Айша

подумала и нашла умный выход из затруднительного положения.

— Знай я все это, господин Лео, ты и впрямь имел бы основание назвать меня жестокой и несправедливой, но я знаю лишь то, что видела сама, и осудила их, опираясь на их собственные слова. Слуги мои, мой повелитель Лео заступился за вас, и вы прощены; более того, охотник, который вошел в логово барса, и тот, кто схватил его руками, — получают награды и повышение. Идите, но предупреждаю вас: если жизнь моего господина еще раз окажется в опасности, вам так легко не отделаться.

Они откланялись и ушли, благословляя глазами Лео, ибо подобное изгнание означало неминуемую смерть среди снегов, это была самая ужасная кара, которая здесь налагалась, и налагалась она только по прямому повелению Хес за убийство и другие тяжкие преступления.

Когда мы возвратились в зал, буря, которая собиралась в душе Лео, — я видел это по его лицу, — разразилась.

Айша вновь стала расспрашивать его о ранах и хотела призвать Ороса, чтобы он смазал их и завязал, а когда Лео отказался от его услуг, вызвалась сделать это сама. Он попросил, чтобы его оставили в покое, вся его большая борода встопорщилась от гнева. Он спросил ее с полной серьезностью, уж не считает ли она его маленьким ребенком, нуждающимся в материнском присмотре: упрек столь абсурдный, что я не мог удержаться от смеха.

И затем он распек ее, да, он распек самое Айшу. Он пожелал знать, как она смеет: 1) следить за ним с помощью своей магии, этого ее злоторного дара, к которому он относится с недоверием и даже осуждением; 2) обрекать этих славных, отважных парней, его надежных друзей, на такую дьявольски жестокую смерть на столь сомнительном основании, а точнее, без всяких оснований, просто от злости; 3) поручать его их охране, будто он маленький мальчик, да еще предупреждать их, что они будут сурово наказаны, если с ним что-нибудь случится, а ведь он бывалый охотник, охотился за самой крупной дичью, перенес немало опасностей и лишений.

Он буквально отхлестал ее, и, как ни поразительно, Айша, с ее женской или неженской вспыльчивостью, кротко приняла эту отповедь. Но позволь себе любой другой человек хоть малейшую грубость по отношению к ней, не сомневаюсь, что последовала бы немедленная и крутая расправа: он лишился бы не только дара речи, но и самой жизни, ибо я знал, что она, как и в былые времена, может убивать простым напряжением воли. Но она не убила его, даже не стала ему угрожать, только, как и всякая другая любящая женщина, горько расплакалась. Да, ее

прекрасные глаза налились крупными слезами; тяжелыми дождевыми каплями, одна за другой, покатались они по ее щекам, падая со смиренно опущенной головы на мраморный пол.

При этом трогательном проявлении ее человечности Лео сразу растаял. В горьком раскаянии он стал умолять ее о прощении. Она подала ему руку в знак примирения и сказала:

— Пусть другие говорят со мной как угодно (хотел бы поглядеть на такого смельчака!), но от тебя, Лео, я не могу слышать резких слов. Как ты жесток, как жесток! Чем я провинилась перед тобой? Что я могу поделать, если мой дух неусыпно следит за тобой с тех самых пор, как мы расстались у Источника Жизни? Что я могу поделать, если моя душа, подобно матери, видящей, как ее маленький сын играет на самом краю пропасти, преисполняется страхом, когда я вижу тебя в опасности, но бессильна чем-либо помочь? Многого ли стоит жизнь полудиких охотников по сравнению с твоей безопасностью, тем более что, если бы я обрекла на изгнание этих, другие берегли бы тебя с большей заботливостью? А если их пощадить, они или другие могут не только подвергнуть твою жизнь большой опасности, но и погубить тебя. — Слово «погубить» Айша произнесла с непередаваемым ужасом.

— Послушай, любимая, — сказал Лео, — жизнь самого незначительного из этих людей так же дорога ему, как мне — моя, и у тебя также мало права убивать его, как и меня. Простительно ли, что из любви ко мне ты совершаешь жестокости и даже преступления? Если ты страшишься за мою жизнь, облеки меня этим твоим бессмертием; хотя оно и вызывает у меня сильные опасения, так как я считаю, что оно не от Бога, а от дьявола, и поэтому здесь на земле отвергается моей религией, все же, ради тебя, дорогая, я с радостью приму этот крест, зная, что мы никогда больше не расстанемся. Но если, как ты говоришь, сейчас это невозможно, стань моей женой, и пусть исполнится воля судьбы. Все люди смертны, но прежде чем умереть, я буду, по крайней мере, счастлив с тобой — хоть один час.

— Если бы я только смела... — ответила Айша с печальным жестом. — Не настаивай, Лео, ведь я могу не выдержать и повести тебя гибельной дорогой. Ты никогда не слышал, Лео, о том, что любовь может убивать и что в чаше, полной радости, может таиться яд?

И как будто опасаясь себя самое, Айша повернулась и убежала.

На том дело и кончилось. Собственно говоря, не случилось ничего страшного, царапины Лео быстро зажили, охотники не только не были

наказаны, но и возведены в ранг личных телохранителей Лео. Но урок мы получили наглядный. Прежде всего мы узнали, что Айша может издали следить за Лео и даже наделять этой ясновидческой способностью других, хотя и бессильна помочь ему в беде, чем и объясняется ее невероятно сильная, постоянная тревога за него.

Подумайте, каково было бы любому из нас каким-нибудь мистическим способом узнавать о каждой открытой и тайной опасности, о каждой болезни, угрожающей нашим любимым. Видеть, как содрогается скала у них над головой; видеть, как они подносят к губам кубок, полный смертельного яда; видеть, как они всходят на борт корабля, который обречен на неминуемую гибель, — и быть не в силах предостеречь или удержать их. Ни один смертный человек не вынес бы всех этих постоянных ужасов, ибо что ни день мимо груди каждого из нас незримо и неслышно пролетают стрелы Смерти, до тех пор пока одна из них не поразит нас.

Что же должна была переживать Айша, наблюдая очами своего духа за тем, как мы преодолеваем многочисленные опасности, каждый раз на волосок от смерти? Когда, например, она видела Лео в моем камберлендском доме в безумном отчаянии, на грани самоубийства, и сверхъестественным усилием воли добилась, чтобы некая поработившая ее сила позволила ей перенестись душой через полмира и открыть любимому тайну своего местонахождения.

И еще один пример из многих: что она должна была испытывать, видя, как он болтается на непрочном ремне из яковой шкуры над пропастью, не в силах прийти ему на помощь, не в силах даже предугадать, что случится в следующее мгновение, ведь если бы его постигла страшная гибель, ей предстояло бы жить одной долгие века, ожидая его нового возрождения.

И ее муки отнюдь не ограничивались подобными страхами, ее терзали и другие, не менее тягостные. Можно представить себе, в частности, как страдало ее ревнивое сердце, когда она знала, что ее возлюбленный подвергается искушениям, естественным в холостяцкой жизни, особенно когда его так настойчиво домогалась ее древняя соперница Атене, некогда его жена, по признанию самой же Айши. Добавьте к этому ее страх перед теми неизбежными переменами, которые производит в людях время, опасение, как бы постепенно в его сердце не изгладилась память о ее мудрости, всесии и красоте, а вместе с тем и желание видеть ее вновь; столько веков мучительнейшего ожидания — и опять остаться забытой и одинокой!

Поистине Сила, ограничивающая наши способности восприятия, оказывает нам величайшее благодеяние; если бы не ее вмешательство, мы

все сошли бы с ума и погибли, беснуясь, от всех угрожающих нам ужасов.

Напрашивался вывод, что Айша, эта великая, терзающаяся душа, в своем стремлении обрести вечное сияние любви и жизни уподоблялась слепой Пандоре. Из похищенного ею ящика с красотой и сверхчеловеческим могуществом выпрыгнули и поселились в ее груди сотни жестоких демонов; мы же, обычные смертные, ощущаем лишь слабое, холодное дуновение от их крыл.

Чтобы довершить эту параллель, скажу, что в этом опустевшем ящике все еще сохраняется надежда.

Глава XX. Алхимическая лаборатория Айши

Вскоре после происшествия со снежным барсом один из таких демонов, обитающих в груди Айши, демон безграничного честолюбия, громко заявил о своем существовании. За ужином Айша обычно обсуждала свои планы на будущее, то великое, бесконечное будущее, которое она обещала принести нам в дар.

Здесь я должен упомянуть, если еще этого не сделал, что, невзирая на мой прежний отказ, мне будет милостиво позволено погрузить свое старческое тело в Источник Жизни, хотя если она и знала, какое обличие я обрету после омовения, то, подобно Геродоту, повествующему о тайнах Древнего Египта, предпочла об этом умолчать.

Втайне я надеялся, что мое наружное «я» переменится к лучшему, ибо перспектива увековечить свой нынешний, не слишком привлекательный облик отнюдь не казалась мне заманчивой. По правде сказать, все это носило для меня скорее академический, нежели реальный интерес: я не верил, что, как в волшебной сказке, я обрету бессмертие. И могу добавить, что, как и прежде, я не был убежден, что это совпадает с моими желаниями.

Замыслы Айши были далеко идущие и поистине ужасающие. Ее знакомство с современным миром, с его политическими и социальными достижениями было все еще строго ограниченным; ибо, если она и обладала способностью понять его историю и его нынешнюю деятельность, этой способностью она совершенно не пользовалась. Практически все ее знание сводилось к сведениям, почерпнутым ею из нескольких наших коротких бесед в Коре еще в те давние времена. Теперь же ее любознательность была безгранична; к сожалению, все наши сведения уже устарели, ибо прошло целых пятнадцать лет с тех пор, как мы утратили всякий контакт с цивилизованными народами и жили в таком же неведении, как и она.

Все же мы могли описать ей условия жизни и деятельности разных народов того времени, когда мы отправились в путешествие, и даже, с большей или меньшей степенью неточности, нарисовать карты кое-каких стран с их границами; эти карты она долго рассматривала в глубокой задумчивости.

Наибольший ее интерес возбудили китайцы, может быть, потому, что

она была знакома с многими монголоидными народами и, как и мы, понимала их наречия. Для всех этих расспросов у нее была своя побудительная причина, которую однажды вечером она изложила самым деловым тоном.

Те, кто прочитал первую часть этого повествования, оставленную мной для опубликования в Англии, вероятно, помнят, что во время бесед в Коре Она шокировала нас высказанной ею решимостью завладеть Великобританией только потому, что мы происходим из этой страны. С тех пор выросло ее могущество, а соответственно — и притязания: она вознамерилась сделать Лео самодержавным правителем мировой империи. Напрасно он горячо уверял ее, что не питает подобного желания. Она только посмеялась над ним и сказала:

— Среди каких бы народов я не появилась, я должна повелевать этими народами, ибо Айша не может быть на вторых ролях среди смертных. А ты, Лео, мой повелитель, более того, мой хозяин. Ясно поэтому, что ты должен быть повелителем и всей земли, а может быть, и других планет, о которых я кое-что знаю; думаю, что я смогу их достичь, хотя пока еще я не сосредоточивала на этом свои мысли. Моя истинная жизнь еще не начиналась. Недолгий отрезок времени, который я прожила в этом мире, я провела в мыслях и мечтах о тебе, ожидая твоего возрождения, а в последние годы, с тех пор как мы расстались, ожидая, когда ты возвратишься ко мне.

Но пройдет еще несколько месяцев — и дни приготовления останутся позади; ты, как и я, обретишь вечную энергию, всю мудрость веков и мощь, способную рушить горы и осушать океаны; тогда и начнется наше истинное существование. Никак не могу дождаться часа, когда мы, словно две звезды, только что воссиявшие в небесах, предстанем во всем своем великолепии перед изумленными взорами людей. Я буду счастлива видеть, да, говорю тебе, Лео, я буду счастлива видеть, как державы и метрополии и их владения во главе с их царями и наместниками будут склоняться перед нашими престолами и смиренно умолять, чтобы мы позволили им исполнять нашу волю. Некоторое время, по крайней мере, — добавила она, — я буду счастлива, а затем мы обратимся к более великим свершениям.

Все время, пока она говорила, сияние ее чела усиливалось и ширилось, — вот оно уже засияло над ее головой, точно развернутый золотой веер; ее дремотные глаза вспыхнули от этого сияния и стали похожи на мерцающие зеркала, в которых я увидел гордое величие на троне и склоняющиеся пред ним в смиренной мольбе народы.

— И как же, — спросил Лео, подавляя стон, ибо перспектива

владычествовать всей землей нимало его не прельщала, — и как же ты, Айша, собираешься достигнуть всего этого?

— Как, мой Лео? Достаточно легко. Много вечеров я слышала мудрые беседы нашего Холли — должна, однако, оговориться, что мудрыми считает их он сам, но ему еще предстоит пройти долгий путь к мудрости; я долго рассматривала его кое-как накарябанные карты, сопоставляя их с тем, что запечатлелось в моей памяти, ибо в последнее время мне недосуг было заниматься такими пустяками. Я также тщательно обдумала твои рассказы о народах, населяющих этот мир, о всяческих их безрассудствах, о тщетной борьбе за богатство и незначительное превосходство; и я пришла к выводу, что разумнее и милосерднее всего — объединить их в одно целое под нашим владычеством: мы возьмем их судьбу в свои руки, искореним войны, недуги и бедность, дабы эти однодневки (она употребила слово «эфемериды») жили счастливо от колыбели до могилы.

Если бы не твое непонятное отвращение к кровопролитию, необходимость которого часто диктуется политическими соображениями, — ты, Лео, увы, не философ, — мы могли бы достичь своих целей очень быстро, ибо я владею оружием, способным сокрушить их сухопутные армии и потопить их флоты; да, это так, ведь мне повинуются даже молнии и стихийные силы Природы. Но тебя устрашает зрелище Смерти; ты полагаешь, будто Небеса будут недовольны, если я стану — или буду избрана — орудием их воли. Ну что ж, твое слово — для меня закон; поэтому поищем более мирный путь.

— И как же ты убедишь земных владык отдать тебе свои короны? — спросил я в изумлении.

— Народы сами предложат нам стать их властителями, — уклончиво ответила она. — О Холли, Холли! Как ограничен твой ум, как бедно твое воображение! Прошу тебя, напряги как следует твою мысль. Когда мы явимся среди людей, щедро осыпая их золотом, облеченные ужасающим могуществом, ослепительно прекрасные и бессмертные, не воскликнут ли они в один голос: «Будьте нашими монархами, правьте нами!»?

— Возможно, — с сомнением ответил я. — И где же ты явишься?

Она взяла нарисованную мною карту Восточного полушария и ткнула пальцем в Пекин.

— Здесь мы обоснуемся на несколько столетий — три, пять, семь, — сколько понадобится, чтобы переделать этот народ в соответствии с моими вкусами и целями. Я выбрала китайцев, потому что их, как ты говоришь, бесчисленное множество; они отважны, умны и терпеливы, и, хотя сейчас они беспомощны, потому что ими плохо управляют и не дают им необходимого

образования, они могут затопить своими полчищами маленькие европейские страны. С них мы и начнем наше правление, и в течение нескольких веков не будем посягать на большее — за это время они смогут усвоить нашу мудрость, а ты, мой Холли, сделаешь их армии непобедимыми, учредишь в их стране разумное правление и дашь им богатство, мир и новую религию.

Я даже не поинтересовался, какова будет эта новая религия. Излишний вопрос, ибо я был убежден, что это будет культ Айши. В голове у меня теснилось такое множество предположений — среди них немало странных и абсурдных — по поводу возможных последствий первого появления Айши в Китае, что я позабыл об этой дополнительной проблеме нашего правления.

— А если «маленькие западные страны» не станут ждать, пока их «затопят»? — с раздражением спросил Лео, ибо ему, представителю великой западной нации, не понравился ее пренебрежительный тон. — Если, допустим, они объединятся и нападут первыми?

— А! — сказала она, сверкнув глазами. — Я уже обдумала такую возможность; надеюсь, так и случится, ибо тогда ты не сможешь винить меня, если я пущу в ход всю свою мощь. Так долго спавший Восток наконец-то пробудится, и ты увидишь, как мои пылающие стяги будут победно реять на полях невиданных в истории сражений! Один за другим падут и погибнут все прочие народы, я водружу твой престол на пирамиде из бесчисленных мертвых тел, и ты станешь императором мира, возрожденного в крови и огне.

Устрашенный подобной перспективой, убежденный противник абсолютной монархии, в сущности, республиканец по своим убеждениям и симпатиям, Лео продолжал этот спор, но я перестал слушать: такими невероятно гротескными и фантастически абсурдными показались мне имперские притязания Айши — ни один честолюбивый безумец не мог бы выдумать ничего подобного.

И тем не менее — тут-то и была вся загвоздка — я не питал ни малейших сомнений, что она может осуществить свои поразительные, ужасные замыслы. Почему бы и нет? Смерть ей не угрожает: она одержала верх над самой смертью. Ее красота, «этот кубок безумия», как она однажды сказала, и ее непреклонная воля вполне могут принудить несметные толпы людей последовать за ней. Невероятно изобретательный ум поможет ей создать новые виды оружия, которым не сможет противостоять даже хорошо обученная армия. Она вполне может выполнить свои намерения; у меня были веские основания полагать, что

она властвует над всеми силами Природы, включая электричество, поэтому все живые существа окажутся ее добычей.

Айша обладает типично женским честолюбием; и самое страшное, что ее сверхъестественное всеисие не ограничено никакой ответственностью перед Богом или людьми. Возможно, она и впрямь падший ангел, как она однажды намекнула и как убеждены Атене и старый Шаман; это и есть ее истинное место в творении. Принудить ее к каким-то уступкам может, как я обнаружил, только любовь к Лео и, в несравненно меньшей степени, дружеское чувство ко мне.

Но я был уверен, что ее всепоглощающая страсть к одному человеку, необъяснимая в своем постоянстве и силе, окажется, как это уже было в прошлом, ее ахиллесовой пятой. Когда она совершила омовение в Источнике Могущества и Бессмертия, ее сердце сохранило слабости, свойственные смертному человеку; пользуясь этими слабостями, ее можно было сделать кроткой, точно дитя; не будь их, она опустошила бы весь мир!

Я был прав.

Так я раздумывал в надежде, что Айша не удосужится прочитать мои мысли, как вдруг заметил, что перед ней, низко склонясь, стоит Орос.

— В чем дело, жрец? — резко спросила Айша: она не любила, чтобы ее беспокоили, когда она была с Лео.

— Хес, вернулись лазутчики.

— Зачем ты их посылал? — равнодушно спросила Айша. — Я не нуждаюсь в твоих лазутчиках.

— Так ты велела сама, Хес.

— И что же они донесли?

— Положение очень серьезное, Хес. Люди Калуна — в крайнем отчаянии: засуха спалила весь их урожай, им грозит голод; в своих бедствиях они винят чужеземцев, которые бежали к тебе. Ханья Атене пылает безумной ненавистью к тебе и нашей святой Общине. Она трудилась денно и нощно и собрала две большие армии: в сорок и двадцать тысяч воинов; эту вторую армию под командованием ее деда Шамана Симбри она посылает против Горы. В случае ее поражения она предполагает остаться со второй, более многочисленной армией на Равнине.

— Подумаешь, какие новости! — с презрительным смешком сказала Айша. — Эта женщина хочет бороться со мной? Уж не сошла ли она с ума от ненависти? Мой Холли, у тебя только что мелькнула мысль, что это я сумасшедшая, да еще и хвастунья, ибо у меня не хватит сил совершить задуманное. Через шесть дней ты увидишь, своими глазами увидишь, кто

из нас прав; и хотя дело, что мне предстоит, довольно незначительное, я постараюсь рассеять все твои сомнения. погоди, сейчас я удостоверюсь сама, хоть это и утомительно, правду ли доносят лазутчики: они могут оказаться жертвами своих страхов или ложных слухов, распускаемых Атене.

Вообще-то Айша не любила заниматься ясновидением, то ли ей было недосуг, то ли это и впрямь сильно ее утомляло, но тут она сосредоточилась, ее прекрасное лицо застыло, как во время транса: свет на лбу погас, большие зрачки сузились и потускнели.

Минут через пять она вздохнула, как человек, пробуждающийся от глубокого сна, провела ладонью по лбу и стала такой, как обычно, только немного томной и как будто усталой.

— Да, верно, — сказала она. — Надо действовать — и безотлагательно, пока они не перебили много моих людей. Мой господин, хочешь ли ты видеть войну? Нет, ты останешься здесь, в безопасности, а я... навещу Атене, как и обещала.

— Куда ты, туда и я, — сердито буркнул Лео, покраснев вплоть до корней волос от стыда.

— Умоляю тебя; останься здесь, — проговорила она, не смея, однако, решительно ему отказать. — Мы поговорим об этом потом. Иди, Орос. Разошли Огонь Хес всем вождям. Через три ночи, на восходе луны, пусть соберутся все племена — нет, не все, достаточно двадцати тысяч отборных воинов; остальные пусть охраняют город и Святилище. И пусть возьмут с собой еду на пятнадцать дней. Я присоединюсь к ним на следующее утро. Иди.

Он поклонился и ушел; Айша же, тотчас позабыв обо всей этой истории, стала расспрашивать меня о китайцах и их обычаях.

Подобная беседа была у нас и на другой вечер; не помню ее подробностей, помню лишь, что случайное замечание Лео побудило Айшу еще раз проявить свои удивительные способности.

Обсуждая ее захватнические планы, Лео выдвигал всевозможные возражения, ибо они были совершенно неприемлемы для его религиозных, общественных и политических убеждений; он высказал мысль, что все они обречены на неминуемый провал, ибо требуют затраты столь баснословных сумм, что даже самой Айше не удастся их собрать ни одним из известных способов налогообложения. Она посмотрела на него с усмешкой.

— Со своей точки зрения, ты, может быть, и прав, Лео, — сказала она. — И Холли я тоже, вероятно, представляюсь сумасбродной девочкой,

которую носят взад и вперед ветры ее прихотей и которая строит сказочный дворец из росы, тумана или закатных лучей. Неужто ты думаешь, будто я решилась бы на такую войну — одна против всего мира, — она выпрямилась, исполненная царственного величия, ее глаза полыхнули ужасающим огнем, — если бы не сделала все необходимые приготовления? После нашего последнего разговора я все хорошо обдумала, и сейчас ты узнаешь, как без всяких поборов с наших подданных — уже за одно это они будут горячо нас любить — я скоплю несметные сокровища, достойные императрицы всей земли.

Помнишь ли ты, Лео, что в течение утомительно долгих веков, проведенных мной в Коре, у меня было одно-единственное развлечение — узнавать, одну за другой, сокровеннейшие тайны Природы; да, только такое развлечение и было у меня: я стремилась познать все вещи и явления, существующие в мире, а также и причины, их порождающие. Идите за мной вы оба, — я покажу вам то, чего не видел еще ни один смертный.

— Что же ты нам покажешь? — с сомнением спросил я, хорошо помня, как велики ее способности к химии.

— Сейчас увидишь — если, конечно, не пожелаешь остаться здесь. Пошли Лео, мой любимый, мой единственный, и пусть этот философ задает себе загадки и разгадывает их без нас.

И, повернувшись ко мне спиной, она улыбнулась так ласково, что Лео, который испытывал еще более сильное, чем я, нежелание сопровождать ее, последовал бы за ней даже в адскую печь, именно это, впрочем, ему и предстояло сделать.

Они оба вышли, и я поспешил за ними, ибо в присутствии Айши было бесполезно выказывать глупую гордость или приносить себя в жертву собственной последовательности. К тому же мне хотелось повидать новое, сотворенное ею чудо, а полагаться на описание Лео я не мог, потому что рассказчик он был весьма посредственный.

Коридорами, которыми мы никогда еще не ходили, она вывела нас к двери и жестом велела Лео отворить ее. Он повиновался, в лицо нам хлынул яркий свет из пещеры, куда мы попали. Мы сразу догадались, что здесь помещается ее лаборатория, вдоль стен стояли металлические сосуды и различные инструменты странной формы. Тут же находился и горн, едва ли не лучший в своем роде, ибо не требовал ни углей, ни поддува: пылающий газ, как и в Святилище, поступал в него прямо из чрева вулкана под нашими ногами.

Работой занимались двое жрецов: один помешивал котел, другой выливал его расплавленное содержимое в глиняную форму. Они

остановились, чтобы приветствовать Айшу, но она велела им продолжать, только спросила, все ли идет хорошо.

— Очень хорошо, о Хес, — ответили они; миновав несколько коридоров и дверей, мы вышли к маленькой пещере. В ней не было ни лампад, ни пылающего газа; и все же она была наполнена мягким свечением, которое, казалось, исходило от противоположной стены.

— Что они делали, эти жрецы? — спросил я скорее для того, чтобы нарушить тягостное молчание, чем по какой-либо другой причине.

— К чему эти дурацкие вопросы? — ответила она. — Разве в твоей стране, о Холли, не выплавляют металлов? Ты хотел знать, что я делаю? Но ты — человек сомневающийся и не поверил бы мне, пока не увидел бы своими глазами. Сейчас я тебе покажу.

Она велела нам надеть два странных костюма, что висели в углу; сделаны они были то ли из особой ткани, то ли из дерева и снабжены капюшонами, напоминающими шлемы ныряльщиков.

По ее указаниям Лео помог мне облачиться в один из костюмов, после чего — так я понял по доносившимся до меня шорохам, ибо свет не проникал через шлем, — она оказала ту же услугу и ему самому.

— Ничего не вижу, сплошная тьма, — сказал я, так как вновь воцарилась тишина, и в этих деревянных доспехах я ощущал смутную тревогу и боялся, как бы меня не оставили в одиночестве.

— О Холли, — услышал я насмешливый голос Айши, — ты, как всегда, в сплошной тьме невежества и неверия. Ну что ж, сейчас, как и всегда, я подарю тебе свет.

По звукам я догадался, что откатилась каменная дверь.

Заструился свет, такой ослепительный, что пробивался даже через шлем. Я смутно увидел, как стена напротив разверзлась; мы, все трое, стояли у входа в другую комнату. В ее глубине виднелось что-то похожее на жертвенник из твердого черного камня; на этом жертвеннике лежало что-то продолговатое, похожее по форме на глаз и размером с голову ребенка.

От этого-то глаза и бил нестерпимо яркий свет. Его лучи пронизывали толстую кирпичную стену, построенную воронкой, с такой легкостью, будто это была муслиновая занавеска. Устремляясь вверх, они озаряли металлический слиток, что покоился на массивной раме.

Как сверкали эти лучи! Если бы все граненые брильянты мира сложить в одну грудку и поместить под огромное зажигательное стекло, то и тогда они не достигли бы и тысячной доли их яркости. Лучи жгли мне глаза, жгли лицо, руки и ноги, но Айша даже не укрывалась от них. Она прошла в глубь комнаты и, скинув с лица покрывало, принялась

рассматривать слиток, лежавший на подвешенной к потолку раме; в этот миг сквозь ее тело, как будто бы оно было из расплавленной стали, отчетливо просвечивали кости.

— Уже готов — и скорее, чем я ожидала, — сказала Айша. Подняла слиток с такой же легкостью, как перышко, подплыла обратно к нам и со смехом спросила:

— Скажи мне, о высокоученый Холли, доводилось ли тебе слышать о лучшем алхимике, чем эта бедная жрица забытой религии? — И она поднесла сверкающий слиток почти вплотную к моей голове.

Я повернулся и побежал, вернее, заковылял, ибо в этом костюме бегать было невозможно, прочь из комнаты, пока не уперся в скалу; там я и стоял, прижав голову к каменной стене: глаза у меня болели так, будто в них вонзили раскаленные докрасна шилья. Айша же потешалась надо мной, пока дверь наконец закрылась, и меня окутала тьма, благословенная, словно дар Небес.

Потом Айша стала помогать Лео снять его лучезащитные доспехи, если их так можно назвать; освободясь от них, он, в свою очередь, помог и мне; в этом мягком мерцании мы стояли, моргая, словно совы на солнечном свету, — и по нашим щекам струились слезы.

— Ты удовлетворен, мой Холли? — спросила она.

— Чем удовлетворен? — сердито отпарировал я, ибо боль в глазах была нестерпимая. — Если всей этой дьявольщиной, то да, удовлетворен.

— И я тоже, — проворчал Лео, который все это время тихо ругался в своем углу.

Но Айша только смеялась, о, как она смеялась: казалось, сама богиня веселья сошла на землю; она смеялась до тех пор, пока и у нее на глазах не выступили слезы.

— Какая неблагодарность! — воскликнула она. — Ты, Лео, просил показать тебе сотворенное мною чудо, тебе, Холли, я велела остаться, но ты все же увязался за мной, — и теперь вы оба грубите и злитесь и даже плачете, как обжегшие пальцы дети. Вот возьмите. — Она сняла с полки какую-то мазь. — Натрите себе глаза, и жжение сразу же пройдет.

Так мы и сделали, жжение в самом деле прошло, но еще много часов мои глаза были налиты кровью.

— И где же это чудо? — спросил я. — Если ты говоришь о нестерпимо жгучем пламени...

— Я говорю о том, что рождается в пламени, как ты по своему невежеству называешь могучую энергию. Смотри! — И она показала на принесенный ею слиток; он лежал на полу, все еще слабо мерца. — Нет,

он уже остыл. Неужели ты думаешь, я взяла бы его, если бы был риск обжечь пальцы, изуродовать себе руку? Потрогай же его, Холли.

Но я не хотел; сама Айша, я знал, не боится пылающего огня, но я человек непривычный; к тому же я опасался жестокой шутки, которую она могла сыграть со мной. Однако слиток я рассматривал долго и серьезно.

— И что это, Холли?

— Золото, — сказал я и тут же поправился: — Медь. — Излучать такое тусклое красноватое сияние вполне мог и тот и другой металл.

— Нет, нет, — возразила она, — это золото, чистейшее золото.

— Руда здесь, должно быть, очень богатая, — недоверчиво сказал Лео, так как я упорно молчал.

— Да, мой Лео, железная руда здесь очень богатая.

— Железная руда? — Он взглянул на нее.

— Конечно, — ответила она. — Разве есть рудники, где золото добывается в таких слитках? С помощью своего знания алхимии я превратила железную руду в золото, оно скоро нам понадобится, мой любимый.

Лео изумленно глазел на слиток, а я стонал, так и не поверив, что это золото, а тем более что оно выплавлено из железной руды. Айша прочитала мои мысли, ее настроение, с характерной для нее внезапностью, сразу же переменялось: она вспыхнула.

— Клянусь самой Природой! — вскричала она. — Не будь ты моим другом, Холли, о глупец, обласканный мной, — я бы подвергла воздействию этих тайных лучей твою руку, так чтобы она, вплоть до самых костей, стала золотой. Но что гневаться на слепца, к тому же еще и глухого? И все же сейчас ты убедишься! — Оставив нас, она прошла по коридорам, что-то крикнула трудившимся в лаборатории жрецам и вернулась.

Вскоре появились жрецы; они с трудом тащили на носилках большую глыбу железной руды.

— Ну, — сказала она, — каким знаком мне отметить эту железную руду? Знаком Жизни? Хорошо. — По ее велению жрецы взяли за чеканы и молоты и грубо выбили на поверхности глыбы крест с петлей вверх — *crux ansata*.

— Этого недостаточно, — сказала она, когда они закончили. — Одолжи мне твой нож, Холли, завтра я возвращу его более ценным.

Я вытащил из ножен свой охотничий нож индийской работы и отдал его Айше.

— Ты помнишь эти отметины? — Она показала на следы клыков и имя мастера на лезвии, хотя рукоятку и сделал индийский мастер, сталь была

шеффилдская.

Я кивнул. Она велела жрецам надеть снятые нами лучезащитные костюмы, а нам — выйти в темный коридор и лечь лицом на пол.

Так мы и поступили; через несколько минут она позвала нас. Мы встали и вернулись в комнату: жрецы уже были там; сняв защитные костюмы, они тяжело отдувались и втирали в глаза мазь; ни глыбы железной руды, ни моего ножа не было видно. Затем она приказала им положить на носилки и унести слиток золотистого металла. Они повиновались; мы заметили, что при всем своим крепком сложении оба жреца покрхтывали под его тяжестью.

— Каким образом ты, женщина, — спросил Лео, — могла поднять то, что тяжело для двоих мужчин?

— Та сила, которую ты называешь Огнем, — ответила она, — обладает свойством облегчать, пусть на короткое время, всякий предмет, подвергаемый ее воздействию. Иначе как бы я, хрупкая женщина, могла поднять золотой слиток?

— Понятно, — ответил Лео. — Теперь понятно.

На том дело и кончилось. Слиток был убран в каменный колодец с железным люком, и мы вернулись в покои Айши.

— Стало быть, ты можешь обладать всеми богатствами, как и всем могуществом, — сказал Лео. Я, однако, помалкивал, помня ужасную угрозу Айши.

— Как видишь, — ответила она утомленно. — Эту великую тайну я раскрыла еще много веков назад, хотя до вашего прихода ни разу ею не пользовалась. Холли с присущим ему упрямством думает, что это колдовство, но я говорю тебе, Холли, что тут нет никакого колдовства — есть только приобретенное мною знание.

— Конечно, — сказал Лео, — если подходить с правильной точки зрения, с твоей точки зрения, все это просто... — Он хотел, видимо, добавить «надувательство», но не добавил, потому что это повлекло бы за собой долгие объяснения. — Но, Айша, — продолжал он, — подумала ли ты, что это твое изобретение может разрушить мир?

— Лео, — ответила она, — получается, что бы я ни сделала, этот мир, который ты так нежно любишь — а ведь тебе следовало бы сосредоточить всю любовь на мне, — все равно будет разрушен.

Я улыбнулся, но тут же спохватился и хмуро поглядел на Лео, затем, опасаясь, что и это может вызвать ее гнев, постарался принять как можно более безучастный вид.

— В таком случае, — продолжала она, — пусть мир будет разрушен. Но что ты имел в виду? Прости, мой повелитель, я так тупа, что не могу следовать за стремительным полетом твоей мысли, ведь я провела много лет в одиночестве, не общаясь с более высокими или хотя бы равными мне умами.

— Тебе угодно издеваться надо мной, — запальчиво сказал Лео. — Для этого не требуется особой смелости.

Айша окинула его яростным взглядом, и я отвернулся к двери. Но Лео без малейшего страха сложил руки на груди и посмотрел прямо в глаза ей. Несколько мгновений Айша оглядывала его, затем сказала:

— Моя любовь к тебе, Лео, предопределена самой судьбой, хоть ты этого и не знаешь, но есть и еще одна причина, почему я люблю тебя так безумно; ты единственный, кто меня не боится. Не то что Холли: после того как я пригрозила превратить его кости в золото, а я не шутила, — она рассмеялась, — он весь дрожит, лишь заслышит мои шаги, и съеживается, даже если я смотрю на него ласково-ласково.

О мой господин! Как же ты добр ко мне, с каким терпением переносишь мои женские прихоти и слабости! — Она протянула руки, как будто хотела обнять его. Но сразу же опомнилась и с легкой дрожью, более, может быть, выразительной, чем самый трагический жест, показала на диван, приглашая его сесть. Когда он сел, она придвинула к его ногам скамеечку, примостилась на ней и подняла на него внимательные глаза, словно ребенок, ожидающий сказки.

— Твои доводы, Лео, приведи мне твои доводы. Не сомневаюсь, что они у тебя веские, и, уверяю тебя, я их тщательно обдумую.

— Я буду краток, — ответил он. — Мир — ты знаешь это еще со времен твоих... — Он недоговорил.

— Моих ранних скитаний, — закончила она за него.

— Да, твоих ранних скитаний... Мир превратил золото в эталон богатства. На этом основаны все цивилизации. Если ты произведешь золото в слишком большом количестве, ты подорвешь эту основу. Все кредитные операции прекратятся, и для удовлетворения своих нужд люди, как их дикие предки, вынуждены будут прибегать к натуральному обмену, как это делается у вас в Калуне.

— Почему бы и нет? — спросила она. — Это было бы проще и вернуло бы их к тем временам, когда они были чище и добрее и не знали ни роскоши, ни алчности.

— И проламывали друг дружке черепа каменными топорами.

— Зато теперь они пронзают друг другу сердца стальными клинками и

теми свинцовыми штучками, о которых ты мне рассказывал. О Лео! Когда народы будут разорены, а их золотой кумир повержен, когда ростовщики и толстобрюхие купцы с ужасом увидят, что их сокровища обратились в горстки праха, когда я разорю все мировые биржи и буду хохотать над развалинами богатейших рынков, — не тогда ли наконец будут оценены по достоинству истинные добродетели?

Так ли уж велика беда, если я низвергну тех, кто дорожит презренным металлом более, нежели смелостью или добродетелью, тех, кто, по словам древнееврейского пророка, разоряет поле за полем, дом за домом, так что в конце концов у обобранных ими людей не остается даже крыши над головой? Что, если я докажу, что умнейшие из ваших торговцев, в сущности, глупцы, что, если я завалю ваших алчных менял столь желанным им золотом, сам вид которого станет им ненавистен? Что, если я встану на защиту бедных и угнетенных, против ненасытных орд Маммоны? Не будет ли ваш мир более счастлив, чем ныне?

— Не знаю, — ответил Лео. — Знаю лишь, что это будет другой мир, основанный на новых принципах, управляемый еще не испытанными законами и преследующий иные цели. Кто может предсказать, что произойдет или не произойдет в месте столь странном?

— Это мы узнаем в свое время, Лео. Но против твоего желания мы не будем переворачивать еще не прочитанную страницу. Пусть эта старая карга — Алчность — по-прежнему правит миром. Пусть желтоликий Король по-прежнему восседает на своем престоле, я не стану, как собиралась, заменять его другим правителем, а именно: той вечной пылающей Животворной Силой, действие которой ты видел недавно, Силой, мне подвластной, которая может укрепить здоровье людей либо даже изменить свойства металлов и в то же время по моему слову может уничтожить город или низвергнуть эту Гору.

Но посмотри, Холли устал уже удивляться и нуждается в отдыхе. О Холли, ты рожден хулителем всего совершаемого, но не свершителем. Я знаю это племя: еще в мои дни в александрийских общинах не прекращались их бесконечные препирательства; их позабытый прах давно уже разнесен ветрами. Холли, я говорю тебе, что по временам творцам и вершителям не до мелких сомнений и всяких придилок. Но не бойся, старый друг, и не таи на меня обиды. Твое сердце — и так чистое золото, зачем же мне золотить твои кости?

Я поблагодарил Айшу за ее добрые слова и отправился спать, размышляя, что же выражает ее истинные чувства: эта доброта или гнев, либо и то и другое — притворство. И еще я размышлял, почему у нее такая

нелюбовь к александрийским критикам — хулителям, как она их называет. Может быть, она сочинила какую-нибудь поэму или основала новую школу философии, а они разнесли ее в пух и прах? Вполне возможно, но только если бы Айша и в самом деле писала стихи, я уверен, что они жили бы так же долго, как и стихи Сапфо.

Утром я убедился, что — какие бы достоинства Айши ни вызывали сомнение — химик она, бесспорно, выдающийся, может быть, величайший из всех живших когда-либо на свете. Пока я одевался, в комнату ввалились те самые жрецы, которых мы видели в лаборатории, они несли какую-то тяжелую штуку, прикрытую куском ткани, и по знаку Ороса положили ее на пол.

— Что это? — спросил я у Ороса.

— Дар, который в знак примирения посылает тебе Хесеа, — ответил он. — Я слышал, что вчера вечером ты посмел с ней поссориться.

Он сдернул ткань, и мы увидели большой сверкающий слиток, в моем и Лео присутствии помеченный Знаком Жизни: этот знак можно было видеть на его поверхности. Только теперь это было золото, а не железо; золото такое чистое и мягкое, что я мог бы ногтем нацарапать на нем свое имя. Тут же лежал и мой нож: лезвие его как было, так и осталось стальным, а вот рукоятка стала золотой.

Позднее Айша попросила меня показать нож и была не вполне удовлетворена результатами эксперимента. В лезвие на целый дюйм вплавились золотые полосы и пятна, и она опасалась, что сталь потеряла закалку и прочность, тогда как она намеривалась сделать золотой только рукоятку.

С тех пор я часто раздумывал, каким образом Айше удалось осуществить это чудо: из каких веществ составила она ту, сверкающую, подобно молнии, субстанцию, с помощью которой она изготавливала золото, раздумывал я и о том, есть ли у этой субстанции какая-либо связь с Животворным Огнем, пылающим в пещерах Кора. Я и по сей час не знаю ответа на этот вопрос, ибо он выше моего понимания.

Предполагаю только, что, готовясь к покорению земного шара, а для этого хватило бы одних ее алхимических познаний, она повелела, чтобы золото выплавлялось в пещере непрерывно.

Как бы там ни было, в течение нескольких дней, проведенных нами вместе, Айша больше не возвращалась к этой теме. Видимо, она добилась своей цели и успокоилась, или же, поглощенная другими, более неотложными делами, забыла об этом своем замысле, или на время отложила его осуществление. По необходимости мне приходится многое

опускать в своем повествовании, но я пространно описываю этот странный случай и связанные с ним наши разговоры, ибо он произвел на меня сильнейшее впечатление, как поразительный пример власти Айши над тайными силами Природы: вскоре мы получили еще более устрашающее подтверждение этой власти.

Глава XXI. Пророчество Атене

На другой день после того, как мы стали свидетелями этого чуда — превращения железа в золото, в храме состоялась большая служба; ее целью, как мы поняли, было «освящение войны», на этой службе мы не присутствовали, но вечером, как обычно, собрались все втроем за ужином. Айша сидела в странно изменчивом настроении: то была мрачна и угрюма, то весело хохотала.

— Знаете ли вы, — сказала она, — что сегодня я была Оракулом: эти глупые горцы прислали своих шаманов, чтобы те узнали у Хесеа, как будет идти война, кто погибнет, а кто покроет свое имя славой. А я... я не могла сказать им, я строила предсказание так, чтобы каждый мог истолковать их по-своему. Как будет идти война — я хорошо знаю, потому что буду сама направлять ее ход, но читать будущее я не могу — как и ты, мой Холли, — к сожалению. Для меня и все прошлое и настоящее озарены светом, отражающимся от этой черной стены — будущего.

Она надолго задумалась, затем подняла глаза и с умоляющим видом сказала Лео:

— Очень тебя прошу: побудь эти несколько дней дома, можешь даже сходить на охоту. Я останусь с тобой, а командовать племенами в этой пустяковой стычке пошлю Холли и Ороса.

— Ни за что! — ответил Лео, дрожа от негодования; так возмутило его, человека храброго до безрассудства, предложение послать меня на войну, тогда как он будет прохлаждаться здесь в храме, к тому же, хотя в теории он осуждал кровопролитие, ему отнюдь не было чуждо упоение битвой.

— Нет, Айша, я не останусь. Не останусь, — повторил он. — А если ты отправишься без меня, я последую за тобой и все равно приму участие в войне.

— Тогда поедем вместе, — сказала она. — Пусть несчастье, если ему суждено случиться, падет на твою голову. Нет, нет, любимый, — на мою голову.

После этого, без каких бы то ни было видимых причин, она вдруг развеселилась, как девочка, не переставая смеялась и рассказывала множество историй из далекого прошлого — ни одной печальной или трагической. До чего же это было странно — сидеть и слушать, как она рассказывает о людях, чьи имена донесло до нас время, но чаще — о

неизвестных, но знакомых ей, которые ступали по земле две тысячи лет назад. Все ее забавные истории об их любви и ненависти, об их силе и слабостях были приправлены перцем едкой насмешки, изображали, к каким комическим последствиям могут приводить человеческие устремления и надежды.

Но в конце концов она перешла на более серьезную личную тему. Заговорила о своих поисках истины, о том, как в этих поисках она изучала — и отвергала одну за другой — все существовавшие тогда религии, о том, как она проповедовала в Иерусалиме и как ее забросали камнями несогласные с ней богословы. И еще о том, как она вернулась в Аравию, а аравитяне отвергли ее реформаторство, и ей пришлось бежать в Египет, где при дворе тогдашнего фараона она встретила знаменитого мага, полупроphetом, полупровидцем: у нее обнаружился дар, как мы сказали бы теперь, «ясновидения», а он так хорошо обучил ее своему искусству, что вскоре она его превзошла и заставила подчиниться ее воле.

Затем, как будто жалея о своей откровенности, Айша перевела разговор с Египта на пещеры Кора. Она поведала Лео о том, как он туда прибыл, — странник по имени Калликрат, преследуемый дикарями и сопровождаемый принцессой Аменартас, которую Айша, по-видимому, знала и ненавидела еще в Египте, — и как она приняла их. Да, она даже упомянула, как они все втроем ужинали перед отправлением к Источнику Жизни и о зловещем предсказании принцессы Аменартас об исходе их путешествия.

— Да, — сказала Айша, — была такая же тихая ночь, и ели мы такой же ужин, как и сейчас; Лео сидел рядом со мной, почти такой же, как и сейчас, только помоложе и без бороды. На твоём месте, Холли, была принцесса Аменартас, женщина очень красивая, даже красивее меня до омовения в Источнике, проникательная, хотя и менее ученая, чем я. Мы возненавидели друг друга с первого взгляда, а когда она увидела, как дорог ты мне стал, Лео, тогда ее возлюбленный, но не муж, ибо вы бежали слишком поспешно, чтобы успеть жениться, — ее ненависть разгорелась еще пуще. И она тоже знала, что соперничество между нами началось еще за много веков и поколений до той встречи, но никому из нас не суждено причинить вред другой, так как обе мы любили тебя и были грешны в равной степени; этот грех лежал тяжким бременем на наших душах.

«Я вижу, Калликрат, — сказала Аменартас, — как вино в твоём кубке превращается в кровь; алая кровь каплет и с твоего кинжала, дочь Яруба, — так она меня называла. — Это место, где мы находимся, — гробница, в ней спишь ты, Калликрат, а твоя убийца тщетно пытается согреть

поцелуями твои охлажденные уста».

— Предначертанное свершилось, — задумчиво добавила Айша, — Я убила тебя близ Источника Жизни, — да, убила тебя в приступе безумия, потому что ты не хотел понять происшедшей со мной перемены и не хотел замечать моей красоты, как летучая мышь не видит ослепительного сверкания огня; ты отворачивался и прятал лицо в ее темных косах... Это опять ты, Орос? Неужто ты не можешь оставить меня в покое хоть на час?

— О Хес! Послание от Хании Атене, — кланяясь, настаивал жрец.

— Вскрой его и прочти, — беспечно бросила Айша. — Может быть, она раскаивается в своем безрассудстве и припадет к моим ногам с повинной?

Орос прочитал:

Хесеа, из горной Общины, здесь на земле называемой Айшей, а в Доме Небес, откуда ей позволено было явиться, Падшей Звездой.

— Неплохо звучащее имя, — перебила Айша. — Но Атене следовало бы знать, что падшие звезды вновь возносятся ввысь — даже из подземного мира. Продолжай, Орос.

Приветствую тебя, Айша! Ты очень стара, за долгие столетия обрела много мудрости и знаний, умеешь представляться прекрасной глазам людей, которых ты ослепляешь своим искусством. Но у тебя нет одной способности, имеющейся у меня, а именно — дара предвидеть еще не случившееся. Знай же, о Айша, что я и мой дядя, великий провидец, тщательно изучили небесные письма, чтобы узнать, каков будет исход войны.

Письмена предвещают: мне — смерть, чему я заранее рада. Тебе — попадание копья, брошенного твоей собственной рукой, стране же Калун — кровопролитие и разорение, и ты их виновница.

Атене

Хания Калуна

Айша слушала молча; губы ее не дрожали, щеки не побледнели. Она гордо молвила Оросу:

— Скажи гонцу Атене, что я получила ее послание, ответ будет ей дан очень скоро — когда мы увидимся в ее дворце. Иди, жрец, и больше меня не тревожь.

После ухода Ороса она повернулась к нам и сказала:

— То, что я рассказывала о временах минувших, перекликается и с временами нынешними. Тогда Аменартас предрекала недоброе, и сейчас она предрекает недоброе; Аменартас и Атене — одна и та же женщина. Ну что ж, пусть копье поражает меня, в конце концов я одержу победу. Можно, конечно, предположить, что Атене хочет запугать меня искусной ложью, но, даже если ее пророчество верно, у нас нет повода отчаиваться, ибо никто не может избежать предначертаний судьбы и никогда не расторгнется наш союз, созданный самой вселенной, нашей Праматерью.

Она помолчала, потом излила на нас неожиданный поток поэтических мыслей и образов:

— Говорю тебе, Лео: из хаотического переплетения наших жизней и смертей еще родится порядок. Через прорези в маске Жестокости сияют ласковые глаза Милосердия; беды, которые мы несправедливо терпим в этом жестоком и уродливом мире, — всего лишь нестерпимо яркие, обжигающие искры, сыплющиеся от меча вечной, совершенной Справедливости, призванной бороться со злом. Муки и страдания, которые мы испытываем, всего лишь звенья золотой цепи, втягивающей наш корабль в гавань отдохновения; это крутые, трудно преодолеваемые ступени лестницы, ведущей во дворец Радости. Прочь опасения — да свершится то, что предначертано. Ибо, говорю я, мы крылатые семена, которые ветры судьбы и перемен отнесут в тот сад, где им суждено прорасти, а потом и расцвести, наполняя тамошний благословенный воздух бессмертным ароматом.

А теперь оставь меня, Лео, пойдй поспи: завтра на рассвете мы выезжаем.

Был уже полдень, когда мы присоединились к армии горных племен, свирепых, дикого вида людей. За высланными вперед разведчиками ехал большой отряд всадников на поджарых конях, справа, слева и сзади шли полки пеших воинов под начальством их вождей.

Айша ехала в самом центре конного отряда на необыкновенно быстрой и стройной кобыле; лицо она закрыла, не желая, чтобы его видели эти дикари. С ней были Лео и я: Лео на черном коне Хана, я на другом таком же, только более тяжелом. Нас охраняли жрецы и полк отборных воинов, среди них были и охотники, спасенные Лео от разгневанной Айши и очень к нему привязанные.

Мы все были в бодром настроении: в свежем осеннем воздухе, под яркими лучами солнца все страхи и недобрые предчувствия, которые преследовали нас в мрачных, освещаемых пылающим газом пещерах, быстро улетучились. А мерный топот тысяч вооруженных воинов и

предвкушение предстоящей битвы приятно щекотали наши нервы.

Уже давно не видел я Лео таким энергичным и счастливым. В последнее время — вероятно, по причинам, о которых я уже говорил, — он исхудал, побледнел, но сейчас его щеки покраснелись, а глаза горели ярким огнем. Радостной казалось и Айша, настроения этой странной женщины изменчивы, как сама Природа, и разнообразятся, как пейзажи в зависимости от освещения. Она была то сияющим полуднем, то темной ночью, то утренней зарей, то сумеречным вечером; будто облачка по летнему небу, проносились тени мыслей в голубых глубинах ее глаз, а ее прекрасное лицо менялось и мерцало, точно потревоженная вода под лучистыми звездами.

— Слишком долго, — воскликнула она, — слишком долго была я затворена в мрачных недрах Горы, среди немых, дикарей и жрецов с их печальными песнопениями; и как же рада я вновь видеть этот мир! Как прекрасны снега над нами, и бурные склоны внизу, и широкие равнины вдали, убегающие к пограничным холмам! Как великолепно сияющее солнце, вечное, как и я; как сладостен прохладный горный воздух!

Поверь мне, Лео, более двадцати веков не садилась я на лошадь и, как видишь, не утратила навыков верховой езды, хотя эта кобыла не идет ни в какое сравнение с теми арабскими жеребцами, на которых я скакала по бескрайним пустыням Аравии. О, я помню, как бок о бок с отцом мчалась на битву с грабителями-бедуинами и как я вонзила копье в их вождя и он, еще живой, умолял меня о пощаде. Как-нибудь я расскажу тебе о своем отце; я была его любимицей, и, хотя мы расстались уже очень давно, я нежно храню память о нем и надеюсь, что мы еще свидимся.

А вот, смотри, та горловина, где жил колдун, что поклонялся коту и хотел убить вас обоих, потому что ты, Лео, швырнул эту тварь в костер. Странно, но некоторые племена, живущие на Горе и вокруг, почитают котов, как божества, и используют их для гадания. По всей вероятности, первый Рассен, военачальник Александра, привез этот культ с собой из Египта. Я могла бы многое рассказать тебе об этом Александре Македонском, он был почти моим современником, и когда я родилась в последний раз, мир еще звенел славой его подвигов.

Это он, Рассен, заменил примитивное огнепоклонничество, о котором еще напоминают огненные столбы, освещающие Святилище, почитанием Хес или Исиды, вернее, их общим культам. Несомненно, среди жрецов его армии были поклонники Пахт или Сехмет Львиноголовой: они и принесли с собой тайный культ, выродившийся в убогое колдовство дикарей. Вспоминаю смутно, так оно и было, ведь я первая Хесеа здешнего храма,

прибывшая сюда вместе с Рассеном, моим родственником.

Мы с Лео изумленно уставились на нее, и я заметил, что она внимательно наблюдает за нами сквозь покрывало. Как обычно, упреки ее обрушились на меня, ибо Лео мог думать и делать все, что ему заблагорассудится, не рискуя навлечь на себя ее гнев.

— Ты, Холл и, — быстро сказала она, — человек дотошный и подозрительный, ты помнишь только что мною сказанное и полагаешь, будто я лгу.

Я возразил, что я лишь размышлял об очевидном несоответствии между двумя ее утверждениями.

— Не оправдывайся, — сказала она, — в глубине души ты записал меня в лгуны, и мне это обидно. Знай, глупец: когда я сказала, что Александр Македонский жил до меня, я имела в виду это последнее мое существование. В предыдущем же существовании, хотя я пережила его на тридцать лет, мы родились в одно лето, и я его хорошо знала, ибо была Оракулом, чье мнение он неизменно испрашивал перед каждым походом, моей мудрости он и обязан своими победами. Затем, однако, мы поссорились, я оставила его и присоединилась к Рассену. С того дня яркая звезда Александра стала клониться к закату.

При этих словах Лео издал странный звук, очень похожий на свист. Охваченный отчаянным страхом, подавляя недоверие и стараясь заглушить воспоминания о странном рассказе настоятеля Куена, я быстро спросил:

— И ты хорошо помнишь, Айша, все, что с тобой случилось в том прежнем существовании?

— Нет, не очень хорошо, — ответила она, размышляя, — лишь самые важные события и те, что я смогла воскресить в своей памяти с помощью тайных наук, которые ты называешь колдовством или магией. К примеру, мой Холли, я могу вспомнить, что и ты тоже жил в то время. Я как будто воочию вижу безобразного философа в грязной одежде, переполненного вином и украденными у других знаниями: этот дерзкий осмеливался спорить с самим Александром, пока тот не прогневался и велел изгнать или утопить его — забыла, что именно.

— Меня звали, случайно, не Диогеном? — вкрадчиво осведомился я, подозревая, что Айша подтрунивает надо мной.

— Нет, — ответила она серьезно, — тебя звали не так. Диоген, о котором ты говоришь, был куда более прославленным философом, человеком истинной, хотя и не без изъянов, мудрости; кроме того, он не был пропойцей. Я все-таки не очень хорошо помню то свое существование, подобно многим последователям Будды, с чьим учением я внимательно

знакомилась и о ком ты, Холли, прожужжал мне все уши. Может быть, мы и не встречались с ним в то время. Но я помню, что в Долине Костей, где я нашла тебя, мой Лео, некогда разыгралась великая битва между жрецами-огнепоклонниками и горными племенами с одной стороны и войсками Рассена, которому помогали обитатели Равнины, — с другой. Ибо между ними и горцами в те времена, как и в нынешние, была непримиримая вражда, так что в этой новой войне история лишь повторяется.

— Стало быть, это ты была нашей проводницей? — спросил Лео, испытующе глядя на нее.

— Кто же еще, Лео? Ничего удивительного, что ты не узнал меня в этих погребальных пеленах. Я хотела ждать тебя в Святилище, но когда я узнала, что вы оба бежали от Атене и уже совсем близко, мое сердце не выдержало, и я поспешила вам навстречу в этом безобразном обличье. Я была с вами и на берегу реки и, хотя вы меня не видели, спасла вас от беды.

Я просто умирала от желания видеть тебя, Лео, убедиться, что твое сердце не переменилось, но до наступления назначенного срока ты не должен был слышать мой голос, видеть мое лицо, ибо твоей верности предстояло пройти тяжкое испытание. И я хотела знать, достаточно ли проницателен Холли, чтобы узнать меня и в таком виде, и близок ли он к постижению истины. Именно поэтому на глазах у него я вытащила свой локон из кожаной сумочки, что висела на твоей груди, Лео, и громко, так чтобы он слышал, причитала над тобой в том странноприимном доме, где вы останавливались. Он как будто бы догадался, но вот ты, Лео, ты даже во сне сразу же узнал меня в незнакомом тебе облике, — да, — добавила она нежно, — и ты сказал несколько сладких слов, хорошо мне запомнившихся.

— Значит, под этим саваном скрывалось твое настоящее лицо, — снова спросил Лео: это обстоятельство очень его интересовало, — то самое прелестное лицо, что я вижу сегодня?

— Может быть... Ты видел то, что хотел, — уклончиво ответила Айша. — К тому же важна сокровенная суть, дух, а не видимость, хотя вы, мужчины, в своем ослеплении придерживаетесь иного мнения. Может быть, мое лицо таково, каким оно видится твоему сердцу, или же таково, каким моя воля являет его глазам и воображению тех, кто на меня смотрит. Но чу! Разведчики натолкнулись на врагов.

Ветер донес отдаленные крики, и мы увидели шеренгу всадников, медленно отъезжающих назад, к нашей передовой линии. Разведчики донесли, что воины Атене отступают. Они привели с собой пленника; допросив его, жрецы выяснили, что Атене не намерена дать нам бой на священной Горе. Она замышляет укрепиться на том берегу реки, которую

нам придется переходить вброд: это решение свидетельствовало, что у нее неплохие задатки военачальника.

Таким образом, в тот день не произошло никаких сражений.

До самого вечера мы спускались вниз — гораздо быстрее, естественно, чем поднимались после долгого побега из Калуна. К закату мы достигли места, предназначенного для разбивки лагеря: то была широкая, отлого спускающаяся равнина, которая заканчивалась недалеко от Долины Костей, где мы встретили когда-то нашу таинственную проводницу. Но на этот раз мы шли не по тайному тоннелю, по словам Айши, сокращающему путь на много миль, ибо он был слишком узок для прохода армии.

Повернув налево, мы обогнули несколько крутых холмов, под которыми проходил этот тоннель, и наконец вышли к краю темного ущелья, где можно было спокойно расположиться на ночлег, не опасаясь ночной атаки.

Здесь разбили шатер для Айши; других шатров не оказалось, поэтому Лео, я и наша охрана расположились среди скал, в нескольких стах ярдов от нес. Узнав об этом, Айша сильно разгневалась и обрушилась с горькими словами на бедного вождя, который ведал провиантом и багажом, но, разумеется, не подумал прихватить с собой шатры.

Она также разбранила Ороса; тот кротко оправдывался: он де полагал, что мы — закаленные бойцы, привыкшие к тяготам войны. Но всего недовольнее она была собой: как могла она забыть о шатре для нас; и пока Лео не остановил ее раздраженным смешком, продолжала настаивать, чтобы мы спали в шатре, так как она ничуть не боится горного холода.

Кончилось это тем, что мы поужинали все вместе на открытом воздухе — вернее, поужинали мы с Лео, ибо в присутствии охраны Айша не стала открывать лицо.

Весь этот вечер Айша была в тревоге и беспокойстве: ее разбирали все новые непреодолимые страхи. Наконец усилием воли она поборолла эти опасения и объявила, что хочет поспать, дать отдых своей душе: если она когда-либо уставала, то только душой, а не телом. Напоследок она сказала:

— Вы тоже спите, спите крепко, но не удивляйся, мой Лео, если ночью я вдруг позову вас обоих: возможно, во сне мне придут в голову какие-нибудь новые мысли и я захочу обсудить их с вами, прежде чем мы снимемся утром.

На том мы и расстались, даже не догадываясь, как и где свидимся вновь.

Мы были сильно утомлены и вскоре заснули возле костра: здесь, среди

всей армии, нам нечего было опасаться. Я лежал, глядя на яркие звезды, которые усыпали необозримый купол небес, пока они не поблекли в чистом сиянии взошедшей ущербной луны; тем временем Лео сонно бормотал под своим меховым одеялом, что Айша совершенно права: как приятно побыть на свежем воздухе после всех этих пещер!

Затем я погрузился в сон; пробудился я от дальнего окрика часового; через некоторое время за первым окликом последовал второй — голос был начальника нашей охраны. И еще через некоторое время перед нами предстал жрец: он склонился в поклоне, и на его чисто выбритом лице, которое показалось мне знакомым, заиграли отблески костра.

— Я... — Он назвал имя, которое тоже показалось мне знакомым. — О повелители, меня прислал Орос: он велел передать, что с вами обоими хочет поговорить Айша — прямо сейчас.

Лео приподнялся, позевывая, и поинтересовался, в чем дело. Я объяснил ему; он выразил недовольство тем, что нас будят посреди ночи, неужели нельзя было подождать до утра, но тут же добавил:

— Ничего не поделаешь. Пошли, Хорейс. — И он встал, чтобы следовать за гонцом.

Жрец снова поклонился:

— Хесеа велела, чтобы мои повелители взяли с собой оружие и охрану.

— Что? — пробурчал Лео. — Неужели нам нужны оружие и охрана, чтобы пройти сто шагов в самом центре нашей армии?

— Хесеа покинула шатер, — объяснил жрец, — она сейчас в ущелье, намечает путь продвижения.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил я.

— Я не знаю, — ответил он, — так сказал Орос; Хесеа велела, чтобы мои повелители привели с собой свою охрану, ибо она одна.

— Она что, с ума сошла? — воскликнул Лео. — Бродит в таком месте одна, среди ночи. Впрочем, это очень на нее похоже.

Я мысленно согласился с ним, ведь Айша всегда поступала не так, как другие, и все же я колебался. Но тут я вспомнил предупреждение Айши — о том, что она может послать за нами; к тому же я был уверен, что если бы замышлялась какая-нибудь ловушка, нам бы не велели взять с собой эскорт. Я позвал наших телохранителей — их было двенадцать, — мы вооружились копьями и мечами и поспешили вслед за жрецом.

Нас окликала и первая и вторая линия часовых, и я заметил, что последний пост, выслушав ответный пароль, был сильно изумлен. Но если у них и были сомнения, они не посмели их высказать. Мы пошли дальше.

Спустились в ущелье по крутой, почти отвесной тропе, видимо очень хорошо известной нашему проводнику, ибо он шел с такой уверенностью, будто спускался по лестнице собственного дома.

— Зачем она позвала нас в это странное место, да еще в такое время? — с сомнением спросил Лео, когда мы были уже почти в самом низу, и начальник стражи, огромный рыжебородый охотник, который вместе с нами охотился на снежного барса, что-то недовольно проворчал. Пока я пытался понять, что он хочет сказать, в лучах лунного света на самом дне ущелья появилась фигура в белом — очевидно, Айша. Заметил ее и вождь.

— Хес! Хес! — обрадовался он.

— Ты только погляди на нее, — фыркнул Лео, — разгуливает себе по этой проклятой дыре, как по Гайд-парку! — И он побежал к ней.

Фигура повернулась, показала жестом, чтобы мы следовали за ней, и заскользила среди скелетов, разбросанных по базальтовому дну ущелья. Через несколько мгновений она углубилась в тень утеса с другой стороны. Здесь за долгие столетия ручей, который наполнялся водой лишь в дождливую пору года, проделал глубокое русло в скале и усыпал песком базальтовое дно, похоронив под этим песком целые россыпи костей.

Когда мы вступили в тень, я заметил, что их тут больше, чем где бы то ни было: со всех сторон я видел белые короны черепов, выступающие концы ребер и бедренных костей. Ручей, подумал я, видимо, проделал в скале тропу, ведущую к равнине; и в этом месте некогда происходило ожесточенное, кровопролитное побоище.

Айша задержалась, рассматривая каменистую тропу и словно раздумывая, не пойти ли по ней. Мы подошли ближе, а наш проводник отошел назад, к телохранителям, ибо никто не смеет приближаться к Хесеа без ее повеления. Лео шел на семь — восемь шагов впереди и я услышал, как он сказал:

— Зачем ты забралась в эту глушь, Айша, да еще ночью? Ты так уверена, что с тобой не может приключиться ничего худого?

Она ничего не ответила, только повернулась, широко развела и тут же опустила руки. Пока я размышлял, что может означать этот сигнал, со всех сторон слышался странный шорох.

Я огляделся. О ужас! Кругом нас из-под песка быстро выбирались скелеты. Я видел белые черепа, мерцающие во тьме кости рук и ног, пустые грудные клетки. Давно уже убитая армия вдруг воскресла; более того, в руках у призраков-воинов были призрачные копья.

Я был уверен, что это очередное проявление магических сил Айши, ее новая прихоть, ради которой она и велела разбудить нас. И все же, честно

признаться, я был испуган. Даже самые отважные из людей, лишённые каких бы то ни было предрассудков, могут все же не выдержать, если ночью, оказавшись на церковном кладбище, увидят, что из всех могил вылезают мертвецы: это вполне понятно и простительно. А мы были в диких местах, отнюдь не на ухоженном городском кладбище.

— Что это еще за дьявольщина! — вскричал Лео испуганным сердитым голосом.

Айша ничего не ответила.

Скелеты набросились на наших телохранителей; вне себя от ужаса, бедняги побросали оружие, некоторые даже упали на колени. А призраки беспощадно разили их своими копьями; умирая, они перекатывались по земле. Закутанная в пелены фигура надо мной показала на Лео и вскричала:

— Схватите его! Но смотрите не пораньте!

Я сразу узнал голос Атене.

«Измена!» — хотел было я завопить, но тут особенно рослый и кряжистый скелет оглушил меня могучим ударом по голове. Хотя крик и застрял у меня в горле, некоторое время я все еще оставался в сознании. И видел, как Лео сражается с многочисленными нападающими, которые пытались сбить его с ног; он сопротивлялся с таким неистовым напряжением сил, что изо рта у него хлынула кровь: должно быть, лопнул какой-то сосуд в легких.

Затем я перестал видеть и слышать, только успел подумать, что умираю, и провалился в беспамятство.

Почему меня тогда не прикончили — я так и не знаю; может быть, переодетые воины второпях решили, что я уже мертв, или им было велено пощадить и мою жизнь. Во всяком случае, кроме удара по голове, я не получил никаких других ушибов или ран.

Глава XXII. Буйство освобожденных стихий

Когда я наконец очнулся, был уже день. Надо мной склонялось спокойное, кроткое лицо Ороса: жрец вливал мне в горло какое-то снадобье, которое жарким теплом разливалось по всему моему телу, растапливая завесу в моем мозгу. Около него стояла Айша.

— Говори, человек, говори! — произнесла она угрожающим тоном. — Что здесь случилось? Ты жив, а где мой господин? Куда ты подевал моего господина? Говори — или я тебя убью.

Все было в точности так, как мне привиделось, когда я потерял сознание во время снежного обвала.

— Его похитила Атене, — ответил я.

— Атене похитила его, а тебя оставила в живых.

— Не гневайся на меня, — сказал я. — Тут нет моей вины. Ты же предупредила нас, что можешь позвать ночью; вот мы и поддались на обман.

И я как можно короче описал случившееся. Выслушав меня, она подошла к нашим телохранителям, чьи копья даже не были обагрены кровью, и поглядела на них.

— Их счастье, что они мертвы! — воскликнула она. — Вот видишь, Холли, к чему приводит милосердие. Люди, которых я пощадила ради моего повелителя, подвели его в решительный час.

Она прошла вперед — к том месту, где схватили Лео. Здесь лежал его сломанный меч — тот самый, что принадлежал Хану Рассену, — и двое убитых. Оба — в облегающих черных одеждах с грубо нарисованными на них мелом скелетами и выбеленными — мелом же — лицами.

— Уловка для дураков, — презрительно сказала она. — И подумать только — Атене посмела играть роль Айши! Какова наглость! — Она сжала пальцы в кулачок. — Его захватили врасплох, врагов было много, — и все же он сражался отважно. Скажи, Холли, его ранили?... Я вижу... нет, нет, я верно, ошибаюсь...

— Не совсем, — нерешительно произнес я, — у него шла кровь изо рта, немного. Вот ее пятна, на скале.

— За каждую каплю его крови я лишу жизни сто человек! Клянусь! — со стоном пробормотала Айша. И тотчас же звонко закричала:

— По коням! Сегодня у меня много дел. Нет, погоди, Холли; мы поскачем кратчайшим путем, пока армия будет обходить ущелье. Орос, накорми, напои и подлечи его. Это только ушиб: толстый капюшон и густые волосы смягчили удар.

Пока Орос втирал в мой скальп какую-то жидкую, жгучую мазь, я ел и пил; скоро голова моя прояснилась, хотя удар был тяжелый, черепная кость все же выдержала, не треснула. Когда я почувствовал себя лучше, к нам подвели коней, мы сели и медленно поехали вверх по крутому руслу ручья.

— Смотри, — сказала Айша, показывая на колеи и отпечатки копыт на равнине. — Для него была уже приготовлена колесница, запряженная четырьмя быстрыми лошадьми. Атене хорошо продумала и осуществила свой замысел, а я была слишком уверена в себе и беспечна — и все проспала.

На равнине уже выстраивалась армия племен, которая еще до рассвета снялась с лагеря; была тут и кавалерия, если можно ее так назвать: около пяти тысяч всадников, каждый с запасным конем. Айша созвала вождей и военачальников и обратилась к ним с такими словами:

— Слуги Хес! Моего чужеземного господина, жениха и гостя, заманили в хитроумную ловушку и захватили заложником. Необходимо вызволить его как можно скорее, пока ему не причинили никакого вреда. Мы спускаемся, чтобы атаковать армию Хании за рекой. Когда мы переправимся через реку, я поскачу дальше вместе с всадниками, ибо сегодня ночью я должна спать в городе Калун. Что ты говоришь, Орос? Что его стены обороняет вторая, более многочисленная армия? Я знаю и, если понадобится, уничтожу эту армию. Не смотри на меня удивленными глазами. Считай, что они уже мертвы... Всадники, вы будете сопровождать меня.

Вы последуете за нами, вожди племен, и горе тому, кто оставит поле сражения: его уделом будут смерть и вечный позор; смелых же ожидают богатство и честь. Да, говорю вам, им достанется вся прекрасная страна Калун. У вас есть приказ перейти через реку. Я с всадниками переправлюсь через центральный брод. Вы же наступайте на флангах.

Вожди откликнулись радостным кличем, ибо люди они были свирепые, с любовью к войне и крови. И каким безумным ни казался бы им поход, они верили в своего Оракула, Хесеа и, как все горные племена, легко воспламенялись в предвкушении богатой добычи.

Через час армия достигла края болот. Но в это время года они были совершенно сухими и не препятствовали нашему продвижению; не таким уж непроходимым препятствием оказалась и обмелевшая река. Но дно у

нее было каменистое, противоположный берег, где располагались пешие и конные войска Атене, круг и обрывист, и это сильно затрудняло переправу.

Пока фланги наших пеших воинов продвигались вперед, кавалеристы задержались в болотах, чтобы их кони могли пощипать длинные, побуревшие от холода побеги травы, что росла на этой топкой почве, и утолить жажду.

Все это время Айша стояла молча: она тоже спешила, чтобы ее кобыла и две запасные лошади могли попасть вместе с другими. Она обратилась ко мне всего один раз — и вот что она сказала:

— Не считаешь ли ты, мой Холли, что это безумная затея? Не страшно ли тебе? Говори.

— С таким военачальником, как ты, — нет, — ответил я. — И все же эта вторая армия...

— Растает, словно туман под ветром, — ответила она негромким возбужденным голосом. — Холли! Говорю тебе: ты увидишь то, что не видел еще ни один человек на земле. Вспомни мои слова, когда я *высвобожу стихии* и ты поскачешь следом за Айшей через остатки разметанных войск Калуна. Только... Неужто Атене посмеет его убить? Неужто посмеет?

— Успокойся, — сказал я, недоумеая, что она имеет в виду под словами «высвобожу стихии». — Она слишком сильно его любит.

— Спасибо за твоё желание ободрить меня, Холли, но... я знаю, что он отвергнет ее, и тогда ненависть ко мне и неистовая ревность могут превозмочь ее любовь. Случись непоправимое, и какой прок будет от моего возмездия? Подкрепись еще, Холли. Нет, я не притронусь к еде, пока не окажусь во дворце Калуна; проверь подпругу и узду, ибо тебе предстоит долгий и опасный путь. Пересядь лучше на коня Лео: он быстрее твоего и более надежен; если он падет, телохранители дадут тебе другого.

Я повиновался ей, еще раз промыл голову в озерке и с помощью Ороса замотал ее повязкой с мазью, после чего почувствовал себя вполне сносно. Сумасшедшее волнение последних минут ожидания и смутное предчувствие грядущих ужасов окончательно заглушили всякую боль.

Айша стояла, глядя куда-то вверх, и, хотя под покрывалом я не видел ее лица, я догадывался, что смотрит она на небо над горной вершиной, и я понял, что она напрягает всю свою невероятную силу воли, ибо она вся дрожала, точно тростинка на ветру.

Утро было очень странное, холодное и ясное, поразительно тихое, но в воздухе чувствовалась тяжесть, предшествующая обычно снегопаду, хотя в эту пору обычно не бывает еще обильных снегопадов. В этом полном

затишье мне почудилось, а может быть, и не почудилось, будто все кругом пронизывает дрожь; и это не землетрясение, ибо дрожь захватывала не только землю, но и воздух. Вся Природа вокруг нас как будто бы превратилась в одно живое, сильно испуганное существо.

Следуя за пристальным взглядом Айши, я заметил, что в ясном небе над вершиной одна за другой собираются густые дымчатые тучи с синенной каймой по краям. Наблюдая за этими зловещими, фантастическими тучами, я сказал Айше, что погода как будто бы меняется — замечание, хотя и банальное, но подсказанное обстоятельствами.

— Да, — отозвалась она, — еще до наступления ночи погода разбухнет сильнее, чем мое сердце. Обитателям Калуна уже не придется призывать дождь. На коня, Холли, на коня! Мы начинаем продвижение. — И без чьей-либо помощи она вскочила на кобылу, подведенную Оросом.

Вместе с пятью тысячами конников мы помчались к переправе. Когда мы достигли берега, я увидел, что два больших отряда горцев уже входят в реку в полумиле слева и справа от нас. Что было с ними дальше — я не видел, но слышал потом, что, хотя и с большими потерями, им удалось перейти через реку.

Перед нами, на том берегу, располагалось основное ядро армии Хании; сотни отборных воинов стояли по пояс в воде, готовые разить копьями наших коней или перерезать им сухожилия.

С диким гиком и свистом наши передовые отряды ринулись в воду, оставив нас на берегу, и вскоре уже отчаянно сражались в реке. Пока продолжалась эта стычка, Орос подошел к Айше и сказал, что по полученным им от лазутчика сведениям связанного Лео провезли ночью на одноосной колеснице через вражеский лагерь; его сопровождали Атене, Симбри и охрана, и направлялись они к городу Калун.

— К чему лишние слова, я уже знаю это, — ответила она, и он отошел.

Наши конные отряды достигли противоположного берега, перебив почти всех пеших воинов в воде. Но едва они попытались выбраться на берег, как их вновь оттеснили в реку. Трижды возобновляли они атаку, и трижды их отбрасывали. Потери были большие. Наконец терпение Айши лопнуло.

— Им нужен предводитель, и он у них будет, — сказала она, — за мной, мой Холли! — В сопровождении большого отряда всадников она въехала в реку и стала ждать, пока к нам присоединятся отступившие.

— Это безумие, Хесеа будет убита, — шепнул мне Орос.

— Ты так думаешь? — ответил я. — Сдается мне, убиты будем мы с тобой. — С более широкой, чем обычно, улыбкой он пожал плечами, ибо

при всей своей внешней мягкости был отнюдь не робкого десятка. Возможно, он просто хотел меня испытать, зная, что его повелительница неуязвима.

Айша подняла руку — оружия в ней никакого не было — и указала вперед. В ответ на этот сигнал к наступлению раздался громкий клич; хрупкая женщина в белом что-то сказала своей кобыла, и та погрузилась в воду.

Через две минуты на нас, застилая небо, обрушилась целая туча копий и стрел. Справа и слева от нас падали кони и люди, но ничто не задевало ни меня, ни плывшего в нескольких ярдах впереди белого одеяния. Через пять минут мы уже оказались на том берегу, и там завязалась еще более ожесточенная схватка.

Но ни на один ярд не отступило белое одеяние перед яростными врагами; повсюду, куда оно направлялось, за ним неотступно следовали наши воины, многие из которых падали убитыми. Враги теснили нас со всех сторон, но мы медленно продвигались через их полчища: так плывет корабль по бушующему морю, которое может замедлить, но не остановить его движение. Все глубже и глубже вклинивался наш отряд: ряды врагов постепенно редели, таяли и наконец растаяли совсем.

Мы пробились через основной заслон и, оставив горцев добивать его разбегающиеся остатки, проехали еще полмили и остановились, чтобы собраться в один отряд. Многие пали, многие были ранены; последовало повеление, чтобы тяжело раненые отдали своих коней тем, кому они были нужны, а сами дожидались помощи.

Из нашего большого отряда в живых осталось около трех тысяч. В их сопровождении мы отправились в Калун. С легкой рыси мы перешли на более быструю, а затем и на галоп и понеслись по безграничной равнине: уже к полудню — или чуть позже, эта дорога была куда короче, чем та, которой мы проезжали вместе с Лео, спасаясь бегством от Рассена и его псов-палачей, — мы завидели на дальнем холме смутные очертания Калуна.

Айша велела сделать привал, ибо здесь было озерко, где еще сохранилось немного воды: кони смогли утолить жажду, а люди подкрепились захваченной ими с собой пищей — вяленным мясом и ячменево́й кашей. Подошедшие нам навстречу лазутчики доложили, что вторая — большая — армия Атене охраняет стены и подъемные мосты; они высказали мнение, что атаковать их нашими незначительными силами — значит обречь себя на неминуемый разгром. Но Айша не обратила никакого внимания на их предупреждение: она как будто даже и не слушала. Только

велела оставить позади всех усталых лошадей, пересев на свежих.

И снова вперед, час за часом, в полном молчании, под громовой стук копыт! Ни Айша, ни ее дикий эскорт не произносили ни слова; только время от времени воины оглядывались и показывали обагренными кровью копьями на багровое небо позади. Я тоже обернулся: никогда не забуду увиденного. Зловещие, с огненной каймой тучи, сбившись в одну массу, заволокли черной тенью всю равнину. Словно грозное воинство, двигались они в небе, выбрасывая вперед похожие на мечи клинья.

Вся земля погрузилась в тишину. Она лежала, как мертвая, под этой сплошной завесой.

Озаренный пламенеющим светом город был уже недалеко от нас. Пикеты врагов, потрясая дротиками, спешили укрыться в городе, до нас долетали отголоски их язвительного смеха. Затем мы увидели большое войско, выстроенное в боевом порядке и осененное поникшими в этом затишьи знаменами; с флангов к нему примыкали сверкающие конные полки.

Навстречу нам выехало посольство; Айша подняла руку, и мы все остановились. Возглавлял посольство придворный вельможа, чье лицо было мне знакомо. Натянув поводья, он смело заговорил:

— Выслушай, Хес, слова Атене. Иноземец, который так дорог твоей душе, находится у нее во дворце, он ее пленник. Если ты не остановишься, мы уничтожим и тебя, и твой небольшой отряд. Но если каким-нибудь чудом ты одержишь верх, он умрет. Возвращайся на свою Гору, и Ханья обещает тебе мир, а твоим подданным — жизнь. Каков будет ответ на слова Ханьи?

Айша что-то шепнула Оросу, и тот громко заявил:

— Ответа не будет. Если вам дорога жизнь, скачите быстрее обратно, ибо смерть скоро настигнет вас.

Посольство ускало во весь опор; но Айша долго еще размышляла.

Когда она повернулась, я увидел, что ее лицо, задернутое тонким покрывалом, бледно и ужасно, а глаза горят, как у львицы ночью. Она прошипела сквозь сжатые зубы:

— Холли, готовься: сейчас ты заглянешь в самую пасть ада. Клянусь, я хотела бы их пощадить, но сердце подсказывает мне, чтобы я была смелой, отбросила всякую жалость и пустила в ход всю свою тайную мощь — только так я смогу спасти Лео. Холли, говорю тебе: они намерены *убить* его.

И громко закричала:

— Не бойтесь ничего, вожди. Хотя вас и немного, вы обладаете силой

десятков тысяч. Следуйте за своей Хесеа и, чтобы вам ни грозило, не падайте духом. Передайте своим воинам: пусть они бесстрашно скачут за мной; мы пробьемся через это войско, пересечем мосты и ворвемся в Калун.

Разъезжая перед воинами, вожди повторяли ее слова, и свирепые горцы кричали в ответ:

— Следуя за ней, мы пересекли реку, пересечем и равнину. Вперед, Хес, ибо уже смеркается.

Был отдан приказ, и все воины сомкнулись в один большой клин. Айша была впереди, на самом его острие; я и Орос скакали по бокам от нее, но как ни шпорили мы коней, их головы не могли поравняться с ее седельной лукой. Она сверкала единственным белым пятном перед всей этой огромной темной массой — снежно-белое перо на груди черного потока.

Пронзительно заиграла труба; из тополиных рощ выехали два отряда кавалерии — словно две длинные руки протянулись, чтобы заключить нас в свои смертоносные объятия; основная же часть армии, подняв сверкающие копья, покатила нам навстречу, точно огромная волна, увенчанная белопенным гребнем, а за этой волной следовали все новые и новые — бескрайнее море людей.

Все гуще и гуще становились набегающие тучи, все ярче и ярче светила какая-то странная звезда под ними. Все громче и громче стучали копыта десяти тысяч коней. Над вершиной Горы взметнулись внезапные языки пламени: Гора извергала огонь, словно кит — пену.

Зрелище было ужасное. Впереди — башни Калуна, обрызганные кровью чудовищного заката. Вверху — мрак, как во время затмения. Вокруг — темнеющая, выжженная равнина. На ней — быстро продвигающаяся армия Атене и наш клин, обреченный, казалось, на неминуемую гибель.

Айша отпустила поводья. Сняла порванное белое покрывало и стала им махать, как бы подавая сигнал небесам.

И тут из зева адской тьмы изрыгнулось ответное пламя: казалось, оно тоже колышется, как порванное покрывало, в черной руке тучи.

И тогда Айша обрушила всю мощь своего гнева на сыновей Калуна. На ее зов откликнулся сам Ужас, никто из людей никогда не видел и, вероятно, не увидит ничего подобного. Мощные порывы ветра, обгоняя нас, вздымали камни и глыбы земли; повалил град, с шипением хлынул дождь, молнии непрестанно били сверху и снизу, озаряя все кругом своими

зловещими вспышками.

Все было так, как предупредила Айша. Разверзся сам ад, и через этот ад мы мчались вперед невредимые. Незримые фурии все время опережали нас. Ни одна стрела не устремилась вперед, ни одно копье не было обогрено кровью.

Нашим глашатаем был град: градины сыпались огромные, зазубренные; разили не наши мечи и копья, а непрерывные молнии; и все это время ревел и выл ураган; миллионы его отдельных голосов сливались в один отвратительный, неопиcуемый вопль.

Войска, еще недавно мчавшиеся на нас, рассеялись и исчезли.

Темно было, как в самую непроглядную ночь; но при яростных вспышках молний я видел, как мечутся вражеские воины, и среди громового шума разбушевавшихся стихий я слышал их крики ужаса и отчаяния. Я видел, как лошади и всадники катаются по земле, я видел, как пешие воины валяются один на другого, образуя высокие копошащиеся кучи, подобные грудам листьев, наметанным ветром, а огненные мечи небес разили и разили их до тех пор, пока они не переставали шевелиться.

Я видел, как гнутся и, вырванные с корнями, взлетают на воздух целые рощи. Я видел, как рушатся, рассыпаются высокие стены Калуна, а дома вспыхивают ярким пламенем, которое гасят потоки дождя, но затем пожар возобновляется. Я видел, как тьма окутывает их своими большими крыльями, но в следующий миг эти крылья превращались в огромные языки пульсирующего пламени, которые взвивались в мучительно трепещущий воздух.

Тьма, беспросветная тьма; смятение, ужас, обреченность! Подо мной — тяжело скачущий конь; рядом — лучистое тело Айши.

— Я обещала тебе непогоду, Холли, — пел среди всего этого неистовства ее звонкий, ликующий голос. — Теперь ты веришь, что я могу высвободить пленные силы мира?!

И вот весь этот кошмар позади; над нами — спокойное вечернее небо, перед нами — пустой мост, за ним — пылающий город. Но где же армии Атене, где они? Поди спроси у нагромождений камней, что погребли под собой их кости. Поди спроси у ее овдовевшей страны?

Но из всего нашего конного войска не пострадал ни один человек. Они мчались за нами, дрожа, с побелевшими губами, как люди, которые встретили лицом к лицу и победили Смерть; все они ликовали, неистово ликовали!

На самом верху полукруглого моста Айша повернула своего коня и с

гордым видом приветствовала следующих за ней воинов. При виде ее сверкающего, увенчанного звездой чела, которое горцы увидели в первый и последний раз, послышался оглушительный общий крик:

— *Богиня!* Восславим Богиню!

Она вновь развернула кобылу и поехала по длинной прямой улице, что вела через пылающий город к дворцу на холме. Все последовали за ней.

Солнце уже село, когда мы въехали в дворцовые ворота. Во дворе царило безмолвие, безмолвие царило во всем дворце, лишь издали доносился рев пламени да были испуганные псы-палачи в своем собачнике.

Айша спрыгнула с лошади и вместе со мной и Оросом — остальным она велела остаться — поспешила через открытые двери в дворцовые залы.

Они были пусты, все без исключения: придворные бежали или погибли. Айша шла вперед без всяких колебаний, ни на миг не останавливаясь, так стремительно, что мы едва за ней поспевали; пройдя через залы, она стала подниматься по широкой лестнице, которая вела на самую высокую башню. Выше, еще выше, пока мы не достигли комнаты, где жил Шаман Симбри, той самой комнаты, откуда он наблюдал звезды и где Атене угрожала нам обоим смертью.

Дверь закрыта и заперта на засов, но когда Айша приблизилась, от одного ее присутствия железные засовы переломились, точно веточки, массивные двери распахнулись внутрь.

Мы оказались в освещенной лампадами комнате — и вот что мы увидели.

На стуле, весь бледный, связанный, но с гордым и вызывающим видом, сидел Лео. Над ним, с кинжалом в высохшей руке, готовясь нанести удар, склонялся старый Шаман, а рядом, на полу, глядя вверх широко расставленными стеклянными глазами, лежала мертвая, но все еще величественная даже в смерти — Атене, Хания Калуна.

Айша махнула рукой, и кинжал со звоном упал на мраморный пол, а сам Шаман застыл в неподвижности, словно каменное изваяние.

Она нагнулась, подняла кинжал и быстро перерезала путы, которыми был стянут Лео, а затем, обессиленная, молча упала на скамью. Лео встал, удивленно оглянулся и затем заговорил утомленным голосом человека, который ослабел от перенесенных им страданий:

— Как раз вовремя, Айша. Еще одна секунда — и этот злобный пес... — Он показал на Шамана. — Как раз вовремя. Но чем окончилась битва и как ты добралась сюда в эту ужасную бурю? Это ты, Хорейс? Благодарение Небу, что они тебя не убили!

— Битва — кое для кого кончилась поражением, — ответила Айша. —

И я добралась сюда не вопреки этой бури, а на ее крыльях. Расскажи мне, что с тобой случилось за то время, что мы не виделись.

— Меня поймали в ловушку, скрутили, связали, привезли сюда и под страхом смерти велели написать тебе, чтобы ты прекратила войну; разумеется, я отказался, и тогда... — Он посмотрел на мертвое тело на полу.

— Что тогда? — спросила Айша.

— Тогда разразилась эта ужасная буря — я просто очумел. Если бы ты слышала, как свищет ветер в зубцах башни: он срывал их, точно сухие листочки, если бы ты видела, как густо сыпались молнии — будто огненный дождь.

— Они — мои гонцы. Я послала их на твое спасение, — сказала Айша.

Лео пристально на нее поглядел, помолчал, видимо обдумывая услышанное, и продолжал:

— То же самое сказала и Атене, но я ей не поверил. Я думал, началось светопреставление. Она только что вернулась совсем очумелая, хуже чем я, сказала, что все ее войско уничтожено, она не может сражаться против сил самого ада, может только послать меня туда, — и, схватив кинжал, хотела меня убить.

«Убей!» — сказал я, ведь я знал: куда бы я ни отправился, ты последуешь за мной, я ослаб от потери крови, и все это мне опостылело. Я закрыл глаза, ожидая удара, но она меня не заколола, а только прижала губы к моему лбу и сказала:

«Нет, я этого не сделаю. Прощай! Прими то, что тебе предназначено судьбой, а я приму то, что предназначено мне. В этой игре кости принесли мне проигрыш; где-нибудь в другом месте, возможно, мне выпадет удача; я брошу кости более искусно».

Я открыл глаза. Атене стояла с чашей в руке — эта чаша, смотри, лежит около нее.

«Я потерпела поражение, но я выиграла, — вскричала она. — Я ухажу раньше тебя, чтобы приготовить тропу, по которой ты сойдешь в подземный мир, на подготовленное мною место. Я говорю тебе: «До свидания!» — ибо для меня все кончено. На улицах моего города — всадники Айши, — и впереди их, в накидке из молний, скачет она сама — воплощенное Возмездие».

Она осушила чашу и упала мертвая — только что. Смотри, ее грудь еще колыхается. Этот старик хотел зарезать меня, не мог же я сопротивляться ему связанный; но тут дверь распахнулась, и вбежала ты... Пощади его, ведь они одной крови, и он любил ее.

Лео опустился на стул в полной прострации: у него был вид усталого старика.

— Ты плохо себя чувствуешь, — встревоженно сказала Айша. — Где то лекарство, Орос, что я велела тебе взять с собой? Поторопись!

Жрец поклонился и вытащил флакон из кармана своего просторного одеяния; вытащив пробку, он вручил его Лео.

— Выпей, мой господин, лекарство — сильное, оно сразу снимет усталость.

— Чем сильнее, тем лучше, — приподнимаясь, сказал Лео с почти обычным своим веселым смешком. — Со вчерашней ночи у меня не было маковой росинки во рту, я хочу есть и пить. Ведь мне пришлось нелегко: я дрался, как лев, затем меня везли бог знает откуда, и мне пришлось пережить эту адскую бурю.

И он опустошил флакон.

Лекарство и в самом деле оказалось сильным: подействовало оно удивительно: через минуту его глаза ярко заблестели, к щекам прихлынула кровь.

— Снадобья у тебя очень хорошие, я это понял еще давно, — сказал Лео. — Но самое целебное для меня — видеть тебя целой и невредимой, победительницей, я ожидал смерти, а жив и приветствую тебя, моя любимая... А вот и еда. — Он показал на столик с мясными блюдами. — Я умираю от голода, могу я поесть?

— Конечно, — мягко ответила она. — Поешь и ты тоже, мой Холл и.

Мы оба набросились на еду и ели рядом с телом мертвой женщины, которая выглядела царственно прекрасной и в смерти, рядом со старым колдуном, недвижимым и беспомощным, рядом с Айшей, этим удивительным существом, что одержало верх над целой армией с помощью ужасного оружия, послушно служащего ее воле.

Орос не ел ничего, только стоял и благожелательно улыбался; не притронулась к еде и Айша.

Глава XXIII. Вынужденное согласие Айши

Я уже наелся досыта, а Лео все еще продолжал есть; не знаю, сказывалась ли тут большая потеря крови, или это действовало необыкновенно сильное тонизирующее средство, но аппетит у него был волчий. Глядя на его лицо, я заметил, что оно странно изменилось: перемена эта произошла не в один миг, а постепенно, исподволь, просто я обратил на нее внимание лишь сейчас, после нашей недолгой разлуки. Я уже говорил, что его красивое лицо похудело; оно стало теперь более одухотворенным, а в его глазах залегла тень мрачных предчувствий.

Не знаю почему, но мне было больно на него смотреть. То был уже не прежний, так хорошо знакомый мне Лео: могучий, широкогрудый, веселый и общительный, заядлый путешественник, охотник и боец, который, по воле случая, полюбил духовную силу, воплощающую совершенную женственность и обладающую всемогуществом самой Природы, и не только полюбил, но и был любим ею. Внешне он как будто бы не очень переменялся, только внутренне; и в этой внутренней перемене, несомненно, ощущалось влияние Айши, ибо выражение его лица неразлично походило на то, какое часто бывало на ее лице, если она была в мире сама с собой.

Айша также наблюдала за ним задумчивыми, полудремотными глазами, как вдруг ее осенила какая-то мысль, глаза ярко вспыхнули, к щекам и ко лбу прилила кровь. Да, всемогущая Айша, которая ради спасения своего возлюбленного не остановилась перед убийством тысяч людей, чьи трупы валялись на Равнине, покраснела и затрепетала, как юная девушка от первого поцелуя.

Лео поднялся из-за стола.

— Жаль, я не участвовал вместе с тобой в этом сражении, — сказал он.

— Соппротивление было только во время переправы, — ответила она, — и только. Затем сражались уже мои посланники — Огонь, Земля и Воздух: я пробудила их от сна и по моему повелению они разили твоих врагов и спасли тебя.

— Столько жизней погублено ради спасения одного человека, — горестно произнес Лео; эта мысль, видимо, мучила его.

— Даже если бы их были миллионы, а не тысячи, я перебила бы их всех до одного. Ответственность за их смерть — на мне, а не на тебе. Вернее, на ней, — она показала на мертвую Атене. — Это она зачинщица

войны. Ей следовало бы поблагодарить меня за то, что в царство тьмы ее проводило столь почетное воинство.

— И все же это ужасно, — сказал Лео, — представлять себе, любимая, что ты вся в крови.

— Какое мне дело! — воскликнула она с величественной гордостью. — Лишь бы эта кровь смыла пятно твоей крови, пролитой этими жестокими руками, что некогда убили тебя.

— Какое у меня право судить тебя? — продолжал Лео, как бы в споре с самим собой. — Ведь и сам я вчера ради своего спасения уложил двоих людей.

— Не говори так, — воскликнула она в холодной ярости. — Я видела вчера это место и, ты, Холли, свидетель, поклялась, что за каждую каплю твоей драгоценной крови они заплатят мне сотнями жизней; я никогда не лгу и сдержала свою клятву. Посмотри на этого человека, которого я превратила в каменное изваяние, он как будто умер, хотя еще и живет; ты ведь помнишь, что он собирался сделать, когда я вошла.

— Он хотел отомстить за смерть своей повелительницы и за гибель ее армий, — ответил Лео. — Почему ты уверена, Айша, что Сила еще более великая, чем ты, не покарает тебя?

По лицу Лео скользнула бледная тень — такая тень падает иногда от крыльев приближающейся Смерти; в застывших глазах Шамана запечатлелась такая же застывшая усмешка.

На какой-то миг Айша поддалась страху, но тут же овладела собой.

— Нет, — сказала она, — этому не бывать, да и кто в этом необъятном мире, кроме Той, что не внемлет ничьим мольбам, смеет бросить вызов моей воле?!

В то время как она говорила и ее исполненные ужасающей — поистине ужасающей — гордыни слова звонким эхом метались по каменной комнате, передо мной разворачивалось поразительное видение.

Я видел безграничное пространство, заполненное сияющими солнцами, а еще выше, в такой же бесконечной пустыне, огромный Лик, обьятый невероятным спокойствием, увидел — и ощутил всю свою ничтожность. Я знал, что это сам Рок на своем надмирном престоле. Едва шевельнутся его уста — и целые миры послушно устремятся по предначертанному им пути. Уста шевельнутся еще раз — и эти мчащиеся небесные колесницы повернут или остановятся, появятся или исчезнут. И я знал, что это существо рядом со мной, — будь она смертная женщина или дух, — обуреваемое страстью, в гордом сознании своего всемогущества, посмело бросить вызов этому спокойному Величию. Моя душа в страхе отпрянула.

Ужасное видение отлетело, мой ум вернулся к реальности, — и в этот миг Айша заговорила новым, торжествующим голосом.

— Нет, нет, — выкрикнула она. — Ночь прежних кошмаров миновала; уже занимается заря Победы! Смотри! — И она показала в поломанное ураганом окно на пылающий город внизу: оттуда слышался один сплошной вопль отчаяния, рыдали женщины, оплакивая бесчисленных погибших, а огонь с ревом пожирал их дома, как некий вырвавшийся из неволи ликующий демон. — Смотри же, Лео, на дым первого жертвоприношения в твою честь, о повелитель, слушай сопровождающий его гимн. Может быть, тебе этого мало? Я устрою другие жертвоприношения. Ты любишь войну. Мы отправимся на покорение мятежных городов земли, превратим их в пылающие факелы на своем пути.

Она остановилась на миг; ее тонко вырезанные ноздри трепетали, лицо было озарено провидением грядущего великолепия, и вдруг ее взгляд со стремительностью ласточки скользнул к золотой диадеме, что лежала рядом с волосами мертвой Атене.

Она нагнулась, подобрала ее и, подойдя к Лео, подняла высоко над его головой. Затем медленно опустила сверкающий венец на его голову. И заговорила своим звучным, в необыкновенно богатых перебивах, голосом. Слова ее звучали, словно триумфальный пеан.

— Увенчав тебя этим убогим земным символом, я провозглашаю тебя Царем всего Мира; этот золотой круг сосредоточивает в себе всю власть. Будь же Царем Мира — и моим властителем!

Она приподняла венец, вновь его опустила и вновь заговорила, вернее, запела:

— Вместе с этим золотым кругом, подобным в своей непрерывности самой вечности, я дарю тебе бесчисленные дни жизни. Живи, покуда живет мир, и будь его — и моим — властителем!

В третий раз венец коснулся его чела.

— Вместе с этим золотым кругом я дарю тебе бесценное чистое золото Мудрости: этот талисман откроет перед тобой все тайные тропы Природы. По этим удивительным тропам ты пройдешь вместе со мной гордым победителем, покуда с самой высокой своей вершины она не вознесет нас на наш бессмертный трон, который опирается на две колонны — Жизнь и Смерть.

Айша отшвырнула диадему, и по какой-то необъяснимой случайности она упала на грудь мертвой Атене.

— Доволен ли ты всеми этими дарами, мой повелитель? — вскричала она.

Но Лео печально поглядел на нее и покачал головой.

— Чего же еще ты хочешь? Скажи, и — клянусь — я исполню любое твое желание.

— Ты поклялась, но сдержишь ли ты клятву?

— Да, клянусь своей жизнью, своей жизнью и той Силой, что вырастила меня! Я сделаю все, что я могу; и если я нарушу эту свою клятву, пусть меня постигнет такая кара, которая удовлетворит даже наблюдающую за нами душу Атене!

Я слышал все это, должно быть, слышал и Шаман: в его глазах опять появилась застывшая усмешка.

— Я не прошу у тебя невозможного. Я прошу у тебя тебя самое — не когда-нибудь в отдаленном будущем, когда я омоюсь в таинственном огне, а прямо сейчас, сегодня вечером.

Она отпрянула в замешательстве.

— Конечно, — медленно проговорила она, — я подобна тому глупому мудрецу, который вышел из дому, чтобы прочесть судьбы народов по звездам, и провалился в яму, выкопанную беспечными детишками, сломал себе кости и погиб. Перед тобой открылись такие великие возможности: взбираясь с одной сверкающей вершины на другую, ты можешь достичь свода небес, но ты продолжаешь цепляться за свою родную землю и просишь лишь обычной женской любви, я могла предполагать все что угодно, но не это.

О Лео! Я думала, что твоя душа устремлена к более возвышенным целям, что ты будешь молить меня о безграничном могуществе, о необъятных владениях, я готова была взломать для тебя врата самого Ада, как вот эти окованные двери, и вывести тебя оттуда, как Орфей — Эвридику, либо возвести тебя на трон среди огней самого дальнего солнца, чтобы ты мог взирать с высоты на подвластные ему миры в их вековой игре.

Я думала, ты потребуешь, чтобы я открыла тебе то, о чем умалчивают все женщины — горькую правду во всей наготу: все свои грехи и печали, все изменчивые причуды моей ветреной фантазии, даже то, чего ты не знаешь и, возможно, никогда не узнаешь: *кто я и откуда пришла в этот мир*, и как я представлялась твоим очарованным глазам то уродливой, то прекрасной, и какова цель моей к тебе любви, и каково тайное значение рассказа о разгневанной богине, которая если и существовала, то лишь во сне.

Я думала... неважно, что я думала... Ты совсем не такой, каким я тебя воображала, мой Лео; в это великое мгновение я могла бы раскрыть для

тебя мистические врата, чтоб ты вошел в них вместе со мной и постиг сокровенное сердце всего сущего там, в божественном чертоге. Но ты обращаешь ко мне ту же мольбу, которую шепчут все люди под безмолвной луной, во дворце и в хижине, среди снегов и пылающей пустыни. «О моя любовь! Подари мне поцелуй, подари поцелуй. О моя любовь! Отдайся мне вся целиком под луной, под луной!»

Лео! Я была лучшего, более высокого о тебе мнения.

— Вполне может быть, Айша, ты была бы куда худшего мнения обо мне, удовлетворишь я всеми этими солнцами, и созвездиями, и духовными дарами, и безграничной властью, но я всего этого не хочу и не понимаю.

Если бы я сказал тебе: «Будь моим ангелом-хранителем, не моей женой; осуши океан, чтобы я мог пройти по его дну; разверзни небосвод, чтобы я мог видеть, как растут звезды; поведай мне о происхождении бытия и смерти и научи меня видеть проистекающие из них следствия; помоги мне предать мечу все народы земли и наполнить их богатствами свои сокровищницы; передай мне свое умение поднимать бури и подчинять себе законы Природы; сотвори из меня полубожество — такое же, как ты сама», — если бы я сказал тебе все это, я не был бы самим собой.

Я не бог, Айша, я — человек, мужчина и, как всякий мужчина, стремлюсь к своей возлюбленной. Сними же с себя мантию могущества — ибо это могущество усеивает твой путь мертвыми телами и отдаляет тебя от меня. Хоть на одну короткую ночь отринь честолюбивые замыслы, которые неустанно гложут твою душу; забудь о своем величии — будь женщиной... и моей женой!

Она ничего не ответила, лишь посмотрела на него и покачала головой; ее пышные волосы заколыхались, словно вода под тихим ветерком.

— Ты отвергаешь меня, Айша, — продолжал он с нарастающим волнением. — А этого ты не вправе делать, ибо ты поклялась, Айша, и я требую, чтобы ты выполнила свою клятву.

Послушай же! Я не приму от тебя никаких даров; я не хочу разделить с тобой власть, не для меня фараонов трон; я хочу творить добро людям, а не убивать их, я хочу процветания мира, я не стану совершать путешествие в Кор, не стану омываться в Источнике Жизни. Я оставлю тебя здесь и попробую перейти через горы, а погибну — так тому и быть; и все твоё могущество не сможет удержать меня, да в сущности ты во мне и не нуждаешься. Я не намерен больше терпеть эту каждодневную пытку: чувствовать твоё присутствие, видеть твои нежные взгляды, слышать твои ласковые речи, твои обещания: «В следующем году. В следующем году. В следующем году». Сдержи же свою клятву или я уйду.

Айша продолжала молчать; голова ее поникла, грудь судорожно вздымалась. Лео подошел к ней, схватил ее в объятия и поцеловал. Каким-то образом, не знаю как, она вывернулась, хотя Лео держал ее крепко, и встала чуть поодаль.

— Я же просила, Холли, — шепнула она со вздохом, — передать тебе, чтобы ты оберегал меня от своего человеческого пламени. А оно уже начинает гореть в моей груди, и если оно ярко вспыхнет...

— Ну и что? — рассмеялся Лео. — Мы будем счастливы.

— Но долго ли? Если ты будешь единственным повелителем моей красоты, не обрета неуязвимость в бессмертии, денно и ночью сотни ревнивых кинжалов будут искать твое сердце — и в конце концов найдут его.

— Ты спрашиваешь, долго ли, Айша? Всю жизнь, год, месяц, минуту — не знаю и не хочу знать, и пока ты будешь мне верна, я не боюсь ревнивых кинжалов.

— Так ли это? Ты готов подвергнуть себя опасности? Я не могу тебе ничего обещать. Ведь ты можешь — риск слишком велик — умереть.

— Ну и что? Если я умру, мы будем навсегда разлучены?

— Нет, нет, Лео, это невозможно. Ничто не может нас разлучить, я уверена: так мне обещано свыше. Но тогда, прежде чем достичь конечного воссоединения, нам придется пройти мучительный путь через другие существования и сферы, может быть, более высокие существования и сферы, но веление судьбы непреложно.

— Я готов рискнуть, Айша. Неужели жизнь, которой я рискую на охоте ради того, чтобы убить леопарда или льва, слишком дорогая цена за неслыханное счастье твоей любви? Я требую, Айша, чтобы ты исполнила свою клятву. Слышишь, я требую.

И вот тогда с Айшей начало происходить самое непостижимое и таинственное из всех ее преображений. Но описать его я могу лишь иносказательно.

Однажды в Тибете мы были долгие месяцы заточены среди снегов, которые сплошь, вплоть до самого подножия, покрывали горные склоны; и как же опостытели нам эти пустынные поля чистейшей белизны: от одного взгляда на них у нас начинали болеть глаза. Затем начались дожди, все вокруг окутали густые туманы, от них стали еще темнее и без того темные ночи, когда легко заблудиться или упасть в пропасть.

Но вот однажды утром, увидя, что взошло солнце, мы подошли к двери и выглянули наружу. Нашим глазам открылось настоящее чудо. Снегов, которые завалили долину, как не бывало; вместо них перед нами

лежали зеленеющие луга, усыпанные, как звездами, цветами, бежали журчащие ручьи и распевали птицы в своих гнездах на ивах. Небо уже не хмурилось; весь голубой небосвод, казалось, сиял нежной улыбкой. Суровую зиму с ее пронизывающими ветрами сменила весна с ее зефирами, которые тихо скользили по долине, напевая песню любви и жизни.

Там, в этой высокой башне, в присутствии живых и мертвых, пока передо мной разворачивался последний акт великой трагедии, глядя на Айшу, я вспомнил эту забытую картину. Ибо в ее лице свершилось такое же преобразование. До сих пор, хотя Айша и была необыкновенно прекрасна, ее сердце походило на устланную снегом, неприступную гору; и о ее чистое чело и ледяное самообладание разбивались все надежды и желания.

Она клялась, что любит; эта любовь, в ее мистических проявлениях, несла с собой смерть. И все же складывалось впечатление, будто, несмотря на все порывы страсти, она как бы исполняет заученную роль: естественно, что мотылек стремится к звезде, но чтобы звезда стремилась к мотыльку? Человек может преклоняться перед богиней, озаренной божественными улыбками, но может ли богиня любить человека?

Но теперь все вдруг переменялось. В Айше пробудился человек: я видел, как высоко вздымается ее грудь под одеждой, слышал, как она мягко всхлипывает, а на ее запрокинутом лице и в ее неотразимых пленительных глазах появилось то самое выражение, которое порождается лишь любовью. Она как будто вся светилась лаской: уже не закутанная в пелены отшельница пещер, уже не Оракул Святилища, не Валькирия на полях битвы, а самая прекрасная и счастливая невеста, какая радовала глаза своего будущего мужа.

Когда она наконец заговорила, то заговорила о пустяках, именно так она возвестила о победе, одержанной ею над самой собой.

— Фу, — сказала она, показывая на свои порванные копьями, запыленные и влажные одежды — фу, мой господин, смотри, в каком свадебном наряде пришла к тебе твоя невеста, а ведь ей надобно было бы быть в царских украшениях и облачении, приличествующем и ее — и твоему — сану.

— Мне нужна сама женщина, а не ее одеяние, — ответил Лео, не сводя горящих глаз с ее лица.

— Тебе нужна сама женщина? В этом-то вся суть. Скажи мне, Лео, женщина я или дух. Скажи, что я женщина, ибо пророчество мертвой Атене тяготит мою душу: Атене сказала, что смертные и бессмертные не

могут быть вместе.

— Конечно же, ты женщина, иначе ты не мучила бы меня столько недель.

— Спасибо, твои слова утешают меня. Но женщина ли сеяла разрушение по всей равнине? Перед женщиной ли склонялись Гром и Молния, говоря: «Мы здесь, повелевай нами!»? Воля женщины ли сокрушила эти крепкие двери? Могла ли женщина обратить этого человека в каменное изваяние?

...О Лео! Как бы хотела я стать женщиной. Говорю тебе, я принесла бы тебе, как свадебный дар, все свое величие, будь я уверена, что хоть один короткий год смогу быть женщиной и твоей счастливой женой.

Ты сказал, что я мучила тебя, но еще больше я мучилась сама, ибо хотела, но не смела уступить твоим мольбам. Говорю тебе, Лео, не будь я уверена, что ручеек твоей жизни неминуемо вольется в великий океан моей жизни, ибо море притягивает к себе все реки, а солнце — туманы, я бы не уступила и сейчас. Но я знаю, так подсказывает мне моя мудрость; прежде чем мы достигнем берегов Ливии, свершится великая беда, ты умрешь — и умрешь по своей собственной воле, а я, еще не став женой, овдовею.

Поэтому я, как и покойная Атене, бросаю кости, не зная, что выпадет. Не зная, выиграю я или проиграю. — И она воспроизвела дикий жест, каким отчаявшийся игрок в кости делает свою последнюю попытку.

— Итак, — продолжала она, — кости брошены, но сколько очков я набрала, скрыто от моих глаз. С сомнениями и страхами отныне покончено; что бы ни ожидало нас: жизнь или смерть, — я смело приму то, что нам назначено.

Каким же обрядом мы скрепим наш брак? Я знаю! Холли должен соединить наши руки: только он и никто другой. Он всегда был нашим верным проводником — он и отдаст мне тебя, а меня — тебе. Нашим алтарем будет пылающий город, свидетелями — и на земле и в небесах — мертвые и живые. Вместо всех обрядов и церемоний я коснусь своими губами твоих, а затем я спою тебе свадебную песню любви, какой еще не сочинял ни один смертный поэт и не слышали земные возлюбленные.

За дело, Холли: соедини эту девушку и этого мужчину.

Я повиновался, как во сне, и взял протянутые руки Айши и Лео. И в этот миг через мое тело — от нее к нему — побежал огненный ток, сотрясая меня и обжигая быстрыми волнами неземного блаженства. В то же время я увидел необыкновенно прекрасные картины и услышал мощные звуки величественной музыки; мой мозг был так переполнен жизненной

силой, что я опасался за его сохранность.

Сам не знаю как, я соединил их руки; благословил их, сам не знаю какими словами. Затем я прислонился спиной к стене в напряженном ожидании.

И вот что я увидел.

В самозабвенном порыве страсти, столь прекрасной и могучей, что она казалась сверхчеловеческой, Айша прошептала: «О мой муж!» — обняла шею Лео, притянула его голову к себе, так что его золотые кудри смешались с ее черными, цвета воронова крыла, локонами, и поцеловала его в губы.

Так они стояли, обнимая друг друга, и я заметил, что та же диадема света, которая сияла на ее челе, увенчала и чело Лео; ее безупречно стройная фигура, просвечивая через белые покрывала, вся горела неярким огнем. Со счастливым смешком она отодвинулась и сказала:

— Лео Винси, я предаюсь тебе во второй раз и душой и телом, исполняя клятву, что я дала тебе в темных пещерах Кора и повторила здесь, во дворце Калуна. Знай же: что бы ни случилось, отныне мы уже никогда-никогда не расстанемся, отныне мы единое целое. Покуда ты жив, буду жить и я, рядом с тобой, а если тебе суждена смерть, я последую за тобой, через далекие миры и небеса; перед силой моей любви не устоят врата ни рая, ни ада. Я всегда буду там же, где и ты. Мы будем всегда спать вместе, и во всех снах жизни и смерти ты будешь слышать шепот моего голоса; мой голос пробудит тебя в час наступления вечного рассвета, когда навсегда отлетит прочь ночь беспросветного отчаяния.

Слушай же мою песню, и слушай ее внимательно, ибо в ее словах ты познаешь ту сокровенную истину, которую я не могла тебе открыть, не будучи твоей женой. Ты узнаешь, кто я и что я, ты узнаешь, кто ты и что ты, узнаешь о высшем предназначении нашей любви, о причинах ненависти этой мертвой женщины, обо всем, что я скрывала от тебя под оболочкой туманных, непонятных слов и видений.

Слушай же, мой любимый, мой повелитель, Песню Судьбы.

Она замолчала и возвела восторженно горящие глаза к небесам, как бы ожидая, что на нее низойдет вдохновение, и никогда еще, никогда, даже среди огней Кора, не казалась Айша столь божественно прекрасной и величественной, как в этот миг, когда наконец созрел урожай ее любви.

Мой взгляд блуждал между ней и Лео, который стоял бледный и недвижимый, будто окаменевший Шаман, будто охладелое тело Хании с устремленными к потолку глазами. Что происходит в его душе, с удивлением подумал я, почему он не откликается на зов этого гордого

существа во всем великолепии ее могущества и ошеломляющей красоты.

Чу! Она запела таким выразительным и мелодичным голосом, что от его медовой сладости у меня захолонуло сердце, дыхание будто остановилось.

Мир не родился еще, не родился еще, и в утробе Безмолвия
души людские дремали.
Но были уже я и ты...

Внезапно Айша оборвала пение, и я скорее почувствовал, чем увидел, ужас на ее лице.

Лео шатался, словно стоял не на каменном полу, а на палубе корабля в бурю. Он тянул, как слепой, руки, пытаясь ее обнять, — и вдруг повалился навзничь.

Какой ужасающий вопль вырвался у нее из груди! Этот вопль мог бы пробудить мертвецов на Равнине! Мог бы долететь до звезд. Один только вопль — и трепещущее, как сердце, молчание.

Я бросился к Лео: он лежал мертвый, убитый поцелуем Айши, испепеленный огнем ее любви, — лежал мертвый на груди мертвой Атене.

Глава XXIV. Смерть Айши

Айша что-то сказала; ее слова поразили меня своей ужасной безнадежностью, полной покорностью воле судьбы, бороться с которой не могла даже она. — Мой господин ненадолго оставил меня; я должна поспешить вслед за ним.

Что было потом, я помню не очень отчетливо. Я потерял человека, который был для меня всем, и другом и сыном, и был буквально раздавлен. Такая печальная нелепость, что я, измученный старик, все еще живу, тогда как он, в самом расцвете сил, умер, умер в тот миг, когда обрел радость и величие, каких не знал еще никто на этом свете!

Опомнившись, Айша с помощью Ороса попыталась оживить его, но тщетно, все ее могущество было тут бессильно. Я убежден, что Лео, хотя каким-то образом и держался на ногах, умер во время ее поцелуя, ибо еще до его падения я увидел, что его лицо напоминало застывшую маску: это было лицо мертвого человека.

Да, я убежден, что, хотя она этого не знала, ее слова были обращены к его духу, ибо ее поцелуй испепелил его плоть.

Когда я наконец пришел в себя, я услышал спокойный, холодный голос Айши — лица ее я не видел, ибо она успела уже его прикрыть; Айша повелевала призванным ею жрецам «унести тело этой проклятой женщины и похоронить ее, как подобает ее сану». Я невольно вспомнил историю об Иуе и Иезавели.

Лео, странно спокойный и счастливый, возлежал на ложе со скрещенными на груди руками. Когда жрецы, топоча, унесли царственную покойницу, Айша, которая в глубокой задумчивости сидела возле своего мертвого возлюбленного, как будто очнулась; она встала и сказала:

— Мне нужен гонец, но не для обычной поездки, а для путешествия в Обиталище Теней. — Она повернулась к Оросу и посмотрела на него.

И тут, впервые на моей памяти, жрец переменился в лице; даже во время предыдущей трагической сцены он, как всегда, продолжал улыбаться, но под взглядом Айши он побледнел и задрожал.

— Ты боишься, — презрительно сказала она. — Успокойся, Орос, я не пошлю труса... Холли! Может быть, отправишься ты — ради меня и его?

— Да, — согласился я. — Я устал от жизни и готов принять смерть. Только чтобы она была быстрой и безболезненной.

Она подумала и сказала:

— Нет, твое время еще не настало, ты еще должен доделать свое дело. Потерпи, Холли, осталось совсем недолго.

Она повернулась к Шаману, который все еще стоял, недвижимый, точно каменная статуя.

— Проснись!

Шаман тотчас же ожил: руки и ноги у него расслабились, грудь стала вздыматься; он стоял перед нами такой же, как всегда — дряхлый, сгорбленный, злобный.

— Слушаю, госпожа, — произнес он с поклоном — так склоняются перед силой, которую ненавидят.

— Ты видишь, Симбри? — Она махнула рукой.

— Вижу. Все случилось так, как предрекли мы с Атене: «Скоро тело нового Хана Калуна, — он показал на золотой венец, который Айша надевала на чело Лео, — будет покоиться на краю огненной бездны»; исполнилось мое предсказание. — Его глаза зажглись злой улыбкой.

— Если бы ты не поразила меня немотой, — продолжал он, — я мог бы предостеречь тебя, но тебе было угодно поразить меня немотой, о Владычица! Сдается мне, Хес, что ты перехитрила себя самое и вот лежишь в полном отчаянии у подножия той самой лестницы, по которой, ступень за ступенью, ты взбиралась две тысячи долгих лет. Что же ты приобрела ценой жизни бесчисленных людей? Все они сейчас перед престолом Высшего Судии обвиняют тебя в том, что ты злоупотребила своим всевластием, и вызывают о возмездии. — И он посмотрел на мертвого Лео.

— Я сожалею о них, Симбри, но они погибли не зря, — раздумчиво ответила Айша. — Они — так было записано в скрижалях судьбы — удержали твой нож и спасли моего мужа. Да, и я счастлива — счастливее, чем ты думаешь, слепая летучая мышь. Знай же, только что я воссоединилась со своей душой, с которой меня разлучил тяжкий грех; из брачного поцелуя, что спалил его жизнь, у нас родятся дети Прощения и Милосердия и много всего того, что чисто и прекрасно.

Послушай, Симбри! Я окажу тебе великую честь. Ты будешь моим гонцом, выполнишь то, что я тебе поручу, и смотри, не вздумай меня обмануть, ты будешь держать передо мной строгий ответ.

Ступай же по темной тропе Смерти, ибо даже моя мысль не может проникнуть туда, где сегодня спит мой господин; отыщи его и скажи, что стопы его супруги Айши скоро последуют за ним. Передай ему, чтобы он не тревожился за меня, ибо этой последней великой скорбью я искупила

свои преступления; в его объятиях я возродилась. Передай ему, что все это было предопределено свыше, и все к лучшему, ибо он свершил омовение в вечном Пламени Жизни: ночь бренности для него позади, занимается заря бессмертия. Вели, чтобы он ждал меня у Врат Смерти, где нам уготована скорая встреча. Ты слышишь?

— Я слышу, о Вечная Звезда, победительница ночной тьмы.

— Тогда *иди!*

Едва это слово слетело с уст Айши, как Симбри подпрыгнул, цепляясь за воздух, как будто старался удержать отлетающую душу, затем попятился, опрокинул столик, на котором ели мы с Лео, и упал замертво среди золотой и серебряной посуды.

Она взглянула на него и сказала:

— Этот колдун ненавидел меня, но он знал Айшу с самого начала и наконец воздал должное моему древнему величию, после того как ложь и дерзкий вызов утратили всякий смысл. Ныне я не слышу того имени, что дала мне его мертвая госпожа: Падшая Звезда; Падшая Звезда стала Звездой-которая-порвала-оковы-тьмы, снова возшла на небосвод и сияет рядом с другой бессмертной звездой, отныне беззакатной, как и она, мой Холли. Итак, он ушел, и те, кто служит мне в мире подземном Лео, — помнишь, ты видел их предводителей в Святилище, — повинуюсь слову великой Айши, уже готовят ей место возле супруга.

Но как же неразумна я была. Если мой гнев обладает такой силой, как же могла я надеяться, что мой господин сможет выдержать пламя моей любви? Выдержать — и остаться в живых? Но, повторяю, все это к лучшему, ибо он не желал той пышности и великолепия, которыми я хотела его одарить, он стремился избежать гибели людей. Но здесь, в этом убогом подобии мира истинного, ему пришлось бы мириться с пышностью и великолепием, и следует помнить, что ступени, ведущие к узурпированному трону, всегда обильно политы кровью, на них легко можно поскользнуться.

Ты устал, мой Холли, поди отдохни. Завтра вечером мы отправимся на Гору, чтобы совершить обряд погребения.

Я зашел в соседнюю комнату, это была комната Симбри, и упал на кровать, но уснуть я так и не смог. Дверь была открыта, и при свете полыхающего за окном зарева я видел Айшу. Подперев подбородок ладонью, час за часом она смотрела на своего господина, безмолвная и неподвижная. Она не уронила ни единой слезы, ни единого вздоха, лишь смотрела на своего мертвого возлюбленного с такой же нежностью, с какой мать смотрит на дремлющего младенца, зная, что утром он проснется.

Лицо ее было открыто, и я заметил, что оно сильно изменилось. Ни гордости, ни гнева, только мягкая задумчивость, уверенность и спокойствие. Ее облик кого-то мне напоминал, я никак не мог вспомнить кого, — и наконец вспомнил. Величественную священную статую Матери в Святилище, сходство было просто поразительное. С той же силой любви, с какой Мать взидала на испуганное дитя, только что очнувшееся от ужасного кошмара, смотрела и Айша на своего мертвого возлюбленного, и ее уста шептали повесть «незыблемой, неумирающей надежды».

Наконец она поднялась и вошла ко мне в комнату.

— Ты думаешь, что я пала духом, и скорбишь обо мне, мой Холли, — ласково произнесла она, — ибо ты помнишь, как я тревожилась за своего господина?

— Да, Айша, я скорблю о тебе, как и о себе.

— Не скорби, Холли; как человек я хотела бы удержать его на земле, но, как дух, я радуюсь, что он разорвал оковы брэнности. Много веков, сама того не сознавая, в гордом презрении к Вселенскому Закону, я боролась против его — и моего — истинного блага. Трижды я мерилась силами с ангелом — и трижды он одерживал верх надо мной. Но сегодня ночью, унося с собой свою добычу, он оставил мне мудрое послание. Вот оно: обителище любви — в смерти, в смерти обретает она силу; из мрачной усыпальницы жизни любовь восстает во всей своей чистоте и великолепии, гордой победительницей. Поэтому я утираю слезы и, вновь увенчанная короной спокойствия, отправляюсь на свидание с тем, кого мы утратили, туда, где он ожидает меня, как это мне было обещано.

Но в своем эгоизме я забыла о тебе. Ты нуждаешься в отдыхе. Спи же, мой друг, я повелеваю тебе: спи!

Перед тем как сон сомкнул мои глаза, я только успел подумать, откуда она почерпнула эту странную уверенность и успокоение. И она была сама искренность, ни тени притворства. Могу лишь предположить, что на ее душу снизошло озарение и что любовь к Лео каким-то неизвестным мне образом искупила ее грехи, а его смерть довершила ее очищение.

Во всяком случае, она не тяготилась больше своими грехами и спокойно несла бремя смерти, которое на нее пало. На все это она смотрела как на неизбежные плоды древа, некогда взращенного руками Судьбы, за чьи деяния она не в ответе. Страхи и соображения, с которыми вынуждены считаться смертные, ее отнюдь не угнетали: она была свободна от них. В этом, как и во многом другом, законом для Айши была ее собственная воля.

Когда я проснулся, был уже день; за окном сплошным потоком

низвергался ливень, которого так долго ждали люди Калуна. Айша сидела возле прикрытого саваном тела Лео и отдавала повеления своим жрецам, вождям и немногочисленным уцелевшим калунским вельможам, закладывая основы нового правления. Затем я уснул вновь.

Был уже вечер, у моей кровати стояла Айша.

— Все уже готово, — сказала она. — Вставай, ты поедешь со мной.

И мы поехали в сопровождении тысячи всадников: прочие остались для довершения захвата, и может быть, и грабежа Калуна. Впереди, сменяя друг друга, шли группы жрецов: они несли тело Лео; за ними ехала Айша с закрытым лицом, и рядом с ней — я.

Какой разительный контраст между тем, как мы примчались сюда, и нашим отъездом.

Тогда — скачущие отряды, буйствующие стихии, непрерывное полыхание молний за колышащейся завесой сплошного града, отчаянные вопли окровавленных воинов, раздавленных колесницей грома.

Теперь — тело под белым саваном, медленно перебирающие ногами кони, всадники с копьями, повернутыми остриями вниз, и по обеим сторонам дороги, в печальных лучах луны, женщины Кал у на, оплакивающие свои бесчисленные потери.

И сама Айша: вчера — Валькирия, увенчанная пламенеющей звездой; сегодня — скромная вдова, провожающая мужа к месту его упокоения.

О, как они боялись ее! Одна несчастная, стоя на могильном холмике, с какими-то горькими словами, которых я не слышал, показала на тело Лео. Ее товарки тут же набросились на нее с кулаками и лопатами, повалили и простерлись ниц, посыпая головы пылью в знак своей покорности жрице Смерти.

Увидев это, Айша сказала с почти прежним пылом и гордостью:

— Я никогда не вернусь на Равнину Калуна, но на прощание я дала этим высокомерным людям давно уже заслуженный ими урок. Еще много поколений, о Холли, не посмеют они поднять копья против Общины Хес и подчиненных ей племен.

И снова была ночь, и там, где еще недавно лежали останки Хана, убитого Лео, среди огненных столбов, в глубине Святилища, перед статуей Матери, стоял гроб с телом самого Лео, и казалось, ее неизменно добрые глаза внимательно взирают на его спокойное лицо.

На троне сидела Хесеа в покрывале: она отдавала последние повеления жрецам и жрицам.

— Я устала, — сказала она. — Возможно, я покину вас и отправлюсь

отдохнуть — за горы. На год или на тысячу лет — не могу вам сказать. До моего возвращения вами будет править Папаве, а затем потомство ее и Ороса, который будет ее советником и мужем.

Жрецы и жрицы Общины Хес, я захватила новые владения; примите же их как мой дар и правьте ими разумно и милосердно. Отныне Хесеа Горы будет и Ханией Калуна.

Жрецы и жрицы нашей древней веры, научитесь проникать через ее внешние проявления — обряды и символы — в самую глубь — Дух. Сама богиня Хес никогда не правила на земле, правит милосердная Природа. Хотя небесный чертог никогда не оглашало имя Исиды, там обитает великая Мать, воплощение всей любви, чей образ являет эта статуя; она — наша родительница, она лелеет на своей груди всех земных детей, а в самом конце, преданная и верная, принимает их в свои объятия.

Ибо не вечно нам есть горький хлеб, не вечно пить воду слез. За пеленой ночной тьмы возвращаются царственные солнца; дождь сопровождается сверкающей радугой. Жизнь просачивается сквозь наши пальцы, уходит, чтобы обрести бессмертие; из кострищ наших отпылавших надежд возносится небесная звезда.

Она замолчала и махнула рукой, как бы отгоняя прочь все эти размышления, затем показала на меня и добавила:

— Этот человек — мой любимый друг и гость. Отныне он будет и вашим гостем. Я повелеваю, чтобы вы относились к нему радушно и бережно, а когда сойдут снега и настанет лето, помогите ему выбраться из ущелья и перейти через горы, оставьте его только после того, как убедитесь, что он в полной безопасности. Не забудьте, что я вам сказала, ибо вам придется дать мне отчет за него непременно.

Ночь была на исходе; мы четверо, Айша и я, Орос и Папаве, стояли на самой вершине, над огненной бездной. Носильщики положили тело Лео на самом краю и ушли. Перед нами высилась сверкающая завеса огня, ее верхняя кромка загибалась под ветром, точно гребень морской волны, и от нее, один за другим, отрывались пылающие облачка и большие сгустки. Айша стояла на коленях возле мертвого Лео, смотрела на его ледяное, улыбающееся лицо и не произносила ни слова. Наконец она поднялась и сказала:

— Тьма сгущается, мой Холли; она предвещает великолепие утренней зари. Прощай же! Мы разлучаемся всего на один час. Перед тем как умереть, но не ранее, позови меня, и я явлюсь. Не шевелись и ничего не говори, пока все не будет кончено, дабы, когда ты лишишься моей защиты,

тебя не убила бы какая-нибудь злая сила.

Не думай, что я побеждена, ибо отныне мое имя — Победа! Не думай, что могущество Айши исчерпано, что книга ее жизни, в которой ты прочитал всего лишь одну страницу, закончилась. Отныне я уже не то греховное, полное гордыни существо, каким ты меня знал, не та, кого ты так обожал и боялся; в любви и самопожертвовании моего господина я вновь обрела свою душу. Отныне, как и в самом начале, его душа и моя — одно целое.

Она подумала и добавила:

— Друг, прими этот скипетр на память обо мне, берегись пользоваться им, он пригодится тебе, только когда ты будешь звать меня, ибо у него есть магические свойства. — Она дала мне драгоценный сistr, что был у нее в руке, и сказала:

— Поцелуй его чело, отойди и стой неподвижно.

И вновь, как некогда, в бездне сгустилась тьма, только на этот раз я не слышал ни молений, ни величественной музыки, — и к Айше против ветра подплыл двукрылый огонь. Подплыл — и тут же исчез; потянулись долгие минуты ожидания, пока первое копьё зари не вонзилось в вершину скалы.

Но здесь уже не было ни тела Лео, ни Айши, Айши царственной, Айши божественной, только мы, оставшиеся.

Куда она скрылась? Не знаю. Знаю лишь, что когда двукрылый огонь приблизился к снова вспыхнувшей, как бы в знак приветствия, огненной завесе, я как будто бы увидел две величаво парящие фигуры и даже разглядел лица — Лео и Айши.

В течение последующих, томительно долгих месяцев я часто, блуждая в храме или среди зимних снегов, устилавших склоны Горы, пытался ответить себе на этот вопрос: куда она скрылась? Я обращался к своему сердцу, обращался к Небесам, обращался к духу Лео, который витал надо мной.

Но я так и не получил определенного ответа и не рискну высказать никаких предположений. Тайна обволакивала и происхождение, и существование Айши — я не знаю об этом ничего достоверного; точно так же тайна обволакивала ее смерти, вернее сказать, ее уходы, я не могу даже допустить мысли, будто она мертва. Конечно же, она продолжает жить; если не здесь, на земле, то в каких-нибудь горних сферах.

Так я верю, и когда пробьет мой час, а он уже совсем недалек, я узнаю, оправдается ли моя вера и явится ли она за мной, чтобы быть моей проводницей, как она поклялась перед смертью. И еще я узнаю то, что она

собиралась открыть Лео, когда он умер: высшую цель их жизни и любви.

Остается совсем недолго, я могу терпеливо подождать, хотя сердце мое разбито, я в безутешном отчаянии.

Орос и все жрецы были ко мне очень добры. Да и как могло быть иначе, ведь они хорошо помнили, что в свое время им неминуемо придется дать полный отчет их грозной повелительнице. В благодарность и я делал для них все, что мог, разработал, в частности, систему управления завоеванной страной Калун, дал им много разных советов.

И вот долгие зимние месяцы истекли, снега растаяли. Пора было отправляться. Они дали мне много драгоценных камней из своих сокровищниц, чтобы я не нуждался в пути; золота у меня было так много, что я не мог унести его один. Они провели меня по Равнине, где крестьяне — те, что уцелели, — пахали и сеяли, к городу Калун. Кругом были почерневшие развалины, один лишь мрачный дворец Атене стоял невредимым, но туда я не захотел заходить, ибо этот дворец был для меня — и навсегда останется — Домом Смерти. Я остановился за крепостной стеной, у реки, как раз там, где мы с Лео высадились после того, как безумец Хан отпустил нас на свободу — точнее сказать, отдал на растерзание своим кровожадным псам.

На другой день мы сели в лодку и отправились вверх по реке, мимо того места, где затравили двоюродного брата Атене. Ночь я провел в доме над воротами: это была бессонная ночь.

Наутро я пошел вдоль ущелья и, к своему удивлению, увидел, что через некогда бурный, теперь обмелевший поток переброшен грубо сколоченный мост, а по отвесной стене пропасти на другом берегу тянутся вверх такие же грубо сколоченные, но достаточной длины лестницы. Здесь я попрощался с Оросом, который одарил меня такой же благожелательной улыбкой, как и в день первой нашей встречи.

— Мы видели с тобой много странного, — сказал я, не зная, что сказать.

— Много очень странного, — отозвался он.

— И как бы то ни было, друг Орос, — продолжал я довольно бестактно, — события в конце концов сложились для тебя благоприятно, ибо твои плечи облекла царская мантия.

— Эта мантия принадлежит не мне, — уточнил он, — ив один прекрасный день ее с меня снимут.

— Ты хочешь сказать, что великая Хесеа не умерла?

— Хес никогда не умирает. Только меняется, вот и все. Ветер то дует,

то затихает, и кто может тогда сказать, в каком именно месте земли или же за ее пределами дремлет он в это время? Но на утренней или вечерней заре, в полдень или в полночь он снова задует, и горе тем, кто окажется на его пути.

Вспомни о горах мертвых тел на равнинах Калуна. Вспомни, какое поручение она дала Шаману Симбри, его последние слова. Вспомни исчезновение Хесеа с вершины Горы. О чужеземец с Запада, ее возвращение так же неминуемо, как восход солнца; и в этой заемной мантии я ожидаю ее пришествия.

— Я тоже ожидаю ее пришествия, — ответил я, и мы расстались.

Сопровождаемый двадцатью отборными людьми, которые несли провизию и оружие, я без особого труда взобрался по лестницам и на этот раз перевалил через горы без каких бы то ни было происшествий. Они даже проводили меня через пустыню, пока однажды вечером мы не увидели гигантского Будду, который, восседая перед монастырем, вечно взирает на пески и снега: здесь мы и заночевали.

Когда я проснулся на другое утро, жрецы уже ушли. Взвалив на спину торбу с вещами, я медленно побрел дальше и к закату уже добрался до монастыря. У дверей, созерцая небеса, сидел дряхлый старик в порванной накидке. То был наш друг Куен. Поправив на носу роговые очки, он посмотрел на меня.

— Я ждал тебя, брат из монастыря, называемого Миром, — сказал он, тщетно пытаясь скрыть переполняющий его восторг. — Видно, твой пост затянулся и, побуждаемый голодом, ты возвратился в это бедное место.

— Да, превосходнейший Куен, — ответил я. — Я и впрямь изголодался — по покою и миру.

— Да осенит мир и покой все дни этого твоего воплощения. Но скажи, где другой брат?

— Умер, — ответил я.

— И стало быть, возродился в другом месте или почиет в Дебачане. Мы еще встретимся с ним, несомненно. Пошли со мной, и ты поешь и расскажешь мне обо всем, что случилось.

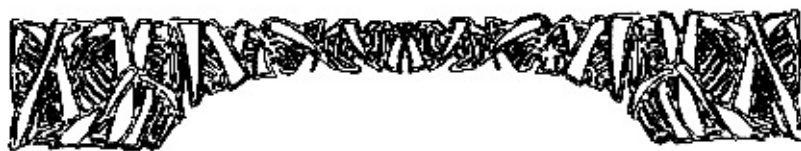
Я поел — и в тот же вечер рассказал ему все. Куен слушал с почтительным вниманием, но мой рассказ, при всей его странности, не вызвал у него особенного удивления. Он так подробно излагал мне свою удивительную теорию перевоплощений, что в конце концов я стал клевать носом.

— Во всяком случае, — сонно заключил я, — мы все, видимо, обрели

святую заслугу, которая зачтется нам в вечных перерождениях. — Я думал, что ему приятно будет слышать привычную фразу.

— Да, брат из монастыря, называемого Миром, — сурово ответил Куен, — конечно, мы все обретаем святую заслугу, но, позволь мне заметить, ты обретаешь ее очень медленно, я уже не говорю об этой женщине... колдунье... или могущественном злом духе, чьи имена, как ты говоришь, Она, Хес и Айша на земле, в авичи — Падшая Звезда.

(Здесь обрывается рукопись мистера Холли; последние ее страницы сгорели, когда он бросил ее в камин своего дома в Камберленде.)

Черное Сердце
и
Белое Сердце
Зулусская идиллия

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ СЕРДЦЕ

Глава I. Филип Хадден и король Сетевайо

Судьба свела меня с Филипом Хадденом в те времена, когда он промышлял перевозкой грузов и кое-какой торговлей в Зулуленде. Был он еще довольно молод, под сорок, и очень хорош собой: высокий, стройный и смуглый, с точеными чертами лица, короткой бородкой и вьющимися волосами; глаза острые — так и пронизывают насквозь. Жизнь его, казалось, сплошь состояла из приключений, и о кое-каких он не рассказывал даже самым близким приятелям. Происхождения, однако, он был благородного, и поговаривали, что он окончил не только среднюю школу, но и университет в Англии. Во всяком случае он умел щегольнуть цитатой из классики и отличался утонченной манерой говорить и держаться; подобные достоинства не столь уж часто встречаются в диких уголках мира; неудивительно поэтому, что грубоватые товарищи прозвали его «Принцем».

Как бы там ни было, несомненно, что эмигрировать в Наталь его понудили обстоятельства довольно темные; несомненно также и то, что родственники не проявляли ни малейшего интереса к его судьбе. Последние пятнадцать — шестнадцать лет Хадден провел в самой колонии и в соседних краях; за это время он сменил множество занятий, но ни в одном из них так и не преуспел. Человек неглупый, обходительный и располагающий к себе, он легко сходилась с людьми и с такой же легкостью принимался за какое-нибудь новое дело. Но мало-помалу друзья проникались к нему смутным недоверием, энергия, которую он проявлял в очередном своем начинании, истощалась, а затем он вдруг исчезал, оставив за собой дурную репутацию и скверные долги.

За несколько лет до наиболее примечательных эпизодов в его жизни, здесь описываемых, Филип Хадден занялся перевозкой грузов из Дурбана в Маритцбург и другие города в глубине материка. Но одна из тех многочисленных неудач, которые преследовали его везде и всегда, лишила его и этой возможности зарабатывать себе на пропитание. Когда он доставил два фургона различных товаров в маленький пограничный городок Утрехт, оказалось, что не хватает пяти из шести заказанных ящиков бренди. Хадден попробовал было свалить вину на своих «парней»

— кафров, но лавочник, получатель груза, человек крутой и несдержанный на язык, открыто назвал его вором и начисто отказался платить по счетам. От перебранки перешли к потасовке, затем обнажили ножи, и прежде чем присутствующие успели вмешаться, Хадден пропорол бок своему противнику. В ту же ночь, не дожидаясь, пока ланддрост (судья) примется за расследование, Хадден отогнал свои фургоны, запряженные быками, в Наталь. Но и там он не чувствовал себя в безопасности и, оставив один из фургонов в Ньюкастле, нагрузил второй обычными колониальными товарами: одеялами, ситцем, всевозможными металлическими изделиями — и отправился в Зулуленд, где в те дни он мог не опасаться судебного преследования.

Хорошо зная и язык и обычаи туземцев, он с большой для себя выгодой распродал все товары и не только поднабил кошелек, но и завел небольшое стадо. Тем временем до него дошли слухи, что раненый лавочник поклялся ему отомстить и подал на него жалобу натальским властям. Пришлось на некоторое время отложить мысль о возвращении к цивилизованной жизни; для продолжения же так удачно начатой торговли требовались новые товары; поэтому Хадден, как человек, умудренный жизнью, решил потратить свободное время на развлечения. Он переправил свой фургон и скот через границу и, оставив их на попечение тамошнего вождя, своего друга, отправился пешим ходом в Улунди, чтобы испросить у короля Сетевайо позволения поохотиться в его владениях. К его удивлению, вожди — индуны — встретили его довольно приветливо, хотя оставалось всего несколько месяцев до зулусской войны, и Сетевайо начал уже относиться к англичанам, торговцам и другим, с непонятным для них недружелюбием.

Во время своей первой и последней встречи с Сетевайо Хадден все же сумел кое-что понять. На второе утро после его прибытия в королевский крааль ему передали, что его желает видеть «Слон-сотрясающий-землю». Его провели мимо тысяч хижин, через Большую площадь, к огороженному месту, где, восседая на троне, Сетевайо, величественного вида зулус в кароссе из леопардовых шкур, держал индабу со своими советниками. Прежде чем приблизиться к своему августейшему повелителю, индуна, проводник Хаддена, опустил на четвереньки и, провозгласив обычное царственное приветствие «Байете!», пополз, чтобы доложить о приведенном им белом.

— Пусть подождет, — сердито обронил король и, отвернувшись, продолжал совещание.

Хадден, как я уже упоминал, превосходно знал зулусский язык, и

всякий раз, когда король повышал голос, мог кое-что расслышать.

— Что ты несешь! — оборвал Сетевайо морщинистого старца, который настойчиво пытался в чем-то его убедить. — Как смеют эти белые гиены охотиться на меня, будто я пес?! Эта земля принадлежит мне, как принадлежала моему отцу. И я волен карать и миловать своих подданных. Говорю тебе: я перебыю всех этих белых людишек; мои импи сожрут их с потрохами. Я сказал!

Снова заговорил старец, выступая, видимо, в роли миротворца. Слов Хадден не слышал, но видел, что тот показывает в сторону моря; судя по его выразительным жестам и скорбному выражению лица, он пророчил великую беду, если пренебрегут его мнением.

Не дослушав его, король вскочил, его глаза буквально изрыгали пламя.

— Слушай! — крикнул он старому советнику. — Я уже давно подозревал, что ты изменник, теперь я окончательно в этом убедился. Ты пес Сомпсю, пес нательского правительства, и я не потерплю, чтобы в моем же собственном доме меня хватал за ноги чужой пес! Уведите его!

Окружавшие короля индуны удивленно зашептались; старец же не выказал ни малейшего страха — даже когда его грубо схватили воины, чтобы повести на казнь. Несколько секунд, может быть, секунд пять он прикрывал лицо краем каросса, затем, подняв глаза, заговорил отчетливо и ясно.

— О король, — сказал он, — я очень стар. В юности я служил под началом Льва-Чаки и слышал его предсмертное пророчество о приходе белых. И белые пришли. Я сражался в войсках Дингаана в битве у Кровавой реки. Они убили Дингаана, и много лет я был советником твоего отца Панды. Я сражался вместе с тобой, о король, в битве у реки Тугела, серые воды которой покраснели от крови твоего брата Умбулази и десятков тысяч его людей. Потом я стал твоим советником, о король; я был в твоей свите, когда Сомпсю возложил на твою голову корону, а ты дал ему обещания, впоследствии тобою же нарушенные. Теперь я надоел тебе, и это вполне естественно, ибо я очень стар и, вероятно, говорю бестолково, как и все старики. И все же я уверен, что пророчество твоего двоюродного деда Чаки непременно исполнится: ты потерпишь поражение и примешь свою смерть от белых. Я хотел бы еще раз сразиться за тебя, о король, ибо сражение неизбежно, но ты избрал для меня другой удел — куда лучший. Покойся же в мире, о король, и прощай! Байете!

Воцарилось непродолжительное молчание, все ждали, что тиран отменит свой приговор. Но он то ли не захотел проявить милосердие, либо политические соображения перетягивали все остальные.

— Уведите его! — повторил он. Старый военачальник и советник, медленно улыбнувшись, сказал только «Спокойной ночи» и, поддерживаемый рукой воина, побрел к месту казни.

Хадден наблюдал за всем этим с удивлением, смешанным со страхом. «Если он так расправляется со своими слугами, как же он поступит со мной? — думал он, поеживаясь. — Сдается мне, с тех пор как я оставил Наталь, англичане у него в немилости. Уж не собирается ли он воевать против нас? Если так, здесь мне не место».

Несколько минут король стоял с мрачным лицом, уставившись себе под ноги. Затем, подняв глаза, приказал:

— Приведите чужестранца!

Услышав эти слова, Хадден выступил вперед и с как можно более спокойным и хладнокровным видом протянул руку Сетевайо. К его удивлению, король ее пожал.

— Белый человек, — сказал он, оглядывая его высокую, подтянутую фигуру и точеные черты лица, — сразу видно, что ты не умфагозан (низкородный человек), в тебе течет благородная кровь.

— Да, король, — с легким вздохом подтвердил Хадден, — в моих жилах в самом деле течет благородная кровь.

— Что тебе нужно в моей стране, Белый человек?

— У меня к тебе скромная просьба, о король. Ты, должно быть, слышал, что я торговал в твоей стране и распродал все свои товары. А сейчас я прошу, чтобы перед возвращением в Наталь ты позволил мне поохотиться на буйволов и другую крупную дичь.

— Нет, не дам я тебе такого разрешения, — ответил Сетевайо. — Ты шпион, подсланный Сомпсю или королевским индуну. Убирайся, пока цел.

— Ну что ж, — сказал Хадден, пожимая плечами. — Остается только надеяться, что Сомпсю или королевский индуну или они оба вместе вознаградят меня, когда я вернусь в Наталь. Конечно, я не могу ослушаться повеления короля, но сперва я хотел бы вручить ему подарок.

— Какой подарок? — спросил король. — На что мне твои подарки? У нас тут всего вдоволь, Белый человек. Мы богаты.

— Нет так нет. Боюсь, мой подарок не из тех, что подносят королям, — всего-навсего ружье.

— Ружье, Белый человек? Где же оно?

— Я оставил его за оградой. Твои слуги предупредили меня, что перед «Слоном-сотрясающим-землю» под страхом смерти запрещается появляться с оружием.

Сетевайо нахмурился, уловив нотки сарказма в словах Хаддена.

— Принесите подарок Белого человека. Я хочу его осмотреть. Индуна, который сопровождал Хаддена, пригнувшись так низко, что казалось, вот-вот упадет лицом на землю, бросился к воротам. Через несколько минут он возвратился с оружием в руке и протянул его королю, дулом вперед.

— Прошу тебя, о Слон, — медленно произнес Хадден, — прикажи своему слуге, чтобы он отвел дуло от твоего сердца.

— Почему? — спросил король.

— Ружье заряжено и на взводе, о Слон. Поэтому, если ты хочешь по-прежнему сотрясать землю, вели, чтобы ружье сейчас же у него отняли.

«Слон» издал громкий вопль и, начисто позабыв о своем королевском достоинстве, кубарем скатился с трона. Испуганный индуна, отпрыгнув назад, случайно нажал спусковой крючок, и пуля просвистела как раз там, где всего мгновение назад находилась монаршья голова.

— Уберите этого глупца! — приказал, не поднимаясь с земли, король, но индуна уже успел отшвырнуть ружье, крича, что оно заколдовано, и стремглав выбежал из ворот.

— Он уже сам убрался, — под общий смех заметил Хадден. — Только не притрагивайся к ружью, король: оно многозарядное. Смотри! — И подняв винчестер, он быстро выстрелил еще четыре раза, сбив верхушку ближнего дерева.

— Удивительное ружье! — ахнули советники.

— А больше оно не выстрелит? — осведомился король.

— Нет, — ответил Хадден. — Можешь его осмотреть. Сетевайо взял винчестер в руку и осторожно осмотрел, направляя ствол поочередно на животы своих советников, которые испуганно шарахались в сторону.

— Видишь, какие они трусы, Белый человек! — скривился король. — Боятся, что в ружье остался еще патрон.

— Да, — ответил Хадден, — трусы они отъявленные. Если бы они сидели, то все повалились бы на землю, как и Ваше величество!

Индуны отвернулись, сделав вид, что рассматривают изгородь.

— А ты что-нибудь смыслишь в изготовлении ружей, Белый человек? — спросил Сетевайо.

— Нет, король, я умею только чинить их.

— Если я хорошо тебе заплачу, Белый человек, не возьмешься ли ты чинить ружья здесь, у меня в краале?

— Смотря, сколько ты предложишь, — ответил Хадден. — Но сейчас я устал от работы, хочу отдохнуть. Разреши мне поохотиться в твоих владениях и дай несколько сопровождающих; возможно, после моего

возвращения мы и договоримся. Если нет, я попрощаюсь с тобой и вернусь в Наталь.

— Чтобы донести обо всем, что ты видел и слышал, — пробурчал себе под нос король.

Тут появились воины, те самые, что некоторое время назад увели старого индуну на казнь. Они молча простерлись перед королем.

— Он мертв? — спросил король.

— Он перешел через королевский мост, — мрачно ответили они, — и умер, вознося хвалебную песнь в честь своего повелителя.

— Хорошо, — сказал Сетевайо, — больше я не буду спотыкаться об этот камень... Расскажи о его судьбе Сомпсю и королевскому индуне в Натале, Белый человек, — сказал он с горькой усмешкой.

— Баба! Слушайте, что говорит наш отец! Слушайте трубный глас Сотрясающего землю! — подхватили индуны, почувствовав угрозу, скрытую в словах Сетевайо, а один, посмелее других, добавил: — Скоро мы споем этим белым с их извергающими огонь трубами другую песнь, красную песнь копий, все наши полки споют им эту песнь!

С той же внезапностью, с какой вспыхивает иссушенная зноем трава, зулусов охватил пылкий энтузиазм. Они вскочили с земли, где почти все сидели, и, дружно подтапывая ногами, затянули:

Индаба ибомву — индаба е миконто
Лизо дунйисва нге импи ндхмбени яхо

(Красную песнь! Красную песнь! Песнь копий
Наши полки им споют!)

Один из них, яростного вида верзила, подошел к Хаддену и потряс своим кулачищем у него перед носом, хорошо еще, что у него не было с собой ассегая, — и прокричал эти фразы прямо ему в лицо.

Король заметил, что разожженный им огонь пылает слишком жарко.

— Молчать! — прокричал он своим громовым голосом, знаменитым на весь Зулуленд; и все сразу же замолчали, застыв каменными изваяниями; только эхо вновь и вновь доносило: «Песнь копий наши полки им споют».

«Здесь мне не место, — еще раз подумал Хадден. — Будь этот негодяй вооружен, дело могло бы кончиться плохо. Но кто это?»

В ворота вошел великолепный представитель зулусского народа, лет тридцати пяти на вид, в полном боевом облачении военачальника полка Умситую. Над его лбом, обвитым шкуркой выдры, красовался высокий

плюмаж; туловище, руки и ноги были украшены длинной бахромой из черных бычьих хвостов; в одной руке он держал небольшой щит, какие обычно носят танцоры, также черного цвета. Другая его рука была свободна, ибо он оставил оружие у входа. Зулус был очень красив, глаза, хотя и омраченные беспокойством, смотрели приветливо и прямо, в очертаниях губ таилась чувственность. Ростом он был примерно в шесть футов и два дюйма, однако не казался очень высоким, благодаря, вероятно, широкой груди и мощным рукам и ногам, ничуть не похожим на небольшие, почти женственные руки и ноги, отличающие обычно зулусскую знать. Короче говоря, то был типичный, полный достоинства и отваги, зулусский аристократ.

Его сопровождал человек в муче и одеяле, судя по седым волосам уже достаточно пожилой, за пятьдесят. И у него тоже было приятное, благородное лицо, но в глазах проглядывала робость, а рот свидетельствовал о недостаточной воле.

— Кто эти люди? — спросил король.

Вошедшие пали на колени, низко, до самой земли, поклонились, вознося королю традиционные хвалы — сибонгу.

— Говорите! — нетерпеливо приказал он.

— О король! — начал молодой воин, усаживаясь по зулусскому обычаю. — Я Нахун, сын Зомбы, один из начальников полка Умситуу, а это мой дядя Умгона, брат одной из моих матерей, младшей жены моего отца.

Сетевайо сдвинул брови.

— Почему ты не в своем полку, Нахун?

— С позволения старших начальников, о король, я пришел просить тебя об одной милости.

— Тогда поторопись, Нахун.

— О король, — заговорил рослый зулус, не без некоторого замешательства, — недавно ты оказал мне высокую честь, возведя меня в сан кешлы. — Он притронулся к черному кольцу на голове. — Будучи отличен тобой, я прошу тебя разрешить мне воспользоваться своим правом — правом женитьбы.

— Ты говоришь о правах? Будь поскромнее, сын Зомбы, у моих воинов, как и у моего скота, нет прав!

Поняв свою оплошность, Нахун прикусил губу.

— Прости меня, о король. Дело обстоит так: у моего дяди Умгоны — он здесь, со мной — есть красивая дочь Нанеа; с ее согласия я хотел бы на ней жениться. В ожидании твоего позволения, король, я обручился с ней и

даже уплатил лоболу (выкуп) коровами и телятами. Но рядом с Умгоной живет могущественный старый вождь Мапуты, Страж Крокодильего брода; король, конечно, его знает; этот вождь также хочет жениться на Нанеа, угрожая Умгоне, в случае, если его сватовство будет отвергнуто, жестокими карами. Но сердце Нанеа благоволит мне и не благоволит Мапуте; поэтому мы и пришли просить короля о милости.

— Да, это так, он говорит правду, — подтвердил Умгона.

— Замолчи, — сердито оборвал его Сетевайо. — Время ли сейчас моим воинам думать о женитьбе? Женатый мужчина уже не мужчина, а тряпка. Только вчера я повелел удавить двадцать девушек за то, что они без моего разрешения посмели выйти замуж за воинов из полка Унди: их тела вместе с телами их отцов брошены на перекрестках дорог, чтобы все знали об их преступлении: это хороший урок для всех! Ты поступил благоразумно, Умгона, обратившись ко мне за позволением: тем самым ты спас и себя и свою дочь. Объявляю вам всем свое решение. Я отказываю тебе в твоей просьбе, Нахун; тебя, Умгона, я избавлю от преследований старого вождя Мапуты, которого ты не хочешь взять в зятя. Нахун уверяет, что девушка — красавица, поэтому я окажу ей свою милость: возьму себе в жены. Через тридцать дней, когда народится новая луна, приведи ее в сигодхлу (часть крааля, отведенная для жен), а заодно коров и телят, которых дал тебе Нахун в качестве лоболы; такое наказание я назначаю ему за то, что он осмелился помышлять о женитьбе без моего позволения.

Глава II. Пчела пророчествует

«Пророк Даниил призван к суду царскому, — подумал Хадден, не без интереса наблюдавший за этой трагикомической сценой. — Наш влюбленный друг явно не ожидал такого исхода. Полагаться на справедливость цезаря — дело опасное». Он повернулся и стал рассматривать обоих просителей.

Старый Умгона, слегка вздрогнув, принялся изливать традиционные похвалы и благодарность, славя доброту и милосердие своего повелителя. Сетевайо выслушал его молча, а когда тот наконец договорил, резко напомнил, чтобы он привел Нанеа точно в назначенный им срок, иначе и она и он будут украшать собой ближайшие перекрестки дорог.

Из них двоих Нахун, безусловно, заслуживал большего внимания. После того как король вынес свой непререкаемый приговор, на его лице выразилось полнейшее замешательство, тут же сменившееся яростным гневом — справедливым гневом человека, которому нанесли незаслуженную жестокую обиду. Все его тело пронизала дрожь, на шее и на лбу вздулись узлы вен, пальцы плотно сжались, как будто стискивая рукоятку копья. Вскоре, однако, его ярость улеглась: роптать на зулусского деспота — то же самое, что роптать на саму судьбу; его лицо воплощало теперь лишь безнадежность и отчаяние. Гордые темные глаза утратили свой блеск, осунувшееся медное лицо стало пепельно-серым, уголки рта обвисли, с закушенной губы закапала кровь. Высокий зулус поднял руку, прощаясь с королем, встал и нетвердой походкой побрел к воротам.

— Погоди, — внезапно остановил его Сетевайо. — Я хочу поручить тебе важное дело, Нахун, которое вышибет из твоей головы все эти дурацкие мысли о женитьбе. Видишь этого Белого человека; он мой гость и хочет поохотиться на буйволов и другую крупную дичь. Поручаю его твоим заботам: возьми с собой несколько охотников и следи, чтобы с ним не случилось никакой беды. Через месяц приведи его обратно — и помни, ты отвечаешь за него головой. Как раз в это время, когда народится новая луна, приведут и Нанеа, и я скажу, так ли она хороша, как тебе представляется. А теперь иди, сын мой, и ты тоже, Белый человек; остальные присоединятся к вам на заре. Счастливого тебе пути, чужестранец, но не забудь, что мы встретимся в следующее новолуние, тогда и решим, сколько ты будешь получать за починку ружей. И не пытайся меня обмануть, Белый человек, не то я пошлю за тобой своих людей, а они могут обойтись с тобой

грубовато.

«Это означает, что я пленник, — заключил Хадден. — У меня один выход — удрать. Если объявление войны застанет меня в этой стране, из меня изготовят мути (колдовское снадобье), выколют мне глаза либо сыграют какую-нибудь милую шутку в том же духе».

Прошло десять дней; вечером последнего дня Хадден и сопровождающие его зулусы остановились на ночлег в дикой гористой местности, лежащей между Кровавой рекой и рекой Унвуньяна, не более чем в восьми милях от «Места маленькой реки», которое через несколько недель стало известно всему миру под своим туземным названием Исандхлвана. Вот уже три дня они шли по следам небольшого стада буйволов, все еще обитавших в этих краях, но никак не могли их настичь. Зулусы предложили спуститься вдоль Унвуньяны, ближе к морю, где водится больше дичи, но ни Хадден, ни их начальник Нахун не захотели принять этот совет, каждый по своим тайным соображениям. Хадден замыслил подобраться поближе к Буйволиной реке, откуда открывался путь на Наталь; Нахун же не хотел удаляться от крааля Умгоны, который находился поблизости от их нынешней стоянки; его не оставляла смутная надежда увидеться с Нанеа, своей нареченной, которая через несколько недель будет у него отобрана и отдана королю.

Более диковинного места, чем эта их стоянка, Хаддену еще никогда не доводилось видеть. Позади них простирался болотистый лес, где, как предполагалось, и скрываются буйволы. За лесом, в своем одиноком величии, вздымалась гора Исандхлвана, а впереди, в амфитеатре, замкнутом крутыми холмами, густел необыкновенно мрачный лес, куда река уносила с собой болотные воды.

Река текла ровно и спокойно, но через триста ярдов обрывалась не очень высоким, но почти отвесным порогом, под которым лежала заполненная бурлящей водой каменная котловина, куда никогда не проникали лучи солнца.

— Как называется этот лес, Нахун? — спросил Хадден.

— Эмагуду, Дом Мертвых, — рассеянно ответил зулус: недалеко от них, на гребне холма, в каком-нибудь часе ходьбы лежал крааль Нанеа, и Нахун сосредоточенно смотрел в ту сторону.

— Дом Мертвых? Почему его так называют?

— Потому что там обитают мертвые, или, по-нашему, Эсемкофу, Бессловесные, и другие духи — Амахлоси, которые продолжают жить даже после того, как их покинет дыхание.

— Да? — проговорил Хадден. — И ты когда-нибудь видел этих духов?

— Я еще не спятил, чтобы заходить в этот лес, Белый человек. Там обитают только мертвые; живые же оставляют для них приношения на опушке.

Сопровождаемый Нахуном, Хадден подошел к краю утеса и посмотрел вниз. Слева зияла та самая, глубокая и ужасная на вид котловина; почти на самом ее берегу, на узкой полоске поросшей травой земли, между утесом и лесом, стояла чья-то хижина.

— Кто там живет? — любопытствовал Хадден.

— Великая исануси, иньянга, или знахарка, прозванная Инйоси (Пчелой), потому что собирает свою мудрость в лесу, принадлежащем мертвым.

— И ты полагаешь, у нее достаточно мудрости, чтобы предсказать, убью ли я буйвола, Нахун?

— Возможно, Белый человек, но... — добавил он со смешком, — те, что посещают улей Пчелы, могут не узнать ничего или узнать больше, чем им хотелось бы. Язык у нее как жало.

— Ну что ж, посмотрим, сможет ли она меня ужалить.

— Хорошо, — сказал Нахун и, повернув, пошел вдоль утеса, пока не достиг тропки, которая, петляя, сбегала вниз.

По этой тропке они спустились на травянистую полоску земли и направились к хижине, обнесенной невысокой тростниковой изгородью. Небольшой двор был покрыт плотно утрамбованной землей, скрытой с муравейника. Посреди него, у круглого входа в хижину, скорчившись, сидела сама Пчела. В густой тени Хадден разглядел ее не сразу. Она куталась в засаленный, рваный каросс из дикой кошки; видны были лишь ее глаза, зоркие и яростные, как у леопарда.

У ее ног тлел небольшой костер; он как бы замыкал полукруг черепов, разложенных попарно — так, что казалось, они переговаривались друг с другом; на хижине и на изгороди висело множество костей, также, видимо, человеческих.

«Я вижу, старуха разукрасила свое жилище, как принято у всех этих ведьм», — мысленно усмехнулся Хадден, но вслух ничего не сказал.

Молчала и иньянга, не сводя с его лица своих круглых, похожих на большие бусины, глаз. Хадден попробовал отплатить ей той же монетой, уставившись на нее немигающим взглядом, но вскоре понял, что проигрывает в этом необычном поединке. Мысли у него спутались, зато странно разыгралось воображение: ему чудилось, будто перед ним сидит громадный, ужасный паук, подстерегающий добычу, и будто эти кости —

останки его жертв.

— Почему ты молчишь, Белый человек? — наконец произнесла она медленно и отчетливо. — А впрочем, я и так могу прочесть твои мысли. Ты думаешь, что вместо прозвища Пчела мне куда более подошло бы Паучиха. Но ты ошибаешься: этих людей убила не я. Мертвецов тут и так хватает. Я сосу мысли, а не тела, Белый человек. И люблю заглядывать в сердца живых: там я могу почерпнуть истинную мудрость. Что бы ты хотел узнать у Пчелы, которая неустанно трудится в этом Саду Смерти — и что привело сюда тебя, сын Зомбы? Почему ты не в своем полку Умситую, ведь он сейчас готовится к великой войне — последней войне между белыми и черными, — а если у тебя нет желания воевать, почему ты сейчас не вместе со своей высокой красавицей Нанеа?

Нахун ничего не ответил, но Хадден сказал:

— Я хотел бы задать тебе один пустяковый вопрос, Мать. Повезет ли мне на охоте?

— На охоте, Белый человек? А за чем ты охотишься? За дичью, богатством или же за женщинами? Я знаю, ты вечный охотник; таково уж твоё предназначение: охотиться — или служить дичью для других. Скажи мне, зажила ли рана у того лавочника, которого ты пырнул ножом в городе мабуна (буров). Можешь не отвечать, Белый человек, я и так знаю; но какое вознаграждение ты дашь бедной гадалке? — добавила она хнычущим тоном. — Ты же не допустишь, чтобы старая женщина работала просто так, без всякой платы!

— У меня нет для тебя ничего, Мать, поэтому я лучше пойду, — сказал Хадден, достаточно уже убедившийся и в наблюдательности Пчелы и в ее умении читать чужие мысли.

— Ну уж нет, — ответила она с неприятным смешком, — если ты задал мне вопрос, то должен получить и ответ. Сейчас я не возьму с тебя ничего, Белый человек; рассчитаешься в другой раз. — И она снова засмеялась. — Я должна посмотреть тебе в лицо, хорошенько посмотреть тебе в лицо, — продолжала она, поднимаясь и подходя к нему ближе.

Вдруг что-то холодное прикоснулось к затылку Хаддена, и в следующий миг Пчела отпрянула от него, зажимая между большим и указательным пальцами срезанный локон темных волос. Она проделала это так молниеносно, что у него даже не было времени ни увернуться, ни возмутиться — он только стоял и смотрел с глупым видом.

— Это все, что мне надо! — воскликнула она. — Черной магией я не занимаюсь — лишь белой — белой, как и мое сердце... погоди, сын Зомбы, дай-ка мне и твой локон, ибо все, кто посещает Пчелу, должны

выслушать ее жужжание.

Нахун послушно срезал клочок волос острием своего асsegая. Сделал он это с явной неохотой, но отказаться не посмел.

Пчела поправила каросс и, нагнувшись, подбросила в костерок какие-то травы из висевшей у нее на поясе сумки. Ее фигура еще не утратила своей гибкости и стройности, и на ней не было никаких отвратительных амулетов, которые Хадден привык видеть на ворожеях. Только на шее у нее висело необычное украшение — живая красно-зеленая змейка, одна из самых ядовитых, какие водятся в этих краях. Ворожеи банту нередко украшаются такими змейками, хотя никто не может сказать, удалены у них ядовитые клыки или нет.

Травы затлелись, от них потянулась тонкая прямая струйка дыма, который, растекаясь, окутывал голову Пчелы наподобие прозрачного голубоватого покрывала. Быстрым движением она бросила оба локона на горящие травы; локоны тут же свернулись, как живые, и рассыпались горстками пепла. Затем она открыла рот и глубокими вдохами стала втягивать в себя дымок от волос и трав; змейка же сердито зашипела, полезла вверх и спряталась среди черных перьев саккабола на голове у иньянги.

Курения постепенно оказывали свое одурманивающее действие: иньянга, что-то шепча, раскачивалась взад и вперед, потом бессильно откинулась к стенке хижины, головой на соломенную кровлю. Лицо Пчелы было обращено теперь вверх, к свету, и на него было страшно смотреть: оно все посинело, глаза запали, как у покойницы, а надо лбом колыхалась и шипела змейка, напоминая урей на челе статуй египетских царей. Секунд через десять Пчела заговорила глухим и неестественным голосом:

— О человек с прекрасным белым телом, я заглянула в твое сердце и увидела, что оно черно, как спекшаяся кровь. О человек с прекрасным белым телом и черным сердцем, ты найдешь себе добычу, и, когда будешь ее преследовать, она заведет тебя в Дом Бездомных, в Дом Мертвых, и будет она в облике быка, и будет она в облике тигра, и будет она в облике женщины, которую не могут погубить ни воды, ни короли. О человек с прекрасным белым телом и черным сердцем, ты сполна получишь все тобой заработанное, монету за монету, удар за удар. Вспомни о моих словах, когда на груди у тебя зарычит пятнистая кошка; вспомни о моих словах в самой гуще битвы; вспомни о моих словах, когда ты получишь свою великую награду, когда столкнешься лицом к лицу с призраком в Доме Мертвых.

О человек с черным телом и белым сердцем, — продолжала она, —

заглянула в твое сердце; оно бело, словно молоко; молоко чистоты и спасет его. Глупец, зачем ты нанесешь свои удары? Зачем защитишь того, кого возлюбил тигр и чья любовь — словно любовь тигра? О, чье это лицо мелькает в толпе сражающихся? Преследуй же его, преследуй, о быstroногий, но будь осмотрителен; язык, однажды солгавший, не станет молить о пощаде, и рука, однажды предавшая, не дрогнет в смертельной стычке. Что такое смерть, о Белое Сердце? Смерть — продолжение жизни, в царстве мертвых ты обретишь утраченную жизнь, ибо там тебя ждет та, которую не могут погубить ни короли, ни воды.

Голос Пчелы мало-помалу становился все тише и тише, пока наконец не стал еле слышен. Затем он замолк; транс, видимо, перешел в сон. Хадден слушал ее с цинично-язвительной улыбкой, теперь он рассмеялся.

— Над чем ты смеешься, Белый человек? — сердито спросил Нахун.

— Над собственной глупостью: потерять так много времени, слушая эту лгунью и обманщицу, которая нагородила столько чепухи!

— Это не чепуха, Белый человек.

— Да? Тогда объясни мне, что все это означает.

— Пока еще не могу, но она говорила о женщине, о леопарде и о твоей и моей судьбе.

Хадден пожал плечами, не желая продолжать этот никчемный, по его мнению, спор; в это мгновение Пчела, дрожа, пробудилась, пересадил змею обратно на шею и вновь укуталась в засаленный каросс.

— Удовлетворен ли ты моим предсказанием, инкosi? — спросила она Хаддена. — Не сомневаешься ли ты в моей мудрости?

— Я не сомневаюсь в том, что ты одна из искуснейших обманщиц, Мать, во всем Зулуленде, — холодно ответил он. — За что же тут платить?

Пчела, казалось, не обиделась на эти грубые слова, хотя на миг ее взгляд стал странно похож на взгляд змейки, разозленной едким дымком.

— Уж если белый господин говорит, что я обманщица, стало быть, так оно и есть, — согласилась она. — Кто-кто, а уж он-то должен распознавать обманщиков с первого взгляда. Я уже говорила, что не прошу никакой платы; только отсыпь мне горсть табака из сумки.

Хадден открыл свою сумку из антилопьеи кожи и дал ей горсть табака. Внезапно, перехватив его руку, она впиалась глазами в золотой перстень на его безымянном пальце — в виде змеи с маленькими рубиновыми глазками.

— Я ношу змею на шее, а ты на пальце, инкosi. Хотела бы я иметь такой перстень на руке, чтобы змее на шее было не так одиноко.

— Тогда тебе придется подождать моей смерти, — сказал Хадден.

— Да, да, — нежданно обрадовалась Пчела. — Я запомню твое обещание: подожду твоей смерти и возьму перстень; никто не посмеет сказать тогда, что я его украла. Нахун подтвердит, что ты обещал его мне.

В тоне, каким были произнесены эти слова, заключалась какая-то зловещая угроза, и Хадден впервые вздрогнул. Если бы Пчела говорила в обычной манере всех ворожей, он не обратил бы на них никакого внимания; но, обуянная жадностью, она заговорила совершенно искренне, с полной убежденностью.

Заметив, что он насторожился, она тотчас же переменяла тон.

— Надеюсь, Белый господин не станет сердиться на бедную старую ворожею за ее шутку, — вновь захныкала она. — Смерть бродит вокруг, поэтому ее имя всегда у меня на устах. — И она показала глазами на полукруг черепов, а затем на водопад и мрачную котловину, на берегу которой стояла ее хижина.

— Смотри, — только и сказала она.

Следуя взглядом за ее протянутой рукой, Хадден увидел два полузасохших мимозовых дерева, росших над водопадом, почти под прямыми углами к его скалистому краю. Деревья были соединены грубым бревенчатым помостом, скрепленным сыромятными ремнями. На этом помосте стояли три фигуры; даже издали, через облако пены, можно было различить, что это два мужчины и одна девушка — их фигуры отчетливо выделялись на фоне огнисто-алого закатного неба. Через миг девушка исчезла; что-то темное мелькнуло в потоке низвергающейся воды и с глухим плеском погрузилось в бурлящую котловину; до них донесся слабый жалобный крик.

— Что это? — в изумлении и страхе спросил Хадден.

— Ничего, — засмеялась Пчела. — Неужто ты не знаешь, что здесь казнят беспутных женщин или девушек, осмеливающихся любить без позволения короля, а с ними и их любовников. Казни происходят каждый день; и каждый день я смотрю и подсчитываю число казненных. — Она вытащила палку, спрятанную в соломенной кровле, взяла нож и добавила еще зарубку ко многим, уже сделанным, пол у вопрошающе, полупредостерегающе глядя на Нахуна.

— Да, да, здесь их казнят, — пробормотала она. — Там, наверху день за днем умирают живые, а здесь, внизу, — она показала на начинающийся в двухстах ярдах от ее хижины лес, — поселяются их души. Слушай!

С темной опушки до них долетел какой-то странный, непонятный звук, в котором было что-то звериное, что-то не поддающееся определению.

— Слушай! — повторила Пчела. — Они как раз веселятся.

— Кто? — спросил Хадден. — Бабуины?

— Нет, инкosi, Амадонго, духи, приветствующие ту, что отныне присоединилась к их сонму.

— Духи? — грубо повторил Хадден, ибо он был недоволен собой, тем, что потерял самообладание. — Хотел бы я видеть этих духов. Неужели ты думаешь, Мать, что я никогда не слышал, как орут обезьяны в лесу. Пошли, Нахун; пока еще светло, мы должны взобраться на утес. Прощай, Мать.

— Прощай, инкosi; можешь не сомневаться, что твое заветное желание исполнится. Ступай себе с миром, инкosi, — чтобы почить в мире.

Глава III. Конец охоты

Несмотря на благопожелание Пчелы, Филип Хадден почти не сомкнул глаз в эту ночь. Физически он чувствовал себя хорошо, совесть как обычно его не беспокоила, и все же ему не спалось. Стоило закрыть глаза, как перед ним вставал образ угрюмой иньянги, так странно прозванной Пчелой, и в его ушах звучали ее зловещие слова. Человек он был не робкого десятка, не суеверный, едва ли даже допускал возможность существования сверхъестественного. И все же он не мог отделаться от странного опасения, что в прорицании этой ведьмы есть какие-то зерна истины. Что если и впрямь ему угрожает скорая смерть, что если это сердце, с такой силой бьющееся в его груди, скоро навсегда замрет — нет, нет, он не хочет даже допустить такой мысли. Просто его угнетает это мрачное место, он никак не может забыть ужасное зрелище, которое в тот день видел. Обычаи этих зулусов не слишком-то приятны для европейцев; он был полон решимости как можно быстрее покинуть их страну.

Да что там — он попробует бежать сегодня же ночью. Надо только убить буйвола или какую-нибудь другую крупную дичь. Все охотники нажрут так, что с трудом смогут двигаться, — тогда-то и самое время. Только Нахун, возможно, устоит против этого соблазна, чтобы избавиться от него, приходится рассчитывать лишь на свою удачу. В худшем случае не останется ничего, кроме как его пристрелить, и тут у него есть оправдание, ведь этот человек — приставленный к нему тюремщик. Случись такая необходимость, он, Хадден, даже не испытает особых угрызений совести: честно сказать, он недолголюбивает, а временами и откровенно ненавидит зулуса. Они — полные противоположности, он хорошо знает, что и рослый воин относится к нему с недоверием и даже с презрением; подумать только, какой-то дикий «ниггер» смотрит на него сверху вниз — такого его гордость не может переварить!

С первыми проблесками зари Хадден встал и разбудил остальных охотников, которые все еще спали вокруг догорающего костра, завернувшись в кароссы или одеяла. Нахун встал и размялся; среди утренних теней он выглядел настоящим великаном.

— Почему ты вскочил в такую рань, еще до восхода солнца, умлунгу (Белый человек)?

— Потому что пора отправляться на охоту, мунтумпофу (Желтый человек), — холодно ответил Хадден. Его раздражало, что этот дикарь не

употребляет какого-нибудь почтительного обращения.

— Прости, — сказал зулус, угадав причину его досады, — но я не могу называть тебя «инкоси», потому что ты не мой вождь, но если тебе кажется оскорбительным обращение «Белый человек», мы придумаем тебе какое-нибудь имя.

— Как хочешь, — сухо процедил Хадден.

С тех пор его стали называть «Инхлизин-мгама»; и Хадден отнюдь не был польщен, когда узнал, что эти мягко звучащие слова означают «Черное Сердце». Так его называла и иньянга, только в других словах.

Через час они были уже в болотистой лесной местности за стоянкой, в поисках добычи. Почти сразу же Нахун поднял руку, затем показал на землю. Хадден присмотрелся: судя по глубоким следам, не более десяти минут назад здесь прошло небольшое стадо буйволов.

— Я знал, что сегодня мы найдем дичь, — шепнул Нахун. — Так предсказала Пчела.

— К черту Пчелу! — вполголоса выругался Хадден. — Пошли!

Более четверти часа они продирались через густой тростник; внезапно, присвистнув, Нахун тронул Хаддена за руку. Тот поднял глаза — в двухстах ярдах от них, на небольшом бугорке, среди мимозовых деревьев, паслись буйволы. Их было шесть — старый бык с великолепными рогами, три коровы, телка и четырехмесячный теленок. Ни ветер, ни характер местности не позволяли подкрасться к ним незамеченными, поэтому охотники сделали крюк в полмили и осторожно поползли против ветра, от мимозы к мимозе, а когда роща кончилась, под прикрытием высокой травы тамбути. Наконец они подобрались к стаду на сорок ярдов, двигаться дальше было опасно. Хотя старый бык и не учуял их, по его движениям чувствовалось, что он уловил какой-то подозрительный шорох и насторожился. Телка стояла боком к Хаддену, совсем близко от него, — превосходная мишень. Он поднял свой martini — из всей группы вооружен был он один — прицелился чуть позади лопатки и медленно нажал спусковой крючок. Прогредел выстрел — и телка упала, пораженная прямо в сердце. Стадо, как ни странно, не обратилось в бегство. Буйволы, видимо, не могли понять причину внезапного грохота, и не чуя никаких посторонних запахов, подняли головы и оглядывались.

Хадден воспользовался их замешательством, чтобы перезарядить ружье и выстрелить в старого быка. Пуля попала ему в шею или в плечо, он рухнул на колени, но тут же вскочил и бросился прямо на пороховое облачко. Что-то — то ли дым, то ли что-то другое — помешало Хаддену увидеть его; бык неминуемо растоптал бы его или поднял на рога, если бы,

рискуя своей жизнью, Нахун не прыгнул вперед и не оттащил его в сторону, за высокий муравейник. Громадное животное с громким топотом промчалось мимо и исчезло вдали.

— Вперед! — приказал Хадден, и, оставив большинство охотников свежевать и разделявать телку, чтобы затем отнести все лучшее мясо на стоянку, они двинулись по кровавому следу.

После нескольких часов преследования, пробираясь через каменистое, поросшее кустами место, они потеряли след и, утомленные, все в поту, присели отдохнуть и поесть билтонга (вяленого мяса), захваченного ими с собой. Покончив с едой, они хотели было вернуться на стоянку, когда один из четырех зулусских охотников спустился, чтобы попить воды, к ручью, протекавшему в каких-то десяти шагах от них. Через полминуты они услышали устрашающее фыркание и плеск и увидели, как зулус взлетел высоко в воздух. Оказалось, что раненый буйвол лежал в засаде под густыми кустами на берегу. Хитрое животное знало, что рано или поздно настанет его черед отомстить. С растерянными криками они бросились вперед, но буйвол тут же скрылся за гребнем холма, Хадден так и не успел выстрелить; зулус-охотник был смертельно ранен: громадный рог пропорол ему легкое.

— Это не буйвол, а сам дьявол, — сказал охотник перед смертью.

— Дьявол он или нет, я все равно его убью! — вскричал Хадден. И вместе с Нахуном бросился в погоню: остальные понесли тело своего убитого товарища на стоянку. Открытая местность облегчала преследование; Хадден и Нахун часто видели убегающее животное, хотя и на слишком далеком расстоянии, чтобы можно было в него стрелять. Немного погодя они спустились с крутого утеса.

— Ты знаешь, где мы? — спросил Нахун, показывая на лес впереди. — Это Эмагуду, Дом Мертвых — смотри, буйвол бежит прямо туда.

Хадден оглянулся. Нахун не ошибался, слева от них были водопад, Котловина Смерти и хижина Пчелы.

— Ну что ж, — отозвался он, — стало быть, и наш путь туда.

Нахун остановился.

— Неужели ты войдешь в этот лес?

— Конечно, — ответил Хадден. — Но если ты трусишь, можешь остаться здесь.

— Да, я боюсь — духов, — сказал зулус. — Но все равно пойду с тобой.

Они пересекли полоску травянистой земли и вошли в заколдованный лес. И мрачное же это было место: большие, с широкими кронами деревья

росли так густо, что полностью застилали небо; воздух был напитан тяжелым запахом гниющей листвы. Тишина здесь стояла мертвая и, казалось, нет ничего живого, лишь изредка с треском падал подгнивший сук и какая-нибудь пятнистая змея, извиваясь, торопливо уползала прочь.

Но Хадден был чересчур увлечен погоней за буйволом, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Он только отметил про себя, что в таком сумраке нетрудно и промазать, и зашагал дальше.

Они углубились в лес на добрую милю, когда увидели, что пятна крови на земле становятся все гуще и гуще; было ясно, что бык ранен смертельно.

— Побежали, — весело сказал Хадден.

— Нет, хамба гачле — пошли медленней, — возразил Нахун. — Дьявол при последнем издыхании, но он может еще сыграть с нами злую шутку. — Дальше он шел, пристально вглядываясь вперед.

— Он где-то здесь, — сказал Хадден, показывая на уходящие прямо вперед глубокие отпечатки в топкой почве.

Нахун ничего не ответил: он пристально смотрел на два дерева прямо перед ними, чуть правее.

— Смотри, — шепнул он.

Приглядевшись, Хадден заметил огромную коричневую тушу за стволами.

— Сдох! — воскликнул он.

— Нет, — ответил Нахун, — он вернулся по своему же собственному следу и подстерегает нас. Он знает, что мы его преследуем. Я думаю, ты мог бы отсюда попасть ему в хребет; стреляй между стволов.

Хадден опустился на колено, очень тщательно прицелился и выстрелил. В ответ послышался оглушительный рев, буйвол вскочил и бросился на них. Нахун метнул свое копье с широким наконечником — оно вонзилось глубоко в грудь быку. Затем и белый и черный бросились бежать в разные стороны. Какое-то мгновение буйвол стоял неподвижно, опустив голову, глядя поочередно вслед то одному, то другому, затем с тихим мычанием повалился наземь, в своем падении сломав на несколько кусков асsegай Нахуна.

— Сдох-таки! — облегченно вздохнул Хадден. — Наверно, твое копье добило его. Что это за шум?

Нахун прислушался. В различных частях леса, трудно было сказать, далеко ли, близко, слышались странные, непонятные звуки — как будто перекликались испуганные люди, но в этой перекличке нельзя было разобрать ни одного членораздельного слова. Нахун вздрогнул.

— Это Эсемкофу, — сказал он, — безязыкие духи, которые могут только хныкать как дети. Пошли отсюда — это плохое место для смертных.

— И еще худшее для буйволов, — сказал Хадден, пиная поверженного быка, — но боюсь, нам придется оставить его здесь для твоих друзей, Эсемкофу, так как у нас уже достаточный запас мяса, а его голову нам не дотащить.

Они стали выбираться из леса. Пока они петляли среди деревьев, Хаддена осенила новая мысль. От этого леса какой-нибудь час быстрой ходьбы до зулусской границы; и он почувствует себя в куда большей безопасности, если пересечет эту границу. До сих пор он предполагал бежать ночью, но то был рискованный план. Рассчитывать, что все зулусы, объевшись, тут же уснут, — особенно после смерти их товарища — не приходилось; Нахун же не спускал с него глаз ни днем, ни ночью.

Что ж, если другого выхода нет, Нахун должен умереть — у него в руках заряженное ружье, а у зулуса нет даже копья, только дубина. Конечно, не хочется его убивать, но на карту поставлена его, Хаддена, жизнь, так что оправдание у него есть — и достаточно веское. Почему бы не сказать об этом самому Нахуну, а там уже действовать сообразно с обстоятельствами.

Нахун как раз шел по небольшой лужайке, шагах в десяти впереди, и Хадден очень хорошо его видел, тогда как сам он был в тени большого дерева с низко нависающими ветвями.

— Нахун, — позвал он.

Зулус повернулся и сделал шаг вперед.

— Прошу тебя, не двигайся. Стой, где стоишь, не то я вынужден буду тебя застрелить. Не бойся, стрелять без предупреждения я не буду. Я твой пленник, и тебе велено отвести меня обратно к королю. Но я уверен, что между твоим и моим народом вот-вот разгорится война; поэтому, как ты сам понимаешь, я не хочу возвращаться в крааль Сетевайо: там меня убьют твои соотчичи, или же мои собственные соотчичи сочтут меня предателем и поступят со мной соответственно. Отсюда до зулусской границы всего час ходьбы — самое большее, полтора часа: я должен пересечь ее еще до восхода луны. Ты можешь сказать, Нахун, что потерял меня в лесу, и начать поиски через полтора часа, или ты предпочитаешь остаться с этими духами, о которых ты мне рассказывал. Ты понимаешь? Только не двигайся.

— Я понимаю тебя, — не теряя хладнокровия, ответил зулус. — Тебе очень подходит имя, которое мы дали тебе сегодня утром, хотя я и должен признать, Черное Сердце, что твои слова не лишены здравого смысла.

Возможность и в самом деле благоприятная, — и человек с таким, как у тебя именем, конечно же, ее не упустит.

— Я рад, что тыходишь в мое положение, Нахун. Итак ты скажешь, что потерял меня, и не будешь искать до восхода луны? Обещаешь?

— Что ты хочешь сказать, Черное Сердце?

— То, что говорю. Решай, у меня нет лишнего времени.

— Станный ты человек, — задумчиво произнес зулус. — Ты же слышал, что повелел король; как же я могу нарушить его повеление?

— Почему бы и нет? Тебе не за что любить Сетевайо, и какая тебе разница, вернусь ли я в королевский крааль, чтобы чинить его ружья, или нет! Если же ты опасаясь его гнева, мы можем пересечь границу с тобой вместе.

— Чтобы король выместил свою злобу на моем отце и братьях? Нет, ты не понимаешь, Черное Сердце. Да и как можно понять, с таким именем? Я воин, а королевское слово есть королевское слово. Я надеялся умереть в честном бою, но пойман, как птица, в твои силки. Стреляй же — или ты не успеешь добраться до границы до восхода луны. — И он с улыбкой развел руки.

— Ну что ж, значит, так тому и быть. Прощай, Нахун, ты смелый человек, но каждый заботится в первую очередь о своей шкуре, — спокойно ответил Хадден.

Он не спеша поднял ружье и тщательно прицелился в грудь зулуса.

Нахун стоял, по-прежнему улыбаясь, хотя губы его и подрагивали, ибо самый отважный человек не может подавить страх смерти — палец Хаддена уже начал нажимать спусковой крючок, как вдруг, словно сраженный молнией, он повалился навзничь: на груди у него, помахивая длинным хвостом и свирепо сверкая глазами, стоял огромный пятнистый зверь.

То был леопард — тигр, как их называют в Африке, — он прятался на дереве и не удержался от искушения напасть на стоявшего внизу человека. Несколько мгновений тишину нарушало лишь порывкивание или, вернее, пофыркивание леопарда. И странное дело — в эти мгновения перед мысленным оком Хаддена неотступно стояла иньянга по прозвищу Инйоси, или Пчела; голова откинута на соломенную крышу, губы шепчут: «Вспомни о моих словах, когда на груди у тебя зарычит пятнистая кошка», — и от всего ее облика веет холодом смерти.

Зверь пустил в ход всю свою мощь. Когтями одной лапы он впился глубоко в мышцы левого бедра Хаддена, другой лапой содрал с его груди одежду и процарапал на обнаженной груди кровавые борозды. Зрелище

белой кожи, казалось, привело его в полное бешенство; объятый яростной жаждой крови, он опустил свою квадратную морду и вонзил клыки в плечо своей жертвы. Но тут послышался топот ног и глухой стук тяжелой дубины, обрушившейся на леопарда. С гневным рычанием леопард поднялся на задние лапы, не уступая вышиной нападающему на него зулусу. Он замахал своими грозными лапами, готовый расправиться с черным человеком, как только что расправился с белым. Но тот нанес сокрушительный удар дубиной по его челюстям, и он опрокинулся навзничь. Прежде чем зверь успел подняться, дубина вновь с ужасающей силой обрушилась на его загривок и парализовала его. Леопард щелкал клыками, корчился, извивался, взрывал землю и груды листьев, но удары сыпались на него один за другим; наконец он судорожно рванулся в последний раз, сдавленно зарычал — и затих, а из его раскрошенного черепа вытекли мозги.

Хадден присел, весь в крови.

— Ты спас мне жизнь, Нахун, — тихо проговорил он. — Спасибо.

— Не благодари меня, Черное Сердце, — ответил зулус. — Король повелел оберегать тебя; я только выполнял его повеление. И все же этот тигр не заслужил такой участи; ведь он спас мою жизнь. — Он поднял и разрядил мартини.

И в этот миг Хадден потерял сознание.

Прошло двадцать четыре часа; все это время Хадден как будто провел в беспокойном, тревожном сне, если и слышал голоса, то не понимал, о чем они говорят; впечатление было такое, словно он куда-то, неведомо куда плывет. А когда наконец он очнулся, то увидел, что лежит на кароссе в большой, удивительно чистой кафрской хижине; и под головой у него вместо подушки — охапка мехов. Рядом стояла чаша с молоком; сжигаемый жгучей жаждой, он потянулся к ней, но, к его удивлению, рука бессильно упала на пол, точно рука покойника. Нетерпеливо оглядевшись, он не увидел никого, кто мог бы ему помочь, оставалось только лежать спокойно. Уснуть он не уснул, но глаза его закрылись, его охватило легкое забытие, затуманивая вернувшееся сознание. И тут он услышал мягкий голос, голос как будто звучал далеко-далеко, но он отчетливо слышал каждое слово.

— Черное Сердце все еще спит, — проговорил голос, — но его лицо чуть порозовело: скоро он проснется и придет в себя.

— Не бойся, Нанеа; конечно, он проснется, не такие уж опасные у него раны, — ответил знакомый голос Нахуна. — Он сильно ударился головой,

когда его опрокинул леопард, поэтому он так долго в беспамятстве. Если он не умер до сих пор, значит, не умрет.

— Было бы очень жаль, если бы он умер, — продолжал мягкий голос. — До чего же он красив, никогда не видела такого красивого белого.

— А вот я что-то не замечал его красоты, когда он целился в мое сердце, — мрачно возразил Нахун.

— В его оправдание можно сказать, что он хотел бежать от Сетевайо. И я его хорошо понимаю, — послышался долгий вздох. — К тому же он предложил тебе бежать вместе с ним, и ты поступил бы вполне разумно, если бы принял его предложение. Мы могли бы бежать все вместе.

— Это невозможно, Нанеа, — сердито произнес Нахун. — Как я могу нарушить повеление короля?

— Короля? — повторила она, повышая голос. — Разве у тебя есть какой-нибудь долг перед ним? Ты служил ему верой и правдой; в награду за это через несколько дней он отнимет меня у тебя, а ведь я должна была стать твоей женой; но вместо этого я... я... — И она тихо заплакала, продолжая вставлять между всхлипываниями: — Если бы ты и в самом деле любил меня, ты думал бы больше обо мне и о себе, чем о Черном Слоне и его повелениях. Бежим же с тобой в Наталь, прежде чем это копье пронзит мою грудь.

— Не плачь, Нанеа, — сказал он, — мое сердце и так разрывается надвое между любовью и долгом. Ты знаешь, что я воин и должен идти путем, который указывает мне король. И я надеюсь, что скоро умру, ибо я ищу смерти, — лишь тогда я обрету мир и покой.

— Ты-то, может быть, и обретешь, Нахун, но что будет со мной? И все же ты прав, я знаю, ты прав; прости меня; я не воин, а женщина, чей долг повиноваться... королевской воле. — Она обвила его шею руками и долго рыдала у него на груди.

Глава IV. Нанеа

Бормоча что-то невнятное, Нахун выполз из хижины через круглое, похожее на леток дверное отверстие. Хадден открыл глаза и осмотрелся. Солнце садилось, и его последние лучи, проникая внутрь, разливались ласковым алым мерцанием. В самом центре хижины, опираясь спиной о закопченный столб из тернового дерева, в свете заката стояла Нанеа — воплощение кроткого отчаяния.

Как и многие зулуски, Нанеа была очень хороша собой — так хороша, что с первого взгляда на нее у Хаддена перехватило горло. Одета она была очень просто: на плечах — накидка из мягкой белой ткани, отделанной голубым бисером, на поясе — муча из оленьей шкуры, также отделанная голубым бисером, на лбу и левом колене — полосы серого меха, а на правом запястье — сверкающий медный браслет. Ее высокая обнаженная фигура была сложена необыкновенно пропорционально; лицо даже отдаленно не походило на лица туземок; в нем чувствовалось древнее арабское или семитское происхождение. Оно было овальной формы, с благородными орлиными чертами, с изогнутыми дугой бровями, полным ртом, слегка опущенным книзу по краям, с маленькими ушами, за которыми волнами спадали на плечи угольно-черные волосы, и с самыми прелестными, живыми, темными глазами, какие только можно себе вообразить.

С минуту Нанеа стояла неподвижно; ее лицо рдело в лучах заходящего солнца; и Хадден просто упивался ее красотой. Затем, с тяжелым вздохом, она отвернулась, и заметив, что он пробудился, быстрым движением прикрыла грудь и подошла, вернее, подплыла, ближе.

— Вождь проснулся, — сказала она с присущей ей мягкостью голоса. — Не подать ли ему чего-нибудь?

— Да, красавица, — ответил он, — я хочу пить, но слишком слаб, чтобы дотянуться до молока.

Она опустила на колени и, поддерживая его голову левой рукой, правой поднесла чашу к губам. За то недолгое время, пока Хадден пил, с ним случилось нечто неожиданное и необъяснимое. Трудно сказать, что на него повлияло так сильно: прикосновение ли девушки, ее необычная смуглая красота или же нежная жалость в ее глазах, а может быть, и все вместе. Она задела какую-то тайную струну в его бурном, необузданном сердце, и его вдруг захлестнула страсть, не слишком, может быть,

возвышенная, но вполне реальная. Ни на один миг не усомнился Он в значении того потока чувств, который затопил все его существо. С чем-чем, а с фактами Хадден умел считаться.

«Клянусь Небом, — сказал он себе, — я влюбился в эту черную красотку с первого взгляда — просто без ума от нее; такого со мной никогда еще не бывало. Положение трудное, но в конце концов во всем есть свои хорошие стороны. Для меня, конечно. Но не для Нахуна или Сетевайо, или их обоих. Ну, а если она мне надоест, я всегда могу от нее отделаться».

Обессиленный приливом волнения, он прилег на меховую подушку и смотрел, не отрывая глаз, на Нанеа, пока она смазывала нанесенные леопардом раны каким-то снадобьем.

Казалось, то, что происходило в его душе, в какой-то степени передалось и девушке. Рука ее слегка задрожала и, быстро закончив врачевание, она встала с колен, вежливо сказала: «Я сделала все, что нужно, инкоси», — и заняла прежнее место у столба.

— Благодарю, госпожа, — сказал он, — у тебя добрые руки.

— Не зови меня госпожой, — ответила она, — я всего-навсего дочь вождя Умгоны.

— И зовут тебя Нанеа, — продолжал он. — Не удивляйся, я уже слышал о тебе. Но ведь ты станешь важной госпожой, если займешь место в краале короля.

— Увы! увy! — вздохнула она, закрывая лицо руками.

— Не огорчайся, Нанеа, как бы высока и густа ни была изгородь, сквозь нее или через нее всегда можно перебраться.

Опустив руки, она внимательно на него посмотрела, но он не стал развивать свою мысль.

— Скажи мне, Нанеа, как я здесь очутился.

— Тебя принес Нахун вместе с другими охотниками, инкоси.

— Я начинаю испытывать благодарность к леопарду, который сшиб меня с ног. Нахун — смелый человек, ему я обязан спасением. Надеюсь, я смогу заплатить свой долг — тебе, Нанеа.

Такова была первая встреча Нанеа и Хаддена, но хотя девушка не искала новых встреч, само положение, в котором они находились, и его болезнь требовали частого общения. Белый человек был полон решимости завладеть так понравившейся ему туземной девушкой и не колеблясь пустил в ход все свое обаяние, чтобы отвратить от Нахуна и привлечь к себе ее сердце. Ухаживал он без всякой грубости, действовал вкрадчиво, стараясь оплести ее паутиной лести и внимания. И он, без сомнения,

добился бы своей цели, ведь Нанеа была только женщиной, к тому же еще и неопытной, — если бы не одно простое, но непреодолимое препятствие. Она любила Нахуна, и в ее сердце не оставалось места ни для одного другого мужчины, белого или черного. Ее отношение к Хаддену было вежливым и добрым, не более того; она, казалось, даже не замечала его постоянных усилий отвоевать себе уголок в ее душе. Сначала он был в недоумении, но потом вспомнил, что зулуски никогда не проявляют своих чувств по отношению к поклонникам, до их откровенного объяснения. Необходимо было объясниться.

Придя к этому решению, он постарался выполнить его при первой же возможности. К тому времени он уже окончательно оправился от ран и часто разгуливал вокруг крааля. В двухстах ярдах от хижины Умгоны начинался ручей, и по вечерам Нанеа обычно ходила туда за питьевой водой. Тропа от крааля к ручью пролежала через рощу, и однажды перед закатом, увидев, что Нанеа спустилась к ручью, Хадден уселся там под деревом. Через четверть часа Нанеа появилась с большой тыквенной бутылкой на плече. Чтобы не забрызгать свою накидку, она оставила ее дома и была в одной муче.

Хадден смотрел, как, упершись руками в бедра, она поднимается по тропе; ее великолепная нагая фигура четко вырисовывалась на фоне вечеряющего неба. Он не знал, с чего начать разговор. Но случай помог ему: когда Нанеа была уже совсем близко, перед ее ногами скользнула змея, она в испуге отпрыгнула назад и уронила калекбас. Он подошел и подобрал его.

— Подожди здесь, — сказал он, смеясь, — я наполню его водой и принесу.

— Нет, инкоси, — запротестовала она, — это женское дело.

— У нас, — сказал он, — мужчины с удовольствием помогают женщинам. — И оставив ее в нерешимости, направился к ручью.

Возвращаясь, он пожалел о своей галантности: нести тыквенную бутылку на плече оказалось делом нелегким, и он выплеснул часть ее содержимого на себя.

— Вот твой калекбас, Нанеа; хочешь, я донесу его до крааля?

— Нет, благодарю тебя, инкоси; отдай его мне, для тебя он слишком тяжел.

— погоди, я провожу тебя. Я еще очень слаб, Нанеа; если бы не ты, я бы, конечно, не выжил.

— Тебя спас Нахун, а не я, инкоси.

— Нахун спас мое тело, но мою душу спасла ты.

— Ты выражаешься чересчур туманно, инкоси.

— Тогда буду говорить прямо, Нанеа. Я люблю тебя.

Ее карие глаза изумленно открылись.

— Ты, белый господин, любишь зулусскую девушку? Да как это может быть?

— Не знаю, Нанеа, но это правда, и не будь ты слепа, ты давно бы уже это заметила. Я люблю тебя и хочу на тебе жениться.

— Это невозможно, инкоси, я уже обручена.

— Да, — ответил он, — ты предназначена в жены королю.

— Нет, я обручена с Нахуном.

— Но ведь через неделю тебя отведут к королю. Не лучше ли стать моей, чем его, женой?

— Конечно, я охотнее вышла бы замуж за тебя, чем за короля, но больше всего я хочу стать женой Нахуна. Возможно, мое желание так и не исполнится, но я никогда не буду жить в королевском краале.

— Как ты сможешь противиться воле короля?

— Есть глубокие воды, где девушка может утопиться, есть деревья, на которых она может повеситься, — ответила девушка, твердо сжав губы.

— Нет, нет, Нанеа, ты слишком хороша, чтобы умереть.

— Хороша ли я или нет, я все равно умру, инкоси.

— Нет, нет, ты должна бежать со мной — я уже придумаю, как, — и стать моей женой.

Он обнял ее за талию и попытался привлечь к себе. Без всякого резкого усилия, ни на миг не роняя достоинства, девушка высвободилась.

— Благодарю за предложенную честь, инкоси, — спокойно сказала она, — но ты не понимаешь. Я жена Нахуна — принадлежу Нахуну. и пока он жив, даже не посмотрю ни на кого другого. Таков наш обычай, инкоси. Мы, зулуски, женщины простые, невежественные — не то что белые, — и если мы даем обет верности, то храним его до самой смерти...

— Да? — сказал Хадден. — Так, что же, теперь ты пойдешь и скажешь Нахуну о моем предложении?

— Нет, инкоси; зачем мне открывать ему твои тайны? Я же сказала тебе «нет», а не «да»; значит, у него нет никакого права знать об этом. — И она нагнулась, чтобы поднять калекбас.

Хадден быстро прикинул, как ему поступить, ибо ее отказ только укрепил его решимость. И тотчас же, в самых общих очертаниях, в голове у него родился замысел. Этот замысел отнюдь не отличался благородством, скорее напротив; это, может быть, остановило бы многих, но не Хаддена, который не мог допустить, чтобы над ним одержала верх простая зулуска,

и, хотя и не без сожаления, решил, что если не сможет добиться своей цели сколько-нибудь честными способами, то вынужден будет прибегнуть к способам более сомнительного свойства.

— Нанеа, — сказал он, — ты хорошая, честная женщина, — и я отношусь к тебе с уважением. Я уже признался тебе в любви, но если ты не разделяешь моих чувств, не будем продолжать этот разговор; может быть, даже лучше, чтобы ты вышла замуж за человека из твоего народа. Но за Нахуном тебе никогда не быть замужем, Нанеа; тебя заберет король, если только ему не взбредет в голову отдать тебя кому-нибудь другому; ты или станешь одной из его «сестер», либо, чтобы избавиться от него, должна будешь покончить с собой. Послушай меня, ведь я люблю тебя и желаю тебе лишь добра, поэтому и говорю так откровенно. Почему бы вам вместе с Нахуном не бежать в Наталь, где вы можете жить в полной безопасности, вдали от Сетевайо?

— Этого я и хочу, инкоси, но Нахун не соглашается. Он говорит, что между нами и белыми скоро начнется война; он не может послушаться короля и оставить армию.

— Стало быть, не очень-то он тебя любит, Нанеа; ты должна позаботиться о себе самой. Подговори отца и беги с ним вместе; я не сомневаюсь, что Нахун тотчас последует за тобой. И я тоже убегу с вами, я тоже уверен, что надвигается война, и тогда белый человек в этой стране окажется в такой же опасности, как овца, преследуемая орлами.

— Я готова бежать, инкоси, — лишь бы Нахун согласился; но без него я не убегу, останусь здесь и покончу с собой.

— Ты такая красавица и так сильно его любишь, что, конечно же, сумеешь сломить его безрассудное упрямство. Через четыре дня мы должны отправиться в королевский крааль, и если ты переубедишь Нахуна, мы сможем повернуть на юг и пересечь реку, отделяющую страну Амазулу от Наталья. Ради всех нас и прежде всего ради себя самой постарайся уговорить его. Помни, что я тебя люблю и хотел бы спасти. Постарайся же его убедить, не мне подсказывать тебе, как, но пока, прошу тебя, не говори ему, что я собираюсь бежать, не то он будет следить за мной и день и ночь.

— Я постараюсь, инкоси, — серьезно ответила Нанеа. — Благодарю тебя за доброту. И не бойся: я скорее умру, чем предам тебя. Прощай.

— Прощай Нанеа. — И он поднес ее руку к своим губам.

Поздно вечером, когда Хадден уже укладывался, он услышал негромкий стук в доску, заменявшую дверь.

— Войдите, — сказал он, открывая дверь; и при свете своего

небольшого фонаря увидел, что в хижину вползла Нанеа, а вслед за ней и громадный Нахун.

— Инкоси, — прошептала она, затворив за собой дверь, — я уговорила Нахуна; вместе с нами бежит мой отец.

— Это правда, Нахун? — спросил Хадден.

— Правда, — смущенно потупившись, ответил зулус. — Чтобы спасти эту девушку, любовь к которой изъела мне сердце, я решил пожертвовать своей честью. Но я говорю тебе, Нанеа, и тебе, Белый человек, как только что сказал Умгоне, что из этой затеи не получится ничего путного; если кто-нибудь нас предаст, мы будем схвачены и убиты...

— Вряд ли нас поймают, — обеспокоенно перебила Нанеа. — Да и кто может нас предать, кроме инкоси...

— Который вряд ли это сделает, — спокойно заметил Хадден, — ведь и он тоже намеревается бежать с вами, ибо и его собственная жизнь под угрозой.

— Да, верно, Черное Сердце, — сказал Нахун. — Иначе я ни за что не доверился бы тебе.

Хадден пропустил мимо ушей это не слишком для него лестное высказывание; обсуждение плана бегства продлилось до поздней ночи.

На другое утро Хадден пробудился от громких криков. Оказалось, приехал толстый, злобный кафрский вождь, который хотел жениться на Нанеа; не слезая со своего пони, он яростно поносил Умгону: тот-де украл у него быков и заколдовал коров, которые перестали доиться. Опровергнуть обвинение в воровстве было делом нетрудным, труднее было опровергнуть обвинение в колдовстве.

— Паршивый пес! — кричал Мапута, потрясая жирным кулаком перед самым лицом дрожащего, но полного негодования Умгоны. — Ты обещал мне отдать свою дочь, а сам обручил ее с этим умфагозаном Нахуном, сыном Зомбы, затем вы вместе оклеветали меня перед королем, восстановили его против меня, а теперь ты околдовал моих коров. Ну ничего, я еще доберусь до тебя, чертов колдун; как-нибудь утром ты проснешься, а вся твоя изгородь — в огне, и у твоих ворот стоят мои люди с копьями, тут вам всем и конец.

Все это время Нахун слушал молча, но тут он не выдержал.

— Хорошо, — сказал он, — мы еще посмотрим, чья возьмет, а пока, вождь Мапута, хамба! (Проваливай!). — И сграбастав пузатого старого негодяя за шиворот, он толкнул его с такой силой, что тот кубарем покатился вниз с холма.

Хадден рассмеялся и отправился к речке, чтобы искупаться. Он уже

подошел к берегу, как вдруг увидел, что по тропе едет Мапута — голова заляпана грязью, черное лицо посинело от злобы, губы оттопырены.

«Ну и взбеленился же этот пузан! — сказал он себе. — А что если?...» — Он поднял глаза, как бы ожидая вдохновения свыше. И вдохновение не замедлило его осенить. Но внушено оно было, без сомнения, самим дьяволом. Через несколько мгновений его замысел окончательно созрел, и он зашагал через кусты навстречу Мапуте.

— Успокойся, вождь, — сказал он, — эти люди обошлись с тобой грубо. Поддержать тебя я не мог, но это зрелище так меня огорчило, что я ушел. Да это просто стыд и срам, чтобы такую важную, почтенную особу буквально втоптывали в грязь. Да и кто? Какой-то захмелевший от пива вояка!

— Ты прав, Белый человек, — снова закипел Мапута. — Это просто стыд и срам! Но погоди, я, Мапута, еще опрокину эту скалу, еще повалю этого быка. Вот увидишь, когда созреет следующий урожай, здесь не останется ни Нахуна, ни Умгоны, ни кого-нибудь другого из их крааля, кто мог бы его собрать.

— И как же ты с ними разделаешься?

— Еще не знаю, но что-нибудь придумаю. Непременно. Хадден потрепал холку пони, перегнувшись вперед, посмотрел вождю прямо в глаза и сказал:

— А что ты мне дашь, Мапута, если я подскажу тебе, как по квитаться с этим Нахуном, который обошелся с тобой так невежливо, а заодно и с Умгоной, который и на меня наслал болезнь.

— А какой награды ты хотел бы, Белый человек? — нетерпеливо спросил Мапута.

— Я прошу не так уж многого, вождь, — хочу только заполучить девушку Нанеа, которая мне приглянулась.

— Я и сам бы не прочь заполучить девушку, но она предназначена для того, кто «обитает в Улунди».

— С тем, кто «обитает в Улунди», я как-нибудь договорюсь, вождь. В этих краях самый могущественный владыка ты, с тобой я и хочу найти общий язык. Послушай, если ты поможешь мне выполнить свое желание, я не только помогу тебе отомстить твоим врагам, но, когда девушка будет в моих руках, подарю тебе это ружье и сто патронов к нему.

Мапута посмотрел на охотничий мартини, и глазки его блеснули.

— Хорошо, — сказал он, — очень хорошо. — Я уже давно мечтаю о таком ружье для охоты и расправы с моими врагами. Обещай, что отдашь его мне, и девушка — твоя.

— Поклянись, Мапута!

— Клянусь головой Чаки и духами моих предков.

— Хорошо. На рассвете четвертого дня Умгона, его дочь Нанеа и Нахун, вместе со всем их скотом, хотят переправиться через Крокодилий брод в Наталь, чтобы спастись от преследований короля. И я вместе с ними; они знают, что я проник в их тайну и убьют меня, если я попытаюсь от них отделаться. Твой долг — охранять границу и брод; спрячься ночью со своими людьми среди скал на мелководье и поджидай нас. Впереди, погоняя коров и телят, будет идти Нанеа, так мы условились, а я буду ей помогать; Умгона и Нахун будут идти сзади, погоняя быков и телок. Ты нападешь на них, убьешь, захватишь скот, а потом я отдам тебе ружье.

— А если король потребует девушку, Белый человек?

— Ты ответишь, что впотьмах не заметил ее и она убежала; да и как, скажешь ты, было схватить ее сразу, она подняла бы крик и спугнула всех остальных.

— Да, но как я получу ружье, если ты перейдешь через брод?

— Прежде чем войти в реку, я положу ружье и патроны на камень, на берегу; Нанеа же я скажу, что вернусь за ними, когда мы перегоним скот.

— Хорошо, можешь на меня положиться, Белый человек.

Так был заключен тайный заговор; обсудив еще кое-какие подробности, заговорщики ударили по рукам и расстались.

«Все должно пройти гладко, как по маслу, — рассуждал Хадден, плавая в реке. — Вот только я не вполне доверяю нашему другу Мапуте. Лучше бы мне самому, без его помощи, избавиться от Нахуна и его почтенного дяди — пара выстрелов, и все шито-крыто. Но это было бы убийство, не хотелось бы марать руки убийством, а вот выдать двух подлых дезертиров, тем более в военное время, дело даже похвальное. К тому же мое личное участие может сильно повредить мне в глазах девушки, но если Мапута отправит на тот свет Умгону и Нахуна, ей волей-неволей придется воспользоваться моей помощью, других провожатых у нее не будет. Риск, конечно, есть, но бывают случаи, когда приходится рисковать и самым осторожным».

Случилось так, что подозрения Филипа Хаддена оправдались. Прежде чем достойный вождь добрался до своего крааля, он уже смекнул, что план, предложенный его белым сообщником, хотя и не лишен заманчивости, слишком опасен: бегство Нанеа, несомненно, сильно разгневает короля. Да и его сопровождающие могут заподозрить неладное; что если кто-нибудь из них проболтается? С другой стороны, разоблачив заговор, он сможет завоевать благорасположение Его величества; он скажет королю, что узнал

обо всем от белого охотника, которого Умгона и Нахун насильно втянули в свой заговор. Что до ружья, составлявшего предмет его вожделений, то оставалось уповать лишь на счастливую случайность.

Через час два надежных гонца уже мчались по равнине с посланием от вождя Мапуты, Стража границы, «великому Черному Слону», обитающему в Улунди.

Глава V. Котловина Смерти

Судьба странно благоприятствовала замыслам Нахуна и Нанеа. Труднее всего было усыпить бдительность воинов-охотников, посланных королем, чтобы сопровождать Хаддена. Но на другой день после появления Мапуты от короля прибыл посланец — великий воин индуна Твингвайо ка Мароло, который впоследствии командовал зулусской армией в битве при Исандхлване; он приказал всем зулусам, за исключением самого Нахуна, немедленно вернуться в их полк Умситу: полк приказано было привести в полную боевую готовность. И Нахун отослал их всех, сказав, что через несколько дней вернется с Белым человеком, еще не совсем-де оправившимся от полученных им ран. Это ни у кого не вызвало никаких подозрений.

Умгона, в свою очередь, объявил, что во исполнение королевского указа он в ближайшие же дни отправится в Улунди, чтобы доставить свою дочь Нанеа в сигодхлу и отогнать в королевский крааль пятнадцать голов скота, пригнанных ему Нахуном в качестве лоболы. Остальное свое стадо, под предлогом необходимости переменить пастбище, он передал под присмотр пастуху басуто, ничего, естественно, о его тайных планах не ведавшему, поручив ему пасти стадо около Крокодильего брода, где трава и гуще и вкуснее.

На третий день, завершив все необходимые приготовления, оставшиеся двинулись по направлению к Улунди. Через несколько миль, однако, они свернули круто направо и пошли через большой безлюдный лес. Их путь пролегал недалеко от Котловины Смерти, что находилась близ крааля Умгоны, и леса, который назывался Домом Мертвых. За ночь они рассчитывали добраться до пересеченной местности около Крокодильего брода. Здесь они предполагали скрываться весь день и всю ночь, чтобы к утру следующего дня, забрав скот, пересечь реку. Таков, во всяком случае, был замысел спутников Хаддена, но на уме у него самого, как мы уже знаем, было совсем другое; его цель заключалась в том, чтобы избавиться от двоих из его спутников.

В последний вечер их путешествия впереди, с длинной палкой из черно-белого дерева умхимбит, торопливо шагал Умгона, знавший эти места вдоль и поперек. Он гнал перед собой пятнадцать голов скота. За ним следовал Нахун, вооруженный ассегаем с широким наконечником, в одной муче и в ожерелье из бабуиновых клыков, а рядом с ним шла Нанеа в своей

белой, отделанной бисером накидке. Хадден, замыкавший шествие, видел, что девушку тяготит какое-то недоброе предчувствие, она то и дело сжимала руку своего возлюбленного и, вскидывая глаза на его лицо, что-то настойчиво, даже страстно ему внушала.

Странно, но Хадден был растроган, несколько раз его с такой силой охватывало раскаяние, что он даже подумывал, не разорвать ли паутину смерти, сплетенную его же руками. Но каждый раз внутренний голос напоминал ему, что он, белый инкosi был отвергнут этой чернокожей красоткой, и если он спасет ее нареченного, через несколько часов она станет женой дикого аристократа, который окрестил его Черным Сердцем и который его презирает; он отметал воспоминание о том, как Нахун, рискуя своей жизнью, спас его от клыков леопарда, хотя как раз перед этим он хотел его убить. Хадден никогда не отказывал себе ни в одном удовольствии; это потворство своим прихотям заводило его все глубже и глубже в трясину греха, да еще и приносило ему много разочарований, отнюдь не способствуя жизненным успехам; и сейчас он был уверен, что этот прелестный цветок никуда от него не денется — надо только протянуть руку и сорвать его. Если между ним и цветком попробует встать Нахун, тем хуже для него, а если цветок завянет в руке у него, Хаддена, невелика потеря, его всегда можно выбросить. Вот так, не первый раз в жизни, Филип Хадден подавил в себе не слишком глубокие угрызения совести и внял нашептываниям Лукавого.

Около половины пятого вечера четверо беглецов перешли поток, который через милю ниже по течению низвергался в Котловину Смерти, и, углубившись в терновую рощу на этом берегу, попали прямо в засаду: их поджидали двадцать два воина, которые, чтобы скоротать время, нюхали табак или курили данку, местную коноплю. Тут же был и сам вождь Мапуты: он был слишком тучен для ходьбы и, как всегда, восседал на пони.

Увидев, что долгожданные гости прибыли, воины выколотили трубки, убрали коробочки с нюхательным табаком, подвешивавшееся к мочкам ушей, и схватили всех четырех беглецов.

— Зачем вы задерживаете нас, о королевские воины? — дрожащим голосом осведомился Умгона. — Мы идем в крааль У'Сетевайо, почему же вы преграждаете нам путь?

— Но вы шли на юг. Разве Черный Слон обитает на юге? Сейчас мы вас отведем в другой крааль, — с грубым смехом произнес веселый начальник отряда.

— Не понимаю, — пролепетал Умгона.

— Тогда я объясню, — ответил начальник. — Вождь Мапуты донес

Черному Слону в Улунди, что вы все собираетесь бежать в Наталь. Вождя предупредил об этом Белый человек. Черный Слон разгневался и повелел схватить вас и предать казни. Вот и все. Пошли, покончим с этим делом. Котловина Смерти тут совсем рядом, страдать вам придется недолго.

Услышав эти слова, Нахун бросился к Хаддену, собираясь его задушить, но солдаты перехватили его, он так и не смог выполнить это намерение. Услышала эти слова и Нанеа; повернувшись, она посмотрела предателю прямо в глаза, ничего не сказала, только посмотрела, но он никогда, пока жив, не забудет этого взгляда. Белый человек, в свою очередь, вспылал негодованием против Мапуты.

— Подлая тварь! — прошипел он; вождь с кислой улыбкой отвернулся.

Их повели по берегу потока к водопаду, низвергающемуся в Котловину Смерти.

Хадден был человеком по-своему храбрым, но и у него дрогнуло сердце, когда он заглянул в пропасть.

— Вы что, собираетесь сбросить и меня? — хриплым голосом спросил он у начальника отряда.

— Тебя, Белый человек? — ответил тот равнодушно. — Нет, тебя приказано отвести в Улунди, но как поступит с тобой король, я не знаю. Между нашим и твоим народом скоро будет война; возможно, он велит приготовить из тебя снадобье для наших колдунов, а возможно, велит посадить тебя на кол на муравейнике, для острастки всем белым.

Хадден молча выслушал начальника; его ум уже сосредоточенно подыскивал какой-нибудь путь спасения.

Отряд с захваченными пленниками остановился около двух терновых деревьев, ветви которых нависали над водопадом.

— Кому нырять первым? — спросил начальник у вождя Мапуты.

— Первым пусть ныряет старый колдун, — ответил он, кивая на Умгону, — потом его дочь, а последним вот этот наглец. — И он ударил Нахуна наотмашь.

— Пошли, колдун, — сказал начальник, хватая Умгону за руку. — Посмотрим, какой ты ныряльщик.

Услышав эти роковые слова, Умгона, как это свойственно всем его соотчикам, сразу же обрел полное самообладание.

— Не надо меня тащить, воин, — сказал он, вырываясь, — я старый человек и готов к смерти. — Он поцеловал дочь, пожал руку Нахуну и, презрительно отвернувшись от Хаддена, поднялся на помост, соединявший два дерева. Бросив прощальный взгляд на заходящее солнце, он вдруг молча кинулся вниз.

— Смелый человек! — восхищенно воскликнул начальник отряда. — И ты тоже прыгнешь сама, девушка, или нам придется применить силу?

— Я последую за отцом, — тихо ответила Нанеа, — но сперва я хотела бы сказать несколько слов. Да, верно, мы хотели бежать от короля и, согласно закона, заслуживаем смерти; но в этот заговор нас втянул Черное Сердце, он же и предал нас. И знаете, почему? Потому что домогался моей любви, а я ему отказала; вот он и решил отомстить — такова месть белых!

— Да, — подтвердил вождь Мапута, — красавица говорит чистую правду, Белый человек договорился со мною о том, чтобы колдуна Умгону и военачальника Нахуну убили при переходе через Крокодилий брод, а ему позволили бежать с девушкой. Я поддакивал ему, соглашался, но как честный человек тут же донес обо всем королю.

— Слышите, — вздохнула Нанеа. — Прощай, Нахун. Надеюсь, мы скоро встретимся уже в другом месте. По моей вине ты нарушил свой воинский долг. Ради меня опозорил свое имя, — и вот неминуемая расплата. Прощай, мой муж, лучше умереть вместе с тобой, чем стать одной из королевских жен. — И Нанеа поднялась на помост.

Держась за сук одного из деревьев, она обратилась к Хаддену с такими словами:

— Ты, верно, думаешь, Черное Сердце, что одержал верх в этот день, но меня ты, во всяком случае, навсегда потерял — а солнце еще не зашло. За вечером наступает ночь, и я молюсь, чтобы ты вечно скитался в этой ночной тьме и чтобы тебя напоили и моей кровью, и кровью моего отца Умгоны, и кровью моего мужа Нахуна, который спас тебе жизнь ценой своей жизни. Возможно, мы еще встретимся с тобой, Черное Сердце, в Доме Мертвых.

С негромким криком Нанеа соединила руки и сильным прыжком метнулась вперед. Все воины пристально следили за ее падением. Ее тело с лету погрузилось в воду в пятидесяти футах вниз. На поверхности мрачной котловины мелькнула белая одежда и тут же скрылась среди теней и колец тумана.

— А теперь твоя очередь, муж, — прокричал веселый начальник. — Невеста уже ждет тебя на брачном ложе. Ну, и смелые же вы все люди, казнить вас — одно удовольствие. Впервые таких вижу. Ну... — Он вдруг осекся; не выдержав обрушившегося на него испытания, Нахун внезапно лишился рассудка.

С оглушительным, как рев льва, криком, он разметал державших его воинов и схватил одного из них поперек туловища. Затем с чудовищным напряжением силы поднял его, словно ребенка, и швырнул вниз, на

каменные зубья Котловины Смерти.

— А теперь твоя очередь, проклятый предатель, твоя очередь, Черное Сердце! — закричал он, бросаясь к Хаддену; глаза его вращались, изо рта струилась пена. На бегу он одним ударом свалил вождя Мапуту с его пони. Плохо пришлось бы его белому врагу, доберись до него Нахун. Но обезумевшего зулуса со всех сторон облепили воины, и как он ни сопротивлялся, повалили наземь — так по праздникам зулусские воины голыми руками валят быков перед королем.

— Бросайте его вниз, пока он не натворил еще бед, — прокричал чей-то голос.

Но начальник отряда решительно возразил:

— Нет, нет, отныне он святой человек, Небесный огонь воспламенил его ум; если мы причиним ему вред, нас всех постигнет неизбежное возмездие. Свяжите его по рукам и ногам и отнесите туда, где о нем сможет кто-нибудь позаботиться. Слишком уж все шло гладко, вот под конец и случилось такое несчастье!

Связывая Нахуна, они соблюдали величайшую бережность, ибо люди безумные почитаются у зулусов святыми. Дело это было не очень легкое и требовало много времени.

Осмотревшись, Хадден понял: вот он, благоприятный случай! Ружье лежало совсем рядом — там, где его положил один из воинов, а ярдах в двенадцати от него пасся пони Мапуты. Молниеносным движением он схватил свой мартины, еще через пять секунд он уже сидел на пони и во весь опор скакал к Крокодильему броду. Он действовал с такой стремительностью, что добрых полминуты никто из связывавших Нахуна воинов ничего не заметил. Увидел это только Мапута, он заковылял вслед за беглецом к вершине холма, громко вопя:

— Этот белый вор украл мою лошадь и ружье, которое он мне обещал.

К этому времени Хадден был уже на расстоянии ста ярдов, но когда он услышал этот вопль, его затрясло от злости. Этот человек превратил его в убийцу, хуже того, лишил его девушки, ради которой он и совершил все эти подлости. Он оглянулся через плечо — Мапута все еще преследовал его, один. Стало быть, время еще есть, можно рискнуть.

Дернув повод, он остановил пони и, держась за упряжь, спрыгнул наземь. Как он и предполагал, это была послушная, хорошо выдрессированная охотничья лошадка и она стояла неподвижно. Хадден прочно уперся ногами в землю, сделал глубокий вдох, взвел курок и прицелился в неуклюже бегущего вождя. Мапута с криком ужаса повернулся и хотел было броситься в обратную сторону. Хадден

хорошенько прицелился в его жирную спину и в это самое мгновение, когда из-за гребня появились воины, выстрелил. Стрелок он был отменный, и на этот раз ни глаз, ни рука не подвели его: широко раскинув руки, Мапута плюхнулся наземь, уже бездыханный.

Через три секунды с яростным проклятьем Хадден вскочил на пони и поскакал к реке; скоро он был уже на том берегу, в безопасности.

Глава VI. Призрак

С Нанеа, спрыгнувшей с высокого помоста в Котловину Смерти, случилось нечто совершенно неожиданное. Под крутым склоном было множество зазубренных камней, куда обрушивались низвергающиеся воды, чтобы тут же, бурля и кипя, устремиться в котловину. Об эти-то камни и разбивались несчастные жертвы, которых сбрасывали с помоста. Но Нанеа прыгнула вперед с такой силой, что перелетела через них и, как опытный пловец, погрузилась головой вниз в глубокую котловину. Она думала, что не сможет всплыть, но все же всплыла, как раз возле устья быстрой реки, куда ее тут же увлекло течение. К счастью, здесь не было скал, плавала Нанеа хорошо и благополучно избежала опасности разбиться о берег.

Течение несло ее довольно долго, пока она не оказалась в лесу, куда почти не проникал дневной свет. Нанеа ухватила за одну из низко нависающих ветвей и выбралась из реки Смерти, откуда еще никому не удавалось спастись. И вот она, тяжело дыша, стояла на берегу, живая и невредимая, без единой царапины; не пострадала даже ее накидка. Но хотя Нанеа и отделалась так благополучно, она едва стояла на ногах от изнеможения. В лесу было темно, как ночью, и, дрожа от холода, Нанеа беспомощно озиралась в поисках какого-нибудь убежища. На самом берегу росло громадное желтое дерево, Нанеа направилась туда, надеясь вскарабкаться на это дерево и устроиться среди ветвей. Таким способом она рассчитывала защититься от диких зверей. Судьба опять улыбнулась ей, на высоте нескольких футов от земли она обнаружила большое дупло, как оказалось, пустое. В это дупло она и залезла, хотя и боялась наткнуться на змею или какое-нибудь хищное животное. На ее счастье, там было не только пусто, но и просторно, тепло и даже сухо, потому что дно было на целый фут усыпано гнилушками и мхом. Она улеглась на гнилушках, покрылась мхом и листьями и скоро погрузилась в сон или забытие.

Сколько времени Нанеа проспала — она не знала; разбудили ее гортанные человеческие голоса, перекликавшиеся на непонятном ей языке. Поднявшись на колени, она выглянула наружу. Была ночь, но звезды сияли ярко, и их свет озарял открытую лужайку на берегу реки. Посреди лужайки был разложен большой костер, вокруг него стояло около десяти безобразных существ, которые с радостным видом разглядывали что-то лежащее на земле. Детей среди них не было, только взрослые мужчины и женщины, все низкорослые и почти нагие. У них были волосатые лица,

выступающие челюсти и зубы и коренастые, почти квадратные туловища. В руках они держали палки с приделанными к ним острыми камнями, нечто вроде топоров, и грубые каменные тесаки.

У Нанеа зашло сердце, она едва не лишилась чувств от страха, когда поняла, что находится в Заколдованном лесу, а эти существа, которых она видит перед собой, несомненно, Эсемкофу, обитающие здесь злые духи. Да, это они, — и все же она не могла отвести от них глаз — в этом зрелище для нее таилось ужасное очарование. Но, если они призраки, то почему поют и танцуют, как люди? Почему машут каменными топориками, ссорятся и бьют друг друга? И почему они разводят костры, как это делают все люди, когда хотят что-нибудь пожарить? Почему, наконец, они так радуются, глядя на что-то длинное и темное, неподвижно лежащее на земле? Это не голова буйвола и не крокодил, и все же это что-то съедобное, потому что они точат свои каменные тесаки с явным намерением приступить к разделке.

Пока Нанеа раздумывала над всем этим, одно из безобразных существ приблизилось к костру, взяло пылающий сук и подошло, чтобы посветить другому существу с тесаком в руке. В следующий миг Нанеа отдернула голову, с ее губ сорвался сдавленный крик. Она поняла, что именно лежит на земле — человеческое тело. Стало быть, это не духи, а людоеды, о которых в детстве рассказывала ей мать, чтобы она не забредала далеко от дома.

Но кто этот мертвый человек, которого они собираются съесть? Во всяком случае, не один из них, ибо мертвец куда больше, чем они. Неужели... неужели это Нахун, чье тело принесли в Заколдованный лес воды реки, как они принесли и ее, только живую? Наверняка это Нахун, — и они собираются сожрать ее мужа у нее на глазах! При этой мысли Нанеа охватил дикий ужас. То, что его казнили по приказу короля, вполне естественно, но чтобы его тело стало добычей людоедов! А как может она помешать их гнусному пиршеству? И все же она должна помешать — даже если это будет стоить ей жизни. В худшем случае ее тоже убьют и съедят. А после смерти Нахуна и отца Нанеа, лишенной каких бы то ни было религиозных и духовных надежд и опасений, было совершенно безразлично, останется ли она в живых или нет.

Нанеа вылезла из дупла и спокойно направилась к людоедам, даже еще не зная, что предпримет, когда подойдет ближе. Оказавшись возле костра, она вдруг осознала, что у нее нет никакого плана действий, и остановилась. В этот самый миг один из людоедов, подняв глаза, увидел высокую, статную фигуру в белом одеянии; в мерцании костра казалось, будто она то

выходит из густой темной тени, то опять скрывается в ней. Бедный дикарь, который ее увидел, держал в зубах каменный нож; широко раскрыв большие челюсти, он издал самый ужасающий, пронзительный вопль, который Нанеа когда-либо доводилось слышать. Нож, естественно, упал наземь. Когда ее заметили и остальные, лес огласили крики ужаса. Несколько мгновений лесные изгои, не шевелясь, глазели на нее; затем они, как испуганные шакалы, ринулись в ближайший подлесок. Те, кого зулусская традиция считала Эсемкофу, в своем же заколдованном доме испугались женщины, которую приняли за духа.

Бедные Эсемкофу! Они оказались жалкими, голодными бушменами, загнанными в это злое место много лет назад и вынужденными, чтобы не умереть с голоду, кормиться единственной доступной им пищей. Здесь, по крайней мере, никто их не тревожил, и так как ничего другого съедобного раздобыть в этом диком лесу они не могли, им приходилось довольствоваться тем, что приносила река. Когда казни совершались редко, для них наступали тяжелые времена — оставалось только поедать друг друга. Потому-то у них и не было детей.

Когда их нечленораздельные крики замерли вдали, Нанеа подбежала к распростертому на земле телу и испустила вздох облегчения. Это был не Нахун, а один из их палачей. Как он очутился здесь? Может быть, его убил Нахун? Может быть, Нахун сумел спастись бегством? Это было почти невероятно, и все же при виде мертвого воина в ее сердце замерцал слабый лучик надежды, ибо убить его мог только Нахун — и никто другой. Оставить мертвое тело так близко от своего убежища она не могла, поэтому, поднатужившись, спихнула его в реку, — и оно тотчас же уплыло, подхваченное быстринной. Потом, подбросив хвороста в костер, она вернулась в дупло и стала ждать рассвета.

Наконец, рассвет наступил, в лесу стало чуть светлее; к этому времени Нанеа сильно проголодалась, вылезла из дупла и отправилась на поиски хоть какой-нибудь пищи. Она тщетно проблуждала весь день и только к вечеру вспомнила, что на опушке леса есть большой плоский камень, куда люди, попавшие в беду или заподозрившие, что их самих либо что-то им принадлежащее, околдовали, приносят жертвы — съестные припасы для Эсемкофу и Амальхоси. Подгоняемая острым голодом, Нанеа торопливо направилась туда и с великой радостью обнаружила, что плоская скала завалена початками кукурузы, калекбасами с молоком, кашей и мясом. Забрав с собой, сколько могла, Нанеа возвратилась в свое логово, попила молока и поела пожаренного на костре мяса и маиса.

Почти два месяца прожила Нанеа в этом лесу, который она не

решалась покинуть, опасаясь, что ее схватят и вновь предадут казни. Здесь она, во всяком случае, была в безопасности, ибо никто из ее соотчичей не смел сюда заходить, а Эсемкофу ее больше не беспокоили. Несколько раз она их видела, но они тут же с криками пускались врассыпную. Где было их постоянное убежище — Нанеа так и не знала. Что до еды, то ее хватало с избытком: увидев, что их жертвы принимает некое, как они полагали, лесное божество, благочестивые даятели завалили плоскую скалу своими приношениями.

Это была поистине ужасная жизнь; мрак и одиночество, усугубляемое постоянным горем, доводили Нанеа до грани помешательства. И все же она продолжала жить, хотя и часто мечтала умереть. Поддерживала ее только надежда, что Нахун жив. Но надежда эта была смутная, почти ни на чем не основанная.

Когда Филип Хадден достиг цивилизованных краев, он узнал о предстоящем объявлении войны между Ее величеством и Сетевайо, королем Амазулу; в атмосфере всеобщего возбуждения никто и не вспомнил о его стычке с утрехтским лавочником, а если и вспомнил, то не счел ее достойной внимания. У него было два добротных фургона и две пары кряжистых быков; для вторжения в Зулуленд войскам был необходим транспорт; за каждый фургон интенданты готовы были платить по девяносто фунтов в месяц; в случае же потери скота возмещалась полная его стоимость. Хадден не испытывал ни малейшего желания вернуться в Зулуленд, но соблазн оказался для него непреодолим, и он сдал оба фургона внаем, одновременно предложив комиссариату свои услуги в качестве проводника и переводчика.

Его прикомандировали к третьей колонне, которая находилась под непосредственным командованием лорда Челмсфорда, и 20 января 1879 г. колонна двинулась по дороге, соединяющей Брод Рорке с лесом Индени, и в ту же ночь разбила лагерь в тени одинокой крутой горы Исандхлвана.

Еще днем большая армия короля Сетевайо, насчитывавшая больше двадцати тысяч копий, спустилась с холма Упиндо и также разбила лагерь на каменистой равнине в полутора милях к востоку от Исандхлваны. Костров воины не разжигали, тишину соблюдали полнейшую и, по зулусскому выражению, «спали на копьях».

Среди этой армии был и полк Умситу, численностью в три с половиной тысячи копий. Едва посветлело небо, индуна, возглавлявший Умситу, выглянул из-под черного щита, которым он укрывался на ночь; в густом тумане перед ним стоял исхудалый, с дикими глазами высокий

человек в муче и с тяжелой дубиной в руке. Индуна окликнул его, но не получил никакого ответа: опираясь на дубину, высокий человек оглядывал море бесчисленных щитов.

— Кто этот сильвана (дикое существо)? — спросил индуна у окружающих его начальников.

Они посмотрели на странного скитальца, и один из них ответил:

— Это Нахун, сын Зомбы, до недавнего времени один из младших начальников полка Умситуу. Его нареченную, Нанеа, дочь Умгоны, казнили вместе с отцом по приказу Черного Слона, и Нахун, который видел их казнь, помешался: его ум воспламенил Небесный огонь.

— Что тебе здесь нужно, Нахун-ка-Зомба? — спросил индуна.

— Мой полк отправляется в поход против белых, — медленно ответил Нахун. — Дай мне щит и копье, о королевский индуна, я хочу сражаться вместе со своим полком; я должен найти одного чужестранца.

Солнце было уже высоко в небе, когда на ряды Умситуу посыпался град пуль. Защищенные черными щитами и украшенные черными перьями, воины Умситуу стали подниматься, шеренга за шеренгой; за ними во всю свою ширину, вместе с флангами поднялась и огромная зулусская армия и двинулась на обреченный британский лагерь — сверкающее море копий. На щиты сыпались пули, ядра пробивали длинные бреши в рядах нападающих, но они ни на миг не останавливались. Их фланги, изгибаясь, как рога полумесяца, неотвратно охватывали британцев. Послышался могучий боевой клич зулусов, и волна за волной, с ревом, подобным реву водопада, со стремительностью налетающего шквала, с шумом, подобным жужжанию мириад пчел, — зулусская армия покатила на белых. Среди них был и полк Умситуу, заметный по его черным щитам, а вместе с полком и Нахун, сын Зомбы. Шальная пуля задела его бок, скользнув вдоль ребер, но он ничего не чувствовал; белый человек упал перед ним с коня, но он даже не остановился, чтобы пригвоздить его асsegаем, ибо искал другого.

И наконец его поиски увенчались успехом. Среди фургонов, где толпилось множество воинов с копьями, он увидел убийцу своей невесты — Черное Сердце; стоя возле коня, тот вел частый огонь по наступающим. Их разделяли три солдата: одного из них Нахун заколол асsegаем, двоих других отшвырнул и бросился прямо на Хаддена.

Белый человек заметил его и — даже под маской безумия — узнал; им овладел непреодолимый ужас. Все боеприпасы он уже расстрелял, поэтому, отбросив ненужное теперь ружье, он вскочил на коня и вонзил ему в бока

шпоры. Конь ринулся вперед, перескакивая через трупы, прорываясь сквозь ряды щитов, а за ним, пригнувшись и таща за собой копье, как охотничий пес за оленем, бежал Нахун.

Вначале Хадден хотел скакать к Броду Рорке, но, взглянув налево, он убедился, что путь в эту сторону преграждает полк Унди, поэтому он погнал коня вперед, полагаясь на свою удачу. Через пять минут он перемахнул через гребень холма, оставив позади всех сражающихся; через десять минут уже не было слышно никаких звуков битвы, ибо в беспорядочном отступлении к Броду Беглеца пушки почти не стреляли, а ассегаи поражают бесшумно. Странно, но даже в этот момент Хадден остро ощущал контраст между ужасными сценами кровопролитного побоища и мирными картинами окружающей природы. Здесь пели пташки, пасся домашний скот; пушечный дым не застилал здесь солнца, длинные вереницы стервятников тянулись к равнине около Исандхлваны.

Местность была очень неровная, и конь начал уставать. Хадден оглянулся через плечо — в двухстах ярдах позади за ним неотступно следовал грозный, точно Смерть, и неумолимый, точно Судьба, зулус. Он осмотрел пистолет, висевший у него на поясе, там оставался всего один заряд; патронная же сумка была пуста. Ну что ж, одной пули за глаза хватит на одного дикаря; вопрос только в том, когда ее использовать, — остановиться ли прямо сейчас? Нет, есть риск промахнуться; а у него важное преимущество, он — верхами, а его преследователь — пешком; самое разумное — вымотать все его силы.

Один за другим они пересекли небольшую реку, которая показалась знакомой Хаддену. Да, вот она, та самая заводь, где он купался, когда гостил у Умгоны, отца Нанеа; справа на холме хижины, вернее, их пепелища, ибо они сожжены. Какой странный случай занес его в эти места, удивился Хадден и оглянулся назад, на Нахуна: тот, казалось, прочитал его мысли, ибо потряс копьем и показал на разоренный крааль.

Дальше началось ровное место, и к своей радости, Хадден уже не видел за собой отставшего преследователя. Затем, на целую милю, пошли россыпи камней; миновав их, Хадден обернулся и вновь увидел Нахуна. Конь бежал из последних сил, но Хадден слепо гнал его вперед, сам не зная куда. Теперь он ехал по полоске травянистой земли, спереди доносился мелодичный перезвон реки, слева вставал высокий склон. И вдруг, не больше, чем в двадцати ярдах от себя, Хадден увидел на берегу реки кафрскую хижину. Он присмотрелся: да, конечно, это жилище проклятой ведьмы Пчелы; а вот и она сама — стоит возле ограды. Завидев ворожею, конь резко метнулся в сторону и, споткнувшись, упал. Он лежал, тяжело

дыша, на земле. Хадден вылетел из седла, но остался невредим.

— А, это ты, Черное Сердце? Как там идет сражение, Черное Сердце? — насмешливо крикнула Пчела.

— Помоги мне, Мать, — взмолился он. — За мной гонятся.

— Ну и что, Черное Сердце, — за тобой бежит всего один усталый человек. Встреть же его лицом к лицу — Черное Сердце против Белого Сердца. Ты не осмеливаешься? Тогда беги в лес, ищи там убежище среди поджидающих тебя мертвых. Скажи мне, скажи мне, не лицо ли Нанеа не так давно я видела в воде? Передай ей от меня привет, когда вы встретитесь в Доме Мертвых.

Хадден бросил взгляд на реку. Она так широко разлилась, что он не решился ее переплыть и, преследуемый злобным смехом ворожей, устремился в лес. А за ним следом — Нахун, с вывалившимся, как у волка, языком.

Хадден бежал через темный лес, вдоль реки, пока, окончательно выдохнувшись, не остановился на дальней стороне небольшой лужайки, около развесистого дерева. Нахун еще стишком далеко, чтобы метнуть копье, у него есть время вытащить пистолет и приготовиться.

— Стой, Нахун! — закричал он, как уже кричал однажды. — Я хочу с тобой поговорить.

Услышав его голос, зулус послушно остановился.

— Послушай, — сказал Хадден, — мы проделали долгий путь, мы приняли участие в долгом сражении, ты и я, и все еще живы. Если ты сделаешь шаг вперед, один из нас умрет, и это будешь ты, Нахун, потому что я вооружен, а ты знаешь, какой меткий я стрелок! Что ты скажешь?

Нахун ничего не ответил, он все еще стоял на краю лужайки, не сводя диких сверкающих глаз с лица белого, не в силах никак отдышаться.

— Отпустишь ли ты меня, если я отпущу тебя? — вновь спросил Хадден. — Я знаю, ты ненавидишь меня, но прошлого все равно не вернуть и умерших не воскресить.

Нахун ничего не ответил, и в его молчании, казалось, была заключена некая роковая сила; никакое, высказанное им обвинение не могло бы внушить Хаддену большего страха. Подняв ассегай, Нахун угрюмо направился к своему врагу.

Когда он был в пяти шагах, Хадден прицелился и выстрелил. Нахун отпрыгнул в сторону, но он был ранен в правую руку и копье пролетело над головой белого. Зулус все так же молча бросился вперед и левой рукой схватил Хаддена за горло. Несколько минут они боролись, раскачиваясь взад и вперед, но Хадден был цел и невредим и проявлял ярость отчаяния,

тогда как Нахун был дважды ранен и мог действовать только одной рукой. Хадден, с его железной силой, скоро повалил своего противника на землю.

— Ну, а сейчас я окончательно разделаюсь с тобой, — свирепо пробормотал он и повернулся, чтобы схватить асsegай. И тут же, с испуганными глазами, попятился назад. Ибо перед ним в белой накидке и с ножом в руке стоял призрак Нанеа.

«Подумать только! — пробормотал он, смутно припоминая слова иньянги. — Когда столкнешься лицом к лицу с призраком в Доме Мертвых».

Сдавленный крик, блеск стали, — и широкий наконечник копья вонзился в грудь Хаддена. Он покачнулся и упал; так Черное Сердце обрел обещанную ему Пчелой великую награду.

— Нахун! Нахун! — шептал мягкий голос. — Очнись, я не призрак, я Нанеа, твоя живая жена, которой ее эхлосе помог спасти твою жизнь.

Нахун услышал, открыл глаза, и в тот же миг безумие оставило его разум.

Ныне Нахун — один из индун английского правительства в Зулуленде. В его краале полно ребятишек. И все, о чем я здесь поведал, я узнал от его жены Нанеа.

Пчела еще жива и по-прежнему исподтишка занимается колдовством, хотя при правлении белых это запрещенное занятие. На ее черной руке сверкает золотой перстень в виде змеи с рубиновыми глазками. Пчела очень гордится этим украшением.

«TEPPA» - «TERRA»

